

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Alexander I and Mikhail Speransky:
The Destiny of Reforms in Russia

British Scientists, Their Travels,
and the Russian Cold

The 16th-Century *Poganaya Kniga*
as Published by Aleksandr Zimin

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 10 | 2022 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина, Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).
Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Кагунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

<i>Dmitry Redin. Multidimensional Manifestations of the Person in History</i>	799	<i>Dmitry Redin. Multidimensional Manifestations of the Person in History</i>	799
---	-----	---	-----

Problema voluminis

«От закона нравственного возникает и право нравственное». 250 лет со дня рождения М. М. Сперанского		<i>Moral Law Gives Rise to Moral Right. Mikhail Speransky's 250th Birthday</i>	
<i>Татьяна Андреева. Исторический опыт реформирования России в проектах и записках М. М. Сперанского</i>	811	<i>Tatiana Andreeva. The Historical Experience of Reforming Russia in M. M. Speransky's Projects and Notes.</i>	811
<i>Андрей Андреев. Александр Первый и отставка М. М. Сперанского</i>	831	<i>Andrey Andreev. Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky.</i>	831
<i>Дмитрий Тимофеев. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом</i>	848	<i>Dmitry Timofeev. Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I.</i>	848
Империя и социум		Empire and Society	
<i>Александр Кравчук. Комиссия как чрезвычайная форма управления в Российской империи (крымский вариант)</i>	867	<i>Alexandr Kravchuk. Commission as an Extraordinary Form of Management in the Russian Empire (a Crimean Version)</i>	867
<i>Михаил Белан. Сбор ополчений 1806–1812 годов в контексте социальных отношений (Санкт-Петербургская и Московская губернии)</i>	884	<i>Mikhail Belan. Raising Militias in 1806–1812 in the Context of Social Relationships (St Petersburg and Moscow Provinces)</i>	884
<i>Михаил Волхонский. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья</i>	903	<i>Mikhail Volkhonsky. The Governmental Policy of Supporting the Georgian Nobility under Alexander III: Debts and Estates</i>	903
<i>Дмитрий Бахарев, Елена Главатцкая. Городские переписи пореформенной России: аналитические традиции и практики</i>	919	<i>Dmitry Bakharev, Elena Glavatskaya. Urban Censuses in Post-Reform Russia: Analytical Traditions and Practices</i>	919

Modi studiorum

<i>Майя Петрова. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя)</i>	939	<i>Maya Petrova. The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop)</i>	939
<i>Андрей Захаров. «Написан я в первую статью в бытейщики»: социальная идентичность царедворцев и шляхетства при Петре Первом</i>	955	<i>Andrey Zakharov. The Social Identity of the Courtiers and Nobility under Peter the Great</i>	955
<i>Алевтина Сафронова. Подьячие казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта</i>	976	<i>Alevtina Safronova. State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions</i>	976

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Дмитриев. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века 991

Олег Хоруженко. Из научного наследия А. А. Зими́на: публикация «Поганой книги» 1009

Ирина Коновалова. Восточная Европа в географическом сочинении Абу ал-Фиды: личный опыт и груз традиций. 1043

Maija Jansson. Eyewitnesses to the Phenomenon of Russian Cold: Robert Boyle and the Accounts of Early Travelers North. 1057

Николай Петрухинцев. Формирование ранней петровской военной элиты: белгородские разрядные воеводы . 1084

Денис Шилов. Формулярные списки руководителей ведомств и членов Государственного совета: проблема достоверности источника 1104

Владимир Калиновский, Екатерина Самыловская. Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля 1121

Владимир Пянкевич. «Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!»: письма жителей блокадного Ленинграда к городской власти . . 1138

Константин Бугров. Заводские площадки: градостроительная специфика и культурно-историческая семантика в эпоху индустриализации 1154

Вадим Парсамов. «Идея истории» в позднем научном творчестве Ю. М. Лотмана 1175

Михаил Курмаев. Фундаментальный образец библиографического перфекционизма 1191

Владислав Ившин, Алисе Плате. “Think More about Camels”, или Обычный год истории России в необычном ракурсе. 1198

Об авторах 1213

Сокращения 1220

CONTENTS

Andrey Dmitriev. The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century . . 991

Origines

Oleg Khoruzhenko. From A. A. Zimin’s Scholarly Heritage: The Publication of the *Poganaya Kniga* 1009

Disputatio

Irina Konovalova. Eastern Europe in the Geographical Work of Abū al-Fidā’: Personal Experience and the Burden of Tradition 1043

Maija Jansson. Eyewitnesses to the Phenomenon of Russian Cold: Robert Boyle and the Accounts of Early Travelers North. 1057

Nikolay Petrukhintsev. The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes 1084

Denis Shilov. The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability 1104

Vladimir Kalinovskiy, Ekaterina Samylovskaya. The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel’s Regime 1121

Vladimir Piankevich. *Don’t We Have Enough in Russia, a Handful, to Feed Our Own?!* Letters of Citizens to the Authorities of Besieged Leningrad 1138

Konstantin Bugrov. Factory Forecourts: Peculiarities in Construction and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation . . 1154

Conceptus et conceptio

Vadim Parsamov. *The Idea of History* in Yu. M. Lotman’s Later Research 1175

Controversae et recensione

Mikhail Kurmaev. A Fundamental Example of Bibliographic Perfectionism 1191

Vladislav Ivshin, Alice Plate. “Think More about Camels”, or A Usual Year in the History of Russia Seen from an Unusual Angle 1198

On the Authors 1213

Abbreviations 1220

Multidimensional Manifestations of the Person in History

The 350th anniversary of Peter the Great overshadowed all other historical dates in Russia this year. The emperor's jubilees were probably not celebrated on such a large scale even during his lifetime. In contrast, the 250th anniversary of the birth of Count Mikhail Mikhailovich Speransky, yet another great Russian reformer, has passed unnoticed. However, it seems that historians, and specifically historians of law, should pay tribute to the memory of the son of a modest priest, who compiled the *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*, without which no historical research of this period can be done. The importance of Speransky's works – both as a statesman and as a theorist and codifier of law – can hardly be overestimated, while his role as a mentor and educator of the future Emperor Alexander II undoubtedly affected the formation of the views of his regal pupil, who subsequently abolished serfdom in Russia and initiated the Great Reforms.

These circumstances prompt the opening of the *Problema voluminis* section with a number of articles dedicated to Speransky's anniversary. In her analytical article, *Tatiana Andreeva* (St Petersburg, Russia) examines the historical basis of Speransky's legislative projects and notes, revealing his balanced and cautious approach to assessing the reforms of Peter I, Catherine II, and Alexander I. Speransky considered their reforms as the result of a unified evolutionary and formative process within imperial statehood, a search for a compromise between the Western and national vectors of state-building. One of the turning points in Speransky's career – his resignation from the post of secretary of state in 1812 – comes into focus in the article by *Andrey Andreev* (Moscow, Russia). Having studied the extensive historiography and sources, the author comes to the conclusion that Alexander I's bold decision to remove Speransky, a recently favoured reformer, was due neither to the emperor's "hypocritical" character nor to the monarch's decision to end the reforms. Rather, it was due to the tense emotional state and difficult geopolitical situation on the eve of Napoleon's invasion of Russia. Alexander I, it is argued, overly trusted the denunciations that allegedly exposed Speransky as a traitor; later, the emperor regretted his misplaced trust, admitting to his mistake.

The article by *Dmitry Timofeev* (Yekaterinburg, Russia) combines originality with thorough argumentation. The author, using a number of new sources (including the private correspondence of Speransky and V. P. Kochubey), shows how the reformist wing of the Russian political elite

was familiarizing themselves with the electoral practices of the provincial nobility, considered as the formative basis for the future government. To the surprise of the authors of the constitutional drafts, the provincial nobility was far from ideal in terms of their moral, ethical, and business qualities, as well as their views on current affairs and, sadly, their level of education. Such negative experiences with the provincial nobility and inefficient local government became cornerstones in arguments about the new constitution's untimeliness.

New research on Speransky acts as a kind of tuning fork for the *Problema voluminis* section. Firstly, the articles grouped into the sub-section *Empire and Society* offer a chronological continuation from the "Speransky" period to the "post-Speransky" era, i. e., from the height of the Russian Empire to its decline. Secondly, the offered works are thematically united, discussing the state regulation of social relations and how it varied depending on the region and chronological period. *Alexandr Kravchuk* (Simferopol, Russia) writes about how the authorities, taking into account the specifics of the region, tried to resolve complex and conflicting inter-religious situations. *Mikhail Belan* (Oxford, UK) demonstrates how the common people took part in such processes and how the communication of the regional administration and local communities with the imperial centre was carried out. In turn, *Mikhail Volkhonsky* (Moscow, Russia) looks at whether the claims of these communities were justified or overstated. The section concludes with an article by *Dmitry Bakharev* and *Elena Glavatskaya* (Yekaterinburg, Russia), who present a study of the historiographical acquisition of town census data in post-reform Russia, a data set that can indeed be considered a mirror of Russian society. Collected together, these articles create a rather diverse picture of relations within the banal dichotomy between "power and society", in which the government is predictably soulless, bureaucratized, and incapable of flexible solutions, while society is oppressed and in a constant struggle for the truth.

In this issue, we continue the *Modi studiorum* section started last year (QR, 2021, vol. 9, no. 3) with the objective of focusing our readers' attention on research methods that often remain under the radar, but are in fact an important condition for productive research. In 2021, the focus of this section was on the interdisciplinary use of methods in the practices of various historical and humanities disciplines. The current issue shows the possibilities of the prosopographical method when combined with source-based practices for studying various social groups in eighteenth-century Russia. In this selection of articles, chronologically related to the Petrine and post-Petrine periods, we pay tribute to the tsar's jubilee.

Maya Petrova (Moscow, Russia) offers modern prosopographical methods and approaches in her study of the biographies of the Roman grammarian Donatus (fourth century AD) and his entourage. This article is a kind of introduction to the thematic collection. Firstly, this is because prosopography itself, having its origins in the Western European intellectual

environment of the early modern period, developed through descriptions of the heroes of classical antiquity. Secondly, in medieval Russian literature, Donatus' works had a significant impact on the development of educational literature. As such, Donatus' essay *Ars Grammatica*, first translated by Dmitry Gerasimov at the turn of the fifteenth-sixteenth century, was subsequently included in the educational repertoire (as late as the *Grammar* of Meleti Smotrisky). The article by *Andrey Zakharov* (Chelyabinsk, Russia) identifies the rarefied terms that denoted the ranks of various categories of service people in Petrine accounting documentation. It then analyses the evolution of the social identity of these groups and the internal consolidation of the Russian nobility based on these semantic fields. The social behaviour of clerks employed at state-owned factory offices in the first third of the eighteenth century, as well as their origin, numbers, work, and life, are the subject of the article by *Alevtina Safronova* (Yekaterinburg, Russia). *Andrey Dmitriev* (Novosibirsk, Russia) attempts to look at the specifics of the military class in post-Petrine Russia by studying the marital status of garrison officers. Working in the field of "analytical prosopography", each of the articles offers descriptions of social groups, going back to the trends outlined as early as the middle of the eighteenth century [Stone; Barnes].

The *Disputatio* section is usually free from rigid thematic grouping; however, it also echoes the aforementioned themes. Articles by *Nikolay Petrukhintsev* (Lipetsk, Russia) on the career trajectories of three prominent military leaders in Peter the Great's reign (A. S. Shein, B. P. Sheremetev, and Prince Ya. F. Dolgorukov) and by *Denis Shilov* (St Petersburg, Russia) on the career lists of department heads and members of the State Council of the Russian Empire are indeed close to prosopography. Petrukhintsev is interested in the formation of a new military elite in Russia and the meaning of the post of the voivode of Belgorod; Shilov's article, in its turn, studies the source potential of career lists. For reasons of chronological framework, articles by *Vladimir Kalinovsky* and *Ekaterina Samylovskaya* (St Petersburg, Russia) and *Vladimir Piankevich* (St Petersburg, Russia) were not included in the *Problema voluminis* section. The first publishes and interprets material about the attempts of Baron P. N. Wrangel's regime to build a balanced ethno-confessional policy in "white" Crimea, while the second reveals the desperate attempts of Leningrad residents to mitigate the horror of their existence during the tragic years of the siege through written appeals to the authorities.

In this section, we offer three articles, grouped by their subject and chronology. *Irina Konovalova* (Moscow, Russia) gives a source description of the work of the Arab author Abū al-Fidā' (first third of the fourteenth century), which contains valuable information on the history of Eastern Europe. The author studies the sources of the al-Fidā' text, explaining the principles of material selection in this composition, as well as its structure and content, deducing them from the personal experience of the medieval

scholar. A detailed article by *Maija Jansson* (New Haven, USA) studies the history of research on the *cold* as a phenomenon, carried out in the 1660s by the famous English natural philosopher Robert Boyle. Interestingly, the famous scientist, as reported in the article, found empirical material for his research in descriptions of the *Russian cold* (and its effects on people and objects) made almost 80 years previously by Giles Fletcher, the English ambassador to the Russian court in 1588. *Konstantin Bugrov* (Yekaterinburg, Russia) studies the representative and town-planning aspects of factory forecourts during Soviet industrialisation, taking specific interest in their cultural and historical function.

We are thrilled to offer rather sensational material in the *Origines* section. *Oleg Khoruzhenko* (Moscow, Russia) found a previously unpublished manuscript of the outstanding Soviet historian A. A. Zimin, continued by his student M. E. Bychkova, a well-known researcher of the textual history of genealogical books. We publish the so-called *Poganaya Kniga* by the scribe Dmitry Kitaev and prepared for publication by Zimin, a seventeenth-century genealogical pamphlet created on the basis of the scribe book of the *Votskaya Pyatina* of 1500. This publication is a significant piece of the academic heritage from a prominent historian and his school: it can be considered an important source on the political and social history of Russia, as well as on its historiography.

The *Controversiae et recensiones* section presents the reflections of *Vadim Parsamov* (Moscow, Russia) on the evolution of the views of Yu. M. Lotman, the founder of the Moscow-Tartu School of Semiotics, on history and the unpredictability of the historical process in a polemic with representatives of *L'École des Annales*.

The issue concludes with the overview of *Mikhail Kurmaev* (Samara, Russia) of the fundamental consolidated catalogue of printed reports of governors, governors-general, and mayors of the Russian Empire between 1845 and 1916, composed by A. I. Razdorsky, as well as the review of *Vladislav Ivshin* and *Alice Plate* (Yekaterinburg, Russia) on the latest study by the American historian of Russia Paul Werth, *1837: Russia's Quiet Revolution*.

The current issue of *Quaestio Rossica* is rich and integral in its focus on understanding the anthropological dimension of the past. Human destinies, career trajectories, corporate interests, class, national, and confessional contradictions, and strategies for overcoming them – all this ultimately creates the multi-layered and multicoloured canvas that we call history.

Dmitry Redin
Institute of History and Archeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

350-летний юбилей Петра Великого затмил в этом году собою все. С таким размахом круглые даты императора не праздновали, наверное, даже при его жизни – и год еще не закончился! Количество научных конференций, статей и монографий, состоявшихся в 2022 г. на «петровскую» тему, еще предстоит подсчитать – сам великий реформатор, будь у него такая возможность, вероятно, узнал бы про себя много нового. За петровскими торжествами как-то незаметно прошел юбилей другого реформатора – 250-летие со дня рождения графа Михаила Михайловича Сперанского. Этих двух людей, чье появление на свет разделяет столетие, едва ли следует сравнивать, уж очень многое их отличает друг от друга. Но историки и историки права должны воздать долг памяти сыну скромного священника хотя бы за то, что его трудами на свет появилось «Полное собрание законов Российской империи» – то самое ПСЗ, без обращения к которому, в том числе для изучения истории петровских реформ, не может обойтись ни одно исследование. Да только ли за это? Труды М. М. Сперанского – и как государственного деятеля, и как теоретика и кодификатора права – трудно переоценить, а его роль наставника и воспитателя цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II, несомненно, сказалась на формировании взглядов воспитанника, отменившего в России крепостное право и инициировавшего комплекс Великих реформ.

Эти обстоятельства побудили нас, несколько нарушив общий лад, открыть рубрику *Problema voluminis* не одой Петру Великому, а блоком статей, посвященных юбилею Сперанского. Она открывается аналитической статьей *Татьяны Андреевой* (Санкт-Петербург, Россия), в которой исследуется историческая основа законодательных проектов и записок М. М. Сперанского, выявляется его взвешенный и осторожный подход к оценкам реформ Петра I, Екатерины II и Александра I, чью деятельность он рассматривал как результат единого эволюционного процесса становления имперской государственности, направленного на поиск компромисса между западными образцами и национальными традициями государственного строительства. Один из поворотных моментов в карьере реформатора – отставка с поста государственного секретаря в 1812 г. – оказался в фокусе внимания *Андрея Андреева* (Москва, Россия). Тщательно изучив весьма обширную историографию и источники, автор приходит к выводу, что жесткое решение Александра I расправиться с недавним близким соратником, приведшее к отставке последнего, было связано не с «лицемерным» характе-

ром императора и уж, тем более, не с решением покончить с реформаторским курсом, а с напряженным эмоциональным состоянием и сложной геополитической обстановкой накануне наполеоновского вторжения в Россию. При таких обстоятельствах Александр излишне доверился доносам, ложно изобличившим в Сперанском изменника, о чем впоследствии сожалел, признав свою неправоту. Оригинальностью и основательной аргументированностью отличается статья *Дмитрия Тимофеева* (Екатеринбург, Россия). В ней автор на основе анализа комплекса новых источников, в том числе частной переписки М. М. Сперанского и В. П. Кочубея, раскрывает процесс знакомства представителей реформаторского крыла русской политической элиты с электоральными практиками провинциального дворянства, которое рассматривалось ими в качестве основы формирования будущих органов сословного представительства страны. К неприятному удивлению авторов конституционных проектов оказалось, что по своим морально-этическим и деловым качествам, общественным взглядам и уровню образования провинциальная дворянская среда оказалась очень далека от идеала. Автор статьи делает вывод, что негативный опыт дворянских электоральных практик и неэффективность системы местного управления стали аргументами, подтверждавшими несвоевременность учреждения конституции.

Материалы о М. М. Сперанском стали своеобразным камертоном настройки продолжения рубрики *Problema voluminis*. В первых, статьи, сгруппированные вокруг подзаголовка *Империя и социум*, оказались очень близки друг другу по хронологии: это «время Сперанского» и «после Сперанского», зрелая и поздняя Российская империя. Во-вторых, как свидетельствует заголовок, они являются тематически очень цельными: речь в них идет, по большому счету, о том, как варьировались практики государственного регулирования социальных отношений в зависимости от регионов и хронологических периодов. О том, как власти с учетом специфики региона пытались разрешить сложные и конфликтные межсословные и межконфессиональные ситуации (*Александр Кравчук*, Симферополь, Россия). О том, какое участие в этих процессах принимали сами люди; как, каким образом, с помощью каких механизмов осуществлялась обратная связь региональных и локальных сообществ с центром (*Михаил Белан*, Оксфорд, Великобритания). Насколько обоснованными или завышенными были претензии этих сообществ к центральной власти (*Михаил Волхонский*, Москва, Россия). Наконец, завершает рубрику источниковедческая статья *Дмитрия Бахарева и Елены Главацкой* (Екатеринбург, Россия), в которой представлено исследование эволюции историографического освоения данных переписей

городов пореформенной России – этого зеркала российского общества. В целом же, как представляется, ценность статей, объединенных рубрикой, заключается в том, что в совокупности они дают очень диверсифицированную картину отношений в ставшей уже банальной бинарности «власть и общество», в которой власть предсказуемо бездушна, бюрократизирована и не способна к гибким решениям, а общество страдательно, угнетаемо и находится в постоянной борьбе за правду.

В этом номере мы продолжаем начатую в прошлом году рубрику *Modi studiorum* (QR, 2021, т. 9, № 3). Затевая эту рубрику, мы ставили целью акцентировать внимание читателей на «инструментальной» стороне гуманитарного научного знания; на методах, которые часто остаются незаметными, но которые, если их значение на абсолютизировать до абсурда, являются важным условием продуктивного исследования. В прошлый раз в центре нашего внимания была проблема междисциплинарного использования методов, возникших из практик различных исторических и гуманитарных дисциплин для решения той или иной конкретной исследовательской задачи. В этот раз мы решили показать возможности просопографического метода в сочетании с источниковедческими практиками изучения по преимуществу различных социальных групп России XVIII в. В этом блоке, хронологически относящемся к петровскому и ближайшему постпетровскому периодам нашей истории, мы таким образом воздаем должное и сюжетике петровского юбилея.

Открывает рубрику статья *Майи Петровой* (Москва, Россия), на первый взгляд, по содержанию далекая и от русского XVIII в., и от россики как таковой. Современные методы и подходы просопографии автор раскрывает в исследовании биографий римского грамматиста Доната (IV в.) и его окружения. Тем не менее, мы выбрали эту статью в качестве своеобразного введения в тематическую подборку вполне осознанно. Во-первых, потому, что сам метод просопографии, получив свое начало в западноевропейской интеллектуальной среде раннего Нового времени, оттачивался зачастую на описаниях героев классической Античности. Во-вторых, потому, что древнерусской книжности труды Доната не были чужды и оказали значительное влияние на развитие русской учебной литературы (в частности, Донатова *Ars grammatica*, впервые переведенная Дмитрием Герасимовым на рубеже XV–XVI вв. и в дальнейшем прочно вошедшая в учебный репертуар вплоть до «Грамматики» Мелетия Смотрицкого). Выявлению редких терминов, обозначавших служебные ранги различных категорий служилых людей в учетной документации Петровской эпохи, и анализу эволюции социальной идентичности этих групп, «дрейфующей» в сто-

рону внутрисословной консолидации русского дворянства, посвящена статья *Андрея Захарова* (Челябинск, Россия). Социальный облик подьячих казенных заводских контор первой трети XVIII в., их происхождение, динамика численности и обстоятельства труда и быта, формировавшие из них особую общность, – предмет исследования *Алевтины Сафроновой* (Екатеринбург, Россия). Решение проблемы существования специфического «военного сословия» в постпетровской России на основе изучения семейного положения офицеров гарнизонных войск русской армии предложено *Андреем Дмитриевым* (Новосибирск, Россия). Каждая из статей рубрики в конечном итоге представляет просопографические описания указанных социальных групп в духе «аналитической просопографии», восходящей к тенденциям, намеченным еще с середины XVIII столетия [Stone; Barnes].

Рубрика *Disputatio*, традиционно отличающаяся большим разнообразием, поскольку она свободна от жесткой тематической привязки, тем не менее, также имеет переключки с охарактеризованными выше разделами. Статьи *Николая Петрухинцева* (Липецк, Россия) о карьерных траекториях трех видных военачальников петровского царствования (А. С. Шеина, Б. П. Шереметева и кн. Я. Ф. Долгорукова) и *Дениса Шилова* (Санкт-Петербург, Россия) о формулярных списках руководителей ведомств и членов Госсвета Российской империи вполне близки просопографической тематике. В то же время их целеполагания побудили нас вынести их на «свободную трибуну». Н. Петрухинцева интересуют в первую очередь процесс формирования новой военной элиты России и место, которое в этом процессе занимала должность воеводы Белгородского разряда. Что же касается статьи Д. Шилова, то она посвящена не анализу характеристик высшего российского чиновничества, а источниковедческому потенциалу формулярных списков. Лишь соображения хронологии не позволили нам отнести к рубрике *Problema voluminis* статьи *Владимира Калиновского* и *Екатерины Самыловской* (Санкт-Петербург, Россия) и *Владимира Пянкевича* (Санкт-Петербург, Россия). В первой приведен и проинтерпретирован интересный материал о попытках режима барона П. Н. Врангеля выстроить сбалансированную этноконфессиональную политику в «белом» Крыму, а вторая раскрывает отчаянные попытки жителей Ленинграда через различные приемы письменных обращений к власти хоть как-то смягчить ужас своего существования в трагические годы блокады.

В этой рубрике выделяются по тематике и хронологии три статьи. *Ирина Коновалова* (Москва, Россия) дает источниковедческую характеристику сочинения арабского автора Абу ал-Фиды (первая треть XIV в.), содержащего ценные сведения по истории Восточной

Европы. Автор раскрывает источники текста ал-Фиды, объясняет принципы отбора материала в сочинение, его структуру и особенности содержания, выводя их из личного опыта ученого. В обстоятельной статье *Майи Янссон* (Нью-Хейвен, США) речь идет об исследованиях феномена холода, осуществлявшихся в 1660-х гг. известным английским натурфилософом Робертом Бойлем. Эмпирический материал для своих изысканий ученый, как сообщается в статье, сумел найти в описаниях русского холода (его воздействия на людей и предметы), сделанных почти за 80 лет до этого Джильсом Флетчером, английским послом при русском дворе в 1588 г. Репрезентативным и градостроительным функциям заводских площадей советских городов эпохи индустриализации, их культурно-историческому значению посвящена статья *Константина Бугрова* (Екатеринбург, Россия).

Своего рода сенсационный материал представлен в рубрике *Origines*. В ней впервые опубликована выявленная *Олегом Хоруженко* (Москва, Россия) рукопись выдающегося советского историка А. А. Зимина, работа над которой была продолжена его ученицей, известной исследовательницей текстологии родословных книг М. Е. Бычковой. Она представляет собой подготовленную Зиминим к печати, но так и не опубликованную «Поганую книгу» – родословный памфлет XVII в., созданный на основе писцово-книги Вотской пятины 1500 г. писца Дмитрия Китаева. Данная публикация, не учтенная даже в перечне неизданных работ А. А. Зимина, ценна и как важный источник по политической и социальной истории России, и как историографический источник – значимый фрагмент научного наследия А. А. Зимина и его школы.

В рубрике *Controversiae et recensione* представлены размышления *Вадима Парсамова* (Москва, Россия) об эволюции взглядов основателя Московско-тартуской школы семиотики Ю. М. Лотмана на историю и о формировании его концепции о непредсказуемости исторического процесса в полемике с представителями школы «Анналов».

Завершают номер рецензии *Михаила Курмаева* (Самара, Россия) на фундаментальный сводный каталог печатных всеподданнейших отчетов наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи 1845–1916 гг. А. И. Раздорского и *Владислава Ившина* и *Алисы Плате* (Екатеринбург, Россия) на новейшее исследование американского историка-русиста Пола Верта *1837: Russia's Quiet Revolution*.

Если подвести итог, то можно заметить, что представляемый номер получился необычайно насыщенным и цельным в своей направленности на осмысление антропологического измерения прошлого. Людские судьбы, карьерные траектории, корпоративные

интересы, сословные, национальные и конфессиональные противоречия и стратегии их преодоления – все это в конечном счете и создает то многослойное и многоцветное полотно, которое мы называем историей.

Дмитрий Редин
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Список литературы

- Stone L.* Prosopography // *Daedalus*. 1971. Iss. 1 (100). P. 46–79.
Barnes T. D. Prosopography Modern and Ancient // *Prosopography Approaches and Applications* / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford : Occasional Publ. UPR, 2007. P. 71–82.

References

- Stone, L. (1971). Prosopography. In *Daedalus*. Iss. 1 (100), pp. 46–79.
Barnes, T. D. (2007). Prosopography Modern and Ancient. In Keats-Rohan, K. S. B. (Ed.), *Prosopography Approaches and Applications*. Oxford, Occasional Publ. UPR, pp. 71–82.

Problema voluminis

MORAL LAW GIVES RISE TO MORAL RIGHT.
MIKHAIL SPERANSKY'S 250th BIRTHDAY
EMPIRE AND SOCIETY

М. М. Сперанский. Гравюра П. И. Разумихина. 1840-е гг.
M. M. Speransky. Engraving by P. I. Razumikhin. 1840s

Problema voluminis

«ОТ ЗАКОНА НРАВСТВЕННОГО ВОЗНИКАЕТ И ПРАВО НРАВСТВЕННОЕ».
250 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО
ИМПЕРИЯ И СОЦИУМ

**MORAL LAW GIVES RISE TO MORAL RIGHT.
MIKHAIL SPERANSKY'S 250th BIRTHDAY**

DOI 10.15826/qr.2022.3.703

УДК 94(470)"17/18" + 340.1Сперанский + 35.07 + 321.61 + 323.2 + 930

**Исторический опыт реформирования России
в проектах и записках М. М. Сперанского***

Татьяна Андреева

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

**The Historical Experience of Reforming Russia
in M. M. Speransky's Projects and Notes**

Tatiana Andreeva

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article studies the historical basis of M. M. Speransky's legislative projects and notes, the definition of features of historicism, and the identification of distinctive features of his concept and periodisation of the history of Russia. The most significant feature of Speransky's historicism was a juridical view of the Russian past and also the fact that he regarded the Russian historical process as the evolution of legislation in close connection with the development of statehood. Special attention is paid to Speransky's assessments of the modernisation processes of the seventeenth and eighteenth centuries, the significance of domestic codes and, more particularly, the Regulations of 1649. Also, the author focuses on the role of the "reformers on the throne", i. e. Peter I and Catherine II in developing domestic legislation and improving public administration. The reformer considered the governmental search for the ordering and systematisation of laws over the 100 years of the imperial period a single integral process and an integral part of Russian modernisation, and associated it with the reform of the administrative

---

* *Citation:* Andreeva, T. (2022). The Historical Experience of Reforming Russia in M. M. Speransky's Projects and Notes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703.

Цитирование: Andreeva T. The Historical Experience of Reforming Russia in M. M. Speransky's Projects and Notes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703 / Андреева Т. Исторический опыт реформирования России в проектах и записках М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 811–830. DOI 10.15826/qr.2022.3.703.

system of the empire. Nevertheless, he is characterised by a cautious and balanced attitude to the transformative legacy of the preceding eras. The ambiguity of Speransky's historical assessments relied on the combination of Western-inspired and original tendencies in his historical consciousness. At the same time, the paper shows that his restrained characteristics of unsuccessful experiments on the creation of a new Code, the consequences and results of institutional reforms resulted from the official compromise-driven concept of state-building according to Western models with their adaptation to national conditions, which caused the Russian development model to catch up.

Keywords: M. M. Speransky, history of Russia in the 17th–18th centuries, Code of 1649, absolute monarchy, government policy in the field of legislation, Commission for drawing up a new Code, modernisation of public administration

Статья посвящена изучению исторической основы законодательных проектов и записок М. М. Сперанского, определению особенностей историзма, выявлению отличительных черт его концепции и периодизации истории России. Важнейшей особенностью историзма Сперанского были юридический взгляд на русское прошлое и рассмотрение российского исторического процесса как эволюции законодательства в тесной связи с развитием государственности. Особое внимание в работе уделено отношению Сперанского к официальному реформаторству XVIII – начала XIX в., определению значения отечественных кодексов, прежде всего Уложения 1649 г., и роли «реформаторов на троне» – Петра I, Екатерины II, Александра I – в становлении отечественного законодательства и усовершенствовании государственного управления. Правительственные поиски упорядочения и систематизации законов почти за сто лет имперского периода (1700–1801) Сперанский рассматривал как единое и целостное явление, составную часть российской модернизации и связывал их с преобразованием административной системы империи. В статье показано, что реформатору было присуще осторожное взвешенное отношение к преобразовательному опыту предыдущих эпох. Неоднозначность исторических оценок Сперанского во многом основывалась на сочетании в его историческом сознании западных и самобытных тенденций. Помимо этого, сдержанные характеристики неудачных попыток создания в XVIII в. нового Уложения, последствий и результатов институциональных реформ определялись официальной компромиссной концепцией государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к национальным условиям, что обуславливало догоняющую модель развития России.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, история России XVIII – начала XIX в., Уложение 1649 г., абсолютная монархия, правительственная политика в сфере законодательства, Комиссия для составления нового Уложения, модернизация государственного управления

12 января 2022 г. исполнилось 250 лет со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского (1772–1839). Крупнейший государственный деятель XIX в., основатель современной системы административного управления, он внес огромный вклад в развитие российской государственности. Однако, несмотря на общепризнанное значение

Сперанского как выдающегося реформатора России, существенно повлиявшего на ее цивилизационную судьбу, в науке по-прежнему нет полного и четкого представления о концептуальных основах его преобразовательной деятельности.

Важнейшей составляющей теоретико-концептуальной матрицы реформаторского наследия Сперанского является его концепция русского исторического процесса, которой до сих пор в историографии не уделяется должного внимания. Единственная работа В. А. Корнилова, посвященная историческим взглядам Сперанского, в большей степени касается историософских и историко-юридических концептов реформатора [Корнилов, с. 16–20]. Между тем, специфической чертой правительственной программы модернизации России, обусловленной внешними и внутренними вызовами и воплощенной в проектах и записках Сперанского александровского и николаевского царствований, была официальная установка на использование преобразовательного опыта предыдущих эпох, позволявшая избежать как ошибок прошлого, так и радикализма западной цивилизации и выработать наиболее безболезненный путь естественного развития.

В предлагаемой статье ставится задача изучить основные аспекты исторической основы законодательных проектов Сперанского, выявить отличительные черты его периодизации и концепции русской истории, рассмотреть методологические подходы к историческим дискурсам, связанным с созданием и эволюцией Российской империи. Актуальность, новизна и научная значимость исследования обусловлены отсутствием специальных работ, посвященных данной теме, а также рассмотрением ее в контексте преобразовательной политики власти. Акцент сделан на анализе тех работ Сперанского, в которых представлены более или менее подробные характеристики и оценки важнейших законодательных и институциональных явлений социально-политической истории России XVIII – начала XIX в.

Александровский период государственной деятельности Сперанского пришелся на время, которое с полным основанием можно назвать эпохой историзма. Начало XIX столетия характеризуется не только общественным интересом к истории России, но и существенными изменениями в отечественном историческом знании, которое именно в это время оформляется в науку. Утверждение принципов историзма, объективности, научного познания прошлого, осмысление его на основе критического анализа источников сочетались с интересом к философии истории. Еще с эпохи Просвещения актуализировался просветительский историзм как определенная система взглядов, важнейшей чертой которой было преодоление метафизического принципа изысканий. Под влиянием просветителей был поставлен вопрос об историческом процессе, то есть о внутренней связи событий, их обусловленности и определенной направленности. Вслед за Вольтером утверждался проблемный подход к изучению и изложению материала, важным при-

знавалось исследование внутреннего строя государства и общества, находившего выражение в состоянии законодательства, экономики, промышленности, финансов. Под воздействием Ш.-Л. Монтескье все более отчетливо проявлял себя юридический взгляд на всемирную историю. Влияние аббата Г.-Б. Мабли сказывалось на распространении идеала представительного правления и критике идейных основ феодализма. Этому же способствовала теория естественного права и общественного договора Ж.-Ж. Руссо, направленная на демонстрацию «неестественности» феодальных порядков и феодального абсолютизма [Алпатов, с. 86–108, 175, 178, 181].

С периода Реставрации, когда совершался переход от просветительского историзма к романтическому в лице либерально-буржуазных мыслителей и историков И. Бентама, Ф.-П. Гизо, Ж. Мишле, О. Тьерри, хотя и являвшихся преемниками просветителей, но преодолевших крайности рационализма и материализма Просвещения, и усилилось проникновение в Россию либеральных идей, историческое мышление стало занимать все большее место не только в русской литературе, но и в политической мысли. К историчности как отношению к прошлому, формирующемуся в результате профессионального исторического исследования, добавлялась историчность как средство создания ценностного представления об истории путем придания ей опытного апробационного смысла, рассмотрения ее как неоконченного процесса. В последнем аспекте центральное место в изучении занимала не столько концепция, сколько историческая память, важнейшими составляющими которой были системный и коммуникативный подходы. С наибольшей яркостью это проявлялось в проективных материалах первой трети XIX в. (официального и личного происхождения), одной из главных задач исторических экскурсов которых было выявление связи институциональных и социальных модернизационных процессов прошлого и настоящего. В проектах и записках этого времени, исходящих от ориентированных на Запад представителей управленческой элиты, помимо стратегической установки на адаптацию к российским условиям европейского либерального теоретического и практического «достояния», просматривается стремление учитывать отечественный реформаторский опыт. Чиновники высшего эшелона власти, впервые в широком объеме получившие возможность участвовать в формировании преобразовательной политики, в своих программных документах сочетали принцип постепенного и осторожного использования достижений передовой философской и социально-экономической мысли с положением об особом историческом пути России, соединяли «либеральные и патерналистские ценности» [Тимофеев, 2006, с. 12, 15, 49, 189–191].

Мобилизацию исторического опыта реформирования России в своем проективном творчестве александровского и николаевского царствований использовал и Сперанский. Постоянным императивом

его сочинений являлась установка на изучение предшествующего преобразовательного багажа. В записке от 15 ноября 1826 г. об организации Комитета 6 декабря 1826 г., главной целью деятельности которого было формирование программы модернизации административной системы и социального строя империи, первой задачей поставлено «рассмотреть историю перемен в общих и главных чертах, особенно перемен, следовавших в течение последних 25 лет» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 99. Л. 4 об.]. Как в опубликованных работах 1801–1809 гг., так и в рукописных проектах и записках Сперанского второй половины 1820-х – начала 1830-х гг. присутствуют исторические очерки или затрагиваются отдельные вопросы русской истории, связанные с правительственным реформаторством прошлого [Там же. Д. 67. Л. 20–63 об.; Д. 69. Л. 2 об. –9 об.; Д. 75. Л. 5 об., 7 об.]. Об интересе Сперанского к событиям и явлениям русской истории свидетельствуют также материалы, которые сохранились в его архиве. Среди них – выписки из Русской Правды, договорных и жалованных грамот 1328–1486 гг., собственноручный список универсала гетмана Мазепы 1702 г., писарские копии манифеста «О предосудительных поступках царицы Евдокии» 5 марта 1718 г. и всеподданнейшего доклада Сената 13 декабря 1763 г. «об истязании крепостных людей» помещицей Д. Н. Салтыковой [Там же. Д. 871, 873, 879].

В целом для исторического сознания Сперанского, выходца из духовного звания и глубоко верующего человека, характерно сочетание просветительского принципа единства исторического процесса и естественного прогресса, закономерности государственного и общественного развития, важнейшего концепта романтизма о взаимосвязи эволюции природы и истории человечества и идеи Бога как творца всего сущего. Богословские сочинения реформатора за 1801–1836 гг. занимают важное место в его творческом наследии [Там же. Д. 1761–1833]. Но и в преобразовательных проектах Сперанского присутствует идея Божественного происхождения человеческого общества. В работе 1822 г. «Основания российского права» сказано:

Верховный закон Вселенная есть воля Божия. Ею распределяются и ограничиваются силы нравственные для соединения их в один состав, который именуется обществом... Общества человеческие Богом установлены для нравственного людей образования [Там же. Д. 1205. Л. 29 об.].

Тем не менее, реформатор был далек от провиденциальной формы историзма, как и И.-Г. Гердер, отрицал всякий догматизм, в том числе религиозный. Считая, что история человечества представляет собой движение по восходящей линии, главным рычагом цивилизации он определял гармонию двух стихий – законов естественного развития и преобразующей, охраняющей силы государства. В записке 1802 г. «О коренных законах государства» Сперанский указывал:

Каждое государство имеет силы, самую природою в известной степени ему данные... Никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их личности, в их имуществе, в их чести [Сперанский, 1961, с. 29, 75].

Историзму Сперанского присущи также следующие главные тенденции, идущие от исторических трудов Монтескьё, Вольтера и Т. Юма: юридический взгляд на историю, идея авторитета разума и роли верховных правителей в развитии правовых и государственно-общественных институтов, а также отрицательное отношение к социальной и политической борьбе. Следует подчеркнуть, что именно сочинения «великого человека Монтескьё», знакомые Сперанскому со времени обучения во Владимирской духовной семинарии, лучшим учеником в классе философии которой он являлся, были предметом его приоритетных обращений и глубоких раздумий [Там же, с. 18, 20, 42, 84, 85, 118].

И все же главным предметом его исторических изысканий являлась отечественная история. Вслед за Монтескьё Сперанский рассматривал российский исторический процесс как эволюцию законодательства в тесной связи с развитием государственности. В упоминаемой записке «Основания русского права» дается следующая периодизация русской истории, обусловленная историей права и состоящая из четырех периодов:

I эпоха: Русской Правды от 1020 до 1550.

II эпоха: Судебника от 1550 до 1649. В сей эпохе оба судебника, как в. к. Ивана Васильевича, так и царя Ивана Васильевича, слагаются воедино: ибо последний есть дополнение и усовершенствование первого.

III эпоха: Соборное уложение от 1649 до 1689.

IV эпоха: законодательство царствования Петра Великого от 1689 до настоящего времени [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 1205. Л. 32 об. -33].

Как видно, в полном согласии с идеями Просвещения реформатор отдает предпочтение документам официального происхождения, прежде всего законодательным памятникам. Включение кодексов в решение проблем исторического познания для Сперанского во многом было связано с необходимостью утверждения идеи самобытности отечественного права, положения «о несовместимости Юстиниановой системы с российским законодательством». Он включал Россию в европейский мир, но считал, что история ее права носила самостоятельный характер. В «Трактатах по юриспруденции» 1828–1833 гг. он полностью отвергал рецепцию римского права в российских кодексах и утверждал:

Подлинники законов, до нас дошедшие, указывают нам совсем другие источники. Русская Правда очевидный имеет отпечаток северных германских законов. Новгородские грамоты и судебники разных годов,

сохраняя некоторое сходство с теми законами, имеют уже свой местный, природный облик. Уложению 1649 года хотя и постановлено принимать в соображение гражданские законы греческих царей, и хотя, быть может, некоторые законы и действительно оттуда заимствованы, но ни в языке, ни в системе Уложения нет ничего римского, ничего Юстинианова [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 953. Л. 65–66].

Для реформатора преемственность законодательных норм начиная с Русской Правды очевидна. Возникшая на общеславянской основе, хотя имевшая византийские и немецкие корни, она представляла собой «первый законодательный памятник древнерусского государства». Судебники же 1497 и 1550 гг. как итог всей предыдущей законодательной деятельности своими источниками имели и древнее, и современное право. Исходя из фундаментальной идеи просветительно-буржуазной историографии о значении законодательства в истории России Сперанский при безусловно отрицательном отношении к деспотизму подчеркивал организующую роль монархической власти в развитии отечественного права: «Мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянною мыслию всех наших законодателей» [Сперанский, 1833, с. 53].

Важнейшими в истории России Сперанский считал XVII–XIX вв., когда происходили крупные изменения в фундаментальном законодательстве, административной системе и общественном строе страны. В записке 1827 г. для чиновников Второго отделения СЕИВК, занимавшихся составлением исторического свода для свода законов Российской империи, он указывал, что все изложение следует разделить на четыре периода. Первый период – «Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, которое составляет само собою эпоху, ибо на оном основаны все после изданные узаконения»; второй – от Уложения до 1714 г., также представлявший «особенную эпоху», поскольку в это время судопроизводство происходило на основании статей Уложения; третий период заключен в рамки от 1714 г. до царствования Екатерины II, когда «были дополнены многие прежние узаконения». Главным же Сперанский определял четвертый период «с 1762 года до настоящего времени», который знаменовался тем, что «законодательство получило во многих отношениях совершенно новый вид» [РГИА. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 87. Л. 141–142].

К анализу законодательства XVII в. Сперанский обращался несколько раз в своем творчестве и александровского, и николаевского времени. При этом приоритетное внимание было отдано Уложению 1649 г., которое рассматривалось с теоретической и исторической точек зрения. В том же «Отрывке о Комиссии уложения» 1802 г., выявляя институциональную сущность Уложения, он подчеркивал:

Уложение есть коренной закон государства... закон фундаментальный и непременный... Оно есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу... Уложение может приготовить путь к ней и расположить ум народный [Сперанский, 1961, с. 21, 22].

Следует сказать, что представления Сперанского находились вполне в рамках социально-политического лексикона начала XIX в. В это время конституция рассматривалась в категориях континентальной правовой системы XVIII в. и в рамках концепции «законной монархии» как «собрание коренных законов». Закрепляющая единые правовые принципы регламентации государственной и общественной жизни, устанавливающая «оптимальное соотношение прав и обязанностей граждан», конституция представлялась важнейшим инструментом укрепления российской государственности [Тимофеев, 2011, с. 309, 321]. Уложение же, полагал Сперанский, будучи ее частью, утверждало правопорядок, при котором сословная структура общества, социальный статус и имущественное положение отдельных состояний и сословий, их взаимоотношения друг с другом и органами власти, судоустройство и судопроизводство обеспечивались и гарантировались исходящими от монарха фундаментальными законами. Важнейшей функцией Уложения он считал идеологическую подготовку к введению конституции.

Обращаясь к определению исторического значения Уложения 1649 г., Сперанский подчеркивал, что оно являлось «более сводом законов прежних, нежели закон новый», и все же признавал его огромное значение в развитии российского государства и права. Поэтому неудивительно, что «великое дело законодательства» с 1700 по 1720 г., а затем с 1726 по 1754 г. было направлено на создание «сводного Уложения», основанного на Уложении 1649 г., которое, «занимая главное место, было пояснено и дополнено последующими узаконениями» [Сперанский, 1833, с. 8–9, 15, 17, 27–28, 42–54].

И все же представления Сперанского царствований Александра I и Николая I о первом имперском периоде законодательных работ, роли в создании «Книги законов» носителей верховной власти имеют существенные расхождения. В проектах раннего этапа его творчества правительственная деятельность определялась как спорадическая, бессистемная, лишенная «постоянного плана», «постоянного и твердого движения вперед». Стратегической же целью преобразовательной политики в сфере законодательства российских монархов XVIII в., по мнению Сперанского, было укрепление самодержавия:

Их всегдашнее старание было дать царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие... Ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России [Сперанский 1961, с. 17, 42–43].

Однако в работах, относящихся к 1826–1830 гг., то есть к периоду подготовки Полного собрания и Свода законов Российской империи, он подчеркивал позитивную сущность устремлений и намерений законодателей, прежде всего Петра I и Екатерины II. Тем не менее, для Сперанского характерно сдержанное, взвешенное отношение к преобразовательному наследию прошлого. В «Историческом обозрении Комиссии составления законов» 1826 г. правительственная законодательная деятельность XVIII в. делилась им на два основных периода: с 1700 по 1766 г. и с 1766 по 1801 г. Что касается первого периода, то Сперанский все свое внимание акцентировал на петровской Комиссии составления законов. Созданная указом от 18 февраля 1700 г., названная «Палатою об Уложении», она имела несколько внутренних периодов своей истории, которую он изучал на основании журналов или «записных книг» комиссии. Сперанский указывал, что, «помышляя о благосостоянии своих подданных и видя, что охранение добрыми законами личной безопасности и прав собственности есть необходимое условие промышленности, торговли, ремесел и художеств», видя недостатки отечественных законов и ознакомившись с законодательством западноевропейских государств, Петр I вначале имел намерение «соделаться творцом нового Уложения». Но, поскольку не было его «общего плана», а существующее законодательство, основанное на Уложении 1649 г., требовало систематизации и дополнения, то главным предметом комиссии в 1700–1720 гг. определялось составление «сводного Уложения».

Но уже в 1720 г. Петр I вновь вернулся к идее создания нового кодекса. С 1720 по 1725 г. деятельность комиссии была направлена на создание «нового российского Уложения» путем его свода с шведским и датским. И хотя в 1725 г. обер-секретарем Сената П. Сверчковым был составлен «общий план» под названием «Форма новоиспеченного Уложения», проект не был реализован. По мнению Сперанского, петровский проект создания нового Уложения оказался нереален не только в силу неосуществимости рецепции европейских кодексов из-за разницы в языках и системе законодательств, но и потому, что «собственное свое законоположение, разбросанное и противуречащее, не было еще сводом установлено» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 1–20 об.]. Как видно, важнейшей причиной неудач законодательных работ в Петровскую эпоху Сперанский считал отсутствие правил и знаний кодификационной техники, когда создание нового Уложения начинали, не собрав и не проанализировав весь законодательный материал.

Следующим важнейшим этапом в процессе формирования российского законодательства в XVIII в. Сперанский считал царствование Екатерины II, когда петровская идея о создании нового Уложения была востребована и обогащена новыми представительскими идеями и практиками. Манифестом 14 декабря 1766 г. создавалась комиссия «для сочинения проекта нового Уложения», которая «по важности своей отличалась от всех предыдущих не только обширностью состава»,

но и новым не чиновничьим, а сословно-представительным принципом своего формирования [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 30 об. –33].

При рассмотрении Наказа Екатерины II Комиссии об Уложении Сперанский подчеркивал представительство государственных крестьян и неправославного населения: «депутатов от неkochующих, в России живущих народов, какого бы они закона не были, от каждого народа из каждой провинции». Он указывал, что депутаты не только должны были иметь депутатскую неприкосновенность (освобождение от телесных наказаний, пыток, смертной казни), но и жалование; они также обязывались носить депутатские значки, чтобы современники и потомки «узнать могли, какому великому делу они были участниками» [Там же. Л. 33 об. –34]. Оценивая социально-политическое и историческое значение наказа, Сперанский писал:

В истории нашего законодательства, конечно, нельзя не упомянуть о том великом движении, которое произвелось чтением Наказа в сердцах представителей народов Российской империи, ибо действие оногo увековечено на самых страницах истории [Там же. Л. 36].

Открытие комиссии состоялось 30 июля 1767 г. На пятом «большом собрании депутатов» 9 августа 1767 г. от имени всех депутатов маршалу была представлена записка с просьбой «ознаменовать народную благодарность» Екатерине II принятием титула «Екатерины Великой, премудрой матери отечества». 12 августа всеподданнейшее прошение им было поднесено императрице, которая на это отозвалась следующими словами:

О званиях, кои вы желаете, чтоб я от вас приняла, на сие ответствую: 1. На «Великая» – о моих делах оставляю времени и потомкам беспристрастно судить. 2. «Премудрая»: никак себя таковою назвать не могу, ибо один Бог премудр. 3. «Матери отечества»: любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть от них любимую есть мое желание.

При этом Сперанский указывал, что данный собственноручно написанный отзыв Екатерины II хранится в архиве Правительствующего Сената [Там же. Л. 36 об. –37].

В деятельности екатерининской Уложенной комиссии Сперанский отмечал ее состав, управление, систему функционирования, особо подчеркивая роль входящих в нее главной «дирекционной» комиссии и комиссии «для разбора депутатских наказов». Но уже 20 декабря 1767 г. комиссия была закрыта, а через год 17 декабря 1768 г. было распущено «большое депутатское собрание». По мнению Сперанского, неудача екатерининского представительского опыта законодательства была объективна и обусловлена отсутствием не только плана или «проекта Уложения», но и опыта законодательной работы, то есть непрофессионализмом депутатского корпуса:

Коренной недостаток всего дела состоял в том, что не было наперед составлено никакого проекта Уложения. Собрание депутатов, столь огромное, могло бы, может быть, с пользою рассуждать о законах, но не могло, конечно, их составить. Через два года неудачных опытов, удостоверив в сей истине, положили распустить сие собрание; но предприятие, столь великолепно возведенное, не могло быть разрушено без некоторой постепенности [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 924. Л. 44–44 об.].

Стремление проследить эволюцию «феодалного самодержавства» [Сперанский, 1961, с. 24, 45, 67] в абсолютизм Нового времени, основанный на систематизированном законодательстве и модернизированном управлении, определило обращение Сперанского к изучению истории его формирования. Ряд работ конца александровского и начала николаевского царствования отражают воззрения реформатора на управленческие институты, существовавшие в различные периоды российского исторического прошлого. Ко времени управления Сибирью (1819–1821) относится его «Записка о необходимости и путях изменения военных принципов управления страной на гражданские», главной идеей которой был военно-политический характер российской государственности, сложившийся в ходе исторического развития и имевший огромное значение в оформлении личности России, устойчивости в ней самодержавия и крепостного права. В работе подчеркивалось:

Россия есть и всегда была государство военное. Гражданские ее установления суть средства, а не цель ее бытия. Они не имеют самостоятельности ни в людях, ни в законах, ни в учреждении, ни в воспитании. Начала ее управления всегда были совершенно военные [ОР РНБ. Ф. 637. Д. 747. Л. 1–1 об.].

И хотя Российская империя своим державным могуществом, развитием промышленности, торговли, то есть «внешним величием», была обязана именно «военному началу» государственного управления, но, по мнению Сперанского, оно полезно для формирующихся государств, а в процессе институциональной эволюции делается вредным [Там же. Л. 2 об. – 3 об.].

В программных записках конца 1820-х гг. он также обращался к истории создания и развития абсолютистской административной системы, выявлению сходств и различий преобразовательной политики в сфере управления в XVII – начале XIX в. В проекте 1827 г. «О государственных установлениях» Сперанский рассмотрел «образ управления», который предшествовал петровским преобразованиям и был создан Петром I. По его мнению, управленческая структура в XVII в. состояла из трех видов «государственных установлений»: «высшего совещательного» (Боярская дума, Ответная палата, Расправная палата), «среднего – судебные вместе и управительные учреждения» (мо-

сковские приказы, где руководили – дьяки) и «нижнего» – «третья и низшая степень управления, вверяемого местным воеводам и провинциальным начальникам». Неудобства первых двух установлений, по мнению Сперанского, состояли в том, что «высшая степень – совещательные палаты не имели единства, а средняя была самовластным приказным управлением». Поэтому новый управленческий порядок, установленный Петром I, начался с соединения всех государственных дел, «в палатах рассеянных», в один состав, в «Ближнюю Государеву канцелярию». В 1711 г. был создан коллегиальный Сенат, вначале как временный, а затем постоянный как высший орган власти, обладающий полномочиями в сфере законодательства, а также управленческими и судебными функциями. «Беспорядки и злоупотребления бывшего личного приказного управления» обусловили введение в 1718 г. коллегий. Тем не менее, и в управленческой системе Петра I было несколько «коренных недостатков»: «смешение в пределах власти», то есть дублирование управленческих прерогатив Сената и коллегий; «смешение в образе производства дел», когда по Генеральному регламенту 1720 г. везде устанавливался и приказной, и совещательный образ администрирования. В результате петровские «государственные установления начали уже колебаться еще при жизни самого их учредителя» [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–10, 20 об. – 23 об.].

К данному проекту примыкает «Обозрение гражданских установлений» также 1827 г., в котором Сперанский продолжил исторические изыскания, но уже применительно ко всему XVIII – началу XIX в. Источниками его были не только законодательные акты, прежде всего указы, но и нормативные и делопроизводственные документы, в том числе должностные инструкции. Начиная с Петровской эпохи историю «внутреннего управления» в России он делил на четыре периода и, соответственно, на четыре главные управленческие системы: «1) система Петра Великого, 2) система 1775 года, 3) система 1797 года и, наконец, 4) система настоящая». Реформатор считал, что по своему существу административная система, установленная Петром I в 1718–1722 гг., состояла из двух частей: государственного управления, отданного коллегиям, «общим собранием которых являлся Сенат», и губернского управления в лице губернаторов, им подчиненных. Таким образом, «средоточие губернского управления было в коллегиях, а средоточие коллегий – в Сенате» [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 24–25]. Однако в петровской системе «не было соразмерности» – «государственное управление было довольно сильно, губернское – слабо», что становилось все более очевидным с развитием промышленности и торговли.

Поэтому при Екатерине II все государственное управление было отдано «одному государственному установлению» – Сенату, разделенному на департаменты, а коллегии (исключая три первых, наиболее важных) «переместились в губернное управление» и были размещены в губернском правлении, суде и казенной палате. В силу этого

необходимо было усовершенствовать губернское управление, ввести наиболее удобное деление губерний, отделить в них власть судебную от полиции, а последнюю – от хозяйства. На это и были направлены «Учреждения для управления губерниями» 1775 г., которые, как никакое другое преобразование, как указывал Сперанский, «подвигли Россию столь далеко в путях благоустройства». Но «Учреждения» также имели свои недостатки, главными из которых он считал отсутствие законодательной основы их реализации и «неопределенность и непрочность» административного статуса генерал-губернаторов. Кто они были – управленцы или надзирающие за деятельностью местной администрации сановники? Эта неопределенность привела к тому, что, как писал Сперанский,

...Звание генерал-губернатора, уваженное сначала, когда они представляли в себе не губернских правителей, но вельмож, присланных и уполномоченных правительством на время для открытия губерний, впоследствии приняло все личные свойства тех, коим оно было вверено, и в одних превратилось в пышное почти азиатское самовластие; в других пало в бездействии [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 27–29].

Преобразования в государственном управлении при Павле I сводились к восстановлению уничтоженных коллегий, отмене института наместников или генерал-губернаторов, сокращению судебных мест в губерниях. С точки зрения Сперанского, важнейшим недостатком данной системы был «двойной комплект одних тех же коллегий: ибо губернские места не что другое суть, как те же самые коллегии, тому же самому Сенату и в той же степени подчиненные и теми же самыми делами управляющие». Кроме этого, упразднение наместников привело к тому, что на местах не осталось никакого правительственного контролирующего органа, кроме генерал-прокурора, который «никакой власти в губернских местах не имеет» [Там же. Л. 29 об. –30].

История «настоящего образа» управления, формирование которого Сперанский относил к 1802, 1810 гг., когда создавалась министерская система, а Государственный совет стал «государственным установлением», имела два внутренних периода. В учреждении министерств он усматривал «два плана: один 1802 года, другой 1810», главная мысль которых была одна и та же, но «порядок учреждения различен». В 1802 г., считал реформатор, были «учреждены собственно не министерства в виде государственных установлений, но министры с канцеляриями в виде главных директоров, управляющих коллегиями». Чтобы исправить это положение и убрать «коренное неудобство», когда «государственное установление в виде ли коллегий или в виде департаментов» представляло собой «нечто среднее, нечто неопределенное между Сенатом и губернскими управлениями», 25 июля 1810 г. было обнародовано «новое распределение государственных дел между министерствами». Но оставался Комитет

министров, который, как полагал Сперанский, представлял собой «не что иное, как отдельное присутствие Первого департамента Сената», действующее на основании особенных правил. Это самостоятельное существование комитета как мера временная было необходимо, но как «установление постоянное» приводило к бесполезному разделению государственных дел, двойному их рассмотрению и в комитете, и в Сенате.

Сперанский считал, что подобное положение обуславливалось тем, что только две части административной системы России были модернизированы – министерства и Государственный совет, а две другие – Сенат и губернское управление – остались только в проектах. К этому добавлялось отсутствие взаимосвязи и правильных взаимоотношений «Учреждения для управления губерниями» с устройством и полномочиями Сената: «Два строения стояли на разных основах, хотя оба принадлежали к одному зданию». В силу этого, возвращаясь к своему проекту 1811 г., Сперанский предлагал разделить сенатские управленческие и судебные функции и создать Правительствующий и Судебный сенаты. Первый следовало установить для всей империи один, а второй разместить по округам в Петербурге, Москве, Киеве и Казани. Что касается губернского управления, то он упоминал о своей корректировке «Учреждения наместничеств» и сожалел, что этот проект не был реализован до конца [ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 30–41 об.].

Следует подчеркнуть, что и другие представители управленческой элиты во всеподданнейших записках, докладах и «мнениях» обращали внимание на исторический опыт проведения административных преобразований в XVIII – начале XIX в. Причем всякий раз актуализация наследия прошлого была связана с проблемой модернизации существующей системы государственной власти. Поскольку важное и «освященное временем» место в ней с эпохи Петра I принадлежало Сенату, функции и статус которого несколько раз менялись, то вопрос о его «правах и преимуществах» уже в начале царствования Александра I был поставлен как первоочередной. При этом борьба за влияние на императора двух основных сановных «партий» – «екатерининских стариков» сенаторов и «молодых друзей» членов Негласного комитета – во многом нашла отражение в бюрократических спорах о сенатской реформе.

Одним из старейших сенаторов П. В. Завадовским в июне 1801 г. было составлено «Мнение о правах и преимуществах Сената», в котором он подчеркивал преемственность самодержавной монархии и призывал императора вернуться к петровской системе государственного управления, «восстановить Сенат на прежнюю степень верховного места» с предоставлением ему высшей исполнительной и судебной власти [Мнение о правах, с. 100, 101, 105]. Кроме этого, им был сочинен сенатский всеподданнейший доклад, имевший в своем основании идеи записки сенатора Д. П. Трошинского «О причинах унижения Сената». Завадовский в докладе утверждал, что в таком

обширном и многонациональном государстве, как Россия, вся законодательная власть должна принадлежать монарху, а Сенат, члены которого им назначаются, обязан быть только «верховным правительством». Однако другие сенаторы, в том числе А. Р. Воронцов, Н. С. Мордвинов, С. П. Румянцев, считали необходимым не только наделить его законодательными полномочиями, но и ввести новый порядок организации и составления. Мордвинов предлагал сделать Сенат выборным органом дворянского представительства. Подобный способ формирования высшего учреждения империи рассматривался им как инструмент предотвращения «деспотического правления» и «органическое продолжение политики Екатерины II, предоставившей дворянству избирать судей и предводителей» [Тимофеев, 2006, с. 169–172]. В «Плане всеобщего государственного образования» 1809 г. Сперанский, определяя Сенат как верховный судебный орган, также считал, что он должен состоять из сенаторов, избранных в губернских думах, но утвержденных императором.

В своем «мнении» сенатор Г. Р. Державин указывал, что Петр I создал Сенат на время своего отсутствия и вверил ему четыре власти – законодательную, исполнительную, судебную и «оберегательную», но не успел разделить их между собой. Поэтому надо вернуться к петровской концепции Сената с предоставлением ему всех четырех указанных властей при отделении их друг от друга. Но поскольку Россия как европейское государство «в нравственном и политическом состоянии» уже не та, как во времена Петра I, то следует превратить Сенат в представительный орган высшего дворянства. Предложения Мордвинова и Державина не получили поддержки большинства сенаторов и подверглись критике «молодых друзей», от имени которых 5 августа 1801 г. Н. Н. Новосильцов подал Александру I всеподданнейшую записку. В ней также отмечался временный характер учреждения Сената при Петре I, но вывод делался иной. «Молодые друзья», считая преждевременным его превращение в представительный орган и стремясь сохранить всю законодательную власть в руках императора, предлагали отделить судебные полномочия данного органа от административных. Это нашло отражение и в их сенатском проекте, подготовленном П. А. Строгановым, который был представлен Александру I 9 декабря 1801 г. [Сафонов, с. 150–152, 155–159, 194–198]. В целом указанные идеи предвосхитили проекты Сперанского 1811 и 1827 гг. о создании Судебного и Правительствующего сенатов.

Исторические аспекты проблемы Сената нашли отражение и во всеподданнейших записках В. П. Кочубея 1814 г. и Д. А. Гурьева 1816 г. Как и Сперанский, авторы рассматривали ее в тесной связи с формированием и эволюцией административной системы абсолютной монархии в царствования Петра I, Екатерины II, Павла I и в начале правления Александра I. Гурьев указывал, что переход к «системе Петра Великого» начался с учреждения в 1711 г. вначале временного, а потом постоянного «управительного Сената». «Недостаточность»

и несоответствие целей и результатов преобразований обусловили оформление в 1718 г. коллегиальной системы управления. Новый управленческий порядок не изменил высокого положения Сената, который в Петровскую эпоху являлся «верховным местом в порядке законодательном, исполнительном и судном». Однако именно в «смещении властей», по мнению Гурьева, заключались «непрочность установления Сената и корень тех перемен, которым он почти непрерывно был подвержен» [Гурьев, с. 42–47]. Об этом же писал В. П. Кочубей, подчеркивая, что особое внимание на сенатский вопрос обращала Екатерина II, поскольку роль органа верховного правительства не соответствовала принципам функционирования Сената. Необходимо было «довершение его образования», так как и в настоящее время «смещение, которое во всей Европе один только Сенат наш представляет», заключается в его обязанностях «и законодательных, и исполнительных и судных» [Кочубей, с. 13–14]. Важнейшим обоснованием сенатской реформы по «Плану» 1809 г. Сперанский также определял «смещение дел управления и суда в Сенате, которое дошло уже до такого беспорядка... что нельзя более отлагать нужные меры и исправления» [Сперанский, 1961, с. 233].

Но и в организации центрального управления даже после создания в 1802 г. министерств не было достигнуто должного порядка. Первая министерская реформа, противоречивая и незавершенная, подверглась критике прежде всего самих министров, в том числе являвшихся ее разработчиками. 18 июля 1803 г. Кочубей подал Александру I докладную записку, в которой утверждал, что главной преградой к успешному функционированию системы министерств является сохранившийся «коллегиальный порядок». В записке 1806 г. «Об учреждении министерств» он подчеркивал необходимость четкого определения функций и порядка взаимоотношений министров как между собой, так и между ними и Комитетом министров, Государственным советом, Сенатом [Тимофеев, 2006, с. 156]. В упоминаемой записке 1814 г. Кочубей указывал, что важнейшим недостатком российской системы государственной власти является «сохранившееся с прошлых времен смещение законодательства, управления и судопроизводства» в деятельности государственных органов. Он полагал, что прежде всего Комитет министров, дублирующий законосовещательные полномочия Государственного совета, следует сделать коллегиальным органом «для совещания по исполнительной части», то есть «советом министров» [Кочубей, с. 7, 9–11].

С точки зрения Гурьева, манифест 8 сентября 1802 г. только заложил основание «лучшему образу управления в порядке исполнительном», который был усовершенствован в «новом образовании» Государственного совета 1 января 1810 г. и «Общем учреждении министерств» 25 июня 1811 г. Однако реформы 1810 и 1811 гг. обусловили «новые противоречия и недостатки». Важнейшим из них он считал сохранившееся смещение законосовещательных функций Государственного со-

вета с его полномочиями решать «важнейшие дела управления по исполнительной части и некоторые судебные». Кроме этого, опасения Гурьева вызывали принцип «единоначалия» и «самовластие» министров, ограничивающие верховную власть императора. Он предлагал учредить правительственную систему, сочетающую коллегиальную и министерскую формы управления и состоящую из коллегий и департаментов, подчиненных министерствам [Гурьев, с. 59–107].

Недостатки реформ 1802, 1810, 1811 гг., очевидные министрам, и в целом проблема министерств обусловили дилемму – коллегиальная или министерская система – которая являлась актуальной в бюрократической среде весь XIX в. Тот же Д. П. Трощинский в записке, посвященной институциональным последствиям ликвидации коллегий, подчеркивал, что для самодержавной России наиболее приемлем «обряд коллегиальный, то есть форма государственного совещательного управления», подчиненного закону и исключаящего всякий произвол. По его мнению, коллегиальность является не только основой стабильности государственного управления России, но и гарантией незыблемости ее политического и социального строя. Определяя важнейшими эпохами «органических» преемственных преобразований царствования Петра I, Екатерины II и Александра I, он утверждал, что главная цель министерской реформы – привести в соответствие организацию центральной власти с «Учреждениями» 1775 г. – не была достигнута: «На место коллежского, т. е. правильного товарищеского управления введено управление канцелярское, т. е. произвольное или единоличное». Это изменило соотношение государственных органов, разрушило их равновесие, поскольку «самовластные министры», будучи «суперарбитрами» в делах, их интересующих, в остальных оказывались «слепыми орудиями своих чиновников» [Записка Д. П. Трощинского, с. 2, 34, 37, 40, 41].

Об этом же писал в 1827 г. во всеподданнейшей записке «О коллегиальном и министерском управлении в России» Н. С. Мордвинов. Уничтожение коллегиального порядка, основанное на объективной потребности новых форм администрирования, не привело к рационализации и повышению оперативности деятельности органов центральной власти. Более того, «управление стало производиться по министерским мнениям, часто заменяющим законы». Как ни полезно учреждение министерств, но «единоличное управление, зависящее от умственных способностей и душевных качеств правителей», приводит к дестабилизации управленческой системы. В силу этого Мордвинов призывал Николая I восстановить коллегиальное управление [Мнение адмирала, с. 154, 155, 157].

Между тем, еще в записке 1804 г. на высочайшее имя, озаглавленной «Размышления о государственном устройстве империи», Сперанский также подчеркивал, что важнейшим «препятствием» в работе министерств является отсутствие четкой юридической регламентации полномочий, «самовластие» министров,

а важнейшими причинами необходимости преобразований центрального управления в «Плане» 1809 г. он определял «недостаток ответственности» (государственной и личной) министерского корпуса [Сперанский, 1961, с. 66–67, 202–203].

Однако в оценке представительского опыта законодательства, как исторического, так и современного европейского, позиция Сперанского отличалась от характеристик других сановников. С точки зрения Кочубея,

...в России, где государь есть глава всех трех частей, правительство составляющих, принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному совету. Не могут они присвоены быть депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам, ибо степень просвещения есть еще слишком в империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим [Кочубей, с. 8].

Гурьев, в отличие от Сперанского, определяя историческое и социально-политическое значение наказа Екатерины II Уложенной комиссии, подчеркивал, что данный документ прежде всего воплощал в себе важнейшую идею государственной доктрины императрицы о позитивной сущности просвещенного абсолютизма и являлся первой попыткой законодательно закрепить правовой статус самодержавия [Гурьев, с. 39, 40].

* * *

Анализ законодательных проектов и записок М. М. Сперанского в контексте русской истории дает основание сделать некоторые выводы. В теоретико-методологическом аспекте для его исторического сознания характерны сочетание западных и самобытных тенденций и отказ от европоцентризма, что определялось синкретическим характером модели национального либерализма, одним из основоположников которого он являлся. Важнейшей особенностью историзма Сперанского были юридический взгляд на русское прошлое и рассмотрение российского исторического процесса как эволюции законодательства в тесной связи с развитием государственности. Главным предметом его исторических изысканий были правительственные поиски упорядочения и систематизации законов за сто лет имперского периода (XVIII – начало XIX в.), которые он рассматривал как единый целостный процесс, составную часть российской модернизации и связывал с преобразованием государственного управления. При этом единство стратегической цели официального реформаторства, направленного на укрепление и развитие абсолютистской государственности, не предполагало единства тактических средств ее достижения: если Петр I в своем проекте «регулярного

государства» основывался на западноевропейской рационалистической философии, Екатерина II проводила политику «просвещенного абсолютизма», то Александр I использовал правительственный конституционализм. Тем не менее, для Сперанского характерно сдержанное, взвешенное отношение к преобразовательному наследию предыдущих эпох. Неоднозначность исторических оценок реформатора основывалась на официальной компромиссной концепции государственного строительства по западным образцам с их адаптацией к российским условиям, что обуславливало догоняющую модель развития России.

Список литературы

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М. : Наука, 1985. 270 с.

Гурьев Д. А. Об устройстве верховных правительств в России // СИРИО. Т. 90. СПб. : Гос. тип., 1894. С. 39–107.

Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского о министерствах // СИРИО. Т. 3. СПб. : Гос. тип., 1868. С. 1–162.

Корнилов В. А. К вопросу об исторических взглядах М. М. Сперанского // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории : сб. ст. М. : МГПИ, 1974. С. 15–21.

Кочубей В. П. О положении империи и о мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительство составляющие. 1814 г. // СИРИО. Т. 90. СПб. : Гос. тип., 1894. С. 5–26.

Мнение адмирала Мордвинова о коллегиальном и министерском управлении в России, отправленное при письме к государю императору 1 июня 1827 г. // ЧОИДР. Кн. 3. М. : Гос. тип., 1864. С. 154–160.

Мнение о правах и преимуществах Сената графа Завадовского // ЧОИДР. Кн. 1. М. : Гос. тип., 1864. С. 100–107.

ОР РНБ. Ф. 637 (К. Г. Репинский). Д. 747; Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 67, 69, 75, 99, 924, 938, 953, 1205.

РГИА. Ф. 1167 (Комитет 6 декабря 1826 года). Оп. 1. Д. 67; Ф. 1646 (П. М. Майков). Оп. 1. Д. 87.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. : Наука, 1988. 248 с.

Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1833. 206 с.

Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 244 с.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск : Пирс, 2006. 200 с.

Тимофеев Д. В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 456 с.

References

Alpatov, M. A. (1985). *Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.)*. [Russian Historical Thought and Western Europe (18th – First Half of the 19th Centuries)]. Moscow, Nauka. 270 p.

Gur'ev, D. A. (1894). Ob ustroistve verkhovnykh pravitel'stv v Rossii [On the Structure of the Supreme Governments in Russia]. In *SIRIO*. Vol. 90. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 39–107.

Kochubei, V. P. (1894). O polozhenii imperii i o merakh k prekrashcheniyu besporyadkov i vvedenii luchshego ustroystva v raznye otrasli, pravitel'stvo sostavlyayushchie. 1814 g. [On the State of the Empire and on Measures to Stop the Unrest and Introduce a Better Functioning in Various Sectors Comprising the Government. 1814]. In *SIRIO*. Vol. 90. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 5–26.

Kornilov, V. A. (1974). K voprosu ob istoricheskikh vzglyadakh M. M. Speranskogo [On the Historical Views of M. M. Speransky]. In *Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya otechestvennoi istorii. Sbornik statei*. Moscow, Moskovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, pp. 15–21.

Mnenie admirala Mordvinova o kollegial'nom i ministerskom upravlenii v Rossii, otpravlennoe pri pis'me k gosudaryu imperatoru 1 iyunya 1827 g. [Opinion of Admiral Mordvinov on the Collegiate and Ministerial Administration in Russia Sent in a Letter to the Emperor on June 1, 1827]. (1864). In *ChOIDR*. Book 3. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 154–160.

Mnenie o pravakh i preimushchestvakh Senata grafa Zavadovskogo [Opinion on the Rights and Benefits of the Senate of Count Zavadovsky]. (1864). In *ChOIDR*. Book 3. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 100–107.

OR RNB [Manuscript Section of the National Library of Russia]. Stock 637 (K. G. Repinskii). Dos. 747; Stock 731 (M. M. Speranskii). Dos. 67, 69, 75, 99, 924, 938, 953, 1205.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1167 (Komitet 6 dekabrya 1826 goda). List 1. Dos. 67; Stock 1646 (P. M. Maikov). List 1. Dos. 87.

Safonov, M. M. (1988). *Problema reform v pravitel'svennoi politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv.* [The Problem of Reforms in the Government Policy of Russia at the Turn of the 19th Century]. Leningrad, Nauka. 248 p.

Speransky, M. M. (1833). *Obozrenie istoricheskikh svedenii o Svode zakonov* [Review of Historical Information about the Law Code]. St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 206 p.

Speransky, M. M. (1961). *Proekty i zapiski* [Projects and Notes] / ed. by S. N. Valk. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 244 p.

Timofeyev, D. V. (2006). *Evropeiskie idei v Rossii: vospriyatie liberalizma pravitel'svennoi elitoy v pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in Russia: The Perception of Liberalism by the Government Elite in the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Pirs. 200 p.

Timofeyev, D. V. (2011). *Evropeiskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiiskogo poddannogo pervoi chetverti XIX veka* [European Ideas in the Socio-Political Lexicon of an Educated Russian Subject of the First Quarter of the 19th Century]. Chelyabinsk, Entsiklopediya. 456 p.

Zapiska Dmitriya Prokof'evicha Troshchinskogo o ministerstvakh [Note by Dmitry Prokofievich Troshchinsky on Ministries]. (1868). In *SIRIO*. Vol. 3. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 1–162.

The article was submitted on 26.10.2021

Александр Первый и отставка М. М. Сперанского*

Андрей Андреев

Московский государственный университет,
Москва, Россия

Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky**

Andrey Andreev

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

This article analyses the historiographical traditions of studying the resignation of M. M. Speransky from the position of Secretary of State in March 1812. Also, the author considers the contradictions in various interpretations regarding the role Emperor Alexander I played in the events and demonstrates the connection of these contradictions with the way in which scholars relied on historical sources to substantiate their concepts. As a result, the article shows that many of the contradictions and ‘mysteries’ of the story followed an uncritical use of later sources that carry significant distortions. Additionally, the author demonstrates that some of the distortions were made deliberately, e. g. in the middle of the nineteenth century, J. de Saint-Glin, an active participant in the events, really wanted to influence the formation of versions behind Speransky’s resignation in historiography and in many ways succeeded in it. Firstly, a new analysis of the sources shows how accusations against Speransky accumulated in the hands of Alexander I, including the most serious of them – treason; and, secondly, what role the Ministry of Police and personally Saint-Glin could play in this. The article emphasises that Alexander I’s decision cannot be considered without regarding his emotional state on the eve of a new clash with Napoleon, which

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00162 «Император Александр I и профессор Г. Ф. Паррот: дискуссии о путях реформирования России».

** *Citation*: Andreev, A. (2022). Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704.

Цитування: Andreev A. Alexander I and the Resignation of M. M. Speransky // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704 / Андреев А. Александр Первый и отставка М. М. Сперанского // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 831–847. DOI 10.15826/qr.2022.3.704.

was decisive for the country and his personal fate. Letters from the emperor's inner circle, namely, Professor G. F. Parrot, his friend, prove that. In this state, he could take accusations of treason seriously, and then he maintained a close interest in the investigation to such an extent that he was even ready to "shoot traitors". After the wars of 1812–1815, Alexander I's attitude towards the Speransky case changed so much that he recognised his own wrong and demonstrated readiness to return him to St Petersburg gradually. This approach makes some interpretations of historiography redundant, which previously emphasised the 'duplicity' of the emperor, his "acting", and his desire to abandon the course of liberal reforms.

Keywords: M. M. Speransky, historiography, 19th-century Russian history, Alexander I, reforms, source criticism

Анализируются историографические традиции изучения отставки М. М. Сперанского с поста государственного секретаря, состоявшейся в марте 1812 г., указаны существующие в различных интерпретациях противоречия относительно роли императора Александра I в этих событиях, показана связь этих противоречий с тем, каким именно образом историки опирались на исторические источники для обоснования своих концепций. В результате удалось показать, что многие противоречия и «тайны» этой истории явились результатом не критического использования источников, поздних по своему происхождению и несущих значительные искажения. Также продемонстрировано, что некоторые из искажений были допущены сознательно, а такой активный участник событий, как Я. И. де Санглен, в середине XIX в. очень хотел повлиять на формирование версий отставки Сперанского в историографии и во многом преуспел в этом. Новый анализ источников показал, во-первых, каким образом в руках Александра I аккумулировались обвинения против Сперанского, включая и самое серьезное из них – в государственной измене; во-вторых, какую роль могли сыграть в этом министерство полиции и лично Санглен. Подчеркнуто, что решение Александра I нельзя рассматривать в отрыве от его эмоционального состояния накануне нового, решающего для страны и его личной судьбы столкновения с Наполеоном. Об этом свидетельствуют письма, происходившие из ближайшего окружения императора, в частности, от его личного друга профессора Г. Ф. Паррота. В таком состоянии он мог всерьез воспринять обвинения в измене, а затем поддерживал пристальный интерес к расследованию до такой степени, что даже был готов «расстрелять изменников». После же войн 1812–1815 гг. отношение Александра I к делу Сперанского поменялось вплоть до признания собственной неправоты и готовности постепенно вернуть того в Петербург. Такой подход, по мнению автора статьи, делает излишними некоторые трактовки историографии, в которых ранее делался акцент на «двуличии» императора, его «лицедействе», а также желании порвать с курсом на либеральные реформы.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, историография, история России XIX в., Александр I, реформы, критика источников

За первую половину XIX в. в русской истории, вероятно, не было иного события, которое бы породило вокруг себя столь мощный ореол неразрешимой тайны, как опала М. М. Сперанского. Довольно быстро родилось ее сравнение с загадкой Железной Маски во Франции (оба автора, написавшие об этом впервые, общались друг с другом в 1840–1850-е гг. [Вигель, с. 8; Корф, с. 27]). С неизвестным высокопоставленным узником Людовика XIV Сперанского объединяли не только таинственные обстоятельства ссылки, но и то, что его вина так и осталась скрытой, причем не только от общества, но даже от него самого. Все это подогревало интерес историков к причинам удаления государственного секретаря Александра I из Петербурга в марте 1812 г. и побуждало искать различные объяснения.

В первой же капитальной биографии Сперанского, вышедшей в 1861 г., М. А. Корф подробно проанализировал отставку своего героя. Позже были изданы и дополнительные материалы [Деятели и участники в падении Сперанского; Ссылка Сперанского], не вошедшие в книгу по соображениям цензуры или этики, которая требовала от Корфа не называть некоторые имена еще живых участников событий.

Касаюсь причин отставки, Корф перечислял различные обвинения против Сперанского, с которыми приходилось иметь дело Александру I: измена в пользу Франции; расстройство системы государственного управления; возбуждение недовольства налогами и другими мерами против дворянских привилегий; наконец, заговор с целью отстранить Александра I от принятия решений. Корф подчеркивал тяжесть этих обвинений, в особенности первого – в измене, подкрепленного фактами действительного участия Сперанского в тайной дипломатии. Также Корф указал на неспособность государственного секретаря вовремя противодействовать интригам своих врагов, что, по сути, вынудило Александра I «пожертвовать» Сперанским, идя на встречу не только обвинителям, но и общественному мнению, необходимость сплочения которого возникла накануне решающей войны с Наполеоном [Корф, с. 29].

В концепции Корфа, тем самым, не только Сперанский, но во многом и сам Александр I стали жертвами сложившихся обстоятельств. Именно это суждение в дальнейшем постоянно вызывало критику историков. Уже М. П. Погодин в биографическом очерке о Сперанском (который автор начал в 1862 г. в качестве рецензии на труд Корфа и опубликовал девять лет спустя, посвятив большую его часть разбору отставки Сперанского [Погодин, ст. 1121–1185]) решительно отвергал основательность обвинений против него, полагая, что Александр I не мог серьезно рассматривать ни возможность его измены, ни тем более донос о желании «перехватить власть» у императора. Возражая Корфу, Погодин писал: «Доноса не было в том виде, в каком представляется в книге, и не донос был причиной ссылки»; эти обвинения «были только предлогами для общества, для бюрократии, а настоящие причины остались в тайне». Последние же Погодин ус-

матривал в том, что император уже некоторое время тяготился Сперанским, утратил к нему доверие, а потому ждал только подходящего повода для того, чтобы его отстранить [Погодин, ст. 1132, 1150–1153]. Таким образом, Погодин впервые придал Александру I не пассивную, а активную роль, подчеркнув, что причину событий необходимо видеть в личности и действиях самого российского императора.

Последующая историография усилила эти тезисы. Например, С. Н. Южаков в книге о Сперанском, которая вышла в 1892 г. в научно-популярной серии «Жизнь замечательных людей», недвусмысленно заявлял: Александр I знал, что обвинения в адрес Сперанского необоснованны, но «все же решил пожертвовать своим благороднейшим слугой; в лице его он хотел покарать иллюзии своей молодости» [Южаков, с. 71]. Но детальнее всего те причины, которые заставили царя удалить своего ближайшего советника и соратника по проведению государственных преобразований, сформулировал крупнейший биограф Александра I Н. К. Шильдер. Он расширил осмысление событий до масштаба «шекспировской драмы», в которой действовали лица, «не посвященные в тайну конечной ее цели», и лишь император держал в руках все нити, управлявшие ходом этой истории. Суть же происходящего заключалась в нарастании внутренних противоречий между Сперанским и Александром I и в желании последнего освободиться от «навязываемых» ему реформ, которые ограничивали бы власть монарха. При этом, по мнению Шильдера, «патриотизм, требования общественного мнения прикрыли собой сведение личных счетов оскорбленного мстительного сердца» [Шильдер, с. 37–38, 50, 368].

Дальнейшие работы о Сперанском, написанные в XX в., в той или иной степени повторяли тезис о том, что отставка государственного секретаря была собственным решением Александра I [Семевский; Нольде; Томсинов]. Отсюда был сделан и следующий вывод: это событие означало сознательный отказ императора от продолжения либеральных реформ и консервацию самодержавного правления [Чибиряев, с. 122–123]. «В этом акте ярко выразились колебания политики Александра I, его непоследовательность и даже вероломство» [Федоров, с. 122]. Представление о том, что отставка Сперанского стала знаком общей перемены правительственного курса Александра I, присутствует и в научных статьях последнего десятилетия, затрагивающих данную тему: «В ситуации нарастающего кризиса в отношениях с Французской империей и новой неизбежной войны с Наполеоном Александр I вынужден был не только приостановить реализацию “Плана” реформ 1809 г., но и убрать с политической арены его главного разработчика» [Скрыдлов, с. 108].

Среди современных историков лишь А. Л. Зорин попытался переосмыслить интерпретацию опалы Сперанского. Он счел ее политические причины, о которых упоминали современники и, возможно, сам Александр I, лишь «риторическим прикрытием подлинных

мотивов его решения». Эти мотивы раскрывались в свете изучения мифологического сознания русского общества, в котором в канун новой войны актуализировались стереотипы «измены» и «врага народа» и где через «ритуал заклания изменника» Александр I должен был восстановить «народное единство» [Зорин, с. 191, 230] (можно заметить, что тем самым автор вернул в дискуссию звучавший еще в труде Корфа тезис о жертве, принесенной Александром I ради патриотизма и общественного согласия, с чем решительно спорил Шильдер).

Апелляция к мифу и архетипам сознания несла с собой еще и то новшество, что позволяла отказаться от рациональной трактовки событий, то есть фактически закрепляла вокруг них завесу тайны или даже мистификации. Собственно, частично с этим соглашались и предшествующие историки, констатируя невозможность установить определенные ответы на многие важные вопросы, в особенности когда дело касалось позиции императора. Верил ли Александр I в то, что Сперанский мог его предать, или категорически отрицал измену? Принял ли он Сперанского на решающей аудиенции 17 марта 1812 г. благожелательно, едва ли не извиняясь за отставку, или, напротив, говорил с ним в обличительном тоне, как строгий судья? Хотел ли император продолжать в будущем работу со своим помощником или решил навсегда с ним проститься? Подтверждение каждого из этих утверждений можно найти в каком-либо из источников, ссылающихся на личные слова Александра I. Некоторые современные авторы, принимая эти противоречия источников как данность, полагают, что они отражают принципиальное «двуличие» Александра I, которое являлось основной «дискурсивной моделью» поведения и характера императора, что традиционно аргументируется его тягой к актерству и «театрализации повседневности» [Готовцева, с. 22]. Однако данное исследование не склонно следовать в этом русле. Напротив, здесь поставлена задача показать, что критический анализ источников позволяет снять некоторые их противоречия и, соответственно, скорректировать историографическую традицию по освещению роли Александра I в событиях, связанных с отставкой Сперанского.

Основная источниковая база по анализируемой теме была собрана в два этапа – сперва М. А. Корфом, а затем Н. К. Шильдером и с того времени расширялась незначительно [Андреев, 2022]. Корф в своем труде впервые познакомил публику со многими ключевыми обстоятельствами, высказываниями и гипотезами, относящимися к отставке Сперанского, при этом не ограничиваясь документами, но также печатая некоторые важные рассказы, которые он лично слышал от участников событий. Шильдер добавил к этому изрядное количество новых источников (опять-таки в основном личного происхождения), почерпнутых из архивов.

Однако в изложении Шильдера присутствовала большая проблема – он соединял на равных правах источники, принципиально разные по своему возникновению. Поясним это примером. Еще

Корф указал в качестве важнейшего источника о событиях на письме профессора Дерптского университета Г. Ф. Паррота к Александру I от 17 марта 1812 г. [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8. Lp. 111–114 op.] (подробнее об этом письме и контексте его написания см.: [Андреев, 2020]). Паррот написал письмо спустя сутки после разговора, в котором император рассказал ему о грядущей отставке Сперанского. Профессор пытался осмыслить этот разговор и на правах близкого друга давал императору советы, как лучше действовать в сложной ситуации (а Александр I действительно высоко ценил дружбу Паррота [Андреев, 2021]). В письме четко отражены слова императора о предательстве Сперанского, о желании его наказать (и даже расстрелять!), об обвинениях и обвинителях против государственного секретаря. Однако для Шильдера было очевидно, что император не мог воспринимать всерьез какие-либо доносы об измене Сперанского, а тем более верить им, и отсюда делался вывод: Александр I, желая скрыть истинную причину отставки Сперанского, разыграл перед профессором «преднамеренную комедию», иначе говоря, сознательно обманывал своего друга (впервые об этом написал еще М. П. Погодин: «Паррот приведен был в заблуждение, как и все» [Погодин, ст. 1131]). Свой вывод Шильдер подкрепляет приводимыми здесь же словами Александра I, которые тот говорил разным адресатам – кн. А. Н. Голицыну, К. В. Нессельроде, Я. И. де Санглену, Н. Н. Новосильцеву; из них однозначно следовало, что в глазах императора Сперанский «нисколько не изменник», а, в сущности, виновен только лично по отношению к Александру [Шильдер, с. 41].

Подтверждающую это большую цитату из беседы Александра I и Новосильцева Шильдер даже полностью опубликовал в приложении с указанием на архивное дело. Но при проверке выясняется, что цитируются примечание сенатора Н. А. Старынкевича к копии так называемого «пермского письма» Сперанского [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 75]. Старынкевич действительно мог слышать от Новосильцева о его разговоре с Александром I (местом названы Свенцяны, а дата, соответственно, конец июня 1812 г.), но запись этого разговора в указанном примечании сенатор сделал, судя по всему, в 1850-х гг. для М. А. Корфа. Так можно ли источник, дошедший до нас через третьи руки и записанный спустя 40 лет после событий, цитировать в качестве прямой речи Александра I и противопоставлять содержанию письма, написанного на другой день после разговора с императором?

Другой схожий пример: и Корф, и Шильдер приводят слова Александра I, сказанные через два дня после событий графу К. В. Нессельроде, о том, что отставка Сперанского есть сознательный шаг императора навстречу «национальному чувству» и «русскому патриотизму», который один лишь может спасти страну в грядущей войне. Для Корфа это было одно из ключевых высказываний Александра I для обоснования концепции о том, что император «пожертвовал» Сперанским. При обращении же к первоисточнику выясняется, что эти

слова взяты из мемуаров К. В. Нессельроде, написанных им уже после ухода в отставку в конце 1850-х гг., то есть спустя 40 лет после событий [РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1151. Л. 25 об. –26], и они представляют собой не прямую речь Александра I, а собственный анализ автора мемуаров относительно мотивов отставки, причем понятно, что на эту фразу повлияло представление о противоборстве России с Наполеоном как о «народной войне», которое не могло еще звучать весной 1812 г., а зародилось позже.

Наконец, следует подчеркнуть своеобразие главного источника, из которого историки черпали наибольшее количество подробностей о деле Сперанского, – записок Я. И. де Санглена. Их автор в 1810–1812 гг. служил начальником особой канцелярии министерства полиции и вместе с министром А. Д. Балашовым вечером 17 марта произвел арест бумаг в доме Сперанского и организовал его высылку в Нижний Новгород. Несомненно, Санглен обладал обширной информацией о том, что этому предшествовало. Однако составлять свои записки он начал тогда, когда остался последним живым участником данной истории, наставая на монополии на трактовку событий, истина о которых «известна ему одному».

Записки Санглена были созданы специально для того, чтобы повлиять на складывающуюся историографическую традицию. На рубеже 1846–1847 гг. он подробно изложил в письмах к М. А. Корфу свою версию отставки Сперанского [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 505–507], а затем, уже в начале 1860-х гг., когда трактовка этой отставки в опубликованном труде Корфа не удовлетворила Санглена, он обратился к М. П. Погодину, в лице которого наконец обрел благодарного слушателя и почитателя. Упомянутый выше биографический очерк о Сперанском Погодин во многом построил как комментарий к фразам из писем к нему Санглена, откуда историк заимствовал и отдельные мысли, и общую интерпретацию событий. Именно так в историографию и вошла концепция о том, что главным двигателем интриги выступал сам Александр I, манипулировавший своим окружением, чтобы избавиться от своего государственного секретаря якобы за то, что тот «подкапывался под самодержавие» [Санглен, с. 136]. Н. К. Шильдер полностью принял концепцию Санглена, цитируя как прямую речь Александра I и это, и другие высказывания из записок (опубликованных целиком в 1883 г.).

Между тем, помимо того, что слова императора были занесены на бумагу спустя десятки лет после разговоров с ним, очевидна и личная заинтересованность Санглена в искажении оценок. Он многократно в письмах и к Корфу, и к Погодину настаивал, что не несет никакой личной ответственности за опалу Сперанского, не представлял на того никаких доносов, а выступал всегда лишь инструментом, подчиненным воле императора. Можно еще добавить и очевидный беллетристический стиль записок Санглена, которые сам он называл «сценическим представлением», наполнив их красочными диалогами

и литературными описаниями, но при этом и очевидными фактическими ошибками [Андреев, 2022].

Таким образом, существующая в историографии традиция относительно роли Александра I в отставке Сперанского в значительной мере основана на некритическом использовании источников, в которых разного рода высказывания императора фиксировались или по истечении значительного периода времени, или опосредованно, третьими лицами, а иногда даже были выдуманы сознательно. Именно с такими искажениями связаны отмеченные выше противоречия, на которых зиждется представление о «двуличии» Александра I. Однако анализ данной проблемы можно вести по-другому, если, с одной стороны, отметить точки согласия между источниками, а, с другой, при рассмотрении спорных моментов на первый план выдвигать источники, современные описываемым событиям, – письма, дневники, делопроизводственные документы, с которыми надо сравнивать более поздние оценки в мемуарах и рассказах участников событий. На наш взгляд, это позволит демистифицировать историю отставки Сперанского, оторвав ее от последующего историографического мифа.

Приступая к такому анализу, прежде всего подчеркнем, что общие причины опалы Сперанского заключались в усилившемся давлении на Александра I со стороны придворных кругов. Уже с 1811 г. Александр I знал о существовании дворянской оппозиции тому реформаторскому курсу, который воплощался в жизнь его государственным секретарем. Центром недовольных выступал «малый двор» в Твери во главе с генерал-губернатором принцем Георгом Ольденбургским и его супругой великой княгиней Екатериной Павловной (свидетельства о ее враждебности по отношению к Сперанскому зафиксированы и в дневниках и письмах современников, и в мемуарах, составленных в 1820-е гг., и в более поздних рассказах, записанных Корфом [Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной, с. 394; Ростопчин, с. 647–648; Гауеншильд, с. 256; Деятели и участники в падении Сперанского, с. 473–474]).

Однако триггером для выражения общественного недовольства выступил указ о новых налогах от 11 февраля 1812 г. (сам Сперанский подчеркнул это в своей так называемой «оправдательной записке», написанной в 1813–1814 г. [Сперанский, с. 75]). В качестве рупора оппозиции в Петербург прибыл Ф. В. Ростопчин. В своих мемуарах он, впрочем, отрицал причастность к интригам против Сперанского, однако этому явно противоречит записка, представленная Ростопчиным Александру I через великую княгиню Екатерину Павловну и предупреждающая о разветвленной «секте мартинистов», к которой принадлежат многие «значительные лица» вокруг престола. Сперанский здесь впрямую был назван высшим лицом, управляющим адептами мартинистов [Записка о мартинистах, с. 80]. Такого рода обвинения должны были внушить Александру I мысль о том, что Сперанский предан вовсе не ему, а какой-то собственной тайной цели. Они соответствовали толкам в обществе (о чем знал и сам

государственный секретарь [Сперанский, с. 74]) и четко отразились в следующем документе, написанном от имени Ростопчина, – письме за подписью «Граф Ростопчин и москвитяне», которое распространялось в начале марта 1812 г. в Петербурге и дошло до властей (как подчеркивает Корф, письмо было обнаружено среди официальных бумаг, а значит, с большой вероятностью, попало и в руки Александра I [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 480–482]). Здесь уже в полный голос обличается измена Сперанского, подкупленного за деньги, упоминается о его переписке с Наполеоном, о его желании «озлобить народ» против царя, а также говорится о роли министра полиции А. Д. Балашова, который «первый открыл это великое и ужасное дело», и звучит призыв к Александру I немедленно «прервать действия» злоумышленников.

Интересно, что одновременно с Ростопчиным в конце февраля в Петербург приехал полковник А. И. Чернышев, доставивший из Парижа наиболее точные сведения о военных приготовлениях Наполеона, что потребовало от Александра I непосредственно заняться подготовкой к отъезду на новую кампанию. В ходе сборов возникал вопрос, каким образом в отсутствие царя (которое могло продлиться несколько месяцев, как во время кампании 1807 г.), будет организовано высшее управление, во главе которого теперь находился Государственный совет. В разговоре с Г. Ф. Парротом, состоявшемся 16 марта 1812 г., Александр I упомянул, что желает назначить новым председателем Государственного совета принца Георга Ольденбургского [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8. Лр. 112 ор.]. Это вполне можно трактовать как шаг императора навстречу оппозиции. Естественно, что принц Ольденбургский воспротивился бы сохранению Сперанского на посту государственного секретаря, и, если бы новое назначение состоялось, оно бы предрешило вопрос об отставке Сперанского. Обратим внимание, что в таком ключе отставка должна рассматриваться не в качестве «жертвы патриотизму» перед войной, а как элемент придворной борьбы, где Александр I стремился лавировать между партиями (в «оправдательной записке» Сперанский сам удивлялся, что царь «так долго один поддерживал своего секретаря противу всех»).

Мотивировать отставку Сперанского Александру I помогала полученная им тогда же записка Г. А. Розенкампа [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 92–101; Корф, с. 31–40]. Ее автор, служивший в комитете по финляндским делам, входил в еще одну придворную партию, группировавшуюся вокруг барона Г. М. Армфельта, бывшего фаворита шведского короля Густава III, который с присоединением Финляндии к России перешел на русскую службу и начал борьбу за высокое место при Александре I. Многочисленные высказывания современников приписывали именно Армфельту ведущую роль в интриге против Сперанского, который и сам пришел к такому же выводу в «оправдательной записке». О том, что Розенкампф, нападая на Сперанского, выступал орудием в руках Армфельта, упомянул Паррот в письме

от 17 марта; те же сведения содержатся и в мемуарах [Гауеншильд, с. 256–257; Тургенев, с. 537, 616]. Сперанскому ставились в вину дезорганизация центрального управления, разработка законов на чужеродных принципах, подрыв «общественного доверия» к финансовой системе, унижение «дворянского достоинства», отягощение промышленности и сельского хозяйства.

Таким образом, в марте 1812 г. у Александра I на руках было несколько записок против Сперанского, склонявших императора к его удалению от себя, что позволило бы найти компромисс в борьбе придворных группировок и смягчить общественное мнение. Но, чтобы выполнить такую задачу, отставка должна была стать открытой перед обществом. Однако было выбрано иное, *тайное* решение, носившее характер не просто отставки, а наказания и даже ссылки.

Несомненно, на него повлияли доносы, происходившие из министерства полиции. Когда в августе 1821 г. вернувшийся в Петербург Сперанский нашел удобный случай прямо спросить Александра I о причинах его решения, царь не стал уходить от ответа (хотя, видимо, сослался на то, что «начало и происшествие сего дела смешаны и забыты») и назвал два факта: 1) донос о тайных сношениях Сперанского с французским и датским посланниками (где «началом всему полагается де Санглен»); 2) сообщение министра полиции Балашова о том, что Сперанский хотел бы «соединиться с ним» (по сути – составить заговор), о чем Балашов узнал через посредников, а именно через своего племянника Д. Н. Бологовского, который тесно общался с доверенным лицом Сперанского М. Л. Магницким (запись об этих подробностях Сперанский занес в свой дневник 31 августа 1821 г., и она была впервые обнаружена Корфом [Ссылка Сперанского, с. 24]).

В продолжении той же дневниковой записи Сперанский делал вывод, что Бологовский занимался пустой болтовней, обманывая и Балашова, и Магницкого. К этому выводу Сперанского подвел собственный разговор с Балашовым, состоявшийся 11 марта 1821 г., о котором также говорится в дневнике. По итогам их общения Сперанский утвердился в мнении (составленном им для себя еще в 1813 г.), что главой «заговорщиков» был Армфельт, удар которого «был направлен и на Балашова», хотя в то же время «Армфельт искал соединения с Балашовым» [цит. по: Скрыдлов, с. 108]. Современные исследователи согласны здесь со Сперанским – они подчеркивают, что роль Балашова в его опале не следует преувеличивать [Скрыдлов, с. 109; Николаенко, с. 32–33].

Главным же доносчиком, как вытекает из слов Александра I, зафиксированных в дневнике, выступил Я. И. де Санглен. Когда Корф в 1847 г. впервые предъявил тому указанную запись Сперанского, Санглен опроверг ее – яростно, но неубедительно, поскольку упрекал во лжи Александра I («по этой черте узнаю блаженной памяти государя»), заявляя, что у императора в привычке было перекладывать на него свои действия, как и действия других. Санглен оправдывался

тем, что все скрывают правду об этой истории: «Я один не имел нужды лгать, потому что никаких доносов не делал» [Ссылка Сперанского, с. 25]. Впрочем, то, что Санглен мог без зазрения совести обвинить во лжи и своего начальника Балашова, и Александра I, отметил еще в 1812 г. его собеседник Л. И. Голенищев-Кутузов, оставивший ценный дневник. Одна из самых интересных его записей рассказывает, как спустя неделю после отставки Сперанского автора дневника посетил Санглен – специально для того, чтобы сообщить подробности дела и объявить, что «преступление Сперанского есть измена, все доказательства на то в руках государя». Кутузова поразило, что его приятель был «в каком-то восторженном бешенстве» [Там же, с. 18–19]. Это лишний раз доказывает, что Санглен находился в самом центре интриги. Он мог действовать или под влиянием Армфельта (разговоры с которым об участии Сперанского сам описывает в мемуарах [Санглен, с. 134–135]), или просто из любви к «полицейскому искусству», но несомненно упиваясь собственной ролью обличителя Сперанского в государственной измене.

Думается, что нельзя в точности установить, какие именно доказательства привлек для этого Санглен, но можно предполагать, основываясь на косвенных свидетельствах. Так, в декабре 1810 г. был арестован полковник Н. З. Хитрово по обвинению в том, что при его посредничестве посланники Франции и ее ближайших союзников получили доступ к секретам русской дипломатии [Деятели и участники в падении Сперанского, с. 501–503]. Казалось бы, Сперанский не имел никакого явного отношения к этому делу, однако ведь и он был допущен Александром I к тайной дипломатической переписке, и значит, согласно полицейской логике, именно Сперанский мог быть источником секретных сведений, которые Хитрово передавал иностранным посольствам.

Прямое подтверждение такой логики обнаруживается в доносе мелкого чиновника министерства полиции губернского секретаря Владимира Боровиковского. Он был арестован 19 апреля 1812 г. за то, что вымогал крупную сумму денег у некоего ротмистра Володимирова, объясняя это необходимостью попасть в главную квартиру русской армии и лично увидеться с Александром I. В тюрьме он составил три записки на имя государственного секретаря А. С. Шишкова (от 20 октября, 4 ноября 1812 г. и 6 мая 1813 г.), где оправдывал себя тем, что первым в ноябре 1810 г. обнаружил злоумышления Хитрово, Магницкого и Сперанского «в не позволенной переписке по тайному сношению их с французским двором и ночных посещениях того двора посланника». Когда же Хитрово был арестован, то измена Сперанского и Магницкого осталась нераскрытой, а министр полиции Балашов запретил ему дальше против них свидетельствовать, из-за чего Боровиковский и решил добраться до самого императора [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557. Л. 7–18 об.].

Подчеркнем, что речь идет не об оценке правдивости этого доноса (где более чем вероятно, что Боровиковский лгал из сугубо корыст-

ных мотивов), но о том, что внутри министерства полиции к 1812 г. уже связывали вместе имена Хитрово, Магницкого и Сперанского. Это могло дать почву для доноса Санглена. Поразительно, но в своих мемуарах тот практически проговаривается: он упоминает арест Хитрово в непосредственной связи с делом Магницкого и Сперанского, но пытается представить это естественным ходом событий, для чего ему приходится совершить грубую фактическую ошибку и отнести арест к началу 1812 г. [Санглен, с. 123–125].

Еще больше путаницы Санглен добавляет в мемуары, когда пишет, что Хитрово передал французскому послу планы перемещений русских войск, полученные им благодаря оплошности А. В. Воейкова. Здесь домыслы явно смешиваются с реальными фактами, поскольку полковник А. В. Воейков, начальник особой канцелярии при военном министре, действительно за какую-то провинность в марте 1812 г. был переведен в действующую армию, а источники (как того же времени, так и позднейшие) единодушно связывали это с делом Сперанского и Магницкого [Выдержки из записок А. Я. Булгакова, ст. 1367; Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной, с. 393; Деятели и участники в падении Сперанского, с. 499]. Во всех рассказах фигурировал пропавший портфель с планами военной кампании, но подробности были разные, и суммировать их можно следующим образом: Сперанский (или Магницкий как близкий друг Воейкова, или Магницкий на квартире Сперанского без ведома последнего) получил доступ к этим планам, после чего Магницкий, имевший давние знакомства во французском посольстве, упомянул там о них (или передал нарочно). Характерно, что некоторые из рассказов восходили к самому Сперанскому. В частности, некий Александр Ворожницкий 10 декабря 1864 г. писал Корфу, что слышал эту историю от Р. Эдлинг-Стурдзы, которой Сперанский так объяснял причину своей отставки, отдыхая в Одессе в 1837 г. [ГАРФ. Ф. 728. Ед. хр. 1678. Л. 1–3]. Возможно, Сперанский, вернувшись в Петербург и выясняя роль разных персон в своей отставке, действительно получил сведения относительно связи «портфеля Воейкова» и какой-то вины Магницкого (и этим можно объяснить, почему между Магницким и Сперанским до конца жизни прекратилось всякое общение).

Так или иначе, но Александр I в марте 1812 г. был поставлен перед серьезными обвинениями против Сперанского: от Санглена – в государственной измене, от Балашова – в подготовке заговора (отметим, что донос Балашова на Сперанского несомненно имел место, но вовсе не был таким, каким описал его Санглен в мемуарах, где фигурируют фантастические детали, изображавшие Сперанского в своем кабинете алхимиком и иллюминатом, жаждущим власти и отпускающим презрительные шутки относительно императора [Санглен, с. 105–106]). Мог ли тогда Александр I сохранить государственного секретаря на своем посту, уезжая из Петербурга в армию? В другой обстановке, возможно, да; но в тот момент император, возбужденный тревогами

будущей войны, не смог ни избавиться от возникших у него подозрений, ни проверить их в короткое время. Свою роль сыграла известная болезненная подозрительность Александра I (как писал ему тогда Паррот: «Даже ангел стал бы подозрительным на Вашем месте»).

Однако на аудиенции 17 марта 1812 г. Александр I не стал озвучивать Сперанскому свои подозрения. Источники, повествующие об этой встрече, наиболее разноречивы, поскольку в большинстве своем питались слухами, а наиболее подробные из них (как рассказы князя А. Н. Голицына или Ф. П. Лубяновского) записаны спустя много лет после событий [Андреев, 2022]. Поэтому лучше всего о ее результатах свидетельствует обширное письмо Сперанского Александру I, написанное в Перми в начале 1813 г. и, по сути, восполняющее все то, что Сперанский хотел бы, но не смог ответить императору в последнем разговоре. Он перечисляет здесь главные пункты обвинений («из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили»), и среди них нет ни измены, ни подготовки заговора, а названы лишь внутривластные проблемы [Сперанский, с. 58], воспроизводившие содержание записки Розенкампа, которой Александр I, очевидно, воспользовался.

Отсюда вытекает, что об обвинении в государственной измене Сперанский узнал позже из доходивших до него толков в обществе (в частности, из отправленного ему в середине мая 1812 г. подробного письма от его друга П. Г. Масальского [Дружеские письма графа М. М. Сперанского, с. 12–21]). Обвинение в измене явно тяготило его, и особенно в глазах Александра I. Этим, видимо, объясняется, что Сперанский дважды оправдывался перед царем в эпизоде, кажущемся маловажным. Вечером 17 марта, когда перед отправкой Сперанского в Нижний Новгород опечатывали его бумаги, тот отобрал некоторые из них в отдельный конверт и попросил вручить в собственные руки императора. Там были тайные дипломатические документы, предназначенные лично для Александра I, – донесения графа К. В. Нессельроде из Парижа, а также расшифрованные перлюстрации депеш иностранных посланников в Петербурге. И если первые из документов Сперанский получал по прямому высочайшему поручению, то вторые к нему доставлялись уже без всякого разрешения императора от чиновника министерства иностранных дел, занимавшегося дипломатическими шифрами, Х. А. Бека. Сперанский признавал, что превысил здесь границы доверия Александра I, и просил у него за это прощения – сперва в записке, приложенной к упомянутому конверту [Шильдер, с. 55], а затем в «пермском письме». В последнем он писал: «Тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не может превратить его в государственное преступление». При этом здесь же он подчеркивал, что к тайной корреспонденции из Парижа был допущен самим царем и не может открыто в том оправдаться: «Вашей тайною, а не своею я связан; следовательно, вам же и развязать все должно» [Сперанский, с. 62–64].

Но в контексте других доносов, обвинявших Сперанского в связях с иностранными послами, дело об утечке тайных дипломатических документов через Х. А. Бека получило иной вес. Сам Александр I рассказывал об этом деле Парроту накануне 17 марта, то есть он знал о нем еще до признаний Сперанского. 25 марта Бек был арестован и посажен в крепость. Упомянутую записку Сперанского Александр I с возмущением показывал министру юстиции И. И. Дмитриеву [Дмитриев, с. 196]. Уже после отъезда в армию император продолжал проявлять активный интерес к делу Бека: из Вильны 19 апреля он отправил копию все той же записки Сперанского для графа Н. И. Салтыкова, возглавлявшего следствие, а 13 июня сообщил Салтыкову, что не удовлетворен показаниями Бека и хотел бы сопоставить их с какими-то своими бумагами, но «онные остались в Петербурге» [Шильдер, с. 58–59, 370].

О серьезном отношении Александра I к поиску возможной измены свидетельствует и его письмо шведскому наследному принцу Ж.-Б. Бернадоту от 24 мая 1812 г. Тот удивился «милосердию» российского императора, ибо никто из привлеченных по делу Сперанского не понес публичного наказания, на что Александр I ответил: «У меня более подозрений, чем неоспоримых данных, но при нынешних обстоятельствах они были достаточны для меня, чтобы ни на мгновение не дать мне колебаться и удалить причастных к делу лиц», и далее подчеркнул, что если бы доказательства поступили, то он «не пощадил бы виновных» [Шильдер, с. 52].

К моменту начала войны 1812 г. никаких доказательств получено не было, а затем бурные военные события полностью отодвинули расследование на задний план. После же победы над Наполеоном поиск изменников утратил свою актуальность – в манифесте от 30 августа 1814 г. Александр I торжественно заявлял о прощении даже тех, кто явно сотрудничали с французами. Следствие по делу Сперанского дальше не проводилось. Возможно, император скоро осознал собственную неправоту по отношению к бывшему государственному секретарю, однако точка в его деле была поставлена спустя лишь несколько лет: сперва после ходатайства через А. А. Аракчеева был составлен указ Александра I от 30 августа 1816 г., который официально объявлял Сперанского невиновным и давал ему возможность вновь поступить на службу [Корф, с. 119], а затем в личном письме к Сперанскому от 22 марта 1819 г. по поводу назначения того сибирским генерал-губернатором Александр I признал: «Враги ваши несправедливо оклеветали вас», обещая после исполнения новых поручений вновь приблизить его к себе в Петербурге [Там же, с. 174–177].

Таким образом, отказ от детального выяснения всех обстоятельств дела Сперанского (который сам попытался этим заняться в 1821 г.!) и конечное признание императора в том, что он действовал под влиянием клеветы и интриг, указывают на не вполне рациональный, а скорее эмоциональный характер принятого в 1812 г. Александром I

решения, в чем и коренятся все странности и «загадки» этого дела. Накануне начала войны Александр, конечно, мог поверить в измену, которая его окружает, и даже пожелать расстрелять предателя. Его чувства были накалены до предела – таким он предстает накануне отставки Сперанского в общении с Парротом, которому заявил в тот день: «Если я погибну в этой ужасной борьбе, изобразите меня потомству тем, кем я был» [LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 9. Lp. 63]. Менее всего он думал тогда о выборе между либеральным или консервативным курсом или о каком-то «лицедействе» ради «упрочения самодержавия». Однако последующая историография чрезмерно мистифицировала эти события, некритически используя многие источники и принимая на веру «высказывания Александра I», которые в действительности каждый раз требуют тщательного источниковедческого анализа.

Список литературы

Андреев А. Ю. Кто спас Сперанского от расстрела? // Родина. 2020. № 4. С. 108–112.

Андреев А. Ю. «Профессор-романтик» Г. Ф. Паррот и его дружба с императором Александром I // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2021. Вып. 101. С. 79–100. DOI 10.15382/sturI2021101.79-100.

Андреев А. Ю. Источники об отставке Сперанского в 1812 г.: опыт систематического анализа // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3. (В печати.)

Вигель Ф. Ф. Записки : [в 2 т.]. М. : Круг, 1928. Т. 2. 355 с.

Выдержки из записок А. Я. Булгакова // Русский архив. 1867. № 12. Ст. 1361–1174. ГАРФ. Ф. 728. Ед. хр. 1678.

Гауеншильд Ф. Ф. М. М. Сперанский // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 251–262.

Готоваева А. Г. «Он всегда будет жертвой интриг»: придворная борьба Александровской эпохи // Россия и современный мир. 2018. № 1 (98). С. 8–28.

Двенадцатый год в записках В. И. Бакуниной // Русская старина. 1885. Т. 47. № 9. С. 391–410.

Деятели и участники в падении Сперанского (неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа) // Русская старина. 1902. Т. 109, № 3. С. 469–508.

Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М. : Изд. М. А. Дмитриев, 1866. 315 с.

Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1862. 142 с.

Записка о маринистах, представленная в 1811 году графом Ф. В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75–81.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : [в 2 т.]. СПб. : Изд. Имп. публ. б-ки, 1861. Т. 2. 388 с.

Николаенко П. Д. Министр полиции А. Д. Балашов и опала М. М. Сперанского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 27–33.

Нольде А. Э. Сперанский. Биография. М. : Моск. школа полит. исслед., 2004. 304 с.

Погодин М. П. Сперанский (посвящается барону М. А. Корфу) // Русский архив. 1871. № 7. Ст. 1097–1252.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 557; Ф. 11. Оп. 1. Д. 1151.

Ростопчин Ф. В. Тысяча восемьсот двенадцатый год // Русская старина. 1889. Т. 64, № 12. С. 643–725.

Санглен Я. И. де Записки. 1793–1831. М. : Кучково поле, 2016. 256 с.

- Семевский В. И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1911–1912. Т. 2. С. 221–245.
- Скрыдлов А. Ю.* М. М. Сперанский и А. Д. Балашов: к вопросу о роли министра полиции в интриге против государственного секретаря // Клио. 2013. № 4 (76). С. 106–109.
- Сперанский. I.* Пермское письмо к Александру Павловичу. II. Оправдательная записка (сообщено Н. К. Шильдером) // Русский архив. 1892. № 1. С. 50–78.
- Ссылка Сперанского в 1812 году (дополнительные материалы к «Жизни графа Сперанского» барона М. А. Корфа) // Русская старина. 1902. Т. 110, № 4. С. 5–44.
- Томсинов В. А.* Светило русской Бюрократии : Исторический портрет М. М. Сперанского. М. : Молодая гвардия, 1991. 336 с.
- Тургенев Н. И.* Россия и русские. М. : ОГИ, 2001. 744 с.
- Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 255 с.
- Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор : Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М. : Газетно-журн. объединение «Воскресенье», 1993. 238 с.
- Шильдер Н. К.* Император Александр I: его жизнь и царствование : в 4 т. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1897. Т. 3. 569 с.
- Южаков С. Н.* М. М. Сперанский: его жизнь и общественная деятельность. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1892. 88 с.
- LVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8, 9.

References

- Andreev, A. Yu. (2020). Kto spas Speranskogo ot rasstrela? [Who Saved Speransky from Execution?]. In *Rodina*. No. 4, pp. 108–112.
- Andreev, A. Yu. (2021). “Professor-romantik” G. F. Parrot i ego družba s imperatorom Aleksandrom I [The “Romantic Professor” G. F. Parrot and His Friendship with Emperor Alexander I]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. Iss. 101, pp. 79–100. DOI 10.15382/sturII2021101.79-100.
- Andreev, A. Yu. (2022). Istochniki ob otstavke Speranskogo v 1812 g.: opyt sistematicheskogo analiza [Sources on Speransky’s Resignation in 1812: A Systematic Analysis]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 3. (In print)
- Chibiryaev, S. A. (1993). *Velikii russkii reformator. Zhizn’, deyatel’nost’, politicheskie vzglyady M. M. Speranskogo* [Great Russian Reformer. Life, Activity, Political Views of M. M. Speransky]. Moscow, Gazetno-zhurnal’noe ob’edinenie “Voskresen’e”. 238 p.
- Deyateli i uchastniki v padenii Speranskogo (neizdannaya glava iz “Zhizni grafa Speranskogo” barona M. A. Korfa) [Figures and Participants in the Fall of Speransky (an Unpublished Chapter from the *Life of Count Speransky* by Baron M. A. Korf)]. (1902). In *Russkaya starina*. Vol. 109. No. 3, pp. 469–508.
- Dmitriev, I. I. (1866). *Vzglyad na moyu zhizn’* [A Look at My Life]. Moscow, Publ. M. A. Dmitriev. 315 p.
- Druzheskie pis’ma grafa M. M. Speranskogo k P. G. Masal’skomu, pisannyye s 1798 po 1819 g.* [Friendly Letters from Count M. M. Speransky to P. G. Masalsky Written from 1798 to 1819]. (1862). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 142 p.
- Dvenadtsatyi god v zapiskakh V. I. Bakuninoi [The Year 1812 in the Notes of V. I. Bakunina]. (1885). In *Russkaya starina*. Vol. 47. No. 9, pp. 391–410.
- Fyodorov, V. A. (1997). *M. M. Speranskii i A. A. Arakcheev* [M. M. Speransky and A. A. Arakcheev]. Moscow, Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta. 255 p.
- GARF* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 728. No. 1678.
- Gotovtseva, A. G. (2018). “On vseгда budet zhertvoi intrig”: pridvornaya bor’ba Aleksandrovskoi epokhi [‘He Will Always Be a Victim of Intrigues’: The Court Struggle of the Alexander Era]. In *Rossiya i sovremenniy mir*. No. 1 (98), pp. 8–28.

Hauenschild, F. F. (1902). M. M. Speransky [M. M. Speransky]. In *Russkaya starina*. Vol. 110. No. 5, pp. 251–262.

Korf, M. A. (1861). *Zhizn' grafa Speranskogo v 2 t.* [Life of Count Speransky. 2 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki. Vol. 2. 388 p.

LIVVA. F. 7350. Apr. 1. № 8, 9.

Nikolaenko, P. D. (2016). Ministr politsii A. D. Balashov i opala M. M. Speranskogo [Minister of Police A. D. Balashov and the Disgrace of M. M. Speransky]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*. No. 1 (69), pp. 27–33.

Nolde, A. E. (2004). *Speranskii. Biografiya* [Speransky. Biography]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 304 p.

Pogodin, M. P. (1871). Speranskii (posvyashchayetsya baronu M. A. Korfu) [Speransky (Dedicated to Baron M. A. Korf)]. In *Russkii arkhiv*. No. 7, pp. 1097–1252.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts] Stock 6. List 1. Dos. 557; Stock 11. List 1. Dos. 1151.

Rostopchin, F. V. (1889). Tysyacha vosem'sot dvenadtsatyi god [1812]. In *Russkaya starina*. Vol. 64. No. 2, pp. 643–725.

Sanglen, Ya. I. de. (2016). *Zapiski. 1793–1831*. [Memoirs. 1793–1831]. Moscow, Kuchkovo pole. 256 p.

Schilder, N. K. (1897). *Imperator Aleksandr I: ego zhizn' i tsarstvovanie v 4 t.* [Emperor Alexander I: His Life and Reign. 4 Vols.] St Petersburg, Publ. A. S. Suvorin. Vol. 3. 569 p.

Semevskii, V. I. (1911). Padenie Speranskogo [The Fall of Speransky]. In *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo v 7 t.* Moscow, Izdatel'stvo Tovarishchestva I. D. Sytina. Vol. 2, pp. 221–245.

Skrydlov, A. Yu. (2013). M. M. Speranskii i A. D. Balashov: k voprosu o roli ministra politsii v intrige protiv gosudarstvennogo sekretarya [M. M. Speransky and A. D. Balashov: On the Role of the Minister of Police in the Intrigue against the Secretary of State]. In *Klio*. No. 4 (76), pp. 106–109.

Speransky (1892). I. Permskoe pis'mo k Aleksandru Pavlovichu. II. Opravdatel'naya zapiska (soobshcheno N. K. Shil'derom) [I. Letter from Perm to Alexander Pavlovich. II. Exculpatory Note (Reported by N. K. Schilder)]. In *Russkii arkhiv*. No. 1, pp. 50–78.

Ssylka Speranskogo v 1812 godu (dopolnitel'nye materialy k "Zhizni grafa Speranskogo" barona M. A. Korfa) [Exile of Speransky in 1812 (Additional Materials to the *Life of Count Speransky* by Baron M. A. Korf)]. (1902). In *Russkaya starina*. Vol. 110. No. 4, pp. 5–44.

Tomsinov, V. A. (1991). *Svetilo russkoi byurokratii. Istoricheskii portret M. M. Speranskogo* [The Light of Russian Bureaucracy. Historical Portrait of M. M. Speransky]. Moscow, Molodaya gvardiya. 336 p.

Turgenev, N. I. (2001). *Rossiya i russkie* [Russia and Russians]. Moscow, OGI. 744 p.

Vigel', F. F. (1928). *Zapiski v 2 t.* [Memoirs. 2 Vols.]. Moscow, Krug. Vol. 2. 355 p.

Vyderzhki iz zapisok A. Ya. Bulgakova [Excerpts from the Notes of A. Ya. Bulgakov]. (1867). In *Russkii arkhiv*. No. 12, pp. 1361–1174.

Yuzhakov, S. N. (1892). *M. M. Speranskii: ego zhizn' i obshchestvennaya deyatel'nost'* [M. M. Speransky: His Life and Social Activities]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 88 p.

Zapiska o martinistakh, predstavlenaya v 1811 godu grafom F. V. Rostopchinym velikoi knyagine Ekaterine Pavlovne [A Note on the Martinists, Presented in 1811 by Count F. W. Rostopchin to Grand Duchess Ekaterina Pavlovna]. (1875). In *Russkii arkhiv*. No. 9, pp. 75–81.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Double-Headed Eagle... Literature and State Ideology in Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.

Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом*

Дмитрий Тимофеев

¹Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН;

²Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I

Dmitry Timofeev

¹Institute of History and Archaeology
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;

²Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In historiography, the Russian constitutionalism of the first quarter of the nineteenth century has traditionally been considered a result of the ideological influence of the European political and legal theories and the content of foreign constitutions known to contemporaries. What escaped researchers' attention was the influence of the existing experience of holding elections in noble assemblies which the authors of constitutional projects referred to as a basic model for forming bodies of class representation. Electoral practices allowed the emperor and his immediate environment to estimate the degree of formation of one of the most significant conditions for introducing a constitution in Russia, i. e. the fact that the eligible for political rights possessed necessary moral qualities, desire, and abilities for partnership in the development and discussion of laws. The author analyses archival materials from the Russian State Historical Archive, acts, and M. M. Speransky's private correspondence with V. P. Kochubey. For the first time in national historiography, the article presents recurring problem situations

---

* *Citation*: Timofeev, D. (2022). Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705.

Цитирование: Тимофеев Д. Russian Constitutionalism and Elections in Noble Assemblies under Alexander I // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705 / Тимофеев Д. Российский конституционализм и выборы в дворянских собраниях при Александре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 848–866. DOI 10.15826/qr.2022.3.705.

deemed by contemporaries as critical, interfering with the normal functioning of election systems. The most significant of them was the impossibility to draw up electoral lists in due time and authentically, reveal and prevent facts of a deliberate distortion of data on property, cases of false purchase and sale of manors; lack of the necessary number of noblemen who would correspond to all to the criteria established by the law and have the skills required; conspiracy or bribery of electors by the persons interested in the victory of a candidate; cases of "evasion of duty" by already elected candidates. Such cases were treated as a manifestation of unworthy behaviour of noblemen who turned the election procedure into an instrument of negative selection of candidates. Finally, the author concludes that in the government circles of Russia in the first quarter of the nineteenth century, together with the understanding of the inefficiency of the existing local management system, the negative experience of electoral practices was an argument for the inopportuneness of introducing a constitution.

Keywords: Russian constitutionalism, power, and society, constitution, self-government of the nobility, elections of the nobility, M. M. Speransky

В историографии российский конституционализм первой четверти XIX в. традиционно рассматривался как результат идейного влияния европейских политико-правовых теорий и содержания известных современникам зарубежных конституций. При этом вне поля зрения исследователей оставался вопрос о влиянии собственного опыта проведения выборов в дворянских собраниях, которые предлагались авторами конституционных проектов в качестве базовой модели при формировании органов сословного представительства. Электоральные практики позволяли императору и его ближайшему окружению оценить степень сформированности одного из наиболее значимых условий введения в России конституции – наличия у тех, кто мог быть наделен политическими правами, необходимых морально-нравственных качеств, желаний и способностей для соучастия в разработке и обсуждении законов. На основе анализа комплекса архивных материалов РГИА, законодательных актов и частной переписки М. М. Сперанского с В. П. Кочубеем впервые в отечественной историографии представлены регулярно воспроизводимые проблемные ситуации, которые оценивались современниками как критические, препятствующие нормальному функционированию системы избрания кандидатов на выборные должности. Наиболее значимые из них – невозможность своевременно и достоверно составлять избирательные списки, выявлять и предотвращать факты намеренного искажения данных об имуществе, случаи подложной купли-продажи имений; отсутствие необходимого количества дворян, которые бы соответствовали всем установленным законом критериям и обладали достаточным уровнем квалификации; сговор или подкуп выборщиков лицами, заинтересованными в победе определенного кандидата; случаи уклонения уже избранных кандидатов от исполнения возложенных на них обязанностей. Все перечисленные случаи трактовались как проявление недостойного поведения дворян, что превращало процедуру избрания в инструмент отрицательной селекции кандидатов. Автор дела-

ет вывод о том, что в правительственных кругах России первой четверти XIX в. негативный опыт электоральных практик в совокупности с пониманием неэффективности существующей системы местного управления являлся основанием для аргументации несвоевременности учреждения конституции.

Ключевые слова: российский конституционализм, власть и общество, конституция, дворянское самоуправление, дворянские выборы, М. М. Сперанский

В современной историографии формирование российского конституционализма XVIII–XIX в. традиционно рассматривается как следствие идейного влияния философии Просвещения, либеральных экономических теорий и политической практики стран Западной Европы. В рамках данного исследовательского подхода российский конституционализм представлен как одно из проявлений общеевропейского феномена эволюции политической культуры и властных институтов, имевшее различные национальные модификации в зависимости от особенностей социальной структуры, сложившихся практик управления и развитости общественного сознания [Медушевский, 1998; Медушевский, 2010; Чернов, 2007; Захаров, 2017]. Анализ в широком сравнительно-историческом контексте ряда зарубежных конституций и проектов А. Р. Воронцова, М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, Н. С. Мордвинова, Н. М. Муравьева, П. И. Пестеля и др. стал основанием для дискуссий о сущности абсолютизма и исторических моделях его трансформации во второй половине XVIII – первой половине XIX в.¹

Одним из важнейших аспектов такого рода дискуссий является вопрос о причинах, обусловивших отказ императора Александра I реализовать первоначально согласованные с ним планы провозглашения гражданских и некоторых политических прав для определенных категорий российских подданных. В общем виде в качестве таких причин чаще всего назывались следующие: противоречие между пониманием исторической неизбежности отмены (смягчения) крепостного права и необходимостью при создании выборных органов иметь надежную опору в лице дворянства, представители которого были не готовы к утрате контроля над крепостными крестьянами; сложные внешнеполитические обстоятельства; информация о возникновении радикально настроенных тайных обществ; личное разочарование Александра I в целесообразности продолжения реформ [Захаров, 2011, с. 47; Мироненко, с. 11–73, 229–230]. Однако при всей важности сделанных выводов для понимания причин отказа Александра I

---

¹ В. Ю. Захаров, например, выделяет четыре основных варианта выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий во второй половине XVIII в.: «просвещенный абсолютизм», «просвещенный деспотизм», «правительственный конституционализм» и «революция» [Захаров, 2011, с. 36–38].

от политико-административных преобразований, на мой взгляд, необходимо сфокусировать внимание не на внешних обстоятельствах или общих утверждениях о сопротивлении консервативного дворянства, а на *действительных намерениях и объективных возможностях* верховной власти изменить систему государственного управления с учетом информации о положении дел в системе управления и практики использования выборных процедур для отбора наиболее способных и квалифицированных кандидатов на различные должности.

Границы намерений власти в деле реформирования системы государственного управления отчетливо прослеживаются при анализе порядка создания и характера взаимодействия с императором выборных структур в проектах М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева. Сопоставляя соотношение структурных элементов системы управления, которая могла быть создана в соответствии положениями «Государственной уставной грамоты», К. С. Чернов приходит к выводу о том, что «Грамота не вносила никаких новшеств в основу всей политической системы империи» и не могла способствовать «превращению самодержавия в конституционную монархию». Напротив, в проекте Н. Н. Новосильцева порядок формирования сеймов свидетельствует «о четко выраженном стремлении авторов грамоты подменить представительные механизмы бюрократическими», что позволило бы «контролировать непредсказуемую активность выборных членов сейма» [Чернов, 2009, с. 32]. В результате наличие представительных институтов не привело бы к появлению новых центров принятия решений, но позволило бы сформировать дополнительные информационные каналы обратной связи, которые были необходимы имперской власти для сохранения управляемости и предварительной апробации принимаемых решений [Там же, с. 33]. Аналогичную оценку практической направленности правительственного конституционализма высказывал и А. Н. Медушевский, утверждая, что «правительственный конституционализм как данного, так и последующего времени есть форма “мнимого конституционализма”, использующая европейские принципы для легитимации традиционного (самодержавного) режима» [Медушевский, 2010, с. 19]. Таким образом, октройрованная конституция рассматривалась как сугубо утилитарный инструмент повышения управляемости и контролируемости положения на местах, а апелляция к теоретическим основаниям концепции общественного договора, разделения властей и естественного права позволяла легитимировать власть монарха в сознании образованной части русского общества.

На мой взгляд, оценка правительственного конституционализма как сознательно выстраиваемой стратегии по легитимации самодержавия посредством декларации приверженности европейским либеральным принципам не в полной мере соответствует особенностям мировосприятия правящей элиты в царствование Александра I. Анализируя политическое поведение и взгляды современников,

важно учитывать, что в России на рубеже XVIII – первой четверти XIX в. ключевым аспектом осмысления социально-политической реальности был вопрос о *соотношении морали и политики*, способах установления доверительных отношений политических институтов и подданных, а в качестве ориентиров рассматривалась либо патерналистская модель правления «просвещенного монарха», который, устанавливая законы, сам бы их неукоснительно соблюдал, либо исторические примеры древних республик. В царствование Александра I на страницах российских журналов и учебных пособий размышления и о монархии, и о республике неизменно сопровождались подчеркиванием первостепенной важности не рационально выстраиваемых политических институций, а морально-нравственных качеств («добродетелей») и профессиональных способностей граждан. Именно эта установка была частью официального государственно-патриотического дискурса, в основании которого лежало утверждение о системообразующей роли личностных качеств главы государства, а также о «любви к Отечеству» и стремлении каждого индивида действовать на общее благо. В данном контексте вопрос о российской конституции был интегрирован в более широкий дискурс о взаимосоответствии личностных качеств российских подданных и предполагавшихся в конституционных проектах политических институтов.

Но была ли у императора и его окружения реальная возможность оценить, насколько те, кто потенциально могли быть наделены политическими правами, действительно обладали необходимыми качествами? Единственный инструмент, используя который, было возможно оценить степень готовности дворянства «соучаствовать» в выработке правовых норм, это систематически поступающая с мест информация о реальном положении дел в системе управления и практике использования выборных процедур для отбора наиболее способных кандидатов на различные должности [Тимофеев, 2016; Тимофеев, 2020].

В современной историографии взаимосвязь между практикой проведения выборов в дворянских собраниях, которые в большинстве проектов рассматривались как базовая модель организации избирательных процедур, и причинами отказа от реализации конституционных проектов до сих пор не была предметом специального исследования². В настоящей работе для решения этой задачи сопоставлены комплекс материалов делопроизводства (жалобы дворянства и донесения губернаторов «о беспорядках при проведении выборов»; журналы заседаний Комитета министров, департамента законов, департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, материалы сенаторских ревизий), законодательные акты, корректирующие порядок проведения выборов; частная переписка М. М. Сперанского

---

² Тематически наиболее близкими являются работы А. И. Куприянова, но он рассматривает комплекс сюжетов, связанных с избирательными практиками в дворянских собраниях и органах городского самоуправления, в контексте формирования в России протоинститутов гражданского общества [Куприянов].

и В. П. Кочубея. В результате сравнительного анализа обозначенного комплекса источников выявлены регулярно воспроизводившиеся в различных губерниях проблемные ситуации, которые оценивались как критические, препятствующие нормальному функционированию системы избрания кандидатов на выборные должности.

Одним из наиболее часто упоминавшихся был *вопрос о неспособности местных властей обеспечить установленный законом порядок составления списков дворян*, имевших право участвовать процедуре баллотирования. Его актуальность неоднократно подтверждалась жалобами и донесениями с мест. Так, например, в рапорте костромского губернского прокурора, направленном в 1814 г. министру юстиции Д. П. Трошинскому, а от него – министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, сообщалось, что по доносу секретаря дворянского собрания коллежского асессора Верховского к выборам были допущены и утверждены губернатором в должности губернского предводителя дворянства Д. Н. Козловский, уездного предводителя – И. Л. Насекин, земского исправника – В. Т. Щедрин. В донесении утверждалось, что первый кандидат состоял ранее под судом по обвинению в преднамеренной «браковке» трех рекрутов, которые позднее оказались в имении графа Зубова, второй обвинялся в «подозрительной перепродаже недвижимого имущества» вместе со 128 крепостными крестьянами, а избранный на должность земского исправника В. Щедрин находился под судом за «слабый присмотр и невзятие под стражу регистратора П. Киленина, судимого в убийстве сестры своей родной» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 91. Д. 231. Л. 88, 92, 94–94 об.].

Аналогичная проблема была сформулирована 7 февраля 1821 г. в донесении казанского гражданского губернатора П. А. Нилова. Обращаясь к В. П. Кочубею, он отмечал, что, несмотря на изданные ранее указы, в соответствии с которыми «собрание дворянское обязывалось иметь в виду о последнем служении каждого баллотируемого аттестаты», на последних выборах «балатируемы были и балатировали других сами: состоявшие прежде и ныне находящиеся еще под судом, те коих дела прекращены Всемилостивейшим манифестом, и те, кои не имели о последнем служении аттестатов» [Там же. Оп. 6. Отд. II. Ст. 3. Д. 12. Л. 1–2]. Обстоятельства этого дела были известны не только непосредственным участникам и адресантам донесений, но и более широкому кругу высокопоставленных чиновников, так как в соответствии с установленной процедурой дело последовательно рассматривалось министром внутренних дел, сенаторами, членами Комитета министров. В итоге высочайше утвержденным 20 июня 1822 г. решением Комитета министров результаты выборов в Казанской губернии были отменены [Там же. Л. 96–97].

Дополнительным аргументом, иллюстрирующим остроту проблемы отбора кандидатов на выборные должности, были многочисленные *свидетельства о намеренном искажении данных об имуществе с целью получения права участия в выборах*. Выявленная в нескольких губерниях

схема подлога была достаточно проста: перед выборами дворянин формально приобретал недвижимое имущество, которое после их завершения продавал прежнему владельцу. Подобного рода случаи фиктивной продажи имений были предметом рассмотрения в высших учреждениях на протяжении всего правления императора Александра I. При этом современники отмечали, что такие действия лишь на первый взгляд имели сугубо формальный характер, а в действительности приводили к долговременным негативным последствиям. Так, например, гродненский гражданский губернатор в представлении на имя государя цесаревича Константина Павловича сообщал, что инициаторами подложной купли-продажи были «вотчинники значительных имений», которые принуждали совершать фиктивные сделки «зависящих от них лиц, не имеющих никакой собственности... не выпуская, впрочем, их из своего владения, якобы на основании арендных контрактов от сих людей, им выданных, но также подложных». Таким образом, по словам губернатора, крупные помещики получают на выборах «несправедливый перевес, устраняют от должностей людей достойных и наполняют правительственные места чиновниками ненадежными и неспособными» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, стб. 115].

Для предотвращения практики избрания заведомо зависимых и неспособных чиновников губернатор предложил дополнительно к удостоверительным документам о дворянском происхождении обязать каждого участника избирательной процедуры «давать присягу в том, что ни сам присягающий не участвует в выборах из кондиктового владения, ниже таковым владением никого не снабдил» [Там же, стб. 115]. Дело было направлено на рассмотрение Н. Н. Новосильцеву, который, в целом соглашаясь с предложениями губернатора, считал необходимым ужесточить требования: кроме письменного обязательства дворянина в течение трех лет «не выпускать имения из своего владения», следовало налагать временное «запрещение» на сделки с имением, которое было указано в качестве подтверждения необходимого для участия в выборах имущественного ценза. В случае же выявления подложной продажи с целью участия в выборах дворянин должен был быть исключен из собрания дворянства или «вовсе лишен означенного звания» [Там же, стб. 115–116].

Аналогичная позиция была озвучена и в мнении министра внутренних дел В. С. Ланского, который предложил взysкивать стоимость имения в пользу казны с тех дворян, кто до истечения срока пребывания на выборных должностях продавали или сдавали имения в аренду. И хотя в итоговом решении департамента законов и общего собрания Государственного совета от 9 марта 1825 г.³ данная норма была заменена достаточно абстрактной формулировкой о предании виновного в подлоге «суду по законам» [Там же, стб. 120–122], сам факт обсужде-

---

³ Решение распространялось на «все губернии, от Польши присоединенные», и было высочайше утверждено 14 июня 1827 г. [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, стб. 122].

ния способов предотвращения незаконного включения «недостойных дворян» в избирательные списки следует рассматривать как признание властью неспособности осуществить постоянный контроль за процессом подготовки к выборам.

Обозначенная проблема усугублялась еще одной принципиально не решаемой дилеммой – *отсутствием необходимого количества дворян, которые бы одновременно соответствовали всем установленным законом критериям и обладали необходимым уровнем квалификации для исполнения обязанностей на выборных должностях*. Яркой иллюстрацией сложившегося положения является представление волынского вице-губернатора Горохольского о дозволении избирать на должность заседателя нижнего земского суда дворянина Доморадского, который не обладал недвижимым имуществом доходностью 150 руб. в год⁴. Аргументируя свое прошение, вице-губернатор отмечал, что кандидат еще до повышения имущественного ценза трижды выбирался на эту должность, «но дворянство почитает нужным оставить его при прежнем месте не только потому, что он имеет к нему доверенность, но и потому, что опытностию своею может подавать пример другим, от дворянства избранным...» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 15. Л. 249–249 об., 255].

Соображениями служебной целесообразности обосновывал необходимость разрешить участвовать в выборах «оштрафованным» дворянам и ярославский губернский предводитель Н. А. Майков. 23 декабря 1813 г. в представлении на имя министра внутренних дел он сообщал, что многие из не допущенных к выборам дворян «по способностям своим и честности их, известной дворянскому сословию, могли бы занимать по выборам немаловажные должности», но они лишь «по одному названию бытия их под судом лишаются оных» [Там же. Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201. Л. 33 об.]⁵. Примерно та же аргументация необходимости допустить «оштрафованных дворян» к выборам приводилась в донесениях губернаторов Гродненской, Киевской, Курской, Калужской, Псковской, Симбирской, Смоленской, Тверской, Олонецкой губерний.

В России первой четверти XIX в. проблема подбора кандидатов на выборные должности была частью более масштабной проблемы – низкого уровня профессиональной компетенции местных чиновников. Формальные попытки ее решения посредством усиления исполнительной дисциплины сугубо административными методами приводили к неожиданным для правительства результатам. Об осознании необходимости исправления сложившегося положения и одновременно непонимании того, каким образом это можно сделать в кратчайшие сроки, свидетельствует журнал заседаний Комитета министров 3 фев-

---

⁴ Такой имущественный ценз был установлен указом 3 марта 1805 г. «О порядке дворянских выборов в губерниях от Польши присоединенных» [ПСЗ-1, т. 28, № 21646, с. 883–884].

⁵ В результате рассмотрения дела было издано высочайшее повеление Ярославскому губернскому правлению разрешить указанным дворянам участвовать в выборах [РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201. Л. 50 об.].

раля 1809 г. При обсуждении вопроса «О судах над чиновниками» в представленной по повелению императора записке отмечалось:

Все уголовные палаты наполнены у нас делами в упущении должностей разных низших чиновников. Дела сии тянутся, длятся и большую часть кончаются или оправданием, или штрафом, или отрешением. За всякую вину, за всякий проступок – суд. <...> Между тем служба терпит: половина чиновников, быв удалена от должностей, места их остаются праздными или занимаются кандидатами, кои, не проча себе мест и наполняя их против воли, стараются только отбывать, а не отправлять службу [Журналы комитета министров, т. 1, с. 252].

Предлагалось для рассмотрения незначительных нарушений создать в каждой губернии при Уголовной палате особый «Суд исправления», «составленный из губернатора, двух председателей палат и прокурора с самою небольшою канцелярией», а «суду уголовному предавать за такие только вины, кои влекут за собою отрешение дел навсегда или лишение чести и ссылки» [Там же].

30 ноября 1809 г. Комитет министров вновь возвращается к данному вопросу. Инициативным документом служило донесение калужского предводителя дворянства о разногласиях местного дворянства по вопросу о допуске к выборам дворян, «кои хотя и были под судом, но всемилостивейшим манифестом от оного освобождены» без оправдательного решения. При рассмотрении дела была озвучена позиция Сената, который, ссылаясь на указ 17 июня 1803 г., рекомендовал при принятии решения об отстранении дворян от выборов каждый раз выяснять, «по какому случаю подвержены были они судебному рассмотрению, до какой степени сие рассмотрение достигло... и чем точно решено было» [Там же, с. 404]. Но министр внутренних дел А. Б. Куракин не поддержал данное решение. Аргументируя нецелесообразность допуска «сужденных» дворян к выборам, он отметил, что подробный разбор дел просто некому проводить, так как «если предоставить сие начальнику губернии, то дворянство примет то нарушением своих прав, а если самому дворянству, то, по многочисленности членов, неминуемо произойдут разные мнения и несогласия, которые подадут повод к беспорядкам» [Там же, с. 405]. В результате обсуждения Комитет министров принял решение: «не избирать тех из дворян, кои были под судом и оным не оправданы, но только прощены по милостивому манифесту», с правом подавать прошения в Правительствующий Сенат. Очевидно, что такая формулировка не решала проблемы, так как рассмотрение любого дела в Сенате могло продолжаться неопределенно продолжительное время.

Наряду с проблемой юридического соответствия кандидатов на выборные должности не менее актуальным был вопрос: *возможно ли посредством выборов выявить действительную волю большинства местного дворянства?* Содержательно такая постанов-

ка проблемы была обусловлена как практикой голосования по доверенности, так и случаями сговора или подкупа выборщиков.

Первый аспект представлен в различных донесениях и жалобах об участии выборщиков по доверенности⁶. Так, например, волынский гражданский губернатор М. И. Комбурлей в 1808 г. по просьбе дворян обратился к министру внутренних дел с ходатайством об отмене голосования по доверенностям. Данное обращение было передано на рассмотрение в первый департамент Сената, а 30 июня 1810 г. – в департамент гражданских и духовных дел Государственного совета. В донесении губернатора сообщалось о значительном числе голосующих по доверенности (лично участвовало 78 дворян, по доверенности – 531, из них 417 не уведомили, кого именно поручили избрать их доверители) и высказывалось мнение о необходимости либо полностью запретить заочное участие в «баллотировке», либо обязать дворянина письменно сообщать губернатору, на какую должность и за кого поручает он голосовать своему представителю.

В ходе рассмотрения дела были высказаны два аргумента против голосования по доверенности: 1) данная норма была установлена Екатериной II для проведения выборов в Уложенную комиссию и не относится к выборам в дворянских собраниях, но в некоторых губерниях до сих пор выбирают по доверенностям; 2) при личном участии дворянин «приводится к присяге на соблюдение справедливости и беспристрастия, тогда как отсутствующие дают согласие свое и доверенность по одному их произволению» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 1, стб. 51–54]. Все это существенно затрудняло или вообще исключало возможность определить действительное соотношение голосов за конкретного кандидата, так как выборщик по доверенности мог в своих личных интересах или, что еще более опасно – в интересах третьих лиц поддержать другого кандидата. В результате было принято решение: «впредь при дворянских выборах по всем вообще губерниям от неприбывших дворян доверенностей не принимать, а производить те выборы по баллам наличными токмо дворянами»⁷ [Там же, стб. 54].

Сомнения в возможности провести безусловно честные, отражающие личную позицию каждого участника выборы, возникало и при рассмотрении разнообразных донесений и жалоб о так называемых «беспорядках при проведении выборов». Данным словосочетанием современники обозначали не только прямое нарушение правил, но и все случаи, которые оказывали негативное влияние на результаты выборов.

---

⁶ Юридическим основанием для голосования по доверенностям являлся п. 7 именного указа Сенату от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового уложения и о выборе в оную депутатов», в соответствии с которым в случае, если дворянин (или самостоятельно владеющая имением дворянка) не мог лично явиться в собрание, он письменно уведомлял об этом губернатора и мог поручить голосовать своему представителю [ПСЗ-1, т. 17, № 12.801, с. 1096].

⁷ Решение было принято большинством голосов на общем собрании Государственного совета 24 октября и высочайше утверждено 11 ноября 1810 г.

Особое место в ряду таких случаев занимал *негласный сговор или подкуп выборщиков лицами, заинтересованными в победе определенного кандидата на выборную должность*. Смоленский военный губернатор С. С. Апраксин от 4 мая 1805 г. в представлении министру внутренних дел эмоционально описывал неформальные практики подкупа выборщиков: «дворянин, желающий быть избранным или желающий избрать кого-либо к занятию важного поста в своем уезде, прежде отъезда в губернский город составляет партию», руководитель которой «назначает наперед, кого им избрать и кого отвергнуть должно» [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8. Л. 167-167 об.]. Как правило, участниками таких «партий» становились бедные дворяне, для которых проезд и проживание в губернском городе были очень затратным, а иногда просто неосуществимым мероприятием. Сложившаяся практика, по мнению С. С. Апраксина, свидетельствовала об отсутствии и у тех, кто соглашается, и у тех, кто подкупает, необходимых для участия в избрании морально-нравственных качеств. Он с сожалением констатировал:

Выходит, что сии последние из токмо единого корыстолюбия и неблагонамерения, а приглашенные из глупости, праздности и недостатка, единственно желая доставить себе несколько недель угощения, употребляют во зло право, дарованное благородному дворянству, и вредят обществу [Там же].

Негативно оценивая сам факт корыстного сговора, автор задает вопрос: «избранные таким образом к служению чиновники... могут ли действовать по долгу их и по закону беспристрастно?» Ответ для него был очевиден: такой дворянин не способен служить на общее благо. На примере земского судьи и исправника С. С. Апраксин показывает последствия возникновения «партий»: зависимость от тех, кто способствовал их избранию, ведет к недостоверному сбору материалов для судов, умышленному затягиванию рассмотрения дел, а также росту недоимок и долгов, так как они «не имеют ни духа, ни намерения ниже смелости кого-либо к тому понудить как следует, а оставляют все сие на произвол случая» [Там же. Л. 168 об.]⁸.

Все это приводило к невозможности даже для тех, «кто хотел исправлять свою должность как следует... <...> Избежать пристрастия по всем без изъятия делам должностей, их касающихся». В дальнейшем, по свидетельству С. С. Апраксина, одни чиновники за совершаемые злоупотребления отдавались под суд, а другие вынуждены были «просить вовсе увольнения от службы прежде срока» [Там же. Л. 168]. В итоге выборные должности могли оказаться не занятыми, что только увеличивало количество нерешенных дел, рост процессуальных нарушений и, как следствие, «оштрафованных дворян».

---

⁸ В ответе министра сообщалось, что вопрос требует внимательного рассмотрения в Комиссии составления законов. До вынесения общего решения возможно только издание особого указа по Смоленской губернии, но это не относится к компетенции министра. Аналогичный ответ в этом же году был дан и псковскому губернатору [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 10. Л. 176-177].

Таким образом, описываемые случаи беспорядков (допуск оштрафованных дворян, подложные продажи имущества, разделение на партии, использование выборов для сведения личных счетов) трактовались как проявления недостойного поведения дворян, которое превращало процедуру избрания в *инструмент отрицательной селекции кандидатов*, что не соответствовало изначальной цели – отбора лучших и достойных представителей дворянства для исполнения общественно значимых функций.

Но и это еще не полный список проблем, непосредственно связанных с выборами, которые регулярно озвучивались в Комитете министров, Сенате и Государственном совете. Пристальное внимание властей было обращено на многочисленные случаи уклонения уже избранных кандидатов от исполнения возложенных на них обязанностей. На уровне официальных предписаний о необходимости прекращения подобной практики было заявлено еще в сенатском указе 20 марта 1800 г., в соответствии с которым полиции вменялось в обязанность возвращать к месту службы дворян, уехавших после избрания на выборные должности «в другие города или деревни», а после предавать суду. В высочайше утвержденном докладе Правительствующего Сената от 5 мая 1801 г. «О восстановлении статей дворянской грамоты, отмененных некоторыми указами», было признано, что «такое взыскание превышает меру учиненного поступка», и вполне достаточно будет предавать дворянина «суждению дворянского собрания» [ПСЗ-1, т. 26, № 19.856, с. 623–624]. Однако такое смягчение не решало проблемы наполнения мест чиновниками «по выбору от дворянства», о чем свидетельствуют указы 30 мая 1808 г., 15 марта 1809 г., 18 декабря 1811 г. При этом важно отметить, что все подобного рода законодательные акты возникали в результате рассмотрения конкретных жалоб и прошений с мест⁹.

Так, например, в именном указе 30 мая 1808 г. со ссылкой на донесение псковского губернатора выражалось недовольство, что «места, от выборов дворянства зависящие, остаются праздными по уклонению от общественной службы», и было дано предписание в случае невозможности найти достойных кандидатов «определять в оные чиновников от герольдии». Позднее в Комитете министров при рассмотрении вопроса «о мерах к скорейшему окончанию губернскими местами запущенных дел» обсуждалось еще одно донесение псковского губернатора. Он констатировал, что избранные ранее дворяне, опасаясь «быть оставленными на своих местах по истечении трехлетия для окончания нерешенных дел», представляют «свидетельства о болезни». Для предотвращения такого рода увольнений, которые неизбежно привели бы к остановке не только не решенных ранее, но и текущих дел, губернатор предлагал увольнять чиновников от должностей

---

⁹ Сведения об увольнении с выборных должностей ежемесячно подавались губернаторами в Министерство внутренних дел. См., например: [РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1817. Д. 198].

по выборам только после «освидетельствования их врачевною управою» [Журналы комитета министров, т. 2, с. 23].

Подозрения в том, что некоторые дворяне под предлогом ухудшения здоровья намеренно оставляют службу на выборных должностях, высказывались 9 марта 1808 г. в представлении от ярославского губернского предводителя дворянства Н. А. Майкова министру внутренних дел А. Б. Куракину:

Случается, что дворяне, избранные сословием своим в должности, не выслужив иногда полного трехлетия, подают в губернское правление об увольнении их просьбы, представляя причинами приключившиеся им болезни... Конечно, могут быть весьма законные иногда причины к таковому увольнению, но вместе с тем нельзя отвергнуть и того, чтобы не было чрез сие повода к отбыванию от службы общественной [РГИА. Ф. 1284. Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348. Л. 2–2 об.].

Для предотвращения такого рода «отбывания от службы» Н. А. Майков предлагал ввести особый порядок подтверждения обоснованности прошений об увольнении: в случае, если дворянин не выслужил полного трехлетия, он мог быть уволен от исполнения обязанностей в связи с болезнью или «другими законными причинами» не иначе «как с согласия дворянского сословия» [Там же].

В процессе рассмотрения данного дела министр внутренних дел, соглашаясь с необходимостью «удержания от уклонения под предлогом болезни или другим от службы», предложил обязать губернское правление доводить до сведения губернского предводителя о намерении дворянина уволиться с выборной должности. После получения таких сведений предводитель должен был удостовериться в обоснованности указанной в заявлении причины увольнения и в случае возникновения сомнения в ее достоверности представить все имеющиеся доказательства обмана на рассмотрение дворянского собрания. Такой порядок, несмотря на мнение ряда сенаторов, которые, ссылаясь на указ 12 августа 1803 г., считали целесообразным право увольнения выборных должностных лиц оставить только за губернским правлением [Корф, с. 345], был закреплен в указе 15 марта 1809 г. [ПСЗ-1, т. 30, № 23.538, с. 879].

Аналогичным образом обязанность проводить «строгое исследование» о том, что дворянин «действительно исправлять службы не может», была возложена высочайше утвержденным мнением Государственного совета 18 декабря 1811 г. на губернского предводителя, который совместно с дворянским собранием должен был дать согласие на увольнение дворянства [ПСЗ-1, т. 31, № 24.916, с. 1026]. Однако установленный порядок оказался явно недостаточным. 24 апреля 1818 г. на заседании департамента законов Государственного совета проблема уклонения от службы вновь рассматривалась как одна из причин сокращения числа кандидатов, которые могли быть включены в списки кандидатов на выборные должности. Прокурор Екатеринославской губернии сообщал,

что досрочная отставка дворянина, не выслужившего полного трехлетия на выборной должности, исключала возможность его «баллотировки» и, как следствие, порождала кадровый дефицит в «уездных присутственных местах» [Архив Государственного совета, т. 4, ч. 2, с. 109].

Таким образом, регулярно поступавшие с мест сведения о комплексе проблем, возникавших в связи с функционированием существовавшей с 1785 г. системы выборов, были хорошо известны императору, сенаторам, министрам, членам Государственного совета и губернаторам. Нередко в донесениях губернаторов содержались предложения разрешить хотя бы в качестве исключения из общего правила назначать на некоторые выборные должности чиновников «от короны» или «герольдии». В большинстве случаев такого рода просьбы аргументировались отсутствием необходимого количества дворян, низким уровнем квалификации кандидатов, предварительным сговором выборщиков, в результате которого на должности избиралась родственники или заведомо зависимые от их покровителей дворяне¹⁰. Все это порождало сомнение в своевременности масштабирования электоральных практик на общеимперский уровень посредством создания высших органов сословного представительства.

Неуверенности в возможности реализации проектов способствовали и результаты проведенной ранее административной реформы. Как убедительно показывает Л. Ф. Писарькова, проведенные Александром I преобразования не привели к желаемому результату. За 20 лет число «нерешенных дел» в губерниях многократно увеличилось. Реформаторы не смогли выстроить систему эффективного взаимодействия центральных и местных учреждений, и всю «вертикаль власти, обросшую многочисленными учреждениями и структурами, по-прежнему приводил в движение один человек – император» [Писарькова, 2018, с. 65]. Дополнительным фактором, сформировавшим понимание императором преждевременности конституционных преобразований, являлись его многочисленные поездки по стране [Писарькова, 2014, с. 415–417] и регулярно проводившиеся в губерниях сенаторские ревизии, в ходе которых выявлялось огромное количество случаев злоупотреблений и произвола чиновников. Только в Курской губернии более 300 чиновников было отдано под суд, а по итогам рассмотрения жалоб и материалов ревизий были сняты с должностей губернаторы Вологодской, Вольнской, Казанской, Костромской, Псковской, Тамбовской и Тульской губерний [Писарькова, 2018, с. 65].

Взаимосвязь между практикой выборов в дворянских собраниях и возможностью установления в России представительных органов отчетливо осознавалась ближайшим окружением Александра I и была

---

¹⁰ В данном контексте становится понятно сформулированное 3 марта 1811 г. в именном указе министру внутренних дел О. П. Козодавлеву намерение императора скорректировать и привести к единообразию нормы избирательного законодательства для всех российских губерний [ПСЗ-1, т. 31, № 24546, с. 568]. Новое положение было принято уже в царствование императора Николая I [Корф, с. 485–490].

важным аргументом нетождественности необходимых для учреждения конституции условий в России и в странах Западной Европы. В декабре 1814 г. В. П. Кочубей в записке «О положении империи и мерах к прекращению беспорядков и введению лучшего устройства в разные отрасли, правительстве составляющие» признавал, что в России

...принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту, как Государственному совету. Не могут они присвоены быть депутатам губернским или, как в разных государствах называют, провинциальным штатам, ибо степень просвещения есть еще слишком в империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим [РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. Д. 50. Л. 8].

Именно недостаточная «степень просвещения» на местном губернском уровне обуславливала невозможность в ближайшем будущем трансформации существующей системы выборов в аналог европейских органов сословного представительства.

Во «Введении к уложению государственных законов» (1809) М. М. Сперанский, отмечая недостатки существующего административно-территориального деления страны, признавал: «есть уезды, в коих дворянство так слабо, что некому ни избирать, ни быть избираемым. Посему наполнение мест хотя и чинится по выборам, но в самом деле зависит большей частью от произвола губернатора». Немногочисленность людей, которым возможно было бы предоставить «политические права», на практике означает, что «в одних совсем нельзя основать никаких начал законодательного порядка, а в других начала сии будут весьма слабы» [Сперанский, 2004, с. 41]. Предлагая решить данную проблему посредством изменения административно-территориального деления, он считал необходимым создать систему отбора кандидатов в волостные, окружные, губернские думы и Государственную думу. Предполагалось, что, помимо избрания соответствующих каждому уровню управленческих структур и передачи на вышестоящий уровень сведений об «общественных нуждах», волостная, окружная и губернская думы должны были составить «списки 20 отличнейших обывателей», а также «всех членов избранных в волостные правления, суды окружные и губернские» для направления в Государственный совет. В дальнейшем «списки всех губернских дум поступают к канцлеру Думы, и из них составляется общий государственный список, из коего заимствуются чиновники, мнением общим одобренные для определения их в порядке управления» [Сперанский, 1961, с. 230]¹¹.

Таким образом, выборы на всех уровнях должны были способствовать созданию механизма *кадровой селекции*, который позволял бы не только сформировать корпус депутатов Государственной думы,

---

¹¹ Аналогичное назначение составленных в результате выборов списков было предусмотрено и при формировании судебного корпуса [Сперанский, 1961, с. 47–48].

но и составить актуальные списки кадрового резерва чиновников различного уровня. Однако многочисленные донесения о проблемах, возникавших в процессе проведения выборов в дворянских собраниях, ставили под сомнение возможность создания такого механизма в России. О понимании существовавшего противоречия между теоретическими принципами и реальностью красноречиво свидетельствует частная переписка В. П. Кочубея и М. М. Сперанского. Министр внутренних дел В. П. Кочубей 2 ноября 1820 г., обращаясь к генерал-губернатору Сибири М. М. Сперанскому, писал:

Молодые люди наши врут, болтают, ничего не понимают и сами не знают, чего хотят, понимая и конституцию, и либеральные правила в кривом виде, а, впрочем: созрели ли мы достаточно, чтобы помышлять нам о конституции? Вы лучше знаете теперь губернии. Что за выборы, что за депутаты! Тут-то бы увидели пресмешное представительное собрание! [В память графа М. М. Сперанского, с. 503–504].

В ответном письме М. М. Сперанский, полностью соглашаясь с данным высказыванием, тоже акцентирует внимание на противоречиях между общественными ожиданиями и объективными условиями:

Прежде знали в провинциях одно действие власти, ныне требуют законности, и хотя худо ее понимают, но последний крестьянин готов спорить с мирским головою, а дворянин – с губернатором. К сему присовокупляется недостаток людей. Тут корень зла: о сем прежде всего должно было бы помыслить тем юным законодателям, которые, мечтая о конституции, думают, что это новоизобретенная какая-то машина, которая может идти сама собою везде, где ее пустят [Там же].

Такая оценка действительного положения дел была созвучна и общей направленности разговора М. М. Сперанского с Александром I после возвращения в Санкт-Петербург. 24 августа 1821 г. он фиксирует в дневнике высказывание императора:

Разговор о недостатке способных и деловых людей не столько у нас, но и везде. Отсюда заключение: не торопиться преобразованиями, но для тех, кои их желают, иметь вид, что ими занимаются [цит. по: Мироненко, с. 72].

Таким образом, сторонники введения в России конституции действительно ориентировались на европейские образцы (принципы верховенства закона, неприкосновенности личности и собственности, сословного представительства), но при этом учитывали российскую реальность и опыт проведения выборов в дворянских собраниях. Регулярно поступающие сведения о проблемах «наполнения мест, от выбора дворянства зависящих», порождали сомнения в возможности посредством голосования определить наиболее способных и компетентных кандидатов на роль помощников как региональной, так и коронной администрации.

Недостаточное количество людей, которые соответствовали бы хотя бы минимальному набору формальных критериев и одновременно обладали бы необходимыми морально-нравственными и деловыми качествами, неравномерность их территориального распределения, подлог, сговор и подкуп, создание избирательных «партий», преследовавших сугубо корыстные цели, факты уклонения от выборов – все эти явления становились в правительственных кругах важными аргументами для утверждения о недостаточном уровне просвещения подданных и несвоевременности учреждения в России конституции.

Список литературы

- Архив Государственного совета : [в 12 т.]. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1869–1904. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). 1874. Ч. 1. Журналы по делам департамента гражданских и духовных дел. 724, LXII с. Ч. 2. Журналы по делам департамента законов. 1030, XXVI с.
- В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1872. 885, XXVII с.
- Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра I. 1802–1826 : [в 2 т.]. СПб. : Тип В. Безобразова, 1888–1891. Т. 1. 1801–1810 гг. 504 с. Т. 2. 1810–1812 гг. 758 с.
- Захаров В. Ю. Конституционализм как вариант модернизации российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века // Российская история. 2011. № 6. С. 31–52.
- Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX в.: опыт сравнительно-исторического анализа : [в 2 ч.]. М. : Прометей, 2017. Ч. 1. 590 с. Ч. 2. 646 с.
- Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. VIII, 720 с.
- Куприянов А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861). М. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2017. 400 с.
- Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М. : РОССПЭН, 1998. 654 с.
- Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века. М. : РОССПЭН, 2010. С. 5–72.
- Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия : Политическая история России первой половины XIX века. М. : Мысль, 1990. 235 с.
- Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М. : Новый хронограф, 2014. 416 с.
- Писарькова Л. Ф. Власть монарха в административной системе России первой четверти XIX в.: «режим ручного управления» // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 60–69.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 17, 26, 28, 30, 31.
- РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. 16. Д. 50; Ф. 1284. Оп. 3. 1805. Кн. 22. Д. 8, 10, 15; Оп. 3. 1808. Кн. 46. Д. 348; Оп. 4а. 1814. Кн. 89. Д. 201; Кн. 91. Д. 231; Оп. 6. Отд. II. Ст. 3. Д. 12; Ф. 1286. Оп. 2. 1817. Д. 198.
- Сперанский М. М. Краткое начертание государственного образования // Сперанский М. М. Проекты и записки. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 225–237.
- Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (1809) (План всеобщего государственного преобразования) // Сперанский М. М. План государственного преобразования : (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 5–67.
- Тимофеев Д. В. Европейский принцип выборности в России первой четверти XIX века: идеальные модели и практики реализации // Cahiers du monde russe. 2016. № 4 (57). P. 743–764. DOI 10.4000/monderusse.9987.

Тимофеев Д. В. Электоральные конфликты и групповая солидарность российского дворянства в царствование Александра Первого // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи». М.: Ин-т бизнеса и политики, 2007. 276 с.

Чернов К. С. «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции» // *Российская история*. 2009. № 4. С. 23–37.

References

Arkhiv Gosudarstvennogo soveta v 12 t. [Archive of the State Council. 12 Vols.]. (1869–1904). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 4. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 noyabrya 1825 g.). 1874. Part 1. Zhurnaly po delam departamenta grazhdanskikh i dukhovnykh del. 724, LXII p. Part 2. Zhurnaly po delam departamenta zakonov. 1030, XXVI p.

Chernov, K. S. (2007). *Zabytaya konstitutsiya “Gosudarstvennaya ustavnaya gramota Rossiiskoi imperii”* [The State Constitutional Charter of the Russian Empire, a Forgotten Constitution]. Moscow, Institut biznesa i politiki. 276 p.

Chernov, K. S. (2009). “Reforma administratsii dolzhna byt’ predpochitel’nee konstitutsii” [“Reform of Administration Has to be More Preferable than the Constitution”]. In *Rossiiskaya istoriya*. No 4, pp. 23–37.

Korf, S. A. (1906). *Dvoryanstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 godov* [The Nobility and Its Class Management over the Century, 1762–1855]. St Petersburg, Tipografiya Trenke i Fyusno. VIII, 720 p.

Kupriyanov, A. I. (2017). *Vybory v russkoi provintsii, 1775–1861 gg.* [Elections in the Russian Province, 1775–1861]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 400 p.

Medushevskii, A. N. (1997). *Demokratiya i avtoritarizm: rossiiskii konstitutsionalizm v sravnitel’noi perspektive* [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism through the Comparative Prism]. Moscow, ROSSPEN. 654 p.

Medushevskii, A. N. (2010). Konstitutsionnye proekty v Rossii [The Constitutional Projects in Russia]. In *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, ROSSPEN, pp. 5–72.

Mironenko, S. V. (1990) *Stranitsy tainoi istorii samodержaviya. Politicheskaya istoriya Rossii pervoi poloviny XIX veka* [Pages of the Secret History of Autocracy. The Political History of Russia of the First Half of the 19th Century]. Moscow, Mysl’. 235 p.

Pisar’kova, L. F. (2014). *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie* [The Government of Russia in the First Quarter of the 19th Century: Plans, Projects, and Implementation]. Moscow, Novyi khronograf. 416 p.

Pisar’kova, L. F. (2018). Vlast’ monarkha v administrativnoi sisteme Rossii pervoi chetverti XIX v.: “rezhim ruchnogo upravleniya” [The Power of the Monarch in the Administration System of Russia of the First Quarter of the 19th Century: “Manual Control Mode”]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2 (18), pp. 60–69.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 17, 26, 28, 30, 31.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1167. List 1. Vol. 16. Dos. 50; Stock 1284. List 3. 1805. Book. 22. Dos. 8, 10, 15; List 3. 1808. Book 46. Dos. 348; List 4a. 1814. Book 89. Dos. 201; Book 91. Dos. 231; List 6. Dep. II. Tab. 3. Dos. 12; Stock 1286. List 2. 1817. Dos. 198.

Speransky, M. M. (1961). *Kratkoe nachertanie gosudarstvennogo obrazovaniya* [An Outline of State-Building]. In Speransky, M. M. *Proekty i zapiski*. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, pp. 225–237.

Speransky, M. M. (2004). *Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov (1809) (Plan vseobshchego gosudarstvennogo preobrazovaniya)* [An Introduction to the Code of the State Laws (1809) (Plan of General State Transformation)]. In Speransky, M. M. *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya. (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)*. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, pp. 5–67.

Timofeev, D. V. (2016). Evropeiskii printsip vybornosti v Rossii pervoi chetverti XIX veka: ideal'nye modeli i praktiki realizatsii [The European Elective Principle in Russia in the First Quarter of the 19th Century: Ideal Models and Implementation Practices]. In *Cahiers du monde russe*. No. 4 (57), pp. 743–764. DOI 10.4000/monderusse.9987.

Timofeev, D. V. (2020). Elektoral'nye konflikty i gruppovaya solidarnost' rossiiskogo dvoryanstva v tsarstvovanie Aleksandra Pervogo [Electoral Conflicts and Group Solidarity of the Russian Nobility in the Reign of Alexander I]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1274–1291. DOI 10.15826/qr.2020.4.527.

V pamyat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo. 1772–1872 [In Memory of Count Mikhail Mikhaylovich Speransky. 1772–1872]. (1872). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 885, XXVII p.

Zakharov, V. Yu. (2011). Konstitutsionalizm kak variant modernizatsii rossiiskogo absolyutizma v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Constitutionalism as an Option of Modernisation of Russian Absolutism in the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 6, pp. 31–52.

Zakharov, V. Yu. (2017). *Rossiiskii i zarubezhnyi konstitutsionalizm kontsa XVIII – I-i chetverti XIX v.: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza v 2 ch.* [The Russian and Foreign Constitutionalism of the Late 18th – 1st Quarter of the 19th Centuries: An Attempt at a Comparative Historical Analysis. 2 Parts]. Moscow, Prometei. Part 1. 590 p. Part 2. 646 p.

Zhurnaly Komiteta ministrov. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. 1802–1826 v 2 t. [Registers of the Committee of Ministers. Reign of Emperor Alexander I. 1802–1826. 2 Vols.]. (1888–1891). St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova. Vol. 1. 1801–1810 gg. 504 p. Vol. 2. 1810–1812 gg. 758 p.

The article was submitted on 01.02.2022

EMPIRE AND SOCIETY

DOI 10.15826/qr.2022.3.706

УДК 94(470)"17/18" + 349.41 + 332.021.8:63 + 930:316.48 + 94(477.75)"17/18"

Комиссия как чрезвычайная форма управления в Российской империи (крымский вариант)*

Александр Кравчук

Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова,
Симферополь, Россия

Commission as an Extraordinary Form of Management in the Russian Empire (a Crimean Version)

Alexandr Kravchuk

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
Simferopol, Russia

This article considers the history of conflict resolution between different classes of the Taurida population between the late eighteenth and first quarter of the nineteenth centuries. The contentions arose because of land redistribution after the annexation of Crimea by the Russian Empire. Another purpose of this article is to consider the history of the Commission as a specific institution of state power, which was created to solve the most difficult problems of public administration. In this study, the author proposes a new approach to assessing the activities of land commissions that operated in Crimea. The author concludes that there was a unique situation in Taurida, where traditional levers of checks and balances existing in most regions of the Russian Empire did not work. Consequently, the local population classes protected their interests at all costs. It led to the collapse of the regional administrative system. The commissions were engaged in solving this problem in 1802–1810 and 1816–1819. These institutions established a direct dialogue between the centre and the participants of the conflicts, avoiding the bureaucratic system that was quite often a part of the conflict. The success of the commissions directly depended on its personnel. The personal strategies

---

* *Citation:* Kravchuk, A. (2022). Commission as an Extraordinary Form of Management in the Russian Empire (a Crimean Version). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 867–883. DOI 10.15826/qr.2022.3.706.

Цитирование: Kravchuk A. Commission as an Extraordinary Form of Management in the Russian Empire (a Crimean Version) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 867–883. DOI 10.15826/qr.2022.3.706 / Кравчук А. Комиссия как чрезвычайная форма управления в Российской империи (крымский вариант) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 867–883. DOI 10.15826/qr.2022.3.706.

and motivations of the commission members were crucial because their opinion was decisive. The main task of the commissions was to ensure order and mutual understanding between different groups of the population but not to make fair decisions. The Crimean Tatars, nobility, and bureaucracy participated in the conflicts. The centre had to balance between their interests, which influenced the decisions made. Frequently, they tried to freeze conflicts and leave their solution for the future. It often happened when disputes concerned the local bureaucracy and the most prominent representatives of the nobility. The research methods rely on the general historical principles of academic objectivity and consistency. The article refers to archival materials from the collections of the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Republic of Crimea.

Keywords: Land Commission, Russian Empire, Taurida, Taurida Governorate, Crimea

Статья посвящена истории урегулирования межсословных конфликтов в Тавриде в конце XVIII – первой четверти XIX в., возникших в результате перераспределения земельного фонда на Крымском полуострове после его вхождения в состав Российской империи. Пристальное внимание уделено комиссии как специфическому институту власти, организуемому для решения наиболее сложных проблем государственного управления. Предложен новый подход к оценке деятельности земельных комиссий, действовавших в Крыму. Проведенный анализ показал, что в Тавриде сложилась уникальная ситуация: традиционные рычаги сдерживания и противовесов в системе местного управления не работали, и каждая сословная группа любыми способами защищала свои интересы. Это привело к коллапсу административной системы. Урегулирование проблемы было поручено ряду комиссий, крупнейшие из которых действовали в 1802–1810 и 1816–1819 гг. Учреждения данного типа являлись чрезвычайным институтом государственной власти. Формат комиссии позволял центру понять проблему в обход сложившейся местной бюрократической системы, часто являвшейся одной из сторон конфликта. Успех комиссий напрямую зависел от их кадрового состава. Решающее значение приобретали личностные стратегии и мотивы членов учреждения, так как именно их мнения становились ключевыми при принятии решений. Главными задачами комиссий были наведение порядка и установление межсословного согласия, а не принятие справедливых решений. Участниками споров являлись представители всех крупнейших групп местного населения: крымские татары, дворянство и чиновничество. Центр вынужден был балансировать между интересами всех этих категорий населения, что напрямую влияло на принимаемые решения. Нередко конфликты пытались заморозить, оставить их решение на будущее, особенно когда споры касались местной бюрократии и виднейших представителей дворянства. Методология исследования базируется на общеисторических принципах научной объективности и системности. В работе использованы архивные материалы из фондов РГИА и Государственного архива Республики Крым.

Ключевые слова: земельные комиссии, Российская империя на рубеже XVIII–XIX вв., межсословные конфликты, Таврида, Таврическая губерния, Крым

Научные изыскания, затрагивающие региональную специфику управления в Российской империи, остаются крайне актуальными. Важность изучения местного компонента с целью осознания всех механизмов администрирования подчеркивалась многими учеными [Ремнев; Каппелер]. Усиливает актуальность выбранной темы факт слабой изученности комиссий как чрезвычайного института власти, призванного не столько покарать виновных в злоупотреблениях, сколько найти решение экстраординарным проблемам. Значимым также видится изучение опыта взаимодействия центральных и губернских властей с населением регионов. В данном контексте интересы провинциального чиновничества часто не совпадали с желаниями центра, что приводило к возникновению противоречий и конфликтов, обостряло борьбу внутри общества. Изучение неформальных практик властвования позволяет по-новому взглянуть на имперскую бюрократию, лучше понять принципы и мотивы ее деятельности. Также важным является пересмотр причин возникновения земельных споров в Крыму. Огульное обвинение местной бюрократии искажает восприятие ее деятельности и не позволяет объективно разобратся в причинах возникновения массовых земельных тяжб.

В начале XIX в. в высших эшелонах власти прекрасно осознавали недостатки сложившейся системы управления и ее косность. В первые годы царствования Александра I были предприняты попытки ее широкомасштабного реформирования. Несмотря на усиливавшуюся с течением времени бюрократизацию, система отыскивала резервы внутри себя для преодоления кризисных явлений и решения важнейших проблем. Одним из таких механизмов являлось учреждение комиссий. Их организация происходила тогда, «когда какое-либо дело оказывалось слишком сложным или щекотливым для обыкновенного порядка расследования» [История Правительствующего сената, т. 3, с. 618]. По мнению официального российского военного историографа М. И. Богдановича, они создавались для решения наиболее каверзных проблем государственной жизни [Богданович, с. 64–65, 122]. Это отличало их от сенаторских ревизий, организовывавшихся с целью выявления злоупотреблений, которые начали практиковаться со времен царствования Павла I [Бикташева, с. 62–63].

В отечественной исторической науке деятельность комиссий как особого института власти не получила комплексного изучения. Наиболее полно исследована работа Комиссии для составления законов, которая была создана Павлом I в 1796 г. и сыграла важнейшую роль в разработке и упорядочивании законодательства Российской империи [Писарькова, с. 68–69]. При этом большинство учреждений подобного типа организовывались в провинциях империи, вследствие чего их работа рассматривалась лишь в контексте региональной истории. Вместе с тем анализ деятельности многочисленных комиссий, существовавших в Тавриде на рубеже XVIII–XIX вв., показал, что данный институт власти был достаточно эффективным инструментом

решения наиболее сложных вопросов. Благодаря этому механизму центр получал возможность решать проблемы в обход сложившейся бюрократической системы.

Деятельность комиссий в Тавриде уже становилась объектом изучения. Еще на рубеже XIX–XX вв. она была рассмотрена известным крымоведом Ф. Ф. Лашковым. Его труды посвящены истории создания и функционирования ряда комиссий, а также их роли в решении земельных конфликтов [Лашков, 1895; Лашков, 1896а; Лашков, 1896b; Лашков, 1897]. Современные исследования являются продолжением работ Ф. Ф. Лашкова и не выходят за рамки предложенных им концепций [Конкин, 2008; Конкин, 2016]. В данной статье мы предлагаем рассмотреть работу комиссий в новом ракурсе – как специфического института власти, призванного не столько решить земельные проблемы, сколько установить межсословное согласие и законность в регионе. Такой подход позволит переосмыслить значение учреждений данного типа, а также пересмотреть процессы, происходившие в Таврической губернии в начале XIX в. Особое внимание будет уделено принципам комплектования учреждений чиновниками и мотивам, которыми они руководствовались в своей работе.

Основу источниковой базы исследования составили архивные материалы, связанные с работой комиссий, отложившиеся в РГИА. Это фонды 1305 «Крымская комиссия при МВД», 1306 «Таврический комитет при МВД» и 1307 «Комитет для устройства Новороссийской губернии при МВД», в которых содержится подробная информация о деятельности и кадровом составе таврических комиссий конца XVIII – начала XIX в. В фонде 1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)» сохранились сведения о членах комиссии, и в ряде случаев – о землях, которыми они владели. Существенно дополняют эти данные материалы из Государственного архива Республики Крым (фонд 23 «Следственная комиссия по искоренению злоупотреблений в Таврической губернии» и фонд 24 «Комиссия, учрежденная для разбора споров по землям и для определения повинностей на Крымском полуострове»). В них содержится большая часть делопроизводственной документации комиссий. Также использовались материалы Полного собрания законов Российской империи и мемуары членов комиссий.

* * *

После ликвидации Крымского ханства в российских правящих кругах не была выработана концепция освоения приобретенных земель. Многие шаги носили спонтанный и непродуманный характер. Государство не имело достаточно средств для быстрой инкорпорации обширных территорий и поэтому скорее отвечало на возникавшие вызовы, нежели претворяло в жизнь четкую программу действий. Законодательное закрепление за крымскими татарами Екатериной II

широких прав и привилегий, включавших в себя возможность владеть и распоряжаться землей [ПСЗ-1, т. 23, с. 585–589], привело к существенным трансформациям во взаимоотношениях между всеми категориями населения на полуострове [O'Neill, p. 406]. Значительно осложнила ситуацию хаотичная раздача земельных участков российским чиновникам, военным и дворянам. В таких условиях основные социальные группы пытались осмыслить свое положение в новых, уникальных для себя реалиях. Это привело к возникновению целого комплекса противоречий, в которых были замешаны все сословия.

Ситуация достигла апогея на рубеже XVIII–XIX вв. К этому времени отток крымскотатарского населения существенно замедлился, ряд новых землевладельцев предпринимали шаги по организации хозяйств, заработала система местного управления. Накопившиеся противоречия было решено урегулировать при помощи комиссии. Первая неудачная попытка ее организации датируется 1796 г., когда инициатором ее создания выступил новороссийский гражданский губернатор И. И. Хорват [РГИА. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–4]. Продолжил начатое в 1798 г. новороссийский военный губернатор М. В. Каховский. Состав комиссии несколько раз был изменен еще до начала ее работы. В итоге было принято решение о формировании учреждения дворянами по выборному принципу. В 1800 г. комиссия начала работу. Уже первые шаги на пути к урегулированию земельных конфликтов продемонстрировали наличие трений между различными социальными группами в самых разнообразных областях общественной жизни.

Население Тавриды в рассматриваемый период можно разделить на несколько групп. К первой следует отнести новых помещиков, получивших земли после 1783 г. В их среде выделялось две категории – крупные и мелкие землевладельцы. Первые были представителями наиболее знатных и богатых дворянских родов, они получили обширные наделы в результате пожалований Екатерины II и Г. А. Потемкина. Большинство из них занимали высокие посты в административной системе, что позволяло им оказывать влияние на принимавшиеся при дворе решения. Среди них выделяются С. С. Жегулин, М. В. Каховский, Н. С. Мордвинов, В. С. Попов и др. Главным их желанием было сохранить земельные наделы с целью их перепродажи в будущем и не допустить нового передела земли [Лашков, 1896b, с. 98–101].

Вторые непосредственно проживали в Крыму, занимались хозяйственной деятельностью и составляли христианскую часть сформировавшегося дворянского общества Тавриды. Для большинства из них крымские имения являлись основным источником дохода. Их позиции были достаточно сильны: законность пожалованных им земель была документально подтверждена, центральные власти видели в них главную опору в Крыму. Виновниками возникновения земельных конфликтов и массовых нарушений они считали местную бюрократию, а татарское население называли мятежным и вредным для государства. Кроме того, помещики этой категории старались ослабить позиции татарской

знати и ратовали перед местными властями о запрете татарским мурзам, не доказавшим своего знатного происхождения, занимать выборные должности от дворянства [Лашков, 1897, с. 69].

Одним из ярких представителей этой категории можно назвать помещика, губернского секретаря В. Чернова. В записках, датированных 1801 г. и адресованных генерал-прокурору А. А. Беклешову и самому императору, он обвинял местных чиновников в том, что они «позволяют татарам своевольничать и не считают нужным защищать христианских помещиков. <...> Лишь подробное рассмотрение происходящего позволит открыть явно несправедливые и законопротивные тамошнего начальства поступки» [Там же, с. 70]. По мнению автора записок, чиновники были виноваты и в бедственном положении крымскотатарского населения. Подобные конфликты между дворянством и местной бюрократией были обычным явлением для Российской империи. В губерниях традиционно существовали провластная и оппозиционная по отношению к ней группы населения [Шаттенберг]. Последние всячески старались показать Санкт-Петербургу порочность и коррумпированность местных чинов.

Вторую группу составляли крымские татары, которых также можно разделить на две категории: знать и рядовое население. Они оказались массово вовлечены в многочисленные тяжбы и конфликты. Рядовое население вследствие незнания языка и правовых норм Российской империи чаще всего было подвержено манипуляциям. Еще одним негативным явлением для старожильческого населения было то, что российские помещики пытались перенести традиционные для них отношения с проживавшими на помещичьих землях крестьянами в крымские реалии. Местное население воспринимало это как посягательство на свою свободу, которая являлась одной из важнейших ценностей.

Крымскотатарская знать в целом придерживалась таких же стратегий, как и новые землевладельцы. Так, например, Мехмет-бей по поводу возникших земельных конфликтов докладывал о чиновниках:

...Для собственной корысти стали рассылать слухи между простыми татарами о принадлежности им всех земель, в полуострове имеющихся... и, посеяв таким образом злобу между помещиков и татар и ходатайствуя будто за последних, вовлекли их в бесконечные тяжбы к крайнему разорению обеих сторон [РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Л. 44].

Обе категории данной группы нередко увеличивали свои земельные участки за счет территорий покинувших пределы Крыма родственников или соседей. При этом рядовые обыватели, в отличие от знати, не могли документально подтвердить свои права и оказывались в наиболее уязвимом положении.

Третью группу составляло местное чиновничество. Поведенческие стратегии таврической бюрократии несколько отличались от обще-

принятых в империи в рассматриваемую эпоху. Это было связано как с местными реалиями, так и с особенностями формирования региональных органов власти. Злоупотребления и коррумпированность были характерны для всей бюрократии Российской империи [Герцен, с. 126; Лохвицкий, с. 122–123; Миронов, 2018, с. 311–314]. Среди причин массовых злоупотреблений исследователи выделяют традиционное отношение к службе, при котором чиновники часто не отличали должностные требования от личных интересов [Weber, S. 598], а также невысокую оплату труда, которая постоянно снижалась в связи с инфляцией и падением курса бумажных ассигнаций [Миронов, 2015, т. 2, с. 313]. Формально надзор за действиями местных властей осуществляли Сенат и прокурор, неформально – дворянские собрания [Берендтс, с. 24]. В Крыму, как и во всей Таврической губернии, дворянское общество было на стадии формирования. К тому же в большинстве губерний чиновничество пополнялось местными выходцами, таким образом неминуемо складывались достаточно тесные отношения между дворянством и бюрократией. В Тавриде и те, и другие были людьми пришлыми, между ними существовала конкуренция.

Согласно данным известного исследователя социальной истории Российской империи Б. Н. Миронова, в рассматриваемый период треть чиновников в штатных губерниях были дворянского происхождения [Миронов, 2015, т. 2, с. 491]. В Тавриде ситуация в целом соответствовала общеимперским тенденциям. Согласно архивным источникам и адрес-календарям, в 1795 г. в Таврической области на службе находилось 166 человек, из них 43 являлись личными или потомственными дворянами [Месяцеслов, 1795, с. 390–393; ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–197], то есть имели право владеть землей. В местных реалиях, когда завладеть землей в малонаселенном регионе было не так уж и сложно, чиновники стали активными участниками перераспределения сельскохозяйственных угодий. Канцелярские служители недворянского происхождения злоупотребляли своим положением для получения взяток и подарков от тяжущихся сторон. В реалиях штатных губерний, где свободных земель фактически не было, подобные злоупотребления встречались редко. Таким образом, в регионе на рубеже XVIII–XIX вв. наметился серьезный конфликт между социальными группами, на которые традиционно опиралась центральная власть, – дворянами и бюрократией. От этих же противоречий страдали и рядовые обыватели.

* * *

Крымский вопрос рассматривался в учрежденном Александром I Комитете по устройству Новороссийской губернии [РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 6, 9, 10 и др.]. Несмотря на смену правящих кругов, для урегулирования комплекса проблем было принято решение о сохранении существующего формата учреждения – 19 мая 1802 г. последовал указ

о создании Комиссии для разрешения земельных споров (1802–1810) [ПСЗ-1, т. 27, с. 143–144]. Первый руководитель учреждения тайный советник сенатор И. В. Лопухин по этому поводу отмечал: «сия комиссия родилась больше от споров на паркетe... нежели в обильных долинах и великолепных горах романтической Тавриды» [Лопухин, с. 117–118]. Сменивший его на этом посту таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго вообще ставил под сомнение необходимость учреждения комиссии и считал раздачу земель в екатерининское время вполне справедливой [Мертваго, с. 130–131].

В качестве руководства новому учреждению были даны «Начертания правил» [ПСЗ-1, т. 27, с. 144–149]. Его членами были назначены действительный статский советник М. Тумановский, статские советники Б. И. Крейтер, обер-прокурор П. С. Ланской и П. И. Сумароков. Все чиновники имели III–V класс по «Табели о рангах», что должно было повысить авторитет создававшегося учреждения. Никто из членов комиссии не был непосредственно связан с крымскими делами. Это, по мнению центра, должно было способствовать объективности в принятии решений. При учреждении должны были находиться «для нужных объяснений» по два депутата по выбору от русских помещиков, мурз и «татар-поселян». Избранный формат позволял отстранить от принятия решений местную бюрократию. Согласно дополнениям к «Начертаниям» комиссии, было поручено разбирать только земельные споры между сословиями, внутрисословные конфликты рассматривались в общем порядке [ПСЗ-1, т. 28, с. 288]. Таким образом, главной задачей учреждения являлось устранение межсословных противоречий в земельной сфере.

Подробный разбор рассматривавшихся комиссией 1802–1810 гг. дел был проведен Ф. Ф. Лашковым [Лашков, 1896b], мы же обратимся к основным принципам функционирования данного учреждения. В Санкт-Петербурге старались придерживаться баланса при комплектовании учреждения и не допустить усиления позиций местной знати и чиновничества. После увольнения в 1805 г. председателя И. В. Лопухина на его место был определен действительный статский советник, таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго, который возглавил регион незадолго до этого – 26 декабря 1803 г. [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–4]. Он был новым человеком в административном аппарате губернии и прослыл честным чиновником [Кравчук, 2019, с. 74–75]. В 1804 г. состав комиссии полностью сменился, новыми ее членами стали коллежские советники Е. В. Вешняков, Д. А. Ковалев, М. П. Штер и коллежский асессор А. С. Добачевский [ГАРК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 466. Л. 2–12], то есть статус чиновников понизился до VI и VIII класса, при этом сохранялся принцип принятия на службу людей со стороны. Снижение классности служащих в этот период, по нашему мнению, свидетельствует не о пересмотре в центре значимости учреждения, а о том, что определенные при создании комиссии должностные лица должны были в основном заниматься рутинной

бумажной работой в глухой провинции, которой тогда считалась Таврическая губерния, что подталкивало их к смене места службы.

Большая часть дел была решена в 1805–1807 гг., после чего наблюдались сокращение количества членов комиссии и дальнейшее понижение их классности. Так, в 1809 г. председателем был статский советник М. П. Штер (возглавил учреждение в 1807 г. после перевода Д. Б. Мертваго на должность генерал-провиантмейстера, V класс), членом – коллежский советник Д. А. Ковалев (VI класс), секретарями – надворный советник А. С. Добачевский (VII класс) и губернский секретарь М. Д. Чугаевич (XII класс) [Месяцеслов, 1809, с. 537]. На завершающем этапе существования учреждения изменения были вызваны рядом обстоятельств. Во-первых, к этому времени большая часть дел была решена. Во-вторых, Российская империя вступила в период масштабных военных кампаний – крымские проблемы отошли на второй план.

На работу комиссии пыталась оказывать давление как столичная, так и местная знать, заинтересованная в благополучном для себя исходе судебных тяжб. Например, крымские дворяне жаловались на А. С. Таранова-Белозерова, который некоторое время состоял при учреждении депутатом от русского дворянства. В сложившейся ситуации поддержку будущему предводителю дворянства Таврической губернии оказал лично Александр I:

Император регулярно получал доносы на членов Таврической следственной комиссии от ябедников, злоупотребления которых открывала комиссия, почему и повелевал препроводить эту жалобу военному губернатору не на рассмотрение, а с тем, чтобы Таранов-Белозеров и вообще члены комиссии были ограждены от неудовольствий, злобой и ябедой причиняемых [Середонин, с. 289–290].

В окружении императора наибольшую активность проявлял Н. С. Мордвинов, более всего опасавшийся возвращения земель татарам. С целью сохранения самостоятельности комиссия 1802–1810 гг. должна была отчитываться межевому департаменту Сената.

Анализ архивных материалов работы комиссии показал, что участниками разбирательств стали представители всех сословий, проживавших в Крыму. Так, на новых таврических дворян было подано 127 жалоб, на чиновников – 106 (из них 13 жалоб – на чиновников крымскотатарского происхождения), сюда же можно отнести еще 28 дел, содержащих претензии к казне; на татарскую знать – 144, на жителей деревень и городов – 42, на рядовых обывателей различных национальностей – 33, на купцов – 8, на представителей магометанского духовенства – 7, православного – 3. Всего 498 дел. Помимо этого, еще восемь дел содержат жалобы на чиновников, не связанные с земельными разбирательствами, и 286 дел относятся к организационной деятельности учреждения.

Изучение вынесенных комиссией решений показывает, что ее деятельность носила компромиссный характер. Во-первых, около 1/3 дел были окончены миром, что позволяло частично удовлетворить судящиеся стороны. В тех случаях, когда российские помещики на спорных землях успели сделать какие-либо «заведения», но не могли доказать свое право собственности на участок, они должны были выплатить прежним владельцам денежную компенсацию. Существенным минусом было то, что в решении дел члены учреждения не стремились докопаться до истины, а действовали сугубо формально, руководствуясь «Начертаниями». Согласно этой инструкции, преимущество в спорах имели те, кто могли письменно подтвердить свои права. Данный подход делал наиболее уязвимой позицию рядовых крымских татар, которые в абсолютном большинстве никаких доказательств не имели. В отличие от них, мурзы и беи, как правило, предъявляли необходимые свидетельства. Вследствие этого, за немногими исключениями, тяжбы решались в пользу новых владельцев. Использование такого подхода представляется неслучайным. Для освоения крымских земель были необходимы значительные средства, которых у рядового крымскотатарского населения не было. Следовательно, в правящих кругах старались поддержать землевладельцев, способных развивать сельское хозяйство.

Обращает на себя внимание один немаловажный факт. Несмотря на обилие жалоб в адрес местного чиновничества, анализ делопроизводственной документации комиссии, адрес-календарей, документов канцелярии таврического гражданского губернатора и прокурора показал, что работа следственного органа значительно не повлияла на состав местной бюрократии. Вопреки сложившемуся в исторической литературе мнению, центр, действуя таким образом, демонстрировал доверие к губернской бюрократии и не видел в ней виновника возникновения земельных тяжб.

Значительное число исков подавалось к представителям крымскотатарской знати (29 % от общего количества дел). С одной стороны, многие из беев и мурз стремились увеличить свои владения за счет земель родственников и рядовых обывателей, покинувших пределы полуострова. При этом в Санкт-Петербурге не считали такой ход событий наиболее выгодным, однако и не оказывали местной знати, в поддержке которой остро нуждались, серьезных препятствий. С другой стороны, значительная часть этих дел была инициирована новыми таврическими дворянами и чиновниками, желавшими расширить свои владения.

Комиссии 1802–1810 гг. не удалось решить большинства земельных конфликтов. Итогом ее работы было законодательное закрепление сложившейся на полуострове ситуации в земельной сфере. Кроме того, центру удалось снять напряжение в отношениях между наиболее значимыми для него группами населения – дворянством, крымскотатарской знатью и чиновничеством. Важными были и принципы

взаимодействия с местным обществом. Формат комиссии продемонстрировал местному населению, что в случае необходимости центр готов был изучать и решать местные проблемы в обход губернской бюрократии. При этом чиновничество также увидело поддержку со стороны Санкт-Петербурга, что позволило временно нормализовать ситуацию.

* * *

Новый виток разбирательств и конфликтов в Таврической губернии начался после завершения Отечественной войны 1812 г. Как и ранее, большинство жалоб было направлено в адрес чиновничества. Для проверки аппарата местного управления не была снаряжена сенаторская ревизия, как обычно происходило в подобных ситуациях – правительство снова прибегло к созданию комиссии. В Таврической губернии вообще не было сенаторских ревизий, за исключением ревизии 1822 г. сенатора В. И. Брозина, целью которой было оказание продовольственной помощи населению [История Правительствующего сената, т. 4, с. 503–508]. 4 мая 1816 г. последовал указ об учреждении «Комиссии в Херсонской и Таврической губерниях для исследования и отвращения разных злоупотреблений» [ПСЗ-1, т. 31, с. 631–632].

Комиссия 1816–1819 гг. должна была рассмотреть законность продажи земли в степных уездах Таврической губернии и проверить работу местной бюрократии [Середонин, с. 222–227]. В состав учреждения вошли майор А. Аргинский, генерал-майор К. М. Балатуков, контр-адмирал Ф. Т. Быченский, тайный советник С. С. Жегулин, коллежский советник Зальфельд, советник губернского правления С. М. Мейер и губернский предводитель дворянства А. С. Таранов-Белозеров. Все члены новой комиссии, за исключением адмирала Ф. Т. Быченского, являлись крупными крымскими помещиками и дворянами. В таких условиях местная знать предприняла попытку свести счеты с неугодными чиновниками. Это привело к конфликту со всей местной бюрократией во главе с гражданским губернатором А. М. Бороздиным. Последний в сложившейся ситуации был отрешен от должности и лично отправился в столицу для дачи объяснений.

В записке на имя министра юстиции Д. П. Трошинского губернатор отрицал большинство обвинений и сообщал, что члены новой комиссии «находятся в личной со мной вражде, родившейся наипаче через тяжбы за имения, от этого единственно доносы и возникли» [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 52]. В результате предпринятых шагов А. М. Бороздин сначала был назначен в межевой департамент Сената, а затем и членом комиссии [Кравчук, 2013, с. 58], где ему поручалось разбирать все дела, связанные с отстранением от должностей местных чиновников [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 59]. Таким образом центр несколько уравнивал соотношение сил в учреждении. Анализ работы комиссии 1816–1819 гг. показал, что в результате поступив-

ших жалоб было возбуждено 254 дела, из которых 139 были связаны с земельными тяжбами, в 64 рассматривалась противоправная деятельность чиновников, 51 затрагивало уголовные и хозяйственные разбирательства. Комиссия, которая должна была в первую очередь расследовать злоупотребления чиновников и законность приобретения земель в степных уездах Таврической губернии, снова погрязла в земельных тяжбах на Крымском полуострове.

В своей работе новое учреждение должно было опираться на решения комиссии 1802–1810 гг., однако ее члены нередко пытались пересмотреть итоги работы предшественников. Часто в делах, затрагивавших интересы крупных помещиков, решения не выносились, а следствие затягивалось. Чиновникам также в большинстве случаев удалось избежать наказания. Несмотря на отставку, губернатор А. М. Бороздин сохранил лицо и все принадлежавшие ему земли. Был отстранен ряд служащих уездного уровня. Из видных представителей местной бюрократии свой пост покинул губернский секретарь З. И. Аверкиев, служивший непосредственно при А. М. Бороздине. Однако ему также удалось сохранить приобретенные у казны земли. Сложившаяся ситуация привлекла внимание херсонского военного губернатора А. Ф. Ланжерона, требовавшего скорейшего завершения работы комиссии [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 117], а затем и самого императора. Александр I во время путешествия по Крыму в мае 1818 г. получал от местных жителей (в основном крымских татар) жалобы на работу комиссии и местной бюрократии [РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3]. Центр не мог быть удовлетворен и темпами работы. Так, за декабрь 1818 г. было решено всего одно дело, при том, что за первые шесть месяцев этого же года было завершено 45 дел [ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 155]. Оставшиеся дела непосредственно затрагивали интересы членов комиссии. Эти обстоятельства побудили правящие круги к пересмотру формата учреждения.

По настоянию императора 3 декабря 1819 г. был создан «Комитет для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих» [ПСЗ-1, т. 36, с. 406]. В этот раз было решено отказаться от участия в учреждении крымских землевладельцев. Комитет был сформирован исключительно из чиновников, пользовавшихся доверием Александра I и хорошо знакомых с местными реалиями. В него вошли сенатор и бывший вице-губернатор Таврической области К. И. Габлиц, экс-губернатор Таврической губернии А. С. Лавинский и сенатор, председатель комиссии 1802–1810 гг. М. П. Штер. По всей видимости, в Санкт-Петербурге относились к деятельности комиссии 1816–1819 гг. критически. Комитет должен был продолжить работу предшествующего учреждения и изучить уже принятые им решения [РГИА. Ф. 1306. Оп. 1. Д. 1. Л. 93]. Однако высокое положение, заслуги и авторитет членов комиссии 1816–1819 гг. делали пересмотр решенных дел крайне затруднительным. В итоге проделанная работа получила одобрение [Там же]. Нерешенные дела в основной

массе из комитета передавались на рассмотрение судебных органов Таврической губернии.

В царствование Александра I конфликты в земельной сфере не были урегулированы окончательно. В центре ясно осознавали всю сложность вопроса, однако куда важнее был общественный порядок, установить который удалось. В царствование Николая I ситуация уже не была такой напряженной. Авторитет М. С. Воронцова, занявшего пост новороссийского генерал-губернатора в 1823 г., и начавшаяся в это время интенсивная колонизация отодвинули противоречия на задний план.

* * *

Таким образом, проведенный анализ показал, что механизмы управления Российской империей не ограничивались существовавшей вертикалью власти. Одним из способов решения острых вопросов являлось создание комиссий. Данный институт администрирования не только занимался расследованием злоупотреблений, но и вырабатывал конкретные механизмы решения проблем. Созданные в конце XVIII – первой четверти XIX в. в Тавриде комиссии были призваны не только урегулировать противоречия в земельной сфере, но и разрешить острые межсословные конфликты. Большинство исследователей деятельности земельных комиссий традиционно считали злоупотребления чиновников главной причиной их возникновения. В архивных материалах данный тезис не нашел подтверждения. Напротив, найти виновников возникновения конфликтов крайне сложно – представители абсолютно всех сословий были заинтересованы в расширении земельной собственности. Следовательно, ни центральные, ни местные органы власти не могли прийти к такому решению проблемы, которое бы удовлетворило все стороны. Именно поэтому деятельность комиссий носила примирительный характер и была направлена на поиск компромиссов.

Успех работы комиссий во многом зависел от личностных качеств их членов, а также от мотивов, которыми они руководствовались. Наиболее эффективно себя проявил второй состав комиссии 1802–1810 гг., возглавлявшейся губернатором Д. Б. Мертваго. Наименее успешной была комиссия 1816–1819 гг., сформированная из представителей дворянства Таврической губернии. Такой подбор кадров не только не способствовал нормализации ситуации, а, напротив, усугублял конфликты. В целом проведенный анализ показал, что в ситуациях, когда существовавшая вертикаль власти не справлялась с возложенными на нее задачами, государство находило возможности и использовало специальные учреждения, способные преодолеть кризисные явления. Это позволяет подтвердить выдвинутый известным исследователем российской бюрократии А. В. Ремневым тезис о том, что «стремление к унификации (в Российской империи. – А. К.)

отступало перед стихийно признанной практикой учета местных реалий» [Ремнев, с. 355]. Уровень эффективности этих учреждений часто был невысоким, тем не менее, бюрократия в силу своих возможностей решала стоявшие перед ней задачи.

Список литературы

- Берендтс Э. Н.* О прошлом и настоящем русской администрации: записка, составленная в декабре 1903 года. М. : ГПИБ, 2002. 286 с.
- Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX в.: время власти. 2-е изд., доп. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 320 с.
- Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время : в 6 т. СПб. : Тип. Ф. Сушинского, 1869. Т. 1. 539 с.
- ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9; Ф. 24. Оп. 1. Д. 466; Ф. 799. Оп. 1. Д. 6.
- Герцен А. И.* Былое и думы. Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1947. 888 с.
- История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг. : в 5 т. СПб. : Сенат. тип., 1911. Т. 3. 740 с. Т. 4. 564 с.
- Канпелер А.* Россия – многонациональная империя: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 343–358.
- Конкин Д. В.* Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796–1810 гг.) // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2008. Т. 14. С. 491–512.
- Конкин Д. В.* Земельные конфликты в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.): «мнения» и проекты // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 2016. Т. 21. С. 375–390.
- Кравчук А. С.* К биографии таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Исторические науки*. 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 45–66.
- Кравчук А. С.* Дела и дни: таврические губернаторы, 1802–1854 годы. Симферополь : Бизнес-Информ, 2019. 244 с.
- Лаишков Ф. Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1895. № 23. С. 71–117.
- Лаишков Ф. Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: продолжение // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1896а. № 24. С. 35–71.
- Лаишков Ф. Ф.* Исторический очерк крымскотатарского землевладения: окончание // *Известия Таврической ученой архивной комиссии*. 1896б. № 25. С. 29–88.
- Лаишков Ф. Ф.* Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения: окончание // *Изв. Таврич. уч. архив. комиссии*. 1897. № 26. С. 89–154.
- Лопухин И. В.* Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительно тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим. М. : Университет. тип., 1860. 173 с.
- Лохвицкий А. В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. 2-е изд., с изм. СПб. : Тип. Ивана Бочкарева, 1864. 228 с.
- Мертваго Д. Б.* Записки, 1760–1824. СПб. : Рус. симфония, 2006. 368 с.
- Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795. СПб. : Имп. Акад. наук, 1795. 423 с.
- Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова : в 2 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1809. Ч. 1. 539 с.
- Мионов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2. 912 с.
- Мионов Б. Н.* Взятка как форма оплаты труда чиновников в первой половине XIX века // *Мавродинские чтения : материалы всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г. / под ред. А. Ю. Дворниченко*. СПб. : Нестор-История, 2018. С. 311–314.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 23, 27, 28, 33, 36.

РГИА. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1306. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1307. Оп. 1. Д. 6, 9, 10; Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70.

Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1909) : в 7 т. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. Т. 1. Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). 608 с.

Шаттенберг С. Культура коррупции, или К истории российских чиновников // *Неприкосновенный запас* : [сайт]. 2005. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korruptzii-ili-k-istorii-rossijskih-chinovnikov.html> (дата обращения: 20.04.2020).

O'Neill K. Rethinking Elite Integration: The Crimean Murzas and the Evolution of Russian Nobility // *Cahiers du monde russe*. 2010. Vol. 51, № 2/3. P. 397–417.

Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. 5. revid. Auflage. Tübingen : Mohr Siebeck, 1976. 948 S.

References

Berendts, E. N. (2002). *O proshlom i nastoyashchem russkoi administratsii: zapiska, sostavlennoy v dekabre 1903 goda* [About the Past and Present of the Russian Administration: A Note Written in December 1903] Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka. 286 p.

Biktasheva, A. N. (2014). *Kazanskoe gubernatorstvo pervoi poloviny XIX v.: bremya vlasti* [Kazan Province in the First Half of the 19th Century: The Burden of Power]. 2nd Ed., add. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. 320 p.

Bogdanovich, M. I. (1869). *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya v 6 t.* [History of Emperor Alexander I's Reign and Russia in His Time. 6 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya F. Sushchinskogo. Vol. 1. 539 p.

GARK [State Archive of the Republic of Crimea]. Stock 23. List 1. Dos. 9; Stock 24. List 1. Dos. 466; Stock 799. List 1. Dos. 6.

Herzen, A. I. (1947). *Byloe i dumy* [My Past and Thoughts]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. 888 p.

Istoriya Pravitel'stvuyushchego senata za dvesti let. 1711–1911 gg. v 5 t. [History of the Governing Senate for Two Hundred Years. 5 Vols.]. (1911). St Petersburg, Senatskaya tipografiya. Vol. 3. 740 p. Vol. 4. 564 p.

Kappeler, A. (2000). Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: nekotorye razmyshleniya vosem' let spustya posle publikatsii knigi [Russia, a Multi-Ethnic Empire: Some Reflections Eight Years after the Book Was Published]. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 343–358.

Konkin, D. V. (2008). Vakufnoe zemlevladienie v kontekste deyatel'nosti pervykh zemleustroitel'nykh komissii v Krymu (1796–1810 gg.) [Waqf Landownership in the Context of the Activities of First Land Surveying Commissions in Crimea (1796–1810)]. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*. Vol. 14, pp. 491–512.

Konkin, D. V. (2016). Zemel'nye konflikty v Krymu (konets XVIII – nachalo XIX vv.): “mneniya” i proekty [Land Conflicts in Crimea (Late 18th – Early 19th Centuries): “Opinions” and Projects]. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*. Vol. 21, pp. 375–390.

Kravchuk, A. S. (2013). K biografii tavrisheskogo grazhdanskogo gubernatora A. M. Borozdina [Taurida Governor A. M. Borozdin]. In *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 26 (65). No. 2, pp. 45–66.

Kravchuk, A. S. (2019). *Dela i dni: tavrisheskie gubernatory, 1802–1854 gody* [Activities and Days of Taurida Governors. 1802–1854]. Simferopol, Biznes-Inform. 244 p.

Lashkov, F. F. (1895). Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: prodolzhenie [A Historical Overview of Crimean Tatar Land Ownership: Continued]. In *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. No. 23, pp. 71–117.

Lashkov, F. F. (1896a). Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: prodolzhenie [A Historical Overview of Crimean Tatar Land Ownership: Continued]. In *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. No. 24, pp. 35–71.

Lashkov, F. F. (1896b). Istoricheskii ocherk krymskotatarskogo zemlevladieniya: okonchanie [A Historical Overview of Crimean Tatar Land Ownership: Final Part]. In *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. No. 25, pp. 29–88.

Lashkov, F. F. (1897). Sbornik dokumentov po istorii krymskotatarskogo zemlevladieniya: okonchanie [A Collection of Documents on the History of Crimean Tatar Land Ownership: Final Part]. In *Izvestiya Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. No. 26, pp. 89–154.

Lokhvitskii, A. V. (1864). *Guberniya, ee zemskie i pravitel'stvennye uchrezhdeniya* [The Province, Its Zemstvo and Government Offices]. 2nd Ed., with ed. St Petersburg, Tipografiya Ivana Bochkareva. Part. 1. 228 p.

Lopukhin, I. V. (1860). *Zapiski nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby deistvitel'nogo tainogo sovetnika, senatora I. V. Lopukhina, sochinennyye im samim* [Notes of Some Circumstances of Life and Service of I. V. Lopukhin, Active Privy Councilor and Senator Written by Himself]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. 173 p.

Mertvago, D. B. (2006). *Zapiski, 1760–1824* [Notes, 1760–1828]. St Petersburg, Russkaya simfoniya. 368 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1795 [A Menologium with a List of Officials in the State in the Summer of 1795]. (1795). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. 423 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob, ili obshchii shtat Rossiiskoi imperii na leto ot Rozhdestva Khristova v 2 ch. [A Menologium with a List of Officials or the General Staff of the Russian Empire in the Summer of 1809. 2 Parts]. (1809). St Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk. Part. 1. 539 p.

Mironov, B. N. (2015). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu v 3 t.* [Russian Empire: From Tradition to Modernity. 3 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 2. 912 p.

Mironov, B. N. (2018). Vzyatka kak forma oplaty truda chinovnikov v pervoi polovine XIX veka [Bribe as a Form of Remuneration of Officials in the First Half of the 19th Century]. In Dvornichenko, A. Yu. (Ed.). *Mavrodinskie chteniya. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 29–31 oktyabrya 2018 g.* St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 311–314.

O'Neill, K. (2010). Rethinking Elite Integration: The Crimean Murzas and the Evolution of Russian Nobility. In *Cahiers du monde russe*. Vol. 51. No. 2/3, pp. 397–417.

Pisar'kova, L. F. (2012). *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoi chetverti XIX v.: zamysly, proekty, voploshchenie* [State Administration of Russia in the First Quarter of the 19th Century: Ideas, Projects, Implementation]. Moscow, Novyi khronograf. 448 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 23, 27, 28, 33, 36.

Remnev, A. V. (2000). Regional'nye parametry imperskoi "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'nii Vostok) [Regional Parameters of the Imperial "Geography of Power" (Siberia and the Far East)]. In *Ab Imperio*. No. 3/4, pp. 343–358.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1305. List 1. Dos. 1; Stock 1306. List 1. Dos. 1; Stock 1307. List 1. Dos. 6, 9, 10; Stock 1349. List 4. Dos. 70.

Schattenberg, S. (2005). Kul'tura korruptsii, ili K istorii rossiiskikh chinovnikov [Culture of Corruption, Or to the History of Russian Officials]. In *Neprikosnovennyi zapas* [website]. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/4/kultura-korruptcii-ili-k-istorii-rossijskih-chinovnikov.html> (accessed: 20.04.2020).

Seredonin, S. M. (1902). *Istoricheskii obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiyu Komiteta ministrov (1802–1909) v 7 t.* [Historical Review of the Committee of Ministers: On the Centenary of the Committee of Ministers (1802–1909). 7 Vols.]. St Petersburg, Kantselyariya Komiteta ministrov. Vol. 1. Komitet ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra Pervogo (1802 g. sentyabrya 8 – 1825 g. noyabrya 19). 608 p.

Weber, M. (1976). *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie.* 5. revid. Auflage, Tübingen, Mohr Siebeck. 948 S.

The article was submitted on 12.08.2020

**Сбор ополчений 1806–1812 годов
в контексте социальных отношений
(Санкт-Петербургская и Московская губернии)***

Михаил Белан

Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

**Raising Militias in 1806–1812
in the Context of Social Relationships
(St Petersburg and Moscow Provinces)**

Mikhail Belan

University of Oxford,
Oxford, UK

The subject of this study is the social contradictions in *meshchane* communes in district capitals in the early nineteenth century which transpired when recruiting men for military service. The object of the study is the appointment of militiamen during 1806–1807 and 1812, when far more men were recruited than during regular recruit levies. The author examines the communes of three district centres, i. e. Serpukhov, Novaya Ladoga, and Gdov. The article considers practices and motivations adopted by families, communes, town councils, and governors. The article refers to previously unpublished documents from council archives (communes' verdicts, minutes of town councils, correspondence with governors). The author identifies two major issues: accusations of dissolute behaviour; and 2) conflicts between big and small households aggravated during mass recruiting to the militia in 1807. During the first militia, the traditional system of supplying recruits by commune proved insufficient to meet the needs of mass war. The author examines recruits' age, marital status, family size, and reasons for being nominated. A suggestion is made that *meshchane* were more inclined to nominate older men than peasant communes: the role of nomination

---

* *Citation*: Belan, M. (2022). Raising Militias in 1806–1812 in the Context of Social Relationships (St Petersburg and Moscow Provinces). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 884–902. DOI 10.15826/qr.2022.3.707.

Цитирование: Belan M. Raising Militias in 1806–1812 in the Context of Social Relationships (St Petersburg and Moscow Provinces) / Белан М. Сбор ополчений 1806–1812 годов в контексте социальных отношений (Санкт-Петербургская и Московская губернии) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 884–902. DOI 10.15826/qr.2022.3.707.

as a means of social cleansing seems to have been more significant in towns. The article considers the reaction of the government to delays and problems that arose during raising militia in identifying two response measures: the nomination of the dissolute was revised in 1808–1809 as a direct reaction to massive abuse recorded during the first militia – and the establishment of the official system of family recruit groups under the recruitment manual of 1810. Referring to the militia levy of 1812 and recruit levies of the 1810s, the article demonstrates that the new rules reduced conflict and delay in communes. During the Patriotic War of 1812, the nomination and dispatch of militiamen went considerably faster than in 1807. Additionally, the author supposes that with changes in legislation in 1808–1810, mass recruitment in the early nineteenth century, which made the position of small families more secured, could be a factor that encouraged the transition to the nuclear family in towns.

Keywords: *meshchane* communities, social relationships, district town, militia of 1806–1807, people's militia of 1812, Patriotic War of 1812

Предмет данного исследования – социальные противоречия в уездных помещанских общинах в начале XIX в., проявившиеся при выборе людей на военную службу. Объект исследования – назначения ратников в земское войско (милицию) и земское ополчение в 1806–1807 и 1812 гг., гораздо более массовые, чем назначения во время рекрутских наборов. Рассматриваются три уездных города: Серпухов, Новая Ладога и Гдов. Изучены действия и мотивации помещанских семей, общины, думы, губернатора. В качестве источников использованы впервые вводимые в научный оборот материалы из фондов дум уездных городов: приговоры обществ, журналы дум, переписка с губернатором. Установлены две центральные проблемы: приговоры «нежелательных» членов общества и столкновение интересов больших и малых семей, обострившиеся в условиях массового призыва в милицию в 1807 г. Показано, что именно эти проблемы значительно усложняли назначение и поиск ратников, что сказалось на длительности сбора первого ополчения. Проанализирован контингент ратников: возраст, семейное положение, основания назначения в ополчение. Высказывается предположение, что общины помещан приговаривали в ратники людей более старших возрастов, чем крестьяне: в этот период «полицейская функция» отправки на военную службу в городе, вероятно, играла большую роль, чем в крестьянской общине. Исследована реакция властей на остро обозначившиеся при сборе земского войска трудности. Выделены две ответные меры: пересмотр в 1808–1809 гг. правил назначения за «пороки» – прямой ответ на массовые нарушения при назначениях в милицйские ратники – и установление официальной системы семейных очередей с принятием рекрутского устава 1810 г. На примере сбора ополчения в 1812 г. и рекрутских наборов в 1810-х гг. показано, что новые правила способствовали уменьшению числа конфликтов и задержек в общине. Это сыграло свою роль в Отечественную войну: назначение и отправка ратников из помещан в 1812 г. происходили значительно быстрее, чем в 1807 г. Высказано предположение о том, что массовые наборы в военную службу в начале XIX в.

и изменение законодательства в 1808–1810 гг., делавшее положение малых семей более защищенным, могли служить факторами, стимулировавшими дробление больших мещанских семей.

Ключевые слова: мещанское общество, социальные отношения, земское войско 1806–1807 гг., милиция, земское ополчение 1812 г., Отечественная война 1812 г.

Манифестом от 30 ноября 1806 г. было объявлено о созыве земского войска [ПСЗ-1, т. 29, № 22374], а манифестами от 6 и 18 июля 1812 г.¹ – о сборе земского ополчения [ПСЗ-1, т. 32, № 25176, № 25188]. Земское войско (милиция) остается практически не изученным объектом²: исследователи чаще всего воспринимали созыв милиции как эпизод «войны монархов» [Лапина, с. 493]. Участие общества в ополчении 1812 г. – более традиционная тема в дореволюционной³ и советской историографии [см.: Бабкин], сохраняющая актуальность [см.: Спиридонова].

Однако изучение роли городских сословий традиционно отходило на второй план перед участием уезда, где сборами занималось дворянство, отвечавшее и за сборы губернии в целом [Бабкин, с. 48–59]. Но и в 1807 г., и в 1812 г. городские общины внесли существенный вклад в мобилизацию: купеческие общества – пожертвованиями денег, провианта и иными формами материального участия [Белоусов; Бессонов, с. 43–57], а общины мещан – поставкой ратников, экипированных и снабженных провизией, жалованьем, оружием. Однако организация сборов мещанством, в частности процесс назначения ратников, остается совершенно не исследованной темой.

В данной работе изучается процесс назначения в ратники «приговорами» собраний мещанских обществ. Выбор людей для военной службы являлся критически важным аспектом жизни общины. Для ополчений потребовалось гораздо больше людей, чем общества назначали при рекрутских наборах. В 1806–1807 и 1812 гг. общины мещан столкнулись со старыми проблемами, но в ином масштабе – и с новыми вызовами. Поэтому анализ процедур, практик, традиций, которыми руководствовались общины при назначении ратников, позволит лучше понять основные противоречия в мещанских коллективах начала XIX в.

Цель работы – проанализировать, как первые опыты всеобщей мобилизации – сборы двух ополчений – отразились на социальных отношениях в мещанской общине уездного города. Задачи: рассмотреть, какие категории людей назначались в ратники; оценить, какие

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

² Об организации милиции и сборе ратников см.: [Гулевич, с. 1–33]. О пожертвованиях см.: [Горновский].

³ Например, см.: [Отечественная война и русское общество: 1812–1912].

противоречия и конфликты возникали и как они разрешались; проанализировать позицию властей – восприятие возникавших проблем и принимавшиеся в ответ меры.

Работа основана на изучении документов из фондов дум уездных городов Санкт-Петербургской и Московской губерний: это дела «О милиции», «Об ополчении», о рекрутских наборах, приговоры мещанских обществ, журналы дум, переписка с губернатором и казенной палатой. Почти все они вводятся в научный оборот впервые. Также привлекались списки ратников-мещан из фонда «Комитета временного ополчения Петербургской губернии» [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140] и ряд документов из фонда канцелярии московского губернатора (фонд № 17 ЦГА г. Москвы).

Используется как качественный, так и количественный анализ. На основе журналов дум, приговоров обществ и отдельных дел реконструированы действия и мотивации общин и мещанских семей в «необыденное» военное время⁴, а в ходе работы со списками ратников произведен ряд подсчетов (мода⁵ и медиана возрастов ратников из мещан⁶, их семейное положение). Исследуются назначения ратников общинами трех уездных городов, различавшихся размерами, хозяйственной составляющей, структурой населения. Два центра относились к Санкт-Петербургской губернии, один – к Московской.

Новая Ладога являлась вторым по величине городом столичной губернии после Санкт-Петербурга (канал стал важнейшим звеном всех трех систем, ведущих из Волги). В 1782 г. в трех кварталах Новой Ладого насчитывалось около 370 деревянных домов обывателей (более половины – ветхих), четыре каменные церкви и полковая деревянная⁷. Общество мещан с 558 д. м. п. в 1782 г. [Там же. Л. 99] выросло до 741 в 1806 г. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 8], а к 1812 г. достигло 898 душ, включая 60 цеховых и 7 рабочих⁸ [Там же. Д. 500. Л. 131–132]. В Новой Ладогe уже в 1780-х гг. проходило

---

⁴ Судьба города в войне 1812 г. изучается, в особенности городов затронутых войной губерний [Белов].

⁵ Мода представляет собой значение изучаемого признака в конкретной группе, повторяющееся с наибольшей частотой. Например, мещан какого возраста в конкретном городе в 1807 г. назначили в ратники больше всего: ответ 42-летних означал бы, что возраст 42 года являлся наиболее часто встречающимся в списке значени-ем. Медианой называется значение признака, приходящееся на середину ранжированной (упорядоченной) совокупности: например, если медианой является значение в 45 лет, это значит, что половина ратников, назначенных в этом городе в этом году, было старше 45, половина – младше.

⁶ Как отмечает И. Ю. Лапина, впервые обратившаяся к этому вопросу, «никто из историков не обращал внимания на фактический средний возраст ратников» [Лапина, с. 31].

⁷ Данные из топографического описания губернии см.: [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 97 об. –98].

⁸ Цеховые и рабочие (об этой категории см.: [Рындзюнский, с. 50]) в рассматриваемых уездных центрах были крайне немногочисленны: они несли повинности и участвовали в сборах в составе мещанской общины.

две ярмарки в год, которые привлекали гостей из обеих столиц, Каргополя, Новгорода, Вологды, Ярославля, Бежецка и других городов. Мещане (около 900 д. м. п.) и купцы⁹ торговали самым разным товаром, купленным в столице, Москве, у прибывавших купцов, включая «проезжающих на барках» (сукна, «шелковые, бумажные и шерстяные материи», «серебро отделанное», кожи, овес, пенька, свечи, мыло, вино, рыба, мясо и т. п.), занимались перевозками по каналу. В столицу отправляли на продажу «кожи выделанные и невыделанные, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 98 об.].

В Гдове в 1780-х гг. насчитывалось около 130 деревянных домов обывателей в двух кварталах, две каменные церкви и три деревянных [Там же. Л. 88]. В 1806 г. здесь числилось 139 д. м. п. мещан и 123 д. м. п. купцов [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 2, 24]. К 1812 г. в общинах состояло около 200 душ мещан (с находившимися на утверждении казенной палатой – до 257) и 84 душ купцов третьей гильдии [Там же. Д. 345. Л. 16]. Объемы торговли были невелики («жители города торгуют только мелочным и харчевным товаром в городе, а далее промыслов не имеют»; ярмарок в городе не проходило [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999. Л. 88 об.]).

Серпухов наряду с Москвой и Коломной был крупнейшим экономическим центром Московской губернии с активно развивавшейся текстильной промышленностью: в 1812 г. здесь было 14 полотняных «фабрик» (855 станов, 2 тыс. вольнонаемных рабочих), одна хлопчатобумажная¹⁰, а к 1814 г. – 13 полотняных и четыре хлопчатобумажных (для сравнения: в 1780-х гг. в Новой Ладогe было всего два «завода» – кожевенный и канатный – по 20 человек; в Гдове по указу Екатерины II основали казенную прядильную фабрику [Там же. Л. 89, 99])¹¹. В 1806 г. в Серпухове числилось 1127 д. м. п. мещан и 1153 души купцов [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 57, 63].

Восприятие горожанами сборов на ополчения остается предметом дискуссий¹². Так, существуют разные мнения о том, считать ли купеческие пожертвования (в 1807 и 1812 гг. общины собирали складки)¹³

⁹ Почти все – 3-й гильдии [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230. Л. 22, 107, 112; Д. 500. Л. 108, 112].

¹⁰ И три кожевенных завода [Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г., с. 28–29, 92, 117; Ведомость о мануфактурах в России за 1813–1814 гг., с. 97, 229, 269–270]. Многие рабочие, вероятно, были из крестьян.

¹¹ Кожевенный (6–9 наемных рабочих) числился и в 1812–1814 гг. [Ведомость 1812 г. с. 55; Ведомость за 1813–1814 гг., с. 131]. В Гдове, видимо, производство не прижилось.

¹² Было распространено мнение о широком добровольном участии податного населения в сборах ополчения 1812 г. (отчасти и крепостных) [Бабкин, с. 37–41]. Сегодня подчеркивается, что требуется более детальное изучение вопросов добровольности, соотношения между решениями общин и отдельных семей купцов и мещан [Лапина, с. 163, 175–182, 499; Hartley, 2015, p. 149–150].

¹³ Например, в Новой Ладогe в 1807 г. собирали по 25 р. с каждой д. м. п., в Серпухове – по 33 р. 33 коп. [Белан, с. 86].

безвозмездной помощью или повинностью [Белоусов, с. 61; Бессонов, с. 49–51¹⁴]. Однако поставку полностью снаряженных ратников манифесты 1806 и 1812 гг. однозначно определяли именно как *обязанность* мещан и крестьян [ПСЗ-1, т. 29, № 22374; ПСЗ-1, т. 32, № 25188; Лапина, с. 175–176]. И сами мещане участие в ополчениях – выставление ратников и сбор средств на них – воспринимали прежде всего как повинность: формулировка «сия повинность» постоянно фигурирует в приговорах обществ [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 8 об.].

Вслед за манифестом от 30 ноября 1806 г. думы¹⁵ получили и четкие указания о числе требуемых ратников: в Санкт-Петербургской и Московской губерниях от мещанских обществ потребовали с каждого 16 д. м. п. одного ратника (20–45 лет, с января 1807 г. возраст расширили до 17–50 лет [ПСЗ-1, т. 29, № 22385, 22428]). В марте 1807 г., когда вторжение французской армии стало маловероятным, пропорцию сократили втрое – до одного ратника от 57 душ [Там же, № 22496], но, «пока собирали ополчение, война с Францией закончилась» [Бескровный, с. 72].

В 1812 г. требования к числу ратников, напротив, возрастали: с одного от 25 д. м. п. до одного от десяти душ к концу июля (в Московской и Санкт-Петербургской губерниях¹⁶) [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 18–24, 53–54]. Земские ополчения, в отличие от милиции, распустили в начале 1814 г. [ПСЗ-1, т. 32, № 22523, 22524]. В Санкт-Петербургской губернии возвратилось около 60 % ратников-мещан [Лапина, с. 464–465; РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26]¹⁷.

Участовавшие в ополчениях общества в 1807 и 1812–1814 гг. освобождались от рекрутской повинности до возвращения и подсчета ратников, а за умерших и пропавших на службе полагались квитанции как за рекрутов. Во время службы семьи и общины ратников не вносили за них подушной подати и других сборов [ПСЗ-1, т. 29, № 22496]. При роспуске милиции манифестом от 27 сентября 1807 г. обществам и помещикам предложили или востребовать ратников «в первобытное состояние», или направить их в армию с выдачей квитанций как за сданных вперед рекрутов [ПСЗ-1, т. 29, № 22634, 22636]. Но показательно, что все рассмотренные общества предпочли оставить ратников «навечно» в службе¹⁸ [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036.

¹⁴ В. А. Бессонов отмечает, что население и обязательные сборы воспринимало как жертву: экстраординарные окладные сборы редко компенсировались [Бессонов, с. 101].

¹⁵ Губернаторы обычно переписывались с шестигласными думами: общегородские думы в небольших городах не образовались. Так, в Гдове на собраниях думы присутствовало три человека: городской глава (купец) и по одному выборному от общин купцов и мещан (см. журналы думы: [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 342–344]).

¹⁶ В других губерниях набирали одного ратника с 15–25 душ, чаще всего – одного с 25 [Лапина, с. 215–300].

¹⁷ Ополчение Московской губернии понесло более тяжелые потери, и многих оставшихся ратников отдали в армию как пополнение еще в 1812 г. [Лапина, с. 367–368].

¹⁸ Такое же решение приняло большинство помещиков и сходов казенных крестьян: 177 тыс. из 200 тыс. ратников были сданы в армию [Бескровный, с. 73].

Оп. 1. Д. 107. Л. 232; ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215. Л. 44 об.]. Набор в 1807 г. был отменен, а ратнические квитанции общины предъявляли еще несколько лет: это позволяло им отдавать меньше рекрутов «натурой» [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 332 Л. 18, 30, 50; РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6. Л. 30–31, 44; Д. 907. Л. 107–117]. После же возвращения ратников из второго ополчения в конце 1815 г. был произведен так называемый уравнительный рекрутский набор.

Рассмотрим, как общины организовали назначение людей в милицию. В декабре 1806 г. и в июле 1812 г. были срочно созваны собрания мещанских обществ, которые назначали ратников и раскладывали суммы на их экипировку и прочие расходы. Процесс отчасти напоминал рекрутские наборы: собрание своим приговором утверждало людей в ратники (иногда и подставных), назначенных собирали, экипировали – и партии ратников с отдатчиком и провожатыми отправлялись из города.

Конфликты и столкновения интересов при назначениях были неизбежны. Среди приговоренных в ратники выделяются несколько категорий: 1) те, кого община назначала в первую очередь, до семейных мещан – «нежелательные»; 2) составлявшие большинство семейные мещане; 3) волонтеры¹⁹. Рассмотрим назначения «нежелательных» мещан, а затем обратимся к проблеме выбора из числа семейных.

В условиях коллективной ответственности за выплату податей объяснимо стремление общин в первую очередь сдать в милицию *наименее стабильных членов общины* (как и при выборе рекрутов): большую свободу общинам давала норма, разрешавшая до выбора из числа семейных назначать в службу нежелательных членов общества. Часто в приговоре, который подписывался присутствовавшими на собрании мещанами, указывалось сразу несколько обвинений: в большинстве случаев это были неплатеж казенных и городских податей, самовольные отлучки, пьянство и распутное поведение. При этом установить, насколько велика была их вина в действительности, достаточно сложно: система была такова, что руководящие общиной должностные лица (староста и др.) и богатые семьи могли довольно легко использовать обвинения в пороках для того, чтобы избавиться от неудобных по тем или иным причинам мещан. Какими бы ни были обвинения, отчетливо выделяются категории мещан, от которых явно старались избавиться: (1) неплательщики, (2) порочные («распутного поведения»), (3) новые члены общины.

Вполне логично, что чаще всего как «порочных» приговаривали мещан-неплательщиков и отлучавшихся без паспорта (или с просроченным). Во вторую группу можно выделить действительно опасных для социального мира членов общества – склонных к конфликтам и дебошам, распутству, пьянству – за эти пороки часто назначали

---

¹⁹ Ими двигали разные мотивы, включая деньги. Эта категория была немногочисленна [Лапина, с. 499].

молодых людей 17–26 лет. Например, 18-летний Иван Вавилов из Новой Ладogi. Его мать и сестра неоднократно жаловались Думе: вечно являясь в пьяном виде, Иван избивал их и грозился убить (один раз только прибежавшие на шум солдаты, размещенные на постой у соседей, предотвратили кровопролитие). По просьбе матери Ивана арестовывали и несколько раз назначали в рекруты, но выслали только в 1812 г. в ополчение [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428. Л. 9–10 об., 14 об.].

Выделяется также третья категория – недавно записавшиеся в общество. Мотивация этих приговоров также объяснима. Запись в городские сословия даже лично свободного населения до 1820-х гг. сдерживалась множеством ограничений [Рындзюнский, с. 52–60; Миронов, с. 68–69]. Однако в рассматриваемый период опасность была не столько в миграции крестьян, часто записывавшихся в купечество²⁰, сколько в усиливавшемся проникновении в мещанскую общину разного рода маргинальных личностей. Мещанские общества имели право принимать или отказывать новым лицам в приеме. Но в конце XVIII – начале XIX в. интересы городских общин и властей начинают расходиться.

Правительство находило нужным, прежде всего в фискальных целях, чтобы все лица без определенного звания приписывались к обществам: это могли быть получившие волю крестьяне и дворовые, «рабочие»²¹, выходцы из-за границы, цыгане и т. д. (отказывавшимся избрать «образ жизни» грозила отдача в солдаты или высылка в Сибирь [Smith, p. 83–90]). Практически все эти лица направлялись в города. Связанные же круговой порукой мещанские общины с опасением воспринимали приток малообеспеченных элементов. Хотя до 1830-х гг. общества и сохраняли право отказывать в записи [Рындзюнский, с. 174–179], можно говорить о расширении проникновения «пауперизованных» категорий в город в начале XIX в. Политика властей этому способствовала: регулярные амнистии позволяли возвращаться из Швеции и Польши беглым крестьянам, солдатам и рекрутам, в 1808–1809 гг. правительство потребовало обязательной приписки от всех цыган [Smith, p. 89] и т. д. А для того, чтобы помочь интеграции прибывающих, указом от 7 сентября 1804 г. было запрещено назначать их в рекруты до следующей ревизии даже по обвинениям в пороках [ПСЗ-1, т. 27, № 21442].

Однако в мещанской общине хорошо помнили новые семьи, многие из которых действительно пополняли беднейшие маргинальные слои общества, где были распространены неплатежи, отлучки, дебо-

---

²⁰ Больше опасений у граждан вызывала не облагавшаяся налогом до 1812 г. торгово-промышленная деятельность крестьян, которую они вели, не меняя сословия [Миронов, с. 116–117, 228–229; Рындзюнский, с. 72–85, 107–151].

²¹ К рабочим в рассмотренных городах относились мещане и цеховые Москвы и Санкт-Петербурга, наказанные за небольшие преступления (как правило, плетью или розгами за кражи, взломы и т. п.). С 1787 г. их стали высылать в уездные города, а с 1799 г. – записывать в мещанские общества [Рындзюнский, с. 50].

ши, преступность. Целый ряд мещан, приговоренных в ратники, были явно из новых семей. Среди назначенных встречается много выходцев из-за границы и рабочих, часто обвинявшихся в неплатежах податей. В Гдове в 1812 г. в списке из десяти ратников было двое мещан Гороховских, «записавшихся из цыган»: семье Гороховских пришлось покинуть город, и сыщики общины преследовали их по нескольким уездам Санкт-Петербургской и Новгородской губерний [ЦГИА СПб. Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 4–5, 6].

Общины желали отправить на службу даже представителей самых маргинальных слоев. В Серпухове в январе 1807 г. голова и Дума, не набрав нужного числа людей, постановили освободить должников, отданных «в зажив», и отдать их в ратники (община мещан возвращала «искупителям» по 24 рубля²²) [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 70]. А в Новой Ладогe в 1812 г. община пошла на крайность: приговором собрания в ратники утвердили трех человек – мещанина и двух рабочих, заключенных в тюрьму (за взлом, кражу) и ожидавших решения палаты уголовного суда. Этот факт вызвал крайнее возмущение губернатора, строжайше предписавшего назначать в ратники исключительно мещан достойного поведения и находящихся в городе [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 101].

И все же за пороки, неплатежи, отлучки назначалась меньшая часть ратников обоих ополчений. Большинство их собрания общин выбирали из числа семейных. При этом особенно остро при сборе первого ополчения проявились противоречия между интересами малых (1–3 д. м. п.) и больших, чаще всего богатых семейств. Так, к февралю 1807 г. московский губернатор, столкнувшись с большим количеством жалоб на приговоры общин, разослал строгие указания о том, что, хотя при выборе ратников и не было предписано учитывать историю поставки семьями рекрутов при рекрутских наборах, однако же под страхом наказания запрещались «ущемления», выразившиеся в назначении «одиночных и малосемейных» [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 87, 90, 98]. Губернатор также запрещал содержание назначенных под стражей как «противное самому духу милиции» [Там же. Л. 71].

Действительно, вслед за «нежелательными» собрания обществ в декабре 1806 г. довольно часто назначали в ратники именно одиноких и малосемейных мещан. Проблема заключалась в отсутствии четкого порядка отбора среди семей. «Великосемейные» всячески старались избежать обязанности, а возможности принудить их исполнять повинность были ограничены²³. Например, городской голова Серпухова сообщал губернатору, что под стражу он никого не заключал, но необходимы строгие меры и всяческое содействие властей и полиции

²² См. о «заживах»: [Рындзюнский, с. 48–49].

²³ При выборе рекрутов в теории учитывали рекрутскую историю семейств. Но процесс выбора семей, из которых брали рекрутов, в начале XIX в. четко не регламентировался. Все решалось в рамках собраний общин, и часто имело место ущемление прав (губернаторы получали массу жалоб на приговоры в рекруты).

губернии: в городе числится немалое количество «весьма семейных» мещан, которые и сами на «многократные призывы» головы не являются, и своих сыновей, несмотря «на все увещевания», не присылали, нарушая тем самым данные за них подписки [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 72, 99] («большесемейные» же все время отговариваются, «что сыны в отлучке, а где – то им не известно» [Там же. Л. 72]).

По всей видимости, и общинам, и думам, и губернаторам в начале XIX в. было известно, что значительное число мещан, годных по возрасту и состоянию здоровья, скрываются от рекрутских наборов («года по два и более по разным местам» [Там же. Л. 60]). Уже в конце декабря 1806 г. московский губернатор написал городским головам, что так как он получает от них много жалоб на уклонения семей от милицейской повинности, общинам разрешается присылать своих «сыщиков» к обер-полицмейстеру, и им будет оказана помощь для сыска уклоняющихся в Москве и по губернии [Там же. Л. 32]. Именно в условиях срочной массовой мобилизации уклонение назначенных общиной и затягивание из-за этого поставок ратников стало для властей большой проблемой.

Судя по материалам дум, сопротивление семей, в частности именно «большесемейных», сыграло большую роль в замедлении сбора милиции. Показателен случай Серпухова. Серпуховский голова в начале февраля 1807 г. направил городничему список из 50 семей мещан «с преимущественными работниками», из которых следовало доставить по одному человеку к 11 февраля [Там же. Л. 87]. К началу марта староста отчитался о 45 подготовленных ратниках, но нужно было поставить еще 35: староста жаловался, что «семейные из города ныне все поотлучались, и где искать – неясно», «хотя и к сыску их и прилагаем все усилия возможные» [Там же. Л. 118]²⁴. Староста упомянул, что он и приемщики из милиции всячески предлагали одиноким мещанам дать еще ратников, бросив жребий, но те упорно отказывались, «чиня ослушание» (очевидно, одинокие считали, что обязанность должна пасть на большие семьи [Там же]). Городской голова был вынужден просить городничего доставить отцов семи больших семей, давших подписки за сыновей. Городничий привел четверых; один покинул город, еще трое скрывались [Там же. Л. 130, 134]. В марте были также даны объявления в «Московских» и «Санкт-Петербургских ведомостях» о сыске 15 «фамилий» и высылке их в Серпухов, «хоть бы они были и с паспортами» [Там же. Л. 123–124].

Усилия сыщиков от общины, городничего, помощь управы благочиния и нижних земских судов в борьбе с укрывательством семейных приносили некоторый результат, но очень медленно²⁵. К этому вре-

²⁴ Остроту ситуации и целый ряд конфликтов передает журнал Думы [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 109].

²⁵ Когда внезапно отыскивались «сыновья» семейных, нередко случались стычки, едва не доходившие до кровопролития. Например, см: [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 122, 145, 148, 181].

мени мобилизовали даже десяцких и будочников, и городничий писал голове, что ничем не поможет, пока не получит от общины новых людей (только «не малолетних и не старых» [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107. Л. 111]). В итоге 9 марта 1807 г. собрание общины, чтобы успеть к крайнему сроку поставки ратников – и так как семейных мещан отыскать не удавалось – решило назначить еще десять человек по обвинениям в «пороках» [Там же. Л. 130] (почти наверняка это были мещане одинокие или из бедных семей). К облегчению городских властей и общины, в марте число требуемых ратников снизили втрое: так как к этому времени Серпухов уже сдал 47 из потребованных в декабре 78 ратников, новые назначения прекратились [Там же. Л. 232].

Очевидно, что для набора нужного числа милицейских ратников годные люди подходящего возраста в общинах были (в 1812 г. общины выставляли одного с десяти душ), но сложность была в том, чтобы их найти и отправить. Причин было несколько, в том числе ограниченность сил в распоряжении думы и городничего (почти все дела, включая розыски, осуществляло мещанское общество через специально нанятых сыщиков). Однако ключевой сложностью представляются не столько проблемы с поиском, сколько низкая эффективность самой системы назначения в службу приговором общества. Она еще обеспечивала поставку рекрутов во время наборов. Но первая массовая мобилизация – сборы милиции – отчетливо выявила недостатки и ограниченность традиционных практик: процесс назначения был непрозрачным, большую роль играла верхушка общины, распространено было уклонение, отмечались случаи насилия.

Конечно, неуспехи со сбором первого ополчения были обусловлены не только проблемами общин, но и другими факторами, включая неготовность всех государственных структур к сбору и содержанию милиции такой численности²⁶. Власти наверняка знали о существенной роли назначения на службу для «очищения» общин. Отчасти такая ситуация могла быть выгодна и государству: затраты на поддержание спокойствия – расходы на городскую полицию – были невелики. Однако при созыве земского ополчения в 1812 г. произошли значительные перемены во многих аспектах: в частности, материалы дум свидетельствуют, что назначение, подготовка и отправка ратников происходили гораздо быстрее. Манифест от 6 июля 1812 г. был получен в городах Санкт-Петербургской губернии в десятых числах июля [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 20; ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 2; Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 29], а самые последние предписания – выставить одного ратника с десяти душ – в конце июля [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060. Л. 48; ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500. Л. 79; Ф. 881. Оп. 1. Д. 344. Л. 34]. Но уже

---

²⁶ «Милиция 1806–07 годов представила собою совсем не то, что предполагалось создать первоначальными правительственными актами» [Гулевич, с. 18].

в первой половине августа большинство городов губернии сдало основную массу ратников²⁷ [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140]. Для сравнения: к марту 1807 г. – через три месяца после выхода манифеста о милиции – только начался сбор первых батальонов «стрелков», и то с большими задержками [Гулевич, с. 18–24]²⁸.

Более активный процесс назначения и отправки ратников в 1812 г. объясним не только организационным опытом милиции и патриотическим подъемом, но и тем, что после 1807 г. было принято несколько важных актов с целью упорядочить систему назначения на службу через приговор. Представляется правильным утверждение, что, столкнувшись с перебоями с поставкой людей и массой сложностей в общинах во время сбора первого ополчения, правительство не стало более оставлять без внимания проблемы, связанные с процессом назначения. Документы дум свидетельствуют, что в снижении конфликтов в общине и ускорении назначений особую роль сыграли две законодательные меры, которые до настоящего момента были обойдены вниманием исследователей, особенно на фоне интереса к военным и иным реформам, произведенным в 1807–1812 гг. (учреждению рекрутских депо и т. д.).

Во-первых, в апреле 1808 г. были введены *более строгие правила для приговоров по обвинениям в порочном поведении* [ПСЗ-1, т. 30, № 22982]. В преамбуле подчеркивалось, что поводом послужил именно опыт милиции, в ходе действий которого поступила масса жалоб на должностных лиц общин в том, что «они при бывшем наборе земского войска, обходя богатые и большие семейства, обращали всю тягость повинности на бедных одиноких поселян», а «освобождали из милиции только тех, кои в силах были удовлетворить их корыстолюбие» [Там же]. Новые правила ввели для казенных крестьян, а указом от 30 сентября 1809 г. распространили на мещан [Там же, № 23872].

Теперь приговоры «порочных» необходимо было составлять в помещении Думы в присутствии городского головы. Подписаться под приговором должны были 24 члена общины, свидетельствовавшие под присягой, что «надежд на исправление» назначаемого не остается. При этом старосты и иные должностные лица не могли входить в число подписывающихся, чтобы «не могли употреблять во зло власть им присвоенную и из потворства к богатым делать приговоры об отдаче в рекруты неочередных», «взводя на них разные пороки, которым они непричастны» [ПСЗ-1, т. 30, № 22982,

---

²⁷ Из 45 ратников от Новой Ладogi 26 прибыли 2 августа, еще 14–7-го числа. Из 45 шлиссельбургских мещан 21 прибыл 27 июля, остальные – 7 августа. 16 из 20 гдовских ратников прибыли к 21 августа (12 из них – 10 августа). Примерно так же поставляли ратников остальные города губернии. Ратуши и общины городов при резиденциях оказались медлительнее: из 50 царскосельских ратников к 14 августа поступили 22 [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96].

²⁸ Это были самые боеспособные части милиции, которых собирали первыми. Но в боях в Восточной Пруссии приняли участие только 5 из 32 батальонов, включая батальон столичной губернии [Гулевич, с. 19–24].

с. 201]. Приговор должен был быть проверен городским головой и не позднее трех дней с момента подписания отправлен на утверждение к гражданскому губернатору.

Второй важнейшей мерой стало введение официальной системы семейных рекрутских очередей²⁹ с принятием рекрутского устава 1810 г. [Бескровный, с. 71]³⁰. Как подчеркивалось выше, собрания общин, на которых доминировали местные элиты, выбирали, из какой семьи брать рекрута, с учетом того, какие семьи и когда поставляли рекрутов в последний раз. В таких условиях выбор мог быть спорным. Конфликты и «ущемления» были частым явлением. Теперь же в каждом городе составлялись книги рекрутских очередей, число которых зависело от размера общины. Так, в уездном центре в первую очередь могли быть внесены семьи, в которых было девять работников, во вторую – восемь и т. д. В последнюю очередь обычно заносились «двойники» и одиночки. В случае рекрутского набора первыми поставляли рекрутов семьи из первой группы, и прежде всего те, которые не давали рекрутов в недавнем прошлом. Если набор был большим, то семьи из следующей группы обязывались выставить определенное количество людей, и т. д. Это означает, что от повинности в теории почти освобождались одинокие и малосемейные: даже при обременительных наборах 1812–1814 гг. очередь до семей с 1–2 д. м. п. должна была доходить редко [Там же, с. 73–74]. Таким образом, упорядочивание приговоров за «пороки» и принятие официальной системы семейных очередей в 1808–1810 гг. укрепили положение самых уязвимых категорий – небольших, чаще всего бедных семей, а также неплательщиков, недавно записавшихся мещан из числа «выходцев», рабочих.

Правительство руководствовалось своими интересами: более строгое регулирование назначений через приговоры должно было снизить уровень конфликтов и проволочек в общинах и ускорить поставки людей в армию – задержки с предоставлением рекрутов в 18081–1810 г. случались во многих городах; должно было снизиться и число апелляций к губернаторам.

Для городских общин упорядочивание системы приговоров имело большое значение. Так, дела о рекрутских наборах свидетельствуют о том, что уже к 1810 г. за пороки приговаривали согласно новым процедурам, постоянно цитируя новые нормы [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428]. Конечно, полностью искоренить проблемы в общинах новые нормы не могли. В частности, анализ возраста ратников и рекрутов дает основания считать, что мещанские общины и до, и после принятия новых норм были заинтересованы сдавать менее нужных членов общин.

---

²⁹ В маленьких городах рекрутских очередей было меньше [ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 585. Л. 89].

³⁰ Другим важным нововведением устава стало разрешение откупаться от рекрутской повинности за 2 тыс. руб. Семьи и раньше могли купить «охотника», а теперь власти сделали легальный откуп статьей дохода.

Дела фондов городских дум о рекрутских наборах конца с конца 1780-х по 1810-е гг. показали, что возраст рекрутов из мещан традиционно был достаточно высок – в среднем ближе к 30 годам [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 28, 49, 50, 98, 188, 230, 332, 370, 428, 463; см. также: РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6, 458, 681, 835, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1084, 1152, 3062; Ф. 494. Оп. 1. Д. 51, 53, 80, 91, 104]. И. Ю. Лапина подсчитала, что средний возраст ополченцев мещанских обществ Санкт-Петербургской губернии в 1812 г. также колебался в пределах от 26 до 39 лет (в основном 30–39), а среднее арифметической по всем городам губернии составило 35 лет [Лапина, с. 258]. Но этот анализ можно расширить, высчитав моду и медиану для списков ратников от каждого мещанского общества, а также для объединенного списка ратников всех городов губернии.

Медиана и мода возрастов ратников, поступивших от мещанских обществ Санкт-Петербургской губернии (1812)³¹

Город	Сдано ратников	Медиана	Мода
<i>Санкт-Петербургская губерния</i>			
Новая Ладога	45	41	54
Гдов	20	21	20
Царское Село	50	41	45
Гатчина	26	45	45
Павловск	7	30	30
Шлиссельбург	45	35,5	45
Луга	18	32,5	35
Кронштадт	10	37,5	–
Ораниенбаум	20	40	45
Ямбург	13	39	40
Нарва	17	35	42
<i>Все города губернии</i>	271	38	45
<i>Санкт-Петербург</i>			
Мещане	385	38	38
Российские ремесленники	133	29	18
Ремесленники иностранного цеха	70	35	27
<i>Все три общества</i>	588	36	48
<i>Все общества Санкт-Петербургской губернии</i>	859	36,5	45

³¹ Сост. по: [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140; РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17. Л. 26; Лапина, с. 464–465].

Как мы видим, для общего списка мещан-ратников столичной губернии медиана составила 45 лет, мода – 38, то есть половина отправленных в 1812 г. ратников была старше 38 лет, чаще же всего назначали 45-летних.

По первому ополчению сохранилось мало списков, но доступные данные дают ту же картину: в Серпухове цифры были даже выше, чем наши подсчеты для 1812 г., – у 90 назначенных ратников и медиана, и мода составили 44 года³².

Прежде чем делать выводы, нужно сравнить эти данные с возрастными ратников из крестьян. Для примера взяты несколько небольших списков ратников земских ополчений 1812 г. (разных губерний) из фонда канцелярии московского губернатора³³. Анализ действительно дает более низкие цифры: медиана ратников из уездов Московской губернии – 30 лет. А в списке имен ратников-крестьян из других губерний медиана составила 31–32 года.

Традиция общины отсылать в службу наименее нужных не могла быть полностью изжита после реформирования системы назначения в 1808–1812 гг. Так, даже в 1823 г. генерал-адъютант барон Ф. К. Корф отмечал, что именно от городских обществ по-прежнему поступало большое количество «плутов», мелких воришек и т. п. Корф предложил делить рекрутов из мещан: нормального поведения, семейных, оставлять служить в батальонах внутренней стражи, поближе к дому, что облегчило бы им разлуку с родными, тогда как большое количество ненадежных надо было бы удалять подальше, в полевые полки³⁴.

Последнее наблюдение заключается в том, что на фоне улучшения положения малосемейных³⁵ многие мещане, по всей видимости,

---

³² Представляется важным сравнить состав первых и поздних партий. В 1812 г. в первых, основных партиях ратников, направленных в конце июля – начале августа, было больше ратников более молодых (относительно) и скорее всего холостых. В поздних партиях – наоборот. Так, в первой партии от Гатчины из 12 человек было шесть холостых, один вдовый и пять женатых [ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96. Л. 9]. А в последней партии из Новой Ладogi из 18 ратников девять человек были старше 50 (вся партия была сильно «старше среднего»: медиана – 46 лет, а мода – 54 [Там же. Л. 6]. Из девяти ратников старше 50 лет было восемь женатых и один вдовый; всего же из 18 ратников женатых было 15. Предположим, что общины приговаривали нежелательных, одиноких, а также людей старших возрастов, стараясь минимально затронуть прослойку самых активных, приносящих больше податей мещан.

³³ В 1814 г. через Москву возвращались ополченцы из нескольких губерний.

³⁴ Корф предложил делить рекрутов из мещан на «нормальных», которых следует оставлять служить в батальонах внутренней стражи, и «плутов», которых надо отсылать служить подальше, ведь если они останутся вблизи от родных мест, где имеют знакомства, вырастет преступность [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17980. Л. 1–2].

³⁵ В Серпухове в 1811 г. один мещанин жаловался, что его единственного сына берут в рекруты, тогда как в городе много «семириков и шестириков». В ответ на это губернатор переслал городскому голове список семи больших семей, занимавших первые позиции в очереди, приказывая брать из них [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 169А. Л. 1]. Ситуация повторялась: обжалованные маленькими семьями приговоры губернаторы отправляли на пересмотр практически автоматически.

оказались заинтересованы в дроблении³⁶ большой семьи³⁷. Приведем один пример. В 1811 г. московский губернатор переслал в Серпухов несколько апелляций от малосемейных мещан, требуя пересмотра приговоров. В одной из них мещанка Анна Анопова жаловалась на отдачу в рекруты единственного сына, а также на то, что семью ее мужа Ивана Анопова объединяют (в податных регистрах) с семьей его брата Василия против воли обоих. У Василия были свои сыновья, и объединение семей братьев умножало число мужских душ. Однако это решение серпуховский голова пересматривать отказался. Из его ответа губернатору следует, что братья Аноповы в 1797–1801 гг. числились в нераздельном купеческом капитале матери, «купецкой вдовы». Не подтвердив капитал, семья переписались в мещанство. Но вскоре Иван на год записался в купцы, после чего выписался обратно в мещане, таким образом создав собственную мещанскую семью [ЦГА г. Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 213. Л. 4–5].

В первые послевоенные десятилетия становятся еще более заметны перемены при назначениях в службу. Сохранились рекрутские квитанции Царского Села за 1817–1841 гг. К 1820-м гг. полностью исчезает назначение в службу за пороки, еще широко практиковавшееся в первые послевоенные наборы. Фактически к 1820-м гг. прекращается и предъявление обществами квитанций за своих или за купленных невозвратившихся ратников или излишних рекрутов. С 1811 г. распространяется практика замены рекрута деньгами. Интересно, что происходит снижение возраста рекрутов: уже в 1820-х гг. почти всегда общины поставляли рекрутов в возрасте 20–25 лет³⁸ [РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1152]. По всей видимости, назначение в рекруты становится официальным регулируемым процессом, значительно более прозрачным: к 1820-м гг. семьи попеременно поставляют в службу своих младших работников. Самоуправство должностных лиц и богатых семей, конечно, не могло быть полностью искоренено. Богатые семьи могли и официально нанимать «охотников» (обычно из должников) и откупаться деньгами. Служба долго оставалась уделом скорее бедных и менее удачливых общинников.

Можно сделать вывод, что военные потрясения 1805–1812 гг., и в значительной степени именно сложности, связанные с первой масштабной мобилизацией – сборами милиции в 1806–1807 г., стали ценным уроком, указавшим правительству на главные проблемы на-

---

³⁶ Продолжаются дискуссии, способствовала ли рекрутская повинность сохранению или дроблению большой крестьянской семьи [Hartley, 2008, p. 37–38]. Работ о связи размеров семей мещан и рекрутчины нет.

³⁷ Большая семья – сложное понятие. Так, налоговые регистры Новой Ладоги (за 1790, 1809 гг.) показывают, что в городе было немного семей даже с 4–5 д. м. п. [ЦГИА СПб. Ф. 685. Оп. 1. Д. 44, 370], а чаще всего встречались семьи с 2 д. м. п. Но в городах Московской губернии, судя по спискам семейных очередей 1814 г., было гораздо больше семей с 5–7 и даже 8–9 душами [ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 585].

³⁸ Призывной возраст также понижался, но более медленными темпами [Бескровный, с. 69–80].

значения на службу приговором общин, которые нельзя было более игнорировать.

Традиция назначения на службу приговором собрания общины имела много недостатков, которые отчетливо проявились при первом массовом призыве ратников: это непрозрачная система утверждения людей и выбора семей, частые приговоры за пороки, но при этом длительные розыски назначенных, многочисленные уклонения (в частности, со стороны больших семей) и нарушение подписок, большое число апелляций к губернаторам. Частые случаи самоуправства верхушки мещанского общества были практически неизбежны в системе, где все решения принимались в рамках общины и слабо контролировались представителями власти (губернаторами).

Очевидно, на разных уровнях власти знали о нарушениях в общинах, о возрасте рекрутов, проблеме их моральных качеств, но в прежние годы ситуация оставалась для властей в целом приемлемой. Однако в условиях нараставших военных испытаний³⁹ требовалось налаживать и поставки людей в армию. В интересах государства было минимизировать конфликты в общине, снизить количество апелляций и пересмотров приговоров.

Появившиеся в 1808–1810 гг. законодательные акты значительно упорядочили процесс назначения в службу «за порочное поведение» (сделав его похожим на судебную процедуру) и ввели официальную систему семейных рекрутских очередей. Положительное воздействие этих мер проявилось уже в 1811–1812 гг. Значительная скорость сбора ополчения в 1812 г. по сравнению с милицией отразила не только патриотический подъем в обществе, но и показала, что новые меры имели важный регулирующий прогрессивный характер для взаимоотношений в общинах. Значительные изменения в практике назначений, связанные с новыми правилами, становятся еще более заметными в послевоенные годы.

Список литературы

Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М. : Соцэкгиз, 1962. 212 с.

Белан М. А. «Не намъ, не намъ, а имени твоему»: жертвования уездного купечества на ополчения в начале XIX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии) // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 82–96.

Белов А. В. 1812 год в судьбе русского города. М. : Полит. энцикл., 2018. 326 с.

Белоусов С. В. Купечество Среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 59–63.

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М. : Наука, 1973. 616 с.

Ведомость о мануфактурах в России за 1812 г. СПб. : Тип. Воен. м-ва, 1814. 174 с.

Ведомость о мануфактурах в России за 1813–1814 гг. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1816. 457 с.

Горновский И. А. Сто лет назад : Милиция 1806–1807 годов и жертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.

³⁹ Рекрутские наборы значительно увеличиваются с 1805 по 1813 г. [Бескровный, с. 71–74].

Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг. : в 5 т. СПб. : Экон. типолит., 1906. Т. 1. 458 с.

Латина И. Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг. : исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : дис. ... докт. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2008. 626 с.

Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л. : Наука, 1990. 272 с.

Отечественная война и русское общество : 1812–1912 : в 5 т. / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 236 с.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 27, 29, 30, 32.

РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17; Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999.

РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6, 458, 681, 835, 907, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1060, 1084, 1152, 3062; Ф. 494. Оп. 1. Д. 51, 53, 80, 91, 104.

Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.

Спиридонова Л. М. Ополчения 1812 года : постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.

ЦГА г. Москвы. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Т. 3, 399, 585; Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107, 109, 213.

ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 96, 140; Ф. 685. Оп. 1. Д. 28, 44, 49, 50, 98, 188, 206, 230, 332, 370, 428, 463, 500, 547; Ф. 881. Оп. 1. Д. 215, 340–345.

Smith A. K. For the Common Good and Their Own Well-Being : Social Estates in Imperial Russia. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2014. 296 p.

Hartley J. M. Russia, 1762–1825 : Military Power, the State, and the People. Westport : Praeger, 2008. 318 p.

Hartley J. M. Patriotism in the Provinces in 1812 : Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850) / ed. by J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. L. : Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–162.

References

Babkin, V. I. (1962). *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda* [National Militia in the Patriotic War of 1812]. Moscow, Sotsekgiz. 212 p.

Belan, M. A. (2021). “Ne nam”, ne nam”, a imeni tvoemu”: pozhertvovaniya uездного kupechestva na opolcheniya v nachale XIX v. (na primere Sankt-Peterburgskoi gubernii) [“Not unto us, not unto us, but unto thy name”: The Response of District Merchants to Raising People’s Militia in 1806–1807 and 1812–1814 (with Reference to St Petersburg Province)]. In *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. Vol. 60, pp. 82–96.

Belousov, S. V. (2010). Kupechestvo Srednego Povolzh'ya v Otechestvennoi voine 1812 goda [Merchants of the Mid-Volga Region in the Patriotic War of 1812]. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (77), pp. 59–63.

Belov, A. V. (2018). *1812 god v sud'be russkogo goroda* [The Year 1812 in the Fate of a Russian Town]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 326 p.

Beskrovnyi, L. G. (1973). *Russkaya armiya i flot v XIX veke* [The Russian Army and Navy in the 19th Century]. Moscow, Nauka. 616 p.

Dzhivelegov, A. K., Mel'gunov, S. P., Pichet, V. I. (Eds.). (1912). *Otechestvennaya voina i russkoe obshchestvo: 1812–1912 v 5 t.* [The Patriotic War and Russian Society: 1812–1912. 5 Vols.]. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina. Vol. 5. 236 p.

Gornovskii, I. A. (1904). Sto let nazad. Militsiya 1806–1807 godov i pozhertvovaniya na nee [A Hundred Years ago: Militia of 1806–1807 and Donations for It]. In *Russkii arkhiv*. Iss. 8, pp. 534–554.

Gulevich, S. A. (1906). *Istoriya Leib-gvardii Finlyandskogo polka, 1806–1906 gg. v 5 t.* [The History of the Finnish Life Guards Regiment. 5 Vols.]. St Petersburg, Ekonomicheskaya tipolitografiya. Vol. 1. 458 p.

Hartley, J. M. (2008). *Russia, 1762–1825: Military Power, the State, and the People*. Westport, Praeger. 318 p.

Hartley, J. M. (2015). Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations. In Hartley, J. M., Keenan, P., Lieven, D. (Eds.). *Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750–1850)*. L., Palgrave Macmillan, pp. 148–162.

Lapina, I. Yu. (2008). *Zemskoe opolchenie Rossii 1812–1814 gg.: issledovanie prichin vozniknoveniya gubernskikh voinskikh formirovaniy i analiz osnovnykh etapov ikh uchastiya v voine s Napoleonom* [The National Militia of Russia in 1812–1814: The Study of the Origins of Provincial Military Forces and the Analysis of the Main Stages of Their Involvement in the War with Napoleon]. Dis ... dokt. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 626 p.

Mironov, B.N. (1990). *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [The Russian Town in the 1740s–1860s: Demographical, Social, and Economic Development]. Leningrad, Nauka. 272 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 27, 29, 30, 32.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 488. List 1. Dos. 6, 458, 681, 835, 907, 1004, 1038, 1054, 1057, 1058, 1060, 1084, 1152, 3062; Stock 494. List 1. Dos 51, 53, 80, 91, 104.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 395. List 240. Dos. 17; Stock 846. List 16. Dos. 18999.

Ryndzyunskii, P. G. (1958). *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reform Russia]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 559 p.

Smith, A. K. (2014). *For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia*. Oxford, N. Y, Oxford Univ. Press. 296 p.

Spiridonova, L. M. (2017). Opolcheniya 1812 goda: postsovetskaya istoriografiya [Militias of 1812: Post-Soviet Historiography]. In *Voenno-istoricheskii zhurnal*. No. 8, pp. 85–91.

*TsGA g. Moskv*y [Central State Archive of the City of Moscow]. Stock 17. List 1. Dos. 41. Vol. 3, 399, 585; Stock 1036. List 1. Dos. 107, 109, 213.

TsGIA SPb [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 189. List 1. Dos. 96, 140; Stock 685. List 1. Dos. 28, 44, 49, 50, 98, 188, 206, 230, 332, 370, 428, 463, 500, 547; Stock 881. List 1. Dos. 215, 340–345.

Vedomost' o manufakturakh v Rossii za 1812 g. [Bulletin of Manufactories in Russia in 1812]. (1814). St Petersburg, Tipografiya Voenного ministerstva. 174 p.

Vedomost' o manufakturakh v Rossii za 1813–1814 gg. [Bulletin of Manufactories in Russia in 1813–1814]. (1816). St Petersburg, Tipografiya Pravitel'stvuyushchego Senata. 457 p.

The article was submitted on 10.04.2021

**Политика правительства Александра Третьего
по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья***

Михаил Волхонский

МГИМО МИД России,
Москва, Россия

**The Governmental Policy of Supporting the Georgian Nobility
under Alexander III: Debts and Estates**

Mikhail Volkhonsky

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article analyses the circumstances behind the decision to provide material assistance to the “impoverished” Georgian nobility by the ruling authorities of the Russian Empire in the 1870s–1890s. The Caucasian Governor-General, Grand Duke Mikhail Nikolaevich raised the issue in 1878 in connection with the uncovered large debt of some Georgian nobles to the Transcaucasian Order of Public Charity. The Governor-General asked to add up the debt of 3 million roubles pointing to several objective factors that prevented the nobles from paying their debts on time. But the Caucasian Committee only agreed to waive interest charges of the Georgian nobility which they had not been paying for several years. Even the efforts of the Grand Duke, who personally addressed Alexander II, did not yield results, since the government leaders were indifferent to the “noble question” at the time but strictly protected the interests of the Treasury, due to the deplorable state of the Empire’s finances after the Russo-Turkish war of 1877–1878. Only the change of political course under Alexander III allowed A. M. Dondukov-Korsakov, the new chief of the Caucasus, to raise the issue of material support for the Georgian nobility again. The author carries out a detailed analysis of the work of the Commission convened by Dondukov in Tiflis. Special attention is paid to the struggle that unfolded between the Minister of Finance N. H. Bunge and Dondukov, who eventually not only granted Georgian noblemen significant benefits when paying off debts in

---

* *Citation*: Volkhonsky, M. (2022). The Governmental Policy of Supporting the Georgian Nobility under Alexander III: Debts and Estates. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 903–918. DOI 10.15826/qr.2022.3.708.

Цитирование: Volkhonsky M. The Governmental Policy of Supporting the Georgian Nobility under Alexander III: Debts and Estates / Волхонский М. Политика правительства Александра Третьего по поддержке грузинского дворянства: долги и поместья // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 903–918. DOI 10.15826/qr.2022.3.708.

1884 but also facilitated the opening of a branch of the Noble Land Bank in Tiflis in 1890. Dondukov was able to convince Alexander III that helping Georgian nobles was an integral part of such a key direction of his domestic policy as support for the local Russian nobility.

Keywords: 19th century, Russian Empire, internal policy, Caucasus, Georgian noblemen, Transcaucasian Order of Public Charity, Alexander III

Анализируются обстоятельства постановки, обсуждения и решения в 1870–1890-х гг. правительственными верхами Российской империи вопроса об оказании материальной помощи «обедневшему» грузинскому дворянству. Этот вопрос был поднят в 1878 г. наместником на Кавказе великим князем Михаилом Николаевичем в связи с обнаружившейся большой задолженностью части грузинских дворян Закавказскому приказу общественного призрения. Наместник просил сложить долг в размере 3 млн руб., указывая на ряд объективных факторов, препятствовавших дворянам своевременно расплачиваться по нему. Но Кавказский комитет согласился простить грузинским дворянам только не выплаченные ими за несколько лет платежи по процентам взятых ссуд. Даже усилия наместника, лично обращавшегося к Александру II, не дали результата, поскольку правительственные верхи в этот период равнодушно относились к «дворянскому вопросу», но жестко защищали интересы казны ввиду плачевного состояния финансов империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Только смена политического курса при Александре III позволила новому главному начальнику Кавказа А. М. Дондукову-Корсакову снова поднять вопрос о материальной поддержке грузинского дворянства. Подробно анализируется работа созданной Дондуковым в Тифлисе комиссии князя Г. Д. Орбелиани. Особое внимание сфокусировано на борьбе, развернувшейся между министром финансов Н. Х. Бунге и Дондуковым, который в итоге добился в 1884 г. не только дарования грузинским дворянам значительных льгот при погашении долгов перед государственным казначейством, но также открытия в Тифлисе в 1890 г. отделения Дворянского земельного банка. Дондуков смог убедить императора и правительственные верхи в том, что оказание помощи грузинским дворянам является органичной частью такого ключевого для внутренней политики Александра III направления, как поддержка российского поместного дворянства.

Ключевые слова: XIX в., Российская империя, внутренняя политика, Кавказский край, грузинские дворяне, Закавказский приказ общественного призрения, Александр III

С окончанием Кавказской войны на первый план в политике правительства в Кавказском крае вышла задача «слияния края с общим организмом государства». Прокладка телеграфных линий, строительство железных дорог, проведение административных и социально-экономических реформ – все это способствовало размыванию

во второй половине XIX в. автономного положения края в составе Российской империи.

Характерной чертой деятельности кавказской администрации в этот период стало проецирование на регион целей и задач общеимперской внутренней политики. В 1860–1870-е гг. наместник, великий князь Михаил Николаевич пытался реализовать на Кавказе свой вариант «великих реформ». Смена общеимперского внутриполитического курса при Александре III предположительно должна была также отразиться на деятельности кавказской администрации. Постановка вопроса о том, каким образом политика «контрреформ» проецировалась на Кавказ, позволяет под новым углом посмотреть на деятельность в 1880–1890-х гг. главных начальников края.

Известно, что одним из главных направлений внутриполитического курса Александра III стала поддержка российского поместного дворянства. Этот аспект внутренней политики императора хорошо исследован в работах отечественных и зарубежных историков [Тхоржевский, с. 204–209; Зайончковский, с. 83; Соловьев, с. 175–177; Корелин, с. 254–270; Беккер, с. 215–254]. Известно также, что кавказская администрация в это время выступила с ходатайством перед Александром III об оказании помощи грузинскому дворянству. Но являлись ли меры по его поддержке частью общеимперской политики? В статье детально исследуются обстоятельства постановки, обсуждения и решения правительственными верхами в 1870–1890-х гг. вопроса о материальной помощи грузинским дворянам.

Ходатайство кавказского наместника о помощи грузинскому дворянству

Вопрос об оказании помощи грузинским дворянам был поднят еще великим князем Михаилом Николаевичем. Он имел для наместника исключительно политическое значение. Необходимо было остановить процесс обезземеливания и разорения сословия, на которое правительство привыкло опираться на Кавказе. В 1878 г. наместник передал министру финансов ходатайство о сложении 3 млн руб., которые грузинские дворяне задолжали по ссудам, взятым в Закавказском приказе общественного призрения [Тхоржевский, с. 209; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67]. Существовавший с 1815 г. под разными названиями, приказ использовался кавказской администрацией как инструмент покупки лояльности местной элиты, прежде всего грузинского дворянства [Там же. Д. 4390. Л. 77–80 об.]. Большая часть ссуд дворянам была выдана приказом до крестьянской реформы 1864 г. под залог населенных сельских имений [Эсадзе, с. 433]. В ходатайстве наместника указывалось на множество негативных факторов, которые объективно мешали грузинским дворянам расплатиться по взятым в приказе ссудам: набеги и восстания горцев, «бедствия» русско-турецких войн, грабобития, неурожаи и болезни виноградников, саранча, падеж скота. Особое внимание обращалось на пагубное

влияние проведенной в 1864 г. крестьянской реформы [Тхоржевский, с. 209; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67].

Министр финансов М. Х. Рейтерн, ознакомившись с ходатайством, предложил не торопиться с решением. Он рекомендовал, приостановив взыскание долгов, создать на месте комиссию с участием чиновников министерства финансов, чтобы оценить задолженность дворян Закавказскому приказу. Получив 19 мая 1878 г. одобрение императора, министр направил в Тифлис чиновника для особых поручений В. Н. Хитрово, который вошел в комиссию, учрежденную в Тифлисе под председательством члена совета кавказского наместника М. К. Ломизе [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 67 об.]. Комиссия пришла к выводу, что заложенные в приказе имущества большинства грузинских дворян находятся в «стесненном экономическом положении», и признала факт негативного воздействия на них разных политических, экономических и природных факторов. В то же время члены комиссии обратили внимание на характер действий самих заемщиков, которые часто тратили ссуды «непроизводительно для хозяйства» [Там же]. Этот факт получил яркое описание в кавказской публицистике. Так, в очерке «Причины экономического упадка в Грузии» указывалось:

Грузинское дворянство, очутившись в водовороте соблазнительной европейской жизни, с ее разорительной роскошью и комфортом совсем закружилось, потеряло голову... Роскошные поместья, потерпевшие во время неприятельского разгрома, не приводились в порядок, а разорялись окончательно самими владельцами для удовлетворения дорого стоящих прихотей, и превращались в совершенно бездоходные [Берг, с. 3].

Другой причиной, обусловившей неспособность грузинских дворян выплачивать проценты по ссудам Закавказского приказа, по мнению комиссии, стала завышенная оценка закладывавшихся имений [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 68]. Тем самым дворяне попадали в финансовую ловушку, когда реальные доходы имений не могли покрыть расходы на уплату процентов по ссудам. Комиссия пришла к выводу, что экономический упадок имений, а также рост долгов грузинские дворяне вызвали прежде всего своими непродуманными действиями. С учетом этого факта ни о каком полном списании долгов не могло идти речи. Было предложено только уменьшить размер долга путем аннулирования процентов за просрочку платежей в размере около 1 млн руб., а оставшиеся 2 млн руб. рассрочить под 3 % на 47 лет [Там же].

Зная о выводах комиссии, тифлисский губернский предводитель дворянства кн. Д. А. Сумбатов решил напомнить наместнику, что дворяне ожидают не прощения процентов за просрочку платежей, а полного сложения их долгов Закавказскому приказу. В записке, переданной наместнику, Сумбатов возложил всю ответственность за бедственное положение дворян на русские власти. Он писал:

Так, например, в 1807 году дарована была свобода грузинскому духовенству от зависимости помещиков, коим оно отбывало немаловажные повинности; затем в 1833 году были изъяты из зависимости князей дворяне с своими крестьянами, и, наконец, в 1864 году совершилось освобождение самих крестьян с наделением их земельными угодьями. Все эти реформы поколебали экономический быт дворянства [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 68 об.].

Действительно, проведенные кавказской администрацией преобразования не могли не отразиться негативно на материальном положении дворянства. Особенно сильно по нему ударила крестьянская реформа 1864 г., которая мало затронула дворянское землевладение (в непосредственном распоряжении помещиков осталась большая часть их земель) [Антелава, Орджоникидзе, Хоштария, с. 36], но изменила условия ведения хозяйства в имениях. Не имея уже даровой рабочей силы в лице зависимых крестьян, дворяне стали нанимать сельскохозяйственных рабочих, что требовало дополнительных денежных средств. При этом они обязаны были продолжать платить проценты по ссудам. В итоге грузинские дворяне оказались перед дилеммой: либо отложить до времени взносы процентов по ссудам и пустить имевшиеся средства на поддержание хозяйства имений, либо уплачивать вовремя проценты, оставаясь при этом фактически без средств к жизни.

Большая часть дворян выбрала первый вариант, рассчитывая после завершения процесса наделения крестьян землей, а затем выкупа наделов посредством выкупных сумм рассчитаться по долгам с приказом [Эсадзе, с. 433]. Однако реализация выкупной операции затянулась на долгие десятилетия. К 1904 г. временнообязанные составляли около 48 % всех грузинских крестьян. К этому времени только 60 % наделного фонда было выкуплено [Антелава, Орджоникидзе, Хоштария, с. 64]. Имения под влиянием субъективных (неумение или нежелание многих дворян вести хозяйство), а также объективных факторов (болезни винограда, неурожай, падеж скота, саранча, военные действия против горцев и против турецких войск в 1877–1878 гг.) давали все меньше дохода, а долги продолжали расти.

Записка Сумбатова побудила великого князя Михаила Николаевича обратиться 18 февраля 1880 г. напрямую к Александру II. В докладе наместник снова повторил, что прощение долгов «избавило бы правительство, во все времена относившееся с особенным благоволением к заслугам и преданности грузинского дворянства, от тяжелой необходимости подвергать весьма значительную часть его разорению». Понимая, что ссылки только на верность грузинских дворян не являются весомым аргументом для министра финансов, он привел также экономические доводы. По его мнению, в случае принятия в Петербурге решения о взыскании с дворян всех долгов путем продажи их имений удалось бы погасить не более 1/5 долга, поскольку одновременная продажа большого количества имений их обесценила. В итоге правительство, получив очень небольшую часть суммы долга, окон-

чательно разорило бы большинство грузинских дворянских фамилий [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 69].

В Петербурге не решились удовлетворить просьбу наместника в силу возражений нового министра финансов. В отзыве от 6 апреля 1880 г. С. А. Грейг указал, во-первых, на факт оказания правительством большой финансовой помощи грузинским дворянам в 1864–1871 гг. во время проведения крестьянской реформы (2 млн руб. в вознаграждение помещиков Грузии за потерю доходов от выполнения крестьянами повинностей); во-вторых, на выводы тифлисской комиссии о том, что главной причиной роста долгов дворян является завышенная оценка заложенных ими имений, а также «непроизводительное» расходование ссуд; в-третьих, на то, что взятые в приказе ссуды являются не долгом всего грузинского дворянства, а только небольшой его части. В заключении было подчеркнуто, что русское поместное дворянство испытывает те же трудности, а, следовательно, оказание помощи исключительно грузинским дворянам может вызвать справедливые «сетования со стороны русских дворян» [Там же. Л. 70–71].

Действительно, на фоне равнодушного отношения правительственных кругов при Александре II к «дворянскому вопросу» [Беккер, с. 89–105] требования наместника предоставить грузинским дворянам особые льготы выглядели бы несправедливыми. Тем более, что в Петербурге не могли не учитывать то катастрофическое положение, в котором оказались финансы империи после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Но петербургская высшая бюрократия не могла не принять во внимание фактор влияния великого князя Михаила Николаевича на Александра II. Поэтому Грейг в отзыве указал, что согласен предоставить некоторые льготы только «ввиду особого участия, принимаемого в сем деле его императорским высочеством» [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 71 об.]. Министр предложил компромиссный вариант: сложить с грузинских дворян проценты за просрочку платежей по ссудам и прекратить по ним дальнейшее начисление процентов; предоставить неисправным заемщикам «трехлетний срок для приведения их займов в порядок»; собрать подробные сведения о каждом займе и доходности заложенных в Закавказском приказе имений. Одобренные Кавказским комитетом, предложения министра финансов 23 апреля 1880 г. были утверждены императором [Там же. Л. 72–73]. Это все, на что готовы были пойти в Петербурге.

Деятельность Тифлисской комиссии князя Г. Д. Орбелиани

Ситуация изменилась с началом правления Александра III. Объявленная им политика поддержки первого сословия империи давала теперь возможность кавказской администрации положительно решить вопрос о долгах грузинских дворян. Не случайно первые действия назначенного 1 января 1882 г. главным начальником на Кавказе князя А. М. Дондукова-Корсакова были направлены на решение именно этой проблемы. Так же, как великий князь

Михаил Николаевич, новый главный начальник считал, что грузинское дворянство являлось основной опорой русской власти в крае [РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 2].

Занявшись изучением вопроса, Дондуков с удивлением узнал, что предписание Кавказского комитета от 23 апреля 1880 г. о проведении губернскими и уездными дворянскими комитетами подробного изучения каждого из заложенных в приказе имений не было выполнено. Князю объяснили, что данное обследование «оказалось дворянству решительно не по силам», поскольку требовало значительных денежных средств. Кроме того, большая часть имений никогда не подвергалась межеванию, что привело к путанице в правах собственности [ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2172. Л. 31–32].

Но чтобы возбудить новое ходатайство о прощении долгов, следовало подать в Петербург сведения о состоянии заложенных имений. В итоге Дондуков решил организовать комиссию из авторитетных грузинских дворян, которая могла бы собрать нужную информацию путем опросов. Расчет делался на то, что дворяне хорошо знали реальное положение имений друг друга. Возглавить комиссию Дондуков предложил «патриарху Грузии» князю Г. Д. Орбелиани. В письме к нему от 11 апреля 1882 г. главный начальник указал, что комиссия должна беспристрастно и справедливо определить степень состоятельности каждого заемщика, заложившего свое сельское имение в Закавказском приказе. Понимая, что в Петербурге не согласятся на полное сложение долгов, Дондуков предложил выявить из общей массы дворян тех заемщиков, кто были в состоянии самостоятельно расплатиться с приказом, а затем тех, кто находились на грани разорения. Распределив заемщиков по группам, можно было для каждой из них разработать особую систему льгот [Там же. Л. 1–1 об.].

Предложенный Дондуковым способ сбора сведений сначала оказался эффективным. В записке от 2 июля 1882 г. Орбелиани писал:

Составленные этим способом по моему поручению отдельно по каждому уезду особыми лицами списки имений были затем самым тщательным образом проверены и исправлены мною по соображении с известными мне лично сведениями об этих имениях, с добытыми мною путем новых расспросов данных и, наконец, со сведениями, извлеченными из дел приказа [Там же. Л. 32 об. –33 об.].

В итоге комиссия распределила всех заемщиков на пять категорий. К первой отнесли тех владельцев, которые имели возможность без всяких льгот расплатиться с долгами, а также тех, кто купили уже заложенные имения. В последнюю, пятую категорию включили неимущих владельцев, не способных выплатить даже малую часть долга. Ко второй, третьей и четвертой категориям отнесли тех, кто в случае дарования им льгот могли постепенно погасить свои долги. Каждой из категорий определили свой тип льготы: первая оставалась без льгот; вторая полу-

чала рассрочку всего долга на 37 лет; третья – сложение половины всего долга с рассрочкой оставшейся части на 37 лет; четвертая – сложение $\frac{2}{3}$ с рассрочкой оставшейся части долга на 37 лет; пятая – сложение всей суммы долга [ЦИАГ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2172. Л. 32 об. –37].

В октябре 1882 г. проект комиссии передали в министерство финансов, где он подвергся жесткой критике. В отзыве от 18 декабря Н. Х. Бунге по пунктам изложил свои возражения: 1. Высочайшим повелением 23 апреля 1880 г. с имений грузинских дворян уже сложены проценты за просрочку платежей в размере 435 тыс. руб. 2. Грузинское дворянство не воспользовалось дарованным им трехлетним сроком для приведения займов в порядок (то есть дворяне-заемщики по-прежнему не платили проценты по ссудам). 3. Разделение комиссией всех дворян-заемщиков на пять категорий основано не на подробном описании заложенных имений, а только на личном мнении членов комиссии [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 75 об. –76]. Министр язвительно указал на известные ему факты транжирства грузинскими дворянами денег, занятых в приказе. Он писал:

Но нельзя не обратить внимания на то, что, например, один из заемщиков, князь Давыд Александрович Чавчавадзе, заняв в приказе в 1851 г. 15 000 р., в 1861 г. 116 000 р., 1863 г. 40 000 р. и в 1870 г. 170 000 руб., с помощью всех сих займов, составивших весьма значительную сумму в 341 000 р., не успел не только поправить свое хозяйство, но привел оное в такое расстройство, что из остающихся на пяти его имениях 262 000 руб. долга ныне предполагается сложить со счетов две трети, а остальную треть рассрочить на 37 лет, понизив притом проценты. Подобных примеров можно извлечь из представленных ведомостей немало [Там же. Л. 76 об.].

Со своей стороны Бунге предложил, не давая дворянам «чрезвычайных льгот», немедленно приступить к выкупу крестьянских наделов во всех заложенных в приказе имениях. Это позволило бы избежать обезземеливания и разорения дворян, чего так боялась кавказская администрация. Сохранив за собой после выкупной операции «занадельные земли», помещики в то же время смогли бы погасить долги за счет выкупных сумм [Там же. Л. 76 об. –77]. Предложенный министром план был экономически более целесообразным, но не отвечал политическим целям кавказской администрации.

Более опытный в придворных интригах Дондуков смог переиграть Бунге. В декабре 1882 г. в то время, когда министр составлял отрицательный отзыв на проект Орбелиани, главный начальник направил Александру III свой первый всеподданнейший отчет об управлении Кавказским краем. В нем Дондуков обрисовал свое политическое видение ситуации с задолженностью грузинского дворянства. Он не стал нагружать отчет цифрами, а только изложил свой главный политический аргумент:

Силою неотвратимых обстоятельств перед правительством встанет вопрос: согласуется ли с его интересами поддержать и сохранить доблестное и вполне преданное престолу и государству дворянство Грузии, или же лучше предоставить течению времени осуществить переход всего земельного достояния этого дворянства в руки усиливающихся армян, далеко не представляющих политически благонадежного элемента? [РГИА Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 2 об. –3].

Перед угрозой социально-политического переворота в Закавказье, по мнению Дондукова, оставался только один выход – в виде монаршей милости полностью простить долги грузинских дворян [Там же].

Положение Комитета министров от 6 марта 1884 г.

Расчет Дондукова полностью оправдался. Александр III одобрил его предложение, написав на полях: «Мне кажется, что это можно бы сделать». Высочайшая отметка сразу придала делу новое направление. 18 февраля 1883 г. император повелел приостановить взыскание долгов, а министру финансов на основе предложений комиссии Орбелиани представить в Комитет министров проект сложения целиком или частично долга грузинского дворянства Закавказскому приказу [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 77–77 об.].

Но министр финансов не собирался сдаваться. Весной 1883 г. Бунге командировал на Кавказ тайного советника К. А. Буха с заданием собрать сведения о работе комиссии Орбелиани. К своему удивлению, петербургский чиновник не смог найти журналов комиссии (оказалось, что она их не вела), а в списках дворян-заемщиков, разделенных на пять категорий, обнаружил невероятную путаницу. Для части имений неправильно были указаны владельцы, а некоторые дворяне оказались одновременно включены в разные категории. Но особенно Буха поразило то, что в пятую категорию заемщиков, долги которых предполагалось полностью сложить, Орбелиани включил крупных землевладельцев (например, генерал-лейтенанта князя Давыда Чавчавадзе, генерал-майора князя Ивана Орбелиани и др.). Продолжив расследование, он пришел к выводу, что получить достоверные сведения об экономическом положении дворян, а также о заложенных ими в приказе имениях не представляется возможным, а предложенная система льгот для пяти категорий заемщиков является несостоятельной в силу своей необъективности [Там же. Л. 77 об. –78].

Тогда Бух предложил свой проект. Он пришел к выводу, что только две причины обусловили рост долгов дворян: военные действия против горцев и крестьянская реформа. Издержки последней правительство уже щедро оплатило, выдав грузинским дворянам более 7 млн руб. Оставалось возместить потери, понесенные землевладельцами в ходе Кавказской войны. Поэтому Бух предложил разделить всех заемщиков Закавказского приказа на две категории: тех, кто взяли ссуды до 1864 г. (года окончания Кавказской войны), и тех, кто

это сделали позже. Первым он предложил сложить половину долга, а вторым – только четвертую часть с рассрочкой оставшихся частей на 37 лет [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 78 об. –79].

Осенью 1883 г. проект Буха поступил на рассмотрение главного начальника Кавказа и министра финансов. Реакция Дондукова была двойственной. Он еще продолжал отстаивать предложения комиссии Орбелиани. Но понимая, что ее деятельность дискредитирована, он также представил свой компромиссный проект. Дондуков предложил не делить заемщиков на категории, а сложить половину долга со всех дворян с рассрочкой оставшейся части на 37 лет [Там же. Л. 80]. При этом он настаивал, чтобы шести грузинским аристократическим фамилиям, список которых он представил, долги были прощены в полном объеме. Объясняя свою просьбу, он писал:

Высокое положение, занимаемое представителями этих родов, обязывало их... содержать на свой счет не только многочисленных своих однофамильцев, но и массу других беднейших дворян, группировавшихся вокруг более зажиточных и влиятельных фамилий. Последствием такого порядка вещей явилось неизбежное расстройство материального состояния [Там же. Л. 80 об.].

В отзыве Комитету министров от 16 февраля 1884 г. Бунге поддержал проект Буха, который ему понравился тем, что не лишал льгот тех дворян, которые своевременно выплачивали приказу проценты по взятым ссудам. Но министр настаивал на снижении размера льгот: для первой категории он предлагал сложить $\frac{1}{3}$ всех долгов, а по займам второй категории – $\frac{1}{5}$ с рассрочкой для обеих категорий оставшегося долга на 37 лет. Всего со счетов Закавказского приказа должны были сложить 871 221 руб. (по первой категории – 782 302 руб., по второй – 88 919 руб.), а оставшуюся сумму в размере 1 920 286 руб. рассрочить [Там же. Л. 86 об. –87].

Предложение Дондукова дать особые льготы «шести главным родовым фамилиям Грузии» министр отверг, особо подчеркнув, что члены этих фамилий являются состоятельными людьми и могут обойтись без помощи правительства. В частности, он указал,

...1) что генерал-лейтенант Давыд Александрович Чавчавадзе получил 5 дес. нефтяной земли, и жена его (дочь царевича грузинского Ильи) получает пожизненную пенсию в 600 р. в год, 2) что генерал-майор князь Иван Давидович Орбелиани, состоя помощником Дагестанского военного губернатора, имеет в г. Тифлисе доходный дом и получает: а) пожизненное негласное пособие в 1 960 р. в год и б) из местных доходов, пока будет состоять на службе, 470 р., 3) что вдова князя Ивана Макаровича Орбелиани имеет в г. Тифлисе доходный дом, получает пенсию в 2 500 р. ежегодно, и ей тоже пожаловано 3 десятины нефтяной земли [Там же. Л. 88–88 об.].

Кроме того, министр отметил, что дарование особых льгот грузинской аристократии спровоцирует волну ходатайств о новых льготах [РГИА. Ф. 1263 Оп. 1. Д. 4381. Л. 88–88 об.].

Дондуков в целом согласился с предложенным министром порядком сложения долгов грузинского дворянства, но высказался против уменьшения размера льгот, подчеркнув:

...В таком важном деле, где идет речь о милости, даруемой государем императором высшему сословию одной из частей его империи, не следовало бы руководствоваться одними финансовыми соображениями [Там же. Л. 91 об. –92 об.].

Что касается особых льгот для аристократии, он признал, что такая мера может выглядеть несправедливой, но просил, чтобы за этими фамилиями было закреплено право на оказание им особой милости со стороны императора. Дондуков рассчитывал позже обратиться с отдельным ходатайством по этому вопросу [Там же. Л. 94 об.].

6 марта 1884 г. Комитет министров рассмотрел дело «Об оказании грузинским дворянам льгот в платеже долгов по займам из Закавказского приказа общественного призрения». Поскольку Бунге и Дондуков заранее пришли к соглашению в отношении общего принципа предоставления льгот, комитету оставалось рассмотреть только вопрос об их размере. Главный начальник предлагал для первой категории сложить половину долгов, а для второй – четвертую часть (всего 1 284 604 руб.). Министр финансов считал, что достаточно списать для первой категории заемщиков треть суммы долга, а для второй – 1/5 (всего 871 221 руб.) [Там же. Д. 4380. Л. 56–60]. Отстаивая свой вариант, Дондуков убеждал членов комитета в том, что в данном случае решающее значение имеют только политические соображения. Он снова напомнил о заслугах грузинских дворян в период Кавказской войны, а затем обратил внимание на угрозу перехода имений грузинского дворянства в руки «неблагонадежной» армянской элиты [Там же. Л. 64–66].

Главным аргументом Бунге были цифры. Министр отметил, что в 1880 г. правительство уже простило просроченные платежи по процентам, а также прекратило их начисление, что составило 700 тыс. руб. Если к этой сумме, указывал он, прибавить 871 221 руб., то сумма прощенного долга составит 1,5 млн руб. Впрочем, Бунге также привел политический аргумент, подчеркнув, что сложение долга с грузинских дворян придется возмещать за счет русского населения империи [Там же. Л. 72–74 об.]. Министр апеллировал к популярной в правительственных кругах точке зрения, что русское население не должно в одиночку нести «бремя империи».

Комитет министров, поддержав Дондукова, пошел гораздо дальше его предложений. Придя к заключению, что после 1864 г. имения грузинских дворян продолжали испытывать негативное влияние послед-

ствий Кавказской войны, комитет решил не делить заемщиков на категории в зависимости от того, когда они брали ссуды. Члены комитета также пришли к выводу, что, во-первых, продажа имений не вернет даже малой части долга; во-вторых, для казны будет более выгодным создать для заемщиков такие условия, при которых они могли бы выплатить хотя бы половину долга; в-третьих, разница между сложением $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ долга с учетом политических обстоятельств не имеет особого значения. Поэтому комитет постановил сложить со всех дворян половину долга с рассрочкой на 37 лет оставшейся части. Льгота не распространялась на владельцев, которые приобрели уже заложенные в приказе имения. 16 марта 1884 г. император Александр III утвердил это положение [РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4381. Л. 71–71 об.].

Учреждение в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка

Сложение половины долга грузинского дворянства не принесло тех результатов, на которые рассчитывали в Петербурге. Дворяне-землевладельцы Тифлисской и Кутаисской губерний, заложившие имения в Закавказском приказе (в июне 1884 г. он был упразднен, а его счета и дела переданы Тифлисскому отделению Государственного банка), по-прежнему были не в состоянии платить проценты по оставшейся части долга [Обзор деятельности Министерства финансов, с. 250].

В сентябре 1888 г. князь А. М. Дондуков-Корсаков подал императору записку «О нуждах грузинского дворянства», в которой писал:

Монаршая милость, принятая грузинским дворянством с благоговейной признательностью, несомненно, облегчила его положение, но она не могла вывести дворян из задолженности приказу и частным лицам и только для весьма немногих послужила некоторую пользу. Для большей же части лишь отсрочила неминуемый со временем кризис, влекущий за собой обезземеливание местного дворянского сословия [РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 337. Л. 5].

Записка была подана во время путешествия Александра III с семьей по Кавказу. Торжественный прием, оказанный 28–30 сентября 1888 г. грузинским дворянством в Тифлисе августейшей семье [Потто, с. 109–158], давал Дондукову надежду, что новое ходатайство будет принято императором благосклонно. Но главный начальник понимал, что новая просьба о прощении долгов будет скорее всего отвергнута императором [Там же. Л. 5 об.]. Новый способ оказать помощь грузинским дворянам Дондукову подсказала одна из мер правительства по поддержке русского помещика дворянства. 3 июня 1885 г. Александр III утвердил мнение Государственного совета об учреждении Дворянского земельного банка, который должен был выдавать кредиты русским потомственным дворянам

на льготных условиях под залог земельной собственности. Зная, что действия банка распространяются только на губернии Европейской России (за исключением Финляндии, Царства Польского и прибалтийских губерний), Дондуков ходатайствовал перед императором о включении в сферу его деятельности Тифлисской и Кутаисской губерний. В итоге грузинские дворяне получили бы право перезалога в банке своих имений под льготные 5–6 % на 54 года [РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 337. Л. 6].

Доводы Дондукова убедили Александра III, который на записке оставил резолюцию: «Очень желал бы помочь грузинскому дворянству». Исполняя высочайшую волю, в 1890 г. министр финансов И. А. Вышнеградский отправил в Закавказье чиновника «для ближайшего ознакомления с местными условиями и для скорейшего получения наиболее необходимых материалов». 16 марта 1890 г. император утвердил доклад министра об открытии в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка [Обзор деятельности Министерства финансов, с. 34; Дондуков-Корсаков, с. 8]. Однако его деятельность в Закавказье так же, как и других банков, только ускорила обезземливание дворянства. В «Обзоре Кутаисской губернии за 1892 г.» подчеркивалось:

К сожалению, местное население, особенно дворянское, прибегает к займам в банке под залог сельских имений весьма часто не для удовлетворения необходимых нужд и введения улучшений в своем хозяйстве, а для целей сторонних, почему много имений, обремененных банковскими долгами, остаются за банком и переходят затем в собственность к др. лицам, через что увеличивается контингент и без того многочисленного в губернии малоземельного и безземельного дворянства [Обзор Кутаисской губернии за 1892 г., с. 16].

С 1875 по 1902 г. грузинские дворяне заложили в банках 1004 имения площадью в 350 275 десятин удобной земли (30,53 % всей площади дворянского землевладения), при этом в период с 1890 по 1902 г. грузинские дворяне заложили 924 имения (326 040 десятин) [Адамия, с. 29].

Последний раз вопрос о помощи «обедневшим» грузинским дворянам поднял в конце 1895 г. во всеподданнейшей записке новый главный начальник Кавказа С. А. Шереметев, который писал:

Обращает на себя внимание крайняя задолженность грузинского землевладения и обеднение высшего дворянского класса... Учреждение по ходатайству моего предместника по должности главноначальствующего генерал-адъютанта князя Дондукова-Корсакова отделения Дворянского государственного поземельного банка в Тифлисе хотя и содействовало в известной степени облегчению затруднительного в материальном отношении положения дворян, но восстановить их экономическое положение не могло [РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5187. Л. 330–330 об.].

Чтобы помочь «подъему и оживлению экономического состояния грузинских поместий», Шереметев предложил разрешить построить на казенные деньги кахетинскую ветку Закавказской железной дороги и открыть в крае сельскохозяйственное училище, в котором в качестве казенных стипендиатов будут обучаться дети местных дворян. Железная дорога должна была облегчить вывоз сельскохозяйственной продукции из имений. Дети дворян, изучившие в училище различные отрасли сельского хозяйства, в дальнейшем могли бы применить свои знания для эффективного управления имениями и улучшить свое благосостояние [РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5187. Л. 330–330 об.].

В записке Шереметев попробовал поддержать поданное в 1894 г. грузинскими дворянами ходатайство о получении гарантий казны на строительство Кахетинской железной дороги. Но им было отказано. Только в 1910 г. после ряда неудачных попыток грузинским дворянам удалось учредить Акционерное общество Кахетинской железной дороги, которое в период с 1912 по 1915 г. смогло построить эту железнодорожную линию [Хундадзе, с. 99–104]. Несмотря на отметку Николая II «Обратить внимание», другие предложения Шереметева также остались нереализованными. В целом во второй половине 1890-х гг. вопрос о материальной поддержке грузинского дворянства был закрыт.

* * *

Поднятый в 1878 г. великим князем Михаилом Николаевичем вопрос об оказании материальной помощи грузинскому дворянству имел только политический характер. Необходимо было остановить процесс обезземеливания сословия, которое, по его мнению, являлось опорой русской власти в крае. Но ходатайство о сложении долгов грузинского дворянства перед Закавказским приказом общественного призрения не встретило поддержки в правительственных верхах, поскольку в Петербурге при Александре II равнодушно относились к «дворянскому вопросу», но жестко защищали интересы казны ввиду плачевного финансового состояния империи.

Только смена общеимперского политического курса при Александре III позволила новому главному начальнику края князю А. М. Дондукову-Корсакову снова поднять вопрос и добиться сначала сложения половины задолженности грузинских дворян, а затем открытия в Тифлисе отделения Дворянского земельного банка. Дондуков смог убедить императора и правительственные верхи в том, что оказание материальной помощи грузинским дворянам является органичной частью общей политики поддержки российского помещичьего дворянства. Таким образом, успешность реализации кавказской администрацией тех или иных мер в крае с начала 1880-х гг. стала все больше зависеть от того, насколько они согласовывались с целями и задачами общеимперской внутренней политики.

Список литературы

Адамия В. И. Социально-экономическое развитие грузинской деревни в пореформенный период (1870–1900). Тбилиси : Сабчата Сакартвело, 1976. 274 с.

Антелава И. Г., Орджоникидзе Э. А., Хоштария Э. В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси : [Б. и.], 1967. 128 с.

Беккер С. Миф о русском дворянстве : Дворянство и привилегии последнего периода императорской России / пер. с англ. Б. Пинскера. М. : Новое лит. обозрение, 2004. 346 с.

Берг. Причины экономического упадка в Грузии // Весь Кавказ : иллюстрир. справ.-лит. сб. : № 1, ч. 2. Отдел 6. Социально-экономический. Тифлис : Электропечатня Грузин. изд. т-ва, 1903. С. 3–4.

Дондуков-Корсаков А. М. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882–1890 гг. Тифлис : [Б. и.], 1890. 115 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия : (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 442 с.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. : Состав, численность, корпоративная организация. М. : Наука, 1979. 304 с.

Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1902. 673 с.

Обзор Кутаисской губернии за 1892 г. Тифлис : Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. 110 с.

Потто В. А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября – 14 октября 1888 года. Тифлис : Тип. Окружного штаба Кавказ. воен. округа, 1889. 228 с.

РГИА. Ф. 932 (Дондуков-Корсаков). Оп. 1. Д. 296, 337; Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 4380, 4381, 4390, 5187.

Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л. : Наука, 1973. 383 с.

Тхоржевский И. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров : в 5 т. СПб. : Гос. тип., 1902. Т. 4. Комитет министров в царствование императора Александра III (1881 г. 2 марта – 1894 г. 20 октября). 472 с.

Хундадзе Г. Г. Очерки по истории строительства закавказских железных дорог (1865–1915). Тбилиси : Техника да шрома, 1937. 158 с.

ЦИАГ. Ф. 7 (Департамент Главного управления Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе). Оп. 1. Д. 2172.

Эсадзе С. С. Историческая записка об управлении Кавказом : в 2 т. Тифлис : Тип. «Гуттенберг», 1907. Т. 1. 616 с.

References

Adamiya, V. I. (1976). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gruzinskoj derevni v poreformennyi period (1870–1900)* [Socio-Economic Development of the Georgian Village in the Post-Reform Period (1870–1900)]. Tbilisi, Sabchata Sakartvelo. 274 p.

Antelava, I. G., Ordzhonikidze, E. A., Khoshtariya, E. V. (1967). *K voprosu o genezise i razvitiu kapitalizma v sel'skom khozyaistve i promyshlennosti Gruzii* [On the Genesis and Development of Capitalism in Agriculture and Industry of Georgia]. Tbilisi, S. n. 128 p.

Becker, S. (2004). *Mif o russkom dvoryanstve. Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoj Rossii* [The Myth of the Russian Nobility. The Nobility and Privileges of the Last Period of Imperial Russia] / transl. by B. Pinsker. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 346 p.

Berg. (1903). *Prichiny ekonomicheskogo upadka v Gruzii* [Causes of Economic Decline in Georgia]. In *Ves' Kavkaz. Illyustrirovannyi spravochno-literaturnyi sbornik*. No. 1. Part 2. Department 6. Sotsial'no-ekonomicheskii. Tiflis, Elektropechatnya Gruzinskogo izdatel'skogo tovarishchestva, pp. 3–4.

Dondukov-Korsakov, A. M. (1890). *Vsepoddanneishaya zapiska Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. 1882–1890 gg.* [Report of the Commander-in-Chief of the Civil Division in the Caucasus, 1882–1890] Tiflis, S. n. 115 p.

Esadze, S. S. (1907). *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom v 2 t.* [Historical Note on the Management of the Caucasus. 2 Vols.]. Tiflis, Tipografiya "Guttenberg". Vol. 1. 616 p.

Khundadze, G. G. (1937). *Ocherki po istorii stroitel'stva zakavkazskikh zheleznykh dorog (1865–1915)* [Essays on the History of the Construction of Transcaucasian Railways (1865–1915)]. Tbilisi, Tekhnika da shroma. 158 p.

Korelin, A. P. (1979). *Dvoryanstvo v poreformennoi Rossii. 1861–1904 gg. Sostav, chislennost', korporativnaya organizatsiya* [The Nobility in Post-Reform Russia. 1861–1904. Composition, Number, Corporate Organisation]. Moscow, Nauka. 304 p.

Obzor deyatel'nosti Ministerstva finansov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III (1881–1894) [Review of the Activities of the Ministry of Finance during the Reign of Emperor Alexander III (1881–1894)]. (1902). St Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. 673 p.

Obzor Kutaiskoi gubernii za 1892 g. [Review of Kutaisi Province for 1892]. (1894). Tiflis, Tipografiya kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. 110 p.

Potto, V. A. (1889). *Tsarskaya sem'ya na Kavkaze. 18 sentyabrya – 14 oktyabrya 1888 goda* [The Royal Family in the Caucasus. September 18 – October 14, 1888]. Tiflis, Tipografiya Okruzhnogo shtaba Kavkazskogo voennogo okruga. 228 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 932 (Dondukov-Korsakov). List 1. Dos. 296, 337; Stock 1263 (Komitet ministrov). List 1. Dos. 4380, 4381, 4390, 5187.

Solov'ev, Yu. B. (1973). *Samoderzhavie i dvoryanstvo v kontse XIX veka* [Autocracy and Nobility in the Late 19th Century]. Leningrad, Nauka. 383 p.

Tkhorzhenskii, I. I. (1902). *Istoricheskii obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov v 5 t.* [Historical Overview of the Committee of Ministers. 5 Vols.]. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 4. Komitet ministrov v tsarstvovanie imperatora Aleksandra III (1881 g. 2 marta – 1894 g. 20 oktyabrya). 472 p.

TsLAG [Central Historical Archive of Georgia]. Stock 7 (Departament Glavnogo upravleniya Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze). List 1. Dos. 2172.

Zaionchkovskii, P. A. (1970). *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya. (Politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)* [Russian Autocracy at the End of the 19th Century. (Political Reaction of the 80s – Early 90s)]. Moscow, Mysl'. 442 p.

The article was submitted on 31.07.2020

Городские переписи пореформенной России: аналитические традиции и практики*

Дмитрий Бахарев

Елена Главацкая

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Urban Censuses in Post-Reform Russia: Analytical Traditions and Practices**

Dmitry Bakharev

Elena Glavatskaya

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the historiography of using late Imperial Russian city censuses. The past three decades of historical urban studies in Russia have made such an urban census data study necessary. The city census materials are a more reliable source than the official statistics comparable with national census data. The authors analyse publications related to the urban census history and the implied original methodological solutions for using city census data. The article reconstructs the chronology of historiographic trends, highlighting the regional research traditions. The classification of publications according to thematic and methodological characteristics makes it possible to determine the main directions of the development of source studies. The authors argue that the disciplinary focus of specific studies with reference to census results gradually shifted from purely demographic to historical. The research proves that the country's history conditioned the development of historiography and its research problems. The pre-revolutionary tradition focused on the practical use of census results and the description of the methodological component.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19–19–50279.

** *Citation*: Bakharev, D., Glavatskaya, E. (2022). Urban Censuses in Post-Reform Russia: Analytical Traditions and Practices. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 919–936. DOI 10.15826/qr.2022.3.709.

Цитирование: Bakharev D., Glavatskaya E. Urban Censuses in Post-Reform Russia: Analytical Traditions and Practices / Бахарев Д., Главацкая Е. Городские переписи пореформенной России: аналитические традиции и практики // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 919–936. DOI 10.15826/qr.2022.3.709.

Academic generalising historiography was just emerging. Due to the communist ideology that did not encourage local studies during Soviet times, the use of urban censuses decreased, but source studies reached a qualitatively new level of analysis. The main trend of current historiography is the increased attention to censuses of provincial cities. Specific historical work based on city census data, including such unique components as spatial referencing, has become a notable practice. The historiographic tradition of studying city censuses was formed in both capitals and Western Siberia, while the Crimean school is currently forming.

Keywords: Late Imperial Russia, history of statistics, historiography, urban population, censuses, historical urban studies

Статья посвящена изучению отечественного опыта использования материалов переписей городов пореформенной России – источника более достоверного, чем популярная у исследователей официальная статистика, и сопоставимого с материалами общенациональных обследований. Необходимость в актуализации изучения городских переписей связана с активным формированием школ исторической урбанистики в отечественной науке. В ходе исследования были проанализированы публикации, связанные с изучением городских переписей или содержащие оригинальные методические решения по использованию их результатов. Авторы реконструировали хронологию складывания историографических трендов, выделили наиболее сильные региональные исследовательские традиции. Классификация публикаций по тематическому и методическому признакам позволила определить главные направления освоения источника. Дисциплинарная ориентированность конкретных исследований, использовавших результаты переписи, постепенно смещалась от чисто демографической сферы к исторической. Источниковедческими исследованиями, посвященными самому источнику и истории его создания, в равной степени занимались как статистики-демографы, так и историки. История страны предопределила развитие историографии и ее проблематику. Дореволюционная традиция была ориентирована на практическое использование результатов переписей и освещение их методической составляющей. Опыт академической обобщающей историографии лишь начал зарождаться. В условиях советской идеологии, не поощрявшей изучение локальных процессов, активность использования городских переписей снизилась, зато источниковедение, представленное историками статистики во главе с А. И. Гозуловым, вышло на качественно новый уровень анализа, не свободный, однако, от некоторой идеологической скованности. Актуализация локальной истории и урбанистики на современном этапе обусловила рост внимания к переписям провинциальных городов. Главный вклад в изучение феномена городских переписей конца XIX – начала XX в. внес В. Ю. Гессен, резюмировавший и творчески развивший выводы предшественников. Заметной практикой стали конкретно-исторические работы,

опирающиеся на уникальные данные городских переписей. Школы по изучению городских переписей предсказуемо сложились в обеих столицах, в Западной Сибири, активно формируется крымская.

Ключевые слова: история статистики, историография, историческая урбанистика, городская перепись населения, позднеимперская Россия, городское население

Для общества интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в которое, хочешь – не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас.

Л. Н. Толстой. О переписи в Москве 1882 г.

Изучение города как сложной совокупности демографических, культурных и социально-экономических составляющих в последние годы набирает все большую популярность в российской исторической науке [см.: Mazanik], при этом вслед за мировой практикой особое внимание уделяется городу второй половины XIX – начала XX в. И хотя население города является одним из главных объектов урбанистического исследования [Репина, с. 26–27], этот тип работ, к сожалению, наименее распространен в отечественной науке. Во многом это связано с источниковым дефицитом: в России крайне скудно введены в научный оборот электронные базы данных на основе номинативных документов, составляющие источниковую базу для аналогичных проектов на Западе. Большинство российских специалистов в области исторической урбанистики опираются на статистику текущего учета, часто ненадежную, особенно в отношении быстро развивавшихся городов.

Гораздо более достоверным источником являются материалы всеобщей переписи населения 1897 г. В ходе этого обследования, проведенного на уровне лучших европейских образцов, была собрана уникальная информация о жителях империи, в том числе горожанах [Торвальдсен, с. 12]. Однако эта перепись так и осталась единственным общенациональным обследованием такого рода. Отсутствие сопоставимых мероприятий и, как следствие, динамики демографической информации для России начала XX в. актуализирует обращение к данным учета населения на локальном уровне. Великие реформы запустили масштабные административные изменения и интенсифицировали демографические процессы, включая внутреннюю миграцию, тем самым не только резко повысив потребность властей в учете населения, но и создав инструменты для ее удовлетворения. Губернские статистические комитеты и статистические бюро земских и городских самоуправлений провели сотни локальных демографических обследований.

Только городских переписей¹ до революции 1917 г. было организовано по разным оценкам от 150 до 250 [Гессен, 2013, с. 66]. Наиболее известные (и исследованные) прошли в крупнейших городах Российской империи – Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Тифлисе и Харькове. Провинция также не отставала, хотя результаты переписей, организованных в губернских и уездных городах, были введены в научный оборот гораздо слабей. Этот факт достоин сожаления, учитывая колоссальный информационный потенциал подобных материалов. Зачастую это единственное в своем роде выполненное на научной основе «портретное» исследование конкретного города, содержащее массу уникальных социально-экономических и демографических сведений и имеющее однородную статистическую сущность с другими отечественными и зарубежными переписями населения. Невысокая популярность этого вида источников связана в первую очередь с его малоизвестностью: результаты местных городских переписей, вызывая живой интерес у современников, почти не были востребованы историками советского времени, а современная наука стала жертвой инерции предшествующего периода. Это обстоятельство, а также бурное развитие отечественных исторических городоведческих школ объясняют необходимость актуализации этого источника и наиболее эффективных методов работы с ним. Представленная статья посвящена обзору отечественных исследований, чьим источником выступили материалы переписей населения городов Российской империи конца XIX – начала XX в. В число конкретных задач работы вошли следующие:

- выявление корпуса наиболее знаковых работ, содержащих ценные сведения по теме или оригинальные методические решения по использованию источника;
- классификация выявленных исследований по тематическому и методическому принципу;
- определение хронологии складывания историографических трендов;
- выделение региональных историографических традиций.

Всего в процессе работы над проектом было выявлено около четырех десятков оригинальных публикаций, анализ которых приведен в хронологическом порядке. Параллельно был проведен источниковедческий анализ, результаты которого будут представлены в самостоятельной статье [Бахарев, Главацкая].

До революции 1917 года

Первые исследования по городским переписям позднеимперского периода были написаны непосредственно их организаторами. Как следствие, такие работы носили скорее практический, чем академический характер и имели сходную структуру, включавшую хронику

---

¹ Имеются в виду только поселения, считавшиеся городами самими современниками, к которым не относятся, например, уральские заводы, насчитывавшие иногда десятки тысяч жителей, но не обладавшие статусом города.

проведения переписи и анализ полученных результатов. Эти первые опыты описания переписей стали основой для источниковедческого изучения материалов городских статистических обследований и реализации их конкретно-исторического потенциала в дальнейшем. Типичными примерами подобных очерков являются описания переписей Пскова 1887 г. [Строкин, с. 1–16], Екатеринбурга 1887 г. [Город Екатеринбург, с. 71–75], Оренбурга 1878 г. [Распопов, с. 1–16] и др. Краткие комментарии авторов-составителей зачастую оставались единственной в истории города попыткой осмысления демографического порядка этого конкретного поселения. Общей практики проведения исследований, нацеленных на сравнительный демографический анализ, на этом этапе не сложилось. Исключениями являлись переписи главнейших сибирских городов – Омска, Томска, Тобольска и Иркутска – на рубеже 1870–1880-х гг., результаты которых регулярно рассматривались в компаративном разрезе как в научной литературе [Усов, Козлов], так и в публицистике [Палопеженцев].

Авторами первых академических трудов по данной тематике были видные статистики А. Н. Котельников и В. В. Пландовский, попытавшиеся генерализовать отечественный опыт в деле учета населения. В. В. Пландовский проанализировал историю переписей населения, выделил эпоху «частных» переписей в России, составил список переписей городов империи и оценил методики и результаты их проведения, отметив переписи Петербурга, Москвы и Одессы. Достоинством работы было то, что В. В. Пландовский рассматривал городские переписи как единый феномен. По его мнению, все частные переписи городов империи были подготовительным этапом, в течение которого отечественная статистика набиралась опыта в преддверии всеобщей переписи 1897 г. Вместе с тем ученый считал, что результаты городских учетных мероприятий, за исключением столиц и крупнейших городов, в целом были невысокого качества из-за вторичности провинциальных методик и низкого уровня организации [Пландовский, с. 300–301]. Возможно, отчасти именно мнение авторитетного ученого обусловило скептицизм и невнимание к результатам переписей провинциальных городов в дальнейшем. А. Н. Котельников в работе, посвященной истории переписи 1897 г., упомянул 20 до этого не фигурировавших в общенациональной историографии переписей, в том числе Твери, Смоленска, Челябинска и других городов, и раскрыл механику взаимодействия муниципальных и имперских статистических органов [Котельников, с. 1–9].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. сложились основные историографические направления. Первое, практическое, включало исследования условий и обстоятельств создания источника в сочетании с кратким анализом результатов переписи; можно сказать, что это был жанр, максимально близкий к конкретным демографическим и историческим работам. Второе было связано с историей статисти-

ческой науки, его представители генерализировали информацию о различных городских переписях и формировали представление о феномене в целом.

Советский период

Тематическая историография советского периода значительно сузилась по сравнению с предшествующим временем. На наш взгляд, это произошло по двум основным причинам. Во-первых, логика коммунистического планового хозяйства сама по себе требовала внедрения масштабных систем учета населения; попытка претворить эту идею в жизнь была сделана уже в первые годы советской власти, когда различные статистические службы страны были централизованы, а число задач, стоящих перед ними, выросло в разы [Елисеева, Дмитриев, с. 76–91]. В этих условиях руководство статорганов делало ставку на общенациональные учетные мероприятия, его представителей не интересовал опыт проведения локальных обследований в царской России. Это объясняет снижение внимания к материалам городских переписей со стороны практиков – демографов, экономистов, статистиков.

Что касается исторической науки, то здесь, как нам видится, сыграла определенную роль ее сфокусированность на событиях мирового и странового масштаба, позволявших реконструировать картину классовой борьбы и революционного движения. Локальная история, главный потребитель исторической городской статистики, по этой причине не являлась важным научным направлением. Ситуация еще более усугубилась на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с фабрикацией репрессивного «дела краеведов», в процессе которого 115 историков – участников советского краеведческого движения были арестованы и обвинены в монархическом заговоре. Это дело и последующие административные меры надолго отбили у академических историков и энтузиастов желание заниматься локальной, в том числе городской историей [Акиншин]. Таким образом, в советское время материалы городских переписей населения пореформенного времени были мало востребованы авторами конкретно-исторических исследований. Редкие примеры составляют позднесоветские историко-демографические описания городов, например, дореволюционного Омска [Колесников].

Однако, если говорить о самих переписях как исторических событиях, то интерес к ним в советское время несомненно вырос. Этот факт, вероятно, связан с «историзацией» переписных обследований, то есть их постепенной трансформацией из явлений текущей действительности в явления прошлого. Также свою роль сыграла институционализация советской статистики, что обусловило обращение представителей этой науки и государственной службы к истокам своей профессии.

А. И. Гозулов, автор ряда фундаментальных трудов по истории отечественной и мировой статистической науки, часто уделял вни-

мание местным переписям в пореформенной России [см., например: Гозулов, 1957, с. 26–30]. Именно он стал автором первой в отечественной историографии публикации, полностью посвященной непосредственно этому феномену [Гозулов, 1941]. Однако, даже учитывая, что исследования А. И. Гозулова гораздо масштабнее и глубже предшествующих в историографии, следует признать, что в своих выводах автор в целом наследовал В. В. Пландовскому: главное значение частных переписей – накопление опыта и складывание статистической традиции; характер проведения переписей и развития феномена хоть и хаотический, но в глобальном отношении имеет верное направление; носители и доноры лучших переписных практик – столицы и крупнейшие города [Там же, с. 303–307].

Заметным пунктом, по которому мнения дореволюционного и советского специалистов расходились, была оценка деятельности акторов статистики. В. В. Пландовский скорее одобрял стремление ЦСК МВД контролировать бессистемную и не всегда профессиональную региональную вольницу, в то время как А. И. Гозулов рассматривал роль государственного регулятора однозначно негативно, а местного самоуправления и интеллигенции – позитивно [Пландовский, с. 301; Гозулов, 1941, с. 303–304]. Статистик сумел найти упоминания о 106 городских переписях, оценивая общее их количество в 150 [Гозулов, 1941, с. 252]. Известный демограф А. Г. Волков также регулярно уделял внимание изучению исторических местных переписей населения в дореволюционной России. Он собрал информацию о 121 городской переписи и предположил, что в действительности их было не менее 200 [Волков, 1965, с. 403]. Позже, уже в совместной статье, оба исследователя высказали общее мнение о числе переписей [Волков, Гозулов, Григорьянц, с. 322]: итогом стал список из 121 переписи отдельных городов и 16 переписей всех городов в губернии [Волков, 1985].

Качественная аналитическая работа, проделанная А. И. Гозуловым, тем не менее, не была лишена некоторой неизбежной идеологической предопределенности: критикуя технику проведения городских переписей царского времени, статистик почти всегда усматривал в них методологическую ошибку оргкомитета, но никогда – банальный недостаток средств, что также отмечено современным исследователем В. Ю. Гессеном [Гессен, 2012, с. 50]. В то же время в его изложении одна из причин не до конца удавшейся советской переписи 1920 г. – как раз «хозяйственная разруха» [Гозулов, 1936, с. 241]. Другим кажущимся предвзятым моментом было освещение роли имперского правительства, представлявшегося в виде препятствия на пути развития «подымающихся общественных статистических сил» [Гозулов, 1941, с. 303–304], хотя в более ранней работе, посвященной истории и разработке общей теории переписи населения, автор утверждал, что главным заказчиком, исполнителем и потребителем любой переписи населения является государство, и любые другие утверждения –

лукавство [Гозулов, 1936, с. 56–58]². Несмотря на некоторые спорные тезисы, работы А. И. Гозулова являются примером скрупулезного научного анализа и поныне остаются фундаментом историографии в данной области.

Источниковедческий аспект исследования частнопереписных материалов, относящийся к области исторической науки, был крайне слабо разработан в советский период по причинам, сходным с конкретно-исторической областью. В качестве исключения можно вновь привести работу авторов-сибиряков – источниковедческое исследование материалов переписей пореформенных Омска, Томска, Барнаула и Новониколаевска (*совр.* Новосибирска) [Цепляев, Шипилов].

Современный период

В конце XX в. в отечественной историографии наметился серьезный рост интереса к материалам городских переписей конца XIX – начала XX в. Исследователей больше не сдерживал идеологический фактор, который ограничивал круг доступных советскому специалисту методик, сформировавшихся во второй половине XX в. на Западе; новое же методологическое разнообразие, в свою очередь, провоцировало диверсификацию источниковой базы. Кроме того, благодаря массовой цифровизации многие издания, в том числе опубликованные еще в дореволюционное время переписи, стали более доступными для исследователей. Главной приметой этого периода стал переход исследовательской инициативы от представителей статистической науки к историкам. Возможно, это связано с тем, что статистики и демографы, впервые получив возможность открыто обсуждать печальную историю собственной науки в XX в., сконцентрировали внимание именно на нем [см., например: Вишневский; Тольц].

Ведущим направлением исследований с использованием позднимперских городских переписей стали работы, посвященные самому источнику. «Внешнее источниковедение» – изучение исторических условий и конкретных обстоятельств создания источника, установление авторов и организаторов переписи, описание методик и история публикаций – стало главным направлением в разработке этой тематики. Сама проблематика сильно «регионализировалась» – впервые в историографии стали освещаться не только столичные и мегаполисные переписи, но и провинциальные обследования. Работы такого рода были выполнены на материалах городских переписей Курской [Борщик, 2008], Новгородской [Твердюкова] и Таврической губерний [Борщик, 2020; Лугачева, 2017; Лугачева, 2019], Санкт-Петербурга [Гессен, 2012], Екатеринбурга [Бахарев], а также Сибири [Игумнов; Скопа]. Обобщающей всю отечественную историографию по теме

---

² Справедливости ради стоит заметить, что мнения о неразрывной связи верховной власти и переписей населения придерживаются немало современных ученых [см., например: Thorvaldsen, Glavatskaya].

истории локального учета населения в стране стала работа В. Ю. Гессена [Гессен, 2013]. Эта публикация подняла на новый уровень научное понимание исторического феномена российских городских позднейших переписей: впервые с XIX в. исследователь, изучающий эту тему на всероссийском уровне, обратился к архивам (до этого авторы – по большей части статистики – работали лишь с опубликованными источниками). В. Ю. Гессен свел воедино многочисленные исследования, посвященные теме локальных переписей во всероссийском масштабе, реконструировал практики работы и взаимодействия статистических органов разных уровней, в целом предложил более диверсифицированное описание явления по сравнению с предшественниками. Городская перепись в его изложении – самобытное явление, само по себе являющееся интересным культурным феноменом, результаты которого, подчас несовершенные, но почти всегда уникальные, служили живым потребностям местного управления и способствовали развитию статистической культуры в стране. Тем не менее, труд В. Ю. Гессена хоть и представил читателю более полную историческую панораму, рамочно сохранил фокус на столично-мегаполисных переписях.

Вся приведенная историография в целом продолжает страдать от главного недостатка предыдущих периодов – концентрации на внешней стороне переписи при почти полном отсутствии критики внутреннего содержания. Один из редких примеров работы, где автор попытался анализировать сами результаты переписи, это статья О. М. Ульянова, посвященная информационному потенциалу московских городских переписей [Ульянов, 2006а].

Применение частнопереписных материалов для конкретно-исторических исследований в постсоветское время также стало значительно популярнее. Однако в большинстве работ такого рода переписные сведения используются лишь эпизодически, как информация, однородная с общегосударственными переписями и иными статистическими источниками. Как правило, они служат цели восстановления временных рядов численности исторического населения или его отдельных групп. В качестве наглядного примера можно отметить издание Института российской истории РАН «Население России в XX веке», где авторы опирались в том числе на результаты дореволюционных столичных переписей населения [Население России, с. 7–82]. К числу знаковых работ, способствовавших актуализации источника, можно отнести монографии известных специалистов по исторической демографии Н. А. Араловец [Араловец, с. 5–170]³ и Ю. М. Гончарова [Гончаров, Чутчев, с. 40–58]. Подобная практика использования результатов переписей стала встречаться в работах, посвященных истории городов Московской [Воронова; Долгопятов, с. 8–9], Курской [Терещенко, с. 9], Оренбургской [Богословская]

---

³ Впервые издана в 2003 г.

и Псковской губерний [Медведева], Поволжья [Иванова, с. 12; Одинова, с. 10], Урала [Белослудцева, с. 13; Васильева, с. 12] и Сибири [Алисов, с. 12; Трускавецкая, с. 12].

Другое направление в современных исследованиях составляют работы, более полно реализующие потенциал источника. Однодневные переписи имперских городов часто в силу обстоятельств их проведения или логики внутреннего содержания обладали уникальными характеристиками. Так, большой интерес представляют данные переписей об этническом составе населения российских городов: не секрет, что организаторы общегосударственных переписей как до революции, так и после были политически стеснены при описании этнических категорий. Локальные же переписи были свободны от большой политики, что в том числе обуславливает интерес исследователей к этим данным [Гостюшева, Якименко; Терещук]. Другим важным отличием многих местных обследований от государственных была их привязка к пространству – в результатах переписей демографические данные часто связывались с районами и улицами города. Эту особенность источника удачно использовал ряд исследователей, соотнеся городские районы и население по этническому, сословному и профессиональному признакам [Григорян, 2018; Григорян, 2019; Ульянов, 2006b]; уникальное исследование было выполнено А. Н. Соловьевым, который проанализировал данные об урбанонимии Смоленска, содержащиеся в переписи города 1881 г. [Соловьев]. Наконец, последним примером применения оригинальных местнопереписных данных являются работы А. К. Щиновой, исследующей трудовую занятость населения на основе результатов переписей Москвы и Петербурга [Щинова].

* * *

Начиная с 1860-х гг. и по 1917 г. в городах Российской империи прошли сотни переписей населения, организованных на научных основаниях для нужд местного самоуправления. Их результаты, обладавшие чрезвычайной ценностью для социально-гуманитарных наук, стали вводиться в научный оборот уже самими организаторами – статистиками-практиками, которые оставили комментарии о ходе проведения переписи и внутреннем содержании итоговых публикаций. Одновременно появились и первые исследования, анализировавшие весь феномен в целом. В работе В. В. Пландовского, ориентированной прежде всего на технику проведения переписей, были генерализированы сведения о самых известных городских переписях того времени – столично-мегаполисных; сформулирована мысль о слабом методическом обеспечении провинциальных обследований; отмечена позитивная роль ЦСК МВД; все переписное движение преподнесено как преамбула к всеобщей переписи 1897 г. Историографию этого периода отличали также слабая эвристика в силу малодоступности большинства источников и почти полное

отсутствие масштабных научных исследований, построенных на содержании переписей.

В советский период конкретно-исторический и демографический интерес к источнику был значительно снижен из-за отхода государства от практики локальных обследований и идеологической установки на исследование глобальных исторических явлений; это обстоятельство усугубилось репрессиями против краеведов и статистиков. Вместе с тем источниковедческий интерес сохранялся и даже рос. Ведущий исследователь этого периода А. И. Гозулов вывел изучение городских переписей на новый уровень, критически и развернуто проанализировав явление в общероссийском масштабе. Он развил большинство тезисов В. В. Пландовского, противореча ему лишь в оценке роли государства.

Наконец, современный период отличают расширение тематики, применение новых методических подходов и регионализация исследований, выразившаяся в появлении работ по переписям провинциальных городов. Выдающийся вклад в изучение явления на общенациональном уровне внес В. Ю. Гессен, который актуализировал сложившуюся историографию соответствующими архивными документами. В его интерпретации учет городского населения предстал значительно более многогранным феноменом, интересным и как историческое явление, и как источник информации.

Вместе с тем следует отметить, что работы, анализирующие внутреннее содержание переписей с целью дать ему адекватную критику, по-прежнему редки. Больше распространение получили конкретно-исторические исследования с использованием этого источника: в первую очередь они нацелены на восстановление динамических рядов численности населения, но также начинают появляться оригинальные труды, максимально полно реализующие потенциал источника, включая пространственную привязку, сведения об этнической и профессиональной принадлежности.

В результате проведенного исследования также стало очевидно, что, помимо предсказуемого столичного лидерства в освоении проблематики, на протяжении всей истории изучения переписей сибирская школа была в авангарде как в плане теоретической оценки феномена, так и в практических методах решения исследовательских задач. В настоящий момент можно предположить формирование крымской историографической традиции.

Список литературы

Акинъшин А. Н. Судьба краеведов (конец 20-х – начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 173–178.

Алисов Д. А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Омск: [Б. и.], 2007. 42 с.

Араловец Н. А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: Историко-демографический аспект. 2-е изд. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 271 с.

Бахарев Д. С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия : материалы межрегион. конф. Челябинск : [Б. и.], 2017. С. 76–84.

Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Переписи русского позднимперского города: история проведения, география, достоверность // Российская история. 2022. (В печати.)

Белослудцева В. В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь : [Б. и.], 2006. 28 с.

Богословская С. С. Динамика численности и состава населения г. Оренбурга по данным однодневных переписей, проводимых до 1897 г. // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях : сб. докл. междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Саратов : ССЭИ РЭУ, 2020. Т. 1. С. 53–54.

Борицки Н. Д. Местный учет населения в XVII–XIX вв. : По материалам Курского края // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2008. Т. 59, № 16. С. 45–54.

Борицки Н. Д. История однодневной переписи 15 декабря 1892 г. г. Ялты Таврической губернии // Научный вестник Крыма. 2020. № 5 (28). С. 1–9.

Васильева Г. А. Города Южного Приуралья во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск : [Б. и.], 2004. 28 с.

Вишневский А. Г. Трудное возрождение демографии // Социологический журнал. 2015. № 1–2. С. 93–116.

Волков А. Г. Переписи населения местные в дореволюционной России // Статистический словарь. М. : Статистика, 1965. С. 402–404.

Волков А. Г. Приложение 2. Известные даты (по старому стилю) проведения местных переписей населения на территории Российской империи // Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М. : Сов. энцикл., 1985. С. 557.

Волков А. Г., Гозулов А. И., Григорьянц М. Г. Перепись населения // Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей. М. : Сов. энцикл., 1985. С. 314–324.

Воронова Т. С. Историко-географический обзор национального состава Москвы в XV–XX вв. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Естеств. науки. 2011. № 2 (8). С. 104–109.

Гессен В. Ю. Как нас переписывали в С.-Петербурге-Петрограде до октября 1917 г. : К 150-летию первой переписи населения // Клио. 2012. № 8 (68). С. 44–63.

Гессен В. Ю. Глава 3. Местные переписи населения в России до октября 1917 г. // История переписей населения в России. М. : Голден-Би, 2013. С. 64–106.

Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран / под ред. С. Г. Струмилина. М. : Ред. изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет», 1936. [16], 588, [26] с.

Гозулов А. И. Местные переписи населения до Революции // Ученые записки РФЭИ. 1941. Т. 1. С. 249–308.

Гозулов А. И. История отечественной статистики. М. : Госстатиздат, 1957. 180 с.

Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул : Аз Бука, 2004. 206 с.

Город Екатеринбург / под ред. И. И. Симанова. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2007. [1051] с.

Гостюшева Е. М., Якименко Л. А. Национально-конфессиональный состав населения города Барнаула по переписи 1895 г. // Восточковедческие исследования на Алтае. 2018. № 12. С. 40–45.

Григорян Г. Ш. Особенности локализации этнических групп на территории пяти участков Москвы в 1912–1920 годах (по данным домовых книг) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3 (43). С. 357–374.

Григорян Г. Ш. Влияние этнических процессов на региональный состав мигрантов Москвы после начала Первой мировой войны // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 19–32. DOI 10.24888/2410-4205-2019-18-1-19-32.

Долгопятов А. В. Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2010. 22 с.

Елисеева И. И., Дмитриев А. Л. История российской государственной статистики: 1811–2011. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.

Иванова Е. В. Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX в.: на материалах Саратова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов : [Б. и.], 2008. 27 с.

Игумнов И. В. Участие статистических комитетов и научных общественных организаций Сибири в проведении переписей населения во второй половине XIX века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 162–173. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Колесников А. Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1977. С. 231–252.

Котельников А. Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб. : Тип. Акционер. о-ва «Слово», 1909. 124 с.

Лугачева А. Л. Роль Севастопольского городского общественного управления в осуществлении первой переписи Севастополя 1886–1887 гг. // Таврический научный обозреватель. 2017. № 10 (27). С. 24–29.

Лугачева А. Л. Развитие статистического учета в органах местного управления Крыма в конце XIX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2019. № 2 (31). С. 202–209.

Медведева Н. М. Сословная структура населения городов Псковской губернии во второй половине XIX в. // Псковский научно-практический историко-краеведческий журнал. 2006. № 25. С. 162–170.

Население России в XX веке : в 3 т. / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1. 463 с.

Одинцова Л. А. Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань : [Б. и.], 2011. 22 с.

Палопеженцев Н. Задачи и значение городских статистических переписей в Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1889. № 30. С. 12–13.

Пландовский В. В. Народная перепись. СПб. : Тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. XVI, 378 с.

Распопов П. Н. Однодневная перепись населения г. Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г. Оренбург : Тип. А. Хохловой, 1878. [4], 86 с.

Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М. : ЛКИ, 2009. 320 с.

Скопа В. А. Особенности однодневных статистических кампаний в конце XIX – начале XX в. (по материалам Западной Сибири и Степного края) // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3 (113). С. 58–62. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Соловьев А. Н. Смоленская урбанизация по материалам однодневной переписи 1881 года // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. междунар. науч. конф. Витебск : Витебск. гос. ун-т, 2016. С. 137–141.

Строкин Н. Результаты однодневной переписи городов Псковской губернии, 28 ноября 1887 года. Вып. 1. Г. Псков. Псков : Тип. губ. зем., 1889. [4], 8, 212, 26 с.

Твердюкова Е. «Нет цифр, нет чисел». Однодневные переписи в Новгородской губернии // Родина. 2009. № 9. С. 99.

Тереженко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города в России второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Курской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск : [Б. и.], 1999. 22 с.

Терещук Н. Переписи населения второй половины XIX века как источник изучения сведений о севастопольских караимах // Труды по еврейской истории и культуре : материалы XXII междунар. ежегод. конф. по иудаике. М. : Пробел-2000, 2016. С. 310–316.

Тольц М. Перепись, приговоренная к забвению // Демоскоп Weekly : [электрон. журн.]. № 523–524. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/арxiv02.php> (дата обращения: 10.08.2020).

Торвальдсен Г. Т. Номинативные источники в контексте всемирной истории переписей: Россия и Запад // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 3 (154). С. 9–28. DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.041.

Трускавецкая В. А. Городское хозяйство губернских и областных центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск : [Б. и.], 2005. 28 с.

Ульянов О. М. Информационный потенциал пореформенных переписей города Москвы: к постановке задачи // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006а. № 33. С. 110–113.

Ульянов О. М. Население Москвы в конце XIX в.: пространственно-типологическая характеристика по данным переписи Москвы 1882 г. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2006б. № 3 (7). С. 293–298.

Усов Ф. Н., Козлов И. А. Однодневные переписи главных городов Сибири // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 4. Смес. Омск : Тип. Окр. штаба, 1882. С. 18–29.

Цепляев Л. Н., Шипилов Б. П. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1977. С. 45–51.

Щинова А. К. Особенности городских переписей населения Москвы и Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. как источников для изучения истории труда // Историческая информатика. 2021. № 1. С. 28–47. DOI 10.7256/2585-7797.2021.1.34914.

Mazanik A. Research in Urban History: New Research Trends in Doctoral Dissertations in Russia since 2000 // Urban History. 2015. Vol. 42, № 3. P. 509–520. DOI 10.1017/S0963926815000309.

Thorvaldsen G., Glavatskaya E. The Three Main Western Revolutions and Their Censuses // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

References

Akin'shin, A. N. (1992). Sud'ba kraevedov (konets 20-kh – nachalo 30-kh godov) [Russian Regional Studies Scholars' Fate (Late 1920s – Early 1930s)]. In *Voprosy istorii*. No 6–7, pp. 173–178.

Alisov, D. A. (2007). *Administrativnye tsentry Zapadnoi Sibiri: gorodskaya sreda i sotsial'no-kul'turnoe razvitiye* [Administrative Centers of Western Siberia: Urban Sociocultural Development 1870–1914]. Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Omsk, S. n. 42 p.

Aralovets, N. A. (2019). *Gorodskaya sem'ya v Rossii 1897–1926 gg.* [Urban Family in Russia in 1897–1926]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 271 p.

Bakharev, D. S. (2017). Gorodskaya odnodnevnyaya perepis' Ekaterinburga 1917 goda (po materialam periodicheskoi pechati) [One-Day Census in Yekaterinburg City according to 1917 Periodicals]. In *Provintsial'nyi gorod v sobytiyakh 1917 goda: novye podkhody, issledovatel'skie problemy, otkrytiya. Materialy mezhhregional'noi konferentsii*. Chelyabinsk, S. n., pp. 76–84.

Bakharev, D. S., Glavatskaya, E. M. (2022). Perepisi russkogo pozdneimperskogo goroda: istoriya provedeniya, geografiya, dostovernost' [City Population Census in Late Imperial Russia: History. Geography. Source Criticism]. In *Rossiiskaya istoriya*. (In print.)

Belosludtseva, V. V. (2006). *Meshchanskoe soslovie Permskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Perm Province Petty Bourgeoisie in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Perm', S. n. 28 p.

Bogoslovskaya, S. S. (2020). Dinamika chislennosti i sostava naseleniya g. Orenburga po dannym odnodnevnykh perepisei, provodimykh do 1897 g. [Orenburg City Population and Its Structure according to One-Day City Censuses before 1897].

In *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya gosudarstvennoi statistiki v sovremennykh usloviyakh. Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v 2 t.* Saratov, Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta. Vol. 1, pp. 53–54.

Borshchik, N. D. (2008). Mestnyi uchet naseleniya v XVII–XIX vv. Po materialam Kurskogo kraia [Population Registration in 17th–19th-Centuries Kursk Province]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 59. No. 16, pp. 45–54.

Borshchik, N. D. (2020). Istoriya odnodnevnoi perepisi 15 dekabrya 1892 g. g. Yalty Tavricheskoi gubernii [Census Questionnaires of a One-Day Census Yalta, Taurida Province December 15, 1892 as a Historical Source]. In *Nauchnyi vestnik Kryma*. No. 5 (28), pp. 1–9.

Dolgopyatov, A. V. (2010). *Meshchanskoe soslovie gorodov Moskovskoi gubernii: evolyutsiya v poreformennyi period* [Moscow Province Petty Bourgeoisie: Evolution in Post-Reform Period]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 22 p.

Eliseeva, I. I., Dmitriev, A. L. (2013). *Istoriya rossiiskoi gosudarstvennoi statistiki: 1811–2011* [The History of Russian State Statistics: 1811–2011]. Moscow, “Statistika Rossii”. 143 p.

Gessen, V. Yu. (2012). Kak nas perepisyvali v S.-Peterburge-Petrograde do oktyabrya 1917 g. K 150-letiyu pervoi perepisi naseleniya [How the Census Was Taken in St Petersburg before October 1917. For the 150th Anniversary of the First Population Census]. In *Klio*. No. 8 (68), pp. 44–63.

Gessen, V. Yu. (2013). Glava 3. Mestnye perepisi naseleniya v Rossii do oktyabrya 1917 g. [Chapter 3. Russian Local Population Censuses before October 1917]. In *Istoriya perepisei naseleniya v Rossii*. Moscow, Golden-Bi, pp. 64–106.

Goncharov, Yu. M., Chutchev, V. S. (2004). *Meshchanskoe soslovie Zapadnoi Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Western Siberia Petty Bourgeoisie in the Late 19th – Early 20th Centuries] / ed. by V. A. Skubnevskii. Barnaul, Az Buka. 206 p.

Gostyusheva, E. M., Yakimenko, L. A. (2018). Natsional'no-konfessional'nyi sostav naseleniya goroda Barnaula po perepisi 1895 g. [Barnaul City Ethnic and Religious Structure according to the 1895 Census]. In *Vostokovednye issledovaniya na Altae*. No. 12, pp. 40–45.

Gozulov, A. I. (1936). *Perepisi naseleniya SSSR i kapitalisticheskikh stran* [Population Censuses in the USSR and Capitalist Countries] / ed. by S. G. Strumilin. Moscow, Gosplan SSSR, “Soyuzorguchet”. [16], 588, [26] p.

Gozulov, A. I. (1941). Mestnye perepisi naseleniya do Revolyutsii [Russian Local Population Censuses before the 1917 Revolution]. In *Uchenye zapiski Rostovskogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. Vol. 1, pp. 249–308.

Gozulov, A. I. (1957). *Istoriya otechestvennoi statistiki* [A History of Russian Statistics]. Moscow, Gosstatizdat. 180 p.

Grigoryan, G. Sh. (2018). Osobennosti lokalizatsii etnicheskikh grupp na territorii pyati uchastkov Moskvy v 1912–1920 godakh (po dannym domovykh knig) [Ethnic Groups Distribution in Moscow in 1912–1920]. In *Izvestiya SmolGU*. No 3(43), pp. 357–374.

Grigoryan, G. Sh. (2019). Vliyanie etnicheskikh protsessov na regional'nyi sostav migrantov Moskvy posle nachala Pervoi mirovoi voiny [Ethnic Process and Immigrants to Moscow after the Beginning of WWI]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 1 (18), pp. 19–32. DOI 10.24888/2410-4205-2019-18-1-19-32.

Igumnov, I. V. (2018). Uchastie statisticheskikh komitetov i nauchnykh obshchestvennykh organizatsii Sibiri v provedenii perepisei naseleniya vo vtoroi polovine XIX veka [Participation of Statistical Committees and Scientific Public Organisations of Siberia in Population Censuses in the Second Half of the 19th Century]. In *Nauchnyi dialog*. No. 3, pp. 162–173. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Ivanova, E. V. (2008). *Formirovanie i sotsial'noe obustroistvo prostranstva krupnogo goroda na Volge vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: na materialakh Saratova* [Social Space Development in a Late-Imperial Volga Region City: The Case of Saratov]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, S. n. 27 p.

Kolesnikov, A. D. (1977). Rost, soslovnii sostav i zanyatost' naseleniya dorevolutsionnogo Omska [The Social and Professional Structure of the Omsk City Population Before 1917]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk, Nauka, pp. 231–252.

Kotel'nikov, A. N. (1909). *Istoriya proizvodstva i razrabotki vseobshchei perepisi naseleniya 28-go yanvarya 1897 g.* [The All-Russian 1897 Population Census History: Organization and Tabulation]. St Petersburg, Tipografiya Aktsionernogo obshchestva "Slovo". 124 p.

Lugacheva, A. L. (2017). Rol' Sevastopol'skogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya v osushchestvlenii pervoi perepisi Sevastopolya 1886–1887 gg. [The Role of the Sevastopol City Public Administration in the Implementation of the First Census of Sevastopol in 1886–1887]. In *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'*. No. 10 (27), pp. 24–29.

Lugacheva, A. L. (2019). Razvitie statisticheskogo ucheta v organakh mestnogo upravleniya Kryma v kontse XIX veka [The Development of Statistical Accounting in the Local Authorities of Crimea in the Late 19th Century]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. No. 2 (31), pp. 202–209.

Mazanik, A. (2015). Research in Urban History: New Research Trends in Doctoral Dissertations in Russia since 2000. In *Urban History*. Vol. 42. No. 3, pp. 509–520. DOI 10.1017/S0963926815000309.

Medvedeva, N. M. (2006). Soslovnaya struktura naseleniya gorodov Pskovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v. [Pskov Province's Urban Population in the Late 19th Century: Social Structure]. In *Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal*. No. 25, pp. 162–170.

Odintsova, L. A. (2011). *Evolutsiya meshchanskogo sosloviya v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh otnochenii nizhnego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The Low Volga Region Petty Bourgeoisie's Evolution in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Astrakhan', S. n. 22 p.

Palopezhtentsev, N. (1889). Zadachi i znachenie gorodskikh statisticheskikh perepisei v Sibiri [Aims and Importance of Population Censuses of Siberian Cities]. In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 30, pp. 12–13.

Plandovskii, V. V. (1898). *Narodnaya perepis'* [Population Census]. St Petersburg, Tipografiya Shtaba Otdel'nogo korpusa pogrannichnoi strazhi. XVI, 378 p.

Polyakov, Yu. A., Zhiromskaya, V. B. (Eds.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke v 3 t.* [Russian Population in the 20th Century. 3 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 1. 463 p.

Raspopov, P. N. (1878). *Odnodnevnyaya perepis' naseleniya g. Orenburga, proizvedennaya 21 dekabrya 1875 g.* [The One-Day Population Census in Orenburg City on 21 December 1875]. Orenburg, Tipografiya A. Khokhlovoi. [4], 86 p.

Repina, L. P. (2009). "Novaya istoricheskaya nauka" i sotsial'naya istoriya ["New History" and Social History]. Moscow, LKI. 320 p.

Shchinova, A. K. (2021). Osobennosti gorodskikh perepisei naseleniya Moskvy i Sankt-Peterburga na rubezhe XIX–XX vv. kak istochnikov dlya izucheniya istorii truda [Moscow and St Petersburg Censuses at the Turn of the 20th Century as Sources for Labour History Studies]. In *Istoricheskaya informatika*. No. 1, pp. 28–47. DOI 10.7256/2585-7797.2021.1.34914.

Simanov, I. I. (Ed.). (2007). *Gorod Ekaterinburg* [Yekaterinburg City]. Yekaterinburg, Ural'skii rabochii. [1051] p.

Skopa, V. A. (2020). Osobennosti odnodnevnykh statisticheskikh kampanii v kontse XIX – nachale XX v. (po materialam Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraya) [Features of Day-Long Statistic Campaigns in the Late 19th and Early 20th Centuries (Based on Materials of Western Siberia and Steppe Krai)]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (113), pp. 58–62. DOI 10.14258/izvasu(2020)3-09.

Solov'ev, A. N. (2016). Smolenskaya urbanonimiya po materialam odnodnevnoi perepisi 1881 goda [Smolensk City Urbanonyms According to the One-Day 1881 Census]. In *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya. Sbornik nauchnykh statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet, pp. 137–141.

Strokin, N. (1889). *Rezultaty odnodnevnoi perepisi gorodov Pskovskoi gubernii, 28 noyabrya 1887 goda* [The One-Day Pskov Province Cities Census, 28 November 1887]. Iss. 1. Pskov, Tipografiya gubernskogo zemstva. [4], 8, 212, 26 p.

Tereshchenko, A. A. (1999). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye provintsial'nogo goroda v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov (na primere Kurskoi gubernii)* [The Social and Economic Development of the Russian Provincial City in the Late 19th – Early 20th Centuries (Kursk Province Materials)]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kursk, S. n. 22 p.

Tereshchuk, N. (2016). Perepisi naseleniya vtoroi poloviny XIX veka kak istochnik izucheniya svedenii o sevastopol'skikh karaimakh [Late 19th-Century Population Censuses as a Source on the Sevastopol Karaites]. In *Trudy po evreiskoi istorii i kul'ture*. Moscow, Probel-2000, pp. 310–316.

Thorvaldsen, G. (2016). Nominativnye istochniki v kontekste vseмирnoi istorii perepisei: Rossiya i Zapad [Nominative Data and Global Census History: Russia and the West]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 3 (154), pp. 9–28. DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.041.

Thorvaldsen, G., Glavatskaya, E. (2017). The Three Main Western Revolutions and Their Censuses. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 992–1008. DOI 10.15826/qr.2017.4.263.

Tofts, M. (2012). Perepis', prigovorennaya k zabveniyu [A Census Doomed to be Forgotten]. In *Demoskop Weekly* [electronic journal]. No. 523–524. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/arkiv02.php> (accessed: 10.08.2020).

Truskavetskaya, V. A. (2005). *Gorodskoe khozyaistvo gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [The Infrastructure of Eastern Siberia Cities in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, S. n. 28 p.

Tseplyaev, L. N., Shipilov, B. P. (1977). Odnodnevnye perepisi kak istoricheskii istochnik dlya izucheniya gorodov Zapadnoi Sibiri v epokhu kapitalizma [One-Day Censuses as a Data Source for Studying West Siberian Late-Imperial Cities]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk, Nauka, pp. 45–51.

Tverdyukova, E. (2009). “Net tsifr, net chisel”. Odnodnevnye perepisi v Novgorodskoi gubernii [“No Figures, no Numbers”. One-Day Censuses in Novgorod Province]. In *Rodina*. No. 9, p. 99.

Ul'yanov, O. M. (2006a). Informatsionnyi potentsial poreformennykh perepisei goroda Moskvy: k postanovke zadachi [Informative Potential of the Late-Imperial Moscow Censuses: The Articulation of the Issue]. In *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii “Istoriya i komp'yuter”*. No. 33, pp. 110–113.

Ul'yanov, O. M. (2006b). Naselenie Moskvy v kontse XIX v.: prostranstvenno-tipologicheskaya kharakteristika po dannym perepisi Moskvy 1882 g. [Moscow Population in the Late 19th Century: Spatial Analyses Based on the 1882 Census Data]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 3 (7), pp. 293–298.

Usov, F. N., Kozlov, I. A. (1882). Odnodnevnye perepisi glavnykh gorodov Sibiri [One-Day Censuses in the Main Siberian Cities]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book 4. Smes'. Omsk, Tipografiya Okruzhnogo shtaba, pp. 18–29.

Vasil'eva, G. A. (2004). *Goroda Yuzhnogo Priural'ya vo vtoroi polovine XIX veka* [Southern Ural Cities in the Late 19th Century]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, S. n. 28 p.

Vishnevskii, A. G. (2015). Trudnoe vozrozhdenie demografii [The Troublesome Restoration of Demography]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No 1–2, pp. 93–116.

Volkov, A. G. (1965). Perepisi naseleniya mestnye v dorevolutsionnoi Rossii [Russian Local Population Censuses before 1917]. In *Statisticheskii slovar'*. Moscow, Statistika, pp. 402–404.

Volkov, A. G. (1985). Prilozhenie 2. Izvestnye daty (po staromu stilyu) provedeniya mestnykh perepisei naseleniya na territorii Rossiiskoi imperii [Appendix 2. The Dates

of Russian Local Population Censuses (Julian Calendar)]. In Valentei, D. I. (Ed.). *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, p. 557.

Volkov, A. G., Gozulov, A. I., Grigor'yants, M. G. (1985). Perepis' naseleniya [Population Census]. In Valentei, D. I. (Ed.). *Demograficheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, pp. 314–324.

Voronova, T. S. (2011). Istoriko-geograficheskii obzor natsional'nogo sostava Moskvyy v XV–XX vv. [Historical and Geographical Study of the Ethnic Structure of Moscow Population in the 15th–20th Centuries]. In *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki*. No. 2 (8), pp. 104–109.

The article was submitted on 16.08.2020

Modi
studiorum

Modi studiorum

Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя)*

Майя Петрова

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop)**

Maya Petrova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Referring to the reconstruction of the biography of Aelius Donatus, a Roman grammarian of the fourth century and the author of the grammatical treatise *Ars Grammatica*, this paper demonstrates the methods and techniques of prosopographic research. The author explains what methods to choose for a specific case and how they can work in relation to the reconstruction of Aelius Donatus' biography. Also, the author demonstrates how with the help of such methods, a general approach and methodology, historical information can be selected, compared, and systematised; how, based on the analysis of vast prosopographic material, one can draw conclusions regarding the lifetime, activity, and occupation of a person, with no exact information preserved about their life. The author examines the importance of prosopography as a scholarly approach to the study of history, namely, social history, and the discussion about what prosopography is. The research employs and studies methods of exclusion and selection of sources, information search using electronic text databases, methods of comparative and textual analysis, interpretation of the text and relevant contexts, as well as their comparison, selection, and coordination of the information received, etc.

Keywords: prosopography, method, research, reconstruction, biography

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20–18–00286 «Личность в истории европейских обществ: политические стратегии, культурные ценности и реновации».

** *Citation:* Petrova, M. (2022). The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop). In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 939–954. DOI 10.15826/qr.2022.3.710.

Цитирование: Petrova M. The Modern Methods and Approaches of Prosopography (A Researcher's Workshop) // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 939–954. DOI 10.15826/qr.2022.3.710 / Петрова М. Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 939–954. DOI 10.15826/qr.2022.3.710.

В статье на примере реконструкции биографии римского грамматиста Элия Доната (IV в.), автора работы, озаглавленной *Ars grammatica*, демонстрируется методика проведения просопографического исследования. Показано, какие именно методы могут быть избраны для конкретного случая, как они могут работать применительно к реконструкции биографии Элия Доната; как при помощи таких методов, общего подхода и методики могут быть подобраны, сопоставлены и систематизированы те или иные необходимые для исследования исторические свидетельства; как на основании анализа обширного просопографического материала можно делать выводы в отношении времени жизни, деятельности и рода занятий исторической личности, о жизни которой точных сведений не сохранилось. Отмечается важность просопографии как научного подхода к исследованию истории, в частности социальной, и дискуссии о том, что представляет собой эта историческая дисциплина. Привлекаются и рассматриваются методы исключения и отбора источников, поиска информации с привлечением электронных текстовых баз данных, методы сравнительного и текстуального анализа, интерпретации текста и релевантных контекстов, а также их сопоставления, отбора и согласования полученной информации и др.

Ключевые слова: просопография, метод, исследование, реконструкция, биография

Важность просопографии¹ как научного подхода к исследованию истории, в частности социальной, в настоящее время не подвергается сомнению. Тем не менее, все еще продолжают споры и дискуссии о том, что представляет собой просопография – является ли она отдельной исторической дисциплиной, историческим методом или совокупностью методик (набором исследовательских приемов, способом теоретического исследования), меняющихся в зависимости от темы, либо термин «просопография» тождественен реконструкции биографии².

---

¹ Термин «просопография» (*греч.* πρόσωπον и γράφω) означает «описание личности».

² Зарождение просопографии как дисциплины восходит к XVI в., когда она была тесно увязана с идеей коллективной, но в то же время и индивидуальной биографии. Ее цель определяют как изучение истории групп (как элементов в политической и социальной истории), достигаемое выделением последовательности личностей, имевших определенные общие политические и социальные характеристики, и затем анализирующее каждую такую последовательность с помощью разнообразных критериев для получения информации, относящейся к конкретным индивидам, установления постоянных и переменных в совокупности данных, присущих изучаемой группе. Соответственно, просопография позволяет связать политическую историю людей и событий со скрытой социальной историей длительных эволюционных процессов. Многие в этой скрытой истории может быть обнаружено посредством определения общественных должностей, которые занимали изучаемые субъекты, а потому просопография напрямую связана с историей социальных институтов. Просопографический анализ занимается личностью, ее окружением, ее социальным положением, то есть личностью в контексте семьи, других социальных групп, а также местом или местами, в которых она была активна, и функцией, которую она выполняла внутри своего социума. См.: [Werner]. На русском языке см., например: [Петрова, 2004, с. 5–11; Юмашева].

Как представляется, просопографию следует рассматривать как самостоятельную историческую дисциплину, использующую методологию (или совокупность методов, применяемых в отдельных науках) и данные специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин – ономастики, геральдики, нумизматики, палеографии, эпиграфики, генеалогии и др., – которые могут быть задействованы в просопографическом исследовании³. При этом исходя из конкретной задачи различаются избираемые методы научного анализа (например, методы систематизации, сравнения, чтения и толкования источников – как письменных, так и вещественных), зависящие и от избранного для исследования временного периода⁴, и от поставленной цели. В связи с этим применяемые в заданном исследовании методы⁵ могут быть названы просопографическими, действующими в его рамках.

То, что в наши дни известно о жизни большинства античных и средневековых авторов, личностей далекого прошлого, в основном является реконструкцией, выполненной с помощью самых разных избранных для определенных нужд методов просопографии.

В настоящей статье будут приведены лишь некоторые специальные методы научного анализа, с помощью которых возможно реконструировать биографии малоизученных исторических личностей. Избранные нами методы (каждый из которых, впрочем, характерен для любого исторического исследования) мы рассматриваем как просопографические, или как методы просопографического исследования, действующие в рамках нашей работы, а их совокупность – как методику данного просопографического исследования. Мы ставим перед собой задачу показать, во-первых, какие именно методы могут быть избраны с целью реконструкции жизненного пути отдельного

---

³ Пример прочтения и привлечения эпиграфических источников см.: [Петрова, 2021].

⁴ Просопографическая работа может относиться как к любому историческому периоду (как правило, давно прошедшему, когда документальных свидетельств или нет вообще, или крайне недостаточно), так и к любому месту, городу, государству или стране. В этом смысле просопография идет «снизу» – от микроистории; она изучает общество прошлого как целое, его структуру и индивидов, которые его составляли, чтобы проследить эволюцию социальных или культурных представлений о своей принадлежности к определенной нации у лиц, живших в данных регионах, людей, которых, возможно, разделяли (или не разделяли) язык и законы. Примеры таких исследований см.: [Петрова, 2019; Petrova, 2020].

⁵ В целом просопографические исследования направлены на изучение образа жизни, рода занятий и деятельности отдельных индивидов или небольших групп людей, а также разнообразных малых народов и племен, сословий людей, живших в разное время и в разных местах. Целью просопографической работы может быть реконструкция образа жизни тех или иных персон (например, греческих рабов, чьи имена известны по надписям о даровании им свободы). Просопографическое исследование может быть посвящено также систематическому описанию и выявлению рода обязанностей и их последовательности у группы людей, занимавших один и тот же государственный пост (например, голлита, судьи и др.) в некоем городе (или государстве) на протяжении определенного времени (к примеру, в Афинах и т. д.). См.: [Domesday People; Family Trees and the Roots of Politics; Prosopography Approaches and Applications; Lindgren; The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire; Carney; Beach; Bulst; Stone; Pyenson].

человека – здесь римского грамматиста⁶ Доната [Петрова, 2008]⁷ и как они могут работать в совокупности; во-вторых, как при помощи таких методов и общего подхода могут быть подобраны, сопоставлены и систематизированы те или иные необходимые для нашего исследования исторические сведения, полученные в том числе посредством электронных текстовых баз данных; в-третьих, как на основании анализа обширного просопографического материала можно делать выводы в отношении времени жизни, деятельности и рода занятий исторической личности, о жизни которой точных сведений не сохранилось.

Очевидно, что биография любого автора (независимо от имеющихся свидетельств) излагается по хронологическому принципу, а именно – указываются время и место его рождения, имена, образование, интеллектуальное окружение, места творческой активности, положение в обществе, сочинения, дата смерти. Реконструированная биография грамматиста Доната, выстроенная по указанной выше схеме, такова: «Донат, автор “Науки грамматики” (*Ars Grammatica* [Donati Grammatici Urbis Romae *Ars grammatica*, p. 355–402; *Ars Donati Grammatici Urbis Romae*, p. 585–674])⁸, родился приблизительно в 310 г. Происходил он из Северной Африки, входившей в состав Римской империи. В середине IV в. (354–363 гг.) Донат преподавал в Риме грамматику и был наставником известного христианского автора Иеронима (ок. 347–420)⁹. Донат занимал высокое положение в обществе, имея государственный титул “*vir clarissimus*” (“светлейший муж”). В числе лиц, составлявших его интеллектуальное окружение, философ-неоплатоник Марий Викторин (ок. 300¹⁰ – после 363)¹¹. Умер Донат не позднее 391 года» [Петрова, 2008, с. 92]¹².

⁶ Мы намеренно называем Доната и ранних авторов грамматистами, а не грамматиками и отступаем от традиции с целью устранения смешения между «авторами-грамматиками» и их сочинениями – «грамматиками». Подробнее см.: [Донат, 2011, с. 325, прим. 15].

⁷ О курьезной средневековой биографии Доната см.: [Петрова, 2014].

⁸ О названиях частей «*Ars grammatica*» Доната («*Ars Minor*» и «*Ars Maior*») см.: [Петрова, 2008, с. 80–81, прим. 2]. Наш комментированный перевод «*Ars Minor*» см.: [Донат, 1999]. См. также: [Петрова, 1999], где дана информация о структуре Донатовой «*Ars grammatica*».

⁹ О времени жизни и деятельности Иеронима см.: [Cavallera, p. 3–12; Hamblenne, cols. 1081–1119; Jay; Holtz, p. 15–16]; на русском языке см.: [Диесперов].

¹⁰ Мы принимаем дату рождения Марии Викторина около 300 г., см.: [Hadot, p. 25; Monceaux, t. 3, p. 375–381].

¹¹ О Марии Викторине и его творческом наследии см.: [Фокин, с. 50–54].

¹² Придерживаясь принятого канона, мы принимаем во внимание не только преимущества просопографического исследования, но и его ограниченность, проявляющуюся прежде всего в гипотетичности выводов. Заметим, что опасность опоры на просопографические исследования подчеркивал М. Л. Гаспаров [Гаспаров, с. 180]. Однако в большинстве случаев, касающихся античных и средневековых авторов, только такой метод возможен при попытках определения времени жизни, полных имен, рода занятий, выявления потомков и пр. Если не принимать таких допущений, то придется довольствоваться лишь текстом вне контекста, что, на наш взгляд, обедняет понимание.

* * *

При отождествлении нашего Доната с определенным историческим лицом применяется *метод исключения*¹³, позволяющий выделить его из ряда других персонажей, носящих такое же имя, и элиминировать ненужную информацию. Действительно, под именем Донат известны довольно многие лица, среди которых Юний Донат, консул Рима (260 г.); Донат, проконсул Константинополя (340 и 353 гг.); Донат, проконсул Африки (408 г.); Донат, епископ Карфагена (240 г.); Донат, возглавивший движение донатистов; Тиберий Клавдий Донат, интерпретатор Вергилиевой «Энеиды»¹⁴. Все они (большей частью по роду своей деятельности, наличию дополнительных имен или времени жизни) не имеют отношения к нашему Донату-грамматисту.

Привлечение *метода отбора источников*¹⁵ помогает сконцентрировать внимание на изучении определенной совокупности свидетельств. Так, тщательный анализ биографии Доната [Vita Donati Grammatici, р. CCLX–CCLXI], принадлежащей перу автора эпохи Каролингов (IX в.), показал, что этот текст из-за его эксцентричности, фантастичности и пародийного характера не следует учитывать применительно к воссозданию жизненного пути римского грамматиста¹⁶. Здесь мы приводим выполненный нами полный перевод этого жизнеописания.

---

¹³ Под этим методом понимается один из видов логического доказательства, состоящий в перечислении всех частных случаев общего положения, за исключением одного, и в доказательстве неприменимости их к требуемому выводу. Целью применения метода служит приобретение уверенности в том, что случай, оставшийся после исключения всех других, является искомым. Таким образом, метод исключения, будучи косвенным доказательством, направлен на получение полной уверенности в справедливости вывода путем исключения, что достигается лишь тогда, когда перечисление всех случаев действительно полное и когда исключение каждого случая неопровержимо верно.

¹⁴ В частности, о Донате – проконсуле Константинополя см.: [PG, t. 25, col. 648]; о Донате – проконсуле Африки см.: [CTh IX, 40, 19; XVI, 5, 44]. См. также: [Wessner].

¹⁵ Под этим методом понимаются умение и навыки исследователя (приобретенные им в результате продолжительного опыта работы в определенной области гуманитарного знания) не только отобрать нужный материал, но и тщательно проанализировать отвергнутый, сделав бесспорный вывод о его непригодности для решения поставленной задачи в текущем исследовании.

¹⁶ Об изучении этого текста см.: [Петрова, 2014; Petrova, 2016; Petrova, 2016, p. 55–60]. Вкратце отметим, что это жизнеописание, скорее всего, было составлено человеком, входившим в некий кружок, подобный академическому кружку, созданному при дворе Карла Великого, члены которого носили псевдонимы (библейские имена или имена латинских поэтов). Целью автора, члена такого кружка, могло быть составление сочинения, в чем-то подражающего античным жизнеописаниям (ср., например, «О грамматиках и риториках» и «О поэтах» Светония), или же текста, написанного в жанре поругания, хотя это не классический псогос (ср., например, «Историю о нечестивом Максиме из Палестины», возможно, принадлежащую Григорию Решайскому).

ЖИЗНЬ ГРАММАТИСТА ДОНАТА

Флакк Ребий приветствует Минуция Рутила

По просьбе единомышленников я вкратце изложил жизнь грамматиста Доната, дабы она не осталась неведомой ни нам, ни кому-либо из живущих, и представил ее тебе для чтения. Его жизнь и дела были такими, как учит сие изложение. Донат, уроженец Рима, прославился своим усердием в грамматических занятиях и, как говорят, был σύγχρονος (современником) ритора Викторина. Нанятый за небольшие деньги, он взялся пасти немногочисленных коз некоей вдовы, заняв для этого загон в двух милях от города. Непросто сказать, стоил ли сей труд предложенной платы. В то время как козы неторопливо кормились под его присмотром, он, будучи совсем лысым, изнывал от летнего невыносимого зноя. Поскольку до Тибра было далеко, он, когда ему хотелось пить, утолял жажду из впадин, заполненных нечистотами и козьей мочой. Зимой же, когда земля серебрилась инеем, он укрывался [от холода] в построенном из осоки шалаше. Часто бывало, что его застольное ложе находилось на земле под открытым небом, потреблял он скудную снедь – такая умеренность, конечно, была не врожденной, но происходила от бедности. Так как от худобы его дряблая кожа почернела, он, чтобы спастись от сильного холода, облачался в сделанную из шкур диких зверей накидку, местами грязную, местами порыжевшую. Отдав долг богу войны, на которой он лишился глаза, он искупил тем позор растраты государственных денег. Однажды, оказавшись среди эолийских греков и получив заслуженные насмешки, он, сильно устыдившись, удалился, когда некто стал глумиться над ним, высмеяв его на греческий манер так: Ἄρροικε ἀπαλλάττου οἰῶν μηλοβοτῆρ ἰσχῶν, что на латинском означает: «Иди отсюда, деревенщина и пастух тощих овец» (Cede loco rustice modicarum opilio ovium). Вернувшись на родину и в зрелом возрасте изучив то, чему учатся в отрочестве, он был замечен эдиллом Цицероном, который пожаловал ему тогу, отличающую людей свободных. В это время сенатор Эмилий изгнал из сената одного человека, и Донат как вольноотпущенник был удостоен избрания на его место, и потом в Сенате шесть раз подряд он принимал эту должность от Цицерона.

Поскольку мы уже упоминали о его телесном облике, рассмотрим его по порядку. Росту он был крохотного, голова его была кругла, как мочевой пузырь у свиньи, волосы почти все выпали и были покрыты паршой, потные из-за преобладания в его теле черной желчи. Его лицо было совершенно деревенским, один глаз слеп, другой гноился, шея тощая, с грубой кожей, руки скрюченные и короткие, колени толстые, голени очень короткие и толстые, ступни широкие и крепкие. Впрочем, довольно об этом. Всю его рабскую наружность я описал полностью.

Голову он всегда укрывал шапкой из верблюжьей шерсти. По какому бы вопросу с ним ни советовались, он отвечал быстро и яростно, так что ученики не осмеливались его спрашивать. Ввиду того, что, когда он часто бранился в ярости, у него из носа постоянно текла всякая дрянь, он, изгнанный из Сената, был принят в услужение к одному мяснику. Далее стыдно рассказывать. Умер он 20 декабря, а тело его было брошено в яму, в которую сносили странников. Конец жизнеописания господина Доната, грамматиста.

При определении периода творческой активности автора используется *метод поиска информации с применением электронных текстовых баз данных*¹⁷. В зависимости от избранных поисковых слов и их сочетаний возможно получить довольно разнообразную и разнородную информацию. При ее анализе важно учитывать не только содержание и контекст обнаруженной фразы (ряда фраз, сюжетов), но и жанр самого текста, а также его авторство, цель, время и место написания и пр., что позволяет дополнить, уточнить и проверить уже имеющиеся сведения и привлечь полученные. Поиск по базам данных, выполненный по имени Донат (включая измененные по косвенным падежам формы его написания), позволил обнаружить несколько свидетельств. Среди таковых – фраза из «Хроники» Иеронима (Hier., Chron.) [PL 27, 687]¹⁸, слова которой подтверждает Августин в «Исповеди» 9 Aug. Conf. VIII, 20 [PL 32, 750]¹⁹. В ней Иероним упоминает *своего наставника* Доната (praesceptor meae) наряду с Марием Викторином²⁰, которому в знак отличия была установлена статуя на форуме императора Траяна.

Применение *методов сравнительного и текстуального анализа, интерпретации текста и релевантных контекстов*²¹ позволяет прийти к заключению, что Донат преподавал в Риме тогда, когда на форуме была установлена статуя Марию Викторину «в знак [его] славного учительства» (Aug. Conf. VIII, 2) [PL 32, 750], а это произошло в 354 г. [Hadot, p. 13]. Подтверждением этому выводу не только

¹⁷ В нашем случае были задействованы базы данных [ALB; CETEDOC; GL; PG; PHI 5; PL] с учетом ограниченности их работоспособности.

¹⁸ Ср.: (Eus. Chron.; Hier. Cont. 615d–616c, p. 239, ll. 12–13) [CETEDOC].

¹⁹ См. также: [Аврелий Августин, с. 192].

²⁰ См. прим. 10–11.

²¹ О привлечении релевантных контекстов см.: [Петров, 2008, с. 140–141]. Суть этого метода в том, что адекватное прочтение рассматриваемого фрагмента текста возможно в том случае, если известна интеллектуальная традиция, в которой это произведение формировалось, если мы осведомлены о замысле автора или обстоятельствах, которые оказали на него влияние. Все это в меру возможного может быть обнаружено не в самом тексте конкретного автора (в нашем случае Доната и его современников), а из иных интеллектуальных, культурных, исторических контекстов, в которые он вплетен. В отдельных случаях привлечение того или иного источника позволяет понять смысл сказанного автором. Неслучайность обнаруженных параллелей доказывается тем, что они проясняют рассматриваемый текст. Например, о подобном подходе применительно к трактовке отдельных сюжетов «Комментария на «Сон Сципиона»» Макробия см.: [Петрова, 2000; Петрова, 2015].

служит еще одно свидетельство Иеронима о том, что, будучи мальчиком, он посещал грамматическую школу (*grammaticae ludo*) (Hier. In Ab. II, 3) [PL 25, 1329D], но и тот факт, что сам Иероним прибыл в Рим в 359 г, где сначала (с 359 по 363 г.) обучался грамматике, а затем (вплоть до 367 г.) – риторике [Cavallera, p. 3–12; Hamblenne; Jay; *Ars Donati Grammatici Urbis Romae*, p. 15–16].

*Метод сопоставления текстов*²² и *согласования полученной информации* (в частности, фразы Иеронима «*grammaticae ludo*» и его же утверждения о Донате как «своем наставнике» (*praeseptus meae*)) позволяет с высокой степенью уверенности определить нижнюю (*terminus post quem*²³) и верхнюю (*terminus ante quem*²⁴) временные границы педагогической деятельности Доната в Риме. Соответственно, «*terminus post quem*» – 354 г., то есть время установления статуи Викторину; «*terminus ante quem*» – 363 г., то есть время, когда Иероним завершил обучение грамматике.

Упомянутые выше методы поиска информации, анализа и сопоставления текстов, а также согласования полученной информации способствуют привлечению свидетельств, позволяющих очертить интеллектуальное окружение Доната. Так, на основании упоминания Иеронима о Донате как своем наставнике наряду с Марием Викторином и призыва Иеронима из его «Апологии против Руфина» (Hier. Apol. I, 16) [PL 23, 410A] читать «Комментарии» Викторина на «Диалоги» Цицерона и «Комментарии» на Теренция и Вергилия, *наставника Доната*, возможно прийти к заключению, что Иероним сам читал указанный текст Викторина (творческий расцвет которого приходится на 350–360 гг.).

В свою очередь, учет двух других фраз Иеронима позволяет заключить, что Викторин и Донат были современниками – оба преподавали в Риме и были не только коллегами по школе, но и учителями Иеронима. Первая – из трактата «О знаменитых мужах» (Hier. De vir. ill. 101) [PL 23, 701AB]. В ней речь идет о том, что во время правления Константа (337–350)²⁵ Викторин преподавал риторiku в Риме и что, будучи «в весьма преклонном возрасте» (*in extrema senectute*), он обратился к христианской вере (Aug. Conf. VIII, 2) [PL 32, 750; Сергеен-

²² В ракурсе нашего просопографического исследования этот метод направлен на сопоставление информации, полученной из непосредственно не сравниваемых и разнородных в жанровом отношении текстов (здесь – библейского комментария и хроники).

²³ *Terminus post quem* – временная граница или предел, после которого происходит событие, или дата события, которое ранее указанного времени не могло произойти.

²⁴ *Terminus ante quem* – временная граница или предел, до которого происходит событие, или дата события, которое позже указанного времени не могло произойти.

²⁵ Русский перевод сочинения Иеронима «О знаменитых мужах» см.: [Иероним Стридонский]. Также см.: Hier. Chron. [PL 27, 685]. Ср.: Aug. Conf. VIII, 2, 3–5; VIII, 5, 10 [PL 32, 750–751; 753; Аврелий Августин, с. 192–194, 197], где, в частности, упомянуто о том, что Марий Викторин обучал и другим дисциплинам из цикла свободных наук.

ко, с. 192–194] в 355/357 гг.²⁶ Вторая – из «Комментариев на “Послание Павла к Галатам”» (Hier. In Ep. ad Gal. I (praef.)) [PL 26, 308A], в которой Иероним упоминает о Викторине как своем учителе риторики в Риме.

Методы отбора и систематизации информации и упомянутый выше *метод релевантных контекстов* способствуют определению рода занятий Доната при рассмотрении титульных записей ранних манускриптов (VIII в.) [MS Berlin, Staatsbibl. Diez. B Sant 66; MS Bern, Burgerbibl. 207]²⁷, содержащих Донатовы тексты. В них имеются указания на то, что их автор был грамматистом. Упоминание о том, что Донат был оратором Рима, имеющееся в титуле более позднего кодекса (XI в.) [MS Paris, Bibl. Nat., Lat. 7920]²⁸, не принимается во внимание, поскольку ему противоречит собственноручный текст «Ars grammatica» римского грамматиста, написанный (как по форме, так и по содержанию) в русле латинской грамматической (не риторической) традиции, восходящей к греческим текстам²⁹.

Хронологический метод и *статистический анализ* в сочетании с *аналитическим методом*³⁰ позволяют установить время жизни Доната. Здесь важно учесть упомянутое выше свидетельство Иеронима о Викторине и Донате (относящееся ко времени, когда сам Иероним был учеником последнего), предположив, что Марий Викторин, принявший христианство «в преклонном возрасте» (Hier. De vir. ill. 101)³¹ (355/357 г.) и умерший к 386 г.,³² был старше Доната. Преклонный возраст для античных авторов традиционно составляет около 70 лет³³;

²⁶ О времени обращения Викторина в христианство см.: [Hadot, p. 28–29, 280–282, 302–303, 307]; также см.: [Marius Victorinus, t. 1, p. 14, 59; Courcelle, p. 557 sq.].

²⁷ Такие записи, как правило, включены в аппарат критических изданий. См., например: [Holtz, p. 358–364].

²⁸ Этот манускрипт включает в себя комментарии Доната на комедии Теренция.

²⁹ Кратко об источниках Доната, их связи с Александрийской школой см.: [Петрова, 1999, с. 299].

³⁰ То есть метод логического и концептуального анализа, являющийся одним из основных методов исторического исследования.

³¹ «Викторин, африканец по рождению, преподавал риторику в Риме при императоре Констанции, в чрезвычайно преклонном возрасте обратился к вере в Христа. Написал книги против Ария – в диалектическом стиле и очень неясным языком, который могут понять только ученые. Известны также его комментарии к посланиям апостолов» [цит. по: Иероним Стридонский]; см. также прим. 26.

³² Из текста Августина следует, что ко времени его прибытия в Рим (386 г.) Викторин уже умер (Aug. Conf. VIII, 2, 3–5; VIII, 4, 9–5, 10) [PL 32, 750; Аврелий Августин, с. 191–197].

³³ Метод статистического анализа позволяет установить преклонный возраст для античных авторов, который варьируется от 47 до 90 лет. Например, около 90 лет [Cic. De sen. 22; Apul. Apol. 37], где речь идет о Софокле (495–405 гг. до н. э.); около 86 лет [Tac. Ann. V, 1; 85], где говорится о Юлии Августе (58 г. до н. э. – 29 г. н. э.); около 85 лет [Hier. Ep. CXXX, 13; Cic. De rep. I, 1; Idem. In Verrem V, 180], где упомянут Марк Катон (234–149 гг. до н. э.); ок. 80 лет [Tac. Ann. IV, 8, 58], где речь идет о Тиберии (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.); около 64 лет [Corn. Nep. Vit. (Att.) XXI, 1], где упомянут Дарий I (486–422 до н. э.); ок. 47 лет [Tac. Ann. IV, 29], где сказано о Гнее Лентуле (8 г. до н. э. – 39 г. н. э.); среднее арифметическое – около 70 лет [ар. Hadot, p. 24, п. 11], с нашими изменениями и дополнениями.

разница в возрасте коллег, принадлежавших к одной школе и одному поколению, может составить в среднем от 10 до 20 лет. Применение *аналитического метода* позволяет предположить, что Иероним (согласно «Апологии против Руфина») мог читать комментарии Викторина на диалоги Цицерона³⁴ под руководством своего наставника Доната. Изучение, разбор и обсуждение столь сложной работы Викторина, содержащей многочисленные религиозно-философские отступления³⁵, указывают, с одной стороны, на незаурядные способности ученика, а, с другой стороны, свидетельствуют о зрелости и состоятельности преподавателя, обладавшего немалым опытом и достаточно долгой педагогической практикой. Согласно традиционным представлениям о зрелости человека, к 359 г. (году начала обучения Иеронимом грамматике) Донату могло быть более 40 или 50 лет. Если принять такое предположение, то временем рождения Доната следует считать 310 г. Пик же его преподавательской активности приходится на 359–363 гг., то есть на тот период, когда Иероним имел возможность консультироваться с ним. Таким образом, Донат преподавал как в языческом Риме, так и в христианском.

Что касается даты смерти Доната, то ее возможно установить лишь приблизительно (с помощью упомянутого выше аналитического метода) по позднему (косвенному) свидетельству о том, что жизнь Доната завершилась до 391 г. Это свидетельство имеется в трактате Августина «О пользе веры к Гонорату» (Aug. De ut. cred. ad Hon. 7, 17) [PL 42, 77], написанном им в 391 или 392 г. В нем Августин упоминает Доната среди известных комментаторов Вергилия Эмилия Аспера (конец II в.) и Аннея Луция Корнута (I в.), которые уже давно умерли.

Благодаря применению *метода систематизации данных* и их сравнения с уже имеющимися сведениями о других лицах поздней Античности возможно определить имя, прозвище и титул Доната. Так, титульные надписи поздних манускриптов (Cod. Cuiacii; MS Paris, Bibl. Nat., Lat. 7920, s. XI) указывают на то, что именем грамматиста было Aelius (Элий или Аэлий), а прозвищем (cognomen) – Donatus (Донат). Надписи, не имеющие отношения к римскому грамматисту, подтверждают вывод о прозвище «Донат», поскольку оно было распространено как на территории Римской империи, так и в ее провинции – Северной

³⁴ Светские разъяснения на «О нахождении» (De inventione) Цицерона были написаны Марием Викторином до его обращения в христианство (то есть до 355 г.), см.: (Vict. In Cic. De Invent.) [Victorinus, p. 305–310].

³⁵ В частности, в работе Викторина «Explanatum in Rhetoricam M. Tullii Ciceronis» имеются рассуждения о божественном происхождении души и ее бессмертии [Victorinus, p. 155, v. 29; p. 161, v. 17], о связи души с телом, влекущим ее к греху [Ibid., p. 155, v. 31; p. 160, v. 16–32; p. 161, v. 17; p. 164, v. 31]; времени [Ibid., p. 223, v. 14–19; p. 228, p. 232], природе [Ibid., p. 215, v. 23], сущем как наивысшем роде [Ibid., p. 228, v. 30], категориях Аристотеля [Ibid., p. 18, v. 31 – p. 184, v. 6]; встречается критика в адрес христианства [Ibid., p. 232, v. 32–45; p. 246, v. 22]. В целом Викторин демонстрирует религиозный скептицизм, говоря, что в повседневной жизни предпочтительнее следовать древней отеческой религии, хотя и мнение христиан не более абсурдно, чем прочие (Vict. In Cic. Rhet.) [Victorinus, p. 155–304; Петров, 2001, с. 494; Фокин, с. 56].

Африке. Аббревиатура VC при именах римского грамматиста [Ibid.] обозначает титул («vir clarissimus») в соответствии с титулатурой Римской империи и свидетельствует о принадлежности Доната к весьма высокому рангу государственных должностных лиц.

* * *

Итак, мы перечислили использованные при реконструкции биографии Доната просопографические методы и продемонстрировали их работу. Все они (либо некоторые из них, как и многие другие) могут быть применимы к иным просопографическим штудиям, направленным на воссоздание индивидуальной или коллективной биографии. Но очевидно, что в каждом случае такие методы и их сочетания между собой будут разными в зависимости от обнаруженного материала и поставленной цели³⁶.

Принятые сокращения

- Apuleus Madaurensis*. Apologia – *Apul.* Apol.
Augustinus Hipponensis. Confessiones – *Aug.* Conf.
Augustinus Hipponensis. De utilitate credendi ad Honoratum – *Aug.* De ut. cred. ad Hon.
Cicero, Marcus Tullius. De Republica – *Cic.* De rep.
Cicero, Marcus Tullius. De senectute – *Cic.* De sen.
Cicero, Marcus Tullius. In Verrem – *Cic.* In Verrem.
Donatus. Ars grammatica – *Don.* Ars gram.
Eusebius Caesariensis. Chronicon; *Hieronymus Stridonensis*. Continuatio – *Eus.* Chron.;
Hier. Cont.
Hieronymus Stridonensis. Apologia aduersus libros Rufini – *Hier.* Apol.
Hieronymus Stridonensis. Chronicon – *Hier.* Chron.
Hieronymus Stridonensis. Commentaria in Abacuc – *Hier.* In Ab.
Hieronymus Stridonensis. Commentaria in Epistolam ad Galatas – *Hier.* In Ep. ad Gal.
Hieronymus Stridonensis. De viris illustribus – *Hier.* De vir. ill.
Hieronymus Stridonensis. Epistulae – *Hier.* Ep.
Nepos, Cornelius. Vitae – *Nep.* Vit. (Att.).
Tacitus, Cornelius. Annales – *Tac.* Ann.
Victorinus, Marius. Commentarius in Ciceronis De inventione – *Vict.* In Cic. De invent.
Victorinus, Marius. Explanationum in Ciceronis Rhetoricam – *Vict.* In Cic. Rhet.

Список литературы

- Аврелий Августин. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеенко. М. : Renaissance, 1991. 488 с.
 Гаспаров М. Л. Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 176–191.
 Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М. : Канон+, 2002. 400 с.

³⁶ См., например, работы, направленные на реконструкцию биографий отдельных личностей: [Петрова, 2004; Месяц; Петрова, 2005; Серегин].

Донат. Краткая наука о частях речи / пер. с лат. и прим. М. С. Петровой // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 306–330.

Донат. «Наука грамматики»: «О частях речи» (II. 1), «Об имени» (II. 2) / пер. с лат. и прим. М. С. Петровой // Диалог со временем. 2011. Вып. 15. С. 312–331.

Иероним Стридонский. О знаменитых мужах // Подвижники : избр. жизнеописания и тр. : [в 2 кн.]. Самара : Агни, 1999. Кн. 2. С. 177–224.

Месяц С. В. Божественный Ямвлих: веки земного пути // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 65–79.

Петров В. В. Марий Викторин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 2. 638 с.

Петров В. В. Учение Максима Исповедника в контексте философско-богословской традиции поздней Античности и раннего Средневековья : автореф. дис. ... докт. филос. наук. М. : [Б. и.], 2008. 52 с.

Петрова М. С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: Ars Minor Доната // Диалог со временем. 1999. Вып. 1. С. 295–304.

Петрова М. С. Совпадение или заимствование: Иерокл и Макробий // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории : материалы науч. конф. 20–22 ноября 2000 г. / отв. ред. Л. П. Репина. М. : ИВИ РАН, 2000. С. 48–53.

Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб. : Алетейя, 2004. 230 с.

Петрова М. С. Эйнхард – историк в истории // Эйнхард. Жизнь Карла Великого / вступ. ст., пер., прим., указ. М. С. Петровой. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 7–26.

Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 80–92.

Петрова М. С. Просопография и реконструкция биографии Элия Доната // Специальные исторические дисциплины. 2014. № 1. С. 5–30.

Петрова М. С. Макробиев «Комментарий на “Сон Сципиона”» и релевантные контексты // СХОЛН (Scholae). Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, вып. 2. С. 306–312.

Петрова М. С. О формировании общественных отношений в римской империи (I–V вв.) в ракурсе проблемного поля биоэтики: врачи и умельцы; наставники и учителя // Социально-гуманитарное познание: методологические и содержательные параллели / под общ. ред. А. В. Грехова, А. Н. Фатенкова. М. : Аквилон, 2019. С. 263–284.

Петрова М. С. К проблеме реконструкции событий из частной и социокультурной жизни Претекстата (по эпиграфическим источникам) // СХОЛН (Scholae). Философское антиковедение и классическая традиция. 2021. Т. 15, вып. 1. С. 191–213.

Серегин А. В. К вопросу о двух Оригенах // Богословские труды. 2009. Вып. 42. С. 44–86.

Фокин А. Р. Христианский платонизм Мария Викторина. М. : Империиум Пресс, 2007. 256 с.

Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 95–127.

ALB – Aureae Latinitas Bibliotheca (1991) : [website]. URL: <https://www.semanticscholar.org> (accessed: 27.06.2021).

Ars Donati Grammatici Urbis Romae // Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle). Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1981. P. 585–674.

Beach G. Prosopography // Medieval Studies / ed. by J. V. Powell. N. Y. : Syracuse Univ. Press, 1976. P. 151–184.

Bulst N. Zum Gegenstand und zur Methode von Prosopographie // Medieval Lives and the Historian Studies in Medieval Prosopography : Proceedings of the First International Interdisciplinary Conference on Medieval Prosopography. Univ. of Bielefeld, 3–5 Dec. 1982 / ed. by N. Bulst, J.-Ph. Genet. Kalamazoo : Medieval Inst. Publ., 1986. P. 1–16.

Carney T. F. Prosopography: Payoffs and Pitfalls // Phoenix. Vol. 27, № 2. Summer. 1973. P. 156–179.

Cavallera F. Saint Jérôme, sa vie, son oeuvre : in 2 t. Paris : H. Champion ; Louvain : “Spicilegium Sacrum Lovaniense” Bureaux, 1922. Vol. 2. 229 p.

CETEDOC Library of Christian Texts: CLTCLT-2. Brepols : [website]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/CETEDOC-library-of-Christian-Latin-texts> (accessed: 27.06.2022).

Codex Cuicaci / ed. by F. Lindenbrog. S. l. : [S. n.], 1623.

CTh – Codex Theodosianus / ed. by T. Mommsen, P. M. Meyer. Berlin : Apud Weidmannos, 1954. 416 S.

Courcelle P. Recherches sur les Confessions de Saint Augustin. Paris : E. de Boccard, 1968. 746 p.

Domesday People: A Prosopography of Persons Occurring in English Documents, 1066–1166 : 2 vols. / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Woodbridge (Suffolk) : Boydell Press, 1999. Vol. 1. 563 p. Vol. 2. 572 p.

Donati Grammatici Urbis Romae Ars grammatica // Grammatici Latini : [7 vols.] / ed. by H. Keil. Lipsiae : Teubner, 1855–1880. Vol. 4. P. 355–402.

Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Woodbridge (Suffolk) : Boydell Press, 1997. VIII, 384 p.

GL – Grammatici Latini : [7 vols.] / ed. by H. Keil. Lipsiae : Teubner, 1855–1880. [Vol. 8.] Supplementum. Anecdota Helvetica / ed. by H. Hagen. 667 p.

Hadot P. Marius Victorinus // Recherches sur sa vie et ses oeuvres. Paris : Etudes augustiniennes, 1971. 422 p.

Hamblenne P. La longévité de Jérôme: Prosper avait-il raison? // Latomus. 1969. T. 28. Cols. 1081–1119.

Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle). Paris : Le Centre national de la recherche scientifique, 1981. 750 p.

Jay P. Sur la date de naissance de Jérôme // Revue des études latines. 1973. Vol. 51. P. 262–280.

Lindgren M. People of Pylos: Prosopographical and Methodological Studies in the Pylos Archives (Boreas). Uppsala : Univ. d'Uppsala, 1973. 191 p.

Marius Victorinus. Traités théologiques sur la Trinité : 2 vols. / texte établi par. P. Henry, introd., trad. et notes P. Hadot. Paris : Ed. du Cerf, 1960. 1168 p.

Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne : 7 t. Paris : Éd. Ernest Leroux, 1905. T. 3. Le IVe siècle d'Arnobé à Victorin. 568 p.

MS Berlin. Staatsbibliothek. Diez. B. Sant. 66 (Grammatici latini et catalogus librorum) : [Facsimile ed.] / publ. by Akademische Druck-u. Graz : Verlagsanstalt (ADEVA), 1973. 364 p.

MS Bern. Burgerbibliothek, MS 207 (Sammelband: Corpus Grammaticorum Latinorum: Donatus, Julianus Toletanus, Asper, Sergius, Petrus Pisanus, Isidorus, etc.). Lat. 779–810.

MS Paris. Bibliothèque nationale de France, lat. S. XI.

Petrova M. S. Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies // ΣΧΟΛΗ (Schole). Φιλοσοφικό αντισκοπεδείο και κλασσική παράδοση. 2016. T. 10, № 1. С. 50–54.

Petrova M. S. On the Opportunities of Prosopography at the Reconstruction of Collective Biographies in Modern Russian Historiography: Roman Physicians and Healers of the 1st–5th Centuries AD // Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация = Russia and Hungary in World Culture: the Source and its Interpretation : материалы двенадцатой междунар. науч. конф. будапештского Центра русистики. 20–21 мая 2019 г. / под общ. ред. Д. Свака. Будапешт : Russica Pannonicana. М. : Аквилон, 2020. С. 52–60.

PG – Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca : [161 t.] / ed. by J.-P. Migne. Parisiis : [S. n.], 1844–1865.

PHI 5 – [Thesaurus Linguae Latina] / Packard Humanities Inst. CD-Version 5, 1999.

PL – Patrologiae Cursus Completus. Series Latina : [221 t.] / ed. by J.-P. Migne. Parisiis : [S. n.], 1844–1865.

Prosopography Approaches and Applications: A Handbook / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Oxford : Prosopographica et Genealogica, 2007. 635 p.

Pynson L. “Who the guys were”: Prosopography in the History of Science // History of Science. 1977. № 15. P. 155–188.

Stone L. Prosopography // Daedalus. 1971. Vol. 100, № 4. P. 46–79.

The Life of Donatus / transl. from Latin into English and Russian, Notes and Original Text M. S. Petrova // ΣΧΟΛΗ (Schole). Φιλοσοφικό αντισκοπεδείο και κλασσική παράδοση. 2016. T. 10, № 1. P. 55–60.

The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire / ed. by K. Radner. Vol. 1, Part 1. Helsinki : The Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1998. XXX, 240 p.

TLG – Thesaurus Linguae Graecae. Version 1999 : [website]. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (accessed: 27.06.2022).

Victorinus. *Explanationes in Ciceronis Rhetoricam; Commentarius in Ciceronis De inventione* / ed. by C. Halm // *Rhetores Latini Minores*. Lipsiae : Teubner, 1863. P. 155–310.

Vita Donati Grammatici // *Grammatici Latini* : 7 Vols. / Ex rec. H. Keilii. Vol. 8. Supplementum. *Anecdota Helvetica* / ed. by H. Hagen : [repr. 1961]. Leipzig : Teubner, 1870. P. CCLX–CCLXI.

Werner K. F. *L'apport de la prosopographie à l'histoire sociale des élites // Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century* / ed. by K. S. B. Keats-Rohan. Woodbridge (Suffolk) : Boydell Press, 1997. P. 1–22.

Wessner P. *Donatus // Paulys Real-Encyclopadie der Classischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. G. Wissowa. Stuttgart : J. B. Metzlersche Buchhandlung, 1905. Cols. 1546–1548.

References

ALB – *Aureae Latinitas Bibliotheca* [website]. (1991). URL: <https://www.semanticscholar.org> (accessed: 27.06.2021).

Ars Donati Grammatici Urbis Romae. (1981). In Holtz, L. *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle)*. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, pp. 585–674.

Aurelius Augustine. (1991). *Ispoved' [Confession]* / transl. by M. E. Sergeenko. Moscow, Renaissance. 488 p.

Beach, G. (1976). Prosopography. In Powell, J. V. (Ed.). *Medieval Studies*. N. Y., Syracuse Univ. Press, pp. 151–184.

Bulst, N. (1986). Zum Gegenstand und zur Methode von Prosopographie. In Bulst, N., Genet, J.-Ph. (Eds.). *Medieval Lives and the Historian Studies in Medieval Prosopography: Proceedings of the First International Interdisciplinary Conference on Medieval Prosopography. Univ. of Bielefeld, 3–5 Dec. 1982*. Kalamazoo, Medieval Inst. Publ., pp. 1–16.

Carney, T. F. (1973). Prosopography: Payoffs and Pitfalls. In *Phoenix*. Vol. 27. No. 2. Summer, pp. 156–179.

Cavallera, F. (1922). *Saint Jérôme, sa vie, son oeuvre. In 2 t.* Paris, H. Champion, Louvain, “Spicilegium Sacrum Lovaniense” Bureaux. Vol. 2. 229 p.

CETEDOC *Library of Christian Texts: CLTCLT-2. Brepols* [website]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/CETEDOC-library-of-Christian-Latin-texts> (accessed: 27.06.2022).

Courcelle, P. (1968). *Recherches sur les Confessions de Saint Augustin*. Paris, E. de Boccard. 746 p.

CTh – Mommsen, T., Meyer, P. M. (Eds.). (1954). *Codex Theodosianus*. Berlin, Apud Weidmannos. 416 S.

Diesperov, A. (2002). *Blazhennyi Ieronim i ego vek [Jerome of Stridon and His Age]*. Moscow, Kanon+. 400 p.

Donatus (1999). *Kratkaya nauka o chastyakh rechi [A Commentary of Parts of Latin Speech]* / transl. by M. S. Petrova. In *Dialog so vremenem*. Iss. 1, pp. 306–330.

Donatus (2011). “Nauka grammatiki”: “O chastyakh rechi” (II. 1.), “Ob imeni” (II. 2) [Ars Minor: A Commentary on Parts of Latin Speech (II. 1.), “On the Name” (II. 2)] / transl. by M. S. Petrova. In *Dialog so vremenem*. Iss. 15, pp. 312–331.

Donati Grammatici Urbis Romae *Ars grammatica*. (1855–1880). In Keil, H. (Ed.). *Grammatici Latini. 7 vols.* Lipsiae, Teubner. Vol. 4, pp. 355–402.

Fokin, A. R. (2007). *Khristianskii platonizm Mariya Viktorina [The Christian Platonism of Gaius Marius Victorinus]*. Moscow, Imperium Press. 256 p.

Gasparov, M. L. (1964). *Novaya zarubezhnaya literatura o Tatsite i Svetonii [New Foreign Literature on Tacitus and Suetonius]*. In *Vestnik drevnei istorii*. No. 1, pp. 176–191.

Hadot, P. (1971). *Marius Victorinus. In Recherches sur sa vie et ses oeuvres*. Paris, Etudes augustinienes. 422 p.

Halm, C. (Ed.). (1863). *Victorinus. Explanationes in Ciceronis Rhetoricam; Commentarius in Ciceronis De inventione. In Rhetores Latini Minores*. Lipsiae, Teubner, pp. 155–310.

Hamblenne, P. (1969). La longévité de Jérôme: Prosper avait-il raison? In *Iatomus*. Vol. 28, cols. 1081–1119.

Holtz, L. (Ed.). (1981). *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle)*. Paris, Le Centre national de la recherche scientifique. 750 p.

Jay, P. (1973). Sur la date de naissance de Jérôme. In *Revue des études latines*. Vol. 51, pp. 262–280.

Jerome of Stridon. (1999). O znamenitykh muzhakh [On Famous Men]. In *Podvizhniki. Izbrannye zhizneopisaniya i trudy v 2 kn.* Samara, Agni. Book 2, pp. 177–224.

Keats-Rohan, K. S. B. (Ed.). (1997). *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century*. Woodbridge (Suffolk), Boydell Press. VIII, 384 p.

Keats-Rohan, K. S. B. (Ed.). (1999). *Domesday People: A Prosopography of Persons Occurring in English Documents, 1066–1166*. 2 Vols. Woodbridge (Suffolk), Boydell Press. Vol. 1. 563 p. Vol. 2. 572 p.

Keats-Rohan, K. S. B. (Ed.). (2007). *Prosopography Approaches and Applications: A Handbook*. Oxford, Prosopographica et Genealogica. 635 p.

Keil, H. (Ed.). (1855–1880). *GL – Grammatici Latini*. 7 Vols. Lipsiae, Teubner. Vol. 8. Supplementum. Anecdota Helvetica / ed. by H. Hagen. 667 p.

Lindenbrog, F. (Ed.). (1623). *Codex Cuiacii*. S. l., S. n.

Lindgren, M. (1973). *People of Pylors: Prosopographical and Methodological Studies in the Pylors Archives (Boreas)*. Uppsala, Univ. d'Uppsala. 191 p.

Marius Victorinus. (1960). *Traité théologiques sur la Trinité*. 2 Vols. / texte établi par P. Henry, introd., trad. et notes P. Hadot. Paris, Ed. du Cerf. 1168 p.

Mesyats, S. V. (2008). Bozhestvennyi Yamvlikh: vekhi zemnogo puti [Divine Iamblichus: Milestones of the Earthly Path]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 22, pp. 65–79.

Monceaux, P. (1905). *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*. 7 t. Paris, Éd. Ernest Leroux. T. 5. Le IVe siècle d'Arnothe a Victorin. 568 p.

MS Berlin. Staatsbibliothek. Diez. B. Sant. 66 (Grammatici latini et catalogus librorum) [Facsimile ed.] / publ. by Akademische Druck-u. (1973). Graz, Verlagsanstalt (ADEVA). 364 p.

MS Bern. Burgerbibliothek. MS 207 (Sammelband: Corpus Grammaticorum Latinorum: Donatus, Julianus Toletanus, Asper, Sergius, Petrus Pisanus, Isidorus, etc.). Lat. 779–810.

MS Paris. Bibliothèque nationale de France, lat. S. XI.

Petrov, V. V. (2001). Marii Viktorin [Marius Victorinus]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 2. 638 p.

Petrov, V. V. (2008). *Uchenie Maksima Ispovednika v kontekste filosofsko-bogoslovskoi traditsii pozdnei Antichnosti i rannego Srednevekov'ya* [The Doctrine of Maximus the Confessor in the Context of the Philosophical and Theological Tradition of Late Antiquity and the Early Middle Ages]. Avtoref. dis. ... dokt. filos. nauk. Moscow, S. n. 52 p.

Petrova, M. S. (1999). Grammaticheskaya nauka v Pozdnei Antichnosti i v Srednie veka: Ars Minor Donata [Grammatical Science in Late Antiquity and the Middle Ages: Donatus' Ars Minor]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 1, pp. 295–304.

Petrova, M. S. (2000). Sovpadenie ili zaimstvovanie: Gierokl i Makrobii [Coincidence or Borrowing: Hierocles and Macrobius]. In Repina, L. P. (Ed.). *Preemstvennost' i razryvy v intellektual'noi istorii. Materialy nauchnoi konferentsii. 20–22 noyabrya 2000 g.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 48–53.

Petrova, M. S. (2004). *Prosopografiya kak spetsial'naya istoricheskaya distsiplina: Makrobii Feodosii i Martsian Kapella* [Prosopography as a Special Historical Discipline: Macrobius Theodosius and Marcianus Capella]. St Petersburg, Aleteiya. 230 p.

Petrova, M. S. (2005). Einkhard – istorik v istorii [Einhard – Historian in History]. In Petrova, M. S. (Ed.). *Einkhard. Zhizn' Karla Velikogo*. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii svyatogo Fomy, pp. 7–26.

Petrova, M. S. (2008). Donat: zhizn', epokha i intellektual'noe okruzhenie [Donatus: Life, Epoch, and Intellectual Environment]. In *Dialog so vremenem*. Iss. 22, pp. 80–92.

Petrova, M. S. (2014). Prosopografiya i rekonstruktsiya biografii Eliya Donata [Prosopography and Reconstruction of the Biography of Aelius Donatus]. In *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny*. No. 1, pp. 5–30.

Petrova, M. S. (2015). Makrobiev "Kommentarii na 'Son Stsiona'" i relevantnye konteksty [Macrobius' *Commentarii in somnium Scipionis* and Relevant Contexts]. In ΣXOAH (Schole). *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. Vol. 9. Iss. 2, pp. 306–312.

Petrova, M. S. (2016). Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies. In ΣXOAH (Schole). *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. T. 10. Iss. 1, pp. 50–54.

Petrova, M. S. (2019). O formirovaniy obshchestvennykh otnosheniy v rimskoi imperii (I–V vv.) v rakhse problemnogo polya bioetiki: vrachi i umel'tsy; nastavniki i uchitelya [On the Formation of Social Relations in the Roman Empire (1st – 5th Centuries AD) from the Perspective of the Problem Field of Bioethics: Healers and Craftsmen; Mentors and Teachers]. In Grekhov, A. V., Fatenkov, A. N. (Eds.). *Sotsial'no-gumanitarnoe poznanie: metodologicheskie i soderzhatel'nye paralleli*. Moscow, Akvilon, pp. 263–284.

Petrova, M. S. (2020). On the Opportunities of Prosopography at the Reconstruction of Collective Biographies in Modern Russian Historiography: Roman Physicians and Healers of the 1st–5th Centuries AD. In Szvák, G. (Ed.). *Rossiya i Vengriya v mirovoi kul'ture: istochnik i ego interpretatsiya = Russia and Hungary in World Culture: The Source and its Interpretation. Materialy dvenadtsatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii budapeshetskogo Tsentra rusistiki. 20–21 maya 2019 g.* Budapesh, Russica Pannonica. Moscow, Akvilon, pp. 52–60.

Petrova, M. S. (2021). K probleme rekonstruktsii sobytii iz chastnoi i sotsiokul'turnoi zhizni Pretekstata (po epigraficheskim istochnikam) [On the Problem of Reconstructing Events from the Private and Socio-Cultural Life of Pretextatus (with Reference to Epigraphic Sources)]. In ΣXOAH (Schole). *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. Vol. 15. Iss. 1, pp. 191–213.

Petrova, M. S. (Transl.) (2016). The Life of Donatus. In ΣXOAH (Schole). *Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya*. Vol. 10. Iss. 1, pp. 55–60.

PG – Migne, J.-P. (Ed.). (1844–1865). *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. 161 t.* Parisiis, S. n.

PHI 5 – *Thesaurus Linguae Latinae / Packard Humanities Inst.* (1999). CD-Version 5.

PL – Migne, J.-P. (Ed.). (1844–1865). *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. 221 t.* Parisiis, S. n.

Pyenson, L. (1977). "Who the guys were": Prosopography in the History of Science. In *History of Science*. No. 15, pp. 155–188.

Radner, K. (Ed.) (1998). *The Prosopography of the Neo-Assyrian Empire*. Vol. 1. Part 1. Helsinki, The Neo-Assyrian Text Corpus Project. XXX, 240 p.

Seregin, A. V. (2009). K voprosu o dvukh Origenakh [On the Question of the Two Origenis]. In *Bogoslovskie trudy*. Iss. 42, pp. 44–86.

Stone, L. (1971). *Prosopography*. In *Daedalus*. Vol. 100. No. 4, pp. 46–79.

TLG – *Thesaurus Linguae Graecae* [website]. (1999). Version 1999. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/> (accessed: 27.06.2022).

Vita Donati Grammatici (1870). In Keilii, H. (Ed.). *Grammatici Latini. 7 Vols.* In Hagen, H. (Ed.). Vol. 8. Supplementum. Anecdota Helvetica. Repr. 1961. Leipzig, Teubner, pp. CCLX–CCLXI.

Werner, K. F. (1997). L'apport de la prosopographie à l'histoire sociale des élites. In Keats-Rohan, K. S. B. (Ed.). *Family Trees and the Roots of Politics: The Prosopography of Britain and France from the Tenth to the Twelfth Century*. Woodbridge (Suffolk), Boydell Press, pp. 1–22.

Wessner, P. (1905) Donatus. In Wissowa, G. (Hrsg.). *Paulys Real-Encyclopaedie der Classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, J. B. Metzlersche Buchhandlung, cols. 1546–1548.

Yumasheva, Yu. Yu. (2005). Istoriografiya prosopografii [Historiography of Prosopography]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 39, pp. 95–127.

The article was submitted on 17.03.2022

**«Написан я в первую статью в бытейщики»:
социальная идентичность царедворцев и шляхетства
при Петре Первом***

Андрей Захаров

Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия

**The Social Identity
of the Courtiers and Nobility
under Peter the Great****

Andrey Zakharov

Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

This article examines one of the aspects of the social identity of the Russian nobility in the first quarter of the eighteenth century. The author regards social identity as a set of retrospective practices of self-naming, the person's self-identification, and social identification by the state, rank groups, and society. Referring to new material from archival sources and published correspondence, the author studies the semantics of little-known service categories of *tsaredvortsy* (courtiers) and clarifies the history of the words denoting them. Peter I treated seventeenth-century "service" terminology pragmatically and tried to perpetuate the word *tsaredvortsy* to denote servicepeople of all kinds. In the early eighteenth century, as the word *shlyakhetskiye* (originating from the Polish word *Szlachta*) was spreading in translated documents and letters, the tsar introduced the neologism to

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–42073 (Петровская эпоха).

** *Citation*: Zakharov, A. (2022). The Social Identity of the Courtiers and Nobility under Peter the Great. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711.

Цитирование: Zakharov A. The Social Identity of the Courtiers and Nobility under Peter the Great // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711 / Захаров А. «Написан я в первую статью в бытейщики»: социальная идентичность царедворцев и шляхетства при Петре Первом // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 955–975. DOI 10.15826/qr.2022.3.711

use among service people. Clerks and the nobility already knew the word. Simultaneously, service vocabulary to refer to courtiers and “city noblemen” was developing in the official documentation. The article examines such examples of office vocabulary as *lyudi polkovoy sluzhby*, *lyudi nalitso*, *nachalnye lyudi*, *otstavnye*, *kryzhovniki*, *pod krestom*, and *v stolovykh netyakh*. Hundreds of representatives of military and service people referred to themselves as *byteishchiki* or as being *v chetvertyakh* or *v statyakh*. The author examines the practices of classifying service people as *byteishchiki* with reference to authentic statistics and the biography of I. N. and V. N. Tatishchev and officers of the Azov Dragoon Regiment. The author concludes that by the beginning of the 1720s, most service categories of *tsaredvortsy* had lost their relevance but they remained in the memory of the nobility while *tsaredvortsy* themselves became recruited again.

Keywords: Peter I, identity, *shlyakhetstvo*, nobility, Peter I, Razryadnyi Prikaz, Muscovite ranks, concept history, V. N. Tatishchev

В статье исследуется один из аспектов социальной идентичности представителей служилого дворянства в первой четверти XVIII в. Социальная идентичность понимается автором как совокупность ретроспективных практик самоименования и самоидентификации человека, социальной идентификации со стороны государства, чиновной группы и социума. На новом материале архивных источников и опубликованной переписки автор изучает семантику малоизвестных служебных категорий царедворцев и выясняет историю обозначающих их слов. Петр I достаточно прагматично относился к «чиновной» терминологии XVII в. и попытался закрепить слово «царедворцы» для обобщения «чиновной пестроты». С распространением в начале XVIII в. в переводных документах и в переписке полонизма «шляхетские» царь внедряет для обобщения чинов неологизм, уже известный в кругу служилых людей и сановников. В то же время в приказной документации развивается служебная лексика для обозначения царедворцев и «городовых дворян». Контекстно изложены основные термины канцелярской лексики о царедворцах: люди «полковой службы», «люди налицо», «начальные люди», «отставные», «крыжовники», «под крестом», «в столовых нетях». Сотни представителей «ратных» и «чиновных людей» называли себя в челобитных и сказках «бытейщиками» или состоящими «в четвертях», или «в статьях». Практика записи служилых людей в бытейщики изучена на примерах аутентичной статистики и «служб» офицеров Азовского драгунского полка И. Н. и В. Н. Татищевых и их «братии». Сделан вывод о том, что к началу 1720-х гг. большинство служебных категорий царедворцев окончательно исчерпали практические задачи правительства, а собственно царедворцы вновь рекрутировались на службу.

Ключевые слова: Петр I, идентичность, шляхетство, дворянство, Разрядный приказ, московские чины, историческая лексикология, история понятий, В. Н. Татищев

Ракурсы социальной идентичности

Для понимания мироощущения и мотивов действий человека в прошлом незаменимо представление о его социальной идентичности – совокупности восприятий людьми самих себя и друг другом. Основные аспекты социальной идентичности «чиновной группы» выражены практиками самоименования, самоидентификации ее представителей, их социальной идентификацией со стороны представителей власти, группы, социума. Чины, звания, именованья и самовосприятие человека выражались неодинаково в контексте синхронных исторических документов различного происхождения. Как известно, составители любого текста могли невольно генерировать устоявшиеся формулы служебной идентификации человека или отражать их под влиянием этикетных штампов, заданного формуляра документа. Например, именование человека в сказках, «приездах», «допросах», как правило, фиксировалось с его слов писцами. В самоименовании говорящего оставался отпечаток диалога и письменной трансляции. Неизбежными оказываются «двойные отображения» социального облика человека историческим документом и описанием историка на формализованном языке интерпретаций. Исследователями справедливо отмечается важнейшая особенность исторической реконструкции, генерирующей знание, которое не может быть верифицировано с утраченными социальными объектами и оригинальной устной речью. Ряд трактовок социальной идентичности «дворянства» («консолидации», «сословности», отношения к «эпохе» и т. д.) сложился под влиянием историографических воззрений или в силу недостаточного документального обоснования. Нивелировать наиболее очевидные искажения позволяют достижения исторической семантики, исторической психологии и антропониимики и исторической лексикологии [Skinner; Литвина, Успенский; Волков; Марасинова; Границы и маркеры социальной стратификации].

Каждое поколение отечественных историков, начиная с Б. Н. Чичерина, предлагает свой вариант трактовки статуса человека Московского государства через историко-социологические построения. Неизбежно возникают неологизмы в описании социального организма, а терминология практически каждого поколения исследователей заново нормируется. Современные термины в изображении российского общества XVII–XVIII вв. семантически отличаются от аутентичных слов, от которых произошли¹: «корпоральство» (корпорация), «генералитет», «государев двор», «гвардия», «дворяне». Слово «чин», многозначное в языке XVII в., до сих пор

¹ Примером «историографической» аберрации социальной идентичности человека XVII–XVIII вв. выступают неологизмы, получившие статус общепринятых: «глава правительства», «член Боярской думы», «член государева двора». Как правило, эти неологизмы используются в научных текстах совместно с аутентичными терминами: «палатные люди», «ближние бояре» (для возведенных из чина комнатного стольника), «люди московских чинов», «царедворцы». Необычна коллизия научного термина «государев двор», который для второй половины XVII – начала XVIII в. экстраполируется на людей московских чинов, хотя в то время аутентичным выражением «государев двор» именовались исключительно «дворовые люди» (дворцовые служители), не имевшие московских чинов.

экстраполируется на группы людей, не являвшихся чинами в представлении современников той эпохи. В этом сказывается влияние дидактической схемы В. О. Ключевского о сословиях и чинах. Аутентичное слово «чин», наиболее адекватное для описания московского общества, уже стало историографическим термином с современными коннотациями и «стандартами» формулировки. Зачастую имя и статус подданного московского государя определяются исследователями в контексте одного чина или страты, отражая не социальную идентичность человека, а статичную «историографическую стигматизацию» исторической личности.

Большинство русских современников XVII–XVIII вв. идентифицировали себя исключительно в контексте служебных отношений. Место человека в этом пространстве непрерывно контролировалось властью, наделявшей подданного чинами, званиями, временными служебными статусами. Это умножало объем и разнообразие официально-деловой и учетной документации, которая от многих учреждений не дошла до нашего времени или сохранилась фрагментарно и распыленно по архивам. Многие чиновно-служебные категории шляхетства, практики наряда, уклонения, замещения и отставки от службы, соответствующая им лексика остаются до сих пор слабоизученными. Парадоксально, но среди них находятся и основные понятия повседневной среды служилого человека.

Лексику социальных отношений XVII–XVIII вв. специализированные словари транслируют преимущественно по опубликованным документам, составляющим лишь вершину айсберга от всех архивных документов. Контекстное понимание лексики частично решается проектом «Национальный корпус русского языка», который также ориентирован на опубликованные и уже введенные в оборот тексты. Поэтому многозначный лозунг «читаем архивы», выдвинутый Мишелем Пешо, для понимания забытых слов и их значений в ближайшие десятилетия вряд ли устаревает [Pêcheux].

Старомосковская лексика чиновного быта

Для метаописания социальных категорий рубежа XVII–XVIII вв. хорошо известны слова «чин», «разряд», «титул», «сан», «честь». Посольские дьяки, приглашая иноземцев на службу во время Великого посольства, шаблонно вносили в проезжие грамоты и другие определения: «род», «звание», «какого ни есть состояния, степени, уряду, чину, достоинства или преимущества» [Памятники, т. 8, стб. 1391; т. 10, стб. 1253, 1319, 1353]. Для реконструкции различных практик именованных служилых людей наиболее информативны материалы массовых источников делопроизводства², опубликованной переписки, законодательства и дипломатической документации.

² Основной поиск данных осуществлен по авторским полнотекстовым и регестовым базам данных источников 1690–1723 гг.: из практически полного объема сказок «Генерального смотра 1721–1723 гг.», из «отставных» сказок, разрядных записных книг 1700-х гг., из представительного объема заручных челобитных и отписок 1703–1708 гг., разрядно-сенатских служебных списков 1690–1721 гг.

Лексика русской устной и письменной речи при Петре I быстро насыщалась неологизмами под давлением военных интересов государства и внедрения облика иностранных институций в администрации. Некоторые неологизмы образовались как кальки иностранных именований, а большая часть – при смешении двуязычных терминов. Эксперименты царя в изобретении названий для старых и новых должностей первыми должны были ощутить приказные служащие в 1700-е гг. Московские подьячие быстро научились скрипучим пером выводить экзотические звания: «архиатр энд физикус и примариус», «генерал рыденбант святого апостола Андрея», «президент и судия», «генеральный писарь и секретарь»³. Звучные нагромождения постепенно трансформировались в краткие слова, вошедшие в литературный лексикон, или угасли вместе с первыми обладателями редких званий.

В названии нескольких чинов XVII в. повторялось слово «дворяне». При этом служилые люди не состояли в «сословии дворян», а, напротив, относились правительством к различным «чиновным кругам»: дворяне московские, дворяне городовые, архиерейские дворяне, дворяне при особе посла. Та же ситуация во многом воспроизводилась и позже, несмотря на царские указы и внедрения «шляхетского» начала. Например, на генеральный смотр 1722 г. в Москву явилось 377 «дворян синодального и архиерейских домов» [Захаров, с. 177]. Как правило, они происходили из домовых подьячих или светских служителей церковных владык, владели землей, пустошами, но не дворовыми людьми и крестьянами, тяготев по владельческому статусу к однодворцам. «Домовых» людей архиереев отправляли «к делам и посылкам» в различные епархии и к Синоду⁴.

В дипломатических миссиях люди, имевшие чин ниже стряпчего («московского списка»), и служилые иноземцы для повышения статуса в XVII в. получали особое звание дворянина при особе посла. Звание и статус дворянина при отправлении посла князя Я. Ф. Долгорукого в 1687 г. получил его племянник Василий Лукич – задолго до пожалования в стольники, состоявшееся 17 марта 1691 г. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 32. Л. 145 об.]. В таком же звании при иноземных дворах щеголяли несколько бесчиновных особ и «дворянин Александр Меншиков» [Памятники, т. 8, стб. 614, 1306], ближайшие предки ко-

³ Вопреки распространенному мнению, известный петровский сподвижник и дипломат П. П. Шафиров не был первым обладателем секретарской должности в российской администрации. Первым звание «секретаря» получил дьяк Любим Сергеевич Судейкин: «По указу великого государя за пометою думного дьяка Протасья Микифорова» 24 апреля (4 мая) 1702 г. было «велено ему быть на службе в Большом полку. И в Розряде в списках писать его генеральным писарем и секретарем Большого полку выше дьяков». Таким образом, эта дата точно фиксирует появление в России должности, упоминавшей звание секретаря [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 291].

⁴ В инскрипции сказок и приездов служителей новгородского архиепископа Федосия самоидентификация выражена от лица говорящего: «монастыря поместный сын боярской», «домовый сын боярской», «епархии сын боярской» [РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 328. Л. 249–251].

того не состояли в московских чинах. Такая практика в московской дипломатии была типичной.

Созвучие чиновных званий было причиной того, что слово «дворяне» не применялось для обобщения разноликих служилых чинов Московского государства. Для неологизмов с семантикой обобщения служилых людей языковая среда складывалась очень медленно, вместе с размыванием чиновных границ, но инерционный ход оказался искусственно прерван.

Первые упоминания о царедворцах и шляхетстве

В первой четверти XVIII в. слова «царедворцы» и «шляхетство» прочно вошли в письменную речь для обозначения русских служилых людей, далеких от окружения царя и царских комнат. Наиболее раннее упоминание слова «царедворцы» в русских письменных источниках фиксируется в 1696 г. в письме боярина князя Б. А. Голицына к Петру I. Голицын писал молодому царю:

А что милость твоя, моего государя, соизволил писать о царедворцах (по опостолу Павлу: идеже падение, тут и востание, и пословица простая: у старосты по две радости не бывает, также и сие) потешило, сперва хотели также учинить... [Письма, т. 1, с. 583].

Увы, царское письмо к боярину не сохранилось, что затрудняет надежную трактовку слова «царедворцы». Но контекст словоупотребления сохранился в близких документах⁵. Известный соратник Петра генерал А. М. Головин в марте 1700 г. обращался к царю, деликатно советуя пути устройства своего «генеральства»: «Началных, государь, людей не поволиш ли набирать из царедворцов и из заморских, а я истинно то делать рад; лутче их учить, нежели тех, которые присланы из Ыноземского приказу» [Там же, с. 806]. К царедворцам не причислялись комнатные стольники, о чем говорит письмо того же Головина:

...изволь же, государь, ко мне писать, чтоб из комнатных и ис царедворцов написать в науку пехотного строя, и я комнатных, которые были за морем, написал и повестил, чтоб явились в Преображенском апреля 17-го числа, а для царедворцов, стольников, и стряпчих послал память в Розряд, чтоб прислали списки [Там же, с. 814].

Известно, что на смотре летом 1700 г. в полковое учение «в начальные люди» отправили 940 царедворцев [РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 767. Л. 874]. Другие свидетельства о тождественной семантике выражений «московские чины» и «царедворцы» относятся

---

⁵ Сложно установить, вошло ли слово «царедворцы» в придворную лексику из библейских и богословских книг. В двух книгах церковнославянского перевода Ветхого Завета упоминается выражение «царев муж» [Быт. 37 : 36; 39 : 1; 40 : 2,7. Ис. 22 : 15], которое в синодальном переводе середины XVIII в. транслируется как «царедворец». В Новом Завете – дважды [Ин. 4 : 46, 49].

к 1702 г. На вопрос боярина Б. П. Шереметева о выборе двух «генеральных адъютантов и генерал-квартирмейстера» царь отвечал кратко: «выбрать из царедворцов» [Письма, т. 1, с. 11]. Глава Посольского приказа боярин Ф. А. Головин в письме от 25 июня «из похода архангельского» к боярину князю М. А. Черкасскому обращался также лаконично: «по указу великого государя о высылке царедворцов на службу в Смоленск». Интересно, что под этим письмом разрядный дьяк вывел резолюцию в старинной риторике: «велеть тех московских чинов людей столников, и стряпчих, и дворян, и жильцов (помета над строкой: “и городовых”) по прежнему наряду и по росписке в Большой полк и в Ладугу» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1179]. Бояре Б. П. Шереметев и Т. Н. Стрешнев дольше других оставались приверженцами старой лексики, несмотря на новую манеру царского слога. Слово «царедворцы», бытовавшее в 1690-е гг. в дворцово-обиходной речи, только через два десятилетия постепенно вытеснило свой синоним и давний московский канцеляризм «люди московских чинов».

Петр I сознательно насаждал новую лексику через законодательные тексты. Утверждая переименования некоторых институций и должностей, царь вводил и другие неологизмы. В историографии утвердилась версия, что слово «шляхетство» впервые прозвучало в указе Сенату 1712 г. в контексте обобщения: «сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал обер-офицеру и службу почитал» [Романович-Словатинский, с. 3; Письма, т. 12, вып. 1, с. 22–25]. Царь подчеркнул преимущество обер-офицерства и разницу с чином неофицерским, но шляхетским. В начале XVII в. польско-литовские слова «шляхта», «шляхтич», «шляхетные» широко использовались в документации Посольского и других приказов. «Шляхтой» в русских документах рубежа XVII–XVIII вв. назывались военно-служилые «особы» не только польского, но и любого иноземного происхождения, казаки «литовско-смоленских рубежей». Особый статус служилых людей с помощью заимствования иностранного слова сохранялся в названии «смоленской шляхты» в русских документах. Буквальная семантика русского слова «шляхетство» и польского «шляхта» не совсем одинакова. В обозначении русских подданных при Петре I никогда не использовалось производное «шляхтич». Только в конце 1710-х гг. российские служилые люди зачастую именовали себя в сказках и челобитных «из шляхетства»⁶.

Однако первые примеры проникновения в русский язык слова «шляхетный» по отношению к русским людям встречаются ранее 1712 г. и отражают историю слова как постепенную адаптацию

---

⁶ Анализ сказок русских офицеров и участников сенатского смотра 1721–1723 гг. показывает, что самоименования «из шляхетства» и «из царедворцов» также буквально не совпадают. Родом «из царедворцов» себя называли обладатели в прошлом московских чинов, получившие армейские чины или новые должности. Родом «из шляхетства» называли себя как бывшие царедворцы и их дети, так и недоросли и городовые дворяне и их потомки.

и знакомство служилых подданных с неологизмом. В 1698 г. генерал А. Вейде в своем «Уставе» прославлял царя, который во время Великого посольства «не щадил трудов в снискании и испытании по лучшей мере шляхетных воинских хитростей». Как внимательный читатель Петр I заметил в русском переводе этой речи два выражения: «общая польза» и контекст слова «шляхетный» [Вейде, с. 15].

Влияние новой лексики устанавливается и в связи с другим переводом иностранного текста. В Разрядный приказ 6 февраля 1701 г. поступила заручная челобитная стольников П. М. и И. П. Бестужевых. Стольники «з братьями и с племянники» просили именовать свой род Бестужевыми-Рюмиными для разделения с представителями другого рода, которые «пишутца их прозванием Бестужевы». Челобитчики сообщили, что в 1686 г. они к «родословной книге» подали поколенную роспись рода Бестужевых и описание герба. Разряд подготовил выписку о прародителе Бестужевых-Рюминых Гавриле Бесте, который якобы пришел «из Аглинские земли к Москве к великому князю Василью Дмитриевичу». Составители выписки изложили о «бытности де ево Гарилове фамилии шляхетства», о которой в Лондоне «в Гербовом доме описуетца, и бытность их значит в Лондоне в графствах Контском и иных государства Аглинского». В основе выписки оказался перевод грамоты, утверждавшей важное для челобитчиков свидетельство: «Вам ведомость чиню, яко шляхетный и древней фамилии Бестиоров... около лета Христова 1403-го господин Габриэлус Бест из сей фамилии рожден» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 1. Л. 52–57].

Бестужевым, претендовавшим на новое прозвание, еще в 1696 г. удалось заполучить подлинную грамоту о происхождении Гаврилы Беста. Разрядный приказ заказал перевод грамоты с латинского языка переводчику Николаю Спафарию, который и упомянул сановного посредника: «по прошению ясновелможного и прешляхетного господина Феодора Головина». Подробное изложение челобитной и грамоты Бестужевых вошло в разрядную записную книгу 1701 г. До этой поры «шляхетными особами» в приказной документации назывались только представители европейских шляхетных дворов. Первым русским «прешляхетным господином» при Петре I был назван боярин Ф. А. Головин до получения своего графского титула.

Почтение «шляхетностью» было обычным при обращении к иностранцу. Тот же боярин Головин называл своего собеседника генерала барона Розена в 1706 г. «высокоблагороденный, шляхетнейший и превосходительнейший господин» [Письма, т. 4, с. 808]. А генерал князь Н. И. Репнин в то же год величал петровского фаворита А. В. Кикина, сына русского воеводы из стольников, «благгошляхетный мой господин» [Там же, с. 615]. Таким образом, удастся документально проследить два канала распространения слова «шляхетный» на русскую знать – в переписке царского окружения и в переводных текстах.

В «полковой службе», в нетчиках или «под крестом»

Московские чины ежегодно записывались Разрядом в объемные боярские и жилецкие списки, раздробленные на множество рубрик по служебному статусу, а для жильцов – по годам производства в чин⁷. Основные перечни-рубрики каждого московского чина⁸ назывались одноименно чинам: стольники, дворяне московские, стряпчие, жильцы. Разрядные подьячие в справках-выписках на запросы других приказов большую часть царедворцев отмечали: «в полковой службе». Это определение обозначало формальную запись в «полковом» (основном) перечне каждого чина для возможного наряда царедворца в полки «бояр и воевод».

В инскрипции заручных челобитных типична формула «служу я тебе, великому государю, полковую службу в стольниках» или «по московскому списку во дворянх». Авторы челобитных четко понимали свой статус (или статус челобитчика), который логично считать в современном понимании служебной категорией. Но самоименование человека по канцелярской формуле «стольник (или иной чин) полковой службы» не характерно для XVIII в. и в разрядно-сенатской документации не встречается.

Другие крупные служебные категории – «начальные люди» и «отставные» – связаны с назначением в офицеры и отставкой от нарядов в «полковую службу». Царедворцев «полковой службы», выбранных на смотре «к учению» и/или в офицерский чин, Разрядный и Военный приказывали отправляли в полки. При этом царедворца «полковой службы» из основного перечня подьячие выписывали в перечень «начальных людей», что не было парадоксальным. Так, потенциально годные к службе отделялись от реально назначенных царедворцев в полки и «в поход». Практика служебной идентификации человека не говорит о формализме и «волоките», шедших от служащих Разряда. Без этого навыка и повседневной обязанности приказных людей принятый порядок учета утратил бы смысл.

Как известно, имя человека, пропустившего смотр или поход, попадало в особые перечни – «в нети». Отметка в «нетях» немедленно вела к розыску для смотра и наказанию в виде отсылке нетчика «в дальний поход» или отписке имений. За «ранний приезд» на смотр царедворцы поощрялись правом на время остаться в столице или на время «похода» получали повышенное жалование⁹. Одной «нетей» было достаточно, чтобы отписать на государя все поместья

⁷ Эти официальные документы составлялись до 1721 г., как правило, ежегодно в нескольких вариантах, все боярские списки за 1714–1719 гг. ныне утрачены.

⁸ Термин «основные рубрики» оказалось целесообразно использовать для ранжирования чиновных перечней при публикации боярских списков XVIII в., чтобы отделить их от множества частных (внутричиновых) рубрик.

⁹ Так, значительная часть царедворцев в 1703 г. за «севский ранний приезд» в 1704 г. осталась «на Москве», а нетчики и «поздноприездцы» были отправлены в севский полк к князю М. Г. Ромодановскому.

и вотчины служилого и заставить его явиться в Разряд «бить челом» о «неотписке» имений. Пропустившие несколько смотров отмечались пометами «в двух» (или «в трех» и т. д.) и отправлялись «в поход» с припиской числа «нетей».

Интересно понятие «столовые нети», обозначающее пропуск одного из смотров в Столовой палате царского московского дворца. Жилец, пропустивший один из таких смотров 1703–1705 гг., в инскрипии разрядных допросов именовался «жилец нетчик». Хорошо известны с XVII в. и перечни имен «в естях», хотя специального термина для идентификации человека, прибывшего в полк или на смотр вовремя, не требовалось. Нетчики совершенно отличны от «новииков» – недавно записанных в любой ратный чин. Рано или поздно они «били челом» с просьбой установить новичной поместный и денежный оклад, который определялся по примерам жалования «братии».

Для работных людей и приказных подьячих кроились свои «нети». В приказных памятях и царских указах «нетчиков» называли «ругательно с великой укоризной» «огурщиками и ослушниками». Как понятие уклонения от служб «огурство» вошло в московское законодательство. Воеводы беспрестанно разыскивали нетчиков, составляя по требованию Разрядного приказа отписные книги на поместья и вотчины по своему уезду. За январь – февраль 1705 г. воеводы отправили в Разряд 397 отписок, в 15 из которых шла речь о розыске, высылке и отписке имений с нетчиков. Перед «нетством» как перед болезнью все оказывались равны, но наказания служилых и работных людей отличались. С нетчиков из работных людей взимались деньги за «прошлые неслужбы»¹⁰. «Поздноприездцев» из царедворцев отправляли в «дальний поход».

В приказной документации встречаются пометы напротив имен царедворцев «Написан под крестом», что указывает на отметку из других источников. В смотренных и боярских списках на полях «крыжом» (знаком креста) приказные служащие отмечали фамилии людей для выбора к определенной службе или для особых поручений. Отмеченный «крыжовник» мог остаться и без назначений. Так, стольник Н. С. Тимирязев в 1705 г. был «по государеву смотру написан под крестом. И по списку из Ынгермоланской оставлен, дел не предложено» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 52. Л. 27 об.]. Согласно «Запискам Желябужского» (которые до сих пор целиком приписываются окольникову И. А. Желябужскому, умершему в 1692/93 г.¹¹) известно, что Петр I лично проводил смотр «крыжовникам», разбирая в назначенный день ранее отмеченных царедворцев [Желябужский, с. 313].

¹⁰ Стольник кн. М. П. Гагарин прислал в разряд 26 февраля 1705 г. «имянную роспись перекопной работы нетчиком» 32 городов. Из 15 отписок в семи воеводы отвечали о нетчиках из «работных людей»; в шести случаях – о служилых людях, две из них касались царедворцев; в двух – о нетчиках из недорослей [РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 35. Д. 1. Л. 28].

¹¹ Наиболее вероятным составителем «Записок» мог быть стольник С. В. Желябужский, отмеченный умершим в 1711 г.

Списки служилых людей, отмеченных «крыжами» с пометами и почерком царя, сохранились до нашего времени. «Крыжовники» не имели ничего общего с нетчиками, если не попадали на очередном смотре «в нети». Стольник Б. И. Бутурлин, как и многие, оказался на смотре в 1706 г., но был отмечен «под крестом», а позже записан «в Семеновском полку в прапорщиках» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 176. Л. 25 об.].

Бытейщики Татищевы и «их братия»

В списке «полковой службы» могли оказаться недоросли из детей царедворцев. Так случилось с будущим устройтеlem заводов, знатоком историописаний и географии В. Н. Татищевым. Вместе со старшим братом он был зачислен из царицыных стольников в царские в 1700 г. По смотру на Постельном крыльце «июня з 26-го числа для малых лет дано в службе льготы на 4 года» Василию Татищеву, и на три года – Ивану [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2 Д. 46. Л. 481 об.]¹². Малолетними по нормам того времени считались юноши до 15 лет, получавшие на смотрах отсрочки от нарядов. Достоверно известна дата рождения Василия Татищева – 19 апреля 1686 г., то есть по принятому тогда счету возраста он уже был 15-летним¹³.

При малом росте (менее двух аршинов и двух вершков), болезни или худобе давалась отсрочка от службы – «льгота». Без отсрочки братья Татищевы могли оказаться уже летом 1700 г. «в учении», а осенью с другими царедворцами могли осаждать Нарву, идти в другие военные «походы». Но этого не случилось, хотя льготы 1700 г. высчитывались с точностью до дня [Ф. 210. Оп. 2. Д. 47. Л. 179]. Братья Татищевы получили льготы якобы как малолетние. Наряд на службу старшему предстоял в 1704 г., младшему Василию – в 1705 г.

От ожидавшегося наряда на военную службу Татищевы скрывались, пока о не служивших братьях в 1705 г. не донес Петр Шилов. Он написал пространный извет на 173 «огурщика», которые «службы не служат»¹⁴. Разряд допросил 48 человек, поведавших свои истории. В заручной сказке от 25 июля 1705 г. 20-летний Василий Татищев объявил себе 16 лет, а 22-летний Иван «сказал себе» 17 лет. По их версии, смотр на Постельном крыльце состоялся не в 1700 г., а в 1701 г., и «дано им в службе льготы, а на сколько дано – о том де ведомо в Розряде» [Ф. 210. Оп. 3. Д. 73. Ч. 2. Л. 830 об.]. В Разряде, по-видимому, происходили манипуляции с увеличением и «продлением» льгот,

¹² Пометы сделаны на списке смотров 1703 г. Достоверность «льгот» подтверждается в списке приездов царских и царицыных стольников в разряде с 10 по 26 июня 1700 г., когда еще не менее 11 стольников цариц получили льготы от двух до десяти лет [Ф. 210. Оп. 2 Д. 44. Л. 96 об.].

¹³ Все петровское время возраст исчислялся исключительно по неполным годам. Так, едва наступивший 15-й год записывался «15 лет». Основанием при розыске для выяснения возраста могли быть заручные сказки самого челобитчика или его отца с указанием возраста детей.

¹⁴ Тогда же изветчик Иван Жидовинов подробно описал 477 чел., избегавших государственной службы, и в том числе 83 царедворцев.

которые были явно на руку братьям¹⁵. Преуменьшая свой возраст, незаконно добиваясь льгот, Татищевым удавалось скрываться от службы не менее пяти лет. В случае разоблачения молодым стольникам грозило солдатство, а для научивших их писать «малыми летами» – отписка всех имений [ПСЗ-1, т. 4, № 1960]. Сообщение В. Н. Татищева об отпуске на службу в 1704 г. «родителем» и приписанное ему биографами якобы участие во взятии Нарвы, в сражении под Мур-мызой обоснованно критиковались историком Е. Е. Колосовым в 1960-е гг., не обнаружившим документальных подтверждений слов Василия Татищева [Колосов]. Несмотря на эти изыскания, в историографии конструировался мифический образ воинственного поручика, закалившего характер в первых сражениях Северной войны.

Запись братьев Татищевых в апреле 1706 г. о наборе в драгунский полк гласит: «Ис бытейщиков же, а служили в стольниках»¹⁶ [Волынский, с. 542]. Но подробно она раскрывается в контексте других документов. Ивана и Василия Татищевых вместе с 19 «бытейщиками из житья» и 12 царедворцами из «1-й статьи» 16 мая 1706 г. отправили в полк думного дьяка А. И. Иванова, который был переименован в Азовский драгунский полк с 1707 г.¹⁷

Кем же были «бытейщики», почему так назывались, и в чем их отличие от других категорий царедворцев? Новое слово этимологически восходит к помете «быть» из чиновных росписей XVII – начала XVIII в. Смысл помет раскрывают разрядные справки и перечни. Один из первых наборов «в быть» состоялся на смотрах февраля – марта 1703 г. под эгидой генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева и боярина Т. Н. Стрешнева. В этом «быть» оказался жилец К. И. Зыков, пропустивший смотр в феврале и поэтому записанный в «нети». Спустя несколько недель о жильце справились подьячие:

...А марта во 2 день тех нетчиков в Столовой полате смотрели, и над ево Кузминым именем отмечено «быть»¹⁸. И ис того бытья отослан он

¹⁵ В разрядном деле по изветам на огурщиков справка о льготах Татищевым отредактирована, зачеркнут заголовок «В службе с 700-го году дано сроку». Ниже заголовка перечислены только Татищевы с пометами о льготах: «с 701-го по 705 год» – напротив имени Ивана Татищева, «с 701-го по 706 год» – у Василия. Ниже на том же поле листа вписана помета «зри на лапку такову» и цифирь в кружке «700», что восстанавливает верное чтение года заголовка [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 73. Ч. 2. Л. 802 об.].

¹⁶ Следующие за Татищевыми 16 офицеров этого полка из жильцов указаны далее в этом списке, 12 из них также отмечены «из бытья» или «в быть». В другой «Росписи господина Иванова отослано к нему в полк в офицеры московского чину людей» повторяются все, кроме Ф. Павлова, и вдобавок 17 чел., «которые ныне в ученье у Григорова». Все 34 были «мая в 18 день отосланы к господину Иванову, кроме Ивана Чичерина» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 72. Л. 56–56а об.].

¹⁷ К росписи назначенцев был добавлен И. Н. Мусин-Пушкин «из городовых по Дмитрову» [Волынский, с. 542].

¹⁸ По смотрам Столовой палаты 1703 г. Зыков был записан в числе 410 царедворцев, выбранных в начальные люди. А 6 марта Разряд получил этот список от князя И. Львова, и в нем Зыков в числе нескольких десятков жильцов был отмечен пометой «быть» для выбора в пешие кадеты [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 311 об., 315, 329].

в ученье ратного строю к полковнику ко князю Ивану Львову, и с того ученья посылан в Преображенское для выбору в пешие кадеты к полковнику к Дмитрею Карпову [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 66. Л. 64 об. –65].

Затем жильцов, записанных как прежних нетчиков в пешие кадеты, 24 марта «по выбору ево Дмитриеву и по списку, каков прислан в Разряд», отправили к генерал-майору И. Чамберсу. В марте Разряд составил несколько списков царедворцев, часть которых «по смотру в Столовой полате над имяны помечено “быть”¹⁹, а где быть, о том сказано будет впредь» [Там же. Оп. 2. Д. 46. Л. 346–375]. В документах 1704 г. впервые фиксируется слово, обозначававшее человека «из бытъя», – «бытейщик».

Судя по воспоминаниям И. Н. Татищева, в 1721 г. он с братом был на разборе в Разрядном приказе:

Взят он в службу царского величества в регулярство из стольников 1706-м году в марте месяце по рассмотрению боярина Тихона Никитича Стрешнева и написан в ученье. А из ученья, как набран Азовский полк, написан во оный полк в поручики в том же году в июле месяце [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2144. Л. 111 об.].

13 сослуживцев Татищевых определялись в бытейщики в основном с лета 1705 г. В апреле 1706 г. комплектовался полк А. И. Иванова, в который зачислили более двух десятков бытейщиков, получивших после «учения» офицерство. О всех, кто имел чин жильца, сохранились записи. Жилец И. И. Кобяков в 1705 г. «выбран в бытъя и был в ученье, а ныне быть на службе в Новгороде, в полку был написан в поручики». Жилец А. П. Волчков «705-го июля в 3 день выбран в бытъя и ныне быть на службе в Новгороде и в том полку был до отпуску» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 72. Л. 81 об., 116 об.]. Спустя 15 лет в 1720 г. Артемий Волчков вспоминал о «бытъя» в своей полковой сказке:

...Пожалован в поручики в 705-м году, в сентябре месяце по указу царского величества, а по рассмотрению окольного Петра Матвеевича Апраксина – из бытейщиков в драгунский полк, который был набран из монастырских слуг. В том же году оный полк раскасован по полкам, а по раскасованию... отослан в Москву в Военный приказ, а в 706-м году определен в драгунский Азовский полк [РГВИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 9. Л. 148].

Его однополчанин В. И. Киреевский вспоминал в 1720 г., что «взят он в службу в регулярство из житья из шляхетства и написан... в бытейщики» и был определен в поручики Азовского драгунского полка через год [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая, с. 140].

¹⁹ Выбранные «в бытъя» царедворцы были разбиты на пять групп (под литерами А, Г, Д, Е, S), которые также указывали принадлежность человека к списку: «под азом», «под глаголем». Некоторым «из ученья велено быть в полковой службе попрежнему» – их служба в «бытъя» прекращалась.

Из «жизья в бытѣ», в «ученье» и обратно

«Учением» бытейщиков руководили князь Иван Львов, подполковники Прохор и Анурий Григоровы, отвечавшие на запросы Разрядного приказа о состоянии бытейщиков. Видимо, набор «в учение» проходил в спешке. Несколько больных и глухих «из бытѣ и учения» затем «били челом» об отставке. Согласно подлинной статистике, в 1704 г. в бытейщики был набран 61 чел., в 1705 г. – 225, в марте – мае 1706 г. – 70 чел., «да в присылке в розных числах велено быть в ученья из москвичь вновь, которые под азами, 155 человек» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 58–59 об., 62]²⁰. За весну 1706 г. в учении у Григорова находилось 204 бытейщиков «новых и прежних», из которых

...взято в полк господину Стрешневу 13 человек, послано с Юрем Нелединским 14 человек, отдано в полк князю Григорью Волконскому 21 человек, отдано к Афтаному Ивановичю 6 человек, в полк князь Юрию Володимировичю Долгоруково 1 человек. В Смоленск послано 60 человек к новобраным салдатам, которые набираютца с трехсот и со ста дворов, написаны для ученья к чetyрем ротам по 3 человека... Итого в росходе 141 человек... в остатке прежних бытейщиков 63 человека [Там же. Л. 61–62].

В марте 1706 г. полковник и будущий сенатор князь Г. И. Волконский из 38 бытейщиков, состоявших «в ученье» и пришедших в полк, отправил 16 чел. обратно «в ученье» к П. В. Григорову. Изредка в бытейщики и «в ученье» записывали после службы в полках²¹. В каждом известном случае написание в бытейщики происходило до «учения артикулу». «Бытѣ» не было синонимом «ученья», но в определенной мере противопоставлялось службе в городских или московских чинах.

Служилые люди, назначенные «в бытѣ», могли месяцами ожидать распоряжения Разряда отправиться «в ученье», еще дольше могли ожидать наряд на «службу к полкам»²². Некоторых бытейщиков отпускали на зимние месяцы «в свои дома и деревни», другим предписывалось оставаться в Москве. В 1706 г. 32 бытейщика «по высылкам не явились» к сроку в столицу [Там же. Л. 59]. О «бытѣ» как особом служебном статусе говорят и личные судьбы.

²⁰ За 1704–1705 гг. приведен черновой вариант подсчета. Подсчеты сделаны в «тетрадке маленькой в четверть», датированной 14 мая 1706 г. Согласно белой статистике, «бытейщиков прежних служб» – 262 чел., и 18 чел. от «боярского списка», из которых «в ученье» 67 чел.; нынешних (то есть за весну 1706 г.) – 70 бытейщиков, которые все «в ученье» и 20 бытейщиков из царедворцев, из которых «в ученье» 14 чел.

²¹ В 1707 г. поручик П. И. Мечев (сын жильца) был отправлен Военной канцелярией в Разряд «в команду капитана Шишкова в свидетельство научения солдатского артикула, будто оно артикула мало умею, в Разряде написан из поручиков в бытейщики, и в том же году послан был из Москвы с бытейщиками ж в Польшу в Вильну».

²² Так, в полки к Смоленску в мае 1706 г. наряжались бытейщики, выбранные «в бытѣ» в 1704–1705 гг. [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 150 об.].

Перед назначением на каждое воеводство выяснялись опыт и «службы» одного или нескольких претендентов. Челобитье на пост михайловского воеводы подал стольник Н. А. Ханыков. В приказе быстро навели справки о нем: «а в 705-м г. на смотре в Столовой полате он Микита был, а в бытѣ, и в начальные люди, и в приказы к делам никуда не отослан». «В бытѣ» Ханыков так и не попал, оставаясь до конца жизни в стольниках «без учения артикулу». Запись «в бытѣ» сообщала царедворцам новые условия службы: в полках регулярной армии или к выбору для обучения драгун и солдат «учения артикулу». Полтора десятка бытейщиков дьяки отправляли в «дневанье в Розряд» и ставили вопрос о возможности бытейщиков, негодных к полковой службе, высылать «к делам и посылкам» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 155].

В приказных документах говорится о «бытейщиках из житья», то есть из чина жильцов или о записи «из житья в бытѣ»²³. В «бытейщики» в разные годы набирали не только из царедворцев. Известны случаи набора солдат-бытейщиков и даже церковных дьячков. Не исключалось и возвращение бытейщика в прежний чин. На «разборе» Т. Н. Стрешнева в Москве у Тайницких ворот 5 марта 1706 г. трое жильцов были «выведены из бытейщиков»: у Д. Л. Волжинского «у левой руки два пальца оторвано ис фузеи», Н. А. Теприцкий был «за подучею болезнью», В. М. Ледицкий признан «малоумным». Было «велено им служить полковая служба, в которых они чинех преж сего были» [Там же. Л. 350].

Насколько же бытейщики, зачисленные Разрядным и Военным приказами, считали себя таковыми? Известно 29 сказок 1719–1721 гг., в которых армейские офицеры вспомнили о своем «бытѣ» в первые годы Северной войны. Согласно вышеотмеченной статистике, в 1704–1706 гг. в бытейщиках находились не менее 511 царедворцев, а также 85 «помещиков из городовых», расписанных по трем статьям. Выявлено пять заручных челобитных 1705–1706 гг. с самоименованием бытейщиков, «переведенных» из жильцов. В инскрипции каждой челобитной фиксируется: «в бытѣ» или «написан я в бытѣ». Первый опыт службы и текущий статус ассоциировались челобитчиком или со службой в московских чинах, или «в бытѣ», а дважды чин (жильца) не упоминается вовсе (Т. Ф. Кривцов, И. Д. Писарев). «Поручиком драгунского строю» именовал себя в подписи Л. М. Протасов. Самоименование с указанием чина было типично для офицеров также и в инскрипции сказок и челобитных. В одной из пяти ранних челобитных выделяется «рукоприкладство»: «вашего величества нижайший раб бытейщик Илья Дмитриев сын Писарев руку приложил». Подписавшийся жильцом Алексей Семенович Лопухин отметил в начале челобитной: «написан я в первую

²³ В данном контексте статус «житѣ», «из житья» обозначал список жильцов в статусе «полковой службы» – основного перечня жилецкого списка.

статью в бытейщики» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 76. Д. 30. Л. 854 об.; Д. 31. Л. 19, 143; Д. 39 Л. 39 об. –40; Оп. 3. Д. 76. Л. 168 об.].

Служилые, записанные «в бытье», удивительно быстро примерили на себя новые «звания». Поручик «из житья» Л. М. Протасов, выбранный бытейщиком, сообщал о себе:

...А в житье служил по прошлой 705 год, а по разбору в прошлом же 705-м году в Столовой полате написан в бытье, а быв, в ученье послан в скорых числах с Москвы... в Новгород (в полк П. М. Апраксина. – А. З.)... драгуном в первую роту поручником, а перед своею братьею чином обънижен, а котория моя братья из бытья к тому полку написаны в капитаны, многия в чину службою моложе... [Там же. Оп. 76. Д. 30. Л. 854 об.].

В новом качестве бытейщики под влиянием такой «корпоративной» психологии апеллировали к статусу своей «братии из бытья».

Таким образом, «бытье» предполагало перспективу «регулярства» и отделяло служилого человека от так называемой сотенной организации полков «бояр и воевод», состоявших из рот стольников, стряпчих, жильцов и городских дворян. Бытейщикам в офицерских чинах у «новонабранных» полков назначались и особые денежные оклады²⁴. Бытейщики формально не исключались из списков чинов «московских» и «городовых», но фактически приобретали новый служебный статус, ожидая записи «в учение артикулу», на регулярную службу или «где сказано будет впредь».

В четырех четвертях и трех статьях

Служебный путь московских «чиновных людей» лаконично выразил подьячий Посольского приказа Г. К. Котошихин: «а на Москве они, стряпчие и столники, живут для царских услуг, по полугоду, пополам; а другая половина, кто хочет, отъезжают в деревни свои до сроку» [Котошихин, с. 28]. Кроме этого, в течение всего XVII столетия выбиралась походная свита для сопровождения царя «в зимних и летних походах». В первые годы Северной войны часть людей, «живших для царских услуг», были назначены в армейские полки «в начальные люди» и в «учение ратному строю». Ежегодно на смотрах-разборах определяли отставных царедворцев. На разборе 1702 г. из 299 царедворцев, сказки которых сохранились, каждый десятый оказался ранен или получил увечья «под Ругодевом» (под Нарвой) и в других «свейских походах» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 47]. Возрастные «старые и дряхлые» служилые люди спешили подать челобитные об отставке. Однако при Петре I отставка не сулила

²⁴ С мая 1706 г. 60 бытейщикам, определенным к новонабранным солдатским полкам в Смоленск, устанавливалось жалование из доходов Разряда «по 4 рубли человеку» на год [РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 76. Л. 96–99, 150–154].

тишину и покой. Московские приказы ежегодно запрашивали 300–450 царедворцев²⁵ для назначения на воеводства, «в посылки» и «к делам» – для организации сбора даточных людей, провианта, недоимок, лошадей, охраны заповедных лесов, ямской службы, переписи имущества и для десятков других экстренных дел. Значительного резерва требовали и дворцовые нужды.

В 1703 г. состоялся «государев смотр» царедворцев. Царь, находившийся 27 января на Генеральном дворе в селе Преображенском, указывал об отставке людей, не способных к армейской службе. После этого смотра разрядные служащие расписали «по жилым четвертям» около 1200 отставных царедворцев, годных «к посылкам» для грядущих «дел» из московских приказов [РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 52. Л. 71–87, 162–167, 216–240]²⁶. Распределение «по половинам» или «по четвертям» практиковалось в XVII в. для различных нужд, в частности, для охраны царского дворца. В четверти могли записать и всех явившихся «к приезду» или на смотр из числа более общей совокупности «людей налицо (наличных)» – то есть формально годных к «полковой службе». Например, почти 5 тыс. «людей московских чинов», прибывших в сентябре–октябре 1682 г. на защиту государя в Троицкий монастырь, планировали расписать на четыре чети²⁷. К концу петровского царствования находились люди, помнившие о службе уже в других «жилых четвертях» при царевне Софье²⁸.

«Жилой четью», или «четвертью» в первые годы Северной войны приказные и служилые люди называли своеобразный наряд на службу и документ, по которому отставные назначались три месяца в год «жить на Москве». Для царедворцев определялись четыре именных перечня – «четверти» (январская, апрельская, июльская, октябрьская). Отныне отставные, записанные «в четвертях»²⁹, обязывались соблюдать свои «чети», как это коснулось жильца Ф. А. Волкова: «в 702-м г по челобитью ево, Федорову, и по осмо-

²⁵ Число рассчитано из статистики: по 20 приказам 1703 г. в посылках 175 чел. Не указаны Поместный приказ и еще два десятка приказов, которые в целом могли затребовать не менее 60 чел. Ежегодно в ротации воевод требовалось около 45 чел. В Ижорской канцелярии трудилось до 20 царедворцев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Вяз. 55. Д. 1. Л. 7–8 об.].

²⁶ Боярский список 1705 г. отразил сводный список служилых по всем «четвертям», но без жильцов. Ежегодно из отставных, набранных «в четверти», до 7 % бывали в отставные «по старости» или умирали.

²⁷ Численно предлагалось сформировать из 4 934 чел., прибывших к 22 октября, четыре чети по 1233–1235 чел. Например, в 1-ю четь определили 160 стольников, 146 стряпчих, 250 дворян московских, 679 жильцов [РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 645. Л. 34–36].

²⁸ Прапорщик «из житья» И. П. Норов упоминал в 1720 г.: «во 191-м году был на службе в Троицком походе в полку... Шеина, и за всемирную радость с польским королем в Москве жилые четверти жил» [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные, с. 1025].

²⁹ Также существовал отдельный перечень отставных «для совершенные их старости и дряхлости», которые освобождались от службы «в четвертях».

тру в Аптекарском приказе за болезнью ево от полковые службы он отставлен и с отставными написан в жилую генварскую четверть». В начале апреля жилец Волков был волен выехать из столицы в свои имения до следующего года. За пропуск «прошлогодкой четверти» отставным грозила отписка всех поместий. Искупить нетство могла челобитная служилого, одобренная Разрядом, о переносе «четверти» на другой срок. В 1708 г. несколько царедворцев просили вернуть свои имения за пропуск своей службы «в четьях» или «за неты отца в четверть» [РГАДА. Ф. 210. Оп. 76. Д. 1. Л. 339–341; Д. 21. Л. 221; Д. 26. Л. 42, 53; Д. 29. Л. 36, 42; Д. 31. Л. 32; Д. 47. Л. 188].

Введение «четвертей» не затронуло царедворцев, которые по различным причинам оставались вне армейской службы, будучи годными к «полковой службе». Одни приписывались на долгие сроки к приказным «делам», а другие возвращались из полков и «походов» в свои имения. Поэтому правительство регулярно созывало смотры московских и других чинов. В начале 1706 г. перед Разрядом ставилась задача выяснить «наличный» состав оставшихся царедворцев для рекрутирования на службу³⁰. За весну почти полторы тысячи царедворцев и 85 городских дворян были разделены на три статьи под «азом», «веди» и «глаголем». Боярин Т. Н. Стрешнев докладывал царю, что к середине мая 1706 г. удалось созвать из уездов и столицы 1 424 чел.: «ис того числа выбрано в первую статью 320 и тех учат. Второй статьи 677 ч. в ученье не годятца, а в роты рописать мочно, толко надобной службы не надежны. Третьей статьи 427 ч. устарели и увечные».

«Учение артикулу» происходило, как у бытейщиков³¹, которых также отправляли к полкам в Смоленск³². Вновь обошли смотр больные и немощные нетчики и «огурщики». «Из новокрещенов, мурз и татар на службах и ныне на смотре многие не были», будучи возрастными. По новокрещенам подьячие выписали, «сколько за ними поместей, а ныне (на службу – А. 3.) не посылать» [Там же. Оп. 3. Д. 76. Л. 155]. Служилые из «третьей статьи» обязывались поставить одного конного рекрута с 50 дворов, но через полгода с записанных во вторую и третью статьи взымали деньги вместо службы. Перевод человека из одной статьи в другую допускался по заручным сказкам и челобитным.

³⁰ Царь и князь А. Д. Меншиков требовали от Т. Н. Стрешнева заранее дополнить его для высылки к Смоленску и Брянску новыми силами. В Москву были вызваны проживавшие до 200 верст к Брянску городские дворяне, а далее – по выборке нескольких городов и недоросли – дети царедворцев.

³¹ Подпоручик О. В. Ларионов в 1720 г. излагал в своей сказке: «а в Москве написан в службу из Разряда... в 706-м г во вторую статью в драгуны в полк... князя Ивана Львова, и был в учении до 708 году» [Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая, с. 2120].

³² Часть из 1 статьи отправлялась в Смоленск, из 2 статьи – в Брянск. Решение варьировалось, прибывшие в города отправились обратно в Москву, что вызвало необходимость январского смотра 1707 г.

* * *

В своих указах и переписке Петр I, пытаясь лаконично заменить тяжеловесные канцелярские формулы в перечислении служилых чинов, прибегал к неологизмам. В 1690-е гг. в дворцово-речевой лексике закрепилось слово «царедворцы», обозначавшее людей московских чинов, которое с тех пор не покидало речь царя. К началу нового столетия через переписку и дипломатические каналы некоторые думные люди и царедворцы заимствовали яркие эпитеты и слова, производные от полонизма «шляхта». Возникшее на основе этих фразеологизмов слово «шляхетство» царь искусственно насаждал для обозначения русских ратных и служилых чинов.

Практически забытая семантика слов, обозначавших служебные категории царедворцев, позволяет лучше понять их социальную идентификацию в ту эпоху. Распределение людей московских чинов в начале Северной войны по четвертям и статьям воспроизводило традиционные разрядные приемы, чтобы ранжировать порядок службы и определить степень годности «чиновных» людей. Определение царедворцев по служебным категориям показывает их массовое рекрутирование на «полковую службу» и к гражданским делам. За несколько месяцев до начала Северной войны более 900 чел. были назначены в «начальные люди», а через несколько лет около шести сотен «набранных вновь» могли также идентифицировать себя как бытейщики. Около 1700 царедворцев служили «в четвертях», не менее 1500 чел. – «в статьях», около 700 чел. ежегодно находилось в уездах по делам московских приказов. Запись царедворцев по четвертям и статьям действовала до внедрения губернской реформы в 1710 г. Судя по переписке и пометам на приказной документации, Петр I и его ближайшее окружение очень хорошо представляли устройство московской системы рекрутирования, обладая подробной статистикой о «чиновных» подданных. При сохранении базовых принципов служебного набора через смотры и наряды предпочтение было отдано европейскому принципу устройства чинов.

Список литературы

Волков С. С. Стилевые средства деловой письменности XVII века: на материале челобитных. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 342 с.

Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. СПб. : Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1912. Вып. 1, кн. 4. 607 с.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д. А. Редина. СПб. : Алетей, 2018. 722 с.

Желябужский И. А. Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / [предисл. Д. Языкова]. СПб. : Тип. Имп. Рос. акад., 1840. 314 с.

Захаров А. В. «Генеральный смотр» дворянства 1721–1723 гг.: история организации и результаты // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 167–182. DOI 10.24888/2410-4205-2020-25-4-167-182.

- Колосов Е. Е.* Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве // Археографический ежегодник за 1963 г. М. : Наука, 1964. С. 106–114.
- Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 3-е изд. СПб. : Изд. Археогр. комиссии, 1884. 196 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. : Династическая история сквозь призму антропонимики. М. : Индрик, 2006. 904 с.
- Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. : (По материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999. 299 с.
- Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска : сб. док. : в 2 т. / сост. К. В. Татарников. М. : Старая Басманная, 2016. 1731 с.
- Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия : сб. док. : в 2 т. / сост. К. В. Татарников. М. : Старая Басманная, 2015. 2754 с.
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб. : Тип II Отд. С. Е. И. В. К., 1851–1871. Т. 8. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. С 1695 по 1699 год. 799 с. Т. 10. Памятники дипломатических сношений с Папским двором и с италианскими государствами. С 1580 по 1699 год. 928 с.
- Письма и бумаги императора Петра Великого : в 14 т. М. ; Л. : Наука, 1888–2022. Т. 1. 888 с. Т. 4, [вып. 2]. С. 523–1259. Т. 12, вып. 1. 588 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 4.
- РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 32, 44, 46–60; Оп. 3. Д. 66, 72, 73, 76; Оп. 6. Д. 176; Оп. 76. Д. 1, 21, 26, 29, 30–32, 39; Оп. 21. Д. 1179; Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Д. 16. Ч. 1; Ф. 394. Оп. 1. Д. 328.
- РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2144; Ф. 490. Оп. 2. Д. 9.
- Романович-Словатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1870. 564 с.
- Pêcheux M.* L'inquietude du discours / ed. D. Maldidier. Paris : Éd. des Cendres, 1990. 332 p.
- Skinner Q.* Language and Social Change // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / ed. by J. Tully. Oxford : Princeton, 1988. P. 119–132.

References

- Kolosov, E. E. (1964). *Novye biograficheskie materialy o V. N. Tatishcheve* [New Biographical Materials about V. N. Tatishchev]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g.* Moscow, Nauka, pp. 106–114.
- Kotoshikhin, G. K. (1884). *O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha* [On Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich]. 3rd Ed. St Petersburg, Izdanie Arkheograficheskoi komissii. 196 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. (2006). *Výbor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The Choice of the Names of Russian Princes in the 10th–16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik. 904 p.
- Marasinova, E. N. (1999). *Psikhologiya elity rossiiskogo dvoryanstva poslednei treti XVIII v. (Po materialam perepiski)* [Psychology of the Elite of the Russian Nobility of the Last Third of the 18th Century (Based on Letters)]. Moscow, ROSSPEN. 299 p.
- Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi v 10 t.* [Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign States. 10 Vols.]. (1851–1871). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 8. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Rimskoyu Imperieyu. S 1695 po 1699 god. 799 p. Vol. 10. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Papskim dvorom i s italianskimi gosudarstvami. S 1580 po 1699 god. 928 p.
- Pêcheux, M. (1990). *L'inquietude du discours* / Ed. by D. Maldidier. Paris, Éd. des Cendres. 332 p.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 14 t. [Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. (1888–2022). Moscow, Leningrad, Nauka. Vol. 1. 888 p. Vol. 4. [Iss. 2], pp. 523–1259. Vol. 12. Iss. 1. 588 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 4.

Redin, D. A. (Ed.). (2018). *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Boundaries and Markers of Social Stratification in Russia of the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St Petersburg, Aleteiya. 722 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 210. List 2. Dos. 32, 44, 46–60; List 3. Dos. 66, 72, 73, 76; List 6. Dos. 176; List 7b. Dos. 1, 21, 26, 29, 30–32, 39; List 21. Dos. 1179; Stock 199. List 1. No. 130. Part 16. Part 1; Stock 394. List 1. Dos. 328.

RGVIA [Russian State Military Historical Archive]. Stock 489. List 1. Dos. 2144; Stock 490. List 2. Dos. 9.

Romanovich-Slovatinskii, A. V. (1870). *Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava* [The Nobility in Russia from the Early 18th Century to the Abolition of Serfdom]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 564 p.

Skinner, Q. (1988). Language and Social Change. In Tully, J. (Ed.). *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Oxford, Princeton, pp. 119–132.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2015). *Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya. Sbornik dokumentov v 2 t.* [Officers' *skazki* of the First Quarter of the 18th Century. Field Army. Collection of Documents. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. 2754 p.

Tatarnikov, K. V. (Ed.). (2016). *Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Garnizonnye voiska. Sbornik dokumentov v 2 t.* [Officers' *Skazki* of the First Quarter of the 18th Century. Garrison Troops. Collection of Documents. 2 Vols.]. Moscow, Staraya Basmannaya. 1731 p.

Volkov, S. S. (2006). *Stilevye sredstva delovoi pis'mennosti XVII veka: na materiale chelobitnykh* [Stylistic Means of Business Writing of the 17th Century: Based on the Material of Petitions]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 342 p.

Volynskii, N. P. (1912). *Postепенное развитие russkoi regul'yarnoi konnitsy v epokhu Velikogo Petra s samym podrobnym opisaniem uchastiya ee v Velikoi Severnoi voine* [The Gradual Development of the Russian Regular Cavalry in the Era of Peter the Great with the Most Detailed Description of Its Participation in the Great Northern War]. St Petersburg, Tipografiya tovarishchestva A. S. Suvorina "Novoe vremya". Part 1. Book 4. 607 p.

Zakharov, A. V. (2020). "General'nyi smotr" dvoryanstva 1721–1723 gg.: istoriya organizatsii i rezul'taty ["General Inspection" of the Nobility of 1721–1723: History of Organisation and Results]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. No. 4, pp. 167–182. DOI 10.24888/2410-4205-2020-25-4-167-182.

Zhelyabuzhsky, I. A. (1840). *Zapiski Zhelyabuzhskogo s 1682 po 2 iyulya 1709* [The Notes of Zhelyabuzhsky from 1682 to July 2, 1709] / preface by D. Yazykov. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi akademii. 314 p.

The article was submitted on 18.10.2021

Подъясние казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта*

Алевтина Сафронова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions

Alevtina Safronova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Clerks working at state plants of the Urals during the 1720s constituted a social stratum. The number of clerks was growing considerably due to the intensive construction of plants, the opening of several plants a year, the rapidly expanding system of management bodies of the mining department, and the increase in the flow of documentation. One of the peculiarities of the formation of the corps of clerks in the mining department was extensive regulation of their behaviour and working activities. Vasily Tatishchev did it through his orders to the factory commissar in 1721 and 1723, which revealed his talent as an administrator. Referring to these documents and archival sources, the author conducts a comprehensive examination of the position of Ural clerks in the 1720s describing their number, the difficulties of forming their staff, working hours, salaries, the system of punishment, living conditions, and other components of their everyday life. The author demonstrates that the clerks' workload grew constantly as specialists were scarce while the number of documents increased. Plants had difficulty replenishing their staff as province and uyezd civil institutions refused to share their specialists with mining administrations. The author concludes that working conditions for clerks kept deteriorating drastically as higher and central bodies demanded that they draw up and send reports on the operation of the

---

* *Citation:* Safronova, A. (2022). State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712.

Цитирование: Сафронова А. State Factory Clerks in the Urals in the Petrine Era: Recruitment and Working and Living Conditions // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712 / Сафронова А. Подъясние казенных заводов Урала в Петровскую эпоху: формирование контингента, условия труда и быта // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 976–990. DOI 10.15826/qr.2022.3.712.

plants, introduction of plants of new kinds, forms, and changes in the dispatch times. Finally, the author characterises instances of pay checkages caused by the clerks' inability to draw up reports on time. Also, they were at times deprived of half of their payments or kept under surveillance and chained until they completed urgent work.

Keywords: Urals, state plants, clerks, daily life, salary, working hours

Подьячие, трудившиеся на казенных заводах Урала в течение 1720-х гг., составляли особую социальную страту. Интенсивное строительство заводов, вводимых в строй по нескольку в год, быстро разраставшаяся система органов управления горного ведомства, увеличение потока самой документации требовали все большего количества канцелярских служащих. В качестве особенностей формирования корпуса подьячих горного ведомства можно выделить широкую регламентацию их поведения и служебной деятельности В. Н. Татищевым в наказах заводскому комиссару 1721 и 1723 гг., в чем проявился его особый талант как администратора. На основе анализа этих документов и архивных источников в статье впервые предпринимается попытка комплексного изучения положения уральских подьячих в 1720-е гг.: их численности, трудностей формирования их состава, продолжительности рабочего дня, размеров оплаты труда, системы наказаний, жилищных условий и других составляющих их повседневной жизни. Раскрывается все возрастающая интенсификация труда подьячих горного ведомства ввиду хронического недостатка нужного числа специалистов, увеличения объемов самой документации и сложностей с пополнением их состава из-за отказов губернских, провинциальных, уездных гражданских органов поделиться своими кадрами с органами управления горного ведомства. Делается вывод об усилении экстремальных условий труда подьячих из-за постоянных требований со стороны высших и центральных органов о составлении и присылке тех или иных отчетных документов о деятельности заводов, введении их новых разновидностей, форм, об изменениях сроков отправки продукции. Характеризуется практика удержания жалованья у подьячих ввиду несоставления в срок ведомостей для отсылки в центр, выдачи им половинного жалованья, содержания под караулом скованными до окончания срочной работы.

Ключевые слова: Урал, казенные заводы, подьячие, повседневность, оплата труда, продолжительность рабочего времени

В 1720 г. капитан В. Н. Татищев, возглавивший экспедицию на Урал для строительства заводов и поиска руд, по собственной инициативе сразу же по прибытии создал местный орган управления казенными заводами – Канцелярию горных дел в Кунгуре (1720), Сибирское горное начальство в Уктусе (январь 1722), в марте переименованное в Сибирское вышнее начальство. После назначения В. И. Геннина главой заводов постепенно утвердилось новое название – Сибир-

ский обер-бергамт. Это было первое управление горного ведомства, созданное на региональном уровне в России и ведавшее Уктусским, Алапаевским, а с 1723 г. Каменским заводами. Быстрыми темпами вводились в строй новые предприятия: в 1723 г. – Екатеринбургский, Егошихинский, Пыскорский, Лялинский заводы, в 1724 г. – Полевской и Синячихинский, в 1725 г. – Верхне-Уктусский (Елизаветинский), в 1726 г. – Верх-Исетский, в 1733 г. – Сысертский (императрицы Анны). При них создавались свои конторы во главе с управителями, начали действовать Земская контора в Екатеринбурге и четыре земских конторы, возглавлявшие дистрикты – Арамилский, Каменский, Камышловский и Невьянский, ведавшие тысячами приписных к заводам крестьян, обрабатывавших подушную подать. Весь этот разраставшийся и не раз перестраивавшийся аппарат обслуживали десятки, а в начале 1730-х гг. уже более сотни подъячих, не считая служителей земских контор.

Вопросы организации управления заводами 1720-х гг. затрагивались многими историками, но только отдельные авторы коснулись проблем обеспечения системы органов управления кадрами подъячих, их жалованья. Наиболее фундаментальные данные об источниках формирования кадров подъячих канцелярий губернского, провинциального уровня и горнозаводского ведомства на Урале в первой четверти XVIII в. приведены в монографии Д. А. Редина, в ней раскрыта борьба за квалифицированных работников между ними, затронут вопрос об оплате жалованья и сделан вывод: «Чудовищные “ножницы” между объемом делопроизводства и скудным канцелярским потенциалом – одна из главных проблем, влиявших на качество управления в Петровскую эпоху» [Редин, с. 480–484, 455, 440].

Э. А. Пензин привел сведения о числе подъячих в повятях Сибирского обер-бергамта в 1727, 1729 гг., фамилии подъячих, возглавлявших их, данные о длительности их рабочего дня, типовых размерах жалованья на 1729 г., сопоставил число служащих Сибирского обер-бергамта и коллегий (82 чел. против 50–60 в штате центральных органов управления) [Пензин, 1976, с. 136, 138; Пензин, 1986, с. 116–118]. Мы показали широкое использование выпускников школ в качестве копиистов, писцов, особенности оплаты их труда, затронули вопрос об источниках формирования корпуса подъячих горного ведомства в первой трети XVIII в. [Сафронова, 2015; Сафронова, 2020]. М. А. Киселев раскрыл историю строительства дома уктусским подъячим А. И. Гобовым и источники его доходов [Киселев]. Некоторые интересные факты, касающиеся подъячих, привел Н. С. Корепанов [Корепанов, с. 166, 221, 259].

Поскольку складывавшаяся с 1720 г. система регионально-отраслевого управления на Урале являлась уникальной для России, особое значение приобретает изучение корпуса подъячих, обслуживавших эту систему. Важно представлять темпы роста численности подъячих на горнозаводском Урале, регламентацию их деятельности,

источники комплектования, размеры жалованья, длительность рабочего дня, степень интенсификации труда, условия жизни. Все эти вопросы являются предметом нашей статьи, первой, посвященной подьячим 1720-х гг. – периода формирования системы управления казенными заводами.

Источниками работы послужили Генеральный регламент 1720 г., указы Берг-коллегии, указы заводским комиссарам 1721 и 1723 гг., регламентировавшие и труд подьячих, заводские штаты, таблицы приказных служителей, протоколы заседаний Сибирского обер-бергамта, просматривавшиеся полистно, доношения начальников заводов В. Н. Татищева и В. И. Геннина в центр.

Генеральный регламент, подписанный Петром I в феврале 1720 г., наряду с введением нового порядка делопроизводства в учреждениях ввел и новые названия должностей служащих канцелярий и контор: вместо старого, среднего, молодого подьячего – секретарь, нотариус, переводчик, актуариус, регистратор, канцелярист, копиист. Были расписаны и их обязанности [ПСЗ-1, т. 6, № 3534]. В. Н. Татищев получил перед отъездом на Урал десять экземпляров этого законодательного акта и успешно внедрял его нормы одновременно с коллегиями, но новые названия должностей канцелярских служащих, как будет показано ниже, были окончательно введены лишь в 1729 г. Это неудивительно: термин «подьячие» употреблялся в законодательстве России вплоть до середины XVIII в.¹

Прежде всего рассмотрим то, как работа подьячих регламентировалась местными нормативными актами, первыми из которых стали указы заводскому комиссару, разработанные Татищевым в 1721 и 1723 гг. В них целый ряд норм касался организации деятельности подьячих, их статуса, повседневной жизни. В удаленном от центра регионе нужда в грамотных людях была особенно острой, и подьячие представляли для горной власти особо ценную категорию населения. Согласно наказу 1721 г. их, как и мастеров, комиссару запрещалось наказывать батогами, решать вопрос о наказаниях должно было Горное начальство. Лишь во время отъезда начальства подьячего могли наказать сообща комиссар, казначей и шихтмейстер, если из-за его пьянства «явится остановка» в делах, – заковав «в железа», заставить отработать за день пьянства три дня без жалованья. За «малые преступления» разрешалось «наказывать железами, работою принужденною и малым вычетом денег» [Татищев, с. 54].

Подьячего, уличенного в воровстве писем или припасов, предписывалось посадить под караул и донести начальству, «ибо такая великого наказания подлежат». Преступлением по должности считалось взимание платы «с кого за работу за государево дело» или затягивание подготовки документа к слушанию. Наказом 1721 г. подьячим запрещалось править текст путем «чернения и чищения», полагалось

---

¹ См. «Реестр алфавитный»: [ПСЗ-1, т. 42, ч. 1, с. 871–872].

вставить пропущенное слово, и за подобные описки полагался штраф 5 коп., «дабы более хранились» [Татищев, с. 54].

Новым наказом заводскому комиссару 1723 г. расширялся перечень их наказаний. За пьянство и леность старые подьячие подлежали наказанию «железами и цепью или вычетом жалованья вдвое»; средним подьячим полагалось «кованье и большое держанье за караулом или заводская работа несколько дней»; молодых разрешалось наказывать «кованьем, тяжкою работою, вычетом дневным жалованья и батогами, или по неколику часов приковав у столба в гулящей день» [Там же, с. 70, 72].

Если подьячим предоставлялось казенное жилье, они обязывались содержать его в порядке, чистоте, «починивать». В противном случае предписывалось «оных из двора высылать и велеть... построить свой двор или тот же починить ис казны», вычтя затраты на это из жалованья. Примечательно, что при размещении чужих людей на постой полагалось использовать квартиры заводских учеников, работников, подмастерьев, мастеровых и «напоследок подьяческих», то есть в этом отношении они имели определенную привилегию. В поездках «для государева дела» подьячим разрешалось брать по одной подводке, на расстояния ближе 24 верст ездить «на своих лошадях», использование казенных лошадей для личных поездок возмещать «вчетверо» [Там же, с. 73–74, 94].

В четырех специальных статьях наказа 1723 г. излагались меры борьбы с пьянством: комиссару надлежало надзирать, чтоб подьячим и мастеровым «в корчмах во время работное до пьяна пить не давали», просьбы налить еще предписывалось «не слушать», если кто захочет «с собою взять, оным давать в дома не больше, как на 6 копеек, а пьяному отнюдь не продавать под штрафом за прогул упившегося дневной зарплаты». Запрещалось «приказным и ремесленным людям пиво, медов и вин в домех... варить под потеряннем на месяц жалованья», поскольку, наварив, они «отстать не хотят, пока всего не выпьют». Лишь управителям и старым подьячим «пива, меду, вотку простое и табак в доме держать и позволяетца, однакож отнюдь не продавать» [Там же, с. 90].

Новый наказ усиливал наказание за пьянство: за приход подьячего или мастерового «к своему делу» пьяным в первый раз полагался вычет из жалованья за два дня, во второй раз – за четыре, за третий приход в течение недели предписывалось на месяц жалованья лишить «и жестоко наказать». За порчу имущества в пьяном виде, «хотя малое что повредит», жалованье понижалось на «степень или две». Вводилось и наказание за непристойное поведение в пьяном виде в общественном месте: если «будет по улице кричать, песни петь, сквернословить или упадет на улице, уснет, оных за первой раз заставлять работать безденежно в железах два, за другой раз – четыре, за третьей – шесть дней»; заработанные деньги «против катаржных», по 3 коп. в день, записывать на богадельню [Там же, с. 91].

Генеральный регламент не устанавливал норм рабочего времени подьячих. При казенных заводах Урала эти нормы были введены наказом 1723 г., причем они дифференцировались в соответствии со временем года. По сути, подьячие, как и мастеровые, должны были трудиться от темна до темна. Летом, с середины мая по август – 14 часов (с четырех утра до восьми вечера, обед – с 11 до часу дня); зимой, с середины ноября до середины февраля, рабочий день длился десять часов (с семи утра до шести вечера, перерыв с 11 до 12 часов). Весной и осенью полагался 12-часовой рабочий день (с шести утра до семи вечера, перерыв с 11 до 12). Правда, было и 37 праздничных дней, в том числе пять светских (Новый год, рождение императора Петра I, его коронавание, тезоименитство его и императрицы), остальные праздники – религиозные [Татищев, с. 80–81]. Нам неизвестен другой пример специальной регламентации работы подьячих на местах в первой четверти XVIII в.

Как показал Д. А. Редин в своем исследовании, комплектование канцелярских работников ведомственных учреждений в целом проводилось «по единой схеме – за счет перевода подьячих из канцелярий общего управления в канцелярии специального управления». Без этого не могло поначалу обойтись и горное ведомство, с 1720-х гг. оно единственное начало «подготовку собственных канцелярских кадров через специальную систему образования» [Редин, с. 425, 427, 429]. Но выпускники школ годились для заполнения мест писчиков, а опытных работников можно было заполучить лишь из губернских, уездных, провинциальных или городских учреждений. В «Табели служителей Сибирского горного высшего начальства с их оклады», отправленной в центр в ноябре 1723 г., в отношении нескольких подьячих указывалось, откуда они взяты: подьячий Петр Клушин, подканцелярист Берг-коллегии, прибыл с Татищевым в 1720 г.; «молодые» Феоктист Кузнецов и Никита Седачев – «из здешних», Яков Мещеряков – «из солдат»; «средний» подьячий конторы Екатеринбургского завода Евдоким Костромин был «взят с Кунгура», писчик Трофим Попов – «из школы» [Геннин, 1995, с. 162, 163]. Всего в Табели начальства числилось 20 подьячих и 11 писчиков, но отсутствовали данные с Пысгора и от советника М. Михаэлиса; при Земской конторе и дистриктах Арамилском, Алапаевском, Каменском, Камышловском и Невьянском трудилось 16 делопроизводителей. При этом отмечалось: «В дополнение по крайней мере потребно»: секретарь, двое старых подьячих, по 4 средних и молодых» [Там же, с. 160–166]. Таким образом, уже в ноябре 1723 г. в горном ведомстве имелось около 50 подьячих и требовалось еще 11.

Согласно первым заводским штатам, разработанным в ноябре же 1723 г. и отправленным в Берг-коллегию, при пяти заводах (Екатеринбургском, Уктусском, Лялинском, Пысгорском и Егошихинском) только у обслуживания плавильных печей полагалось иметь 16 подьячих, в Горном начальстве и заводских конторах, включая Чусовскую

пристань, числилось 45 подьячих. О подьячих земских органов делалась отсылка к первой табели, по которой их насчитывалось 16, с оговоркой «по которой надлежит впредь быть» [Геннин, 1995, с. 167–192].

Горные власти указами именными, Сената, Берг-коллегии получили право требовать подьячих от губерний и провинций и пользовались этим правом, по сути, ежегодно: просили присылки их из канцелярии Сибирской губернии, канцелярий Тобольской, Вятской, Соликамской провинций, из Верхотурья, из магистрата Вятки, причем зачастую требовали прислать конкретных людей, в том числе ссыльных, но чаще всего получали отказы. Так, в 1723 г. из канцелярии Соли Камской ответили, что у них «подьячих самое малое число, а дел множество», и из-за затягивания сроков решения дел «на управителях правят штрафы немалыя» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 60]. Часть подьячих направлялась на заводы на определенный срок и должна была заменяться другими, и в этих случаях провинциальные власти затягивали обмен. Отметим, что указом Берг-коллегии от 14 февраля 1726 г., полученным 14 апреля, все подьячие, включенные в список обер-бергамтом, были освобождены от уплаты подушного оклада [Там же. Оп. 12. Д. 193. Л. 108], что имело немаловажное значение для закрепления опытных подьячих в составе горного ведомства. Но споры между органами гражданской власти и горным ведомством в отношении подьячих продолжались на протяжении 1720-х гг., горные власти жаловались в Берг-коллегию, апеллировали и непосредственно к императорской власти [см. об этом: Сафронова, 2020, с. 355–361].

Порой горному ведомству отправляли подьячих далеко не лучших. Так, Г. Беляев трудился копиистом на заводе цесаревны Елизаветы с августа 1727 г. по сентябрь 1729 г., а потом «за старостию, и болезнию, и за необычностью быть негоден», пять лет провел не у дел, только в 1734 г. был отпущен к родным в Москву [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 215. Л. 261–261 об.]. Не случайно в январе 1727 г. Геннин просил Екатерину I прислать «до 12 человек подьячих трезвых, понеже в том состоит самая при заводах нужда, а взят их негде, и отсюда в том отказано» [Геннин, 1995, с. 386]. Канцелярских служителей постоянно не хватало, хотя в 1732 г. Геннин сообщал Берг-коллегии: «у всех горных и заводских дел подьячих имеется со 130 человек» [Корепанов, с. 221].

Согласно Табели 1723 г., самое высокое жалованье среди приказных имел подканцелярист Петр Клушин – 60 руб., средние подьячие – 24 руб., молодые – 18 руб., писчики – 12 руб. в год (с учетом хлебного). При заводской конторе один из писчиков «из школы» имел лишь 9 руб. На Алапаевском заводе жалованье у молодого подьячего было 9 руб., а у писчика – 8 руб.; на Каменском же писчик имел 10 руб. На Егошихинском заводе средний и молодой подьячие получали по 15 руб., два писчика – по 10 руб. На Лялинском заводе и Чусовской пристани числилось по одному подьячему с окладами 18

и 15 руб. [Геннин, 1995, с. 162–165]. Таким образом, оплата труда подьячих дифференцировалась не только в соответствии с должностью, но и в зависимости от объема документирования: на заводах, где объем выполняемых дел был меньше, ниже была и оплата труда. Среди служащих земских контор более высокие оклады были положены приказным Екатеринбургской земской конторы: у писаря – 45 руб., у среднего подьячего – 24, у молодого – 18, у писчика – 12 руб. В каждом из четырех дистриктов числилось по трое служителей – средней руки, молодой и писчик – с жалованьем по 12, 9 и 7 руб. 50 коп. соответственно [Там же, с. 164–165].

Но, как свидетельствуют документы, жалованье при новых назначениях против штатов 1723 г. нередко уменьшалось. Так, среднему подьячему Аистову в обер-бергамте, как и другому, переведенному из заводской конторы, дали 20 руб. вместо 24; писчику, подьяческому сыну Петрову – оклад «вполь» 6 руб. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 67 об.] Особенно экономии на школьниках. Выпускники первых арифметических школ горнозаводского Урала – Уктусской (1721–1724), Кунгурской (1721–1725), Екатеринбургской (с 1724 г.) – в качестве писчиков получали оклады гораздо меньшие². При новом Егошинском заводе в 1724 г. за писчика в канцелярии числился Леонтей Попов, в плавильне – Осип Хлопин из кунгурских, жалованье на обоих – 18 руб. в год [Там же. Оп. 1. Д. 26. Л. 114–115]. Согласно Табели 1726 г., в конторе Екатеринбургского завода трудился за среднего молодой подьячий Трифон Попов из школьников, «церковного дьячка сын», с окладом 18 руб. вместо 30; молодыми подьячими с теми же окладами были Петр Зверев «из вяцких подьячих» и Федор Аистов «ис каменных мастерских детей» [Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–39].

В сентябре 1726 г. в Уктусскую контору был отправлен школьник Гаврила Токарев, но только в марте 1727 г. она поставила перед обер-бергамтом вопрос о жалованье, и ему дали половинное жалованье писчика, 50 коп. в месяц, «понеже он должность действительного подьячева за необыкновением и небытием у таких дел управить еще не может» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 266; Д. 195. Л. 176]. Даже на должность подьячего «к счетам» в Алапаевскую заводскую контору в феврале 1728 г. отправили ученика Ивана Широкого с окладом 6 руб. в год вместо 12 руб. В октябре 1729 г. указом обер-бергамта были определены копиистами «к счетным делам» сразу десять учащихся арифметической школы с жалованьем по 6 руб. в год. В марте 1730 г. трем из них оклады повысили до 12 руб. [Там же. Д. 196. Л. 61 об. – 62; Д. 203. Л. 132 об.; Д. 205. Л. 355].

Новые названия должностей канцелярских служащих, введенные Генеральным регламентом 1720 г., на горнозаводском Урале официально утвердились «Штатом о приказных служителях» от 15 июля

---

² Для подьячих важно было знание чисел, умение считать, поэтому из словесных школ к письменным делам не распределяли.

1729 г.: это секретарь, протоколист, канцелярист, подканцелярист, копиист [ГАСО. Д. 13. Л. 1а – 12]. Правда, из центра прибыли в начале 1720-х гг. при новых должностях подканцелярист Берг-коллегии Петр Клушин и секретарь Матвей Ловзин; в 1725 г. подьячий обер-бергамта Феоктист Кузнецов стал канцеляристом, а с января 1728 г., после смерти Ловзина, секретарем; в 1727 г. подписывал документы как подканцелярист Иван Аистов [Геннин, 1995, с. 121, 162, 418; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Пензин, 1986, с. 118]. Штат о приказных служителях разрабатывался на основе указа Сената, объявленного Геннину указом Берг-коллегии от 18 сентября 1728 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 34. Л. 120], видимо, поэтому он и отличался новизной и представлял собой самостоятельный документ. Штат разрабатывали члены обер-бергамта А. Томилов и С. Неелов, но дальнейшая судьба этого документа нам пока не известна.

В штате 1729 г. не только фигурируют новые названия должностей приказных при всех заводах и конторах дистриктов, но и приводятся подсчеты должностных окладов: секретарю обер-бергамта – 240 руб. в год, протоколисту – 180, канцеляристу, подканцеляристу и копиисту – 120, 80 и 30 руб. соответственно. На момент составления штатов (согласно графе «Ныне налицо») оклады были другими: у секретаря – 99 руб. 90 коп., у протоколита – 80, у канцеляриста – 30, подканцеляриста – 18, у копиистов – 9, 10, 12 руб. Согласно штату 1733 г., секретарь обер-бергамта получал 120 руб., протоколист – 80, канцелярист – 70, подканцелярист – 35, копиист – 18 руб. [Геннин, 1937, с. 95–97]. Выше этих сумм жалованье у канцелярских служителей 1720-х гг. не поднималось.

Д. А. Редин сделал убедительный вывод о том, что «рост численности кадров в значительной мере отставал от роста объемов документооборота, что стало особенно очевидно в период больших реформ 1720-х гг.» [Редин, с. 456; см. также: с. 425, 427, 429]. В условиях постоянной нехватки нужного числа подьячих их работа при казенных заводах на протяжении 20-х гг. XVIII в. расценивалась как срочная и проходила в экстремальных условиях. Другой причиной этого являлись и все возрастающие требования вышестоящих органов, прежде всего Берг-коллегии, о присылке отчетных документов, причем с постоянными нововведениями в отношении их содержания и формы. В 1725 г. все конторы трудились над составлением счетов и рапортов о работе заводов с 1722 г., то есть с момента прибытия на Урал В. И. Генина. Берг-коллегия своим указом от 18 мая 1725 г. запретила давать жалованье подьячим до их сочинения [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 159 об.]. В октябре 1725 г. по указу Берг-коллегии и промемории Штатс-конторы начальство распорядилось учитывать выдачу денег «с ясною запискою», Казенной конторе рапортовать в Сибирский обер-бергамт «помесячно краткою табелью», собрать со всех заводов ведомости о размерах прибыли и расходов за 1725 г. и прислать в Берг-коллегию [Там же. Л. 101].

Постепенно устанавливались требования к составлению документов учетного характера по определенной форме. Поэтому Сибирский обер-бергамт дважды требовал от Московского обер-бергамта прислать Морской устав 1720 г. и Адмиралтейский регламент 1722 г. [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 104 об.]. Они прибыли в Екатеринбург, видимо, 19 ноября 1725 г. с Генниным, вернувшимся из столицы, и в этот же день было приказано счетные выписки подготовить по формам Адмиралтейского регламента и о том ко всем «плавильным делам» послать копии. На третий день, 22 ноября, обер-бергамт предписал во все команды послать указы, чтобы сочиняли «с поспешением» и рапортовали помесечно, сколько каких рапортов сделано, на скольких тетрадах, почему еще остаются несочиненные, то есть и местное начальство в целях контроля вносило свою лепту в увеличение потока документации.

В Берг-коллегию документы отправлялись по мере готовности, в зависимости от этого выплачивалось и жалованье. 29 сентября 1725 г. по прошению подьячих обер-бергамта предписывалось выдать им жалованье денежное и хлебное за август и сентябрь, поскольку «годовые репорты о людях сочинены и посланы в коллегию, и поданные репорты ис подчиненных команд с формами освидетельствованы и посланы ж». 17 декабря 1725 г. подобным же образом разрешили выдачу жалованья подьячим у плавильных дел Екатеринбургского и Полевского заводов: счета и рапорты были сочинены по 1724 г., отправлены в Берг-коллегию, копии с них (из-за отсутствия которых жалованье удерживалось) сданы в обер-бергамт [Там же. Л. 88, 153 об.].

24 декабря 1725 г. В. И. Геннин слушал прошение подьячих Евдокима Костромина «с товарищи», 20 человек, которые были «зарестованы в канторах и донныне жалования уже через пять месяцев не получали». Геннин вник в ситуацию, понял, что сочинить счета и рапорты за прошлые годы – задача для них непосильная, «понеже оных служителей имеетца недовольно, из них многие не за обыкновенные ко оным делам». Поэтому он распорядился выдать им денежное жалованье (101 руб. 50 коп.) и хлебное (124 четверти 2 четверика) за 1725 г. «для самой их крайней нужды и для многова труда их во отправлении многих заводских бескорыстных им настоящих и прошедших лет дел, дабы не нанести от самой их нищеты какова повреждения интересу и в настоящих делах от неимения дневной пищи остановки». Но на 1726 г. жалованье приказывалось не давать, пока не будут составлены все требуемые документы [Там же. Л. 159 об.].

Указом Геннину от 8 декабря 1725 г., полученным 28 января 1726 г., Берг-коллегия (во исполнение двух указов Сената, адресованных ей), потребовала дважды в год присылать еще один вид ведомостей – «каким прилежанием заводы и горные дела в совершенство приходят, и что, где, в какое время размножено». Обер-бергамт предписал под-

чиненным командам сочинять и слать такие ведомости в Екатеринбург в мае и ноябре, чтобы успеть в срок отправить в Берг-коллегию. В феврале 1726 г. заслушивался указ Берг-коллегии от 16 ноября 1725 г. о содержании приходо-расходных книг зашнурованных, за печатями, «с вырезным алфавитом». Указом от 17 февраля 1726 г. Берг-коллегия, получив очередные доношения Геннина, адресованные Кабинету Е. и. в., Сенату и коллегии, ввела требование «впредь о присылке доношениям краткого реестра» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 31 об., 55, 106 об. – 107]. В марте 1726 г. Тобольская земская контора, в свою очередь, затребовала от Сибирского обер-бергамта немедленной присылки ведомости о престарелых, увечных и малолетних крестьянах, приписных к заводам [Там же. Л. 88].

В июне 1726 г. в обер-бергамте заслушивали указ Берг-коллегии от 17 февраля о выдаче канцелярским служителям до сочинения счетов половинного жалованья. Уральское начальство распорядилось держать их при этом «в канцелярии за караулом безвыходно», «а колико куды потребно для переписки оных щетов и репортов, отпускать из школьников письмоумеющих», поскольку «письмоумеющие» люди ведомства Сибирского обер-бергамта «определены все в комплект... и еще в комплект потребно многое число людей». Школьников, обученных письму, «отпускать... з запискою на урочные дни», платить им за каждую переписанную тетрадь по 2 коп. с сохранением школьного хлебного жалованья (полтора пуда ржаной муки в месяц) [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 132 об. – 133, 173; Д. 195. Л. 173; Оп. 1. Д. 88. Л. 274].

Содержание канцелярских служащих под арестом в случае подготовки важных документов к определенному сроку практиковалось на горнозаводском Урале, как и в центральных учреждениях России, постоянно. Начальник заводов В. И. Геннин в январе 1730 г. поручил своему адъютанту Мировичу контроль за составлением заводских счетов: им было предписано командиров к этому «понуждать», а подьячих держать «скованных и за вины штрафовать». Их приковывали к столам, на обед и в нужник выводили по команде строем [Корепанов, с. 166].

В. И. Геннин, судя по изданным им указам и решениям, вынесенным в обер-бергамте, большое внимание уделял соблюдению дисциплины со стороны как мастеровых, так и подьячих. Об этом ярко свидетельствует «определение», вынесенное им и Р. Горчаковым 17 октября 1726 г. Приведем его текст полностью.

Понеже усмотрено, что подьячие Сибирского обер-бергамта и прочих кантор – Земской, Заводской, Казенной, Припасной, Лесной, Платных и плавильных дел и у щетов – отправляют [дела] леностно и приходят поздно, а выходят рано, того ради всегда во обер-бергамте и по всем канторам смотреть над подьячими прапорщику Алберхту и по реестру перекликать при входе и выходе их, чтоб они в работные дни всегда приходили и выходили в указные часы и дела, на них положенные, отправляли б с прилежностию и не пьянствовали. И ежели при пересмотре явится

кто пьян, то таких в то ж время старых и средних ковать, а молодых бить батожем, чтоб другие от пьянства себя могли удерживать, а которые в не указные часы будут приходить и выходить, о тех ему, прапорщику, подавать ведомости в Казенную кантору, по которым оной канторе вычитать из их жалования по указом. А приходить оным подьячим всегда к своим делам по полуночи [в] четыре часа, выходить обедать по пробитии двенатцати часов, после обеда приходить по пробитии дву[х] часов по полудни, а выходить по пробитии осьми часов [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 361–362].

Это решение – достоверное свидетельство несоблюдения установленных часов работы со стороны канцелярских служащих (приходят позже, уходят раньше); подтверждение того, что нормы рабочего времени, введенные для мастеровых и подьячих казенных заводов наказом заводскому комиссару 1723 г., продолжали действовать, правда, с некоторыми корректировками – осенью рабочий день должен был составлять 12 часов, а он оставался, как и летом, 14 часов, то есть нормы рабочего времени подьячих и мастеровых были увеличены. Сохранение летнего рабочего расписания в октябре месяце подтверждает и другое решение, принятое в этот же день, 17 октября 1726 г., в связи с жалобами на появление в Екатеринбурге ночных воров, совершавших кражи во дворах жителей. Начальство предписало опубликовать указ о том, чтобы «никто ночью по улицам без фонарей и в неуказные часы не ходили и в кабаке не сидели», а кто шел «по государеву делу» в четыре часа утра на работу, после восьми вечера с работы «идти с фонарем». А если кто в неуказные часы «без правильной нужды или бес фонарей по улицам ходить или в кабаке для питья сидеть будут, таких брать под караул и жестоко штрафовать». Контролировать ночное хождение по городу поручалось также прапорщику шведу В. Албергу [Там же. Л. 359–359 об.].

Жили подьячие близ заводов, чтобы по первому зову явиться в канторы хоть за полночь, в Екатеринбурге – внутри крепости. В январе 1725 г. Геннин приказал:

...Чтоб предбудущею весною в Екатеринбурхе в крепосте дворы все, которые не против чертежа строены, розломать и впредь строить не велеть, а велено строить, кто пожелает, по чертежу и давать места по рассмотрению. Тако ж и за городом чтоб отнюдь жилья не было, понеже в таких местах бывают всегда курвяжные дома и шинки [Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 169–169 об.].

Но уже в августе 1726 г. в обер-бергамте рассматривали доношение канцеляриста Феокиста Кузнецова и подьячего Евдокима Костромина «о отводе им под двор, пруд и огород за городом, подле речки Черемшанки, земли» и предписание «об отводе им земли, ежели надлежит, учинить земской Екатеринбургской канторе, как

о том указы повелевают», а в обер-бергамт рапортовать, «что учинят» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 260]. В октябре 1726 г. Геннин и Р. Горчаков определили: если кто из крестьян приписных слобод пожелает жить в Екатеринбурге, то строиться им велеть за городом вниз по берегу Исети «по печатному, присланному чертежу из государственной Берг-коллегии, и для того как дворам и жилью быть по оному чертежу, размерять и поставить знаки, и смотреть, чтоб из линии и ис того чертежа никто не выступил», а у ранее поселившихся за городом дома снести. Место под дворы показывать и отводить по рисунку, строить «под смотрением» берг-гешворена Гордеева [Там же. Л. 359 об. –360].

Подьячие «приватизировали» казенные квартиры. Так, подьячий обер-бергамта Никита Седачев в 1726 г. просил «об отдаче ему в цену квартиры», и начальство разрешило продать ее за 20 руб. 49 $\frac{1}{4}$ коп., вычтя из этой суммы $\frac{1}{10}$ часть, ссылаясь на наказ заводскому комиссару 1723 г. (гл. 3, п. 7), поскольку с момента строительства пошел уже третий год – полагалось «отдавать по оценке тому, кто больше даст» [см.: Татищев, с. 74]. Деньги у подьячего предписывалось вычитать при выдаче жалованья по половине суммы, а другую половину оставлять на пропитание, «понеже жалование получает он невысокое» [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 260 об.]. И в других случаях суммы за жилье вычитались постепенно, что позволяло подьячим выкупать его в собственность, продавать при перемене места работы, приобретать по новому месту жительства.

Дома подьячих располагались в Екатеринбурге в особой подьяческой линии строений, свои линии домов были у администрации, мастеровых, солдат. Поскольку приказные могли приобретать квартиры в собственность или строить свои дома, большинство мастеровых и подьячих к 1730-м гг. уже имело собственное жилье. Так, согласно «Описанию Уральских и Сибирских заводов» В. И. Геннина, в 1734 г. при Екатеринбургском заводе для мастеровых и подьячих имелось 88 казенных изб, а находившихся в собственности у них – 350, при Уктусском заводе для мастеровых и подьячих казенных дворов числилось 17, собственных же –126 [Геннин, 1937, с. 37, 76]. Подьячие на своих дворах разводили скот, устраивали огороды, им выделялись сенокосные угодья, что являлось немаловажным подспорьем к их жалованью.

Некоторые подьячие имели своих слуг из числа нерусских людей, например, вогуличей. Известны случаи, когда отцы отдавали детей в услужение подьячим на определенный срок за плату. Само начальство раздавало крестьян. Подьячий Екатеринбургской земской конторы Сергей Мизинов просил обер-бергамт в 1726 г. выдать паспорт посылающемуся от него человеку для поиска «крепостной его женки» Катерины с мужем на заводе Демидова [ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 205 об.]. О широко распространившейся практике раздачи людей в услужение членам заводской администрации и подьячим свидетельствует и следующее распоряжение Геннина 1734 г.:

Взятых из крестьян мужеска и женска полу, которые розданы управителям и приказным служителям, отобрать всех, и быть им по-прежнему во крестьянстве, для того что на меня, генерал-лейтенанта, наносится покрание, якобы я оных отдал в слуги [Корепанов, с. 259].

Таким образом, В. Н. Татищевым в наказах заводскому комиссару 1721 и 1723 гг. были установлены нормы, регламентировавшие служебную деятельность и поведение подьячих горного ведомства. Отличительной чертой корпуса подьячих, обслуживавших казенные заводы Урала в 1720-е гг., являлся постоянный приток опытных подьячих из центра, канцелярий Сибирской губернии, провинций и уездов по требованию начальника заводов В. И. Геннина. Шла упорная борьба за них с гражданскими властями. Места копиистов постепенно стали заполняться выпускниками арифметических школ Горного ведомства, но оплата их труда, как правило, была в два раза ниже полагавшейся. Из-за острой нехватки подьячих в условиях все возрастающего объема документооборота, изменения требований к форме и содержанию отправлявшихся в центр документов, тенденции к увеличению разного рода отчетностей перед Берг-коллегией подьячие трудились в экстремальных условиях. Подьячие трудились по 14 часов в день, но им постоянно задерживали выплату жалованья из-за не составления в срок документов, порой содержали под арестом в конторах. С другой стороны, казенные квартиры и дома подьячих подлежали размещению на постой чужих людей в последнюю очередь после мастеровых, и подьячие вплоть до 1734 г., как и члены администрации, имели право на домашних слуг.

Список литературы

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26, 52, 67; Оп. 12. Д. 12, 13, 88, 193, 194, 195, 196, 203, 205, 215; Ф. 38. Оп. 1. Д. 4.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М. : История заводов, 1937. 656, [8] с.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / авт. вступ. ст. и коммент. М. О. Акишин. Екатеринбург : Банк культур. информации, 1995. 467 с.

Киселев М. А. Дом, который построил Гобов: к истории повседневности жителей горнозаводского Урала 1720-х гг. // Десятые Татищевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 21–22 ноября 2013 г. / отв. ред. Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2013. С. 87–91.

Корепанов Н. С. Геннин на Урале. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2006. 280 с.

Пензин Э. А. Протоколы Сибирского обербергамта (1723–1734 гг.) как исторический источник // Историография и источниковедение. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 126–139.

Пензин Э. А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1986. С. 104–121.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 6; 42, ч. 1.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Сафронова А. М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20–30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. 2015. Вып. 15. С. 32–56.

Сафронова А. М. Источники формирования корпуса подьячих учреждений Горнозаводского ведомства (1720–1730-е гг.) // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-архив. форума, посв. 50-летию ист.-архив. специальности в Урал. ун-те. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 355–361.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750. М. : Наука, 1990. 440 с.

References

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24. List 1. Dos. 26, 52, 67; List 12. Dos. 12, 13, 88, 193, 194, 195, 196, 203, 205, 215; Stock 38. List 1. Dos. 4.

Henning, W. I. (1937). *Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov* [A Description of Ural and Siberian Plants]. Moscow, Istoriya zavodov. 656, [8] p.

Henning, W. I. (1995). *Ural'skaya perepiska s Petrom I i Ekaterinoi I* [Ural Letters to Peter I and Catherine I] / comment. by M. O. Akishin. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 467 p.

Kiselev, M. A. (2013). Dom, kotoryi postroil Gobov: k istorii povsednevnosti zhitel'ei gornozavodskogo Urala 1720-kh gg. [The House that Gobov Built: On the History of Everyday Life of the Residents of the Mining Urals in the 1720s]. In Kornilov, G. E. (Ed.). *Desyatye Tatishchevskie chteniya. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 21–22 noyabrya 2013 g.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Uchebno-metodicheskogo tsentra Ural'skogo politekhnicheskogo instituta, pp. 87–91.

Korepanov, N. S. (2006). *Gennin na Urale* [Henning in the Urals]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 280 p.

Penzin, E. A. (1986). Sibirskii oberbergamt – organ upravleniya gornozavodskoi promyshlennost'yu Urala v pervoi polovine XVIII v. [The Siberian Oberbergamt as the Governing Body of the Mining Industry of the Urals in the First Half of the 18th Century]. In *Problemy genezisa i razvitiya kapitalizma na Urale: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie. Sbornik nauchnykh trudov.* Sverdlovsk, Ural'skii gosudarstvennyi universitet, pp. 104–121.

Penzin, E. A. (1976). Protokoly Sibirskogo oberbergamta (1723–1734 gg.) kak istoricheskii istochnik [Protocols of the Siberian Oberbergamt (1723–1734) as a Historical Source]. In *Istoriografiya i istochnikovedenie.* Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 126–139.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 6; 42, Part 1.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokratiya Urala v epokhu petrovskikh reform (zapadnye uezdy Sibirskoi gubernii v 1711–1727 gg.)* [The Administrative Structures and Bureaucracy of the Urals in the Epoch of Peter the Great's Reforms (Western Districts of the Siberian Province in 1711–1727)]. Yekaterinburg, Volot. 608 p.

Safronova, A. M. (2015). Rol' gornozavodskikh shkol v organizatsii deloproizvodstva pri kazennykh zavodakh Urala v 20–30-e gody XVIII v. [The Role of Mining Schools in the Organisation of Record Keeping at the State Factories of the Urals in the 1720s–1730s]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 15, pp. 32–56.

Safronova, A. M. (2020). Istochniki formirovaniya korpusa pod'yachikh uchrezhdenii gornozavodskogo vedomstva (1720–1730-e gg.) [Sources of Formation of the Corps of Clerks in Mining Administration Institutions (1720s–1730s)]. In *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka. Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 355–361.

Tatishchev, V. N. (1990). *Zapiski. Pis'ma. 1717–1750 gg.* [Notes. Letters. 1717–1750]. Moscow, Nauka. 440 p.

The article was submitted on 28.02.2022

Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века*

Андрей Дмитриев

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Новосибирск, Россия

The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century

Andrey Dmitriev

Novosibirsk National Research State University,
Novosibirsk, Russia

This article analyses data on the marital status of officers at garrison units of the Russian regular army stationed in Siberia in the mid-eighteenth century. Although the inspection lists of the regiments only contained data on persons of non-noble descent, information about almost a hundred officers makes it possible to determine the number of unmarried and married persons and single out those who had sons among the latter. Referring to this information, the author evaluates B. N. Mironov's point of view on the existence of a specific "military estate" in the social system of the Russian Empire. A study of the inspection lists demonstrates that the proportion of married non-commissioned officers of these regiments was almost 80 percent, and half of these individuals had one or more sons. At the same time, in most cases, military personnel married being relatively young. In addition, spouses lived in the location of military units. The materials studied make it possible to correct the existing points of view in historiography regarding how favorable or unfavorable the conditions of military service were to create families. It is established that despite the low social status and the low level of material wealth, the "Siberian garrison" officers had the opportunity to marry, often while serving as common soldiers. It was facilitated by the fact that the garrison troops did not change their locations for many years, which

---

* *Citation*: Dmitriev, A. (2022). The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713.

Цитирование: Dmitriev A. The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713 / Дмитриев А. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713.

allowed most officers, natives of Siberia, to serve in their native places without breaking away from their social environment. Most frequently, officers' sons of the garrison troops also entered military service, which gives grounds to assert the existence of a succession in relation to this type of professional activity. These results indicate the need for an in-depth study of the issue with reference to specific military units in various regions of the Russian Empire. Only such an approach can help obtain a complete picture of the family status of the officer corps of the Russian army, which is necessary to determine the place of the "military estate" in the social system of Russia in the eighteenth century.

Keywords: Russian regular army, garrison units, Siberia, mid-18th century, marital status, officers

Статья посвящена анализу данных о семейном положении гарнизонных частей русской регулярной армии, дислоцированных на территории Сибири в середине XVIII в. Хотя в смотровых списках полков эти данные указывались только для лиц недворянского происхождения, сведения о почти ста офицерах дают возможность установить численность холостых и женатых лиц, а среди последних отдельно выделить имевших сыновей. На основании этих сведений оценивается точка зрения Б. Н. Миронова о существовании специфического «военного сословия» в социальной системе Российской империи. Изучение смотровых списков показало, что доля женатых среди офицеров этих полков составляла почти 80 %, половина из этих лиц имели одного и более сыновей. При этом в большинстве случаев браки заключались военнослужащими в относительно молодом возрасте. Кроме того, отмечены случаи совместного проживания супругов в расположении воинских частей. Исследованные материалы позволяют скорректировать существующие в историографии точки зрения относительно того, насколько благоприятствовали или не благоприятствовали условия военной службы созданию семей. Установлено, что, несмотря на невысокое социальное происхождение и связанный с этим соответствующий уровень материального благосостояния, офицеры «сибирского гарнизона» имели возможности для вступления в брак, нередко еще неся службу рядовыми. Этому способствовало то обстоятельство, что гарнизонные войска не меняли мест своей дислокации в течение многих лет, что позволяло большинству офицеров – уроженцев Сибири нести службу в родных местах, не отрываясь от своей социальной среды. Сыновья офицеров гарнизонных войск в большинстве случаев также поступали на военную службу, что дает основания утверждать о существовании наследственной преемственности в отношении данного вида профессиональной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости углубленного изучения поставленной проблемы на материалах конкретных воинских частей в различных регионах Российской империи. Только такой подход может позволить получить достаточно полную картину семейного положения офицерского корпуса русской армии, необходимую для определения места «военного сословия» в социальной системе России XVIII в.

Ключевые слова: русская регулярная армия, гарнизонные части, Сибирь, середина XVIII в., семейное положение, офицеры

Феномен «военного сословия» в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. до сих пор остается во многом загадкой даже для специалистов. Появление в стране регулярной армии уже с первой четверти XVIII в. породило фактически целый слой людей, для которых профессиональной деятельностью из поколения в поколение оказывалась именно военная служба. Однако ни законодательством империи, ни современными концепциями социальной истории России данного периода они не выделялись и не описывались как отдельный слой, группа, страта. Даже в наиболее фундаментальном на сегодняшний день исследовании Б. Н. Миронова лишь констатируется, что «люди, попавшие в солдаты, переходили в состав “военного сословия”, свой новый статус передавали жене и детям, если были женаты, после отставки – сохраняли» [Миронов, с. 446]¹. В недавно увидевшей свет коллективной монографии уральских исследователей одна из глав посвящена не военнотружущим регулярной армии, а служилым людям, причем для XVIII в. рассматриваются только «региональные траектории развития (урало-сибирский вариант)» [Границы и маркеры, с. 332–352]. Таким образом, место и роль военных чинов в социальной системе империи по-прежнему оказываются до некоторой степени *terra incognita* в рамках проблемного поля изучения российской истории XVIII в.

Руководствуясь приведенным выше тезисом Б. Н. Миронова, мы считаем необходимым обратиться к рассмотрению семейного положения военнотружущих имперской регулярной армии для выяснения вопроса о том, действительно ли «армейское призвание» могло передаваться от поколения к поколению, формируя тем самым устойчивый социальный слой людей в мундирах. Для этого нами была избрана отдельная группа военных чинов – офицеры гарнизонных войск. Выбор продиктован как тем обстоятельством, что именно офицерский корпус русской армии был весьма неоднороден по социальному происхождению входивших в него лиц (в отличие от рядового состава, почти исключительно представленного рекрутами из «тяглых» групп населения), так и большей вовлеченностью военных чинов гарнизонных частей (как не участвовавших в походах, боевых действиях и пр.) в социальную жизнь тех регионов, где они постоянно квартировали.

Вопрос о семейном положении офицеров регулярной армии в XVIII в. вообще остается вплоть до сего дня относительно малоисследованным. Сколько-нибудь систематизированных данных относительно наличия у офицеров семей и численности потомства мы не находим ни в обобщающих трудах по истории русской армии XVIII в. [Бескровный; Леонов, Ульянов], ни в работах, специально

---

¹ Характерно, что в сноске «для интересующихся историей “военного сословия”» автор перечислил только работы зарубежных, а не российских исследователей [Миронов, с. 500].

посвященных изучению ее офицерского корпуса². Точно так же мы не обнаруживаем соответствующих сведений и в публикациях, рисующих картину повседневной жизни и быта военнослужащих [Карпущенко; Охлябинин]. Работы П. П. Щербинина вносят определенный вклад в решение этого вопроса, но у него речь идет, как правило, о рядовом составе, а не об офицерском корпусе [Щербинин, 2004; Щербинин, 2005]. Лишь в диссертационном исследовании Г. В. Калашникова один из параграфов второй главы специально посвящен анализу данных о семейном положении офицеров русской армии в период с 1725 по 1745 г., но и он насчитывает всего несколько страниц [Калашников, с. 133–138].

Между тем, даже минимальный анализ данных о семейном положении военнослужащих может показать, как влияли условия армейской (особенно гарнизонной) службы на возможности вступления в брак и обзаведения потомством, благоприятным или сдерживающим оказывалось это влияние в тех или иных конкретных ситуациях, насколько благополучно выглядело офицерство как социально-профессиональная группа в структуре населения Российской империи с точки зрения потенциала демографического развития и т. д. Наконец, не забудем и о просопографических аспектах – возможность проследить судьбы представителей одной фамилии в том случае, если они находились на военной службе в продолжение ряда десятилетий, предоставляет дополнительные аргументы в пользу выделения «военного сословия» в рамках социума.

Дополнительную сложность при изучении поставленного вопроса представляет состояние источниковой базы. Единственной разновидностью источников, содержащих максимально подробные сведения о личном составе армейских частей за XVIII столетие, остаются смотровые и послужные списки из фондов РГВИА. Характеризуя во введении к подготовленному им справочнику содержание этих списков и возможности их использования исследователями, К. В. Татарников уделил внимание в первую очередь тем данным, которые определяют социальное происхождение, продвижение в чинах и боевые заслуги военнослужащих русской армии XVIII в. Что касается семейного положения и потомства, то по данному аспекту он лишь счел нужным отметить, что графа, свидетельствовавшая о наличии жены и детей, использовалась до 1793 г. только для нижних чинов, а для офицеров – лишь в смотровых списках в период с 1731 по 1748 г. [Татарников, с. 9]. В последних при этом содержалась оговорка «кроме шляхтичей», то есть предписывалось отмечать, «кто женаты, и сколько имеют детей мужеска полу, и в каковы лета, и где живут», только для лиц, происходивших из непривилегированных социальных слоев [Там же, с. 12].

---

² С. В. Волков отвел на характеристику семейного положения офицеров лишь несколько страниц в своей монографии, при этом уделив внимание только периоду второй половины XIX – начала XX в. [Волков, с. 278–282].

Это, безусловно, ограничивает возможности историка, работающего с этими материалами, но все-таки дает основания для определенных выводов при изучении личного состава конкретных воинских частей.

Для настоящего исследования нами были избраны находящиеся в ф. 490 РГВИА («Коллекция офицерских сказок») смотровые списки трех из шести гарнизонных частей, дислоцированных на территории Западной Сибири, за 1748 г.: Тобольского и Енисейского пехотных полков, а также Новоучрежденного пехотного батальона [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302, 316, 335]³. Эти данные могут быть квалифицированы как достаточно репрезентативные, хотя и с поправкой на специфические условия жизни и службы в Сибири – самом отдаленном регионе империи. Всего по спискам штаб-, обер- и унтер-офицеров в этих частях насчитывалось 119 чел., из них лицами недворянского происхождения, в отношении которых приведены сведения о семейном положении, были 98 чел.⁴ Именно они станут предметом нашего внимания.

Среди этих 98 чел. насчитывалось: штаб-офицеров – трое, обер-офицеров – 44, унтер-офицеров – 51. Представим сводные данные по ним в форме таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Брачно-возрастные показатели офицеров гарнизонных частей в Сибири

Возраст	Женатых (в том числе вдовцов)	Холостых
До 30 лет	6	5
31–40 лет	16	2
41–50 лет	23	3
51–60 лет	25	2
После 60 лет	14	2
Всего	84	14

Приведенные данные свидетельствуют, что подавляющее большинство офицеров, находясь на гарнизонной службе, обзаводились семьями. Это противоречит выводу Г. В. Калашникова: «Посвящая свою жизнь военной службе, офицеры поздно – обыкновенно

³ В списках еще двух гарнизонных полков – Новоучрежденного драгунского за 1746 г. и Якутского пехотного за 1748 г. [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281; 321] – по неизвестным причинам семейное положение указано лишь для унтер-офицеров недворянского происхождения, без штаб- и обер-офицеров. Единственный список Сибирского драгунского полка, относящийся к 1742 г., имеет аналогичную особенность [Там же. Д. 210]. Поэтому мы лишены возможности полноценно оперировать данными по этим воинским частям.

⁴ Здесь и далее подсчет наш (А. Д.).

в возрасте старше 45 лет – заводили семьи, а около трети офицеров оставалось бессемейными до конца жизни» [Калашников, с. 273]. Можно предположить, что такой вывод был сделан на основе изучения данных по полевым армейским частям, условия службы в которых действительно оставляли немного возможностей для семейной жизни. Зато военнотружущие гарнизонных частей, много лет квартировавшие в одних и тех же местах, могли устанавливать тесные контакты, вплоть до родственных связей, с местными жителями, особенно городскими обывателями, как это уже отмечалось исследователями [Проскурякова, с. 26]. Кроме того, число женатых и неженатых почти совпадает только в возрасте до 30 лет, а дальше по всем возрастным группам мы наблюдаем устойчивое доминирование лиц, вступивших в брак.

Среди холостяков мы обнаруживаем тех, кто в молодости еще не успели жениться, а также почти стариков, которые вряд ли могли теперь на что-то рассчитывать. Одному из них, во всяком случае, жениться было слишком рано: сержант Енисейского полка Алексей Замощиков (уроженец Тобольска, из сибирских дворян) достиг всего 16 лет, хотя находился в полку на действительной службе уже два года [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 49 об., 50]. Его сослуживцу каптенармусу Михаилу Башмакову исполнилось 20 лет, при этом он состоял в рядах полка уже пять лет. Заметим, что в данном случае мы как раз сталкиваемся с представителем «военного сословия» уже во втором поколении, поскольку его отец Иван Башмаков, происходивший из казаков г. Туринска, в 1730-х гг. нес службу в том же Енисейском полку в чине капитана [Там же. Л. 135 об., 136; Д. 22. Л. 53 об., 54]. Причем сын у него появился, когда отцу было уже за 50 лет!

Самым пожилым из числа бессемейных оказался 71-летний Трифон Фадеев, уже более четверти века служивший в чине подпрапорщика в Тобольском полку, а на военную службу взятый чуть более 40 лет назад в Москве из дворовых людей [Там же. Д. 335. Л. 118 об., 119]. Судя по его биографии, этот человек не имел ни каких-либо карьерных устремлений, раз сумел получить только старший унтер-офицерский чин, ни особых жизненных интересов, так и не обзаведясь семьей за годы службы в Европейской России и за 20 с небольшим лет пребывания в Сибири. А 56-летний каптенармус Новоучрежденного батальона Корнилий Хайдуков, хотя и был местным уроженцем (происходил из казачьих детей г. Пелыма), но также не женился как до вступления в армию, так и за последующие 30 лет военной службы [Там же. Д. 302. Л. 61 об., 62].

Впрочем, гораздо более интересные сведения мы находим о многих женатых офицерах. Прежде всего есть основания утверждать, что хотя бы некоторые из них вступали в брак еще до прибытия к месту службы в Сибирь или даже до попадания на военную службу.

Так, каптенармус Тобольского полка 66-летний Федор Бобылев, выходец из посадских людей Ярославля, начал свою армейскую карьеру почти 40 лет назад, когда ему уже исполнилось 27 лет, а на территорию Сибири попал в 1725 г., чуть более 20 лет назад [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 73 об., 74]. Следовательно, здесь были два возможных варианта женитьбы: еще до ухода в армию или же до перевода полка в Сибирь. Сходным образом, очевидно, складывалась жизненная траектория его 63-летнего сослуживца сержанта Гаврилы Ортюгова – он был сыном московского посадского, в армию попал 17-летним юношей в 1701 г., а спустя почти четверть века отправился на восток в составе Енисейского полка [Там же. Л. 118 об., 119]. В данном случае наиболее вероятным представляется вступление в брак на протяжении первой четверти XVIII столетия во время службы в европейской части страны.

В связи с этим П. П. Щербинин указывает: «Женщина могла стать солдаткой (солдатской женой, рекруткой, женой нижнего воинского чина) при следующих обстоятельствах: 1) призыве мужа-крестьянина или мещанина в рекруты или солдаты; 2) заключении брака с рекрутом или солдатом срочной службы; 3) выходе замуж за отставного или отпускного солдата. Понятно, что наиболее распространенной была первая категория, когда статус солдатки и перевод женщины в военное сословие происходили после отправки мужа в армию» [Щербинин, 2006]⁵. Он также отмечает двойственность положения жен рядовых солдат до 1764 г., когда, с одной стороны, «сложности для семейной жизни солдата и тяжелые условия для совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем старом месте жительства», а с другой – что «офицеры признавали благотворное влияние семейной жизни на нравственность, поведение солдата и его отношение к службе. Поэтому они при наличии благоприятных обстоятельств старались не препятствовать устройству солдатом своей семейной жизни. Командиры полков отмечали, что семейные солдаты становились степеннее и рассудительнее, имели определенные цели и прочные привязанности» [Там же]. Изданная в 1764 г. «Инструкция пехотного полка полковнику» прямо гласила: «Не только солдатския, но и штаб-, и обер-, и унтер-офицерския жены при полку имеют в тех же квартирах жить, где их мужья, а нижних чинов жены, (кроме тех, кои из дворян) без позволения и пашпорту полковаго никуда отходить, или инде где жить не могут» [Инструкция пехотного полку, с. 32]. Выявленные нами случаи свидетельствуют, что в первой половине XVIII в. сосуществовали обе тенденции, отмеченные П. П. Щербининым.

---

⁵ Автор также отметил, что только с 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах жительства.

Гораздо меньше трудностей возникало в этом отношении для местных уроженцев, которые служили в гарнизонных частях, дислоцированных в относительной близости от их родных мест. Сын томского казака, впоследствии капитан Тобольского полка Василий Перевозчиков, попав в 18 лет в ряды регулярной армии (в 1715 г.), на протяжении 1730–1740-х гг. нес службу в крепостях Иртышской линии, так что, вероятнее всего, успел жениться еще в молодые годы, до отправки туда [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 4 об., 5]. Каптенармус того же полка Лука Лагунов (уроженец Тобольска, происходил из солдатских детей), пополнивший его ряды также 18-летним в 1740 г., в декабре 1746 г. отправился в Пелым нести караул при ссыльном фельдмаршале Б.-Х. Минихе, очевидно, успев жениться перед этим [Там же. Л. 29 об., 30]. Наконец, в том же Тобольском полку мы обнаруживаем несших службу в унтер-офицерских чинах отца и сына, причем они даже числились в составе одной роты! Первый, каптенармус Василий Солдатов, сын тюменского казака, женился еще до начала службы, поскольку был взят в армию в 1723 г., а его сын Иван родился в 1722 г. К 1748 г. он уже почти полтора десятилетия постоянно проживал в Семипалатинской крепости. Иван Солдатов после учебы в школе для солдатских детей в Тобольске был зачислен на службу в возрасте 14 лет, успел побывать в составе Енисейского полка ротным писарем, а в 1747 г. был произведен в подпрапорщики той же роты, где числился его отец. С 1740 г. он проживал в Ямышевской крепости, где, судя по всему, успел вступить в брак [Там же. Л. 156 об. –158]. В данном случае, как видим, обстоятельства обзаведения семьей у отца с сыном оказались различными, но с одним и тем же успешным результатом.

Но самым интересным, на наш взгляд, оказывается тот факт, что среди 84 семейных офицеров у почти половины (41 чел.) отмечены сыновья, причем у 11 чел. даже не по одному. К сожалению, точно установить численность детей в их семьях невозможно, поскольку, как уже отмечено выше, в списках указывалось только наличие сыновей, а если у офицера рождались дочери, то никакой информации об этом официальная документация не содержала. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что у какого-то числа лиц из оставшихся 43 чел. могли быть дочери – исходя из возрастных показателей (см. табл. 1), у многих из них, по крайней мере, можно предполагать наличие дочерей. Капитан И. Г. Андреев в своих мемуарах, написанных к концу XVIII столетия, отмечал, что у его родного дяди Ивана Яковлевича Андреева, капрала Ширванского пехотного полка, скончавшегося в 1751 г., было шестеро дочерей, «которые выданы были теткою Акулиною за честных людей» [Домовая летопись, с. 3]. Ниже будет показано, что армейские офицеры могли становиться отцами не только в молодости, но и в относительно зрелом возрасте. Что же касается 41 чел., обзаведшихся потомством мужского пола, то здесь картина выглядела следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Численность сыновей в семьях офицеров
с указанием возраста глав семей**

Возраст офицера	Число сыновей в семье		
	один	двое	трое
До 30 лет	1	1	–
31–40 лет	6	1	1
41–50 лет	10	1	2
51–60 лет	7	2	2
После 60 лет	6	–	1

Как видим, преобладающим типом оказывалась семья, в которой у офицера в зрелом или даже пожилом возрасте отмечен один сын. Здесь, пожалуй, можно согласиться с мнением Г. В. Калашникова: «Из-за поздних браков и неустроенности быта в офицерских семьях не бывало много детей: в редких случаях до совершеннолетия доживало более 3 сыновей» [Калашников, с. 273]. Однако за пределами рамок этого типа семьи мы встречаем самые разные казусы, заставляющие предположить, что разница в возрасте между супругами или обстоятельства заключения брака заметно варьировали. Так, двое самых молодых офицеров обзавелись семьями еще до того, как им исполнилось 25 лет. Сержант Новоучрежденного батальона Иван Зыков, как и многие, женился, будучи на службе (солдатский сын из тобольской гарнизонной школы попал в армию в 15-летнем возрасте), вероятно, на своей ровеснице, а в 1746 г., перед тем, как он отправился в Кетский острог «для караула некоторого арестанта», у него родился сын Максим [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302. Л. 40 об., 41]. Аналогичным образом складывалась жизнь каптенармуса Тобольского полка Осипа Исакова: в 1745 и 1746 гг., когда он проживал в Ямышевской крепости, у него родились сыновья Петр и Федор. Правда, с ноября 1747 г. его общение с женой прервалось, поскольку он угодил под арест за кражу казенных денег [Там же. Д. 335. Л. 54 об., 55]. С нашей современной точки зрения такие браки выглядят, конечно, обычным явлением, но в XVIII столетии столь рано начинали семейную жизнь немногие.

Более экзотичными представляются случаи, когда отцу-офицеру на момент появления сына было уже за 50 лет. Причин здесь могло быть, вероятно, две: если жена оказывалась значительно моложе своего мужа и если для последнего это был уже не первый брак. У 60-летнего капитана Тобольского полка Григория Долгих (из сибирских монастырских служителей), с 1735 г. проживавшего в Семипалатинской крепости, только в 1745 г. родился сын Петр [Там же. Л. 136 об., 137]. А 62-летний сержант Енисейского полка Андрей Бурцов (из сибирских дворян, уроженец Тобольска) к 1748 г. уже

овдовел, но успешно растил 9-летнего сына Ивана, который в середине 1750-х гг. был зачислен в тот же полк солдатом [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 91 об., 92; Д. 410. Л. 103 об., 104]⁶. Примеры подобного рода свидетельствуют, что даже пожилые офицеры могли заботиться о продолжении рода, и после 50 лет продолжая активную семейную жизнь.

В тех семьях, где сыновей было двое или трое, разница в возрасте между ними, как правило, не превышала десяти лет. Здесь мы обнаружили опять-таки лишь два исключения. Капитан Енисейского полка 54-летний Дементий Завьялов, сын тобольского ямщика, имел троих сыновей, из которых старший, Михаил, родился в 1715 г., как раз когда его отец был взят на военную службу; второй, Андрей, появился на свет в 1723 г., а младший, Яков – уже в 1731 г. Интересно, что всем троим отец определил военную карьеру: Михаил занял в том же полку должность писаря; Андрей, начав с обучения «школьной науке», к середине 1750-х гг. стал здесь же каптенармусом; Яков после окончания солдатской школы поступил рядовым драгуном в один из полевых армейских полков, только недавно передислоцированных в Сибирь, а впоследствии был отмечен в послужном списке отца как «в российских полках писарь» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 70 об., 71; Д. 410. Л. 75 об., 76].

У сержанта Тобольского полка 67-летнего Афанасия Хохлова (из сибирских крестьян) также было трое сыновей: старший, Дмитрий, родился в 1723 г., а двое младших, Степан и Яков, в 1735 и 1738 гг. соответственно. Относительно последних говорилось, что они «живут при нем», то есть в Усть-Каменогорской крепости, где он нес службу более 20 лет. Судя по всему, он либо не имел средств, либо не посчитал нужным отдать их для обучения в солдатскую школу Тобольска. Зато совершенно удивительной выглядела судьба старшего сына – Дмитрий к этому времени служил рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку [Там же. Д. 335. Л. 95 об., 96]. Для сына бывшего крестьянина, даже не ставшего на военной службе обер-офицером, выходца с отдаленной окраины империи, такая карьера выглядит прямо-таки неправдоподобной.

Эти, да и ряд других случаев подталкивают к мысли, что офицеры активно старались обзаводиться потомством, особенно если принять во внимание, что далеко не все дети тогда доживали до совершеннолетия. Можно вспомнить слова того же И. Г. Андреева о его родной матери на момент смерти ее мужа (отца мемуариста) в 1755 г.: «Будучи 35 лет от роду... и имея осьмерых детей, из коих большему Александру было 13 лет» [Домовая летопись, с. 7]⁷. Простой подсчет показывает, что в семье Андреевых дети должны были появлять-

---

⁶ Иван Бурцов в 1772 г. уже стал капитаном, однако впоследствии был разжалован в прапорщики по приговору военного суда «за неумеренное в ночное время в пьяном образе сечение плетьюми женки Катерины Нестеровой, отчего она вскоре умре» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 356 об., 357].

⁷ У И. Андреева было четыре брата и три сестры.

ся с интервалом в полтора, максимум два года. Трудно утверждать со всей определенностью, что в семьях капитана Завьялова и сержанта Хохлова складывалась аналогичная ситуация, но как вариант объяснения значительной (16 и 15 лет соответственно) разницы в возрасте между старшими и младшими сыновьями такая версия может рассматриваться.

Те сыновья офицеров, которые на момент составления списков в 1748 г. уже достигли совершеннолетия, как правило, определялись их отцами на военную службу. У каптенармуса Новоучрежденного батальона 61-летнего Василия Михайлова (сына местного пономаря) сын Иван, которому уже исполнилось 19 лет, служил солдатом в Ширванском полевом пехотном полку [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302. Л. 40 об., 41]. Капитан Енисейского полка 50-летний Афанасий Быков (сын тобольского казака) определил своего отпрыска Василия в Тобольский полк солдатом [Там же. Д. 316. Л. 27 об., 28]. Только капитан Тобольского полка 58-летний Алексей Карачинцов (из семьи тобольских купцов) избрал для своего сына другую стезю: Григорий, родившийся в 1710 г., был к концу 1720-х гг. «определен из школьников в Сибирскую губернскую канцелярию в копиисты» [Там же. Д. 335. Л. 117 об., 118]. Впрочем, сыновья офицеров «неблагородного» происхождения en masse вряд ли могли рассчитывать многого добиться на военной службе. Единственным исключением из правила выглядит 73-летний подполковник Тобольского полка Михаил Лебедев – сын рязанского рейтара уже к концу Петровской эпохи приобрел дворянское достоинство, поэтому его сын, тоже Михаил, родившийся в 1723 г., числился по происхождению «из шляхетства» и в возрасте 25 лет с чином прапорщика занимал при отце должность полкового адъютанта [Там же. Л. 1 об., 2].

Относительно просопографических аспектов при изучении жизненного пути офицерских сыновей мы считаем необходимым указать еще несколько примеров, свидетельствующих о распространенности в среде военных наследования сыновьями профессионального статуса отцов, что подтверждает правомерность выделения «военного сословия» как особой группы имперского социума. Поручик Тобольского полка Лука Разумнов, 44-летний казачий сын из Енисейска, рано попал на военную службу (19-летним в 1723 г.), вероятнее всего, женился уже в полку. В 1748 г. у него было трое сыновей: старший, Алексей, родившийся в 1737 г., находился «в Тобольске в школьной науке», а двое младших, Иван и Василий (1742 и 1744 гг. рождения соответственно), жили с отцом и матерью [Там же. Л. 4 об., 5]. Из этих троих мы смогли проследить жизненный путь Ивана – в конце 1761 г. он был зачислен на службу, в 1779 г. стал прапорщиком, а в 1784 г., будучи «сверхкомплектным» в составе 1-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона, состоял «по городу Таболску по благочинию в частных смотрителях» [Там же. Д. 508. Л. 813 об., 814], то есть, оставаясь офицером гарнизонных войск, одновременно служил в местной полиции.

Своеобразно сложилась судьба одного из сыновей сержанта Енисейского полка Ивана Паклина. У 57-летнего бывшего тюменского крестьянина также было трое сыновей, которые родились на протяжении 1730-х гг.: Иван (в 1734 г.), Василий (в 1736 г.) и Степан (в 1739 г.) [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 111 об., 112]. В середине 1750-х гг. двое старших уже несли солдатскую службу в полевых полках, а младший, несмотря на то, что ему исполнилось только 15 лет, был определен копиистом в Сибирскую губернскую канцелярию. Однако карьера статского чиновника его почему-то не прельстила, и в 1763 г. он переменял должность канцеляриста на звание рядового лейб-гвардии Преображенского полка. В 1772 г. он стал капитаном на вакансии поручика в Бийском гарнизонном пехотном линейном пограничном батальоне, а с 1784 г. уже с чином секунд-майора вернулся на службу по гражданскому ведомству, заняв должность председателя губернского магистрата Кольванской области [Там же. Оп. 5. Д. 324. Л. 556 об., 557; Месяцеслов, 1784, с. 474]. Степан Паклин также может быть причислен к «военному сословию», хотя и с некоторой долей условности, поскольку после получения штаб-офицерского чина он должен был считаться потомственным дворянином.

Впрочем, потомкам не всегда удавалось продвинуться по лестнице чинов выше своих отцов. Тобольский казачий сын Василий Сергеев уже в ранней юности начал армейскую карьеру и в 1748 г., когда ему исполнилось 62 года, сделался секунд-майором Тобольского полка [РГВИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 335. Л. 1 об., 2]. Его единственный сын Александр родился в 1732 г., жил с матерью в Тобольске (поскольку его отца в 1742 г. перевели в Железинскую крепость), 15-летним был взят в солдаты в Ширванский полевой пехотный полк. С 1763 г. он служил в чине поручика, но так и не смог получить дальнейшего повышения, прежде всего из-за своих многочисленных прегрешений за время пребывания в г. Селенгинске:

За учиненные им шумства в квартире Селенгинской воеводской канцелярии копииста Березовского и оному обиды... был арестован на неделю; да сверх того состоял под следствием в бытность его в Селенгинской воеводской канцелярии в правлении воеводской должности в недостающем числе экономического содержания денег, но по тому следствию... оставлен без штрафа; да по бытности его в Селенгинске в правлении плац-майорской должности за допуск содержавшегося на гауптвахте арестанта к партикулярной работе... оштрафован вычетом из жалования на госпиталь за полгода [Там же. Оп. 5. Д. 325. Л. 218 об., 219; Д. 510. Л. 238 об. -240].

В итоге на протяжении 1770–1780-х гг. военное начальство квалифицировало его недостойным к повышению в чине.

А вот пример семьи Воиновых иллюстрирует как раз успешную карьеру, когда сын прапорщика стал секунд-майором. Тюменский

сын боярский Егор Воинов попал на военную службу сравнительно поздно, в возрасте 29 лет был зачислен в формирующийся в конце 1730-х гг. Новоучрежденный батальон и за десять лет армейской карьеры дослужился лишь до чина прапорщика в Тобольском полку. Еще до начала службы в его семье родился сын Михаил (в 1737 г.), живший с матерью сначала в Тюмени, затем в Тобольске [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 118 об., 119]. Михаила Воинова взяли в армию в 1753 г., и его служба складывалась столь удачно, что к 45 годам он сделался секунд-майором и командиром 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона, одновременно занимая должности и в аппарате гражданского управления: в 1780 г. он состоял в счетной экспедиции Иркутской губернии, а в 1783 г. был товарищем воеводы в г. Якутске [РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510. Л. 230 об., 231; Роспись чиновных особ, 1780, с. 433; Месяцеслов, 1783, с. 465]. Трудно сказать, до какой степени повлияло на карьеру сына благополучное семейное и материальное положение его отца, не имевшего, правда, особых достижений на военной службе, но Егор Воинов, очевидно, сумел дать Михаилу хорошее образование, иначе последний не сделался бы в начале 1760-х гг. полковым аудитором – такая должность требовала хорошего знания государственного и военного законодательства, а также определенного кругозора.

Итак, мы выяснили, что значительное большинство офицеров в гарнизонных частях Сибири середины XVIII в. были людьми семейными и имевшими потомство. Эта доля даже превышает оценку П. П. Щербинина, который считал возможным определять (правда, в отношении рядового состава), что «в середине XVIII в. около половины военнотружущих были женатыми» [Щербинин, 2006]. В данном случае это связано с тем, что гарнизонные офицеры, представленные в основном местными уроженцами, много лет несли военную службу, не отделяясь от привычной социальной среды, и решать те или иные проблемы, связанные с обзаведением семьей и домом, им было гораздо легче, нежели прибывавшим на службу в Сибирь из других регионов страны или состоявшим в полевых частях, нередко менявших места дислокации.

Своим сыновьям офицеры «сибирского гарнизона», как правило, прочили военную карьеру, уже в детстве отдавая их для обучения в солдатские школы (прежде всего в тобольскую). Немалое число отпрысков обер- и унтер-офицеров по достижении совершеннолетия пополняли собой рядовой состав армии, хотя из этого правила бывали исключения, когда кто-либо предпочитал статскую службу. Успех их карьеры зависел скорее от личных достоинств, нежели от происхождения (как-никак, речь идет только об офицерах, не принадлежавших к «благородному шляхетству») или служебных достижений отцов. Однако распространенность подобной жизненной траектории все-таки заставляет задаться вопросом: возможно ли считать военнотружущих регулярной армии Российской империи в XVIII в. отдельной социальной группой или даже «военным сословием»?

Позиция Б. Н. Миронова выглядит несколько противоречивой: с одной стороны, он признает, что пожизненный характер военной службы для лиц непривилегированного происхождения означал для них утрату связи с любой из основных социальных групп, к которой они могли принадлежать ранее; с другой – на всем протяжении XVIII в. он считает возможным относить представителей «военного сословия» к «разночинцам», которые «являлись промежуточной социальной группой между податными и привилегированными сословиями, поэтому они не попадали в главные сословия» [Миронов, с. 448]. Но как в этом случае интерпретировать появление своеобразных династий военнотружущих, которые могли включать целый ряд мужчин, принадлежавших к одному роду, в продолжение нескольких поколений?

Понятно, что привлеченный нами материал не может дать полного ответа на поставленный вопрос. Для того, чтобы определиться с социальным положением «военного сословия» в течение XVIII столетия, необходимы масштабные просопографические исследования на материалах разных регионов Российской империи, хотя доступная для этих целей источниковая база выглядит, прямо скажем, скудно. Если численность и жизненные пути дворянских семейств еще как-то могут быть реконструированы на основе материалов Герольдмейстерской конторы Сената, губернских дворянских обществ и т. д., то для представителей непривилегированных групп населения это возможно лишь на базе документации, относящейся к их профессиональной деятельности, – для военнотружущих в данном случае это будут формулярные (смотровые и послужные) списки. В рамках настоящей публикации мы попытались показать необходимость серьезного изучения этой проблемы, а также оценить потенциал одного из комплексов источников, на основе которых возможно такое изучение.

Список литературы

- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. : очерки. М. : Воениздат, 1958. 645 с.
- Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.
- Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / отв. ред. Д. А. Редин. СПб. : Алетейя, 2018. 722 с.
- Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М. : Университет. тип., 1871. 119 с.
- Инструкция пехотного полку полковнику, с приложением форм штатов и табелей. СПб. : [Б. и.], 1764. 35 с.
- Калашиников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 1999. 292 с.
- Карпущенко С. В.* Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М. : Воениздат, 1999. С. 13–150.
- Леонов О. Г., Ульянов И. Э.* Русская пехота, 1698–1801 : Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1995. 296 с.
- Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1783. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1783. 524 с.
- Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1784. 526 с.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.

Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М. : Молодая гвардия, 2004. 345 с.

Проскуракова М. Е. Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2009. 30 с.

РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 210, 281, 302, 316, 321, 335, 410; Оп. 5. Д. 324, 325, 494, 508, 510.

Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1780 года. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1780. 504 с.

Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА : межфонд. указ. : [в 3 т.]. М. : Старая Басманная, 2013. Т. 1. С. 3–42.

Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов : Юлис, 2004. 507 с.

Щербинин П. П. Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

Щербинин П. П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies : [website]. 2006. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493> (accessed: 29.04.2021). DOI 10.4000/pipss.493.

References

Beskrovnyi, L. G. (1958). *Russkaya armiya i flot v XVIII v. (Ocherki)* [The Russian Army and Navy in the 18th Century (Essays)]. Moscow, Voenizdat. 645 p.

Domovaya letopis', pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 g. [Family Annals Written by Captain Ivan Andreev in 1789]. (1871). Moscow, Universitetskaya tipografiya. 119 p.

Instruktsiya pekhotnago polku polkovniku, s prilozheniem form shtatov i tabeli [Instruction for the Colonel of Infantry Regiment, with the Application of Forms for States and Report Cards]. (1764) St Petersburg, S. n. 35 p.

Kalashnikov, G. V. (1999). *Ofiterskii korpus russkoi armii v 1725–1745 gg.* [Officer Corps of the Russian Army in 1725–1745]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 292 p.

Karpushchenko, S. V. (1999). Armeiskie budni: kazarma, kasha, kazna, kaftan [Army Everyday Life: Barracks, Porridge, Money, Coat]. In *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, Voenizdat, pp. 13–150.

Leonov, O. G., Ul'yanov, I. E. (1995). *Russkaya pekhota, 1698–1801. Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian Infantry, 1698–1801. Military Chronicle, Organization, Uniforms, Weapons, Equipment]. Moscow, AST. 296 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1783 [Calendar with a List of Officials in the State for the Year 1783 AD]. (1783). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 524 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1784 [Calendar with a List of Officials in the State for the Year 1784 AD]. (1784). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 526 p.

Mironov, B. N. (2014). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu v 3 t.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity. 3 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 896 p.

Okhlyabinin, S. D. (2004). *Povsednevnyaya zhizn' russkoi armii vo vremena suvorovskikh vojn* [The Russian Army's Everyday Life in the Times of Suvorov's Wars]. Moscow, Molodaya gvardiya. 345 p.

Proskuryakova, M. E. (2009). *Rossiiskie kreposti i garnizony v Vyborgskoi Karelii v pervoi polovine XVIII veka* [Russian Fortresses and Garrisons in Vyborg Karelia in the First Half of the 18th Century]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 30 p.

Redin, D. A. (Ed.). (2018). *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and Markers of Social Stratification of Russia in the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St Petersburg, Aleteiya. 722 p.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 490. List 1. Dos. 210, 281, 302, 316, 321, 335, 410; List 5. Dos. 324, 325, 494, 508, 510.

Rospis' chinovnykh osob v gosudarstve pri nachale sego 1780 goda [List of Officials in the State at the Beginning of 1780]. (1780). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 504 p.

Shcherbinin, P. P. (2004). *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in the Daily Life of the Russian Woman in the 18th – Early 20th Centuries]. Tambov, Yulis. 507 p.

Shcherbinin, P. P. (2005). Zhizn' russkoi soldatki v XVIII–XIX vv. [The Life of the Russian Soldier's Wife in the 18th–19th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 79–92.

Shcherbinin, P. P. (2006). Soldatskie zheny v XVIII – nachale XX v.: opyt rekonstruktsii sotsial'nogo statusa, pravovogo polozheniya, sotsiokul'turnogo oblika, povedeniya i nastroenii [Soldiers' Wives from the 18th to the 20th Century: The Reconstruction Experience of Social and Legal Status, Sociocultural Character, Behaviour and Sentiments]. In *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies [website]*. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493> (accessed: 29.04.2021). DOI 10.4000/pipss.493.

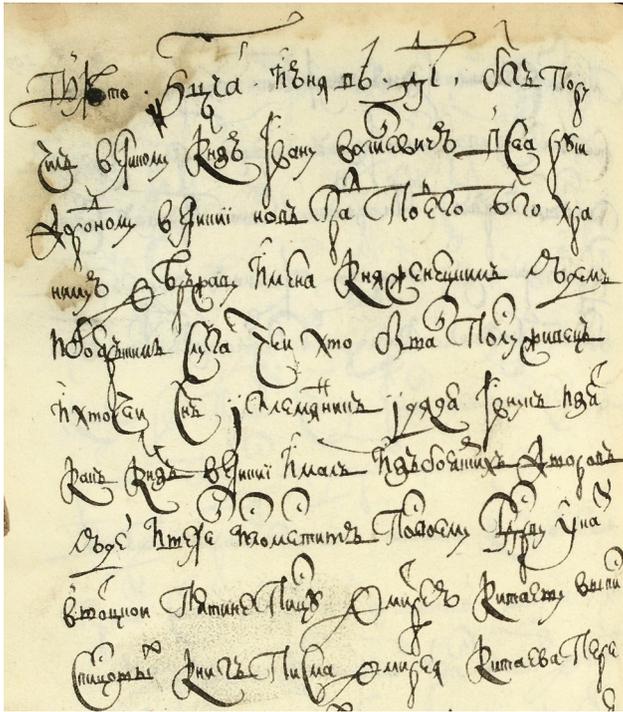
Tatarnikov, K. V. (2013). Predislovie [Foreword]. In *Posluzhnyye i smotrovyye spiski russkoi armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyyi ukazatel' v 3 t.* Moscow, Staraya Basmannaya. Vol. 1, pp. 3–42.

Volkov, S. V. (2003). *Russkii ofiterskii korpus* [Russian Officer Corps]. Moscow, Tsentrpoligraf. 414 p.

The article was submitted on 13.05.2021

Origines

Список «Поганой книги». Вторая половина XVII в.
НИОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского).
№ 812. Л. 209 об. Фрагмент

Copy of the *Poganaia kniga*. Second half of 17th century.
NIOR RGB [Research Department of Manuscripts
of the Russian State Library]. Stock 310 (Collection
of V. M. Undol'sky). No. 812. F. 209r. Fragment

Origines

**Из научного наследия А. А. Зимина:
публикация «Поганой книги»***

Олег Хоруженко

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**From A. A. Zimin's Scholarly Heritage:
The Publication of the *Poganaya Kniga***

Oleg Khoruzhenko

Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This work publishes a previously unknown paper by Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920–1980), an outstanding Soviet historian, source study specialist, and archaeographer, discovered in the personal archive of his student Margarita Evgenyevna Bychkova (1936–2014). It is a publication of the so-called *Poganaya Kniga* prepared following several copies. The *Poganaya Kniga* is a genealogical pamphlet of the seventeenth century based on the *Votskaya Pyatina* cadastre from 1500 by scribe Dmitry Kitaev. In the *Poganaya Kniga*, several noble families were ranked among serfs (*khology*) who received estates in Novgorod Land after its annexation by the State of Muscovy. A. A. Zimin repeatedly referred to this source in his research and, as it transpires, he was preparing its publication. This work was never completed; Bychkova was supposed to continue it as an acknowledged specialist in the textual study of genealogical books. However, having supplemented Zimin's publication with the variants found in the copies she had identified, she did not publish it for some reason. Considering the scale and scholarly significance of A. A. Zimin's and M. E. Bychkova's papers, the author assumes that this publication of the *Poganaya Kniga* will be of interest to those dealing with source studies and historiography.

Keywords: *Poganaya Kniga*, Russian book printing and manuscript tradition, Dmitry Kitaev, *khology*, Aleksandr Zimin, Margarita Bychkova

---

* *Citation:* Khoruzhenko, O. (2022). From A. A. Zimin's Scholarly Heritage: The Publication of the *Poganaya Kniga*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1009–1040. DOI 10.15826/qr.2022.3.714.

Цитирование: Khoruzhenko O. From A. A. Zimin's Scholarly Heritage: The Publication of the *Poganaya Kniga* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1009–1040. DOI 10.15826/qr.2022.3.714 / Хоруженко О. Из научного наследия А. А. Зимина: публикация «Поганой книги» // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1009–1040. DOI 10.15826/qr.2022.3.714.

Публикуется ранее не известная работа выдающегося советского историка, источниковеда и археографа Александра Александровича Зимина (1920–1980), обнаруженная в личном архиве его ученицы Маргариты Евгеньевны Бычковой (1936–2014). Это подготовленная по нескольким спискам публикация так называемой «Поганой книги» – родословного памфлета XVII в., основанного на писцовой книге Вотской пятины 1500 г. писца Дмитрия Китаева. В «Поганой книге» ряд дворянских родов был причислен к холопам, получившим поместья в Новгородской земле после ее присоединения к Московскому государству. В своих исследованиях А. А. Зимин неоднократно обращался к этому источнику и, как становится ясным, готовил его публикацию. Эта работа не была завершена; предполагалось, что она будет продолжена Бычковой, признанным специалистом по текстологии родословных книг. Но и она, дополнив публикацию Зимина вариантами, читающимися в выявленных ею списках, по каким-то причинам не выпустила ее в свет. Предполагается, что данная публикация «Поганой книги» будет представлять не только источниковедческий, но, с учетом масштаба и научного значения работ А. А. Зимина и М. Е. Бычковой, и историографический интерес.

Ключевые слова: «Поганая книга», русская книжно-рукописная традиция, Дмитрий Китаев, холопство, А. А. Зимин, М. Е. Бычкова

В 1986 г. М. Е. Бычкова писала: «Во время работы над изучением состава класса феодалов А. А. Зимин подарил мне свои выписки из списков книги Дмитрия Китаева» [Бычкова, 1986, с. 160, прим. 54]. Этот подарок А. А. Зимина сохранился в личном архиве М. Е. Бычковой, который в настоящее время готовится к передаче на хранение в архив Института российской истории РАН. Он представляет собой не столько выписки, сколько полностью подготовленную публикацию «Поганой книги» Дмитрия Китаева по четырем спискам.

Следует напомнить, что под этим названием в историографии фигурирует родословный памфлет XVII в., отчасти основанный на писцовой книге Вотской пятины 1500 г. писца Дмитрия Васильевича Китаева. «Поганая книга» значительно дополняет ряд княжеских и боярских послужильцев («людей»), чье испомещение в Вотской пятине отмечает писцовая книга. А. А. Зимин многократно обращался к этому источнику при изучении института холопства, в исследованиях сюжетов о роспуске боярских дворов в конце XV в., о присоединении Новгорода [Зимин, 1973, с. 299–300; Зимин, 1982, с. 27, 67, 143; Зимин, 1988, с. 239–240, 242, 285, 306, 310].

Насколько можно судить, А. А. Зимин решил повременить с публикацией до выявления новых списков источника. О задаче выявления «всех сохранившихся (поздних) списков памятника» как необходимым условием их источниковедческого изучения он писал в 1973 г. [Зимин, 1973, с. 299]. На последней странице машинописи его рукой (судя по цвету чернил, в три этапа) после четырех первых списков

указано еще 16, некоторые сопровождаются кратким описанием. Позднее прибавилось еще три списка [Зимин, 1988, с. 310, прим. 14], но в публикации они не использованы. Затем А. А. Зимин передал рукопись своей ученице М. Е. Бычковой – предполагалось, что она завершит эту трудоемкую работу.

Действительно, Бычкова продолжила выявлять новые списки «Поганой книги», добавив в перечень еще четыре рукописи, и провела текстологическое исследование памятника [Бычкова, 1986, с. 157–168]. Она выделила три редакции «Поганой книги» (1-ю, 2-ю и особую). В ее архиве находится незаконченная рукопись публикации «Поганой книги» (списки 1-й и 2-й редакций). Тем не менее, проблему, как ее понимал Зимин, нельзя признать решенной, хотя бы потому, что к своему исследованию Бычкова привлекла только 24 списка из известных на ту пору 35.

Подготовленная Зиминим публикация заслуживает выхода в свет – и не только как представляющая историографический интерес. Она до сих пор остается единственной попыткой публикации «Поганой книги» с привлечением нескольких списков и указаниями на содержащиеся в них варианты.

Рукопись публикации представляет собой машинописный текст на 23 страницах с рукописными пометами, исправлениями и дополнениями А. А. Зиминой и М. Е. Бычковой. Дополнения и варианты, приведенные М. Е. Бычковой, отделяются от текста Зиминой квадратными скобками и сопровождаются ее инициалами. Подобным же образом обозначены примечания публикатора. Нами отмечаются рукописная правка машинописи Зиминим и ошибки прочтения рукописей.

Пунктуация, деление на абзацы, шрифтовые выделения, принятые А. А. Зиминим, оставлены без изменений. Нумерация ссылок заменена на валовую (в рукописи она постраничная). Названия архивохранилищ даны в современном виде. Текст рукописи сопровождается указателями личных имен и географических названий.

[I]

Список послужильцев, испомещенных в Вотской пятине в конце XV в.¹

// (Л. 209 об.) В² лето 6991³-го июня⁴ в 14⁵ де(нь) бог поручил великому князю⁶ Ивану Васильевичу всеа Руси⁷ Дородному⁸ Великий Новъград под его богохранимую деръжаву.

Имена⁹ княженецким людем и боярьским слугам⁹, чей хто¹⁰ бывал¹¹ послуживец, и хто¹² чей сын, и племянник, и дядя¹³, и внук, и зять¹⁴, как⁶ князь великий имал из¹⁵ боярских дворов людей и велел испоместить по своему государеву указу в⁸ Вотской пятине¹⁶ писцу Дмитрею Китаеву¹⁷.

Выпись¹⁸ с¹⁹ писцовых¹⁹ книг писма²⁰ Дмитрея Китаева. Перечень семьям²¹.

Рохмановы²², Кашъкаровы²³, Яношевы²⁴, Борановы²⁵, Мырковы²⁶, Постелниковы, Чеботовы²⁷, Клементъевы, Чепчюговы²⁸, // (Л. 210) Мехъченновы²⁹,

Хомутовы³⁰, Чебскирины³¹ – Ивановские люди Борисовича³⁰ Тучькова³¹,
32-12 семей ево двора⁻³².

Сергеевы³³, Артемьевы, Телкины³⁴, Зеленины³⁵, Бирюлевы³⁶, Битюковы³⁷,
Албуевы³⁸ – князь Семеновские люди Ряполовского, 32-7 семей ево двора⁻³².

Щедрины³⁹, Быковы⁴⁰, Ляпины⁴¹, Пестриковы, Хомутовы, Печенеговы⁴²,
Нефедьевы, Щедрины⁴³, Ретьковы, Терпигоревы – Васильевские люди Бо-
рисовича⁴⁴ Тучькова⁴⁵. 32-10 семей ево двора⁻³².

Пущины⁴⁶, Муравьевы⁴⁷ да зять⁴⁸ их⁴⁹ Лучька⁵⁰ Нороватой⁵¹ // (Л. 210 об.)
Отлопатовского⁵², Некрасовы⁴⁴, Назимовы – Обрасцовские люди Толокневы⁵³.

Виселькины⁵⁴, Непалчины⁵⁵, Ратиловские⁵⁶ – Огибаловских⁵⁷ людей⁵⁸.

Шамшевы⁵⁹, Хорошевы, Головкины⁶⁰, Ехиднины⁶¹, Бастаковы⁶², Скобель-
цыны, Враловы⁶³, Шубины, Шульгины⁴⁴, Козодавлевы – князь Ивановские
люди Юрьевича⁶⁴.

Атрепиных⁶⁵ люди⁶⁶ Бурковы⁶⁷.

Скрябины – Михайло Русалкина⁶⁸ люди.

Мустофины⁶⁹, Татьянины⁷⁰, Нестеровы⁷¹, Кашкаровы⁷², Карьсаковы⁷³, То-
роватой⁷⁴, Неледенские⁷⁵ – Шереметевские люди.

Шемяковы⁷⁶, Тарусины, Обрамовы – Сараевские⁷⁷ люди.

Буновы⁷⁸, Бестужие⁷⁹, Быковы⁸⁰ // (Л. 211) – Васильевские люди Кузьмина.

Базаровы⁸¹, Овсеевы⁸², Гуледовы⁸³, Назимовы⁸⁴ – 10-Богдановские люди
Есипова⁻¹⁰.

Куликовы, Колокольцовы, Меченовы⁸⁵, Быковы⁸⁶, Савины⁸⁷, Шаблыкины⁸⁸.

Салтыковские люди Травина во⁸⁹ 8 семей⁹⁰: Белосельские⁹¹, Одиньцовы,
Рындины, Чернышевы, Савлуковы⁴⁴, Колоколовы⁹², Меча[ни]новы⁹³, Сави-
ны, Бельские⁹⁴ – Олопаевские⁹⁵ люди: Пущины, Муравьевы.

Васильевские люди Тучькова⁹⁶: Неледенские⁹⁷, Волковы, Быковы⁹⁸, Упины⁹⁹.

Обрасцовские¹⁰⁰ люди: Некрасовы, Назимовы. 2 семьи.

Товарковы люди: Епаньчины.

[Ярославские люди Егенчины. – О. Х.]

Висел(ь)кины¹⁰¹ Еропиных // (Л. 211 об.) людей¹⁰² Мещерские.

Русалского человек Бокарвен¹⁰³.

Скобельцыны¹⁰⁴, Враловы, Шулгины, Дулины – князь Ивановские люди
Юрьевича.

[II]

По¹⁰⁵ государеву указу поместил¹⁰ писец Дмитрий Китаев Вотцкие¹⁰⁶ пя-
тины¹⁰⁷ в¹⁰⁸ Кеобирсельском¹⁰⁹ погосте¹⁰. Испомещены¹¹⁰ в Кабольском⁻¹¹⁰
Истомька¹¹¹ да Богдашко Яковлевы дети Рохмановы¹¹² – Ивановские люди
Борисовича⁸ Тучькова.

В¹¹³ Спаском¹¹⁴ погосте¹⁰ на Отриджи¹¹⁵ испомещены Игнашко да Пу-
тилко¹¹⁶ Семеновы дети Сергеевы да Поздейко¹¹⁷ Артемьев сын – князь Се-
меновские люди // (Л. 212) Ряполовского.

В¹¹⁸ Тихотском¹¹⁹ погосте¹⁰ испомещены¹²⁰: Гридя¹²¹ Елькин¹²² – князь Се-
меновской, человек¹²³ Ряполовского.

В¹²⁴ Полоцком¹²⁵ погосте испомещены¹²⁶: Васюк¹²⁷ Дмитриев сын Щедри-
на¹²⁸ – Васильевской¹²⁹ человек Борисовича Тучькова.

В¹³⁰–том же^{–130} погосте¹³¹ испомещены¹³²: Сенка Мустофин¹³³, да Онисимко¹³⁴, Михайлов сын¹³⁵ Татьяна¹³⁶,¹⁰–да сын ево¹³⁷ Андрейко¹³⁸, да Мустофина зять Гришка¹³⁹ Митюков¹⁴⁰ сын Нестерова, да Ивашко Карташов¹⁴¹, Гридин сын^{–10},¹⁴² – Шереметевские люди¹⁴³; Михалко [Микитин сын Кашкин, Тучковской человек, Михалко. – М. Б.]¹⁰–Янышев¹⁴⁴ Борисов сын Овцына¹⁴⁵ – Тучьковской человек^{–10},¹⁴⁶.

В Толбуцком¹⁴⁷ погосте, а в нем испомещены новгородцы¹⁴⁸ Ивашко¹⁰–Сенин сын^{–10} Шатаев¹⁴⁹ – Сараевской человек^{–150}. // (Л. 212 об.)

Бориско,¹⁰–да Гришка, да^{–10} Семенец, да Иванец, Русиновы дети¹⁵¹ Тыркова – Ивановские люди Борисовича Тучькова¹⁵².

Иван, Алферьев сын¹⁰ Быков, да дети ево Игнатко¹⁵³ да Гридя¹⁵⁴ – Васильевские люди Кузмина.

Ивашко Морозов, сын Базаров, да Максим¹⁵⁵, Борисов сын Гуледены¹⁵⁶¹⁵⁷–з детми^{–157},¹⁵⁸.

В¹⁵⁹ Рачниском¹⁶⁰ погосте,¹⁰–а в нем^{–10},¹⁶¹ испомещены¹⁶²: Демех¹⁶³ Нестеров сын Назимов з детми – Богдановские¹⁶⁴ люди¹⁶⁵ Есипова; да¹⁶⁶ Гридя Олферьев сын Быков¹⁶⁷ – Васильевские люди¹⁶⁸ Кузьмина.

В¹⁶⁹ Кархальском¹⁷⁰ погосте испомещены¹⁷¹: Гаврилъко Федоров сын Бельской¹⁷² – Салтыковской¹⁷³ человек Травина; Пудша¹⁷⁴ да его дети¹⁷⁵ Булгак, да¹⁶⁶ Ондрейко, да¹⁶⁶ Русинко, да¹⁶⁶ Михалко, да Иванко¹⁷⁶ // (Л. 213) Муслев¹⁷⁷ – Олоповские¹⁷⁸ люди¹⁷⁹.

Погост, а в нем¹⁸⁰ испомещены¹⁸¹: Лучька¹⁸² да Гридя¹⁸³, Ивановы дети Федоровича¹⁸⁴, да зять их Иванъко Коконов¹⁸⁵ Нароватые¹⁸⁶, Андрей¹⁸⁷ Жюков¹⁸⁸, сын¹⁰ Нелединъской¹⁸⁹ – Шереметевых¹⁹⁰ людей¹⁹¹; Иванъко Некрасов¹⁹², Алексеев¹⁹³ сын Назимов, да³⁰¹⁹⁴–ево^{–194},¹⁹⁵ дети Васка¹⁹⁶ да Савка¹⁹⁷ Безстужие¹⁶⁶ – Обрасцовские¹⁹⁸ люди; Иванъко Сенкин¹⁹⁹, сын Абрамова²⁰⁰, Федька Турсанъкин²⁰¹, сын Обрамова²⁰² – Саратовские²⁰³ люди; Игнатко²⁰⁴ Черънышев²⁰⁵ – Салтыковской человек²⁰⁶ Тровина; Сенко, да⁸ Петрок²⁰⁷, да⁸ Истомка, да Федка Микитины, дети Лапины – Васильевские люди Тучькова; Назим²⁰⁸, Костянтинов²⁰⁹ сын¹⁶⁶, да ево дети Иванко, да⁸ Гридя, да Панка, да⁸ Бориско, // (Л. 213 об.) да Степанко, Обрасцовские люди.

В²¹⁰ Кипенском²¹¹ погосте испомещены: Ивашко Большой да²¹² Ивашко Пестърой²¹³ Васькины дети Хомутова – Васильевские люди⁸ Борисовича¹⁶⁶ Тучькова.

В²¹⁴ Дягильском²¹⁵ погосте испомещены²¹⁶: Митя, Савин сын²¹⁷ Савлуков²¹⁸ – Салтыковской¹⁶⁶ человек Травина; Васюк²¹⁹, Костянтинов сын Назимов з детми – Обрасцовские²²⁰ люди; Алешка Михайлов, сын²²¹ Мухорт²²² – Васильевской человек Кузьмина²²³.

Во²²⁴ Арлинском²²⁵ погосте испомещены²²⁶: Федька, да¹⁶⁶ Филип²²⁷, да Митя Хомяк⁸ Рындиин²²⁸, Якушко²²⁹ Черънышев²³⁰ Уваров²³¹ сын Савина – Салтыковские²³² люди Травина²³³. //

(Л. 214) В²³⁴ Городенском²³⁵ Предотеченском²³⁶ погосте¹⁰ испомещены²³⁷: Сенка Костянтинов, сын Печеногов²³⁸ – Васильевской человек Тучькова²³⁹; Андрейко Иванов, сын²⁴⁰ Постельников – Ивановской человек Борисовича⁸ Тучькова²⁴¹.

В²⁴² Пенском²⁴³ погосте испомещено²⁴⁴: Митя Козел²⁴⁵, Андреев сын Шадрина²⁴⁶ – Васильевской²⁴⁷ человек²⁴⁸ Тучькова.

²⁴⁹—В Городельском²⁴⁹ Спаском²⁵⁰ погосте¹⁰ испомещены²⁵¹: Оденец²⁵² Шамгшев²⁵³, Денис ²⁵⁴—Никитин, сын Хорошев²⁵⁴, да⁸ Нестерко²⁵⁵ Головкин²⁵⁶ — князь Васильевские²⁵⁷ люди Юрьевича²⁵⁸; Васюк²⁵⁹ Нефедьев²⁶⁰, Васильевской человек²⁶¹ Тучькова.

В²⁶² Коробосельском²⁶³ погосте испомещены²⁶⁴: Талча²⁶⁵ // (Л. 214 об.) да³⁰ Павлик²⁶⁶, Ехидиновы²⁶⁷ дети¹⁰, Влас²⁶⁸ Бастаков²⁶⁹ — князь Ивановские люди Юрьевича²⁷⁰; Гридя да Васюк, Ивановы дети²⁷¹ Мещерсковы²⁷² Аеропины¹⁶⁶; Иевец²⁷³, Иванов сын Рохманов²⁷⁴ — Ивановские люди²⁷⁵ Борисовича¹⁶⁶ Тучькова.

В²⁷⁶ Кунвоцком²⁷⁷ погосте испомещены²⁷⁸: Иванко Тырков²⁷⁹ — Ивановской человек²⁸⁰ Тучькова²⁸¹, да ево дети Сенка да Ивашко²⁸², да²⁸³ Бориско Борков²⁸⁴ — Михайловской человек²⁸⁵ Руса[л]кина²⁸⁶.

В²⁸⁷ Дудоровском²⁸⁸ погосте испомещены²⁸⁹: Сенка, Клементьев²⁹⁰ сын да²⁹¹ Ивашко²⁹², Федотко²⁹³, Григорьев сын Чеботов¹⁶⁶ Мягчанинов²⁹⁴, Васюк да²⁹⁵ Ляпун²⁹⁶ Ивановы²⁹⁷, дети¹⁶⁶ Рохманиновы²⁹⁸, Ивашко¹⁶⁶, да брат ево Ивашко²⁹⁹ ж³⁰, // (Л. 215) да Пятунька³⁰⁰ Васюковы, дети Хомутовы — Ивановские¹⁶⁶ люди Тучькова³⁰¹.

В³⁰² Сакульском³⁰³ погосте испомещены: Васка³⁰⁴ Костин³⁰⁵, сын Печенегов — Ивановской³⁰⁶ человек Тучькова³⁰⁷.

В³⁰⁸ Григорьевском³⁰⁹ погосте, а в нем³¹⁰ испомещено³¹¹: Зеленя да его³¹² дети Ивашко³¹³, да¹⁶⁶ Володя³¹⁴, да¹⁶⁶ Митя, да¹⁶⁶ Савка³¹⁵, да¹⁶⁶ Матфейко³¹⁶, да¹⁶⁶ Мишко³¹⁷, Гридин сын¹⁶⁶ Бирюлев, Данилко, Сенка³¹⁸, да⁸ Мишко³¹⁹, да³⁰ Несвитайко³²⁰, да¹⁶⁶ Федко³²¹, да¹⁶⁶ Левко³²² Битюков³²³, Алексейко³²⁴, Семеновы дети Албуевы³²⁵ — княж Семеновские³²⁶ [люди. — М. Б.] Ряполовского³²⁷.

В³²⁸ Замыцком³²⁹ погосте испомещены³³⁰: Ивашко Скобелцын, да¹⁶⁶ Михалко³³¹ Угримов³³², сын Вралов³³³, да¹⁶⁶ Левка³³⁴ Федо // (Л. 215 об.) ров, сын Шалчяня³³⁵ — княж Ивановские люди Юрьевича³³⁶.

[III]

Списано у розрядного³³⁷ подьячева у Ивана Малышева, а давал ту книгу из Розъяду³³⁸ подьячей Любим Домнин Петру Иванову, сыну Северову. А у Петра Северова тое книгу списывал человек Петров Петрушка Алексеев, сын Дружинин.

По государеву указу в Вотцкой пятине поместил писец Дмитрий Китаев.

В Кеорбисельском³³⁹ погосте испомещены: Истомак да Богдашко Яковлевы, дети Рохмановы — Ивановские люди Борисовича Тучькова.

В Спаском погосте на Отредижи испомещены: Игнашко // (Л. 216) да Путилко, Семеновы дети Сергеевы, да Поздейко, Артемьев сын — князь Семеновские люди Ряполовского.

В Солоцком погосте испомещены: Васюк³⁴⁰ Дмитриев, сын Шадрина³⁴¹ — Васильевской человек Борисовича Тучькова.

В Полотцком погосте испомещены: Васюк Дмитриев, сын Шадрина — Васильевской человек Борисовича Тучькова.

В Селецком погосте испомещены 7 семей: Сенка Мустафа Михайлов сын Татьяна, да сын ево Овдейко, да Мустафин зять Федька Митюков сын Нестеров, да Ивашко Карташ, Гридин, да Онисимъко // (Л. 216 об.) Михайлов, сын Татьяна, Сенька Жюков, сын Нелединской — Шереметевских

людей; Михайло Никитин, сын Кашкин, Гаврилъко, Рахманов сын, Михалко Янышев – Борисов человек Овцына.

В Толбуцком³⁴² погосте испомещены две семьи, да тут же испомещены и[ва]негородцы³⁴³: Ивашко Шатаев, Сенкин сын Аврамов – Сарычевские люди; Бориско да Гришка Михайловы, дети Тыркова – Ивановские люди Борисовича Тучкова; а и[ва]негородцы селились: Ивашко Олферьев, сын Быков, да детей ево Ивашко да Гришка – Васильевские люди Кузмина, Ивашко Морозов, сын Базаров, да Максимко Борисов, сын Будилон³⁴⁴, да Гридя Семенов, сын Куликов – Богдановские // (Л. 217) люди Есипова.

В Расельском погосте испомещены две семьи: Демех Нестеров, сын Назимов, з детми – Богдановские люди Есипова; Гридя Олферьев, сын Быков, – Васильевской Кузмина.

В Карсальском погосте испомещены восемь семей: Лучъка да Гришка Ивановы, дети Федосова, да зять их Ивашко Кононов Нароватой, Андрейка Жюк Нелединской – Шереметевские люди; Ивашко Некрасов Алексеев, сын Назимов, да ево дети Васка да Савка – Обрасцовские люди; а⁸⁹ Ивашко Сенькин, сын Аврамов³⁴⁵ – Сарычевские люди; Игънашко Черныш, Понъкрашка Шаблыкин – Салтыковские люди Травина; Сенка, да Петрок, да Истомка³⁴⁶, да Федка, Никитины³⁴⁷ дети // (Л. 217 об.) Лапина – Васильевские люди Тучкова; Назимко Костянтинов да ево дети Иванко, да Гридя, да Панка, да Бориско, да Степанко – Обрасцовские люди.

В Кипенском погосте испомещены: у⁸⁹ Ивашка Большой да Ивашко Пестрой Васькины, дети Хомутовы³⁴⁸ – Васильевские люди Тучкова.

В Дягърильском погосте испомещены три семьи: Митя Савин – Салтыковской человек Травина; Васка Костянтинов, сын Назимов, з детми – Обрасцовские люди; Олешка Михайлов, сын Мухортов – Васильевской человек Тучкова.

В³⁴⁹ Арлинском³⁵⁰ погосте испомещены три семьи: Федка Филипов, сын Толокиев³⁵¹, Ивашко Васильев, сын Огибалов³⁵² – // (Л. 218) Ивановской человек Товаркова, Федька Голова Мегъчанов – Салтыковской человек Травина.

В Предтеченском погосте испомещено 2 семьи: Сидорко Родионов, сын Епанъчин, Федка Андреев, сын Виселкин³⁵³ – Ярославских людей.

В Ястирбецком погосте испомещено одна семья: Васюк да Нечайко Никитины, дети Щедрина – Васильевские люди Тучкова.

В Григорьевском погосте испомещены 3 семьи: Васюк, Аврамов сын – Сарычевской человек; Ивашко Жюк, Андреев сын Нелединской – Шереметевской человек да ево дети; да Ондрейко Одинъцов – Салтыковской человек Травина; Ивашко Рохманов – // (Л. 218 об.) Ивановской человек Тучкова.

В Пречистенском в Городенском погосте испомещены две семьи: Сенька Костянтинов, сын Печенегов – Васильевской человек Тучкова; да Ондрейко Иванов, сын Постельников – Ивановской человек Тучкова.

В Вельском погосте испомещены 6 семей: Одинец Шамышев да Денис Никитин, сын Хорошев, да Федка Головкин – князь Ивановские люди Юрьевича; Васюк, Нефедьев сын, Кондрашко да Кирилко, Васильевы дети Терпиго-ревы³⁵⁴ – Васильевские люди Тучкова.

В Коробосельском погосте испомещены 4 семьи: // (Л. 219) Полкан Павлин Ехидновы, Влас Родионов, сын Бастаков – князь Ивановские люди Юрьевича; Гридя да Васюк, Ивановы дети – Мещерские люди.

В Койвацаком погосте испомещены 4 семьи: Ивашко Тырков да ево дети [Сенка. – М. Б.], ³⁵⁵–да Ивашко, да Павелко, Салтанов сын, да ево дети Митко^{–355} да Васка Чепькирины – Ивановские люди Тучькова; Бориско Борков, Тараска³⁵⁶ Скрябин – Михайловские люди Русалкина.

В Дудоровском погосте испомещены 4 семьи: Сенка, Клементьев сын, да сын ево Ивашко, да Федейко, Григорьев сын Мельченев³⁵⁷, Васюк да Ляпун – Ивановы дети // (Л. 219 об.) Рохмановы, Ивашко, да брат ево³⁵⁸ Ивашко ж⁴⁴, да Петрушка³⁵⁹, Васюковы дети Хомутова – Ивановские люди Тучькова.

В Сакульском погосте испомещены: Васюк Костянтинов, сын Печенегов – Васильевской человек Тучькова.

В Рученском погосте испомещено 2 семьи: Сенка Рындин, да Митя³⁶⁰, да Хомяк Рындин, да Якушка Черныш³⁶¹ Уваров, сын Савина³⁶² – Салтановские³⁶³ люди Травина.

В Городецком погосте испомещены: Осташка Демехов, сын Ретьков – Васильевской человек Тучькова.

В другом Григорьевском погосте испомещено 4 семьи: Зелена да ево дети Ивашко, да Володя, да Микита, // (Л. 220) да Савинко, да Матвейко, да Мишка Гридин. сын Бирюлев³⁶⁴ Ивеков³⁶⁵, да Дементейко, да Несвитайко, да Федка, да Илейка Битюковы, да Олексейко, да Ивашко, Семеновы дети Албуевы – князь Семеновские люди Ряполовсково.

В Замыцком погосте испомещены 3 семьи: Ивашко Скобелцын, Микулка Угримов, сын Вралов, Алешка Федоров, сын Шубин – князь Ивановские люди Юрьевича; Нелединские³⁶⁶, Волковы, Быковы³⁶⁷, Упины – Васильевские люди Тучькова³⁶⁸.

Использованные списки

1. Ундольского № 812 (основной) – описание его см. во введении к Тысячной книге³⁶⁹.

2. Уварова № 1337 (6) – хронограф конца XVII в. на 636 листах размером в лист. Текст помещен на л. 627–630. Далее на л. 630–634 об. – «Роспись чиновная»; 6971 – кто был в дворецких, 7102 – в кравчих и т. д.; л. 434 об. –435 об. родословие Поливановых, Леонтьевых-Столовых³⁷⁰, Волконских. Подробное описание см. у Леонида³⁷¹ (в вариантах обозначаем У).

3. Музейный № 734 (из рукописного собрания Библиотеки им. Ленина). Родословная книга XVIII века в лист. Текст помещен на л. 191–193 об. (в вариантах обозначаем М)³⁷².

4. Вакромеева № 136. Родословная книга XVIII века в лист на 77 листах; текст помещен на листах 15 –...³⁷³, после текста л. 14 об. «во 117-м году, как был в Новгороде князь Иван Васильевич Шуйской (в вариантах обозначаем В)³⁷⁴.

5. Троицкий I № 15, в 4°, XVIII [в.], в сборнике на 87 л. Сборник разрядных материалов. На л. 26–34. На л. 1–25 Приговор 1682 г. (СГГД. [М., 1828. Ч.] IV. [С. 396–410] № 130); на л. 35–62 бояре и др. списки 7086 года;

на 62–67 список новгородских воевод и дьяков с 7024 года; л. 69–84 списки новгородских губных старост, недельщиков и др.³⁷⁵

6. Тр о и ц к и й II № 18. XVIII в. в лист на 135 л. Родословный сборник. В начале л. 1–110 родословные и выписки из разрядов. Список Дм. Китаева (л. 111–113), помещен в составе судного дела новгородцев³⁷⁶ 1647 г. сентября; на л. 113 об. – 135 Нижегородский летописец³⁷⁷.

7. Му з е й н ы й № 8973, на 231 л.³⁷⁸ X[V]III в. Новый летописец с прибавлениями: л. 226 об. – 227 об. Дм. Китаев; л. 228–229 – отрывки из разрядов³⁷⁹.

8. Сомнительно: «Поганая книга» 1588 г. ГИМ. Отд. письм. источников. Ф. 342³⁸⁰. Ед. 26.15.141.

9. ГИМ. Муз. № 2918. XVII, в 4°, 611 л. Разрядно-родословный сборник. Л. 380–382 Дм. Китаев.

10. ГИМ. Муз. № 3257. XVII в. 1°. 522 л. Разрядная книга. Л. 481 – стрелецкие головы; 483–487 Дм. Китаев; 488–497 об. Списки... и др. [100 г.]; л. 498–499 6991 июня 17 Дм. Китаев; 499–499 об. новгород. недельщики; 501 об. – 503 об. 7183 список полковым головам и... московских стрельцов; 517–518 об. Летописец; 519–521 об. 7105 мая 11 десятилетия... арзамасцам.

11–13. ЦГАДА. Рук. б. МИД. № 36, 83, 461³⁸¹.

14–16. ЦГАДА. Мазурин³⁸². Ф. 196. № 477, 822, 872³⁸³.

17. [РГАДА. Собр.] Малинов[ского]. Ф. 197. [Портф. 2]. № 32³⁸⁴.

18. [РГАДА.] Пр. Тайн. дел. Ф. 27. № 4³⁸⁵.

19. ЛОИИ. Археогр. № 29. Л. 78 (Китаев и др.).

20. ГИМ. Отд. письм. источников. Фонд 342. един. 26. XVII в. Новгород. разр. со ... список новг. недельщиков 1584 года и др. новгород. материалы. Л. 8 об. – 15 об. Дм. Китаев.

Примечания

¹ [Заголовок написан А. А. Зиминным чернилами на верхнем поле. После предлога «в» вычеркнуто «Нового». – О. Х.].

² В, У *отс.* В Список с писцовых книг Дмитрея Китаева Вотцъкие пятины слово в слово [М *отс.* Список из Дмитриевы книги Китаева Воцкие пятины слово в слово двадцети седми погостам. – М. Б.].

³ М 6961.

⁴ В, [М. – М. Б.], У июля.

⁵ М 31, В 4, У 17.

^{6, 6} В *последние два слова отс.*

⁷ В *вместо последних двух слов* великому князю.

^{8, 8...} М *отс.*

^{9–9} [М боярским людям и княжнецким, кто. – М. Б.].

^{0, 10...} [М *нет.* – М. Б.].

¹ М *был.*

² [Испр. А. А. Зиминным из кто. – О. Х.].

³ М *последние два слова отс.*

⁴ М *далее и.*

¹⁵ М *с.* – М. Б.

¹⁶ М *пятины.*

⁷ [Испр. А. А. Зиминным из Исаеву. – О. Х.].

⁸ М, В *список.*

- ⁹⁻¹⁹ *М* писцовые книги. – *М. Б.*
- ²⁰ *М* далее и меры; *В* писца.
- ²¹ [*Испр. А. А. Зиминным из людям. – О. Х.*] *М* фраза отс. *В* вместо фразы в перечни семьям. *У* вместо последних трех фраз и в то время боярских людей князь великий из боярских дворов имал и велел их поместить в Новеграде своему государеву писцу Дмитрию Китаеву.
- ²² *В* Рамановы; *У* Ратмановы.
- ²³ *У* Кошкаровы.
- ²⁴ *М*, *У* Янышевы; *В* Юношев.
- ²⁵ *М* Барановы.
- ²⁶ *М* Тыртовы; *У* отс.
- ²⁷ *У*, *М* отс.; *В* последние трое отс.
- ²⁸ *М* Черчуговы; *В* Чемчуговы.
- ²⁹ *М* Мячаниковы; *В* Немчиновы; *У* Мечениковы.
- ^{30, 30... 30} *У* отс.
- ^{31, 31} *У* Точкова.
- ³²⁻³² *В*, *М*, *У* фраза отс.
- ³³ *М* Гордеевы.
- ³⁴ *М* Темкины; *В* Телнины; *У* Темниковы; [далее приписано А. А. Зиминным. – О. Х.].
- Ун. на полях 19.
- ³⁵ *М* Оленины.
- ³⁶ *В* Бирюлины.
- ³⁷ *М* Бичуговы; *У*, *В* Батюковы.
- ³⁸ *В*, *У* Албычевы.
- ³⁹ *М*, *У* Шадрины; *В* Шабрынины.
- ⁴⁰ [*Испр. А. А. Зиминным из Буковы. – О. Х.*].
- ⁴¹ *М* Лапины; *В* Лапики.
- ⁴² *У* поставлены перед тремя предшествующими.
- ⁴³ *М* отс.; *В*, *У* Щербинины.
- ^{44, 44... 44} [Вписано А. А. Зиминным над строкой. – О. Х.].
- ⁴⁵ *В* Чулкова; *У* Ускова.
- ⁴⁶ *У* Пущены.
- ⁴⁷ *У* Моравьевы.
- ⁴⁸ *М* из; *У* зятя.
- ⁴⁹ [*М* них. – *М. Б.*].
- ⁵⁰ *У* Лука.
- ⁵¹ *М* Вороватой; *В* Наратовы.
- ⁵² *У* Холоповского люди; *В* Холопские; *М* Холопоцкаго.
- ⁵³ [*Испр. А. А. Зиминным из Вокневы. – О. Х.*]; *М* Толокневы; *В* Толокаевы, причем вместо дальнейшей части фразы Богсловы Товарковы людей. Песихины Ефимаровские Пловские, Ярославских людей; *У* Тологбеевы.
- ⁵⁴ *У* Песискины; [*М* нет. – *М. Б.*].
- ⁵⁵ *У* Иванчины; [*М* нет. – *М. Б.*].
- ⁵⁶ *У* Ратисловские; [*М* нет. – *М. Б.*].
- ⁵⁷ *У* Ярославские; [*М* Огибаловы, далее Товарковых люди. Посенкины, Епанчины, Ратилловские – Ярославских князей. – *М. Б.*].
- ⁵⁸ *У*, [*М*. – *М.*] люди; *М* вместо фразы Погибаловы Товарковых люди. Посенкины, Епанчины, Ратилловские – Ярославских князей.
- ⁵⁹ *В* Шамшеевы.
- ⁶⁰ *М* Головцыны; *В* Головины.
- ⁶¹ [*Испр. А. А. Зиминным из Юхиднины. – О. Х.*]; *М* отс.; *В* Ехидневы; *У* Ехидины.
- ⁶² *М* Батаковы; *В* Батановы; *У* Богдановы.
- ⁶³ *М* Фроловы; *М*, *В* далее Шубины; *У* последние два слова отс.
- ⁶⁴ *М* Ряполовского; *У* далее Ряполовского.
- ⁶⁵ *М* Машерские, Арпины – Мещерских князей; *В* Мещерскова Репикин Мещерских князей.

- ⁶⁶ У последние два слова *отс.*
- ⁶⁷ [Испр. А. А. Зиминым из Бирковы. – О. Х.]; М, В Борковы.
- ⁶⁸ М Русланскаго; У Рясанского; В Русоловского.
- ⁶⁹ [Испр. А. А. Зиминым из Мустохины. – О. Х.]; В Мостофины.
- ⁷⁰ В Тябянины.
- ⁷¹ М Неустроевы.
- ⁷² М, В *отс.*
- ⁷³ [Испр. А. А. Зиминым из Карьтаковы. – О. Х.]; В Корсановы; У Карповы.
- ⁷⁴ [Испр. А. А. Зиминым из Вороватой. – О. Х.]; М Таварковы; В Норамовы; У Тороватые.
- ⁷⁵ [Испр. А. А. Зиминым из Нелединские. – О. Х.]; В Ниленские; У Нелединские.
- ⁷⁶ М Шепяковы; В Шепиковы; У Шапиковы.
- ⁷⁷ М Сароготцаго; У Саратовские; В Сарычевские.
- ⁷⁸ М Бубеневы; У Травина, Бутковы; В *отс.*
- ⁷⁹ М Бестужевы; У Безстужие.
- ⁸⁰ В Быговы, поставлены перед предшествующим словом; [М нет. – М. Б.].
- ⁸¹ М *отс.*; У Борисовы.
- ⁸² М Авдеевы; В Евсевьевы; У Евсевевы, далее включая Есипова *отс.*, вместо этого Бутаковы.
- ⁸³ [Испр. А. А. Зиминым из Булетовы. – О. Х.]; В Будовы; У Будаевы; [М Бутаковы – М. Б.].
- ⁸⁴ В далее Куликовы; [М нет. – М. Б.].
- ⁸⁵ М Меченеговы; У Мечениковы.
- ⁸⁶ М *отс.*; У поставлено после следующего слова.
- ⁸⁷ У Саваны.
- ⁸⁸ [М далее Нелединские, Волковы, Быковы, Лапины. – М. Б.]; У Ляпины, после чего Васильевские люди Тучкова. На этом текст У кончает роспись фамилий.
- ^{89, 89... 89} [Так в рукописи. – О. Х.].
- ⁹⁰ В текст Куликовы, Колоколовы... 8 семей *отс.*; [напротив примечания рукой М. Е. Бычковой: Васильевские люди Тучкова, конец росписи. – О. Х.].
- ⁹¹ В Белозерецкие.
- ⁹² Ун *описка* Колококолвы [вписано А. А. Зиминым над строкой; в рук. Колококолвы. – О. Х.]; В текст Рындины... Колокольцевы *отс.*
- ⁹³ [В рук. Мегчановы. – О. Х.]; В Мечениновы
- ⁹⁴ В Шабланины. Сантатовские люди Графина.
- ⁹⁵ [В рук. Олопавская; машинописное Ословские *испр.* А. А. Зиминым на Олавские; М. Е. Бычковой на Олопаевские. – О. Х.].
- ⁹⁶ В Ословские... Тучкова *отс.*
- ⁹⁷ [Испр. А. А. Зиминым из Мелединские. – О. Х.].
- ⁹⁸ В *отс.*
- ⁹⁹ В, М Лапины. Дальнейшая часть первого памятника *отс.*
- ¹⁰⁰ [Испр. А. А. Зиминым из Обравцовьские. – О. Х.].
- ¹⁰¹ [Испр. А. А. Зиминым из Веселькины. – О. Х.].
- ¹⁰² [Испр. А. А. Зиминым из люди. – О. Х.].
- ¹⁰³ [Испр. А. А. Зиминым из Бокарбен; в рук. Боркавен, буква в *испр.* из другой. – О. Х.].
- ¹⁰⁴ [Испр. А. А. Зиминым из Кобельцыны. – О. Х.].
- ¹⁰⁵ У Водские пятины по; [М Воцкие пятины *испоместил* по. – М. Б.].
- ¹⁰⁶ [Испр. А. А. Зиминым из Вотские. – О. Х.].
- ¹⁰⁷ У, [М. – М. Б.] последние два слова *отс.*
- ¹⁰⁸ М далее первом [погосте. – М. Б.]; У далее 1 погост.
- ¹⁰⁹ [Испр. А. А. Зиминым из Киоберсельском. – О. Х.]; М Карабаселском, причем поставлено после следующего слова; У Скоросельском
- ¹¹⁰⁻¹¹⁰ [М нет. – М. Б.]; [далее в строке *осн. текста* зачеркнуто погосте, к слову *примечание.* – О. Х.]. М, У последние три слова *отс.*

- 111 [Испр. А. А. Зиминным из Истомко. – О. Х].
 112 У Ратманова.
 113 У 2 погоста; **М** далее втором [погосте. – М. Б.] и следующие два слова в обратном порядке.
 114 У Епольском.
 115 **М** Ореде; У Одерее.
 116 **М** Узлыка [Пузлыка. – М. Б.]; У Пунко.
 117 [Испр. А. А. Зиминным из Позейко – О. Х.].
 118 У 3 погост; **М** далее третьем [погосте в – М. Б.] и следующие два слова в обратном порядке.
 119 **М** Игоцком [Тигоцком. – М. Б.]; У Тихолоцком.
 120 **М** испомещен.
 121 [Гришка. – М. Б.; список не указан. – О. Х.].
 122 [Испр. А. А. Зиминным из Ельфин. – О. Х.]; **М** Белкин.
 123 У вместо последних двух слов Семеновские люди.
 124 У 4 погост; **М** [далее. – М. Б.] четвертом [погосте в. – М. Б.] и следующие два слова в обратном порядке.
 125 **М** Солецком; У Силоцком.
 126 **М** испомещен.
 127 **М** Васютка; У Васка.
 128 **М**, У Шадрина.
 129 У Васильев.
 130–130 [М пятом. – О. Х.].
 131 **М** вместо начала фразы в пятом погосте в Солецком.
 132 **М** далее семь семей; У 7 семей.
 133 [Испр. А. А. Зиминным из Муспов сын. – О. Х.]; **М** да Мустафа Михайловы дети Татьянины, да [сын. – М. Б.] Андрейко да Мустафин зять Фетка Матвеев сын [сын. – М. Б.] Нестроев, да Ивашко Каршеев сын Гридин.
 134 У последние два слова отс.
 135 У человек [зачеркнуто карандашом, далее рукой А. А. Зимина дописано и вычеркнуто карандашом же да Онисимко Михайлов. – О. Х.]; [далее Сенка Жуков, сын Нелединской. – М. Б.].
 136 **М** текст да сын... Гридин сын иначе, сын его выше. Вместо него Сенка Жуков сын Нелединской.
 137 [Испр. А. А. Зиминным из его. – О. Х.].
 138 У Авдейко.
 139 У Фетька.
 140 У Митюхин.
 141 У Копорша.
 142 У отс.; [далее рукой А. А. Зимина, карандашом. – О. Х.] У да Онисимко Михайлов сын Татьянин, Сенька Исупов сын Нелединской.
 143 У далее Михалко Никитин сын Кашкин, Гаврилко Романов сын.
 144 У Яшин.
 145 У Яйцин.
 146 **М** вместо фразы Михалко... человек [последние два слова вписаны А. А. Зиминным карандашом над строкой. – О. Х.] Михалко Никитин сын Кишкин, Гаврило Рахманов сын, Яшка Борисов сын, Тучкова дому люди; У вместо последних двух слов Тучковы люди; [с. 9 машинописи утрачена, восстановлена рукой А. А. Зимина на обороте с. 8. – О. Х.].
 147 [М шестом погосте. – М. Б.].
 148 [М ивангородцы. – М. Б.].
 149 [М далее Секерин сын Абрамов. – М. Б.].
 150–150 [М Сарычевские люди. – М. Б.].
 151 [М далее Михайлов сын. – М. Б.].
 152 [М далее В седмом погосте ивангородцы четыре семьи. – М. Б.].

- ¹⁵³ [М Ивашко. – М. Б].
¹⁵⁴ [М Гришка. – М. Б].
¹⁵⁵ [М Максимко. – М. Б].
¹⁵⁶ [М Будилов. – М. Б].
^{157–157} [М Гришка Семенов сын Куликов – Богдановские люди Есипова. – М. Б].
¹⁵⁸ [Испр., в рук. деими. – О. Х.].
¹⁵⁹ У 8 погост в; М далее осмом и следующие два слова в обратном порядке.
¹⁶⁰ М Расенском; У Расильском.
¹⁶¹ М, У последние три слова отс.
¹⁶² М, У далее две семьи.
¹⁶³ [Испр. А. А. Зиминим из Земех. – О. Х.]; М Дементей.
¹⁶⁴ [М Бодановскими. – М. Б.].
¹⁶⁵ М людьми.
^{166, 166... 166} М, У отс.
¹⁶⁷ У Бесков.
¹⁶⁸ М, У вместо последних двух слов Васильевской человек.
¹⁶⁹ М далее девятом и следующие два слова в обратном порядке; У 9 погост в.
¹⁷⁰ [Испр. А. А. Зиминим из Карфальском. – О. Х.]; М Карачевском; У Карском.
¹⁷¹ М, У далее две семьи.
¹⁷² М, У Белосельской.
¹⁷³ М, У Салтановской.
¹⁷⁴ М [Пуца. – М. Б.]; У Пуцева.
¹⁷⁵ М последние три слова отс.
¹⁷⁶ [Испр. А. А. Зиминим из Ивашко. – О. Х.].
¹⁷⁷ [Испр. А. А. Зиминим из Русаевы; в рук. Мулсаев. – О. Х.]; М Муратовы; У Муравьевы.
¹⁷⁸ [Испр. А. А. Зиминим из Холоповские. – О. Х.].
¹⁷⁹ У последние два слова отс.
¹⁸⁰ М вместо начала фразы в десятом погосте в Замовском; У вместо начала фразы 10 погост. В Замосковском погосте.
¹⁸¹ М далее осмь семей; У 8 семей.
¹⁸² М, У Лукашка.
¹⁸³ М, У Гришка.
¹⁸⁴ М Федосова; У Недосова.
¹⁸⁵ [Испр. А. А. Зиминим из Копанов. – О. Х.]; М Касьянко; У отс.
¹⁸⁶ М Нороватой; У Хворова да.
¹⁸⁷ М Андрейко, У Авдейко.
¹⁸⁸ У Луков.
¹⁸⁹ М Нелединские.
¹⁹⁰ М, У Шереметевские.
¹⁹¹ М, У люди.
¹⁹² М да Некрас.
¹⁹³ У Аледеев.
^{94–194} [М дети ево. – М. Б.].
¹⁹⁵ [Испр. А. А. Зиминим из его. – О. Х.].
¹⁹⁶ [Испр. А. А. Зиминим из Ивашка. – О. Х.].
¹⁹⁷ [Испр. А. А. Зиминим из Санка. – О. Х.].
¹⁹⁸ [Испр. А. А. Зиминим из Образцовские. – О. Х.].
¹⁹⁹ М Семенов.
²⁰⁰ М, У Аврамов.
²⁰¹ М Таркасенин же.
²⁰² М Аврамов; У последние три слова отс.
²⁰³ У Сараевские.
²⁰⁴ М Игнашко; У Ивашко.
²⁰⁵ М Черныш, Кондрашка Шаблыккин; У далее Панкрашка Шаблакинин.

- ²⁰⁶ **М**, **У** вместо последних двух [слов. – О. Х.] Салтановские люди.
- ²⁰⁷ **М**, **У** Петр.
- ²⁰⁸ **М** Назимко да; **У** Назимко.
- ²⁰⁹ **М** Костюнка; **У** Постельников.
- ²¹⁰ **У** 11 погост; **В**, **М** далее первом на десять и следующие два слова в обратном порядке.
- ²¹¹ **У** Помянном.
- ²¹² **У** последние три слова отс.
- ²¹³ **У** Петров.
- ²¹⁴ **М** далее втором на десять и следующие два слова в обратном порядке;
- У** 12 погост.
- ²¹⁵ **М** Дягилевском; **У** Тягилинском.
- ²¹⁶ **М**, **У** далее три семьи.
- ²¹⁷ **М** отс.; **У** вместо последних трех слов Мишка Васильев.
- ²¹⁸ **М**, **У** Саблуковской.
- ²¹⁹ **М**, **У** Васка.
- ²²⁰ [Испр. А. А. Зиминым из Образцовские. – О. Х.].
- ²²¹ **М** текст з детьми... сын отс.
- ²²² **М** отс.; **У** Мухортов.
- ²²³ **М**, **У** Тучкова.
- ²²⁴ **М** далее третьем на десять и следующие два слова в обратном порядке;
- У** 13 погост.
- ²²⁵ **М** Борлинском; **У** Орлинском.
- ²²⁶ **М**, **У** далее три семьи.
- ²²⁷ **М**, **У** Филиппов сын (**У** отс.) Толокнов (**У** Толокеев), Ивашка Васильев сын Огибалов (**У** Агибалов) – Ивановской (**У** Ивановские) человек (**У** люди) Травина; Фетка Голова (**У** далее Меченинов) – Салтановской (**У** Салтановские) человек (**У** люди) Травина. В пятом на десять (**У** вместо последних двух слов 14 погост. В Ренском погосте испомещены 2 семьи: Сидорка Родионов сын Епанчин, Фетька Андреев сын Посенкин – Ярославские люди. 15 погост). В Ястребовском погосте испомещена (**У** испомещены) одна семья: Васюк (**У** Ивашко) да Нечайко Никитины дети Шадрины (**У** Шарина) – Васильевские люди Тучкова. В шестом на десять погосте в Егорьевском (**У** вместо начала фразы 16 погост. В Григорьевском погосте) испомещены три семьи: Васюк (**У** Васка) Аврамов сын – Сарычевского (**У** Сарычевские) человек (**У** люди): Ивашко Жук Андреев сын Нелединского Шереметевской человек да ево детей Костюнка (**У** Костица) да Андрейко Одинцовы – Салтановские люди Травина. В седьмом на десять погосте в Тручевском (**У** вместо начала фразы 17 погост. А в нем) испомещены три семьи: Сенька Лындин (**У** последние четыре слова отс.).
- ²²⁸ **М** Лындин же да.
- ²²⁹ **М** [да. – М. Б.] Юшко.
- ²³⁰ **М** Черныш.
- ²³¹ **М** Хворов.
- ²³² **М** Салтановские.
- ²³³ **У** вместо текста да Митя... Травина: Ратмановы – Ивановские люди Тучкова.
- ²³⁴ **У** 18 погост в; **М** далее осмом на десять и следующие два слова в обратном порядке.
- ²³⁵ [**В** рук. Городел(ь)скомъ. – О. Х.]; **М**, **У** Пречистенском.
- ²³⁶ **М**, **У** Городецком.
- ²³⁷ **М**, **У** далее две семьи.
- ²³⁸ [Испр. А. А. Зиминым из Печенегов. – О. Х.]; **У** Печеников.
- ²³⁹ **М** далее да брат ево Ишка да.
- ²⁴⁰ **М** вместо последних двух слов Ивановы дети и следующие три слова во мн. ч.
- ²⁴¹ **У** текст Андрейко... Тучькова отс.
- ²⁴² **У** 19 погост. **В**; **М** далее девятом на десять и следующие два слова в обратном порядке.

- ²⁴³ **М** Пелском; **У** Есецком.
²⁴⁴ [**М** испомещен. – **М. Б.**].
²⁴⁵ **У** вместо последних двух слов Титка Козяев [*Испр. А. А. Зиминым из Хозяев. – О. Х.*].
²⁴⁶ [**В** рук. Щадрина. – **О. Х.**]; **У** Щедрина.
²⁴⁷ **М** Васильев [*Написано А. А. Зиминым карандашом. – О. Х.*].
²⁴⁸ [*Вписано А. А. Зиминым в строку. – О. Х.*].
^{249–249} **У** 20 погост. **В**; **М** далее двадесятюм [погосте в. – **М. Б.**] и следующие два слова в обратном порядке.
²⁵⁰ **М** далее Городецком; **У** вместо последних двух слов Остцком Городецком.
²⁵¹ **М** далее семь семей; **У** далее 6 семей.
²⁵² [**В** рук. Одиноць. – **О. Х.**].
²⁵³ **У** далее да.
^{254–254} **М** Хорошев, Микитин сын.
²⁵⁵ **М**, **У** Фетька.
²⁵⁶ **М** Головин.
²⁵⁷ **М**, **У** Ивановские.
²⁵⁸ [*Испр. М. Е. Бычковой из Юрьевские. – О. Х.*]; **М** Юрьева сына Ряполовского; **У** Ряполовского.
²⁵⁹ **М** Васка.
²⁶⁰ **М**, **У** далее Кондрашка да Митька (**У** Кирил) Васильевы дети Терпигорьевы.
²⁶¹ **М** вместо последних двух слов Васильевы [люди. – **М. Б.**]; **У** Васильевские люди.
²⁶² **У** 21 погост. **В**; **М** далее дватцать первом и следующие два слова в обратном порядке.
²⁶³ [Далее в машинописи вычеркнуто сельском. – **О. Х.**]; **М** отс.; **У** Оковальском.
²⁶⁴ **М** далее четыре семьи; **У** далее 4 семьи.
²⁶⁵ **М** Толкач; **У** Толкич.
²⁶⁶ **М** Павлин.
²⁶⁷ [*Испр. А. А. Зиминым из Ехиденовы. – О. Х.*].
²⁶⁸ **М**, **У** далее Родионов сын.
²⁶⁹ **М** Бастанов; **У** Останов.
²⁷⁰ **У** Ряполовского; **М** Юрьева сына Полоцкого
²⁷¹ **М** далее Аряпины; **У** далее Ярапины [далее рукой А. А. Зимина карандашом дописано. – **О. Х.**], зач. Иванов сын.
²⁷² **М** Мещерских князей люди; **У** Мещерские люди, причем далее текст Сенка Клементьев... Тучковы люди ниже повторены вторично [так! – **О. Х.**].
²⁷³ [*Испр. А. А. Зиминым из Февец. – О. Х.*].
²⁷⁴ [*Испр. А. А. Зиминым из Рахманов. – О. Х.*].
²⁷⁵ **М** Юда.
²⁷⁶ **М** далее двадесят втором и следующие два слова в обратном порядке.
²⁷⁷ [*Испр. А. А. Зиминым из Буйгоцьком. – О. Х.*]; **М** Корнеевском.
²⁷⁸ **М** далее четыре семьи; **У** текст Талча... Мещерьсковы помещен после Русалкина. 22 погост. **В** Куркосельском погосте (см. ниже), причем текст Еропкины... помещены отс.
²⁷⁹ **М** Тыртов, Сенка, Иванко, [Павелко. – **М. Б.**] Салтанов сын, дети ево Пименко, Васка Четырин [Чепкин. – **М. Б.**]; **У** Турков.
²⁸⁰ **М** вместо последних двух слов Ивановы люди; **У** последние два слова отс.
²⁸¹ **Ун** Тучьнова; **У** отс.
²⁸² **М**, **У** текст да его... Ивашко отс.
²⁸³ **У** далее Вавилко, Павелко Салтанов сын, да его дети Пименко да Васька Чепрень — Ивановские люди Тучкова; да; [**М** нет. – **М. Б.**].
²⁸⁴ [*Испр. А. А. Зиминым из Борхов. – О. Х.*]; **М**, **У** далее Тараско (**У** да Гараска) Скрябин.
²⁸⁵ **М**, **У** вместо последних двух слов Михайловы (**У** Михайловские) люди.
²⁸⁶ **М** Гусальковы.

- ²⁸⁷ У 22 погост. В Куркосельском погосте испомещены 4 семьи и далее см. выше;
М далее двадцать третьем и следующие два слова в обратном порядке.
- ²⁸⁸ **М** Дубровском; У 23 погост; **В** Доровском.
- ²⁸⁹ **М**, У далее 4 семьи.
- ²⁹⁰ **М**, У далее да.
- ²⁹¹ **М**, У его.
- ²⁹² **М** Иванко.
- ²⁹³ **М**, У Фетка.
- ²⁹⁴ **М** Печенегов; У Мещанинов.
- ²⁹⁵ У, [**М**. – **М**. Б.] отс.
- ²⁹⁶ **М**, У Лапин.
- ²⁹⁷ **М** Иван; У Иванов.
- ²⁹⁸ **М**, У Рахманов.
- ²⁹⁹ **М** Иванко.
- ³⁰⁰ [*Испр.* А. А. Зиминым из Петунька. – О. Х.]; **М**, У Петрушка.
- ³⁰¹ **М**, У последние два слова в обратном порядке.
- ³⁰² У 24 погост. **В**; **М** далее дватцать четвертом и следующие два слова в обратном порядке.
- ³⁰³ **М** Сецком; У Сокутском.
- ³⁰⁴ [*Испр.* А. А. Зиминым из Васко. – О. Х.].
- ³⁰⁵ **М**, У Константинов.
- ³⁰⁶ **М** Васильев; У Васильевской.
- ³⁰⁷ У далее 25 погост. В Рученском погосте испомещены 2 семьи Сенька Рындин да Мишка Худяк да Якушка Черныш Уваров человек Савина — Салтановские люди Травина; **М** далее в 25 погосте в Равдитском испомещен Осташка Демехов сын Редрова Васильев человек Тучкова.
- ³⁰⁸ **М** далее дватцать шестом и следующие два слова в обратном порядке; У 26 погост. **В**.
- ³⁰⁹ **М** Егорьевском; У Родецком.
- ³¹⁰ **М**, У последние три слова отс.
- ³¹¹ **М** далее четыре семьи; У далее 4 семьи.
- ³¹² [*Испр.* А. А. Зиминым из ево. – О. Х.].
- ³¹³ [*Испр.* А. А. Зиминым из Ивашка. – О. Х.].
- ³¹⁴ У Володимерко.
- ³¹⁵ **М**, У Савинко.
- ³¹⁶ [*Испр.* А. А. Зиминым из Матфейка. – О. Х.].
- ³¹⁷ [*Испр.* А. А. Зиминым из Мишка. – О. Х.].
- ³¹⁸ [**М** нет. – **М**. Б.]; У вместо последних двух слов да Савинко.
- ³¹⁹ [*Испр.* А. А. Зиминым из Митко. – О. Х.]; **М**, У Демешка.
- ³²⁰ **М** Нецветайко; У отс.
- ³²¹ [*Испр.* А. А. Зиминым из Фетько. – О. Х.].
- ³²² **М** Илейко.
- ³²³ **М** Бушуков да; У Бешуков да.
- ³²⁴ У далее князь.
- ³²⁵ **М** Албычевы; У отс.
- ³²⁶ У последние два слова отс.
- ³²⁷ [*Испр.* А. А. Зиминым из Ряполовского. – О. Х.].
- ³²⁸ У 27 погост. **В**; **М** далее двадцать седмом и следующие два слова в обратном порядке.
- ³²⁹ **М**, У Замоском.
- ³³⁰ **М** далее три семьи; У далее 3 семьи.
- ³³¹ **М**, У Микулка.
- ³³² **М** Угрюмов.
- ³³³ **М** Абрамов.
- ³³⁴ **М** Алешка; У Алексейка.

³³⁵ М, У Дублин.

³³⁶ М Юрьева сына Ряполовского; М, У далее Нелединские, Волковы, Быковы, Лапины (У Пикины) – Васильевы люди Тучкова. (У далее и) всего помещено в Воцкой (У Вотской) пятине двадцать семь (У вместо последних двух слов 27) погостов, а в них семьдесят две семьи (У вместо а... семьи – 86 семей). На этом список М кончается. У далее А назади у подлинной росписи написано: «К сему списку князь Семен Урусов руку приложил. А прислал тое роспись князь Семен Урусов по государевой грамоте в судной Володимерской приказ во 157-м году, как тягалися о бесчестье новгородцы Семен Кошкарв с Семеном Муравьевым. И в том на князь Семена ссылка была и на тое роспись. А то их дело сыскано в Ссудном Володимерском приказе при боярине князь Борисе Александровиче Репнине, да при дьяке при Иване Бабакове да при Грязном Агишеве во 157-м году, и во 158-м году, и во 159-м году. А писцовая книга Дмитрея Китаева имана из Новгороде в Посольской приказ, а из Посольского приказа имана в Ссудной Володимерской приказ для выписки и справки Семена Кошкарва да Семена Муравьева [далее приписано А. А. Зиминным карандашом. – О. Х.]; На этом список У кончается.

³³⁷ [Испр. А. А. Зиминным из Разрядного; в рук. розрядного. – О. Х.].

³³⁸ [Испр. А. А. Зиминным из Разьяду. – О. Х.].

³³⁹ [Испр. А. А. Зиминным из Кефбисельском. – О. Х.].

³⁴⁰ Далее Дмит[реев]; [В ркп. Дмит[дмитреев. – М. Б.].

³⁴¹ [В рук. Щадрина. – О. Х.].

³⁴² [Испр. А. А. Зиминным из Толбазцком. – О. Х.].

³⁴³ [Испр. А. А. Зиминным из икнегородцы; в рук. иванегородцы. – О. Х.].

³⁴⁴ [Испр. А. А. Зиминным из Будтов. – О. Х.].

³⁴⁵ [Испр. А. А. Зиминным из Абрамов. – О. Х.].

³⁴⁶ [Испр. А. А. Зиминным из Чаномка. – О. Х.].

³⁴⁷ [Испр. М. Е. Бычковой из Никитина. – О. Х.].

³⁴⁸ [В рук. Хомутова. – О. Х.].

³⁴⁹ [В рук. Во. – О. Х.].

³⁵⁰ [Испр. А. А. Зиминным из Орлинском. – О. Х.].

³⁵¹ [Испр. А. А. Зиминным из Волокнев. – О. Х.].

³⁵² [Испр. А. А. Зиминным из Огибанов. – О. Х.].

³⁵³ [Испр. А. А. Зиминным из Васел(ь)кин. – О. Х.].

³⁵⁴ В тексте Тернигоревы [рукоп. прим. рукой А. А. Зимина. – О. Х.].

^{355–355} [Вписано А. А. Зиминным над строкой вместо зачеркнутого Митько. – О. Х.].

³⁵⁶ [Испр. А. А. Зиминным из Тараско. – О. Х.].

³⁵⁷ [Испр. А. А. Зиминным из Мельченев. – О. Х.]; [переделано из Мечъченев. – М. Б.].

³⁵⁸ [Испр. А. А. Зиминным из яо. – О. Х.].

³⁵⁹ [Испр. по рук., в машиноп. Петруша. – О. Х.].

³⁶⁰ На поле 20 [Вписано рукой А. А. Зимина. – О. Х.].

³⁶¹ [Испр. А. А. Зиминным из Чернец. – О. Х.].

³⁶² [Испр. А. А. Зиминным из Травина. – О. Х.].

³⁶³ [Испр. А. А. Зиминным из Салтыковские. – О. Х.].

³⁶⁴ [Испр. А. А. Зиминным из Бирюдев. – О. Х.].

³⁶⁵ [Испр. А. А. Зиминным из Чивеков; в рук. Ивевк, буква е испр. из ъ. – О. Х.].

³⁶⁶ [В рук. Неледенские. – О. Х.].

³⁶⁷ [Испр. А. А. Зиминным из Беловы. – О. Х.].

³⁶⁸ Далее на л. 220–221 об. Чудо св. Софии. Нач. Во святей Софеи в великом Новеграде стоял во время божественных службы Дмитрий Ласкирев... Конец: Та ныне чудотворная икона в соборной церкви успения богородицы на Москве стоит против патриарша места, [далее вписано А. А. Зиминным: а в Новеграде у Софеи премудрости божи список с чудотворного того образа. – О. Х.].

³⁶⁹ [НИОР РГБ. Ф. 310. № 812; описания: Тысячная книга, с. 26–27; Бычкова 1975, с. 108. – О. Х.].

³⁷⁰ [так, следует Соловых. – О. Х.].

- ³⁷¹ [Леонид, с. 28–29. – О. Х.].
- ³⁷² [НИОР РГБ. Ф. 178. № 734; Описание: Бычкова. 1975, с. 60. – О. Х.].
- ³⁷³ [Далее оставлено место. – О. Х.].
- ³⁷⁴ [ОР ГИМ. Собр. И. А. Вахрамеева. № 136; описание: Титов, с. 104–107. Далее дописано рукой А. А. Зимина. – О. Х.].
- ³⁷⁵ [НИОР РГБ. Ф. 304/II. № 15. – О. Х.]; [конец XVIII, переплет картонный, в. зн. гербовый щит Ярослав. фабр., литеры ЯФЗ. Стилизованный полуустав. – М. Б.].
- ³⁷⁶ [Далее вычеркнуто Семена Ши... – О. Х.].
- ³⁷⁷ [НИОР РГБ. Ф. 304/II. № 18. – О. Х.].
- ³⁷⁸ [Далее зачеркнуто: в лист. – О. Х.].
- ³⁷⁹ [НИОР РГБ. – О. Х.; Музейное собр. Ф. 178. № 8973. Летописный сборник XVIII в. в лист, на 232 л. Переплет кожаный. – М. Б.].
- ³⁸⁰ [ОПИ ГИМ. Ф. 342. Князя Бяратинские. – О. Х.].
- ³⁸¹ [РГАДА. – О. Х.; Ф. 181. Ед. хр. 36. Сборник конца XVIII в. на 15 л. в лист. Л. 8–10 об. Список с Дмитриевы книги Китаева; ед. хр. 83. л. 23 об. – 25 об. Список с новгородской писцовой книги Дмитрия Китаева 27 погостам; л. 63–65. Рospиcь, имена княжецким слугам и боярским, хто чеи послужилец; л. 65–71 Имена погостам Вотцкие пятины, в которых испомещены... л. 23 об. –34; ед. хр. 461. На л. 189 об. –199 списки книг Дмитрия Китаева. – М. Б.].
- ³⁸² [Нап. над зачеркн. Малинов. – О. Х.].
- ³⁸³ [Так, следует 872. – О. Х.]; [РГАДА. Ф. 196. ед. хр. 477 – копия Ф. 181. № 83. Л. 12–16 об.; 32 об. –36 об.; ед. хр. 822. Исторический сборник. 20-е гг. XVIII в., в четверку на 59 л., переплет кожаный. Л. 47–48 об. Список с новгородской писцовой книги Дмитрия Китаева 27 погостам; ед. хр. 871. Q на 22 л. + 2 чистых. Посл. четв. XVII в. в. з. герб г. Амстердама. Три тетради XVII в., в четверку, без переплета, на 22 л. + 2 л. чистых, нумерованных. В протографе отмечалось, из чьих дворов люди (как Маз. 1), эти заметки попали в текст в начале каждой главы. Возможно, копия с Маз. I. – М. Б.].
- ³⁸⁴ [Поганая книга. на 8 л. в четверку, писарская скоропись XVIII в. без переплета. – М. Б.].
- ³⁸⁵ [Книга Дм. Китаева, на 11 л. в четвертку. Рукопись дефектна, после реставрации трудно читается. Опубликованный текст полнее, меньше дефектов (РИБ. Т. 22. СПб., 1908, стб. 18–31). Рукопись XVII в., водяной знак после реставрации почти не просматривается. – М. Б.].

Указатель личных имен

Принятые сокращения: Вел. – Вельский; Гор. – Городенский Пречистенский; Гр. – Григоровский; Дуд. – Дудоровский; Дяг. – Дягиленский; Зам. – Заможский; кн. – князь; Карг. – Каргальский; Кип. – Кипенский; Корб. – Корбосельский; Куйв. – Куйвошский; Орл. – Орлинский; пог. – погост; Рад. – Радшинский; Руч. – Рученский; с. – сын, Сак. – Сакульский; Сол. – Солецкий; Сп. – Спасский на Оредежи; Тиг. – Тигодский; Толд. – Толдужский; чел. – человек; Ястр. – Ястребинский

Абрамовы (Аврамовы) см. Сараевские; Враловы

Авдеевы см. Морозовы

Агибалов см. Огибалов

Агишев (Акишев) Грязной, дьяк Владимирского Судного приказа (апр. 1648 – янв. 1650) прим. 336

Аеропины (Еропины; М Арпины, Аряпины; В Репикины; У Ярапины), «Мещерские люди», пом. Корб. пог. л. 210 об., 211, прим. 65

— Васюк Иванов с. л. 214 об., 219

- Гридя Иванов с. л. 214 об., 219
Акишев Грязной см. Агишев (Акишев) Грязной
Албуевы (В, У, М Албычевы), «князь Семеновские Ряполовсково», пом. Гр. пог. л. 210, прим. 38, 335
— Алексейка Семенов с. л. 215, 220
— Ивашка Семенов с. л. 220
Арпины (Аряпины) см. Аеропины
Артемьевы, «князь Семеновские Ряполовского» л. 210
— Поздейко Артемьев с., пом. Сп. пог. л. 211 об., 216
Атрепины, их люди л. 210 об.
- Бабаков Иван см. Байбаков Иван Прокофьевич
Базаровы см. Морозовы
Байбаков (Бабаков) Иван Прокофьевич, дьяк Владимирского Судного приказа (авг. 1648–1659/60) прим. 336
Барановы см. Овцины
Бастаковы (М Бастановы, Батаковы; В Батановы; У Остановы, Богдановы), «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об.
— Влас Родионов с., пом. Корб. пог. л. 219; прим. 268, 269
Батюковы см. Битюковы
Безстужие см. Бестужие
Белкин см. Елкин
Бельские (Белосельские; В Белозерецкие), «Салтыковские Травина» л. 211, прим. 172
— Гаврилка Федоров с., пом. Карг. пог. л. 212 об.
Бестужие (М Бестужевы; У Безстужие), «Васильевские Кузьмина» л. 210 об.
Бешуковы см. Битюковы
Бирюлевы (В Бирюлины), «князь Семеновский Ряполовского» л. 210
— Мишко Гридин с. Ивеков, пом. Гр. пог. л. 215, 220
Битюковы (М Бичуговы, Бушуковы; У, В Батюковы, Бешуковы), «князь Семеновские Ряполовсково», пом. Гр пог. л. 210
— Данилко, пом. Гр. пог. л. 215
— Мишка (Дементейко) л. 215, 220
— Левко (Илейка) л. 215, 220
— Несвитайко л. 215, 220
— Сенка л. 215
— Федко л. 215, 220
Богдан Есифович (Богдан Есипов), новг. посадник (1445–1476) его люди («Богдановские Есипова») л. 211, 212 об., 216 об., 217
Богдановы см. Бастаковы
Богословы, «Товарковы люди» прим. 53
Бокарвен (Боркавен) Бориска, «Русальского» 211 об., прим. 103
Борановы см. Овцины

Борков Бориско, «Михайловский Русалкина», пом. Куйв. пог. (см. также Бурковы) л. 214 об., 219

Борковы см. Бурковы

Борисов см. Морозовы

Борановы см. Овцыны

Бубеневы см. Буновы

Будиловы (Будаевы, Будовы) см. Гуледовы

Бушуковы см. Битюковы

Буновы (М Бубеневы; У Бутковы), «Васильевские Кузьмина» л. 210 об.

Бутаковы см. Гуледовы

Бурковы (М, В Борковы), «Атрепиных» л. 210 об.

Быковы (В Быговы), ивангородцы, «Васильевские Кузьмина» (ошиб. Тучкова) л. 210, 210 об., 211, 220, прим. 80

— Гридка (Гришка) Иванов с., пом. Толд. пог. л. 212 об., 216 об.

— Гридя Олферьев с., пом. Рад. пог. л. 212 об., 217

— Игнатко (Ивашка) Иванов с., пом. Толд. пог. л. 212 об., 216 об.

— Иван (Ивашка) Алферьев (Олферьев) с., пом. Толд. пог. л. 212 об., 216 об.

Василий Кузьмич (Кузьмин), новг. посадник (1470-е), его люди («Васильевские Кузьмина») л. 210 об., 212 об., 216 об., 217

Виселкины см. Песенка Федко Андреев с.

Волковы, «Васильевские Тучкова», пом. Зам. пог. л. 211, 220, прим. 88, 336

Вороватые см. Нороватые

Враловы (М Фроловы, Абрамовы), «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об., 211 об., прим. 63

— Микулка (Михалко) Угримов с., пом. Зам. пог. л. 215, 220

Головкины (В, М Головины; М Головцыны), «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об.

— Федка (Фетька, Нестерко), пом. Городельского Спасского и Вел. пог. л. 214, 218 об.

Гордеевы см. Сергеевы

Графина Сантатовские люди см. Травин Иван Иванович Салтык

Гуледовы (Гуледены, Будиловы; В Будовы; У Будаевы; М Бутаковы), ивангородцы, «Богдановские Есипова» л. 211

— Максим (Максимко) Борисов с., пом. Толд. пог. л. 212 об., 216 об.

Гусальковы см. Морозов Михаил Яковлевич Русалка

Домнин Любим Алферьевич, подьячий Разрядного приказа (1663/64) л. 215 об.

Дружинин Петрушка Алексеев с., чел. Петра Иванова с. Северова л. 215 об.

Дублины см. Шубины

Дулины, «князь Ивановские Юрьевича» л. 211 об.

Евсевьевы (Евсевевы) см. Морозовы

Егенчины, «Ярославские люди» л. 211

Елкин (М Белкин) Гридя (Гришка), «князь Семеновский Ряполовского», пом. Тиг. пог. л. 212, прим. 121, 122

Еропины (Непалчины; М, У Епанчины; У Иванчины; см. также Аеропины) л. 210 об., 211, прим 57, 58, 278

— Сидорко Родионов с., «Ярославовский (Ярославский)», ошиб. «Товарков», пом. Предтеченского пог. л. 218, прим. 227

Есипов Богдан см. Богдан Есифович (Богдан Есипов)

Ефимаровские, «Ярославские» прим. 54

Ехиднины (Ехидиновы дети; В Ехидневы; У Ехидины), «князь Ивановские Юрьевича», пом. Корб. пог. л. 210 об.

— Павлик (Павлин), л. 214 об., 219

— Толкач (Полкан, Талча, Толкич) л. 214, 219

Жуковы см. Нелединские

Зеленины (М Оленины), «князь Семеновские Ряполовского», пом. Гр. пог. л. 210, прим. 35

— Зелень л. 215, 219 об.

— Ивашко Зеленин с., л. 215, 219 об.

— Володя Зеленин с. л. 215, 219 об.

— Микита (Митя) Зеленин с., л. 215, 219 об.

— Савинко (Савка) Зеленин с. л. 215, 220

— Матвейко Зеленин с. л. 215, 220

Иван Васильевич «Дородный» (1440–1505), в. кн. (1462) л. 209–209 об.

Иван Юрьевич, кн. см. Патрикеев Иван Юрьевич

Иванчины см. Еропины

Ивеков см. Бирюлевы

Карсаковы (В Корсановы; У Карповы), «Шереметевские» л. 210 об.

Карташ (Карташов; М Каршеев сын; У Копорша) Ивашко Гридин с., «Шереметевский», пом. Сол. пог. л. 212, 216, прим. 133

Кашкаров (Кошкаров) Семен Иванович, новгородец, местник (1648–1649) прим. 336

Кашкаровы (У Кошкаровы), «Ивановские Тучкова» л. 209 об.

Кашкаровы, «Шереметевские» л. 210 об.

Кашкин (М Кишкин) Михайло (Михалко) Никитин с., «Ивановский Тучкова», пом. Сол. пог. л. 212, 216 об., прим. 143

Китаев Дмитрий Васильевич (уп. с 1494, ум. к 1538), писец л. 209 об., 211 об., 215 об., прим. 2, 21, 336

Кишкин см. Кашкин

Клементьевы, «Ивановские Тучкова», пом. Дуд. пог. л. 209 об.

— Ивашко (Иванко) Семенов с. л. 214 об., 219

— Сенка Клементьев с., пог. л. 214 об., 219, прим. 272

Козодавlevы, «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об.

Колоколовы (Колокольцовы, Колоколковы), «Салтыковские Травина» л. 211, прим. 90, 92

Копорша см. Карташ

Корсановы см. Карсаковы

Кошкаров см. Кашкаров

Кошкаровы см. Кашкаровы

Кузьмина Василия люди см. Василий Кузьмич

Куликовы, ивангородцы, «Богдановские Есипова» л. 211, прим. 84, 90

— Гридя (Гришка) Семенов с., пом. Толд. пог. л. 216 об., прим. 157

Лапины (Ляпины; В Лапики; У Пикины; см. также Упины), «Васильевские Тучкова», пом. Карг. и Зам. пог. л. 210, прим. 41, 336

— Истомка Никитин с. л. 213, 217

— Петрок Никитин с. л. 213, 217

— Сенко Никитин с. л. 213, 217

— Федка Никитин с. л. 213, 217

Луков см. Нелединские

Лындины см. Рындины

Мальшев Иван, подьячий Разрядного приказа (февр. 1660 – февр. 1665) л. 215 об.

Машерские см. Мещерские

Мегчановы (Мельченновы, Меченовы, Меча[ни]новы, Мягчаниновы, Мехченновы, Чоботовы; В Мечениновы, Немчиновы; М Меченеговы, Мячаниковы, Печенеговы; У Мечениковы, Мещаниновы) л. 209 об., 210, 211, прим. 29, 85, 93, 294

— Федотко (Фетка, Федейко) Голова Григорьев с. Чоботова, «Салтыковской Травина», «Ивановский Тучкова», пом. Орл. и Дуд. пог. л. 214 об., 218, 219

Мещерские («Мещерские люди», «Мещерских князей люди»; М Машерские) л. 211 об., 214 об., 219, прим. 65, 272, 278

Моравьевы см. Олуповские

Морозовы, боярский род

— Василий Борисович Тучко, конюший, боярин (уп. 1467–1497), его люди («Васильевские Тучкова», В Чулкова; У Ускова) л. 210, 211, 212, 213, 213 об., 214, 216, 217 об., 218, 218 об., 219 об., 220, прим. 45, 227, 307

— Иван Борисович Тучко, дворецкий, боярин (уп. 1467–1485), его люди («Ивановские Тучкова», У Точкова) л. 210, 211 об., 212 об., 214, 214 об., 215, 216 об., 218 об., 219, 219 об., прим. 31, 233, 283

— Михаил Яковлевич Русалка, дворецкий (уп. втор. пол. 1460-х – 1495), его люди («Михайловские люди Русалкина», «Русалского человек», М Гусальковы, Руславского; У Рясанского; В Русоловского) л. 210 об., 211 об., 214 об., 219, прим. 68, 286

Морозовы (Базаровы, Овсеевы; М Авдеевы; В Евсевьевы; В Евсевевы), «Богдановские Есипова» л. 211, прим. 81, 82

— Ивашка Морозов с. Базар (Базаров, У Борисов) Овсеев, ивангородец, пом. Толд. пог. л. 212 об., 216 об.

Мостофины см. Татьянины

Муравьев Семен Федорович, новгородец, местник (1648) прим. 336

Муравьевы (Муравьевы, Моравьевы, Муслаевы, Муратовы) см. Олуповские

Мустофины см. Татьянины

Мухорт (Мухортов) Алешка Михайлов с., «Васильевский Тучкова», «Касильевский Кузьмина», пом. Дяг. пог. л. 213 об., 217 об., прим. 222

Мырковы см. Тырковы

Мягчаниновы см. Мегчановы

Назимовы, ивангородцы, «Богдановские Есипова» л. 211

— Демех Нестеров с., пом. Рад. пог. л. 212 об., 217

Назимовы, «Обрасцовские», пом. Дяг., Карг., Зам. пог. (см. также Некрасовы) л. 210 об., 211

— Бориско Назимов с., л. 213, 217 об.

— Васка (Васюк) Назим (Назимко) Костянтинов с. л. 213, 213 об., 217 об.

— Гридя Назимов с. л. 213, 217 об.

— Иванко Назимов с. л. 213, 217 об.

— Панка Назимов с. л. 213, 217 об.

— Степанко Назимов с. л. 213, 217 об.

Нароватые (Наратовы) см. Нороватые

Недосовы см. Федосовы

Некрасовы, «Обрасцовские», пом. Карг., Зам. пог. л. 210 об., 211

— Васка Иванов с. Некрасов (Бестужий) л. 213, 217

— Ивашка (Иванко) Некрасов Алексеев с. Назимов л. 213, 217

— Савка Иванов с. Некрасов (Бестужий) л. 213, 217

Нелединские (Неледенские), «Васильевские Тучкова» (см. также Шереметевские), пом. Зам. пог. л. 211, 220; прим. 88, 336

Нелединские (Неледенские; В Ниленские), «Шереметевские» л. 210 об., прим. 75

— Андрей (Андрейка) Жук (Жуков, У Луков) с., пом. Карг. пог. л. 213, 217

— Ивашко Андреев с. Жуков (Жук), пом. Гр. пог. л. 218, прим. 227

— Сенька Жуков (У Исупов) с., пом. Сол. пог. л. 216 об., прим. 135, 136, 142

Немчиновы см. Мегчановы

Непалчины см. Еропины

Нестеровы (М Нестроевы; М Неустроевы), «Шереметевские» л. 210 об.

— Гришка (Федька; У Фетька) Митюков (Матвеев; У Митюхин) с., Мустофин зять, пом. Сол. пог. Ямского у. л. 212, 216; прим. 139, 140

Нефедьевы см. Терпигоревы

Ниленские см. Нелединские

Нороватые (Нароватые, Тороватые; М Вороватые; В Наратовы, Норамовы, Таварковы; У Хворовы), «Шереметевские» л. 210 об.

- Лучка (У Лука) Пашков с., зять Муравьевых, пом. Зам. пог. л. 210, прим. 50, 51
- Ивашка (Иванка, М Касьянка) Кононов, зять Федосовых, пом. Карг. пог. л. 213, 217
- Образец, «Образцовские люди» см. Симский Василий Федорович Образец
- Обрамовы см. Сараевские
- Овсеевы см. Морозовы
- Овцыны (Барановы, Борановы, Яношевы; М, У Янышевы), «Ивановские Тучкова» л. 209 об.
- Баран (ошиб. Борис), его с. (ошиб. человек) л. 216 об.
- Михалко Ягныш (Янышев, Яношев, У Яшин, Яйцын; В Юношев) Борисов (Баранов) с., пом. Сол. пог. л. 212, 216 об., прим. 144, 145
- Огибалов (У Агибалов; М Погибалов) Ивашко Васильев с., «Ивановской Товаркова», *ошиб.* «Огибаловские люди», пом. Орл. пог. л. 210 об., 217 об., прим. 57, 58, 227
- Одинцовы, «Салтановские Травина», пом. Гр. пог. л. 211
- Андрейка л. 218; прим. 227
- Костюнка (У Костица) прим. 227
- Оленины см. Зеленины
- Олуповские (Олавские, Олопаевские, Олоповские, Отлопатовского, У Холоповского, В Холопские, М Холопоцкого), пом. Карг. пог., *ошиб.* их люди л. 210 об., 211, 213, прим. 52
- Пуцины (У Пущены) л. 210, 211
- Андрейка Пушин с. л. 212 об.
- Булгак Пушин с. л. 212 об.
- Пудша (М Пуща; У Пущева) л. 212 об., прим. 174
- Муравьевы (Мулсаевы; М Муратовы; У Моравьевы), л. 210, 211; прим. 177
- Ивашка Муравьев с. л. 212 об.
- Михаль Муравьев с. л. 212 об.
- Русин Муравьев с. л. 212 об.
- Остановы см. Бастаковы
- Отлопатовские см. Олуповские
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., боярин (уп. 1455–1499), его люди («князь Ивановские люди Юрьевича», *ошиб.* «Ряполовского», «Полоцкого») л. 211 об., 214, 214 об., 215 об., 218 об., 219, 220
- Песенка (Виселкин, В Песихин; У Песискин; М, У Посенкин) Федко Андреев с., «Ярославский (Ярославский)», «Мещерский», пом. Предтеченского пог. л. 210 об., 211, 218
- Пестриковы см. Хомутовы
- Печенеговы (Печеноговы; У Печениковы), «Васильевские Тучкова» л. 210
- Васюк (Васка) Костянтинов (Костин) с., пом. Сак. пог. л. 215, 219 об.
- Сенка Костянтинов (Костин) с., пом. Гор. пог. л. 214, 218 об.
- Федька (Фетка, Федотка, Федейко) Голова Григорьев с. Чоботова см. Мегчанов
- Федька Голова Григорьев с. Чоботова
- Юшко (Ишка) Костянтинов (Костин) с., пом. Гор. пог. прим. 239

Пикины *см.* Лапины

Пловские, «Ярославские» прим. 53

Погибалов *см.* Огибалов

Полоцкий Иван Юрьевич, *кн. см.* Патрикеев Иван Юрьевич

Посенкин *см.* Песенка

Постельниковы, «Ивановские Тучкова» л. 209 об.

— Андрейко Иванов с., пом. Гор. пог. л. 214, 218 об.

Пущины (Пущены) *см.* Олуповские

Рамановы (Ратмановы) *см.* Рохмановы

Ратиславские (Ратиловские; У Ратисловские), «Ярославские» л. 210 об., прим. 56, 57

Редровы (Ретьковы), «Васильевские Тучкова» л. 210

— Осташка Демехов с., пом. Городецкого пог., 219 об., прим. 307

Репикины *см.* Аеропины

Репнин Борис Александрович (уп. 1616, ум. 1670), *кн.*, боярин, глава Судного Владимирского приказа (1648–1649; 1663) прим. 336

Рохмановы (В Рамановы; У Ратмановы, Рохманиновы), «Ивановские Тучкова» л. 209 об.; прим. 112

— Богдашко Яковлев с., пом. Корб. пог. л. 211 об., 215 об.

— Васюк Ляпун Иванов с. («Васюк да Ляпун Ивановы дети»), пом. Дуд. пог. л. 214 об., 219 об.

— Гаврилка Рахманов (У Романов) с., пом. Сол. пог. л. 216 об., прим. 143

— Ивашка, пом. Гр. пог. л. 218

— Ивец Иванов с., пом. Корб. пог. л. 214 об.

— Истомка Яковлев с., пом. Корб. пог. л. 211 об., 215 об.

Русалка Михаил *см.* Морозов Михаил Яковлевич Русалка

Русоловского люди *см.* Морозов Михаил Яковлевич Русалка

Рындины (М Лындины) «Салтановские Травина» л. 211

— Митя Хомяк Рындин с., пом. Руч. пог. л. 213 об., 219 об., прим. 228

— Сенка, Руч. пог. л. 219 об., прим. 307

Ряполовский Иван Юрьевич, *кн. см.* Патрикеев Иван Юрьевич

Ряполовский Семен Иванович Хрипун, *кн.* (уп. 1446–1483), его люди («князь Семеновские Ряполовсково») л. 210, 211 об. – 212, 215, 216, 220, прим. 64

Рясанского люди *см.* Морозов Михаил Яковлевич Русалка

Саблуковские *см.* Савлуковы

Савины (У Саваны), «Салтыковские Травина» л. 211

— Якушка (Игнашка, Юшко; У Ивашка) Чернышев (М Черныш) Уваров (М Хворов) с., пом. Орл., Карг., Зам. и Руч. пог. л. 213, 213 об., 217, 219 об., прим. 204

Савлуковы (М, У Саблуковский), «Салтыковские Травина» л. 211

— Митя (У Мишка) Савин (У Васильев) с., пом. Дяг. и Зам. пог. л. 213 об., 217 об.

Салтановские Травина *см.* Травин Иван Иванович Салтык

- Салтык Травин *см.* Травин Иван Иванович Салтык
 Сантатовские Графина люди *см.* Травин Иван Иванович Салтык
 Сараевские (*М* Сараготцкаго; *У* Саратовские, Сараевские; *В* Сарычевские) Аврамовы (Абрамовы, Обрамовы), их «люди» л. 210 об., 212, 213, 216 об., 217, 218, прим. 77
 — Васюк (*У* Васка) Аврамов с., пом. Гр. пог. л. 218, прим. 227
 — Ивашко (Шатаев) Сенькин (Сенин, *М* Секерин) с., новгородец (ивангородец), пом. Толд. и Карг. пог. л. 212, 216 об., 217, прим. 149
 — Тарусины л. 210 об.
 — Федька Турсанкин (*М* Таркасенин) с. Обрамова, пом. Зам. пог. л. 213
 Северов Петр Иванов с. л. 215
 Сергеевы (*М* Гордеевы), «князь Семеновские Ряполовсково», пом. Сп. пог. л. 210, прим. 33
 — Игнашко Семенов с. л. 211 об., 215 об.
 — Путилко (*М* Пузлыка, *У* Пунко) Семенов с. л. 211 об., 216
 Симский Василий Федорович Образец, боярин (уп. 1471–1485), «Обрасцовские люди» л. 210 об., 211, 213, 213 об., 217, 217 об.
 Скобельцыны, «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об., 211 об.
 — Ивашко, пом. Зам. пог. л. 215, 220
 Скрыбины, «Михайловские Русалкина» л. 210 об.
 — Тараска (*У* Гараска), пом. Куйв. пог. л. 219, прим. 284
- Татьянины (*В* Тябянины; Мустофины, *В* Мостофины), «Шереметевские», пом. Сол. пог. л. 210 об., прим. 69
 — Овдейко (*М* Андрейка) Онисимов (Сенкин) с. Мустофин л. 212, 216, прим. 133
 — Онисимко Михайлов с. л. 212, 216–216 об., прим. 142
 — Сенка Мустофин (Мустофа) Михайлов с. л. 212, 216, прим. 133
 Тарусины *см.* Сараевские
 Телкины (*М* Темкины; *В* Телнины; *У* Темниковы), «князь Семеновский Ряполовского» л. 210, прим. 34
 Терпигоревы, «Васильевские Тучкова», пом. Вел. пог. л. 210
 — Васюк Нефедьев с., пом. Городельского Спасского пог. л. 214, 218 об.
 — Кирилко (*У* Кирил, *М* Митька) Васильев с. л. 218 об., прим. 260
 — Кондрашко Васильев с. л. 218 об., прим. 260
 Товарков Иван, его люди («Ивановские Товаркова») л. 211, 218, прим. 53, 57, 58
 Торватые *см.* Норватые
 Толокиевы (Толокневы; *В* Толокаевы; *У* Тологбеевы, Толокеевы) л. 211 об., прим. 53
 — Федка Филипов с., «Ивановской Товаркова», пом. Орл. пог. л. 213 об., 217 об., прим. 227
 Тучкова люди *см.* Морозов Иван Борисович Тучко
 Травин Иван Иванович Салтык (уп. 1469–1489), его люди («Салтановские, Салтыковские, Сантатовские Травина, Тровина, Графина») л. 211, 212 об., 213, 213 об., 217, 217 об., 218, 219 об., прим. 227, 307
 Турковы *см.* Тырковы

- Турсанкин *см.* Сараевские
Тучко Василий Борисович *см.* Морозов Василий Борисович Тучко
Тучко Иван Борисович *см.* Морозов Иван Борисович Тучко
Тырковы (Мырковы; *М* Тыртовы; *У* Турковы), «Ивановские Тучкова» л. 209 об., прим. 26
— Бориско Русинов (Михайлов) с., пом. Толд. пог., л. 212 об., 216 об.
— Гришка (Гридя) Русинов Михайлов с., пом. Толд. пог., л. 212 об., 216 об.
— Иванец (Иванко) Русинов (Михайлов) с., пом. Толд. пог. л. 212 об., 214 об., 219
— Ивашко (Иванко) Иванов с., Куйв. и Корб. (Ковацкий Буйгоцкий) пог. л. 214 об., 219, прим. 279
— Семенец Русинов (Михайлов) с., пом. Толд. пог. л. 212 об.
— Сенка Иванов с., пом. Куйв. пог. л. 214 об., 219
Тябянины *см.* Татьянины
- Упины (*М*, *У* Лапины), «Васильевские Тучкова», пом. Зам. пог. л. 211, 220, прим. 99
Урусов Семен Андреевич, кн., боярин (ум. 1657) прим. 336
Ускова Василия люди *см.* Морозов Василий Борисович Тучко
- Федосовы (Федоровича; *У* Недосовы), «Шереметевские», пом. Зам. и Карг. пог.
— Гришка (Гридя) Иванов с. л. 213, 217
— Лучка (*М*, *У* Лукашка) Иванов с. л. 213, 217, прим. 182
Фроловы *см.* Враловы
- Хворовы *см.* Нороватые; Савины
Холоповские (Холопские, Холопоцкие) *см.* Олуповские
Хомутовы, «Васильевские Тучкова», «Ивановские Тучкова» л. 210
— Ивашко Большой Васькин (Васюков) с., пом. Кип. и Дуд. пог. л. 213 об., 214 об., 217 об., 219 об., прим. 213
— Ивашко (*М* Иванко) Пестрой (*У* Петров) Васькин (Васюков) с., пом. Кип. и Дуд. пог. л. 213 об., 214 об., 217 об., 219 об., прим. 213
— Пятунька (Петрушка) Васюков с., пом. Дуд. пог. л. 215, 219 об., прим. 300
Хорошевы, «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об.
— Денис Никитин с., пом. Горodelьского Спасского и Вел. пог., л. 214, 218 об.
- Чеботовы *см.* Мегчановы
Чемчуговы *см.* Чепчуговы
Чепкирины (Ческирины; *М* Четырины, Чепкины; *У* Чепрень), «Ивановские Тучкова», пом. Куйв. пог. л. 210, прим. 279, 283
— Вавилка прим. 283
— Васка Павлов с. л. 219, прим. 283
— Митко (*У* Пименка) Павлов с. л. 219, прим. 283
— Павелко Салтанов с. л. 219, прим. 283
Чепчуговы (*М* Черчуговы; *В* Чемчуговы), «Ивановские Тучкова» л. 209 об., прим. 28

Черныш (Чернышев) см. Савины

Черчуговы см. Чепчуговы

Четырины см. Чепкирины

Чулкова Василия люди см. Морозов Василий Борисович Тучко

Шаблыкины (У Шаблакинины), «Салтыковские Травина» л. 211,

— Понкрашка (М Кондрашка), пом. Карг. пог. л. 217, прим. 205

Шадрины (Щадрины, Щедрины; В, У Щербинины; У Шарины; В Шабрынины),
«Васильевские Тучкова» л. 210, прим. 43

— Васюк Дмитриев с., пом. Сол. пог. л. 212, 216

— Васюк (У Ивашка) Никитин с., пом. Гр. пог. л. 218, прим. 227

— Митя (У Титка) Козел (У Козяев) Андреев с., пом. Кип. пог. л. 214

— Нечайко Никитин с., пом. Ястр. пог. л. 218, прим. 227

Шалчаня см. Шубины

Шамшевы (В Шамшеевы), «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об., прим. 59

— Одинец, пом. Городельского Спасского и Вел. пог. л. 214, 218 об.

Шемяковы (М Шепяковы; В Шепиковы; У Шапиковы), «Сараевские» л. 210 об.,
прим. 76

Шеремет Андрей Константинович (нач. 80-х гг. XV в.), «Шереметевские люди»
л. 210 об., 212, 213, 216 об., 217, 218, прим. 190, 227

Шубины (Шалчаня; М, У Дублины), «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об.

— Алешка (Левка) Федоров с., пом. Зам. пог., л. 214 об. – 215, 220, прим. 335

Шульгины, «князь Ивановские Юрьевича» л. 210 об., 211 об.

Щадрины (Щедрины, Щербинины) см. Шадрины

Юношев см. Овцыны

Яйцыны см. Овцыны

Янышев (Яношев) см. Овцыны

Ярапины см. Аеропины

Ярославские (Ярославские) люди л. 211, 218, прим. 57, 58, 227

Яшин см. Овцыны

Указатель географических названий

Арлинский см. Орлинский

Борлинский см. Орлинский

Великий Новгород см. Новгород Великий

Вельский см. Городенский

Вотская, пятиня л. 209 об., 211 об., 215 об., прим. 2, 105, 336

Городенский (Городельский; У Ренский; М, У Городецкий, Вельский) Пречистенский (Предотеченский), пог. (14-й пог.) л. 214, 218, 218 об., 219 об., прим. 227, 235, 236

Городенский Спасский (У Городельский Остцкий), пог. (20-й пог.) л. 214 об., прим. 250

Григоровский (Григорьевский, М Егорьевский; У Родецкий), пог. (16-й пог.) л. 215, 218, 219 об., прим. 227, 309

Дудоровский (М Дубровский; В Доровский) Введенский, пог. (23-й пог.) л. 214 об., 219, прим. 288

Дягиленский (Дягильский, Дягрильский, М Дягилевский, У Тягилинский) Богородицкий, пог. (12-й пог.) л. 213 об., 217 об., прим. 215

Егорьевский см. Григоровский

Епольский см. Спасский на Оредежи

Есецкий см. Пенский

Заможский (Замыцкий; У Замосковский; М Замовский; М, У Замозский) Ильинский, пог. л. 213, 215, 220, прим. 180, 329

Ивангородцы л. 216 об., прим. 148, 152, 343

Игоцкий см. Тигодский

Кабольский см. Корбосельский

Карабасельский см. Корбосельский

Каргальский (Карсальский, Кархальский М Карачевский; У Карский), пог. (9-й пог.) л. 212 об., 217, прим. 170

Кеобирсельский см. Корбосельский

Кипенский (Пенский, Помянный) пог. (11-й пог.) л. 213 об., 214, 217 об., прим. 211

Койвацакий см. Куйвошский

Корбосельский (Коробосельский, Кабольский, Кеобирсельский; М Карабасельский; У Скоросельский, Оковальский, Куркосельский) Воздвиженский, пог. (1-й, 22-й пог.) л. 211 об., 214, 215 об., 218 об., прим. 109, 263, 278

Куйвошский (Кунвоцкий, Койвацакий; М Корнеевский) Ивановский, пог. л. 214 об., 219, прим. 277

Куркосельский см. Корбосельский

Новгород (Новград) Великий, г. л. 209 об., прим. 336

Оковальский см. Корбосельский

Оредежа (Отридижа, Отредижа; М Ореда; У Одереза), р. л. 211 об., 215 об., прим. 115

Орлинский (Арлинский, М Борлинский) Спасский, пог. (13-й пог.) л. 213 об., 217 об., прим. 225

Остцкий см. Городенский Спасский
Отридижа (Отредижа) см. Оредежа

Пенский (М Пелский; У Есецкий; см. также Кипенский), пог. л. 214, прим. 243
Полоцкий см. Солецкий
Помянный см. Кипенский

Равдицкий см. Рученский
Радшинский (Рачниский, Расельский; М Расенский; У Расильский) Егорьевский,
пог. л. 212 об., 217, прим. 160
Ренский см. Городенский Пречистенский
Родецкий см. Григоровский
Русь (в сост. титула) л. 209 об.
Рученский (Тручевский М Равдицкий), пог. (17-й, 25-й пог.) л. 219 об., прим. 307,
прим. 227

Сакульский (М Сецкий; У Сокутский) Михайловский, пог. (24-й пог.) л. 215,
219 об., прим. 303
Селецкий см. Солецкий
Сецкий см. Сакульский
Силоцкий см. Солецкий
Скоросельский см. Корбосельский
Сокутский см. Сакульский
Солецкий (Солоцкий, Селецкий, Полоцкий; У Силоцкий) на Волхове, пог.
(4-й и 5-й пог.) л. 212, 216, прим. 125, 131
Спасский на Оредежи (У Епольский), пог. (2-й пог.) л. 211 об., 215 об., прим. 114

Тигодский (Тихолоцкий, Тихотский; М Игоцкий, Тугоцкий; У Тихолоцкий)
Ильинский, пог. (3-й пог.) л. 212, прим. 119
Толдужский (Толбуцкий) Никольский в Чуди, пог. (6-й и 7-й пог.) л. 212, 216 об.
Тручевский см. Рученский
Тягилинский см. Дягиленский

Ястребинский (Ястирбецкий; У Ястребовский) Никольский, пог. (15-й пог.)
л. 218, прим. 227

Список литературы

- Архив СПбИИ РАН (ЛОИИ). Ф. 11 (Коллекция рукописей Археографической комиссии). Оп. 1. № 29.
Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М. : Наука, 1975. 215 с.
Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: ист.-генеалог. исслед. М. : Наука, 1986. 221 с.
Выписка из писцовых книг Дмитрия Китаева о волостях и деревнях по Новгородскому уезду // РИБ : в 39 т. СПб. : Печатня В. И. Головина, 1908. Т. 22. Стб. 18–31.

Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М. : Наука, 1973. 391 с.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М. : Мысль, 1982. 333 с.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М. : Наука, 1988. 349 с.

Леонид, архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова : в 4 ч. М. : Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1894. Ч. 3. 567 с.

НИОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 734, 8973; Ф. 304/II (Дополнительное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой Лавры). № 15, 18; Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 812.

ОПИ ГИМ. Ф. 342 (Князя Барятинские). Оп. 1. № 26.

ОР ГИМ. Музейское собрание. № 2918, 3257; Собрание А. С. Уварова. № 1337; Собрание И. А. Вахрамеева. № 136.

РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки МГАМИД). № 36, 83, 461, 822, 871; Ф. 197 (Собрание А. Ф. Малиновского). Портф. 2. № 32; Ф. 27 (Приказ Тайных дел). № 4; Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). № 477, 822, 872.

Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену Русского археологического общества И. А. Вахрамееву. М. : Изд-во И. А. Вахрамеева, 1888. [Вып. 1.] 237 с.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подг. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.

References

Arkhir SPbII RAN (LOII). [Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 11 (Kollektsiya rukopisei Arkheograficheskoi komissii). List 1. No. 29.

Bychkova, M. E. (1975). *Rodoslovnye knigi XVI–XVII vv. kak istoricheskii istochnik* [The 16th–17th Centuries Genealogical Books as a Historical Source]. Moscow, Nauka. 215 p.

Bychkova, M. E. (1986). *Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie* [Personnel of the Feudal Class in 16th Century Russia: Historical and Genealogical Research]. Moscow, Nauka. 221 p.

Leonid, archim. (1894). *Sistematicheskoe opisaniye slavyano-rossiiskikh rukopisei sobraniya grafa A. S. Uvarova v 4 ch.* [Systematic Description of the Slavic-Russian Manuscripts of the Collection of Count A. S. Uvarov. 4 Parts]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. Part 3. 567 p.

NIOR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 178 (Muzeinoe sobranie). No. 734, 8973; Stock 304/II (Dopolnitel'noe sobranie rukopisei biblioteki Troitse-Sergievoi Lavry). No. 15, 18; Stock 310 (Sobranie V. M. Undol'skogo). No. 812.

OPI GIM [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Stock 342 (Knyaz'ya Baryatinskie). List 1. No. 26.

OR GIM [Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. Muzeiskoe sobranie. No. 2918, 3257; Sobranie A. S. Uvarova. No. 1337; Sobranie I. A. Vakhrameeva. No. 136.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 181 (Rukopisnyi otdel biblioteki MGAMID). No. 36, 83, 461, 822, 871; Stock 197 (Sobranie A. F. Malinovskogo). Portfel 2. No. 32; Stock 27 (Prikaz Tainykh del). No. 4; Stock 196 (Sobranie F. F. Mazurina). No. 477, 822, 872.

Titov, A. A. (1888). *Rukopisi slavyanskie i russkie, prinaldlezhashchie deistvitel'nomu chлену Russkogo arkhеologicheskogo obshchestva I. A. Vakhrameevu* [Slavic and Russian Manuscripts Belonging to I. A. Vakhrameev, a Full Member of the Russian Archaeological Society]. Moscow, Izdatel'stvo I. A. Vakhrameeva. [Iss. 1]. 237 p.

Vypiska iz pistsovykh knig Dmitriya Kitaeva o volostyakh i derevnyakh po Novgorodskomu uezdu [Extract from Dmitry Kitaev's Cadastral Books about Volosts and Villages in Novgorod Uyezd]. (1908). In *RIB v 39 t.* St Petersburg, Pechatnya V. I. Golovina. Vol. 22, col. 18–31.

Zimin, A. A. (Ed.). (1950) *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v.* [*Tysyachnaya Kniga of 1550 and Dvorovaya Tetrad' of 1550–1559*]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 456 p.

Zimin, A. A. (1973). *Kholopy na Rusi (s drevneishikh vremen do kontsa XV v.)* [*Kholops in Rus' (from Old Times until the Late 15th Century)*]. Moscow, Nauka. 391 p.

Zimin, A. A. (1982). *Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletii (ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii)* [Russia at the Turn of the 16th Century (Essays on Social and Political History)]. Moscow, Mysl'. 333 p.

Zimin, A. A. (1988). *Formirovanie boyarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v.* [The Boyar Aristocracy Formation in Russia in the Second Half of the 15th – First Third of the 16th Centuries]. Moscow, Nauka. 349 p.

The article was submitted on 21.10.2021

Disputatio

Disputatio

**Восточная Европа
в географическом сочинении Абу ал-Фиды:
личный опыт и груз традиций***

Ирина Коновалова

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**Eastern Europe in the Geographical Work of Abū al-Fidā':
Personal Experience and the Burden of Tradition**

Irina Konovalova

Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This paper raises the question of the influence of a scholar's personal experience on their research strategies, which determines the selection of sources, the purpose of creating a work, its structure, and content. The author refers to *A Sketch of the Countries (Taqwim al-buldan)*, a work on Eastern Europe in world geography by Abū al-Fidā', a Syrian scholar of the first third of the fourteenth century and emir of the city of Hama. The purpose of the paper is to reconstruct Abū al-Fidā''s methods of work employing source analysis and trace the correlation between his principles of selection of sources, on the one hand, and the parameters of the geographical area characterised by him in Eastern Europe, on the other. The personal experience of the geographer, who was primarily a military leader and politician and maintained constant contact with the leaders of Mamluk Egypt, had a decisive influence on the content of messages about Eastern Europe. With access to information related to Egypt's relations with the outside world, including with the strongest state in Eastern Europe at that time – the Golden Horde, Abū al-Fidā' was able to compose original descriptions of the Black Sea, and give detailed characteristics of the Golden Horde cities of the Northern

---

* *Citation*: Konovalova, I. (2022). Eastern Europe in the Geographical Work of Abū al-Fidā': Personal Experience and the Burden of Tradition. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1043–1056. DOI 10.15826/qr.2022.3.715.

Цитирование: Коновалова И. Восточная Европа в географическом сочинении Абу ал-Фиды: личный опыт и груз традиций // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1043–1056. DOI 10.15826/qr.2022.3.715.

Black Sea region, the Azov region, and the Lower and Middle Volga regions. The analysis of the geographer's reports demonstrates that the ethnopolitical picture of Eastern Europe in Abū al-Fidā's treatise is practically exhausted by the borders of the Golden Horde, despite the presence of rich material about Rus' and the Eastern Baltics in the treatise of the famous Arab geographer al-Idrisi (12th century), whose work Abū al-Fidā' widely used to characterise different regions of the world. At the same time, the basis of Abū al-Fidā's story about Eastern Europe is formed by extensive excerpts from the work of Ibn Sa'īd al-Maghribi, a Spanish-Arab geographer of the second half of the thirteenth century related to the territory under the control of the Golden Horde khans. Thus, the significance of al-Idrisi's information about Eastern Europe was assessed by Abū al-Fidā' in the light of the information about the region that came to Mamluk Egypt through channels connected with the Golden Horde. It was the relevant information about certain objects in the region that performed structure-forming functions in the description deforming the traditional context or even completely displacing it.

Keywords: Abū al-Fidā', Eastern Europe, geographical tradition, personal experience, written sources, research strategies

Ставится вопрос о влиянии личного опыта ученого на его исследовательские стратегии, определявшие подбор источников, цель создания сочинения, его структуру и содержание. Этот вопрос рассматривается на материале о Восточной Европе во всемирной географии «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*) сирийского ученого первой трети XIV в. и эмира города Хама Абу ал-Фиды. Цель статьи – путем источниковедческого анализа реконструировать методы работы Абу-л-Фиды и проследить взаимосвязь между принципами отбора географом источников, с одной стороны, и параметрами охарактеризованного им географического ареала в пределах Восточной Европы – с другой. Личный опыт географа, являвшегося прежде всего военачальником и политиком, поддерживавшим постоянные контакты с первыми лицами мамлюкского Египта, оказал решающее влияние на содержание сообщений о Восточной Европе в его сочинении. Обладая доступом к информации, связанной с дипломатическими, торговыми и религиозными контактами Египта с внешним миром, в том числе с сильнейшим государством Восточной Европы того времени – Золотой Ордой, Абу ал-Фида сумел составить оригинальные описания Черного моря и впадающих в него рек, а также дать развернутые характеристики золотоордынских городов Северного Причерноморья, Приазовья и Нижнего и Среднего Поволжья. Как показывает анализ сообщений географа, этнополитическая картина Восточной Европы у Абу ал-Фиды практически исчерпывается пределами Золотой Орды, несмотря на наличие богатого материала о Руси и Прибалтике у крупнейшего средневекового арабского географа ал-Идриси (XII в.), сочинение которого Абу ал-Фида хорошо знал и широко использовал для характеристики исламских стран и других регионов мира. При этом основу рассказа Абу ал-Фиды о Восточной Европе составляют обширные выдержки из сочинения испано-арабского географа второй половины XIII в. Ибн Са'ида ал-Магриби, относившие-

ся к подвластной золотоордынским ханам территории. Таким образом, значимость сведений ал-Идриси о Восточной Европе оценивалась Абу ал-Фидой в свете той информации об этом регионе, которая поступала в мамлюкский Египет по каналам, связанным с Золотой Ордой. Описание Восточной Европы в сочинении Абу ал-Фиды наглядно показывает, что именно актуальная информация о тех или иных объектах региона выполняла в нем структурообразующие функции, деформируя традиционный контекст или даже полностью вытесняя его.

Ключевые слова: Абу ал-Фиды, Восточная Европа, географическая традиция, личный опыт, письменные источники, исследовательские стратегии

Описания Восточной Европы, сохранившиеся в арабских географических сочинениях IX–XV вв., неоднократно изучались в историографии. К ним обращались как арабисты, так и историки Древней Руси, Хазарии и Волжской Булгарии. Основное внимание исследователей было приковано к анализу содержания сообщений арабских авторов, к интерпретации их сведений о физико-географическом, этнополитическом, социальном и культурно-религиозном облике региона. Попутно рассматривались источниковедческие проблемы, связанные с поиском источников исламских сочинений. В результате была установлена преемственность в передаче тех или иных сведений, когда обширные фрагменты из одного сочинения включались в состав другого, которое, в свою очередь, становилось объектом дальнейших заимствований. На этой основе в средневековой арабской географической литературе были выявлены ведущие традиции в описании стран и народов мира, в том числе восточноевропейских, – «Каспийский свод» сведений, источником которого было несохранившееся сочинение арабского ученого первой четверти X в. ал-Джайхани (вазира при дворе Саманидов) [Заходер; Göckenjan, Zimonyi], и «Школа ал-Балхи» X в. [Tibbets]. В крупнейших географических сочинениях XII–XIV вв. – труде ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак*, 1154 г.), «Книге географии о семи климатах» (*Китаб джуграфийа фи ал-акалим ас-саб'а*, вторая половина XIII в.) Ибн Са'ида ал-Магриби и «Книге упорядочения стран» (*Китаб таквим ал-булдан*, 1321–1331 гг.) Абу ал-Фиды – также были обнаружены последовательные заимствования при описании многих географических объектов [Бартольд, 1973, с. 104–113; Крачковский, с. 296, 355–356, 358, 391; Коновалова, с. 10–12, 83, 86–90].

Включение в состав сочинения прямых цитат из трудов предшественников указывает на источник сведений, но не позволяет понять ни механизм самого заимствования, ни его место в авторском замысле создателя географического труда. Разобраться в этом можно, лишь обратившись к личности географа, его исследовательским стратегиям, которые определяли подбор источников и цитат из них, цель

написания сочинения, структуру и содержание последнего. Справедливости ради следует сказать, что далеко не всегда мы располагаем сколько-нибудь подробными данными о жизни и деятельности средневековых арабских ученых. Однако в ряде случаев имеющаяся информация дает возможность оценить личный вклад и методы работы географа. В частности, это относится к сирийскому ученому первой трети XIV в. Абу ал-Фиде.

Абу ал-Фида ‘Имад ад-дин ал-Малик ал-Му’аййад Исма‘ил ибн ‘Али ал-Аййуби – сирийский эмир, историк и географ. Абу ал-Фида родился в 1273 г. в Дамаске, куда его отец, эмир сирийского города Хама, бежал от монголов. Юношеские годы Абу ал-Фиды прошли в походах против крестоносцев; в дальнейшем он участвовал в военных экспедициях под началом мамлюкских султанов, захвативших Хама в 1299 г. Благодаря своим дипломатическим способностям Абу ал-Фида сумел сохранить и расширить отцовские владения. Добившись расположения мамлюкского султана ан-Насира Мухаммада (1293–1341, с перерывами), Абу ал-Фида поддерживал с ним тесные связи: часто появлялся в Каире, где удостоивался чести присутствовать при приемах иностранных послов, неоднократно сопровождал султана в его поездках, а также в паломничествах в Мекку. По возвращении из одного такого паломничества в 1320 г. он получил высокий титул *ал-Малик ал-Му’аййад* («правитель, которому помогает [Аллах]»). Умер Абу ал-Фида в 1331 г. в своей резиденции в Хама [Крачковский, с. 386–389; Gibb, p. 118–119; Lane-Poole, p. 312–313].

Абу ал-Фида известен как автор двух обширных компилятивных трудов: всемирной истории, доведенной до 1329 г., и географического сочинения «Книга упорядочения стран», в котором дается описание Земли и всех известных к тому времени в арабском мире стран и народов. Он также был автором ряда сочинений на религиозные и литературные сюжеты, которые считаются утраченными [Крачковский, с. 386–389; Gibb, p. 118–119].

Сохранившиеся сведения о жизни Абу ал-Фиды показывают, что, несмотря на оставленное им значительное творческое наследие, ученые занятия не были главной сферой его деятельности. В то же время именно его образ жизни и постоянные контакты с первыми лицами мамлюкского Египта обеспечили ему доступ к информации, связанной с дипломатическими, торговыми и религиозными контактами Египта с внешним миром, в том числе с сильнейшим государством Восточной Европы того времени – Золотой Ордой.

Золотоордынский период в истории Восточной Европы был временем интенсивных контактов с исламским миром [Амин ал-Холи; Закиров; Миргалеев]. При хане Берке (1257–1266) завязались тесные дипломатические отношения Золотой Орды с мамлюкскими султанами Египта [Faveraux, 2019, p. 302–325]. С именем Берке связано и начало исламизации Золотой Орды, вовлекавшей ее в орбиту мусульманской культуры и тем самым включившей ее в поле зрения арабских

и персидских ученых. Узбек-хана (1312–1342) тоже хорошо знали в официальных кругах мамлюкского Египта. При нем был сделан следующий значительный шаг в деле распространения ислама в Золотой Орде, расширения торговых, культурных, дипломатических и матримониальных отношений с египетскими султанами [Ciocîltan; Faveraux, 2017; Frenkel; Mamluk Cairo]. Абу ал-Фида, часто посещавший Египет и имевший возможность лично общаться с султаном, был, вероятно, наслышан о монгольских посольствах, а может быть, и сам присутствовал при приемах золотоордынских послов.

На время правления Узбек-хана и приходится создание географического труда Абу ал-Фиды. Это сочинение сохранилось в трех списках из Парижской национальной библиотеки (*Ancien fonds arabe* 578), библиотеки Лейденского университета (*Univ.* 727) и Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (ИВ РАН 594; С 592). Рукописи различаются составом сведений и порядком расположения материала. Различия между списками носят редакционный характер, на основании чего считается, что, закончив сочинение в 1321 г., Абу ал-Фида возвращался к работе над ним вплоть до своей смерти [Géographie d'Aboulféda, p. XLI–XLII].

Сочинение Абу ал-Фиды представляет собой описательную всемирную географию, состоящую из обширного общегеографического введения и основного раздела с описанием 28 историко-географических областей ойкумены (от Испании на западе до Китая на востоке и от «северных областей земли» до Судана на юге). Каждый из 28 разделов, в свою очередь, подразделяется на две части: описательную и табличную. В описательной части содержатся сведения о границах той или иной области, ее политическом устройстве, этническом составе населения, его обычаях и верованиях, об основных городах; бывают приведены и маршрутные данные. Кроме этого, сведения о городах каждой области представлены в таблицах, где приведена информация о многих, но далеко не о всех фигурирующих в описании населенных пунктах. В таблицах, помимо характеристики города, транслитерации его наименования и указания на источники сведений, даны и его координаты. При этом таблицы играют не самостоятельную, а вспомогательную роль, так как просто упорядочивают материал, не добавляя ничего нового к тому, что сказано в описательной части главы, где тоже бывают указаны координаты.

Важнейшими источниками труда Абу ал-Фиды были сочинения арабских географов X–XIII вв., многочисленные ссылки на сообщения которых имеются во всех разделах «Упорядочения стран». Крут письменных источников, привлеченных Абу ал-Фидой, весьма широк. Наряду с сочинениями арабских авторов, работавших в жанре описательной географии, составителей энциклопедий, словарей и исторических трудов Ибн Хордабеха (IX в.), Ибн Хаукала (X в.), ал-Идриси (XII в.), ас-Самани (XII в.), Йакута (XIII в.), Ибн ал-Асира (XIII в.), Ибн Са'ида ал-Магриби (XIII в.) и др. Абу ал-Фида называет

и некоторых представителей астрономической географии. В частности, он ссылается на среднеазиатского энциклопедиста ал-Бируни (XI в.) и его знаменитую книгу *Китаб ал-канун ал-Мас'уди фи хай'ат ва ан-нуджум* («Мас'удовские таблицы по астрономии и звездам»), Насир ад-дина ат-Туси (XIII в.) и его ученика и последователя Кутб ад-дина аш-Ширази (начало XIV в.). Кроме того, Абу ал-Фида опирался и на источники, либо не дошедшие до нас, либо известные по ссылкам на них других авторов: анонимные астрономические таблицы (*зид-жи*), «книги долгот и широт», основанные, скорее всего, на арабских переработках Птолемея, таких как «Описание населенной части земли» (*Расм ал-ма'мур мин ал-ард*) арабского ученого IX в. ал-Кинди или «Книга долгот» (*Китаб ал-атвал*), «Книга путей и государств» (сокращенно называвшаяся *Китаб ал-'Азизи*) египетского географа второй половины X в. ал-Мухаллаби, а также на некие «старинные книги», послужившие ему источником для описания Черного и Азовского морей [Géographie d'Aboulféda, passim].

По заявлению самого Абу ал-Фиды, в большинстве изученных им географических сочинений содержатся точные описания лишь мусульманских стран, а сведения о прочих странах и народах отрывочны. Сказав, что книжные сведения о Китае и Индии скудны и ненадежны, Абу ал-Фида так оценивает состояние своих источников о европейских народах:

То же самое можно сказать о стране болгар (*ал-булгар*), стране черкесов (*ал-джаркис*), стране русов (*ар-рус*), стране сербов (*ас-сарб*), стране валахов (*ал-авлак*) и стране франков (*ал-фирандж*), которые простираются от Константинопольского пролива до Океана на западе; это многолюдные страны, великие и очень обширные государства; однако нам неведомы названия их городов и неизвестно их нынешнее состояние [Géographie d'Aboulféda, p. 2; пер.: Коновалова, с. 84].

Информация Абу ал-Фиды о Восточной Европе помещена в различных частях его сочинения. В составе введения сведения о Восточной Европе имеются в рассказе об Окружающем [Géographie d'Aboulféda, p. 19–21], Черном и Азовском [Ibid., p. 31–34], Балтийском [Ibid., p. 35] и Каспийском [Ibid., p. 35–37] морях, а также в описании рек земли, в числе которых охарактеризованы Дунай, Днепр, Дон и Волга [Ibid., p. 63–64]. В основной части сочинения сообщения о странах, народах и городах Восточной Европы находятся в разделе, озаглавленном «Рассказ о северной части земли, охватывающей страны франков, турок и других [народов]» [Ibid., p. 198–223]. Соответствующие фрагменты в переводе на русский язык опубликованы [Коновалова, с. 108–128].

В общей сложности для территории Восточной Европы Абу ал-Фида называет десяток населяющих ее народов, более 20 городов и шесть крупных рек. Источники, использованные Абу ал-Фидой для

описания Восточной Европы в каждом из указанных разделов сочинения, определить несложно – в большинстве случаев географ сам на них ссылается. Это дает возможность реконструировать методы работы Абу ал-Фиды и проследить взаимосвязь между принципами отбора географом источников, с одной стороны, и параметрами охарактеризованного им географического ареала в пределах Восточной Европы – с другой.

Из тех разделов «Упорядочения стран», в которых содержатся сведения о Восточной Европе, целиком на письменных источниках основан только один – в нем дается краткое описание Балтийского моря со ссылкой на данные ал-Бируни [*Géographie d'Aboulféda*, p. 35]. Для составления всех остальных разделов Абу ал-Фиды использовал сведения как письменных, так и устных источников, которые сочетаются между собой в разных пропорциях.

В наибольшей степени от письменных источников зависит «Рассказ о северной части земли» из основной части сочинения Абу ал-Фиды. В этом разделе содержится значительная часть сведений о Восточной Европе – о народах, городах и реках Восточного и Северо-Восточного Причерноморья, о расположенных на территории Восточной Европы горах, о государстве Сарир в горном Дагестане, об аланах, казахарах, бургасах, басджиртах, печенегах, кипчаках. Информация дана со ссылками на данные Ибн Са'ида и представляет собой либо дословные заимствования, либо краткий пересказ сообщений испанского географа без каких-либо существенных дополнений или изменений [подробнее см.: Коновалова, с. 145–149]. Отсюда следует, что Абу ал-Фиды не располагал новой информацией об указанных территориях и потому ограничился книжными сведениями о них.

Обращает на себя внимание то, что, несмотря на сравнительно большой объем информации о Восточной Европе в трудах арабских ученых IX–XIII вв. и хорошее знакомство Абу ал-Фиды с их сочинениями, основным источником книжных сведений ученого об этом регионе стали сообщения только одного автора – Ибн Са'ида. При этом данные Ибн Са'ида были заимствованы Абу ал-Фидой выборочно и касались только описания тех территорий Восточной Европы, о которых Ибн Са'ид располагал новой информацией, – Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья, в какой-то мере Крыма и Приазовья. Нетрудно заметить, что все эти районы в том или ином качестве входили в состав Золотой Орды, к сфере контактов которой с мусульманским миром и относились основные источники устной информации Ибн Са'ида о Восточной Европе [Там же, с. 88–90]. Поскольку для Абу ал-Фиды также была высока значимость связанных с Золотой Ордой информационных каналов, неудивительно, что периферийные по отношению к Золотой Орде территории Восточной Европы не вызывали у него никакого интереса – к примеру, он полностью проигнорировал беспрецедентно богатые материалы ал-Идриси о Руси и Восточной Прибалтике.

В то же время данные Абу ал-Фиды о городах Крыма, Приазовья, Нижнего Подунавья, Нижнего Поднестровья, Нижнего Поволжья [см.: Коновалова, с. 108–111, 113–114, 119–125], а также описания Черного и отчасти Каспийского морей не находят параллелей в сочинениях его арабских предшественников и, как показывает анализ соответствующих текстов, были собраны им самостоятельно. Среди этих материалов наиболее интересны для нашей темы сообщения географа о Крыме, Приазовье и Черном море, так как они, пожалуй, лучше всех остальных разделов, содержащих материал о Восточной Европе, дают представление о методах работы Абу ал-Фиды над текстом сочинения.

Описание Абу ал-Фидой Черного (включая Азовское) моря по степени своей подробности совершенно беспрецедентно для арабской географической литературы. Его рассказ о Черном море по форме напоминает лоцию и имеет ряд ее характерных признаков: в описании есть информация об особенностях береговой линии и морских течениях и в то же время отсутствуют упоминания о каких-либо сухопутных маршрутах, ведущих из прибрежных городов вглубь континента; локализация портовых городов последовательно дается через их взаимное положение. Отправной точкой описания является Стамбул, откуда маршрут ведет вдоль южного, восточного, северного и западного побережья моря с возвратом в исходный пункт [Géographie d'Aboulféda, p. 31–34]. Для Восточной Европы Абу ал-Фида приводит следующий маршрут каботажного плавания: Сухум – Тамань – Азов – Керчь – Кафа – Судак – Херсонес – Аккерман в устье Днестра – Исакча в устье Дуная [Ibid., p. 33–34].

В рассказе о Черном море нет ссылок на письменные источники, кроме единственного упоминания о неких «древних книгах», из которых автор узнал одно из архаичных названий моря. Отсутствие цитат из сочинений более ранних авторов наводит на мысль о преимущественно устных источниках информации, которыми располагал географ. Об этом же свидетельствует и ссылка на рассказ некоего путешественника, побывавшего в Константинополе [Ibid., p. 34].

Абу ал-Фида знал несколько книжных наименований Черного моря: *Ниташи*¹, «Хазарское» (*бахр ал-Хазар*)² и «Армянское» (*бахр ал-Армини*)³. Но наиболее активно географ использовал те наимено-

---

¹ Традиционное для средневековой арабской географической литературы название Ниташи (Нитас) произошло от неверной постановки диакритических знаков в арабской передаче греческого наименования Черного моря Понт (*греч.* Πόντος, *араб.* Бунтус). Абу ал-Фида почти не пользуется этим наименованием Черного моря и приводит его как анахронизм, служивший, как он полагает, для обозначения Черного моря в древности.

² Название «Хазарское море» фигурирует в «Упорядочении стран» лишь однажды в цитате из сочинения Ибн Са'ида [Géographie d'Aboulféda, p. 203].

³ Наименование «Армянское море», встречающееся в сочинении автора начала X в. Ибн Русте [Бейлис, с. 28], было известно Абу ал-Фиде, скорее всего, из историко-географической традиции, а в его время уже вышло из употребления и потому показалось географу сомнительным: приводя это название, Абу ал-Фида добавляет обычную арабскую формулу, произносимую при сомнении в достоверности известия.

вания, которые он сам считал современными: «Крымское» (*бахр ал-Кирим*) и реже им употребляемое «Черное» (*ал-бахр ал-Асвад*)⁴.

Гидроним «Крымское море» в арабской географической литературе ввел в оборот именно Абу ал-Фида. Это название, с одной стороны, отражает важную роль Крыма в экономической и политической жизни Причерноморья в первой трети XIV в., а с другой – свидетельствует о том, что для Абу ал-Фида основным источником информации о Черном море являлись сообщения современных ему египетских информаторов, владевших сведениями о Золотой Орде. При этом, насколько можно судить по сочинению географа, круг использованных Абу ал-Фидой источников о Восточной Европе не исчерпывался официальными документами мамлюкских султанов, а был существенно шире. В своем труде Абу ал-Фида ссылается не только на сообщения лиц, ездивших из Египта в Крым и обратно, в том числе послов золотоордынского хана Узбека в Египет [*Géographie d'Aboulféda*, p. 32–33], но также на рассказы путешественников и купцов, плававших по Черному и Каспийскому морям и посещавших Золотую Орду [*Ibid.*, p. 34, 63]. Среди информаторов Абу ал-Фида были местные жители золотоордынских городов – Исакчи на Нижнем Дунае [*Ibid.*, p. 212], Сарая и Булгара на Волге [*Ibid.*, p. 217].

На эти же источники информации, связанные со сферой золотоордынско-египетских отношений, указывает и состав данных, приводимых географом в главе о Черном море. В частности, там помещены известия о политическом положении в Золотой Орде, что совершенно не характерно для вводных разделов «Упорядочения стран», содержащих сведения общегеографического и космографического толка. Упомянув город Тамань (*ат-Таман*), Абу ал-Фида пишет, что он являлся «пограничным пунктом государства Берке; нынешнего правителя этого государства зовут Узбек, его послы часто посещают Египет (*Миср*)» [*Ibid.*, p. 33].

Использование источников, восходящих к сфере золотоордынско-египетских отношений, отразилось и на полноте описания тех или иных городов Причерноморья в рассказе Абу ал-Фида о Черном море. Обстоятельнее всего географ охарактеризовал северное побережье, в особенности Крымский полуостров, при характеристике городов которого Абу ал-Фида, за единственным исключением, не ссылается на географические труды своих предшественников.

Наряду с описанием крымских городов в составе лоции, в основной части сочинения Абу ал-Фида имеются более или менее развернутые характеристики населенных пунктов Крыма, причем не только портовых [*Ibid.*, p. 212–217], но и лежащих в глубине полуострова –

---

⁴ Наименование «Черное море» впервые в арабской географической литературе употребляется в сочинении Абу ал-Фида, а также в космографии его современника и земляка Шамс ад-дина Мухаммада ад-Димашки [*Cosmographie*, p. 133, 139, 143, 145, 220]. По своему происхождению это наименование, по всей вероятности, является арабской калькой турецкого *Karadeniz*, вошедшего в употребление в XIII в.

административно-политического центра золотоордынских владений в Крыму Солхата (*Сулгат*) [*Géographie d'Aboulféda*, p. 200, 215] и города Кырк-Ер (*Киркри*), нынешнего Чуфут-Кале, остатки которого находятся близ Бахчисарая [*Ibid.*, p. 215].

Говоря о политической принадлежности крымских городов, Абу ал-Фида относит Солхат, Судак и Кафу к «стране ал-Кирым» [*Ibid.*, p. 214], Херсонес – к «стране болгар и тюрок» [*Ibid.*, p. 214], Кырк-Ер – к «стране асов» [*Ibid.*, p. 214], а о Керчи замечает, что она находится «на побережье моря ал-Азак» [*Ibid.*, p. 216] без уточнения политической принадлежности этой территории.

Сообщение Абу ал-Фиды о Судаке – единственное, которое включает не только современные географу данные, но и материалы, заимствованные у Ибн Са'ида:

Судак находится у подножья горы на каменистой земле. Это обнесенный стеной город, жители которого исповедуют ислам. Он стоит на берегу моря ал-Кирым и является торговым портом, соперничающим с Кафой. Напротив Судака на противоположном берегу моря лежит город Самсун. Согласно Ибн Са'иду, жители Судака принадлежат к разным народам и вероисповеданиям, но господствующее положение занимают христиане. Город расположен на море Ниташ, плывя по которому, купцы могут достичь канала ал-Кустантинийа [*Géographie d'Aboulféda*, p. 216].

Как видно, Абу ал-Фида почти полностью процитировал сообщение Ибн Са'ида о Судаке⁵, опустив лишь данные последнего о расстоянии между Судаком и Синопом. Вместо этого он включил в свое сообщение сведения о расстоянии между Судаком и Самсуном. Кроме того, в сообщении Абу ал-Фиды засвидетельствованы изменения в религиозном составе жителей Судака. Если в XIII в., согласно Ибн Са'иду, среди городского населения преобладали христиане, то во времена Абу ал-Фиды Судак приобрел облик мусульманского города. Этому способствовал разрушительный поход, предпринятый в августе 1322 г. по указанию Узбек-хана Кара-Булатом, в результате которого все христианские церкви в городе были разбиты и закрыты. Весной 1327 г. наместник Узбека Толактемир разрушил городскую цитадель и несколько церквей [Бартольд, 1965, с. 490]. Судя по сообщению посетившего Судак в первой трети XIV в. арабского путешественника Ибн Баттуты, к этому времени город уже превратился в типичный мусульманский центр: Ибн Баттута отметил, что

---

⁵ Согласно Ибн Са'иду, Судак «населяют люди [различных] народностей и верований, но преобладают там исповедующие христианство. Город расположен у моря Ниташ, откуда купцы отправляются к каналу ал-Кустантинийа. Напротив Судака на южном берегу [моря] лежит город Синуб, известный порт; ширина моря между ними равняется двум и одной трети дням [плаванья]» [текст и перевод см.: Конова-лова, с. 22, 30].

основным населением города были тюрки, в зависимости от которых находилось незначительное число греческих ремесленников [Voyages d'Ibn Batoutah, p. 414–416].

Композиция сообщения Абу ал-Фиды о Судаке показывает, что когда он располагал новыми данными, то приоритет в описании он отдавал именно им. Поэтому, говоря о Судаке, географ сначала приводит собранные им самим сведения об особенностях окружающего город ландшафта, о городских укреплениях, об исповедуемом большинством жителей Судака исламе, об экономической значимости города. И лишь потом прибавляет цитату из Ибн Са'ида, оставляя при этом без комментария утверждение последнего о том, что в городе преобладает христианское население.

Благодаря использованию информации золотоордынских источников Абу ал-Фиды получил возможность составить оригинальное описание не только портовых городов Черного и Азовского морей, но и впадающих в них рек – Дуная, Днепра, Дона, основную часть рассказа о которых составляют сведения об их устьях и стоящих там городах [Géographie d'Aboulféda, p. 63–64; пер. см.: Коновалова, с. 113–114].

Еще одним регионом Восточной Европы, в описании которого значительна роль новых, не заимствованных из книг данных, было Нижнее и Среднее Поволжье. Абу ал-Фиды оставил описания Сарая, Булгара и Уека [Géographie d'Aboulféda, p. 216–217], а также – со ссылкой на полученную от купцов информацию – привел данные об условиях навигации в дельте Волги [Ibid., p. 64].

По всей вероятности, от информаторов, знакомых с торговлей по Нижней и Средней Волге, откуда они могли двигаться и дальше на север, Абу ал-Фиды узнал о безымянном северном народе, практиковавшем меновую торговлю с заезжими купцами [Ibid., p. 201–202]. О меновой торговле, распространенной у народов Европейского Севера, писали и более ранние арабские авторы [Заходер, т. 2, с. 62–65], но в описании Абу ал-Фиды есть деталь, отсутствующая у других писателей, – указание на местонахождение этого народа «к северу от русов». Территорию же самих русов Абу ал-Фиды определяет как находившуюся «к северу от города Билара» [Géographie d'Aboulféda, p. 201–202], что лишний раз указывает на источники его сведений об этом народе, которые были связаны с торговлей по Волге.

Отдельно следует сказать об астрономических данных, которые приводит Абу ал-Фиды для целого ряда населенных пунктов Восточной Европы. Часть этих данных Абу ал-Фиды заимствовал у Ибн Са'ида, в меньшей мере – из таблиц ал-Бируни и «Книги долгот». Исследование соответствующих материалов Абу ал-Фиды и Ибн Саида не оставляет сомнений в том, что соединение астрономических и описательных данных в сочинениях этих авторов следует считать чисто механическим. Там, где можно сравнить текстовую информацию о местонахождении тех или иных объектов и указанные Ибн Са'идом их координаты, они

противоречат друг другу. О формальном соединении тех и других сведений говорят и материалы Абу ал-Фиды, который не заботился о выяснении достоверности приводимых им данных и довольно часто без каких-либо комментариев давал несколько вариантов астрономической локализации, взятых им из различных источников.

Попытка перенести на карту те города, для которых Ибн Са'идом и Абу ал-Фидой указаны широта и долгота, показывает, что на основании этих координат вычертить карту, сколько-нибудь соответствующую реальному положению вещей, невозможно, ибо города расположены бессистемно: так, почти все пункты Северного Кавказа оказываются к югу от Трапезунда; Сарир, напротив, располагается намного севернее, почти на одной широте с Тьмутараканью, а Саксин в дельте Волги – почти на той же широте, что и Булгар (см. таблицы: [Коновалова, с. 172–173]). Кроме того, последовательное использование Ибн Са'идом и Абу ал-Фидой координатного принципа оказалось несовместимо с основным способом локализации, практикуемым ал-Идриси, – определением местоположения одного пункта относительно каких-либо других в рамках определенного маршрута. Тем самым для географов XIII–XIV вв. исключалась возможность прямого заимствования сообщений ал-Идриси без нарушения их внутренней структуры, основу которой составляли именно маршрутные данные. Не случайно в тех частях сочинения, которые посвящены восточно-европейским областям, у Ибн Са'ида и Абу ал-Фиды не встречается сколько-нибудь пространных цитат из трактата ал-Идриси.

Хотя Абу ал-Фида был хорошо знаком с сочинениями ал-Идриси и Ибн Са'ида, составленный географом текст свидетельствует о том, что он не стремился углубить представления своих предшественников об этом регионе. Абу ал-Фида осваивал это пространство заново, пренебрегая многими сведениями ал-Идриси и Ибн Са'ида, – не случайно этнополитическая картина Восточной Европы у него практически исчерпывается пределами Золотой Орды. Интерес Абу ал-Фиды к тем или иным сведениям ал-Идриси и Ибн Са'ида диктовался главным образом задачами его собственного сочинения, а также содержанием информации о Восточной Европе, поступавшей в мусульманский мир по современным для него каналам, которые для первой трети XIV в. были почти целиком связаны с контактами Золотой Орды и мамлюкского Египта. Именно поэтому географическим фокусом рассказа о Восточной Европе в сочинении Абу ал-Фиды выступают золотоордынские города Крыма, Приазовья и Нижнего и Среднего Поволжья, тесно связанные с международными торговыми путями. Описание Восточной Европы в сочинении Абу ал-Фиды наглядно показывает, что именно актуальная информация о тех или иных объектах региона выполняла структурообразующие функции в описании, деформируя традиционный контекст или даже полностью вытесняя его.

Список литературы

- Амин ал-Холи.* Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М. : Изд-во вост. лит., 1962. 40 с.
- Бартольд В. В.* Сугдак // Бартольд В. В. Соч. : в 9 т. М. : Наука, 1965. Т. 3. С. 489–490.
- Бартольд В. В.* География Ибн Са'ида // Бартольд В. В. Соч. : в 9 т. М. : Наука, 1973. Т. 8. С. 103–113.
- Бейлис В. М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток : сб. ст. / под ред. А. И. Фалиной. М. : Изд-во вост. лит., 1962. С. 21–28.
- Закиров С. З.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М. : Наука, 1966. 160 с.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе : в 2 т. М. : Изд-во вост. лит., 1962–1967. Т. 1. Горган и Поволжье в IX–X вв. 279 с. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 213 с.
- Коновалова И. Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, пер., коммент. М. : Вост. лит., 2009. 223 с.
- Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения : в 6 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. Т. 4. 920 с.
- Миргалеев И. М.* Золотоордынское государство в системе международных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 12 (150). Сер.: История. Вып. 31. С. 94–98.
- Ciociltan V.* The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Leiden ; Boston : Brill, 2012. 321 p.
- Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe / publié d'après l'édition commencée par M. Fraehn et d'après les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M. A. F. Mehren.* St.-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie des sciences, 1866. 386 p.
- Faveraux M.* The Golden Horde and the Mamluks // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 93–115. DOI 10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115.
- Faveraux M.* The Golden Horde and the Mamluks : The Birth of a Diplomatic Set-Up (660–5/1261–7) // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies : Studies on Diplomacy and Diplomats / ed. by F. Bauden and M. Dekkiche. Leiden ; Boston : Brill, 2019. P. 302–325. DOI 10.1163/9789004384637_008.
- Frenkel Y.* Embassies and Ambassadors in Mamluk Cairo // Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies : Studies on Diplomacy and Diplomats / ed. by F. Bauden and M. Dekkiche. Leiden ; Boston : Brill, 2019. P. 238–259. DOI 10.1163/9789004384637_006.
- Géographie d'Aboulféda : Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane.* Paris : Imprimerie Royale, 1840. 604 p.
- Gibb H. A. R.* Abu 'l-Fida // The Encyclopaedia of Islam : 12 t. New Ed. / ed. by H. A. R. Gibb et al. Leiden : Brill, 1986. Vol. 1. P. 118–119.
- Göckenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ğayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, *Ḥudūd al-'Ālam*, al-Bakrī und al-Marwazī). Wiesbaden : Harrassowitz in Kommission, 2001. 342 s.
- Lane-Poole S.* A History of Egypt in the Middle Ages. L. : Psychology Press, 1968. 382 p.
- Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies : Studies on Diplomacy and Diplomats / ed. by F. Bauden and M. Dekkiche.* Leiden ; Boston : Brill, 2019. 881 p.
- Tibbets J. R.* The Balkhī School of Geographers // History of Cartography : 6 t. / ed. by J. B. Harley and D. Woodward. Chicago ; L. : Univ. of Chicago Press, 1992. Vol. 2, Book 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. P. 108–136.
- Voyages d'Ibn Batoutah : 4 t. / texte arabe, accompagnée d'une trad. par C. Defrémery et B. R. Sanguinetti.* Paris : L'Imprimerie impériale, 1854. Т. 2. 465 p.

References

- Amin al-Kholi. (1962). *Svyazi mezhdu Nilom i Volgoi v XIII–XIV vv.* [Relations between the Nile and the Volga in the 13th–14th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 40 p.
- Barthold, V. V. (1965). Sugdak [Sugdak]. In Barthold, V. V. *Sochineniya v 9 t.* Moscow, Nauka. Vol. 3, pp. 489–490.
- Barthold, V. V. (1973). Geografiya Ibn Sa'ida [Geography of Ibn Sa'īd]. In Barthold, V. V. *Sochineniya v 9 t.* Moscow, Nauka. Vol. 8, pp. 103–113.
- Bauden, F., Dekkiche, M. (Eds.). (2019). *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics.* Leiden, Boston, Brill. 881 p.
- Beilis, V. M. (1962). Svedeniya o Chernom more v sochineniyakh arabskikh geografov IX–X vv. [Information about the Black Sea in the Works of Arab Geographers of the 9th–10th Centuries]. In Falina, A. I. (Ed.). *Blizhnii i Srednii Vostok. Sbornik statei.* Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, pp. 21–28.
- Ciociltan, V. (2012). *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries.* Leiden, Boston, Brill. 321 p.
- Defrémery, C., Sanguinetti, B. R. (Eds.). (1854). *Voyages d'Ibn Batoutah. 4 t. Texte arabe.* Paris, L'imprimerie impériale. Vol. 2. 465 p.
- Faveraux, M. (2017). The Golden Horde and the Mamluks. In *Zolotoofdynskoe obozrenie.* Vol. 5, No. 1, pp. 93–115. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.93-115.
- Faveraux, M. (2019). The Golden Horde and the Mamluks: The Birth of a Diplomatic Set-Up (660–5/1261–7). In Bauden, F., Dekkiche, M. (Eds.). *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics.* Leiden, Boston, Brill, pp. 302–325. DOI 10.1163/9789004384637_008.
- Fraehn, M., Mehren, M. A. F. (Eds.). (1866). *Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe.* St.-Petersbourg, Imprimerie de l'Académie des sciences. 386 p.
- Frenkel, Y. (2019). Embassies and Ambassadors in Mamluk Cairo. In Bauden, F., Dekkiche, M. (Eds.). *Mamluk Cairo, a Crossroads for Embassies: Studies on Diplomacy and Diplomatics.* Leiden, Boston, Brill, pp. 238–259. DOI 10.1163/9789004384637_006.
- Gibb, H. A. R. (1986). Abu 'l-Fida. In Gibb, H. A. R. et al. (Eds.). *The Encyclopaedia of Islam. 12 t. New Ed.* Leiden, Brill. Vol. 1, pp. 118–119.
- Göckenjan, H., Zimonyi, I. (2001). *Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardzī, Ḥudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī).* Wiesbaden, Harrassowitz in Kommission. 342 s.
- Konovalova, I. G. (2009). *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii* [Eastern Europe in the Works of Arab Geographers of the 13th–14th Centuries. Text, Translation, and Comments]. Moscow, Vostochnaya literatura. 223 p.
- Krachkovskii, I. Yu. (1957). *Izbrannye sochineniya v 6 t.* [Selected Works. 6 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 4. 920 p.
- Lane-Poole, S. (1968). *A History of Egypt in the Middle Ages.* L., Psychology Press. 382 p.
- Mirgaleev, I. M. (2009). Zolotoordynskoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [The Golden Horde State in the System of International Relations]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya.* No. 12 (150). Iss. 31, pp. 94–98.
- Reinaud, M., Mac Guckin de Slane. (1840). *Géographie d'Aboulféda : Texte arabe.* Paris, Imprimerie Royale. 604 p.
- Tibbets, J. R. (1992). The Balkhī School of Geographers. In Harley, J. B., Woodward, D. (Eds.). *History of Cartography. 6 t.* Chicago, L., Univ. of Chicago Press. Vol. 2. Book 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies, pp. 108–136.
- Zakhoder, B. N. (1962–1967). *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope v 2 t.* [Caspian Collection of Information about Eastern Europe. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury. Vol. 1. Gorgan i Povolzh'e v IX–X vv. 279 p. Vol. 2. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane. 213 p.
- Zakirov, S. Z. (1966). *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoi Ordy s Egiptom* [Diplomatic Relations of the Golden Horde with Egypt]. Moscow, Nauka. 160 p.

The article was submitted on 18.10.2021

Eyewitnesses to the Phenomenon of Russian Cold: Robert Boyle and the Accounts of Early Travelers North* **

Maija Jansson

Yale University,
New Haven, USA

This article examines the Russian cold as reflected in accounts of early travelers to the north. For his study of the phenomenon of cold in the early 1660s, Robert Boyle repurposed parts of Giles Fletcher's travel account of Russia written seventy-seven years earlier. Inspired by Sir Francis Bacon's work on heat, Boyle sought to understand the extremes of cold but found himself hampered by its absence in northern England. Consequently, he turned, among other sources, to the printed account of Ambassador Fletcher who, sailing north on a Muscovy Company ship, had kept a journal following the Instructions and Ordinances drafted for that Company by Sebastian Cabot. Boyle found verification of the accuracy of Fletcher's eyewitness description of cold through his friends and compatriots in the Royal Society who had been to Russia. Ultimately, this is the story of the impact of England's mid-sixteenth century navigational technology and commercial and diplomatic relations with Russia on Robert Boyle's late seventeenth century early scientific study of cold which, according to the author's conclusion, demonstrates how the study of the Russian north impacted the early development of natural science in England.

Keywords: traveling around Russia, 17th century, Robert Boyle, Giles Fletcher, Muscovy Company, Royal Society, cold

Статья посвящена изучению восприятия русского холода, отраженно-го в свидетельствах иностранцев, совершавших первые путешествия на север. Исследуя в начале 1660-х гг. физические свойства феномена холода, Роберт Бойль адаптировал под свои задачи сообщения Джильса Флетчера о путешествии по России, написанные 77 годами ранее. Вдохновленный работой сэра Фрэнсиса Бэкона о тепле, Бойль стремился понять характеристики его противоположности – холода, но обнаружил,

---

* I want to thank Professor Paul Bushkovitch for his helpful comments and kindness in reading this text.

** *Citation:* Jansson, M. (2022). Eyewitnesses to the Phenomenon of Russian Cold: Robert Boyle and the Accounts of Early Travelers North. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1057–1083. DOI 10.15826/qr.2022.3.716.

Цитирование: Jansson M. Eyewitnesses to the Phenomenon of Russian Cold: Robert Boyle and the Accounts of Early Travelers North // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1057–1083. DOI 10.15826/qr.2022.3.716.

что его исследованиям мешает отсутствие такового в северной Англии. Поэтому он обратился, среди прочего, к печатному отчету посла Флетчера, который, плывя на север на корабле Московской компании, вел журнал, следуя инструкциям и рекомендациям, составленным для этой компании Себастьяном Каботом. Бойль нашел подтверждение точности описания холода, сделанного очевидцем Флетчером, с помощью своих друзей и соотечественников из Королевского общества, побывавших в России. В конечном счете это история о влиянии навигационных технологий Англии середины XVI в., торговых и дипломатических отношений с Россией на раннее научное исследование холода Робертом Бойлем конца XVII в., которая, по заключению автора, показывает, как изучение Русского Севера повлияло на раннем этапе на развитие естественных наук в Англии.

Ключевые слова: путешествия по России, XVII в., Роберт Бойль, Джильс Флетчер, Московская компания, Королевское общество, холод

Robert Boyle's book of *New Experiments and Observations Touching Cold* was published in London in 1665. In the introduction he gives several explanations of why he undertook to write on "so barren a subject" [Boyle; *The Works of Robert Boyle*, p. 208–209, 217]¹. First, he explains that cold is an instrument of nature that for the most part has been neglected by the "Classick Authors". Then, he says, that having once written on heat and flame he was now encouraged by the Royal Society to consider their opposites, cold and ice. In embracing this idea, he proposes that his examination of cold will not only be by way of experiments and empirical observations but also through accounts of "other mens Testimonies" lest some of the "Remarkablest *Phenomena* of Cold" go unmentioned [The Works of Robert Boyle, p. 218]. The reasons for this are explained below. There is a rich literature on Boyle's various experiments but less has been written about his use of early printed sources and his means of their verification. This article is about how an early account of the cold in Russia, so treacherous to early travelers, was used by Boyle. In another dimension it is the story of the contribution of England's commercial and diplomatic relations to early science. It connects England and Russia with Boyle's early scientific search for eyewitness accounts of the phenomena of cold, and how the critical reading of these testimonies led him to the comments and conclusions he explains in the Titles (or sections) of his book that are described below.

At the outset, Boyle's own interest in cold stemmed in part from his reading of Sir Francis Bacon's works on heat. Heat, of course, was easily created with fire but the creation of cold was more complicated and, in the seventeenth-century, in the absence of a frigid winter in England, snow and ice could not be artificially made. For Boyle, then, investigations into the subject of cold depended to some extent on the knowledge of others found in books

---

¹ Sf.: [Fletcher, 1591]. I have primarily used the modern text edition included in [Rude and Barbarous Kingdom].

whose authors then became his eyewitnesses. Peter Dear reminds us of the importance of print and libraries even for those seventeenth-century natural philosophers who stressed “first hand observation of nature” [Dear, p. 109]. One of the sources on cold that Boyle used and on which this article focuses is Giles Fletcher’s book, *Of the Russe Commonwealth*. It met all of Boyle’s criteria for a valid record: it was written in English by a man who had experienced Russia, was accessible by way of several print runs and, most importantly, the text was verifiable by living witnesses [Fletcher, 1951]. The story of the genesis of Fletcher’s text, its relation to Sebastian Cabot’s *Ordinances*, and the importance of the later compatriots of Boyle who vouched for its accuracy is told below. It begins with a conversation between the scientist himself and his contemporary friend and ambassador, Charles Howard, Earl of Carlisle, and then moves back in time to the Muscovy Company’s early voyages north.

At the end of the 1665 edition of Robert Boyle’s *Experiments and Observations Concerning Cold* is a note of his encounter with Carlisle, the English ambassador recently returned from Russia. They met on a London street in early spring 1664–1665. They were friends as well as neighbors, and Boyle was anxious to question Carlisle regarding the cold in Moscow and northern Russia about which he had heard and read so much. His inquiry concerned the nature of and differences in freezing water and alcohol, one aspect of his then current research. Carlisle responded by describing to his friend the bottles of wine that had been “vehemently frozen” and then unfrozen, wherein, he said, “the liquor afforded by the exterior parts of the resolved ice was very little, if at all less strong than that which was obtained from the internal parts of the same ice” [Boyle, p. 799–800]. Later, Dr. Samuel Collins, an English Doctor in the service of the Tsar confirmed the story for Boyle, and added that “he found the ice of those parts to be much harder than that of these” [The Works of Robert Boyle, p. 374; Loewenson]².

Not only friends and neighbors, Boyle and Carlisle were also both founding members of the recently formed Royal Society [Hunter, 2009, p. 13]. Their chance meeting pinpoints the interconnection between the late seventeenth-century community of natural scientists in that Society, Fletcher’s account of Russia a century earlier, and the critical part played by Muscovy Company merchant ships in bringing them together. The story is a variation of the theme that “early modern scientific discovery, technical invention and artistic creativity should be thought of as both ‘inter-connected and cross-fertilizing”’ [Travel Narratives, p. 1–10]. In particular it illustrates how elements of Fletcher’s travel and voyage narrative conceived during his experience in Russia, expanded on his return, and later edited by Richard Hakluyt, were repurposed by Robert Boyle, a natural scientist, in the 1660s to inform his writing on cold. Fletcher’s work was not the first English account of northern Russia to reach England, nor the most comprehensive, but it was the first to even minimally describe climatic conditions conducive to extreme cold. While disregarding much of the general description in the text,

---

² I wish to thank Paul Seaward for sending me the research on Charles Howard prepared by the staff of the History of Parliament Trust for the volume on the House of Lords 1660–1690.

and most of the details about the towns and villages that the writer saw, and their governments and legal systems, Boyle combed Fletcher's account for meteorological description of the north and examples relevant to his own early scientific experiments regarding the phenomena of cold.

His interest centered primarily on the second chapter of *Of the Russe Commonwealth*, entitled "Of the Soil and Climate" that attributes the barrenness of the north to the "extremity of the cold in wintertime". He further relates that in winter the whole country is "under snow which falleth continually and is sometimes of a yard or two thick". Lloyd Berry and Robert Crummey in 1968 found it "one of the less interesting sections of the book" since much of the material they found derivative [Rude and Barbarous Kingdom, p. 94]. Richard Pipes, writing two years earlier had said that "the least useful contributions of Fletcher's book are the geographical and historical facts reported in the opening five chapters" because they were written on his return. Neither of these comments, however, precludes the possibility of Fletcher's writing as an eyewitness to the weather (and cold) he experienced. For Boyle the issues were not when and where the report was written but whether it was true and verifiable, and who could be trusted as a credible witness to the reported facts.

Echoing Aristotle's description of cold found in matter, Boyle questioned whether cold was "a positive quality or a bare privation of heat?" [Aristotle, Bk. IV, p. 8, 384; *The Works of Robert Boyle*, p. 364]. In his work, besides Fletcher's account Boyle cited at least forty-four other printed texts that mention or describe cold. Some of these authors experienced northern cold themselves and wrote about it as witnesses with an observation of detail that spoke to a scientist. By way of their own education and instruction they were keen observers and good recorders. Others described cold from earlier printed sources if they mentioned it at all. Critical to Boyle years later, however, was the fact that Fletcher's account was verifiable by living witnesses, some of whom, but not all, were connected with the Royal Society, and had themselves experienced Russian winters. Their eye-witness testimonies constituted the verbal support described by the modern analyst Julia Schleck as necessary to the validation and acceptance of a printed text [Schleck, p. 53]. In other words the authentic early travel account constituted a text based on empirical description similar to the way in which early scientific trials and experiments were built on the examination and subsequent description of empirical evidence – what Richard Yeo calls "the empirical sensibility" of the early natural scientists. And Arndt Brendecke would add that seafaring and navigation were also "practices with a strong empirical component" [Yeo, p. 87; Brendecke, p. 287]. For Boyle, then, a living eyewitness to the content of a decades old account substantiated its validity [Shapin, Schaffer, p. 55–79]³. For him the authority of the text itself was primary, not the name of the author or the date of publication.

---

³ The literature on eyewitnesses is voluminous. I shall cite here only material directly related to Boyle's study of cold.

Muscovy Company policy facilitated the keeping of accounts and descriptions of the Russian far north. We will come to that, below, in looking at Cabot's *Ordinances*. In addition, the symbiotic relationship between crown appointed ambassadors seeking privileges for English merchants in Russia, and the Company's provision of passage for those ambassadors, offer an insight into the interdependence of commercial enterprise and crown policy, the inseparability of trade and diplomacy [Phipps, p. 14, 49]. Moreover, we see the important part played by the Company as a vehicle, both literally and figuratively, in the transmission of knowledge and ultimately in cultural exchange. That the accounts begun or made on these voyages, and that of Giles Fletcher in particular, would also provide, more than a century later, information for a scientist in the Royal Society reveals how multifaceted and timeless a travel text can be. It also underscores the point that all readers of a text are not looking for the same thing. Following its third printing in 1657 it is quite clear that, contrary to Richard Pipes' comment, Fletcher's account did not fall into oblivion [Fletcher, 1966, p. 38]. And, also I add parenthetically, that the activity of the Company which to date has been written about primarily as a mercantile institution played an essential part in the development of tools for mathematical navigation, but that is beyond the purview of this article. Suffice it to say that Dr. John Dee, a pioneer in arithmetical navigation in the 1550s, devised the circumpolar chart for the Muscovy Company's first ships sailing in northern waters [Waters, p. 525]. Robert Record's *The Whetstone of Witte*, the second part of his tract on *Arithmetike*, was dedicated "To the right worshipfull, the governers, Consulles, and the reste of the companie of venturers into Moscovia". The Dedicatory Epistle wished the Company well and that they should "purchase therewith immortall fame, and be praised for ever...for opening that passage, that shall profite so many" [Record, Dedication, n. p.].

For Boyle's texts and documentation of experiments and observations on cold, as mentioned above, I have used primarily the modern edition of Boyle's work edited by Michael Hunter and Edward B. Davis and also have referred to some details about Boyle's trials and demonstrations in Hunter's biography [Hunter, 2009, p. 119]. An analysis of his library and notes can be found in the same author's volume on Boyle's manuscripts and in the Occasional Paper, no. 4, from the Boyle Project [Avramov, Hunter, Yoshimoto]. Returning now to Boyle's problem we can consider why and how he chose to use, among others, an old account of Russia.

His problem, like that for Francis Bacon almost a half century earlier, was the absence of extreme cold in England. For Bacon the study of cold was as important as the examination of heat; for "heat and cold", he said, "are nature's two hands whereby she chiefly worketh" [Bacon, *Sylva Sylvarum*, p. 19]. The efficacy of heat was obvious and its components were easily available while cold, he believed, could have a certain utility in the preservation of liquids, meat, and drink it was less easily created as a subject for study. Bacon argued, that for cold "we must stay till it cometh, or seek it in Caves or high mountains". Regardless, however, in England, he said,

the cold was simply not severe enough for experiments in freezing water or oil, wine or beer. “Furnaces of Fire”, Bacon wrote, “are far hotter than a Summers Sun, but Vaults or Hills are not much colder than a Winters Frost” [Bacon, *Sylva Sylvarum*, p. 19].

Rejecting, at least partially, Aristotelian theory for the study of particular scientific phenomena and the “framing of axioms” Bacon had devised and explained a new method for the organization of natural philosophy. Within that methodology he describes the “Tryals (*sic*) and Experiments”, many of them derived from printed sources, that formed the bases and sometimes practical proofs of his theories. These he cites and numbers in *Sylva Sylvarum* [Bacon, *Sylva Sylvarum*, p. 19–20; *History of Dense and Rare*, p. 144, 147; *Dear*, p. 60]. He often, however, fails to identify the authors of his entries and speaks only generally, for example, of “some of the ancients”, or of what is “in some Mines in Germany”, or how spring corn in Moscovia benefits from a wet winter, or about “divers Fruit Trees in the hot Countreys” with no mention of the sources of the information [Bacon, *Novum Organum*, Century VI, nos. 570, 571, 580, 581, p. 118, 571, 580, 581]. It is not clear why. Perhaps, it is because Bacon was less concerned with the tryals themselves than with the formulation of their results, or perhaps because in the mid 1620s he was simply preoccupied with the unraveling of his career in government. Bacon’s other works, *Novum Organum*, for example, and the *Advancement of Learning*, also methodological and philosophic, though, are filled with multiple well identified classical and biblical references. That said, however, in the *Advancement of Learning*, he wrote that “the first distempers of learning [come] when men study words and not matter...” [Bacon, *Advancement of Learning*, Bk. IV, p. 2, 30]. And from this principle he conceived of “individual facts drawn from experience” [Dear, p. 61].

Boyle, following Bacon’s precepts regarding the examination of scientific matter through “trial” and experiment discovered for himself that he was as hampered by the English climate as Bacon had been. Even though the seventeenth-century was in the midst of what later came to be labeled the Little Ice Age, winter temperatures varied from year to year. There was no recorded pattern of weather at that time other than marking years by way of memory of events like the freezing of the Thames in 1565 or the great snowstorm of 1579, or the chance remark of a diary keeper like John Evelyn who noted on 6 March 1658 that “this had ben the severest Winter that man alive had knowne in England. The Crowes Feet were frozen to their prey” [White, p. 9–17; Evelyn, p. 388]⁴. Ironically, it was the cold temperatures at the end of 1664 that shut down the presses, thus postponing the publication of Boyle’s book on cold [The Works of Robert Boyle, p. 206; Hall, p. 87]. And Boyle himself remarked that in that year there was “a notably hard winter”, although the previous one had “proved so strangely mild” that his colleague, Christopher Merrett, had noted that there were no frosts

---

⁴ Primarily about the New World experience, White includes many pages on climate generally, and on measuring climatic trends.

in England in 1663 [The Works of Robert Boyle, p. 145, 540; Loewenson, p. 474, 476]. Regardless of such variations, however, echoing Bacon, Boyle wrote that in England we are “unable to *produce* or *intend* Cold as we can do Heat”. Nevertheless, as a scientist and an empiricist he could not dismiss an examination of the properties of cold the effects of which he understood to be so “stupendious” a power as “to moderate and check the Operations of Heat” [Ibid., p. 223]. As Boyle explains, “being unable to examine them here in England, all I could do, was, to report them faithfully and mention only such as were either affirmed by Eye witnesses... or, at least recommended by credible Testimony” [Ibid., p. 219]⁵. And he reiterated, that when his observations could not be made in England’s temperate climate that he must “either make use of other mens Testimonies, or leave some of the Remarkablest *Phoenomena* of Cold unmentiond” [Ibid., p. 218]. Later, lamenting the failure of his ability to freeze “quicksilver” or mercury at home, for example, he informed his reader of his wish that this trial or experiment could be “made in *Muscovy, Greenland, Charles-Island*, or some other of the most Icy Regions, where the Effects of cold (which here are upon Quicksilver but languid) are the most considerable, and sometimes stupendious” [The Works of Robert Boyle, p. 277; Captaine Thomas James, p. 78]⁶. Boyle’s only recourse, then, was to rely on the reports of those who had witnessed such phenomena.

In the absence of a reliable system for measuring temperature Boyle wanted descriptions of those who had seen and experienced extreme cold, not some Latin text that summarized its author’s concept of cold. Consequently, he turned to the accounts of northern “Voyages of our own Country-men who have written only in English” [The Works of Robert Boyle, p. 218]. Through these texts the intensity of arctic cold became real and measurable to him rather than simply an idea enhanced by the imagination. Written in English there was little chance of misinterpretation of detail in translation [cf.: Bushkovitch, 2017, p. 227–243]. The verification of the description of cold that provided authority for the old texts came in part, as we have said, from contemporary friends in the Royal Society. By the middle of the 1660s the Society had become “a formative influence” on Boyle that affected his studies and altered his intellectual method [Hunter, 1994, p. 145, 146]. In organizing his work on cold Boyle, as Hunter says, “exemplified the prescriptions of the practice of science” employed by Bacon, while at the same time he cited new sources “explaining in detail about the informants” whose testimony he was using. And it was his meticulousness in verifying the accuracy of these sources and dismissing

---

⁵ Hunter notes that working in cold “was a prejudice to his (Boyle’s. – *M. J.*) health, for the cold streams of ice and snow were too severe for so weak a body”. [Hunter, Robert Boyle by Himself and his Friends, p. 29].

⁶ Charles Island. The name given to a piece of land in May 1632 by the seamen with Captain James, who wrote that “the... twentieth, being Prince Charles his birthday, we kept Holy-day... and named our habitation Charles Towne; by contraction Charlton: and the island Charlton Island” [Captaine Thomas James, p. 78].

those he could not substantiate that, in turn, gave authority to his own work. He warns his reader that “tis not from every Writer, that I dare trust the Quotations he makes of the passages of other Authors”, often using his own words, not theirs [The Works of Robert Boyle, p. 219]. And he further elaborates saying, “I have shunn’d to borrow” some accounts because I perceived that “the Authors had not observed the things they recount themselves, and were too easie in believing others” [Ibid., p. 221].

At the outset Boyle identifies three of the sources he will use, and why. (It is not until later that he introduces Giles Fletcher; see below.) He notes first that he will use the Dutchman, Gerrit de Veer’s, account of William Barentz’s voyage east to *Nova Zembla* [*Novaia Zemlia*] in 1595 from *Purchase His Pilgrims*, “having lost the Translation that was made of those Voyages out of Dutch into English (published in a Book by themselves) without being able to procure another”, and also the *History of the Northern Nations* written by Olaus Magnus [The Works of Robert Boyle, p. 220; Heuer, p. 137–145]. Although he warns the reader that Olaus Magnus is an Author “of very suspected Credit and delivers some things upon hear say” yet, he notes, that as Bishop of Uppsala, Magnus “appears to have more learning then many that never read his Books”. For his observations of ice Boyle also uses Captain Thomas James’s *Journal* from the voyage to Greenland, which was not included in the collection of *Purchase his Pilgrims*, but also, and more importantly, because Captain James came “much recommended” to him by friends and “by the Esteem that competent Judges appear to have made of him”. Because of his “breeding in the University and acquaintance with the Mathematicks”, Boyle believed James was better able than others to observe the phenomena of cold [Ibid., p. 221].

Although he acknowledges that he found “the framing of an Universal and unexceptional Hypothesis of Cold” to be an undertaking “of greater difficulty than every Body would imagine”, Boyle’s explanation is clear although often repetitive [Ibid., p. 221–222]. There are reasons for that, however. Boyle tells the reader in his preface that “the Sections or Titles are very unequal” and that this is because of his “Design being to set down matters of fact” and not to write “a complete and regular Treatise” [Ibid., p. 210]. Also, his notes were what Boyle described as a compilation of “loose and unpag’d sheets” which might have been difficult to assemble in useful order, particularly because he was little concerned with any system of information retrieval and “was confident that he could remember” the order and importance of any particular point or experiment. (From the mid 1650s, however, because of failing eyesight he was dependent on secretarial help for all of his writing.) [Hunter, 2007, p. 444; Yeo, p. 154, 151–173, 161; Hunter, 1994, p. LXXVIII]⁷. Following the Preface and Introduction he presents three Discourses or questions addressing the nature of and the means for the study of cold. First, he examines it’s effect on our bodies

---

⁷ Hunter lists Vol. 36 as the manuscript version of Boyle’s justification for writing on single sheets.

and “Organs of Feeling”; secondly, he addresses measuring it with various sorts of weather glasses. Thirdly, in seeking a standard by which to measure cold he provides instructions on how to use a weather-glass or the new hermetical thermometer, dependent on a glass bubble hermetically sealed in water of its own weight to determine why water rises in cold weather and falls in hot. But Boyle tells us it failed to indicate “what degree of Coldness or Heat there was in the Air” [The Works of Robert Boyle, p. 234–241].

With each Discourse Boyle briefly describes the dilemmas and paradoxes implicit in its content. Following the Discourses, and a short prefatory paper to the Royal Society, the *Experimental History of Cold* begins with twenty-one Titles each followed by numbered observations and descriptions of the experiments related to the subject of that Title, sometimes with an Appendix. In these Titles it is for comprehension of what changes can occur to larger expanses of cold and ice over time and at different depths of the sea and soil that Boyle is dependent on sources outside of the British Isles. He had never seen an iceberg as big as a ship nor at the time was it fully understood whether such a formation was composed of salt or fresh water [Aristotle, Bk., II, pt. 3; Hunter, Clericuzio, Principe, vol. 2, p. 256a–257a, 416]⁸.

Several Titles, enumerated below, indicate the nature of each section, and Boyle’s choice and rationale for examining particular texts related to them. I have not mentioned every title and text he cites, primarily considering as examples several of his own stated purview, that is, accounts of his own countrymen written in the “vernacular”, (i. e., not Latin) and among those the account of Fletcher who sailed north and east to Russia rather than west to Greenland⁹.

Title I of Boyle’s work, concerns trials or experiments touching bodies capable of freezing other bodies, air and ice, for example. These are followed by twenty-three observations and experiments concerning those bodies which are, he says, “in this climate of ours but very few”, reiterating that there is “a great Difference betwixt the degrees of coldness in the Air of Frigid Regions and [that] of England” [The Works of Robert Boyle, p. 266]. Following, in Title II are five articles concerning those bodies (besides “common water”) able themselves to be frozen, e. g., urine, beer, ale, milk, vinegar and French and Rhenish wine. But in England, he says in the Appendix to the Title that, “we could not reduce oyl Olive into Ice”. On asking Dr. Collins, “an Ingenious Man, that not only liv’d some years in *Muscovy*, but was, and is still Physician to the great Monarch of that

⁸ Olaus Borrichius (Danish experimental scientist, d. 1670) had written to Boyle on 30 March 1664 citing Macrobius’s comment (Saturnalia, bk. 7, chap. 12, line 32) that “sea water is never frozen hard”. The Arctic Ocean is very fresh, partially because the major Russian waterways drain in the north. See the website [The Freshwater Switchyard of the Arctic Ocean].

⁹ Boyle appended several tracts to his book on cold. As disputations regarding other authors I have not included a discussion of them here. The first is “An Examen of Antiperistasis as is wont to be Taught and Prov’d”; the second, “An Examen of Mr. Hobs’s Doctrine touching Cold”; and the third, a tract by; Christopher Merrett. These are followed in the [The Works of Robert Boyle, text by an additional appendix of Boyle on Cold, 459–574].

Empire”, if this were possible in Moscow was told “that it did there freez much harder”, but that said, even so, oil “would not, that he had observed, be turnd into true & perfect Ice” [The Works of Robert Boyle, p. 274]. The key was that this was Collins’s own observation.

Boyle had met Collins in the course of the mission of Ambassador Petr Prozorovsky to London in 1662 that brought greetings from Tsar Alexis I on the Restoration of the English Crown. Collins and the ambassador had travelled on the same ship to England by way of Riga. Although Collins was in England only for a short time to settle his deceased brother’s affairs he spent time with Boyle and offered his services as an observer on his return to Russia. Collins left England in August 1663 and on 1 September wrote to Boyle from Kholmogory that he would “use his best endeavors” when the frost came to observe what concerned “your commands in these cold parts”. In further correspondence of November the same year from Vologda, Collins wrote that “I shall doe my best to observe as much variety as I can of freezing, and the divers effects of cold, which may be done here (where wee are) better than in Moscow, being more northward” [Hunter, Clericuzio, Principe, Sept. and Nov. 1663].

We see here Collins’s role as an eyewitness reporter for corroboration of facts about Russian cold that had been described in early journals. It is also in this section that Boyle turns to Captain Thomas James, “that Ingenious Navigator Captain” who related that while wintering over on Greenland in 1631, both vinegar and oil and “every thing else that was liquid” were frozen as hard as wood and “we must cut it with a hatchet”. James came “much commended” to Boyle by “some friends” of his [The Works of Robert Boyle, p. 274, 221].

Boyle’s experience in freezing “Train” or whale oil (in Title III) ran counter to the report of Olaus Magnus who describes putting it into ditches or motes to keep the water in them unfrozen thus preventing enemies from crossing over on horseback. But Boyle suspects the account and notes that “in that particular, as I fear, he has in some others, misinformed his readers” [The Works of Robert Boyle, p. 276].

In many of his experiments there is a utilitarian aspect. Descriptions regarding the preservation and destruction of bodies by cold as, for example, apples and eggs, he includes in Title VI. These, we learn, are better preserved if thawed in water (slowly) than if put directly into a fire. The same is true for frozen hands and feet, and here Boyle relies on a quotation from Captain James which he substantiates with testimony from an unnamed “intelligent person, that had been a housekeeper in Muscovy” who explained how successfully he had unfrozen cheese in cold water [The Works of Robert Boyle, p. 292]. He attributes to Fabritius Hildanus’s *Treatise of Gangrenes* the story of how the whole Body of a Man “cas’d all over with ice” was successfully thawed “by being handled as our Eggs and Apples were” [Ibid., p. 292]. Without commenting on the veracity of that account, Boyle in this case provides the surrounding text “because the Narrative may prove of some use”. He then returns to

Captain James regarding the utility of having meat and drink that survived in casks under the water but “not actually frozen” though in “one of the Coldest Regions of the World” [The Works of Robert Boyle, p. 292, 294]. Wine, James “our Countrey-man”, mentioned “lost his virtue” because of being frozen, which takes us back to the opening of our story and the matter of the adulteration of alcohol on which Boyle had sought Carlisle’s opinion [Ibid., p. 293, 294]. In the Appendix to this Title Boyle recounts Collins’s experience in Moscow telling of the safest way of thawing frozen ears, noses, and fingers by rubbing them with snow. He also relates how in Moscow Dr. Collins had eaten frozen elk and beef from Siberia, and reported that when “liesurely thawed” it could be well roasted [Ibid., p. 299–300]. When he asked whether in Russia freezing beer and wine would break the containers holding them, Collins responded that he “had not observed wooden vessels to be broken”, and Boyle surmised it was because of their “yielding”. i. e., their expanding [Ibid., p. 330].

Boyle explains to his reader that with the experiments and observations touching Ice that constitute Title XV he is turning to “Observations we have met with in Seamens Journals, and elsewhere” [Ibid., p. 350]. The greater part of this section depends on “Collections out of Travellers and Navigators” that provide observations on ice not possible in England. Here, once again, we have reference to Dr. Collins, “an intelligent Person, that liv’d some years in Russia”, repeating his observation that ice was “much harder” there than here [Ibid., p. 346]¹⁰. Boyle then describes how on “one of our Englishmen’s Voyages into the Northern Seas” in want of fresh water they took in pieces broken off of a “great Island of Ice” which made very good fresh water. And he suggests that perhaps the freshness was due to the fact that they took only from the surface of the berg which, in fact, could have been simply melted snow [Ibid., p. 351]. Regarding the “bigness” of ice Boyle reiterated that he was dependent on the best Journals, using that of a Dutch man (Gerrit de Veer) and Captain James’s account of sailing by mountains of ice “far higher than our Top-Mast head”. According to de Veer’s account of his voyage to *Nova Zembla* there the ice was ninety-six feet high, or “above twenty foot higher, then on a certain occasion I found the Leads of Westminster Abbey to be” [Ibid., p. 352]. De Veer also spoke of a berg which “on the top it was full of earth... and there was found about forty eggs” [Ibid., p. 355]. And so Boyle interweaves the narrative accounts of earlier publications throughout this Title. He also introduces “our Famous English Seaman, Mr. W[illiam] Baffin who, in 1612, was on the expedition to Greenland, but the following year was sailing with the Muscovy Company [Ibid., p. 352–353]. Baffin describes great icebergs, estimating them to be about one seventh part above water

---

¹⁰ Here Boyle again mentions the accounts he cited in his Introduction, adding William Baffin (d. 1622), early 17th c. pilot with the Muscovy Company voyage to Spitzberg. In 1617 he joined the East India Company [ODNB].

It is in Title XVIII, Section 16, that Boyle introduces the reader to Dr. Fletcher, the late sixteenth-century English ambassador to Russia, by citing his comment on how breath becomes “stark, and even stifling” in the cold, so “powerfully and nimbly” does intense cold work on the “Organs of respiration” [The Works of Robert Boyle, p. 75; Fletcher, 1591; Fletcher, 1966]. This, in fact, was confirmed by Dr. Collins who, “being askd by me (Boyle. – *M. J.*) concerning the truth of what is reported, sometimes to happen at Musco” he said that “the eminentist proof” of extreme coldness is seeing water thrown into cold air coming down as ice [The Works of Robert Boyle, p. 387]. After references to various others, Boyle begins his first proof “shewing that in Countries where it is very cold in winter, it may nevertheless be hot in summer”. With a long testimony from Fletcher’s second chapter, he then quotes it extensively from the abridged Purchase edition. The section concludes with the observation that in Russia “as the Winter exceedeth in cold, so the Summer inclineth to over much heat... being much warmer than the Summer Air in England” [The Works of Robert Boyle, p. 393–394; Purchase, Bk. 3, pt. 2]. In this case Boyle confirms Fletcher’s text by citing Olearius, who, he explains, accompanied the Duke of Holstein’s embassy to Russia in 1633–1634, and therefore could serve as another “eyewitness” to the intensity of extremes in the seasons there [Olearius, p. 117–119]. The size of the melons, Olearius says, indicates the warmth of the summer sun, and proof of the intensity of winter’s cold can be seen in the congelment of spit before it reaches the ground. Such temperature ranges even in the most northern parts of England were not possible.

Approaching the end of his Titles Boyle tackles the “Strange Effects of Cold” that are unfamiliar to the Englishman “in this temperate Climate of ours”. He then repeats a similar story from “our already divers times mentiond English ambassador”, Giles Fletcher, of how one’s fingers will stick fast to a cold metal pot and how, as Olearius also recounted, there are many times “Travellers brought into the Towns sitting dead, and stiff in their sleds” and of others that “lose their Noses, the Tips of their Ears, and the Balls of their Cheeks, their Toes [and] Feet, etc.”. And he describes how in such cold bears and wolves enter the villages driven by hunger [The Works of Robert Boyle, p. 403, 405].

Ultimately Boyle adds several appendixes and includes a full paragraph from Chapter 2 of Fletcher, about the “fresh and speedy growth of spring there” (in Musco. – *M. J.*) from the beneficial aspects of snow replenishing ground water. He marvels at the temperature ranges in the country and “the great alteration and difference betwixt the winter and summer” there [Ibid., p. 441]. These comments interested Boyle but the more so coming from an educated and observant source.

Giles Fletcher’s Account

The background to the story of why and how Boyle used Fletcher begins with the early voyages to Russia and the kind of record keeping employed on the ships. Fletcher had sailed north with the Muscovy Company in

1588 as a Special Ambassador from Queen Elizabeth to Tsar Feodor I and returned to England in little more than a year. His mission was “to do battle for the Company” at the Tsar’s court, and the privileges of the merchants depended on his success [Rude and Barbarous Kingdom, p. 114; Sokolov]. In 1591 he first published his general account of *The Russe Commonwealth*, an edited and expanded version of his original “observations” made on the voyage following Cabot’s paradigm explained below. Dedicated to Queen Elizabeth, Fletcher wrote that “I observed the State, and manners of that country. And having reduced the same into some order by the way as I returned, I have presumed to offer it in this small book” [Rude and Barbarous Kingdom, p. 109].

That “small book”, however, based on the number of its printings, 1591, 1643, and 1657, and the inclusion of a highly edited version of it in Hakluyt, was probably the most widely read of early travel accounts to Russia, and is described by Berry and Crummey as “unquestionably the most important English work on Russia before the reign of Peter the Great” [Rude and Barbarous Kingdom, p. 108; Hakluyt; Purchase; Arel, p. 171–172, 186 note 88]. It was a natural source for Boyle in his examination of cold, although it is not known how or when Boyle was introduced to Fletcher’s work and because of the dispersal of Boyle’s library at his death we may never know [Avramov, Hunter, Yoshimoto]¹¹. Before naming this source, Boyle, as we have seen, told his readers that he had collected information from “navigators of our own Country-men”, who wrote only in English what was “most material concerning cold” [The Works of Robert Boyle, p. 218]. And he relates how important this particular source is as others are “long out of print”. Over the years, however, historians have focused on Fletcher’s political comments on Russia, and on his description of the relations between Elizabeth and Feodor and the general strained reception of the embassy, which were of little concern to Boyle whose interest was limited to the nature of cold there. Unlike the changing patterns of the marketplace and the expansion of trade over the decades, the climate of the far north had altered imperceptibly over the long run. The cold that Fletcher had experienced in 1588, with the exception of a few annual fluctuations, as we have said, had changed little, a key fact verifiable by living witnesses.

Moreover, Fletcher’s rank of ambassador assured a certain trustworthiness in his text. He had come to his ambassadorial post as a scholar, and perhaps already a poet, although it is unclear exactly when he began writing poetry, having studied at Eton and King’s College, Cambridge [The English Works of Giles Fletcher, p. 155–160]. There, as a young man, he became lecturer in Greek but left the position when he married in 1581. Three years later, in 1584, he was elected to parliament and thereafter appointed to several diplomatic posts through the patronage of Sir Francis Walsingham, Sir Thomas Randolph, and later William Cecil, Lord Burghley. He came to the

---

¹¹ Giles Fletcher and Sir Thomas Smith are not mentioned in the article identifying and locating 125 books that Boyle was “likely to have owned”.

diplomatic world, then, an educated man. He also evidently knew, or learned along the way, some Russian, although how much remains a question [Rude and Barbarous Kingdom, p. 88]. Knowing the Greek alphabet would have helped with Cyrillic. As the representative of Queen Elizabeth to the court of Feodor I, Fletcher carried himself, as Remigio Nannini wrote in 1601, as was requisite for a successful ambassador: “with gravitie and reputation” [Nannini, chap. 8, p. 123]. The deportment and carriage of an ambassador fulfilling his duties to the Crown is described by Jean Hotman in his 1603 compilation of various earlier texts [Hotman]. He reveals little, however, about an ambassador’s activities outside of court. From Hotman’s text we learn nothing about how an ambassador’s time was spent when not engaged in government business. We can only guess at how much of the observation in Fletcher’s text came from his experiences of simply living in Moscow, when not engaged in designated diplomatic duties.

Immediately on his return to England Fletcher provided Elizabeth with a draft of his conceived treatise on Russia and then during the following two years expanded and revised the work, adding details from printed histories and cosmographies, which he used selectively, rejecting what to him seemed “without all good probability” [Rude and Barbarous Kingdom, p. 110]. His first brief chapter is a general description of the country itself compiled from various sources and descriptive of places in which Fletcher never set foot. In Chapter 2, “Of the soil and Climate”, as we have said, he writes of the barrenness of the north and the winter cold and further describes how the whole country lies under snow and “the rivers and other waters are all frozen up a yard or more thick” [Ibid., p. 113–114].

In his analysis of Fletcher’s text, Berry provides a bibliographic discussion of Fletcher’s “primary” sources, including, for geographical description, the Jenkinson map of 1502, and for other aspects of government, church, and commonwealth, some earlier writers as well as the first-hand stories of Jerome Horsey who, having himself served as an ambassador, returned from Russia on the same ship with Fletcher. Berry believed, however, that “there is no indication that these sources had any influence on Fletcher’s conception of Russia” [The English Works of Giles Fletcher, p. 146]. Horsey, in his own account, alludes to cold now and then but provides neither details of weather as such nor a description of general climatic conditions.

Fletcher had been displeased with his reception in Russia. When he returned he wrote as much to Lord Burghley on 21 September 1589 [The English Works of Giles Fletcher, p. 367–375; Sokolov, p. 593–594]. The letter explains Russian concern to bring trade from the port of Narva to St Nicholas (Archangel), which they believed the English objected to. Over this issue and also that of granting privileged trade to Englishmen an antagonism had grown between the countries that persisted through the whole of the embassy. Regardless of these policy differences, however, Fletcher compiled an account of the country that he said was meant to “note” things “of more importance than delight, and rather true than strange” [Rude and Barbarous Kingdom, p. 109]. The completed book, however, was

not received without, often warranted, criticism but nevertheless is believed by modern authorities to be “a priceless record of a society that soon was [to be] overwhelmed by civil war” [Rude and Barbarous Kingdom, p. 108]. The point here is that for all of the criticisms of Fletcher’s account by literary scholars, economists, and historians none of them even remotely touch on the matters that brought even a small part of the book to Boyle’s attention.

That Boyle had a copy of Fletcher at all, indeed, that the book existed, goes back to the origins of the first English accounts of the northern voyages which, as we have touched on, and which we might say in modern jargon were market driven from the outset. The English desire for new markets in the East and the success of their ventures there were related to a simultaneous shift in Russian commercial interests. Over the whole of the previous century the quantity of Middle Eastern goods traded through the port of Kaffa in the Crimea in Russia gave way to increased English and Dutch goods arriving and leaving through Archangel, thus circumventing the Hanseatic ports and paving the way to assuring the success of the new northern European ventures [Bushkovitch, 1980, p. 19, 22, 26, 29–30; Veluwenkamp, p. 262]. Because of the complications of the route and the danger at every juncture sailing along the western coast of Norway and then eastward to Archangel, followed by a long and circuitous inland route south by land and river, the Crown came to depend on the expertise of the Muscovy Company. Its seamen had, only after serious early losses, developed experience with northern winds and tides, frozen harbors, spring melts and surging rivers [The First Forty Years of Intercourse between England and Russia 1553–1593, p. IX–XIII, XXIV–XXXI; Willan, p. 48–51]¹². In turn, their experience provided the Muscovy Company with a virtual monopoly of English ships going to the Russian north.

Eventually, after full formal diplomatic relations were established and a system of travel passes instigated, a Russian conductor would meet an English ambassador in the north and lead the whole entourage from Archangel to Moscow [Arel, p. 63, 65–78]. In the beginning, however, merchants had guided them. And it was on this leg of the journey south that merchants and diplomats like Fletcher were introduced to the Russian countryside and experienced first hand local cultural and religious traditions as well as social customs and household habits. Some also learned Russian, at least rudimentarily, enough to negotiate with innkeepers along the route. Even so, the journey was not without difficulties. The complications, for example, in sending an embassy from England to continental Europe, France, Italy, or even Germany, in the middle of the sixteenth century were minimal in comparison, where routes were long but well known and well

---

¹² Richard Chancellor, for example, sailed from England with three ships of which only one arrived in Russia, The other two were later found wrecked off the coast of Lapland. After Chancellor’s first voyage in 1553 Company ships began transporting English emissaries to the Tsar’s court and sometimes bringing Russian diplomats to the English court on the return trip. Osip Grigorievich Nepea in 1556, Ivan IV’s Ambassador to Edward VI and Andrew Grigorievich Sovin, Ambassador to Queen Elizabeth in 1569, arrived in England by way of Muscovy Company ships.

traveled, and languages were written in the Latin alphabet. Russia was different and those who survived the northern trip wanted a record of what they had encountered on the way in order to inform future merchants, travelers, and those emissaries sent by the Crown.

The establishment of the habit of daily record keeping that began on the first ships of the Muscovy Company and resulted in the first extensive accounts of Russian peoples and geography by Englishmen is due in a large part to Sebastian Cabot. In considering the background to the circumstances that compelled Cabot to draft those *Ordinances* that would guarantee a written record of the voyage we can begin to understand why these very early first hand accounts, even though often later expanded, contained material that could be used by Boyle more than one hundred years later.

Cabot's *Ordinances and Instructions*

From the start, the design of sixteenth-century geographical expansion shaped the collecting, organizing, and classifying of facts related to discoveries and the subsequent construct of written records about them. Over time schemes designed to serve as aids in seeing and recording began to appear, first in Spain and Portugal and later throughout Europe, leading to a "huge expansion in the development of guidance for travelers, merchants, and explorers" [Carey, p. 37 and notes 1–2]. By the 1570's works like William Bourne's *A book called the treasure for travelers* and the English translation of Hieronymus Turler's, *The Traveler* were on the book stalls in London [Bourne; Turler]. By 1589 Albrecht Meyer's book had been translated into English, offering in each of twelve sections a compendious list of what and how to look for what was important in new places. Moreover, it included instructions for gentlemen, merchants, and other travelers working abroad [Meyer]. Sebastian Cabot was himself part of the expanding universe of the sixteenth century. He had circulated with explorers and merchants in Seville and later in Bristol and London, and was familiar with the growing genre of travel literature. Like the early scientists, he knew the importance of records and eyewitness accounts as well as the limitations of cosmography. As one author has pointed out, cosmography was no match for Cabot's "empirical experience, that most certain Master of all worldly knowledge" [Sandman, Ash, p. 813, 835]. Here we can also see the reasoning for Boyle's distrust of cosmographies that often failed as eyewitness accounts.

Cabot, sometimes called the "father of English navigation", was born in Venice and later moved to Bristol before entering the service of Spain where he was employed from 1512 until his return to England in 1548 carrying the Spanish title of Pilot Major [Winship, p. XXIV, XXXIII; Waters, Frontispiece; Quinn, p. 30]. From his Spanish contacts and his own shipboard experiences, particularly on the voyage that took him up the Rio de la Plata in 1526, Cabot had learned the importance of records. For these early voyages were, as Heather Dalton writes, "cumulative experiences" where "captains and navigators built their expertise on the maps and logs of previous voyages" [Dalton, p. 75]. Keeping navigational logs had been

part of the customary routine of trading ships in the ancient world but did not become a required practice in Spain until 1575 and not generally in England, France and Holland until a century later [Schotte, p. 287, 294].

In 1553, Cabot, as Governor of the *Mysterie and Company of the Merchants of the City of London*, proposed a voyage to discover a route to reach Cathay by sailing North and East. In preparation for that voyage he compiled *Instructions and Ordinances* to be followed on shipboard during the voyage. Cabot called for keeping a descriptive account written by merchants and other professionals on board separate from and fuller than the captain's concise log of stars, latitudes, temperatures, and winds. This journal would provide descriptions of land formations and as well as peoples seen on islands and coasts. Three ships were outfitted and left England, none of which reached Cathay. One, the *Edward Bonaventure*, captained by Richard Chancellor, came to a place he described as having "no night at all but a continual light and brightness of the sun... [and] learned that this country was called Russia" [Rude and Barbarous Kingdom, p. 3-4]. Thus from Chancellor's notes written after Cabot's *Instructions* we have the first record of England's discovery of the place called Russia. Two years after this "discovery", in 1555, a royal charter was granted creating the Russia, or Muscovy Company. Cabot was named Governor of that company for life and his *Ordinances and Instructions* were used on subsequent voyages north and also adopted by other trading companies.

Out of Cabot's thirty-three numbered *Instructions* there are two that directly address the creation of a habit of daily record keeping. Items 7 and 27 called for a pattern of writing that would ultimately guarantee an eyewitness account for the Company and, as time has proven, for future travelers, later historians, and early scientists as Boyle.

The first of the two, Item 7, specified that "the marchants and other skilful persons in writing, shal daily write, describe, and put in memorie the Navigation of every day and night, with the points, and observation of the lands, tides, [and] elements..." and "the same so noted by the order of the Master and pilot of every ship to be put in writing".

Then the captain general once a week was to assemble together the masters of the ships of the fleet "if winde and weather shal serve) to conferrre [on] all the observations, and notes of the said ships, to the intent it may appeare wherein the notes do agree, and wherein they dissent". And then, upon "good debatement, deliberation, and conclusion determined, to put the same into a common leger, to remain of record for the company".

Ultimately this collaborative effort would serve future navigators while, perhaps more importantly, providing a record of decision making that could be cited in a court of law [Hakluyt, vol. 1, p. 232, 234].

Item 27 of the *Instructions* called for the names of the coastal peoples of the islands "to be taken in writing" along with an account of the "commodities and incommodities" of their places. Also a record was to be made of the peoples' "natures, qualities, and dispositions" and what they are "most desirous of" and what "commodities they wil most willingly depart with, and what metals

they have in the hills...” And apparently bearing all of these instructions in mind the merchants and the other persons skillful in writing continued their accounts on the overland trip to Moscow [Hakluyt, vol. 1, p. 238].

The written records produced in response to these ordinances would come to complement the visual depictions of the mapmakers and cosmographers who often themselves had not travelled. In Spain and Portugal this idea of an expanded log book had taken hold before Cabot drafted his *Instructions* for the English voyage north. Christopher Columbus in 1492 had enlarged his log to include geographical description as well as marine meteorological data. He had noted at the outset that he would “write down this entire voyage very precisely, everything which I may do and see and experience day by day” [Hakluyt, vol. 1, p. 281]. Forty years later the pilots of Seville formulated their contention that “someone who has sailed and possesses experience has a different understanding than the one who boasts about having mere theory at his command”. This, they said, was because “theory and not experience deceives”. Moreover, the eyes that see the matter seldom deceive [Brendecke, p. 197]¹³. The idea, then, of a regular diurnal account kept by eyewitness observers was not new to Cabot, although compiling it as a joint exercise and comparing the observations to create a single text may have been.

Cabot himself, at seventy-nine years of age, did not sail on Chancellor’s northern voyage in 1553 but “taking as a model the regulations given to Spanish navigators and explorers” and, according to the historian of English navigation, David Quinn, adding some precepts from the executive, governor, consuls and assistants of the Muscovy Company, he “compiled, made, and delivered”, the thirty-three *Ordinances, Instructions, and Advertisements* for the captains, seamen, and other travelers on the three ships bound for Cathay [Hakluyt, vol. 1, p. 232; Waters, p. 85, 287; Quinn, p. 30]. From that time on, continues D. H. Waters, another noted historian, the *Ordinances and Instructions* were understood by seamen and merchants alike to constitute a general guide for record keeping, and “so sound were they that they became an integral part of every subsequent English voyage of repute” [Waters, p. 90]. It seems likely, then, that these *Ordinances* had a direct bearing on Fletcher’s collecting of “observations” that became the basis for the account he wrote that was eventually expanded, printed, reprinted, and read by Boyle. And from this we can also conclude that The Muscovy Company, was a pioneer in northern navigational record keeping.

There are various theories about the origin of the idea of the *Ordinances*, all of them predicated on the need for eyewitness reporting. In 1554 Francisco Falerno had suggested to the Casa de la Contratación in Seville that was responsible, among other things, for naval cartography and the nautical training of pilots, that what sometimes happened informally should be regularized and that “pilots should keep daily records” [Brendecke, p. 198; Carey, p. 27]. Later, we see the outline of enumerated points that grew out

---

¹³ I want to thank Professor James Boyden of the Department of History, Tulane University, for his comments and bibliographic suggestions relating to Spanish and Portuguese maritime offices.

of the interrogative technique of Spanish law employed in cases of maritime dispute. These “question lists”, as they were called, were modeled on the formulation of heads of inquiry drawn up for the administration of new world territories. Cabot would have been well acquainted with them [Brendecke, p. 222]. Using them as an example, the Spanish devised a question list as an aid for record keeping on voyages. The first points in the list were addressed to the Captain and Pilot regarding the navigation of the ship – winds, water, stars – all elements of the log. The entire second section addressed questions regarding topography – land, rivers, and mountains; the third concerned elements of natural history – animals, trees, plants, and finally cities, peoples, and religions that provided a framework for organizing a descriptive account of new geographic areas and peoples. Such question lists were drawn up and used from 1530 through the middle of the seventeenth century [Brendecke, p. 219–222; Dalton, p. 74–76 and note 5, p. 72–109, 159–156]¹⁴.

Fletcher’s account was not the first to reflect the admonitions of the *Ordinances*. They had been devised for Chancellor’s trip, as mentioned, in 1553¹⁵. His is the earliest first hand account of that part of northern Russia written by an Englishman but there was nothing in it relating to cold and the vernacular was lost in the Latin translation; hence it was of no interest to Boyle. Another emissary to Russia, Anthony Jenkinson, spent the winter of 1566–1567 in Moscow as a Company Agent on a part commercial and part diplomatic mission [Bell, p. 221; Rude and Barbarous Kingdom, p. 43–58; ODNB]. His account was first printed by Hakluyt in 1589, and in subsequent editions of the *Principal Navigations*. It was not controversial and consequently published pretty much as it was written. On the other hand, Hakluyt edited the cosmographical parts of Fletcher’s account, although not the meteorological parts which he felt were unimportant. The material excised was to satisfy the Muscovy Company’s concern that negative remarks would influence investment [Helgerson, p. 153–181; Dalton, p. 200–201; Stout, p. 153–163; Simmons, p. 161–167]. But more importantly to a scientist, from Boyle’s perspective, although on occasion he used Hakluyt’s texts, the altering of them destroyed their validity as eyewitness accounts [Helgerson, 153]¹⁶.

---

¹⁴ Dalton suggests the inspiration for the Ordinances may have come indirectly from Martin Fernandez de Eisco’s *Summa de Geographia*, published in Seville in 1519. The text was popular and combined the attributes of “a navigational manual with a description of the known world”. It was written in the vernacular, accessible to seamen and translated and expanded by Roger Barlow, an English merchant who had been part of the Seville community and sailed to the spice islands with Cabot 1526–1528.

¹⁵ On Chancellor’s return to England Clement Adams (engraver of Cabot’s word map of 1544), with Chancellor’s collaboration, set down a much expanded Latin text of the shipboard notes, to which he added material from other European printed sources, perhaps with the idea of capitalizing on the popularity of travel literature and cosmographies. The expanded account was first printed in Frankfurt with the title *Anglorum navigatio ad Muscovita* and was then translated, edited, and published in English twenty-eight years later by Hakluyt in *Principal Navigations* (London, 1589) and subsequent editions. For full bibliographic material on Chancellor, see: [Rude and Barbarous Kingdom, p. 7–8].

¹⁶ Muscovy Company carriage of ambassadorial personnel literally underscores Helgerson’s concept of the nation or state as “universal voyager.”

The long run impact of Cabot's *Ordinances and Instructions* as a mandate for record keeping can be seen in the annals of other trading companies and even in the work of earlier natural scientists. For example, in 1614 the East India Company ordered that a journal be kept "by the lieutenant, merchant, purser, pilots and master's mates" of each day's navigations" who "are from time to time to compare their notes" [Waters, p. 287]. One of the best examples of Cabot's design is the two part record kept by the botanist, John Tradescant, Sr., when he sailed north on a Muscovy Company ship with the embassy of Sir Dudley Digges in 1618. The first part of his diary recounts the voyage itself – winds and weather – for both the outgoing and return passages. The second part, precisely titled "Things by me observed", describes towns, houses, furniture, food, and the flora and fauna of the Russian countryside. The parts are not lengthy but are descriptive and, most importantly for later scientists, constitute an eye witness account [Konovalov, 1950–1951, p. 130–141; Leith-Ross, p. 59–71]¹⁷.

From the beginning, as we have seen, the facilitator of English travel north and eyewitness reporting of cold was the Muscovy Company itself. It played a major role in the exchange of personnel and ideas beyond the world of trade goods. The sea route to Russia was both shorter and cheaper than going overland through Europe. Between the promulgation of its Charter in 1555 and the death of Queen Elizabeth in 1603 full diplomatic relations between England and Russia were begun and two Company agents and nine ambassadors had sailed north and made the journey south to Moscow. Already by 1591 in the eyes of the Tsar the northern sea route on Company ships had become "the ordinarie way" for the English to reach Russia [The First Forty Years of Intercourse between England and Russia 1553–1593, p. 397]. On the return trips, as we have seen, the ships often carried Russian emissaries or full ambassadors to England. Under the early Stuarts, James I and Charles I, the Company transported five ambassadors and five agents to Russia¹⁸. The first audience of an English ambassador with the Tsar after the regicide was with Boyle's friend, Charles Howard, 1st Earl of Carlisle, on 11 February 1664. It was primarily Carlisle and Dr. Collins (see above) who, from their experiences in Russia, could verify Fletcher's account of cold expanded in print from his early shipboard notes.

The Carlisle embassy from Charles II to Tsar Aleksei Milchailovich was carried on two ships, a government Man of War and "a merchant ship". Both left Gravesend in mid July 1663 and arrived in Archangel in late August. On 12 September they left for Vologda where they spent three months before taking sledges to Moscow, finally to arrive in the city by early February. Carlisle's first audience with the Tsar took place on the eleventh of that month. All of this is to explain that, among other things, Carlisle and his

¹⁷ The diary is printed in full in [Konovalov, 1950–1951, p. 130–141]. See also Prudence: [Leith-Ross, p. 59–71].

¹⁸ Sir Thomas Smith, SA, d. 10 June 1604; John Merrick, d. 19 April 1613; third voyage, Sir John, Ambassador Extraordinary, d. 18 June 1614; Sir Dudley Digges, SA, d. 1 April 1618; Sir John Merrick, fourth voyage SA, d. 24 June 1620.

entourage experienced the height of a Russian winter. In fact the whole assembly was eyewitness to the manifestations of its cold, particularly in the north [Konovalov, 1962, p. 60–104; Dukes, Herd, Kotilaine, p. 104–111; Hennings, p. 139–159].

Andrew Marvell, Carlisle's Secretary, wrote reports of the official business of the mission, copies of many of which remain in the Russian State Archives [cf.: РГАДА. Ф. 35. Оп. 2]. Guy Miege, the undersecretary, kept a more general journal and travel account in accord with what Cabot had earlier instructed. The first pages, written in English on shipboard, describe the weather in general, the winds in particular, and the amount of fog, sun, etc. [Miege, p. 1669]. The remainder is a description of what Miege saw, for he says he has been an "ocular witness" to a country so "little known" that he would write "as exactly as was possible of the nature of that country and its inhabitants". [Miege]. After their return to England, Miege almost immediately went to France, his homeland, where he expanded the account from his original notes, borrowing from other travelers and cosmographers (who, however, he rarely identifies). In 1668 he returned to England and the completed book was licensed for publication in London. It includes recurring references to the cold in Russia where he says the winters are long and "the Frosts exceeding violent especially in the most northerly provinces". Obviously the book did not yet exist when Boyle met Carlisle on the street in 1665, but through diplomatic channels and meetings of the Royal Society Boyle knew that his friend had endured a Moscow winter, making him too, as was his undersecretary, an "ocular witness". For later readers Miege's account could substantiate Carlisle's comments on cold. The account was reprinted in English, French and German¹⁹.

We have already mentioned Samuel Collins's travels and experience in the north as well as in Moscow. He was not a member of the Royal Society but during his stay in England in 1664 had formed a relationship with Boyle. Most important, as we have said, was their correspondence after Collins returned to Russia. He provided Boyle with yet another eyewitness to the phenomenon of cold. So close was their friendship that Collins dedicated his book, written as a letter to a friend and entitled *The Present State of Russia, to Boyle* [Collins]²⁰.

Many of Boyle's friends and professional acquaintances were members of the Royal Society, where, he wrote, "I have the Happiness not to be hated" [The Works of Robert Boyle, p. 210]. It was at the moment in which Boyle was assembling his materials on cold that the Society was beginning to publish materials relating to the work of its members. Their interest was in the exposition of empirical data rather than in a "discussion of metaphysical principles" [Shapiro, p. 19]. The first number of the

---

¹⁹ Rouen, 1669; Amsterdam and Rouen, 1670; Amsterdam 1672, 1700, and in Paris, 1857.

²⁰ Collins died in 1670. Published posthumously the text was possibly heavily edited by the publisher. See Michael Hunter, *The Boyle Papers Understanding the Manuscripts of Robert Boyle*: [Hunter, 2007, p. 242–243].

publication of the Society was compiled by Henry Oldenburg and appeared on 6 March 1665, introducing itself as a publication to encourage those who “delight in the advancement of learning” to “impart their knowledge to one another and contribute what they can to the Grand design of improving Natural Knowledge”, and announcing that it was to be international in scope [Philosophical Transactions]. Reflecting this mission, it was entitled *Philosophic Transactions, Some Accompt of the Present Undertakings, Studies, and Labors of the Ingenious in many considerable parts of the world*, and in it Boyle’s work on cold was first advertised. The book itself followed in 1665, with a second edition in 1683. A fuller description of it was provided in the *Transactions* in May 1667.

In conclusion, we have seen it was a long trajectory from Cabot’s *Ordinances and Instructions* drafted for regular record keeping on the first Muscovy Company ships to the accounts of early Russia from Fletcher and others, and from there to the Royal Society and Boyle’s published analysis of cold. From this study of cold we learn the importance of Boyle’s manner of verification of phenomena observed by eyes other than his own. His procedure, as he titled it, was experimental and observational. Sometimes he “offered hypotheses, conjectures, explications and theories in conjunction with his work”. But these points “he readily admitted would not yield the certainty of mathematics” [Shapiro, p. 53]. In short, we learn more about Boyle from this work, how he thought and wrote, than about any final analysis of cold.

Although centered on Boyle’s experiments, ultimately his work on cold is a page in the story of empiricism and the importance of eyewitness accounts. It also demonstrates the impact of the climate of the Russian north on the early study of natural science in England. On a grander scale it is also a story of the transmission of knowledge that touches on many aspects of the periodization of the early modern world – the Age of Discovery, Early European Expansion, and the beginning of the Scientific Revolution.

Список литературы

- РГАДА. Ф. 35. Оп. 2.
Arel M. S. English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era, The Muscovy Company 1603–1649. Lanham, Md. : Roman and Littlefield, 2019. 349 p.
Aristotle. The Works of Aristotle : 12 Vols. Oxford : Clarendon Press, 1931. Vol. 3. Meteorologica / ed. by E. W. Webster. 485 l.
Avramov J., Hunter M., Yoshimoto H. Boyle’s Books: The Evidence of the Citations // Occasional Papers. 2010. № 4. L. : The Robert Boyle Project.
Bacon F. Of the Advancement and Proficiency of Learning or the Partitions of Sciences IX Bookes. Written in Latin by the Most Eminent Lllustrious & Famous Lord Francis Bacon Baron of Verulam Vicont St Alban Counsilour of Estate and Lord Chancellor of England. Interpreted by G. Wats. Oxford : Printed by Leon Lichfield Printer to the University, for Robert Young and Edward Forrest, 1640. (ESTC / 1167.7).
Bell G. M. A Handlist of British Diplomatic Representatives 1509–1688. L. : Offices of the Royal Historical Society, 1990. 224 p.
Bourne W. A Booke Called the Treasure for Traveilors, Divided into 5 Books. L. : [By Thomas Dawson] for Thomas Woodcocke, 1578.

Boyle R. New Experiments and Observations Concerning Cold // An Experimental History of Cold. L. : [S. n.], 1665. (EEBO : ESTC B3996).

Brendecke A. The Empirical Empire Spanish Colonial Rule and the Politics of Knowledge / transl. by J. Riemer. Berlin ; Boston : De Gruyter Oldenbourg, 2009. 322 p.

Bushkovitch P. Merchants of Moscow. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 1980. 212 p.

Bushkovitch P. Words and Things : Contemporary Translations of the Russian Institutional Vocabulary (Sixteenth-Seventeenth Centuries) // Seeing Muscovy Anew; Politics – Institutions – Culture, Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann / ed. by M. S. Flier, V. A. Kivelson, E. Monahan, D. Rowland. Bloomington, Indiana : Slavica Publ., 2017. P. 227–243.

Captaine Thomas James. The Strange and Dangerous Voyage of Captaine Thomas James, in his intended Discovery of the Northwest Passage into the South Sea. L. : J. Legatt, 1633. [6], 120, [24] p. (ESTC 14444).

Carey D. Inquiries, Heads, and Directions: Orienting Early Modern Travel // Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760 / ed. by J. Hayden. Farnham, UK : Ashgate Publ., 2012. P. 25–51.

Collins S. The Present State of Russia, In a Letter to a Friend at London; Written by an Eminent Person Residing at the Great Czars Court at Mosco for the Space of Nine Years. L. : John Winter for Dorman Newman, 1671. [22], 141, [11] p.

Dalton H. Merchants and Explorers Roger Barlow, Sebastian Cabot, and Networks of North Atlantic Exchange 1500–1560. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. 241 p.

Dear P. Revolutionizing the Sciences, European Knowledge and Its Ambitions, 1500–1700. Princeton : Princeton Univ. Press, 2009. 203 p.

Dukes P., Herd G. P., Kotilaine J. Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship. Dundee : Univ. of Dundee Press, 2009. 262 p.

Evelyn J. The Diary of John Evelyn / ed. by E. S. de Beer. Oxford, UK : Oxford Univ. Press, 1959. 1307 p.

Fletcher G. Of the Russe Commonwealth : With Variants by R. Pipes and Glossary-Index by J. V. A. Fine, Jr. : [facsimile ed.]. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1966. IX p., 116 l., 98 p.

Fletcher G. Of the Russe Commonwealth. L. : Printed by T[homas] D[awson] for Thomas Charde, 1591. (ESTC 11056).

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Overland to the Remote & Farthest Distant Quarters of the Earth at Any Time within the Compasse of these 1600 Years : 3 Vols. L. : J. M. Dent & Sons, 1932.

Hall M. B. Henry Oldenburg: Shaping the Royal Society. Oxford, UK : Oxford Univ. Press, 2002. 369 p.

Helgerson R. Forms of Nationhood, The Elizabethan Writing of England. Chicago : Chicago Univ. Press, 1994. 367 p.

Hennings J. Russia and Courtly Europe Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725 : New Studies in European History. Cambridge, UK : Cambridge Univ. Press, 2016. 297 p.

Hotman J. The Ambassador, Translated from the French. L. : By V[alentine] S[immes] for James Shawe, 1603. (ESTC (2nd Ed.) / 13848).

Hunter M. Between God and Science. N. Haven : Yale Univ. Press, 2009. 366 p.

Hunter M. Robert Boyle by Himself and His Friends, with a Fragment of William Wotton's Lost Life of Boyle. L. : William Pickering, 1994. 188 p.

Hunter M. The Boyle Papers, Understanding the Manuscripts of Robert Boyle. Aldershot, UK : Ashgate Publ., 2007. 674 p.

Hunter M., Clericuzio A., Principe L. The Correspondence of Robert Boyle : 6 Vols. L. : Pickering & Chatto, 2001.

Konovalov S. England and Russia: Three Embassies 1662-5 // Oxford Slavonic Papers. 1962. Vol. 10. P. 60–104.

Konovalov S. John Tradescant's Diary of a Voyage to Russia June – September 1618 // Oxford Slavonic Papers. 1950–1951. P. 130–141.

Leith-Ross P. The John Tradescants, Gardeners to the Rose and Lily Queen. L. : Peter Owen Publ., 1984. 341 p.

Loewenson L. The Works of Robert Boyle and 'The Present State of Russia' by Samuel Collins // The Slavonic and East European Rev. 1955. Vol. 33, № 81. P. 470–485.

Meyer A. Certaine Briefe, and Special Instructions for Gentlemen, Merchants, Students, Souldiers, Marriners, etc... L. : John Woolfe, 1589. [8], 21, [3] p.

Miege G. A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark Performed by the Right Honorable the Earle of Carlisle in the Years 1663 & 1664. Written by an Attendant on the Embassies, and Published with his Lordships Approbation. L. : For John Starkey, 1669. 461 p.

ODNB – Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/> (accessed: 10.02.2022).

Olearius A. The Voyages and Travels of the Ambassadors. L. : Printed for John Starkey and Thomas Basset, 1662. 711 p. (ESTC O269).

Philosophical Transactions of the Royal Society. 1665, March. Vol. 1, № 6. DOI 10.1098/rstl.1665.0006.

Purchase S. Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes. L. : By W. Stansby for H. Fetherstone, 1625. (ESTC (2nd Ed.) 20509).

Quinn D. B. Sebastian Cabot and Bristol Exploration. Bristol : Bristol Branch of the Historical Ass., 1968. 30 p.

Rude and Barbarous Kingdom, Russia in the Accounts of Sixteenth Century Voyagers / ed. by L. E. Berry, R. O. Crumme. Madison : Univ. of Wisconsin Press, 1968. 391 p.

Sandman A., Ash E. Trading Expertise: Sebastian Cabot between Spain and England // Renaissance Quarterly. 2004. Vol. 57, № 3. P. 813–846. DOI 10.2307/4143567.

Schleck J. Forming Knowledge: Natural Philosophy and English Travel Writing // Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760 / ed. by J. Hayden. Farnham, UK : Ashgate Publ., 2012. P. 53–69.

Schotte M. Expert Records: Nautical Logbooks from Columbus to Cook // Information and Culture. 2013. Vol. 48, № 3. P. 281–322.

Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton : Princeton Univ. Press, 1985. 440 p.

Shapiro B. J. Probability and Certainty in Seventeenth-Century England. Princeton : Princeton Univ. Press, 1983. 347 p.

Sokolov D. Reading Diplomacy across the Archives : English and Russian Reports on Giles Fletcher the Elder's Embassy to Muscovy (1588–1589) // J. of Medieval and Early Modern Studies. 2020. Vol. 50, № 3. P. 587–608. DOI 10.1215/10829636-8626469.

The English Works of Giles Fletcher, the Elder / ed. by L. Berry. Madison, Wisconsin : Univ. of Wisconsin Press, 1964. 546 p.

The First Forty Years of Intercourse between England and Russia 1553–1593 / ed. by G. Tolstoy. N. Y. : Burt Franklin, [N. d.].

The Freshwater Switchyard of the Arctic Ocean : [website]. URL: <http://psc.apl.washington.edu/switchyard/> (accessed: 09.07.2021).

The Works of Robert Boyle : 14 Vols. / ed. by M. Hunter, E. B. Davis. L. : Pickering & Chetto, 1999–2000. Vol. 4. XXIV, 594 p.

Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760 / ed. by J. Hayden. Farnham, UK : Ashgate Publ., 2012. 256 p.

Turler H. The Traveiler. L. : [S. n.], 1575. 192 p.

Veluwenkamp J. W. The Murman Coast and the Northern Dvina Delta as English and Dutch Commercial Destinations in the 16th and 17th Centuries // Arctic. Arctic Inst. of North America. 1995. Vol. 48, № 3. P. 257–266.

Waters D. W. The Art of Navigation in England and Early Stuart Times. N. Haven : Yale Univ. Press, 1958. 696 p.

White S. A Cold Welcome, The Little Ice Age and Europe's Encounter with North America. Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 2017. 361 p.

Willan S. *The Early History of the Russia Company 1553–1603*. Manchester, UK : Manchester Univ. Press, 1956. 295 p.

Winship G. P. *Cabot Bibliography, with an Introductory Essay on the Careers of the Cabots*. N. Y. : Dodd, Mead and Co. ; L. : Henry Stevens, Son and Stiles, 1900. 180 p.

Yeo R. *Notebooks, English Virtuosi, and Early Modern Science*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2014. 398 p.

References

Arel, M. S. (2019). *English Trade and Adventure to Russia in the Early Modern Era, The Muscovy Company 1603–1649*. Lanham, Md., Roman and Littlefield. 349 p.

Aristotle. (1931). *The Works of Aristotle. 12 Vols*. Oxford, Clarendon Press. Vol. 3. *Meteorologica* / ed. by E. W. Webster. 485 l.

Avramov, J., Hunter, M., Yoshimoto, H. (2010). Boyle's Books: The Evidence of the Citations. In *Occasional Papers*. No. 4. L., The Robert Boyle Project.

Bacon, F. (1640). *Of the Advancement and Proficiency of Learning or the Partitions of Sciences IX Bookes. Written in Latin by the Most Eminent Lllustrious & Famous Lord Francis Bacon Baron of Verulam Vicont St Alban Counsilour of Estate and Lord Chancellor of England. Interpreted by G. Wats*. Oxford, Printed by Leon Lichfield Printer to the University, for Robert Young and Edward Forrest. (ESTC / 1167.7).

Bell, G. M. (1990). *A Handlist of British Diplomatic Representatives 1509–1688*. L., Offices of the Royal Historical Society. 224 p.

Berry, L. (Ed.). (1964). *The English Works of Giles Fletcher, the Elder*. Madison, Wisconsin, Univ. of Wisconsin Press. 546 p.

Berry, L. E., Crummey, R. O. (Eds.). (1968). *Rude and Barbarous Kingdom, Russia in the Accounts of Sixteenth Century Voyagers*. Madison, Univ. of Wisconsin Press. 391 p.

Bourne, W. (1578). *A Booke Called the Treasure for Traveilors, Divided into 5 Books*. L., [By Thomas Dawson] for Thomas Woodcocke.

Boyle, R. (1665). *New Experiments and Observations Concerning Cold*. In *An Experimental History of Cold*. L., S. n. (EEBO : ESTC B3996).

Brendecke, A. (2009). *The Empirical Empire Spanish Colonial Rule and the Politics of Knowledge* / transl. by J. Riemer. Berlin, Boston, De Gruyter Oldenbourg. 322 p.

Bushkovitch, P. (1980). *Merchants of Moscow*. Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press. 212 p.

Bushkovitch, P. (2017). Words and Things: Contemporary Translations of the Russian Institutional Vocabulary (Sixteenth-Seventeenth Centuries). In Flier, M. S., Kivelson, V. A., Monahan, E., Rowland, D. (Eds.). *Seeing Muscovy Anew; Politics – Institutions – Culture, Essays in Honor of Nancy Shields Kollmann*. Bloomington, Indiana, Slavica Publ., pp. 227–243.

Captaine Thomas James. (1633). *The Strange and Dangerous Voyage of Captaine Thomas James, in his intended Discovery of the Northwest Passage into the South Sea*. L., J. Legatt. [6], 120, [24] p. (ESTC 14444).

Carey, D. (2012). Inquiries, Heads, and Directions: Orienting Early Modern Travel. In Hayden, J. (Ed.). *Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760*. Farnham, UK, Ashgate Publ., pp. 25–51.

Collins, S. (1671). *The Present State of Russia, In a Letter to a Friend at London; Written by an Eminent Person Residing at the Great Czars Court at Mosco for the Space of Nine Years*. L., John Winter for Dorman Newman. [22], 141, [11] p.

Dalton, H. (2016). *Merchants and Explorers Roger Barlow, Sebastian Cabot, and Networks of North Atlantic Exchange 1500–1560*. Oxford, Oxford Univ. Press. 241 p.

Dear, P. (2009). *Revolutionizing the Sciences, European Knowledge and Its Ambitions, 1500–1700*. Princeton, Princeton Univ. Press. 203 p.

Dukes, P., Herd, G. P., Kotilaine, J. (2009). *Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship*. Dundee, Univ. of Dundee Press. 262 p.

Evelyn, J. (1959). *The Diary of John Evelyn* / ed. by E. S. de Beer. Oxford, UK, Oxford Univ. Press. 1307 p.

Fletcher, G. (1591). *Of the Russe Commonwealth*. L., Printed by T[homas] D[awson] for Thomas Charde. (ESTC 11056).

Fletcher, G. (1966). *Of the Russe Commonwealth / With Variants* by R. Pipes and Glossary-Index by J. V. A. Fine, Jr. [facsimile ed.]. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. IX p., 116 l., 98 p.

Hakluyt, R. (1932). *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques & Discoveries of the English Nation Made by Sea or Overland to the Remote & Farthest Distant Quarters of the Earth at Any Time within the Compasse of these 1600 Years*. 3 Vols. L., J. M. Dent & Sons.

Hall, M. B. (2002). *Henry Oldenburg: Shaping the Royal Society*. Oxford, UK, Oxford Univ. Press. 369 p.

Hayden, J. (Ed.). (2012). *Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760*. Farnham, UK, Ashgate Publ. 256 p.

Helgerson, R. (1994). *Forms of Nationhood, The Elizabethan Writing of England*. Chicago, Chicago Univ. Press. 367 p.

Hennings, J. (2016). *Russia and Courtly Europe Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725: New Studies in European History*. Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press. 297 p.

Hotman, J. (1603). *The Ambassador, Translated from the French*. L., By V[alentine] S[immes] for James Shawe. (ESTC (2nd Ed.) / 13848).

Hunter, M. (1994). *Robert Boyle by Himself and His Friends, with a Fragment of William Wotton's Lost Life of Boyle*. L., William Pickering. 188 p.

Hunter, M. (2007). *The Boyle Papers, Understanding the Manuscripts of Robert Boyle*. Aldershot, UK, Ashgate Publ. 674 p.

Hunter, M. (2009). *Between God and Science*. N. Haven, Yale Univ. Press. 366 p.

Hunter, M., Clericuzio, A., Principe, L. (2001). *The Correspondence of Robert Boyle*. 6 Vols. L., Pickering & Chatto.

Hunter, M., Davis, E. B. (Eds.). (1999–2000). *The Works of Robert Boyle*. 14 Vols. L., Pickering & Chatto. Vol. 4. XXIV, 594 p.

Konovalov, S. (1950–1951). John Tradescant's Diary of a Voyage to Russia June – September 1618. In *Oxford Slavonic Papers*, pp. 130–141.

Konovalov, S. (1962). England and Russia: Three Embassies 1662-5. In *Oxford Slavonic Papers*. Vol. 10, pp. 60–104.

Leith-Ross, P. (1984). *The John Tradescants, Gardeners to the Rose and Lily Queen*. L., Peter Owen Publ. 341 p.

Loewenson, L. (1955). The Works of Robert Boyle and 'The Present State of Russia' by Samuel Collins. In *The Slavonic and East European Rev.* Vol. 33. No. 81, pp. 470–485.

Meyer, A. (1589). *Certaine Brieve, and Speciall Instructions for Gentlemen, Merchants, Students, Souldiers, Marriners, etc...* L., John Woolfe. [8], 21, [3] p.

Miege, G. (1699). *A Relation of Three Embassies from His Sacred Majestie Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark Performed by the Right Honorable the Earle of Carlisle in the Years 1663 & 1664. Written by an Attendant on the Embassies, and Published with his Lordships Approbation*. L., For John Starkey. 461 p.

ODNB – *Oxford Dictionary of National Biography*. URL: <https://www.oxforddnb.com/> (accesses: 10.02.2022).

Olearius, A. (1662). *The Voyages and Travels of the Ambassadors*. L., Printed for John Starkey and Thomas Basset. 711 p. (ESTC O269).

Philosophical Transactions of the Royal Society. (1665). March. Vol. 1. No. 6. DOI 10.1098/rstl.1665.0006.

Purchase, S. (1625). *Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes*. L., By W. Stansby for H. Fetherstone. (ESTC (2nd Ed.) 20509).

Quinn, D. B. (1968). *Sebastian Cabot and Bristol Exploration*. Bristol, Bristol Branch of the Historical Ass. 30 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 35. List 2.

Sandman, A., Ash, E. (2004). Trading Expertise: Sebastian Cabot between Spain and England. In *Renaissance Quarterly*. Vol. 57. No. 3, pp. 813–846. DOI 10.2307/4143567.

Schleck, J. (2012). Forming Knowledge: Natural Philosophy and English Travel Writing. In Hayden, J. (Ed.). *Travel Narratives, the New Science, and Literary Discourse, 1569–1760*. Farnham, UK, Ashgate Publ., pp. 53–69.

Schotte, M. (2013). Expert Records: Nautical Logbooks from Columbus to Cook. In *Information and Culture*. Vol. 48. No. 3, pp. 281–322.

Shapin, S., Schaffer, S. (1985). *Leviathan and the Air Pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life*. Princeton, Princeton Univ. Press. 440 p.

Shapiro, B. J. (1983). *Probability and Certainty in Seventeenth-Century England*. Princeton, Princeton Univ. Press. 347 p.

Sokolov, D. (2020). Reading Diplomacy across the Archives: English and Russian Reports on Giles Fletcher the Elder's Embassy to Muscovy (1588–1589). In *J. of Medieval and Early Modern Studies*. Vol. 50. No. 3, pp. 587–608. DOI 10.1215/10829636-8626469.

The Freshwater Switchyard of the Arctic Ocean [website]. (N. d.). URL: <http://psc.apl.washington.edu/switchyard/> (accessed: 09.07.2021).

Tolstoy, G. (Ed.). (N. d.). *The First Forty Years of Intercourse between England and Russia 1553–1593*. N. Y., Burt Franklin.

Turler, H. (1575). *The Traveiler*. L., S. n. 192 p.

Veluwenkamp, J. W. (1995). The Murman Coast and the Northern Dvina Delta as English and Dutch Commercial Destinations in the 16th and 17th Centuries. In *Arctic. Arctic Inst. of North America*. Vol. 48. No. 3, pp. 257–266.

Waters, D. W. (1958). *The Art of Navigation in England and Early Stuart Times*. N. Haven, Yale Univ. Press. 696 p.

White, S. (2017). *A Cold Welcome, The Little Ice Age and Europe's Encounter with North America*. Cambridge, MA, Harvard Univ. Press. 361 p.

Willan, S. (1956). *The Early History of the Russia Company 1553–1603*. Manchester, UK, Manchester Univ. Press. 295 p.

Winship, G. P. (1900). *Cabot Bibliography, with an Introductory Essay on the Careers of the Cabots*. N. Y., Dodd, Mead and Co., L., Henry Stevens, Son and Stiles. 180 p.

Yeo, R. (2014). *Notebooks, English Virtuosi, and Early Modern Science*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 398 p.

The article was submitted on 23.08.2021

Формирование ранней петровской военной элиты: белгородские разрядные воеводы*

Николай Петрухинцев

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал),
Липецк, Россия

The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes**

Nikolay Petrukhintsev

Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch),
Lipetsk, Russia

This article examines some aspects underlying the formation process of the early Petrine military elite referring to the careers of three military leaders who advanced to higher positions in the late seventeenth century (A. S. Shein, B. P. Sheremetev, and Prince Ya. F. Dolgorukov). They were almost the same age, their starting positions were comparable, and they climbed up the career ladder in voivodship traditional for the aristocracy differently, depending on the circumstances and the political situation that seriously affected their careers. Referring to a considerable amount of new archival material and synthesising the latest historiographic information, the author demonstrates the influence of the political crisis of 1682 on their career trajectories. Also, the author examines the differences in their life paths at the initial stage of the Russian-Turkish war of 1686–1700, the acquisition of diplomatic experience by B. P. Sheremetev and Ya. F. Dolgorukov during these years; and their participation in the Azov campaigns. The author reveals the uneven nature

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42048.

** *Citation:* Petrukhintsev, N. (2022). The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717.

Цитирование: Petrukhintsev N. The Formation of the Early Petrine Military Elite: Belgorod Razryad Voivodes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717 / Петрухинцев Н. Формирование ранней петровской военной элиты: белгородские разрядные воеводы // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1084–1103. DOI 10.15826/qr.2022.3.717.

of Ya. F. Dolgorukov's career, as he received the boyar rank much later than his younger colleagues. The author notes not only the commanding but also the outstanding administrative merits of the voivodes, whose appearance as part of the military-political elite was, among other things, a reflection of the objective process of a generational change. The author concludes that the most significant step in their acquisition of military leadership and the military organisational experience was the leadership of the Belgorod *razryad* – the largest unit of Russia's field army in the second half of the seventeenth century and the most significant military administrative district, most closely involved in the “great wars” of Russia in the second half of the seventeenth century.

Keywords: reforms of Peter the Great, Russo-Turkish War of 1686–1700, Belgorod *razryad*, Russian military elite of the late seventeenth century, *razryad* regiment voivodes

Исследуются некоторые стороны процесса формирования ранней петровской военной элиты на примере особенностей карьеры трех военных лидеров, выдвинувшихся на первые места в ней в конце XVII в. (А. С. Шеина, Б. П. Шереметева, князя Я. Ф. Долгорукова). Почти сверстники, близкие по исходным стартовым позициям, они делали традиционную для аристократии воеводскую карьеру по-разному, в зависимости от стечения обстоятельств и политической конъюнктуры, серьезно влиявшей на ее ход. На основе привлечения значительного нового архивного материала и обобщения новейших историографических сведений показаны влияние на их карьерные траектории политического кризиса 1682 г, различия жизненных путей на начальном этапе Русско-турецкой войны 1686–1700 гг., приобретение в эти годы дипломатического опыта Б. П. Шереметевым и Я. Ф. Долгоруковым, участие этих людей в боевых действиях периода Азовских походов. Автор раскрывает неровный характер служебного роста Я. Ф. Долгорукова, получившего боярский чин гораздо позднее своих более молодых сослуживцев, отмечает не только полководческие, но и незаурядные административные достоинства своих героев, чье появление в составе военно-политической элиты стало, кроме прочего, отражением объективного процесса смены поколений. Делается вывод, что важнейшей ступенью в приобретении ими полководческого и военно-организационного опыта стало руководство Белгородским разрядом – крупнейшим соединением полевой армии России во второй половине XVII в. и самым значительным военно-административным округом, наиболее тесно вовлеченным в «большие войны» России второй половины XVII в.

Ключевые слова: реформы Петра I, Русско-турецкая война 1686–1700 гг., Белгородский разряд, русская военная элита конца XVII в., воеводы разрядных полков

Военно-административное руководство Белгородским разрядом и Белгородским разрядным полком (крупнейшей военно-территориальной группировкой полевой армии России, насчитывавшей свыше 20 тыс. чел.) служило во второй половине XVII в. важной ступенью на пути продвижения в верхушку военного руководства России. Об этом свидетельствует и опыт последней «большой» войны XVII в. – Русско-турецкой войны 1686–1700 г., на заключительной фазе которой начали формироваться кадры уже собственного петровского высшего военного руководства России. Фактически все три командующих, последовательно находившихся на вершине ранней петровской военной иерархии (бояре А. С. Шеин, князь Я. Ф. Долгоруков, Б. П. Шереметев), в разное время в той или иной мере прошли через опыт руководства Белгородским разрядом и командования Белгородским разрядным полком. Однако пути их выдвижения в высшую военную элиту России были неодинаковы и отличались своими специфическими особенностями, связанными с тем, как складывалась их военная и гражданская карьера.

К сожалению, ранние стадии их воеводских карьер пока известны довольно плохо, и некоторые их детали вызывают сомнения. Это касается даже их возраста: лишь недавно А. Г. Авдеев и П. В. Седов установили, что А. С. Шеин и П. Б. Шереметев были почти ровесниками – оба родились в 1652 г. [Авдеев, с. 65, 77; Седов, с. 10]¹, тогда как ранее полагали, что А. С. Шеин на десятилетие моложе, и датой его рождения считался 1662 г.

Сомнения вызывает и почти общепринятая дата рождения князя Я. Ф. Долгорукова – 1639 г. [Имшенецкая, с. 573] (который, судя по ней, был на 12–13 лет старше своих «коллег»). Вероятно, он действительно был старшим из четырех братьев (Якова, Бориса, Луки и Григория Федоровичей), появившихся на свет в 1650-е гг. Однако слишком поздний переход его из стряпчих в стольники в 1671 или 1672 г. (в 32 года) вовсе не типичен для фамилий его круга. Вызывает удивление и то, как 72-летний князь сумел в 1711 г. организовать известный морской побег из шведского плена, а потом до 81-летнего возраста заседал в петровском Сенате. Слишком большая разница в возрасте (почти 33 года) могла серьезно препятствовать и его сближению с Петром I, поэтому, возможно, Я. Ф. Долгоруков был на несколько лет моложе. Уже первый биограф Я. Ф. Долгорукова К. М. Бороздин отмечал, что он «родился около половины семнадцатого столетия» и участвовал в походе князя М. Ю. Долгорукова к Путивлю (в 1679 г., но автор не датирует его точно) в возрасте 25 лет [Бороздин, с. 6, 9]. Вероятно, следует принять во внимание мнение Д. О. Серова и свидетельство походного журнала Петра I, согласно которому

---

¹ П. В. Седов считает примерной датой рождения А. С. Шеина 28 сентября 1652 г. (хотя в опубликованной А. Г. Авдеевым эпитафии Шеина речь идет о восьмом месяце, то есть августе), в результате чего он оказывается лишь чуть менее, чем на полгода моложе Б. П. Шереметева, родившегося 25 апреля 1652 г.

Я. Ф. Долгорукову в момент смерти в июне 1720 г. было 70 лет [Серов, с. 108; Походный журнал, с. 25], и, следовательно, он родился около 1649–1650 г., будучи почти сверстником Б. П. Шереметева и А. С. Шеина (лишь на два-три года старше них).

Таким образом, все будущие руководители Белгородского разряда были близки по возрасту и начали военную карьеру почти одновременно – первые их самостоятельные и значимые воеводские назначения приходятся на рубеж 1670–1680-х гг.

Выдвижение в военных структурах этого нового слоя молодых аристократов, для которых полководческая воеводская карьера была делом традиционным, началось при Федоре Алексеевиче в финале Русско-турецкой войны 1672–1681 гг., лишь немного позднее, чем полководческая карьера чуть более старшего князя В. В. Голицына, родившегося в 1643 г. Вероятно, что какое-то время, как и полагалось молодым аристократам, они были на положении младших воеводских «товарищей» при своих отцах и ближайших родственниках, но первые самостоятельные воеводские назначения получили при приближении к порогу 30-летия (или чуть позднее его).

Именно в это время 27-летний А. С. Шеин – потомок знатного рода, связанный к тому же через своего отчима князя Г. С. Черкасского по второму браку своей матери с мощным и влиятельным кланом князей Черкасских, любимый спальник Алексея Михайловича, делавший до того успешную придворную карьеру, – видимо, утратил часть своих позиций при дворе и в ноябре 1679 г. получил назначение на воеводство в Тобольск, где пробыл с 6 апреля 1680 г. по 6 января 1682 г., приобретя первый успешный опыт военно-административного руководства значительным по территории краем в Сибири [Седов, с. 11–15]. Тот же опыт городского и полкового воеводы получил к этому времени и 30-летний князь Я. Ф. Долгоруков, бывший воеводой в Симбирске, откуда 14 июня 1680 г. сообщал о набеге татар на чувашскую деревню Кизилбоеву [Загоровский, с. 134–135]. Вероятно, он, как и Б. П. Шереметев, также начинал военную карьеру в рамках семейного клана под руководством родственников – в 1679 и 1680 г. Казанский разряд последовательно возглавляли бояре и воеводы князь Михаил Юрьевич и Владимир Дмитриевич Долгоруковы [Яфарова, с. 340–344, 374–375].

* * *

Однако первые серьезные шаги по выдвижению этого нового слоя молодой аристократии в верхи военной элиты были сделаны в финале Русско-турецкой войны.

Как справедливо отметил В. С. Великанов, к этому времени уже назревал процесс смены поколений в русской военной элите [Великанов, 2017, с. 632–633] – поколение воевод, выросшее в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг., постепенно сходило со сцены. В ходе

начавшегося обновления воеводского корпуса стольники Я. Ф. Долгоруков и Б. П. Шереметев (вероятно, осенью 1680 г.) получили первую возможность командования крупными военными группировками – по известной «росписи 189 г.» (1680/1681 г.) с делением армии на территориальные разряды (которую обычно считают следствием военно-территориальной «разрядной» реформы) они были назначены на «боярские» должности полковых воевод Тамбовского и Казанского разрядов. Б. П. Шереметев получил под свое управление «половину» Белгородского разряда, выделенную в особый Тамбовский разряд с центром его воеводского полка в Козлове, – значительную группировку войск общей численностью в 14566 чел., состоявшую из трех рейтарских и семи пехотных полков, большая часть которой (два рейтарских и пять солдатских полков, 10316 чел.) находилась под командованием самого Б. П. Шереметева, а меньшая – под командованием его «товарища» А. И. Ржевского².

Одновременно стольнику Я. Ф. Долгорукову было поручено руководство ставшим в последние годы перед этим почти «вотчиной» Долгоруковых Казанским разрядом и такой же воинской группировкой общей численностью в 14417 чел. (4577 дворян и детей боярских сотенной службы, два рейтарских полка и шесть солдатских), из которых под его непосредственным командованием с центром в Симбирске оказалась чуть меньшая доля – 8863 чел. (у его «товарища» И. Ю. Леонтьева в Керенске – 5754 чел.)³.

Несмотря на то, что «роспись 189 (1680/1681 г.)», по мнению В. С. Великанова, носила «проектный» характер распределения сил на будущую кампанию и далеко не до конца была реализована на деле в 1681 г. вследствие окончания Русско-турецкой войны Бахчисарайским мирным договором 13 (23) января 1681 г. [Великанов, 2018, с. 21], Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков, вероятно, все-таки вступили в командование своими территориальными военными группировками, о чем говорят относящиеся к этому времени челобитные иноземных офицеров, указывающие на реальное командование их воеводскими полками [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 629. Л. 701–703; 686–687].

Для находившихся лишь в стольнических рангах 28-летнего Б. П. Шереметева и 31-летнего Я. Ф. Долгорукова это был почти ошеломляющий успех, возможно, даже более существенный для Я. Ф. Долгорукова. В появившемся почти одновременно проекте «наместнической реформы» 1682 г. главы Казанского и Тамбовского разрядов занимали 13-е и 27-е места в планируемой общей иерархии вельмож, и 4-е и 10-е – в иерархии воевод разрядных полков⁴. Вероят-

² Подсчитано по: [РГАДА. Ф. 210 (Книги Московского стола). Оп. 6. Д. 124. Л. 63–69].

³ Подсчитано по: [РГАДА. Ф. 210 (Книги Московского стола). Оп. 6. Д. 124. Л. 35–41].

⁴ Текст проекта см. по: [Богданов, с. 587–595].

но, назначение Я. Ф. Долгорукова было связано с пиком внутривластного политического влияния, достигнутого кланом лидера тогдашнего правительства князя Ю. А. Долгорукова к концу 1681 – началу 1682 г.

* * *

Однако внутривластный кризис 1682 г. кардинально изменил сложившуюся ситуацию. Накануне него вернувшийся в столицу с, видимо, сочтенного успешным воеводства в Тобольске, заново отстроенном им после пожара, А. С. Шеин восстановил свои позиции при дворе Федора Алексеевича и 9 апреля 1682 г. был пожалован в бояре, получив казенные деньги на ремонт своего двора в Китай-городе [Седов, с. 14–17]. Но начавшийся вскоре «стрелецкий кризис» и осложнившаяся в связи с ним борьба за власть оказали прямое влияние на дальнейшее течение воеводских карьер всех трех молодых аристократов.

После смерти царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. «боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий с сыном князем Михайлом Юрьевичем и *весь их род линии Федоровичев Долгоруких*» одними из первых целовали крест избранному царем Петру (курсив в цитатах здесь и далее мой. – Н. П.) [Куракин, с. 44–45], а Яков Федорович с братьями на случай вооруженной стычки при избрании Петра якобы даже надели под платьем панцири. На следующий день один из братьев, Лука Федорович Долгоруков, был отправлен приводить к присяге Петру I Казань [Имшенецкая, с. 573].

Но стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. привело к гибели лидеров Боярской думы и семейного клана Долгоруковых – князей Юрия Алексеевича и Михаила Юрьевича, лишив Я. Ф. Долгорукова опоры во властных структурах и отодвинув его в тень при регентстве Софьи как проявившего себя активного сторонника Петра. 24 мая 1682 г., накануне провозглашения 26 мая царя Ивана соправителем Петра, Я. Ф. Долгоруков получил назначение в Казань в военную группировку П. В. Шереметева Меньшого, собиравшуюся в мае против восставших башкир и в это смутное время постоянно менявшую состав своего руководства [Восстание, с. 16, 19–20; РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 629. Л. 513–514]. Венчание обоих царей на царство 25 июня 1682 г. приостановило придворную и военную карьеру Я. Ф. Долгорукова. А. С. Шеин и Б. П. Шереметев в эти же тревожные дни вырвались вперед.

Во время венчания уже имевший боярский чин А. С. Шеин нес царскую шапку для одного из царей, а Б. П. Шереметев 26 июня 1682 г. вслед за отцом, получившим в этот день чин оружничего, был пожалован в бояре [Восстание, с. 260–261; Соловьев, с. 334]. Вероятно, это было следствием компромисса, достигнутого группировкой Софьи и князя В. В. Голицына с влиятельнейшими боярскими родами. Лишившийся мощного покровительства в Думе Я. Ф. Долгоруков боярского чина так и не получил и надолго застрял в стольниках.

* * *

Боярский ранг давал уже полное право на занятие должностей воевод разрядных полков и крупных значимых городов, что вскоре отразилось на карьерах А. С. Шеина и Б. П. Шереметева.

После короткого эпизода, связанного с организацией брака дочери украинского гетмана И. С. Самойловича с братом будущего фельдмаршала Ф. П. Шереметевым, когда украинский гетман для повышения статуса и престижа жениха при заключении брака осенью 1682 г. потребовал его назначения руководителем Севского разряда с одновременной передачей командования Белгородским разрядом его отцу П. В. Шереметеву Большому (больше заинтересованному в думских постах в Москве), после возвращения последнего в столицу в начале 1683 г. А. С. Шеин был назначен главой Белгородского разряда [Кочегаров, 2012, с. 50–55]. Пресловутое «воеводство А. С. Шеина в Курске» в 1683–1685 гг. [Рое, р. 464]⁵ было фактически командованием Белгородским разрядом, центр которого в то время находился в Курске. В ходе него А. С. Шеин получил первый серьезный опыт военно-административного руководства огромным регионом (в частности, с декабря 1683 г. он занимался в Курске строительством слободы для выселенных из Москвы после восстания 1682 г. стрельцов [Медведев, с. 186–187], а также активно участвовал в судебных делах Белгородского разряда, разбирая тяжбу между новосильцами и их воеводой М. Телегиным [Дудина, с. 150]).

Почти одновременно Б. П. Шереметев стал воеводой во Пскове, занимая этот значимый пост как минимум с 27 августа 1683 по 26 декабря 1684 г. [Рое, р. 465; Барсуков, с. 186].

Таким образом, А. С. Шеин и Б. П. Шереметев получили неопцененный опыт руководства крупными военно-административными структурами, которого Я. Ф. Долгоруков в эти годы, видимо, оказался лишен.

* * *

Новым толчком к воеводским карьерам всех трех указанных лиц стала начавшаяся Русско-турецкая война 1686–1700 гг. Уже «голицынская» ее фаза 1686–1689 гг. существенно повлияла на них.

В ходе войны завершилась начавшаяся смена поколений в военном руководстве – по наблюдениям В. С. Великанова, она продолжала следовать сложившимся ранее традициям, и, несмотря на отмену местничества в январе 1682 г., фактически продолжала сохранять местнические принципы в назначении воевод «больших» полков из числа относительно молодых представителей аристократии, к ко-

---

⁵ По сведениям А. А. Барсукова, А. С. Шеин находился во главе Белгородского разряда как минимум до января 1685 г. [Барсуков, с. 123].

торым в виде «товарищей» и «сходных воевод» назначались представители менее «породных» фамилий [Великанов, 2017, с. 633–634].

В ряду этих первостепенных полководцев первого Крымского похода В. В. Голицына 1687 г. оказался и А. С. Шеин. Он получил под свое руководство Новгородский разряд с присоединенными к нему полками – вторую по численности группировку полевой армии в 18 755 чел. (1 150 чел. сотенной службы; гусарский, копейный, шесть рейтарских, два московских стрелецких и шесть солдатских полков), составлявшую почти 1/5 «большого» полка В. В. Голицына, в числе которой был и один рейтарский (обоянский Ивана Барова) полк Белгородского разряда [РГАДА. Ф. 210. Разряд (Кн. Московского стола). Оп. 6. Д. № 124. Л. 87–92], перешедшего с 1685 г. под командование князя М. А. Голицына [Барсуков, с. 123]. Ни сам главнокомандующий, ни эти новые разрядные воеводы не имели боевого опыта, что вовсе не удивительно и не может быть поставлено им в упрек.

Русская армия не воевала против серьезного противника с правильной организацией армии почти 20 лет, фактически со времен Русско-польской войны 1654–1667 гг. Первая фаза Русско-турецкой войны 1672–1681 гг. была в основном связана с операциями против иррегулярных частей – правобережных украинских казаков П. Д. Дорошенко и крымских татар. В кульминационной фазе Чигиринских походов (если не считать осажденных гарнизонов Чигирина) до короткого открытого столкновения с основными силами турецкой армии дело дошло лишь в 1678 г. в армии князь Г. Г. Ромодановского. Заключительные годы войны (1679–1680) свелись к маневрированию предельно мобилизованных армий в ожидании возможного турецкого вторжения и к участию их в масштабных строительных работах по укреплению границ. Боевой опыт имело лишь поколение воевод 1650–1660-х гг., уже почти сошедшее со сцены. В армии к началу Крымских походов еще оставался слой военных специалистов более низкого ранга, служивших с начала Русско-польской войны уже как минимум по 30–35 лет, но они находились уже на пределе своих возрастных возможностей и, как отметил В. С. Великанов, в основном назначались в «товарищи» к этим новым воеводам, частично выполняя роль военных советников [Великанов, 2017, с. 634]. Стрелецкие полковники, имевшие боевой опыт, были сметены стрелецким восстанием 1682 г. Многие иноземные полковники и штаб-офицеры, в большинстве своем принадлежавшие к династиям, укоренившимся в России, также не имели опыта службы в современных иностранных армиях и боевого опыта, а те, что имели, тоже уже сходили со сцены.

Новому руководству приходилось получать боевой опыт уже в ходе самой войны, которая (особенно вначале) тоже не давала для этого необходимой почвы – основным противником в ее «голицынской» фазе оставались крымские татары, избегавшие крупных сражений, поэтому самым ценным в нем оставался опыт военно-организационного руководства большими массами войск при подготовке кампаний и маневрировании в длительных степных маршах.

* * *

Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков далеко не сразу включились в операции этой первой фазы войны. В начальный ее момент они пробовали свои силы на ином, но тоже традиционном для аристократии дипломатическом поприще.

34-летний Б. П. Шереметев по возвращении из Пскова принимал деятельное участие в переговорах В. В. Голицына по заключению «Вечного мира» с Польшей в 1686 г. и, видимо, уже тогда проявил свои способности. В связи с этим к лету 1686 г. ему была поручена важнейшая дипломатическая миссия – ратификация «Вечного мира» в Польше, которую польская сторона стремилась затянуть и от которой во многом зависела и судьба первого Крымского похода В. В. Голицына 1687 г. (в случае неуспеха посольства он мог быть сорван, несмотря на начавшуюся масштабную его техническую подготовку). Посольству Б. П. Шереметева, отправленному из Москвы 25 июня 1686 г., в непростой обстановке удалось добиться ратификации договора лишь к 22 (12) декабря 1686 г. [Кочегаров, 2008, с. 423–459, 449]. После этого оно продолжило свой путь в Вену, где Б. П. Шереметев в течение почти двух месяцев в марте – апреле 1687 г. вел переговоры, зондируя позицию австрийского двора на предмет того, каковы его планы в войне и не ведет ли он сепаратных переговоров о возможном мире с Турцией, одновременно пытаясь противостоять нажиму австрийской стороны, настаивавшей на уступках католическому духовенству в России [ПДС, ст. 1–276].

Я. Ф. Долгоруков, как и Б. П. Шереметев, 1 февраля 1687 г. был назначен в посольство во Францию и Испанию, куда отправился 26 февраля 1687 г., когда определился успех миссии Шереметева и началась мобилизация войск к первому Крымскому походу. Он оказался в не менее сложном положении – приглашение французского короля к антиосманскому союзу при традиционно теплых отношениях Франции с Турцией в условиях, когда уже явственно обозначилась неизбежность нового конфликта Франции с Австрийской империей Габсбургов, было делом бесперспективным, и русское правительство скорее рассматривало посольство как зондаж позиций французской стороны для оценки общих тенденций развития внешнеполитической ситуации в Европе.

Но Я. Ф. Долгорукову пришлось столкнуться с другой проблемой: несколько пренебрежительное отношение французских властей после прибытия посольства во Францию в начале июля 1687 г. вынудило его втянуться в июле – сентябре 1687 г. в более чем двухмесячную борьбу за соблюдение в отношении России общедипломатических норм («потому де, что ни в котором из окрестных, не токмо христианских, но и босурманских государств не водится того, к чему их ныне

принуждают» [Языков, с. 51]) – за то, чтобы не вести переговоров с департаментом внешних сношений Франции до официальной аккредитации и вручения верительных грамот королю во время приемной аудиенции; за проведение хотя бы формальных переговоров вовсе не заинтересованной в них французской стороной; за оформление результатов этих переговоров официальным документом (ответной грамотой) с соблюдением статусных норм в отношении титулатуры русского государя; за завершение посольства официальной отпусковой аудиенцией у французского короля [Там же, с. 48–71].

В этом отношении он занял жесткую и непримиримую позицию и не согласился на нарушение этих норм, несмотря на давление французской стороны, временно арестовавшей (не на границе, а уже в Париже) имущество посольства под предлогом таможенного досмотра, на который Я. Ф. Долгоруков, рассматривавший его как «бесчестье» и отказывавшийся без переговоров и отпусковой аудиенции принять ответные дары французского короля, согласился только после того, как арест на имущество был снят [Там же, с. 60–62]. Вероятно, именно это дало основание не слишком доброжелательному по отношению к нему князю Б. И. Куракину позднее заявить, что князь Я. Ф. Долгоруков «при дворе французском во всяком безчестии пребыл и худой естиме, понеже явно торговал соболями и протчими товары, и о всех его делех есть во Франции напечатанная книга» [Куракин, с. 51].

Продолжение посольства к испанскому королю и переговоры в Мадриде в ноябре – декабре 1687 г. о присоединении Испании к антиосманскому союзу или организации материальной помощи России в антиосманской борьбе тоже не дали результата, но обошлись без острых конфликтов [Языков, с. 71–82].

* * *

Возвращение к воеводской карьере стало возможным только при завершении дипломатических миссий. Б. П. Шереметев, вернувшийся в Москву 25 июля 1687 г. в финале первого Крымского похода [ПДС, ст. 275–276] и вознагражденный за успех посольства переводом в вотчину 515 четвертей его поместий в Дмитровском, Орловском и Коломенском уездах [Заозерский, с. 34–35], почти тут же был назначен воеводой в Белгородский разряд на место умершего в Белгороде 25 сентября 1687 г. князя М. А. Голицына, руководившего воеводскими полками, прикрывавшими южную границу. Приехав в декабре 1687 г. в Белгород, он столкнулся с угрозой татарского набега, однако набег не состоялся, и Б. П. Шереметев после смотра в феврале 1688 г. распустил Белгородский полк по домам [Великанов, 2020, с. 31, 34]. Фактически с этого времени (с декабря 1687 г.) Б. П. Шереметев получил под командование Белгородский разряд и, за исключением коротких перерывов, руководил им до конца 1696 г. В 1688 г., выдвинувшись к Коломаку, он

организовал оборону границ, отражая силами сходных воевод набеги к Изюму, Маяцкому, Торским озерам, и «сходные ево товарищи... чинили отпор, и на боех и на переправах их, воинских людей, многих побивали, и полонных взятых людей и коши у них отбивали...» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 212 об.]. Во втором Крымском походе 1689 г. (где Белгородский разряд, как и в первом, не был самостоятельной группировкой и в основной своей массе снова вошел в Большой полк В. В. Голицына) Б. П. Шереметев руководил Казанским разрядом и, по его собственным словам, «будучи в том походе, с крымскими и с турецкими войсками и горскими черкесы бился» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 213; Великанов, 2020, с. 35]. А. И. Заозерский считал, что «в двух сражениях в Черной и Зеленой долинах предводительствуемый им отряд был смят татарами, хотя он сам и проявил большую храбрость» [Заозерский, с. 52].

Во втором Крымском походе все трое начинающих полководцев, считающихся скорее сторонниками Петра, несмотря на непростые отношения с главнокомандующим, сошлись на одном поле в армии В. В. Голицына: А. С. Шеин продолжал командовать в нем усиленной военной группировкой Новгородского разряда, а вернувшийся в мае 1688 г. в Россию стольник Я. Ф. Долгоруков оказался товарищем В. В. Голицына, получив под командование в том числе и четыре белгородских солдатских полка [Великанов, 2020, с. 35]. По окончании похода Я. Ф. Долгоруков наравне с опытейшим В. А. Змеевым был награжден кубком «с кровлею», «кафтаном золотным на соболях» и 3,5 тыс. ефимков «на вотчину» (из которых он получил 2 тыс. лишь в 1705 г.) [Захаров; РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 5. Л. 1–19 об.], что говорит о том, что его заслуги в походе были оценены как достаточно значимые, несмотря на вряд ли теплые отношения с В. В. Голицыным. По мнению де ля Невилля, они были непростыми и у Б. П. Шереметева, который уже тогда воспринимался как «человек с великими достоинствами» и, несмотря на сотрудничество в дипломатической области при заключении и ратификации «Вечного мира», был смертельным врагом В. В. Голицына, «который был бы рад, если бы Шереметев потерпел поражение и погиб бы» [цит. по: Заозерский, с. 237, прим. 201].

За последующие восемь лет командования Белгородским разрядом Б. П. Шереметев приобрел навыки военно-административного руководства большим регионом с разными категориями служилых людей и серьезный опыт маневренной войны в степях. Судя по всему, он довольно эффективно действовал, прикрывая границы и своевременно выдвигаясь к наиболее опасным направлениям татарских набегов. На Белгородчине он пережил внутривосточный кризис 1689 г. и активно включился в операции вялотекущей фазы войны, сражаясь с татарами и войсками Петрика (Петра Черкашенина). Вероятно, он имел возможность учиться у опытных советников: в 1692–1694 гг. его сходным «товарищем» был курский воевода Венедикт

Андреевич Змеев – один из самых квалифицированных военных специалистов в полках «нового строя», видимо, попавший в «полуопалу», поскольку был слишком тесно связан с В. В. Голицыным [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 218–220, 249–254]. За действия против Петрика и крымских татар в 1692/1693 г. Б. П. Шереметев получил золотный бархат на кафтан, два сорока соболей ценой по 80 р. сорок и 190 руб. придачи к окладу [Там же. Л. 221]; 14 декабря 1692 г. Сибирскому приказу было велено выдать ему на шубу два сорока соболей ценой по 90 р. [Там же. Л. 88].

После прихода Б. П. Шереметева к руководству Белгородским разрядом почти сразу же выявились и его хозяйственно-административные способности. Вероятно, именно он вернул административный центр разряда из Курска в Белгород, который был более эффективным логистическим центром в этой войне, требовавшей прежде всего эффективной обороны южных границ и маневрирования войсками на них. После Крымского похода 1689 г. он, «пришед ис того похода, в Беле городе на полковой и на осадной наряд и на всякие полковые припасы построил анбары и на зеленую и на пороховую казну погребы», попутно произведя масштабную починку городков на черте [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 213]. Во время операций против Петрика в 1692–1693 г. укрепление границ интенсивно продолжалось – за эти годы в Белгороде, Маяцком и на черте было починено и построено укреплений на 3345 саженьях (то есть почти на 7,1 км) [Там же. Л. 218–220].

В период короткой передышки с осени 1693 по осень 1694 г., когда Белгородский полк Шереметева совершил всего три коротких похода к черте для блокирования набегов крымских татар, длившихся в общей сложности всего лишь месяц (26 сентября – 4 октября 1693 г.; 26 апреля – 6 мая; 9–19 сентября 1694 г.) [Там же. Л. 122–124], руководитель разряда всерьез занялся перестройкой укреплений самого Белгорода. Б. П. Шереметев построил силами ратных людей и нетчиков и беглецов предыдущих походов со стороны реки Везеницы стоячий острог на 279 саженьях и рубленые тарасы от Северского Донца на 389,5 саженьей с четырьмя дубовыми башнями, выкопал по их периметру ров, частично заполненный водой из Северского Донца, насыпал силами людей городской службы разных городов разряда 211 сажень земляного вала меньшого земляного города от «Везелицкой стороны... до Московские проезжие башни» и старого рубленого раската (всего в общей сложности около 1,85 км городских укреплений), перестроил Везелицкую башню, построил два амбара для хранения пушек и полковых припасов [Там же. Л. 127–130]⁶. При этом он еще и ухитрился получить 1964 руб. прибыли сверх окладных доходов, 57 % которой (1124,6 руб.) принес выгодно проданный уже

---

⁶ Широко известный план Белгорода 1693 г., скорее всего, связан именно с отчетом Шереметева о строительстве города.

негодный для армии провиант, оставшийся в Сумах от Крымских походов [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 131–132].

Шереметев вел себя как рачительный хозяин не только в государственных делах – он не забывал и о своих интересах. После Крымского похода 1689 г., когда ему пришлось занять 500 четей ржи и 310 четей овса из казенных белгородских житниц, он с 1690/91 г. добился восстановления годового жалования разрядным воеводам Белгородского полка (500 руб., 500 четей ржи и 1 тыс. четей овса), исходатайствованного еще в 1664 г. князем Б. И. Репниным, но не выплачивавшегося после отставки князя Г. Г. Ромодановского с 1678/1679 г. [Там же. Л. 233–237]. Жалованье и награды за службы послужили основой роста его личного благосостояния: во время руководства Белгородским разрядом Шереметев превратился в крупного местного помещика, «построив» между 1687–1695 гг. села Борисовку и Поношивку на границах карповских и хотмыжских земель и постепенно округляя их территорию, на которой к 1707 г. числилась уже тысяча дворов [Заозерский, с. 35,43].

Накопленный военный и административный опыт сказался с началом «петровской фазы» Русско-турецкой войны 1686–1700 г. – с возобновлением активных действий в 1695 г. Б. П. Шереметев возглавил «днепровскую» армию и сразу же добился больших успехов, взяв в 1695 г. днепровские городки. Он превратился в одного из самых перспективных военных лидеров.

* * *

В еще более крупную фигуру с началом «петровской фазы» войны стал превращаться А. С. Шеин. Думается, что излишне критическое отношение к нему как к аристократу-выскочке, изнеженному богачу, случайно оказавшемуся на военном поприще, далеко не вполне справедливо – к моменту своего назначения он два года руководил Белгородским разрядом и еще два года командовал крупными группировками войск в Крымских походах 1687 и 1689 гг., занимая тогда куда более значимые позиции в военной верхушке, чем Б. П. Шереметев и Я. Ф. Долгоруков. Конечно, он не смог приобрести в этих «безбатальных» походах необходимый боевой опыт, но зато получил опыт военно-организационный, связанный с руководством большими массами войск. Судя по его юношескому прозвищу (Ураг, то есть молодой олень-самец), он был человеком, наделенным большой энергией и незаурядным умом, позволившим ему сделать блестящую придворную карьеру еще при Алексее Михайловиче [Седов, с. 14–15].

После династического кризиса 1689 г. А. С. Шеин вошел и в ближний круг молодого Петра I, оказавшись в числе его «походных» бояр и даже в самом узком кругу, сопровождавшем царя в первую поездку в Архангельск в 1693 г. [Дворцовые разряды, ст. 502, 507; Титов, с. 65–67]. Скорее всего, он вовсе не случайно и в достаточно

зрелом возрасте (в 44 года) оказался воеводой Большого полка в Азовском походе 1696 г., а также во главе военно-административного строительства в Азовском регионе в 1697 г., когда надо было решать сложные задачи по закреплению позиций в только что завоеванном крае. И если бы Петр оценивал его только как марионетку в своих руках во время второго Азовского похода, вряд ли бы он после его завершения и перед отправлением в Великое посольство частично централизовал в руках А. С. Шеина военное управление, прежде всего управление частями «нового строя» (6 января, 22 и 27 февраля 1697 г. А. С. Шеин был последовательно назначен руководителем Пушкарского, Рейтарского и Иноземского приказов [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 164, 150, 171]). Даже вспышка ярости Петра после возвращения из Великого посольства осенью 1698 г. из-за неудачного стрелецкого розыска не лишила доверия Шеина, и он продолжал сохранять руководство этими военными структурами вплоть до своей смерти. Возможно, он мог бы вырасти и в эффективного полководца на полях Северной войны, но ранняя смерть накануне ее начала оставила этот вопрос открытым.

* * *

«Петровская фаза» войны несколько неожиданно привела к выдвиганию надолго отодвинутого в тень Я. Ф. Долгорукова, не получившего за годы регентства Софьи такого серьезного военно-административного опыта, как чуть более молодые А. С. Шеин и Б. П. Шереметев. После победы группировки Петра в ходе кризиса 1689 г. он переключился на гражданское поприще, занимая с октября 1689 по начало февраля 1697 г. пост главы Московского судного приказа, судившего «московских чинов» [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 197]. Однако с началом «петровской» фазы войны началось постепенное возвращение Я. Ф. Долгорукова на военное поприще.

Первые явные следы сближения Петра с Я. Ф. Долгоруковым видны не только в истории с привезенной из Франции астролябией, но уже и в начале первого Азовского похода: при выступлении из Москвы его младший брат Г. Ф. Долгоруков выступал во главе пятой роты Преображенского полка, а 29 июня 1695 г. в 8 часов утра сам Я. Ф. Долгоруков на легких судах прибыл в авангарде петровской армии к уже занятому позиции у Азова П. Гордону и от лица Петра предупредил, что вскоре к нему пожалует сам государь, что свидетельствовало о доверенных отношениях с Петром I [Желябужский, с. 277–278; Гордон, с. 366]. 19 июля 1695 г. Я. Ф. Долгоруков вызвался переправиться на правый берег Дона с отрядом в 4 тыс. чел. для постройки форта, из которого можно было бы организовать обстрел Азова с другой стороны реки, и в ночь на 20 июля перебрался туда с двумя солдатскими полками из дивизии П. Гордона (1,5 тыс. чел.), рискуя принять на себя удар многочисленной татарской конницы,

уже начавшей переплывать на тот берег, но остановленной демаршем Гордона. Долгоруков сумел закрепиться и построить форт с батареями, куда было отправлено четыре больших пушки и четыре мортиры [Гордон, с. 379–381].

23 сентября 1695 г. Петр I и Гордон посетили позиции Я. Ф. Долгорукова, чтобы оценить перспективы не удавшегося затем десанта с той стороны реки во время последнего штурма крепости 25 сентября, и Я. Ф. Долгоруков оставался в правобережном форте до самого отхода армии от Азова, переправившись со своими войсками к армии через Дон только 1 октября 1695 г. и благополучно вывезя оттуда пушки [Там же, с. 403, 409]. Вместе с тем ни в первом, ни во втором Азовском походе (в котором, он, судя по всему, тоже участвовал), Я. Ф. Долгоруков не занимал официальных воеводских постов, но по итогам второго Азовского похода наряду с В. Ф. Нарышкиным и П. М. Апраксиным (одиннадцатым в иерархии награжденных) получил награду как «волонтер» (волонтер) – золотой в 4,5 золотых (А. С. Шеин – в 13 золотых, Ф. Я. Лефорт – в 7, Ф. А. Головин – в 5,5), кубок весом в 4,5 фунта и «золотный кафтан на соболях» ценой в 210 руб. [РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 1. Л. 3 об.; Дворцовые разряды, ст. 1031], что, вероятно, свидетельствовало о дальнейшем личном сближении с Петром I.

Азовские походы стали решающим шагом к возврату Я. Ф. Долгорукова к воеводской карьере – после возвращения из них и решения об отправлении П. Б. Шереметева в Европу в период Великого посольства Долгоруков 5 ноября 1696 г. был назначен главой Белгородского разряда с оставлением сходными товарищами севского воеводы князя Андрея Кольцова-Масальского и курского воеводы Ильи Дмитриева-Мамонова [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 355–355]. Однако он не сразу отправился к месту службы – Б. П. Шереметев, приехавший после кампании в октябре в Москву [Гордон, с. 61], 6 ноября 1696 г. получил подводы для поездки в Белгород, чтобы собраться в дорогу и сдать дела Я. Ф. Долгорукову [Там же. Л. 358].

Но Я. Ф. Долгоруков, видимо, остро ощущал недостаток собственного статуса – получив «боярский» воеводский пост, он оставался всего лишь комнатным стольником. Возможно, не случайно перед отправлением в Белгород его товарищем и главой Севского разряда был назначен его брат Лука Федорович Долгоруков, и 30 января 1697 г. указом Петра для повышения престижа в отношениях с украинским гетманом И. С. Мазепой им было велено писаться наместниками Великопермским и Рязанским [Там же. Л. 450–451]. Не исключено, что местнические соображения могли сказаться и на позиции курского воеводы И. Дмитриева-Мамонова, которому срочно отъезжавшим в Москву Б. П. Шереметевым было поручено сдать дела Белгородского разряда Я. Ф. Долгорукову; 3 февраля 1697 г. он написал, что не может выехать для этого из Курска в Белгород по причине тяжелой болезни [Там же. Л. 137–138].

Перед самым отправлением в Великое посольство 2 марта 1697 г. Петр I «указал столника и воеводу князя Якова княж Федорова сына Долгорукова... в своих великого государя указах и во всяких полковых делех писать *ближним стольником и воеводою с вичем*» [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 156]. Но этого было явно недостаточно. Поэтому указанная М. По дата пожалования Я. Ф. Долгорукова в бояре (20 июля 1696 г.) [Рое, р. 405] ошибочна – он, вероятно, был пожалован боярским чином годом позже, 20 июля 1697 г., уже в ходе начавшейся военной кампании, в отсутствие государя, скорее всего указом Петра, отправленным из Великого посольства. Это было предпоследним пожалованием в бояре в конце XVII в. (позднее, 9 сентября 1698 г., получил боярство лишь И. А. Мусин-Пушкин за воеводство в Астрахани [Дворцовые разряды, ст. 1085–1086; Рое, р. 346]), вынужденным тем, что местнические традиции в воеводском корпусе и командование днепровской армией в совместных походах с гетманом Мазепой настоятельно требовали повышения статуса Я. Ф. Долгорукова (хотя в боярских списках 1697–1700 гг. он как пожалованный поздно занимал последние и предпоследние позиции [Рое, р. 335, 339, 343, 346, 348]).

Таким образом, Я. Ф. Долгоруков сравнялся в формальном статусе со своими конкурентами на воеводском поприще лишь спустя 15 лет, в пору умирания старой системы «московских чинов». В тот момент его пожалование в бояре было необходимым шагом, тем более что днепровской армии Я. Ф. Долгорукова в кампаниях 1697–1698 гг. отводилась главная роль – она должна была решить ключевую задачу овладения днепровским устьем, и в ней концентрировалась наиболее мощная группировка полевых войск.

Однако обе эти кампании оказались неудачны. Я. Ф. Долгорукову, ограничившемуся двумя «таванскими» походами, так и не довелось выступить в «большой поход» к Очакову и взять город, контролирующий днепровское устье. Но, как и в случае с А. С. Шеиным, обе эти неудачи, вызвавшие серьезное недовольство царя осенью 1697 и 1698 гг. и, по некоторым данным, закончившиеся личным расследованием Петра во время поездки в Воронеж осенью 1698 г. (см. письмо Петра от 24 декабря 1697 г. [Письма и бумаги Петра Великого, с. 672]; см. также: [Бушкович, с. 209, 211]), не вызвали опалы Я. Ф. Долгорукова – видимо, царь согласился с доводами, что объективные обстоятельства были таковы, что вряд ли привели бы к успеху походов. В ходе расследования, дополнительно стимулированного обвинениями И. С. Мазепы против князя, выяснилось, что Долгоруков в условиях тяжелых военных кампаний за короткий срок руководства Белгородским разрядом даже после такого популярного лидера, как Б. П. Шереметев, сумел приобрести расположение подчиненных, и все находящиеся там «солдаты и офицеры... на самом деле перешли в партию князя» [Бушкович, с. 212, ссылка 94].

Князь в конечном счете сохранил расположение царя и руководство Белгородским разрядом, а в ходе реорганизации системы воен-

ного управления Я. Ф. Долгоруков, еще 27 января 1700 г. вызванный из Белгорода в Москву [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 387], после последовавшей 2 февраля 1700 г. смерти А. С. Шеина фактически занял его место в высшем военном руководстве. 18 февраля 1700 г. с чином генерал-комиссара он был назначен главой нового Военного приказа, составленного из объединенных Иноземского и Рейтарского, «а учинить ему тот приказ прежде поездки ево с Москвы в Бел город» [РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 4. л. 8–8 об.; Дворцовые разряды, ст. 1122; ПСЗ-1, т. 3, № 1766]. У Долгорукова было менее месяца на организацию нового Военного приказа – он выехал в Белгород не ранее 11 марта 1700 г., а уже 29 мая 1700 г. Петр I приказал ему срочно быть в Москве, сдав Белгород и Белгородский разряд под ведение генерал-майора Христофора Ригемона, и, следовательно, вплотную включился в дела подведомственного ему Военного приказа лишь с июня 1700 г., за два-три месяца до начала Северной войны [РГАДА. Ф. 210 (Московский стол). Ст. 755. Л. 388–394]. Фактически Я. Ф. Долгоруков занял третью позицию в военном руководстве после формально назначенного фельдмаршалом Ф. А. Головина и бессменно руководившего Разрядом Т. Н. Стрешнева, но этот новый подъем военной карьеры был вскоре прерван поражением под Нарвой и попаданием Я. Ф. Долгорукова в шведский плен.

Таким образом, ранняя военная элита Петра состояла вовсе не из случайных людей, а руководство Белгородским разрядом стало для всех них важнейшей ступенью в их полководческих карьерах и в накоплении военно-организационного и полководческого опыта.

Список литературы

Авдеев А. Г. Боярин А. С. Шейн: человек эпохи петровских реформ в зеркале эпиграфики // Российская история. 2015. № 5. С. 64–77.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 626 с.

Богданов А. П. Царь-реформатор Федор Алексеевич : Старший брат Петра I. М. : Академ. проект, 2020. 758 с.

Бороздин К. М. Начертание жизни князя Якова Федоровича Долгорукаго. СПб. : Печ. у Ф. Дрехслера, 1805. 83 с.

Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 544 с.

Великанов В. С. Просопографический анализ высшего командного состава русской армии в Первом Крымском походе 1687 года // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. Пятые чтения памяти акад. РАН Л. В. Милова : материалы к междунар. науч. конф. Москва, 9–10 ноября 2017 г. М. : [Б. и.], 2017. С. 632–636.

Великанов В. С. Росписи русской армии по разрядным полкам в 1650–1680-х гг.: попытка создания военно-окружной системы // Военно-исторический журнал. 2018. № 12. С. 16–21. DOI 10.52424/03210626.

Великанов В. С. Организация и численность Белгородского разрядного полка в Крымских походах 1687–1689 гг. // Белгородская черта : сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород : Константа, 2020. С. 35–43.

Восстание в Москве 1682 г. : сб. док. М. : Наука, 1976. 348 с.

- Гордон П. Дневник. 1690–1695. М. : Наука, 2014. 620 с.
- Дворцовые разряды : в 5 т. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1855. Т. 4. 586 с.
- Дудина О. В. Судебные функции руководителей Белгородского разряда // Белгородская черта : сб. ст. и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5. Белгород : Константа, 2020. С. 147–151.
- Желябужский И. А. Дневные записки // Рождение империи. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 259–358.
- Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 238 с.
- Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М. : Наука, 1989. 312 с.
- Захаров А. В. Информационно-поисковая полнотекстовая система «Записные книги Разрядного приказа. XVIII век» : [электронный ресурс]. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=tema_id&id=506 (дата обращения: 05.03.2022).
- Имишенецкая М. Долгоруков Яков Федорович // Русский биографический словарь А. А. Половцева : в 25 т. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1905. Т. 6. С. 573–577.
- Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о Вечном мире. М. : Индик, 2008. 502 с.
- Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М. : Ин-т славяноведения, 2012. 221 с.
- Куракин Б. И. Гистория о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682–1694 // Архив А. Ф. Куракина : в 10 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1. С. 41–78.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. : словарь-справ. М. : СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 303 с.
- Медведев С. Созерцание краткое 7190, 91 и 92, в них что содеся во гражданстве // ЧОИДР : в 218 кн. М. : Университет. тип., 1894. Кн. 4. С. 269–519 (Ч. 2. С. 1–197).
- Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : в 10 т. СПб. : II Отд. С. Е. И. В. К., 1864. Т. 7. 764 с. (ПДС).
- Письма и бумаги Петра Великого : в 13 т. СПб. : Гос. тип., 1887. Т. 1. 888 с.
- ПСЗ. Собр. 1. Т. 3.
- Походный журнал 1720 г. СПб. : М-во имп. двора, 1855. 65 с.
- Седов П. В. К истории ранней биографии «генералиссимуса» Алексея Семеновича Шеина // Петербургский исторический журнал. 2016. № 2. С. 6–16. DOI 10.24411.
- Серов Д. О. Правительствующий Сенат в первой четверти XVIII в. : кадровый выбор Петра I // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М. : РОССПЭН, 2013. С. 103–121.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 18 кн. М. : Мысль, 1991. Кн. 7. 701 с.
- Титов А. А. Летопись Двинская. М. : Изд. П. А. Фокина : Тип. Л. и А. Снегиревых, 1889. 240 с.
- Языков Д. Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. С. 46–82.
- Яфарова М. Р. Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 381 с.
- Рое М. Е. The Russian Elite in the Seventeenth Century : [2 vols.]. Vammala : [S. n.], 2004. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian “Sovereign’s Court”, 1613–1713. 469 p.

References

- Avdeev, A. G. (2015). Boyarin A. S. Shein: chelovek epokhi petrovskikh reform v zerkale epigrafiki [Boyarin A. S. Shein: A Man of the Era of Petrine Reforms in the Mirror of Epigraphy]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 64–77.
- Barsukov, A. P. (1902). *Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya* [Lists of City Voivodes and Other Persons of the Voivodeship Administration of the State of Muscovy of the 17th Century]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 626 p.

Bogdanov, A. P. (2020). *Tsar'-reformator Fedor Alekseevich. Starshii brat Petra I* [The Reformer Tsar Fyodor Alekseevich: The Elder Brother of Peter I]. Moscow, Akademicheskii proekt. 758 p.

Borozdin, K. M. (1805). *Nachertanie zhizni knyazya Yakova Fedorovicha Dolgorukago* [The Story of Life of Prince Yakov Fedorovich Dolgoruky]. St Petersburg, Pechatnya u F. Drekhslera. 83 p.

Bushkovitch, P. (2008). *Petr Velikii. Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great. Struggle for Power (1671–1725)]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 544 p.

Dudina, O. V. (2020). Sudebnye funktsii rukovoditelei Belgorodskogo razryada [Judicial Functions of the Leaders of the Belgorod Razryad]. In *Belgorodskaya cherta. Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Iss. 5. Belgorod, Konstanta, pp. 147–151.

Dvortsovye razryady v 5 t. [Palace Ranks. 5 Vols.]. (1855). St Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 4. 586 p.

Gordon, P. (2014). *Dnevnik. 1690–1695* [Diary. 1690–1695]. Moscow, Nauka. 620 p.

Imshenetskaya, M. (1905). Dolgorukov Yakov Fedorovich [Dolgorukov Yakov Fedorovich]. In *Russkii biograficheskii slovar' A. A. Polovtseva v 25 t.* St Petersburg, Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo. Vol. 6, pp. 573–577.

Kocheharov, K. A. (2008). *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680–1686 gg. Zaklyuchenie dogovora o Vechnom mire* [The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia in 1680–1686. The Conclusion of the Treaty of Eternal Peace]. Moscow, Indrik. 502 p.

Kocheharov, K. A. (2012). *Russkoe pravitel'stvo i sem'ya ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg.* [The Russian Government and the Family of the Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich in 1681–1687]. Moscow, Institut slavyanovedeniya. 221 p.

Kurakin, B. I. (1890). Gistoriya o tsare Petre Alekseeviche i blizhnikh k nemu lyudyakh, 1682–1694 [The Story about Tsar Peter Alekseevich and People Close to Him, 1682–1694]. In *Arkhiv A. F. Kurakina v 10 t.* St Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva. Vol. 1, pp. 41–78.

Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. (2015). *Priказы Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik* [Priказы of the State of Muscovy in the 16th–17th Centuries. Reference Dictionary]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 303 p.

Medvedev, S. (1894). Sozertsanie kratkoe 7190, 91 i 92, v nikh chto sodeyasya vo grazhdanstve [A Short Contemplation 7190, 7191 and 7192, in What Happened in the Country]. In *ChOIDR v 218 kn.* Moscow, Universitetskaya tipografiya. Book 4, pp. 269–519 (Part 2, pp. 1–197).

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi v 10 t. [Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers. 10 Vols.]. (1864). St Petersburg, II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 7. 764 p.

Pis'ma i bumagi Petra Velikogo v 13 t. [Letters and Papers of Peter the Great. 13 Vols.]. (1887). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 1. 888 p.

Poe, M. E. (2004). *The Russian Elite in the Seventeenth Century. 2 Vols.* Vammala, S. n. Vol. 1. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian “Sovereign’s Court”, 1613–1713. 469 p.

Pokhodnyi zhurnal 1720 g. [Camping Journal 1720]. (1855). St Petersburg, Ministerstvo imperatorskogo dvora. 65 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 3.

Sedov, P. V. (2016). K istorii rannei biografii “generalissimusa” Aleksey Semenovicha Sheina [On the History of the Early Biography of the “Generalissimo” Alexei Semenovich Shein]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 6–16. DOI 10.24411.

Serov, D. O. (2013). Pravitel'stvuyushchii Senat v pervoi chetverti XVIII v.: kadrovyy vybor Petra I [The Governing Senate in the 18th Century: The Personnel Choice of Peter I]. In *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskikh reform (1682–1750)*. Moscow, ROSSPEN, pp. 103–121.

Solov'ev, S. M. (1991). *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen v 18 kn.* [History of Russia since Ancient Times. 18 Books]. Moscow, Mysl'. Book 7. 701 p.

Titov, A. A. (1889). *Letopis' Dvinskaya* [Chronicle of Dvina]. Moscow, Izdanie P. A. Fokina, Tipografiya L. i A. Snegirevykh. 240 p.

Velikanov, V. S. (2017). Prosopograficheskiy analiz vysshego komandnogo sostava russkoi armii v Pervom Krymskom pokhode 1687 goda [Prosopographic Analysis of the Senior Command Staff of the Russian Army in the First Crimean Campaign of 1687]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Iss. 5. Pyatye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g.* Moscow, S. n., pp. 632–636.

Velikanov, V. S. (2018). Rospisi russkoi armii po razryadnym polkam v 1650–1680-kh gg.: popytka sozdaniya voenno-okruzhnoi sistemy [Paintings of the Russian Army on Discharge Regiments in the 1650s–1680s: An Attempt to Create a Military District System]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 12, pp. 16–21. DOI 10.52424/03210626.

Velikanov, V. S. (2020). Organizatsiya i chislennost' Belgorodskogo razryadnogo polka v Krymskikh pokhodakh 1687–1689 gg. [Organization and Strength of the Belgorod Discharge Regiment in the Crimean Campaigns of 1687–1689]. In *Belgorodskaya cherta. Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty*. Iss. 5. Belgorod, Konstanta, pp. 35–43.

Vosstanie v Moskve 1682 g. Sbornik dokumentov [Uprising in Moscow in 1682. Collection of Documents]. (1976). Moscow, Nauka. 348 p.

Yafarova, M. R. (2017). *Russko-osmanskoe protivostoyanie v 1677–1681 gg.* [Russian-Ottoman Confrontation in 1677–1681]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 381 p.

Yazykov, D. (1835). Russkoe posol'stvo vo Frantsiyu i Ispaniyu 1687 goda [Russian Embassy to France and Spain in 1687]. In *Biblioteka dlya chteniya*. Vol. 9, pp. 46–82.

Zagorovskii, V. P. (1980). *Izumskaya cherta* [Izyum Line]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 238 p.

Zakharov, A. V. (N. d.). *Informatsionno-poiskovaya polnotekstovaya sistema "Zapisnye knigi Razryadnogo prikaza. XVIII vek"* [Information Retrieval Full-Text System "Notebooks of the Razryad Prikaz. 18th Century"] [website]. URL: http://zaharov.csu.ru/zrk.pl?action=tema_id&id=506 (accessed: 05.03.2022).

Zaozerskii, A. I. (1989). *Fel'dmarshal B. P. Sheremetev* [Field Marshal B. P. Sheremetev]. Moscow, Nauka. 312 p.

Zhelyabuzhsky, I. A. (1997). Dnevnye zapiski [Daily Notes]. In *Rozhdenie imperii*. Moscow, Fond Sergeya Dubova, pp. 259–358.

The article was submitted on 18.11.2021

**Формулярные списки руководителей ведомств
и членов Государственного совета:
проблема достоверности источника***

Денис Шилов

Российская национальная библиотека,
Санкт-Петербург, Россия

**The Service Records of Heads of Departments
and Members of the State Council:
The Problem of Source Reliability**

Denis Shilov

National Library of Russia,
St Petersburg, Russia

This study focuses on service records, a mass source of government records management in the Russian Empire between the eighteenth and early twentieth centuries. The service record was a document containing basic biographical information about the official (surname, first name, patronymic, age, social origin, religion, education. Also, the document reflected whether the official had real estate, their marital status, children, stages of service, awards, penalties, etc.). For government agencies, service records were the main source of information and a means of controlling officials, and for officials themselves – certificates attesting to their abilities, experience, and impeccable reputation. The analysis of historiography on the issue demonstrates, on the one hand, that service records are a source that is in high demand by researchers. At the same time, the uncritical approach to these documents still prevails in historical studies. The valuable information they contain is used without comparison with data from other sources, without identifying and analysing materials that clarify the bureaucratic process of creating service records. As a result, experts do not

---

* *Citation:* Shilov, D. (2022). The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Цитирование: Shilov D. The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718 / Шилов Д. Формулярные списки руководителей ведомств и членов Государственного совета: проблема достоверности источника // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

have satisfactorily reasoned ideas about the completeness and reliability of this type of source. The article attempts to answer these questions by referring to personal service documentation of heads of departments (ministers and chief executives) and members of the State Council (about 600 persons in total). The author considers the legislation on service records and points out problems that arose in providing reliable information for them. The information of various sections of the service records is compared with data from other sources – metric books, personal decrees, supreme orders on the civil department, personal files of officials, and published lists of officials. The author concludes that the information from different sections of the service records is not equally reliable, and that the completeness and accuracy of the source in the state records management of the Russian Empire varied depending on the order of data collection and control over the process by the government.

Keywords: Russian Empire in the 18th – 20th centuries, State Council, service records, officialdom, ministers

Объектом исследования являются формулярные списки – массовый источник изучения государственного делопроизводства в Российской империи XVIII – начала XX в. Формулярный список был документом, содержащим основные биографические сведения о чиновнике (фамилия, имя, отчество, возраст, социальное происхождение, вероисповедание, полученное образование, наличие недвижимой собственности, семейное положение, дети, этапы прохождения службы, награды, взыскания и т. д.). Для правительственных органов формулярные списки были главным источником информации и одновременно средством контроля за чиновниками, для самих чиновников – аттестатами, свидетельствующими об их способностях, опыте и безупречной репутации. Проведенный анализ историографии по проблеме показывает, что формулярные списки являются источником, чрезвычайно востребованным исследователями. В то же время в исторической науке до сих пор преобладает не критический подход к этим документам. Содержащаяся в них ценная информация используется без сопоставления с данными других источников, без выявления и анализа материалов, проясняющих делопроизводственный процесс создания формулярных списков. Как следствие, у специалистов нет удовлетворительно аргументированных представлений о полноте и достоверности данного вида источников. В статье сделана попытка ответить на эти вопросы на примере персональной служебной документации руководителей ведомств (министров и главноуправляющих) и членов Государственного совета (всего около 600 человек). Рассматривается законодательство о формулярных списках, отмечаются проблемы, возникавшие в процессе заполнения этих документов достоверными сведениями. Информация заполнения разделов формулярных списков анализируется в сопоставлении с данными других источников – метрических книг, именных указов и высочайших повелений по гражданскому ведомству, личных дел чиновников, опубликованных списков служащих. Делается вывод о неодинаковой достоверности информации из разных разделов формулярных

списков, а также об изменении полноты и точности сведений источников на протяжении периода их бытования в государственном делопроизводстве Российской империи в зависимости от порядка сбора данных и контроля над этим процессом со стороны правительства.

Ключевые слова: Российская империя в XVIII – начале XX в., Государственный совет, формулярные списки, чиновничество, министры

Формулярные списки (формуляры) военных и гражданских чиновников Российской империи – источник для историографии далеко не новый. На протяжении последних 50 лет регулярно появляются исследования, авторы которых используют сведения формуляров для воссоздания коллективного портрета той или иной категории служащих дореволюционной России (библиографию см.: [Иванов, 2012, с. 31, 38; Кандаурова, s. 95–96]). В то же время формулярные списки остаются источником, почти не затронутым научной критикой [Малкова, Плюхина; Елпатьевский; Иванов, 2012; Дубенцов, Куликов]. Активно заимствуя из формуляров биографическую информацию, исследователи почти не уделяют внимания проблеме ее достоверности, связанной с вопросами происхождения и эволюции документа, изменениями в организации процесса ведения персонального делопроизводства в Российской империи и др. Ниже я попытаюсь представить опыт такого критического подхода, используя личную документацию руководителей ведомств и членов Государственного совета.

По определениям В. И. Даля, послужной (формулярный) список – это «вся служебная жизнь чиновника, внесенная установленным порядком в графы», документ, «в котором пишется все, что относится до личности служащего» [Даль, т. 3, стб. 874, т. 4, стб. 1150]. Для российского законодательства термины «послужной» и «формулярный» были синонимами. Именно так они обозначены в алфавитных указателях к первому и второму собраниям «Полного собрания законов Российской империи». Использовался (реже) также термин «кондуктивный список». На практике в XIX в. списки военнослужащих чаще назывались послужными, а гражданских чиновников – формулярными (но бывало и наоборот). Кроме того, в делопроизводстве бытовало сокращенное название документа – формуляр.

Известны коллективные и индивидуальные формулярные (послужные) списки. Коллективные являются более ранней формой документа и по содержанию восходят к учетным документам XVII и первой половины XVIII в. (смотровым спискам, офицерским «сказкам»). Индивидуальные формуляры получают распространение уже в XIX в.

Важной вехой в формировании системы учета гражданских служащих стали мероприятия правительства середины 1760-х гг. С 1765 г. Академией наук в Петербурге стал выпускаться «Адрес-календарь российский на лето... от Рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при

начале сего года в каком звании или в какой должности состоит» – общеимперский справочник о чиновничестве. В 1766 г. Герольдмейстерской конторой Сената был отпечатан первый «Список находящимся у статских дел». С 1773 г. в него вносились чины первых восьми, с 1798 г. – семи, а в 1818–1841 гг. – первых шести классов. Долгое время «Список» Герольдии был ведомственным документом и печатался в ограниченном числе экземпляров только для служебного использования. С 1842 г. списки чинов (сначала общие, затем и по отдельным ведомствам) стали тиражными изданиями [Шилов, 2011].

Одновременно была сделана попытка наладить регулярный сбор сведений обо всех гражданских чиновниках. 31 января 1764 г. вышел сенатский указ, которым предписывалось

... всем присутственным местам, каждому о состоящих в ведомстве своем чинах немедленно прислать и впредь присылать в Правительствующий сенат чрез каждые полгода списки, описывая в оных именно, кто какими чинами происходил и добропорядочно ли поступал, также не были ли в каких штрафах, во всем по примеру тому, как о воинских такие списки делаются.

К указу прилагалась форма, «как те списки писать» [ПСЗ-1, т. 16, № 12030]. Составители алфавитного указателя к «Полному собранию законов» сочли указ 1764 г. первым законодательным актом о формулярных списках, хотя в нем содержатся указания на уже существующие послужные списки у военнослужащих и словесное повеление императрицы от 17 февраля 1763 г. «всем, кои следуют к отставке и к награждению при оной чинами, иметь каждому от надлежащих мест о верной и беспорочной службе аттестаты» [Там же].

Поэтому указ 1764 г. следует рассматривать скорее как первую попытку наладить регулярный сбор сведений о гражданских чиновниках. В 1771, 1782, 1788 и 1798 гг. Сенат напоминал всем присутственным местам о необходимости присылки, уже только раз в год, послужных списков всех чиновников. Требуя их, правительство надеялось разрешить ряд задач: упорядочить чиновпроизводство, выяснить реальное состояние местных кадров. Дело шло трудно. Так, на указ 1798 г., требовавший от всех присутственных мест ежегодной присылки послужных списков всех классов чиновников к 1 октября [Там же, т. 25, № 18440], групповые формуляры поступили лишь по 56 учреждениям. В 1800 г. вновь последовало напоминание [Там же, т. 26, № 19488], но, судя по количеству сохранившихся ежегодных коллективных формуляров¹, присылка постепенно наладилась лишь во второй половине 1810-х гг.

Обзор законодательства о формулярных списках показывает, что их структура со временем усложнялась, а объем содержащейся в них

¹ См. в фонде коллекции формулярных списков: [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4].

информации возрастал. Окончательное оформление документа произошло к середине XIX в., когда он стал включать сведения о чине, имени, отчестве, фамилии служащего, его должности, возрасте или дате рождения, вероисповедании, получаемом жаловании, происхождении, имущественном и семейном положении, образовании, времени поступления на службу, хронологии ее прохождения, наградах, участии в походах и сражениях, взысканиях по службе, времени нахождения в отпусках и в отставке [Малкова, Плюхина, с. 218–219].

После упразднения Инспекторского департамента гражданского ведомства, функционировавшего в 1846–1858 гг. при I Отделении Собственной Е. И. В. канцелярии, ежегодный сбор коллективных послужных списков из всех учреждений империи прекратился. Коллективные формуляры составляться перестали. С 1858 г. учет чиновников, ведение их формулярных списков и личных дел были возложены на соответствующие структурные подразделения ведомств, в которых они служили. Индивидуальный формулярный список заводился на чиновника сразу же после поступления на государственную службу и в дальнейшем дополнялся через установленный срок или при перемене должности.

Для правительства послужные списки были основным источником информации о служащих. Показательно, однако, что, требуя вдруг и срочно персональные сведения по десятку позиций, власти долгое время не давали никаких указаний о том, где же ответственные за сбор данных учреждения и лица должны их почерпнуть. За умолчанием скрывалось признание очевидного факта: в XVIII и в первой половине XIX в. формулярные списки нередко заполнялись со слов самих чиновников. Об этом свидетельствуют содержательные особенности многих формуляров того времени. Так, например, текст послужного списка адмирала А. В. Моллера написан от первого лица [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 336. Л. 62–78], формулярный список в деле о службе А. П. Ермолова – собственноручно [Там же. Д. 859. Л. 12–15]. Формуляры других военачальников (Н. Н. Муравьева-Карского, Ф. В. Ридигера, А. А. Суворова) в разделе о походах и сражениях напоминают мемуарные хроники с элементами самооценки [Там же. Д. 343. Л. 35–70; Д. 454. Л. 15–105; Д. 519. Л. 161–202]. В послужном списке И. В. Гудовича за 1818 г. присутствует прямая апелляция к начальству:

За всю службу мою 1774 года не получил я никакого награждения, оставаясь по армии вторым генерал-майором, когда первой не был на войне, а находился в Сибири при команде [РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 14–43].

Со второй половины 1820-х гг. правительство начинает упорную борьбу с чиновниками за достоверность их формулярных списков [Елпатьевский, с. 203–204]. Проблемы, возникавшие на этом пути у центральной власти, характеризует сенатский указ 30 марта 1828 г.

В нем значилось:

В некоторых местах при определении в гражданскую службу людей различных состояний, не имеющих дворянского права, из коих некоторые... *показали себя не из того звания, из которого имеют происхождение*, а другие, находясь уже в службе и приобретая оную чины, дающие право дворянства, начали показывать себя в послужных списках не из того звания, из какого они действительно происходят, а просто из дворян (выделено мной. – Д. Ш.).

Что же предписывал в связи с этим законодатель? Подтверждение дворянского достоинства, как известно, находилось в компетенции особого учреждения при самом Сенате – Герольдии (с 1848 г. – Департамента герольдии). Однако в указе не предлагалось требовать от чиновников свидетельств Герольдии о дворянском происхождении, а было предписано

...всем гг. министрам, военным генерал-губернаторам, генерал-губернаторам и военным губернаторам, управляющим гражданской частью, а также губернским правлениям и присутственным местам... иметь строгое наблюдение, чтобы согласно форме, для послужных списков изданной, было наблюдаемо, чтобы во 2-й оных графе всегда означалось с точностию то звание, из коего каждый имеет свое происхождение [ПСЗ-2, т. 3, № 1904].

Почему же Сенат (во всяком случае в отношении дворянства) снимал с себя принадлежавшую ему по закону ответственность? Как представляется, причина в том, что большинство российских дворянских родов к этому времени еще не прошли процедуру юридического подтверждения своих сословных прав Сенатом (этот процесс стал активно развиваться позднее, с 1840-х гг.), последний не имел в своем распоряжении сведений о дворянском происхождении чиновников и потому был вынужден доверяться информации, имевшейся у местных властей.

Сказанное выше неизбежно выводит на проблему достоверности формулярных (послужных списков). В новейшей отечественной историографии ее углубленно изучает В. А. Иванов [Иванов, 1994; Иванов, 2012 и др.]. Он выделяет две основные точки зрения исследователей по указанной проблеме. Первая восходит к труду П. А. Зайончковского, который утверждал: «Формулярные списки являются одним из наиболее достоверных источников. Какое-либо сознательное их искажение исключено» [Зайончковский, с. 10]. Более скептически оценивал формуляры А. В. Елпатьевский, полагавший, что «оценка достоверности содержащейся в них фактической информации требует серьезного критического подхода» [Елпатьевский, с. 202–203]. С ним солидарен И. В. Савицкий, отмечающий наличие в формулярных списках «неточностей и прямых фальсификаций» [Савицкий, с. 18]. Существует и промежуточное мнение, сформулированное Д. Г. Целорунго:

«Достоверность данных, заносимых в... формулярные списки, вполне удовлетворительна, хотя по отдельным показателям неравноценна. В формулярные списки... подробно заносились такие сведения, которые почерпнуть историю больше неоткуда» [Целорунго, с. 57].

Главная трудность в обсуждении проблемы достоверности формулярных списков заключается в том, что для ее решения исследователями пока не предложено достаточных данных. Как отмечал в 1994 г. В. А. Иванов, вопрос об изучении формулярных списков XIX в. «в историографии лишь поставлен, но не решен» [Иванов, 1994, с. 11]. Б. Б. Дубенцов и С. В. Куликов в 1999 г. констатировали, что существующие работы «построены на априорном доверии к формулярам... Остается до сих пор неясным, насколько недостатки этого источника существенны» [Дубенцов, Куликов, с. 72].

Несмотря на неоднократные призывы к источниковедческой критике формулярных списков, целенаправленно этой проблемой занимался только В. А. Иванов. Им предложен ряд методических приемов для определения достоверности формуляров – сравнение между собой сведений «повторных» списков («которые составлялись на одного и того же человека в разные годы»), анализ формулировок послужных списков, указывающих на способы их заполнения [Иванов, 2012, с. 34–37].

Однако такие критические приемы могут дать лишь условные результаты. Так, Иванов отмечает: «Анализ данных графы формуляра о социальном происхождении показывает, что она заполнялась согласно введенным правилам документирования. Об этом убедительно свидетельствуют формы записей» [Там же, с. 34]. Но приведенный выше указ 1828 г., казалось бы, говорит о противоположном. Попытки пресечь злоупотребления – неоспоримое доказательство их наличия. Что касается методики верификации возраста, то приведу пример ее апробации на семи формулярных списках К. П. Победоносцева, родившегося 18 ноября 1827 г. [подробнее см.: Шилов, 2014]. В формуляре на 17 июня 1863 г. указан возраст 35 лет (что верно), на 3 марта 1870 г. – 40 лет (ошибка, верно было бы 42 года), на 1880 г. – 52 года (верно, могло быть 52 или 53 года), на 1887 г. – 58 лет (ошибка, верно было бы 59 или 60 лет), на 1892 г. – 64 года (верно, могло быть 64 года или 65 лет), на 1894 г. – 65 лет (ошибка, верно было бы 66 или 67 лет), на 1905 г. – 78 лет (верно, могло быть 77 или 78 лет). То есть явно ошибочны данные второго, четвертого и шестого списков, но по методике Иванова недостоверными были бы признаны только сведения второго (отклонение от предыдущего и последующего более чем на год).

Из сказанного следуют два вывода. Один заключается в том, что строгость критики формулярных списков в просопографическом (историко-социологическом и т. п.) и в биографическом исследованиях будет различной – небольшое отклонение от истины рассматривается в первом как допустимая погрешность, а во втором – как ложное утверждение. Этим различием отчасти объясняется упомянутое выше расхождение в мнениях авторитетных исследователей о досто-

верности формуляров – П. А. Зайончковский оценивал их как массовый источник, А. В. Елпатьевский – как индивидуальный.

Второй очевидный вывод – полноценная критика формулярных списков возможна только при сопоставлении их с другими источниками биографической информации. Конечно, по тысячам или десяткам тысяч персон подобное исследование провести физически невозможно. Однако без такого сравнения выводы по указанной проблеме будут оставаться во многом гипотетическими, уязвимыми для столь же гипотетических возражений. Кроме того, сопоставление данных разных источников важно было бы дополнить свидетельствами о существовавшей практике заполнения формуляров.

Подобное сравнительное исследование проведено мною на материале примерно 600 биографий членов Государственного совета и руководителей ведомств (министров). Прделанная работа позволяет высказать несколько утверждений, в полной мере относящихся к формулярам указанных групп высшей бюрократии, и с оговорками – к чиновничеству в целом.

Во-первых, представляется, что полнота и достоверность формулярных списков неодинаковы в разные периоды их бытования. Набор содержащихся в них сведений определялся и изменялся рядом законодательных актов, в основном сложившись к середине XIX в. Достоверность зависела от способа заполнения документов: во времена, когда чиновники могли самостоятельно составлять и заверять свои формуляры, она была меньшей и увеличивалась по мере устроения правительственного контроля за соответствием содержания послужных списков подлинным документам. Во-вторых, полнота и достоверность формулярных списков зависели от особенностей их ведения у разных групп бюрократии. Это положение актуально для членов Государственного совета, поскольку высочайшим повелением, объявленным 26 января 1842 г., ответственность за полноту и достоверность сведений в их формулярах была возложена на них самих [РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Отделение дел государственного секретаря. 1841 г. Д. 6. Л. 15]. Эта привилегия сохранялась до 1917 г. и строго соблюдалась.

Наконец, достоверность и полноту сведений из разных разделов формулярных списков следует признать неодинаковой.

Ненадежность данных формуляров о времени рождения служащих уже была показана выше. В документах первой половины XIX в. обычно указывалось лишь количество полных лет. При этом, как продемонстрировано на примере формуляров К. П. Победоносцева, и эта информация впоследствии ненамеренно искажалась. У Победоносцева, например, это привело к неточным данным в каждом втором формуляре. Не распространяя эту пропорцию на все чиновничество, решусь, однако, утверждать, что доля документов с неверно указанным возрастом в первой половине XIX в. была велика.

Это признавало и правительство. 31 января 1831 г. Сенатом был издан указ, который предписывал требовать у каждого поступаю-

щего на службу выписку о времени рождения из метрической книги, «чтобы на основании такового свидетельства показываемы были в самом формуляре число, месяц и год его рождения» [ПСЗ-2, т. 6, отд. 1, № 4313]. Однако и после этого далеко не сразу и не во всех списках появились точные даты. Характерно указание В. А. Иванова, что на местном уровне в середине XIX в. данное постановление «на практике не выполнялось. Во всяком случае, на нашем материале такие списки не выявлены» [Иванов, 2012, с. 36]. Это неудивительно. Всего четыре года спустя, в 1835 г. было утверждено мнение Государственного совета «О замене метрических свидетельств при вступлении на службу таковыми же из книг исповедных». «Нельзя не принять в уважение, – говорилось в новом законе, – что метрические книги до издания упомянутого указа могли быть ведены не везде с исправностию и могли быть утрачены разными случаями» [ПСЗ-2, т. 10, отд. 2, № 8448]. Если указ 1831 г. разрешал не требовать выписки из метрических книг у тех чиновников, которые поступили на службу до его издания, то постановление 1835 г. распространило это разрешение на всех, кто родился до января 1831 г. Исповедные же книги содержали сведения только о возрасте (количестве полных лет).

Невнимание правительства к невыполнению указа 1831 г. следует объяснять малозначительностью даты рождения для персонального делопроизводства, а также нежеланием чиновничества (объяснить которое я удовлетворительно не могу) указывать ее в формулярах. Тот же Победоносцев при поступлении на службу в 1846 г. имел возможность предъявить метрическое свидетельство о рождении, поскольку в 1841 г. уже представлял его при поступлении в Училище правоведения, по окончании которого оно было ему возвращено [ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411]. Однако он этого не сделал, и первый его послужной список был составлен по старой форме [РГИА. Ф. 1405. Оп. 44. Д. 1477. Л. 2 об.]. Другой пример показывает, что и государственные органы не стеснялись отступать от положений указа 1831 г. В 1841 г. член Государственного совета С. А. Замойский прислал в Герольдию послужной список, в котором указал точную дату своего рождения. Однако чиновник Государственной канцелярии при редактировании в 1842 г. формуляра Замойского этой информацией пренебрег и выставил в графе о возрасте количество лет [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 198. Л. 10 об.]. Только к началу XX в. число, месяц и год рождения стали, как правило, указываться в большинстве формулярных списков гражданских чиновников. Таким образом, в биографическом исследовании данные этого раздела формуляров часто нуждаются в дополнении и уточнении. Более достоверны сведения метрических книг, надгробий, синхронных источников личного происхождения.

Информация о происхождении присутствует во всех формулярных списках. Она указывает на сословную принадлежность человека («из дворян», «из духовного звания») либо на чин или род занятий его отца («сын коллежского секретаря», «сын полковника»). Иногда упоми-

нается губерния, в родословную книгу которой был внесен чиновник-дворянин («из потомственных дворян такой-то губернии»). Данные этого раздела формуляра достовернее, чем сведения о времени рождения. Однако и здесь, как уже было сказано выше, правительство долгое время боролось с недобросовестностью чиновников (указ 1828 г.). Закон определял ситуацию предельно ясно: «В графе о происхождении чиновника звание отца его должно быть означено со всею точностью, хотя бы сам он находился уже в чинах, присвояющих дворянское достоинство» [ПСЗ-2, т. 3, № 1904]. Надо полагать, что и контроль властей за этим пунктом в формулярах был самый внимательный – от происхождения зависели права чиновника на государственной службе. Тем не менее, нарушения закона в этом отношении случались, в том числе и среди членов Государственного совета.

Так, например, Ф. И. Энгель, сын врача, выслужившего чин коллежского асессора уже после рождения сына, на протяжении почти всей своей карьеры вносил в графу формуляра о происхождении запись «из штаб-офицерских детей» [см., например: Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 320. № 3081]. После назначения в Государственный совет формулировка изменилась: «Из дворян, о чем ожидается доказательство» [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1835 г. Д. 165. Ч. 1. Л. 43–46] (список за 1835 г.). А. В. Кривошеин уже в начале XX в. писался в формуляре сначала «из дворян», а потом «сын полковника, из потомственных дворян Симбирской губернии» [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 263. Л. 10–22, 79–108], что соответствовало его социальному статусу, но противоречило упомянутому выше положению закона, по которому он должен был именовать себя «из обер-офицерских детей», поскольку полковником (чин, с 1856 г. дававший его обладателю потомственное дворянство) отец его не был вообще, подполковником стал при отставке, а на момент рождения сына состоял в невысоком обер-офицерском чине.

Но в подавляющем большинстве случаев члены Государственного совета указывали свое происхождение в полном соответствии с законом. В то же время корректные в юридическом отношении сведения послужного списка часто недостаточны для характеристики сословного статуса. Десятки высших сановников при ближайшем рассмотрении оказываются внуками солдат, мещан, мелких чиновников. Тем не менее, списки безоговорочно причисляют многих из них к потомственному дворянству, что верно лишь юридически [см.: Шилов, 1998, с. 123–125; Дубенцов, Куликов, с. 73]. Так, например, внук священника и сын чиновника И. Я. Голубев происходил по формуляру из потомственных дворян Тверской губернии [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 134. Л. 214].

Раздел об имущественном положении существовал в формулярах гражданских чиновников с 1764 г.: в приложенной к указу форме требовались сведения, сколько каждый из них «имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах». В указе 1798 г. было прибавлено в конце: «и как имена селений». В 1827 г. двумя указами,

именным 11 января и сенатским 13 июля, повелено было эту графу послужного списка военных и гражданских чиновников разделить на четыре

...с показанием в оных родового и благоприобретенного недвижимого имения, состоящего как за тем лицом, чей формуляр, так и за родителями его и за женою, буде женат; во все же сии графы вносить не только недвижимое имение с крестьянами, но фабрики, заводы, ненаселенные земли, объясняя количество десятин, и дома с показанием, каменные или деревянные и в каком именно городе находятся [ПСЗ-2, т. 2, № 815, 1240].

В имущественном разделе формулярных списков членов Государственного совета в первой половине XIX в. встречаются также сведения о наличии земельных аренд – например, у И. И. Дибича, Д. И. Шульгина [РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1183. Л. 8 об.; Ф. 1162. Оп. 6. Д. 628. Л. 8 об.]. В таком виде данный раздел просуществовал до 1917 г.

Вопрос о достоверности сведений этого раздела формуляров был поднят еще П. А. Зайончковским, который полагал, что они «правильно отражают наличие недвижимой собственности, но не всегда дают точное представление об имущественном положении данного чиновника». При этом он отмечал, что некоторые понятия формуляров слишком абстрактны: например, дома, стоимость которых различалась во много раз, в тексте списков называются одинаково. Зайончковский также указывал, что в послужной список почти никогда не вносились данные о владении акциями, участии в правлениях частных обществ, банков и т. п. [Зайончковский, с. 10, 11, 13]. О необходимости сопоставления сведений формуляров о владении собственностью с данными других источников писали Б. Б. Дубенцов и С. В. Куликов [Дубенцов, Куликов, с. 72–73].

Анализ послужных списков и личных дел членов Государственного совета позволяет утверждать, что не все сановники были аккуратны в сообщении информации о своем имуществе. В формулярах не всегда показаны точные размеры земельной собственности. Иногда графа об имении пуста или с записью: «Сведений нет». Занесенные в нее данные могли отставать от действительности. Так, у Е. Е. Стаалы в формуляре за 1902 г. показан дом у отца, умершего 40 лет назад [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 507. Л. 45 об.]. В послужном списке Л. П. Софиано за 1896 г. в графе об имуществе жены даны сведения о ревизских душах [Там же. Д. 505. Л. 10 об.]. Другие члены Государственного совета внимательнее относились к информации об имуществе и своевременно извещали Государственную канцелярию о необходимости внести в их документы актуальные изменения. Но, как правило, все эти сообщения касались выбытия недвижимости. «В III-й графе выскоблить дом (коего уже не имею – продал для уплаты долга, сделанного для пользы службы)», – писал П. А. Муханов [Там же. Д. 347. Л. 72]. «Оба эти имения уже более девяти лет как проданы, а капитал разделен между деть-

ми нашими», – сообщала государственному секретарю Ю. А. Иксулю фон Гильденбандту жена С. В. Маркова З. Е. Маркова, прося от имени мужа внести коррективы [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 316. Л. 66–67]. Подобные же ходатайства содержат дела о службе Н. М. Аничкова, Н. П. Мансурова, Г. П. Небольсина и др. [Там же. Д. 14. Л. 65 об.; Д. 313. Л. 150; Д. 354. Л. 115]. Удалось обнаружить лишь один противоположный пример: в 1847 г. А. В. Кочубей просил государственного секретаря Н. И. Бахтина дополнить его формулярный список сведениями о земельном приобретении в Черниговской губернии [Там же. Д. 255. Л. 33].

Информация об имуществе, которую удается найти в других источниках, показывает, что некоторые члены Государственного совета занижали размер своей собственности. Так, в формуляре А. С. Меншикова за 1842 г. в графе о приобретенной им самим недвижимости значатся лишь имение в Московской губернии и дом в Москве, тогда как из находящейся в деле о службе справки можно узнать, что к этому времени им были куплены еще четыре имения и три дома в разных губерниях [Там же. Д. 331. Л. 33 об., 58]. Составленный в том же году послужной список Н. С. Мордвинова вообще не содержит сведений о его владениях [Там же. Д. 337. Л. 74–78], хотя известно, что их было немало. Д. Ливен, специально изучавший персональный состав Государственного совета в царствование Николая II, выявил в формулярах его членов более десятка случаев значительного занижения размеров собственности или ложного отрицания ее наличия [Ливен, с. 508–509].

Сказанное выявляет тенденцию к намеренному утаиванию сведений об имуществе у некоторой части членов Государственного совета. Причина, скорее всего, в том, что данные о наличии собственности влияли на размеры денежного обеспечения, назначавшегося членам совета в виде жалования, пенсий, пособий на лечение, воспитание детей и т. д. Кроме того, сведения об имуществе регулярно запрашивались Министерством государственных имуществ при подготовке всеподданнейших докладов о назначении и продлении ежегодных денежных выплат (так называемых аренд). Поэтому, как представляется, необходим критический подход к данным формуляров членов Государственного совета о земельных и других владениях. Вопрос об экстраполяции сделанных выводов на формулярные списки чиновничества в целом остается открытым до проведения сравнительных исследований по другим группам бюрократии. Отмечу также, что формуляры содержат сведения лишь о наличии недвижимого имущества, но никогда – о его доходности (наличии задолженности, обременений и т. п.), то есть не отвечают прямо на вопрос о состоятельности владельца.

Сведения изученных послужных списков о вероисповедании и полученном образовании сомнений не вызывают. В более ранних не всегда указывалось название учебного заведения, которое окончил служащий. Кроме того, формуляры обычно умалчивают о пребывании в гражданских средних учебных заведениях, если после этого будущий чиновник обучался в высшем.

Сведения основной части формулярного списка (буду условно именовать так графы, содержащие данные о прохождении службы, чинопроизводстве, наградах, военных и морских походах, особых поручениях), как правило, точны, но различаются по полноте. Основная масса неполных формуляров приходится на первую половину XIX в., во вторую половину столетия их информация становится более подробной и разносторонней. Пробелы касаются в основном наград, почетных званий, участия в комитетах и комиссиях, службы по выборам.

Полнота основной части формулярных списков членов Государственного совета зависела и от их личной активности в этом вопросе. Многие из них относились к своим формулярам довольно трепетно. Например, дело о службе С. Д. Шереметева содержит многочисленные отношения из канцелярии Странноприимного дома в Москве (которым на протяжении десятилетий заведовал граф) в Государственную канцелярию с просьбами внести в формулярный список «его сиятельства» очередное почетное звание или награду (те и другие приобретались Шереметевым десятками). Сверх того, сам сановник регулярно извещал Государственную канцелярию, что желал бы получить на просмотр свой формулярный список, который ему и посылался [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 611. Л. 61, 95, 131 и др.]. Внеся необходимые дополнения и поправки, Шереметев возвращал документ обратно. Требования о ревизии собственного формуляра сохранились в делах о службе и других членов совета (например, Х. Х. Роопа, М. А. Таубе) [Там же. Д. 477. Л. 192–193; Д. 533. Л. 50]. Более дотошные (например, П. Ф. Рерберг) иногда прилагали к исправлениям подлинные документы, на основании которых они были сделаны [Там же. Д. 452. Л. 99–99 об.].

Столь же чувствительны к приобретению почетных званий и отличий были С. Ю. Витте и А. С. Ермолов. Как следствие, формулярные списки в делах об их службе в Государственном совете содержат многие десятки подобных фактов [Там же. Д. 86, 194]. Наоборот, отсутствие сведений такого рода могло быть следствием невнимания к ним того или иного сановника. Так, например, министр народного просвещения Д. А. Толстой в 1870-х гг. был избран почетным гражданином как минимум десяти городов, однако не позаботился сообщить об этом чиновникам, отвечавшим за ведение его формуляра. В результате в последний данная информация не попала, но выявляется по другим документам в личном деле о службе [Там же. Д. 543; Ф. 733. Оп. 120. Д. 332].

В соответствии с высочайшим повелением 1842 г. чиновники Государственной канцелярии, отвечавшие за ведение личных дел членов Государственного совета, не имели права наблюдать за достоверностью данных в их формулярных списках. Но они должны были заботиться о точности и правильности их заполнения. Подавляющее большинство членов совета до назначения в последний служили в других ведомствах и потому приносили с собой по-разному редактированные послужные списки.

К их стилю и содержанию Государственная канцелярия относилась строго. Например, формуляр П. Н. Клушина, до назначения в совет служившего начальником Главного управления наместника кавказского, подвергся полной переработке с точки зрения стандартизации пространных и нечетких выражений, допущенных предыдущим составителем [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 1162. Оп. 6. Д. 233. Л. 59–86 (старый формуляр), 89–107 (новый формуляр)]. Иногда вмешательство чиновников Государственной канцелярии касалось и содержания послужных списков – не подлежащие занесению в них сведения вымарывались. Так, в деле о службе А. И. Пантелеева сохранилась собственноручно им составленная справка о совершенных командировках. Чиновник канцелярии отредактировал ее, отсекая на свое усмотрение излишние подробности. В результате большинство представленных Пантелеевым данных не попало в его формуляр [Там же. Д. 400. Л. 108–109 об., 144–167]. В другом случае исключению подверглась информация из послужного списка И. О. Велио, выданного из Министерства юстиции. В нем была указана серебряная медаль «за спасение погибавших», полученная Иваном Осиповичем «за оказанный подвиг самоотвержения при спасении утопавшего в реке Большой Неве члена Государственного совета тайного советника Клушина». Редактор канцелярии процитированный текст зачеркнул [Там же. Д. 77. Л. 74 об.].

Графа о взысканиях пустует во всех известных нам формулярных списках деятелей высшей бюрократии. Документ о службе являлся как бы «лицом» чиновника, которое важно было сохранить во что бы то ни стало. С другой стороны, и правительство в этом отношении не стремилось выносить сор из избы. Многие проступки в списки не вносились [см., например: Кунавин, с. 102], а законодательно установленные формы штрафных записей были таковы, что характер нарушения оставался непонятен. Если судебное дело против чиновника все же возбуждалось, то, как правило, этому предшествовало его увольнение со службы, и данные о провинности в формуляр опять-таки не попадали.

В разделе о семейном положении обычно указывались фамилия, имя и отчество жены, чин или служебное положение ее отца, а с 1905 г. (хотя и не всегда) – даты ее рождения и вступления в брак с владельцем документа. У детей отмечались даты рождения (реже – возраст), учебные заведения, в которых они находятся, у сыновей – служебное положение и чин, у дочерей – замужество и принадлежность ко двору. С 1905 г. в формулярных списках стали указывать вероисповедание детей. Сопоставление с другими источниками приводит к выводу, что информация формуляров о семейном положении обычно верна, за исключением дат рождения детей – здесь встречаются неточности и ошибки, особенно в документах первой половины XIX в., когда эти данные нередко вносились по памяти. Член Государственного совета А. М. Урусов писал в 1849 г. государственному секретарю Н. И. Бахтину:

Из сего списка Вы... усмотреть изволите, что в оном... о времени рождения детей моих не выставлены год, месяц и число, а показано по прежней форме, потому что я сих сведений отыскать у себя еще не мог [РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 861. Л. 20–20 об.].

Можно заключить, что послужные списки являются основным и в значительной мере незаменимым источником биографических сведений как о представителях высшей бюрократии, так и о российском чиновничестве в целом. В то же время информация некоторых разделов формуляров (о рождении, владении собственностью, взысканиях по службе) не всегда надежна. Данные из других граф более достоверны, но нуждаются в дополнении и сопоставлении со сведениями из других источников. Среди последних – личные дела служащих, книги именных указов и высочайших повелений по гражданскому ведомству, печатные списки чиновников и кавалеров орденов, метрические книги и др.

Список литературы

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд. СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1907–1909. Т. 3. 1782 стб. Т. 4. 1621 стб.

Дубенцов Б. Б., Куликов С. В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. : Итоги и перспективы изучения // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков : сб. ст. / отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб. : Алетей, 1999. С. 63–86.

Елпатьевский А. В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII – начала XX в. // Труды ВНИИДАД. М., 1974. Т. 5, ч. 1. С. 146–206.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.

Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний) : ист.-источниковед. очерки. Калуга : Калуж. гос. пед. ин-т, 1994. 231 с.

Иванов В. А. О достоверности сведений формулярных списков служащих местных государственных учреждений Российской империи. Вторая половина XVIII – начало XX в. // Вестник архивиста. 2012. № 4. С. 30–39.

Кандаурова Т. Н. Документы департаментского делопроизводства как информационный ресурс формирования коллективной биографии и социокультурного портрета военной бюрократии XIX в.: послужные списки и наградные материалы // *Wschodni rocznik humanistyczny*. 2020. № 1. S. 93–111. DOI 10.36121/tkandaurowa.17.2020.1.093.

Кунавин К. С. Формулярный список как источник о службе чиновника XIX века: эпизод из биографии Б. П. Мансурова // Румянцевские чтения – 2019 : материалы междунар. науч.-практ. конф. (23–24 апреля 2019) : в 3 ч. М. : Пашков дом, 2019. Ч. 2. С. 99–103.

Ливен Д. Российская гражданская служба при Николае II: вариации на бюрократическую тему // Русский сборник. М. : Модест Колеров, 2018. Т. 26. С. 503–560.

Малкова З. И., Плюхина М. А. Документы высших и центральных учреждений XIX – начала XX в. как источник биографических сведений // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. : сб. ст. / отв. ред. И. Н. Фирсов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 204–228.

ПСЗ-1. Собр. 1. Т. 16, 25, 26.

ПСЗ-2. Собр. 2. Т. 2, 3, 6 (отд-ние 1), 10 (отд-ние 1).

РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062.

РГИА. Ф. 733. Оп. 120. Д. 332; Ф. 1162. Оп. 1 (Отделение дел государственного секретаря). 1841 г. Д. 6; Оп. 6. Д. 14, 77, 86, 134, 194, 198, 233, 255, 263, 294, 313, 316, 331, 336, 337, 343, 347, 354, 400, 452, 454, 477, 505, 507, 519, 533, 543, 611, 628, 859, 861; Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1183; Ф. 1349. Оп. 4. 1835 г. Д. 165. Ч. 1; Ф. 1405. Оп. 44. Д. 1477.

Рукописный отдел Пушкинского Дома. Ф. 320. № 3081.

Савицкий И. В. Генеалогические источники о дворянстве и чиновничестве Европейского Севера России XIX века. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2018. 46 с.

Целорунго Д. Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения : ист.-социол. исслед. М. : Калита, 2002. 367 с.

ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Д. 2411.

Шилов Д. Н. Министры дореволюционной России: историко-социологическое исследование // Клио. 1998. № 3. С. 123–136.

Шилов Д. Н. Основные документы и справочники о гражданских чиновниках в России (конец XVIII – начало XX вв.) : краткий обзор // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 90–95.

Шилов Д. Н. Когда родился Константин Петрович Победоносцев? (Заметки о методике биографического исследования) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 53–63.

References

Dahl, V. I. (1907–1909). *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 Vols.]. 3rd Ed. St Petersburg, Moscow, Tovarishchestvo M. O. Wolff. Vol. 3. 1782 columns. Vol. 4. 1621 columns.

Dubentsov, B. B., Kulikov, S. V. (1999). *Sotsial'naya evolyutsiya vysshei tsarskoi byurokratii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (Itogi i perspektivy izucheniya)* [Social Evolution of the Highest Tsarist Bureaucracy in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Results and Prospects of Study)]. In Tsamutali, A. N. (Ed.). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov. Sbornik statei.* St Petersburg, Aleiia, pp. 63–86.

Elpat'evskii, A. V. (1974). *Dokumentirovanie prokhozheniya gosudarstvennoi sluzhby v Rossii XVIII – nachala XX v.* [Documenting Public Service in Russia of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Trudy Vserossiiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta dokumentovedeniya i arkhivnogo dela.* Vol. 5. Part 1, pp. 146–206.

Ivanov, V. A. (1994). *Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-kh gg. XIX v. v Rossii (po materialam Moskovskoi i Kaluzhskoi gubernii): istoriko-istochnikovedcheskie ocherki* [Provincial Officialdom of the 1850s–1860s in Russia (Based on the Materials of Moscow and Kaluga Provinces): Essays on Historical and Source Studies]. Kaluga, Kaluzhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 231 p.

Ivanov, V. A. (2012). *O dostovernosti svedenii formul'nykh spiskov sluzhashchikh mestnykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii. Vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.* [On the Reliability of the Information in the Form Lists of Employees of Local State Institutions of the Russian Empire. The Second Half of the 18th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik arkhivista.* No. 4, pp. 30–39.

Kandaurova, T. N. (2020). *Dokumenty departamentskogo deloproizvodstva kak informatsionnyi resurs formirovaniya kollektivnoi biografii i sotsiokul'turnogo portreta voennoi byurokratii XIX v.: posluzhnye spiski i nagradnye materialy* [Documents of Departmental Office Work as an Information Resource for the Formation of a Collective Biography and a Socio-Cultural Portrait of the Military Bureaucracy of the 19th Century: Service Records and Award Materials]. In *Wschodni rocznik humanistyczny.* No. 1, pp. 93–111. DOI 10.36121/tkandaurova.17.2020.1.093.

Kunavin, K. S. (2019). *Formul'nyy spisek kak istochnik o sluzhbe chinovnika XIX veka: epizod iz biografii B. P. Mansurova* [The Form List as a Source about the Service of an Official of the 19th Century: An Episode from the Biography of B. P. Mansurov].

In *Rumyantsevskie chteniya – 2019. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (23–24 aprelya 2019) v 3 ch.* Moscow, Pashkov dom. Part 2, pp. 99–103.

Liven, D. (2018). Rossiiskaya grazhdanskaya sluzhba pri Nikolae II: variatsii na byurokraticheskuyu temu [The Russian Civil Service under Nicholas II: Variations on the Bureaucratic Theme]. In *Russkii sbornik*. Moscow, Modest Kolerov. Vol. 26, pp. 503–560.

Malkova, Z. I., Plyukhina, M. A. (1967). Dokumenty vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdenii XIX – nachala XX v. kak istochnik biograficheskikh svedenii [Documents of Higher and Central Institutions of the 19th – Early 20th Centuries as a Source of Biographical Information]. In Firsov, I. N. (Ed.). *Nekotorye voprosy izucheniya istoricheskikh dokumentov XIX – nachala XX v. Sbornik statei*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, pp. 204–228.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection 1. Vol. 16, 25, 26.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection 2. Vol. 2, 3, 6 (Part 1), 10 (Part 1).

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 733. List 120. Dos. 332; Stock 1162. List 1 (Otdelenie del gosudarstvennogo sekretarya). 1841. Dos. 6; List 6. Dos. 14, 77, 86, 134, 194, 198, 233, 255, 263, 294, 313, 316, 331, 336, 337, 343, 347, 354, 400, 452, 454, 477, 505, 507, 519, 533, 543, 611, 628, 859, 861; Stock 1343. List 46. Dos. 1183; Stock 1349. List 4. 1835. Dos. 165. Part 1; Stock 1405. List 44. Dos. 1477.

RGVIA [Russian State Military-Historical Archive]. Stock 489. List 1. Dos. 7062.

Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma [Manuscript Department of the Pushkin House]. Stock 320. No. 3081.

Savitskii, I. V. (2018). *Genealogicheskie istochniki o dvoryanstve i chinovnichestve Evropeiskogo Severa Rossii XIX veka* [Genealogical Sources about the Nobility and Bureaucracy of the European North of Russia of the 19th Century]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 46 p.

Shilov, D. N. (1998). Ministry dorevolutsionnoi Rossii: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie [Ministers of Pre-Revolutionary Russia: A Historical and Sociological Study]. In *Klio*. No. 3, pp. 123–136.

Shilov, D. N. (2011). Osnovnye dokumenty i spravochniki o grazhdanskikh chinovnikakh v Rossii (konets XVIII – nachalo XX vv.): kratkii obzor [Basic Documents and Reference Books about Civil Officials in Russia (Late 18th – Early 20th Centuries): A Brief Overview]. In *Vestnik Chelyabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. No. 1, pp. 90–95.

Shilov, D. N. (2014). *Kogda rodilsya Konstantin Petrovich Pobedonostsev? (Zametki o metodike biograficheskogo issledovaniya)* [When Was Konstantin Petrovich Pobedonostsev Born? (Notes on the Methodology of Biographical Research)]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 2, pp. 53–63.

Tselorungo, D. G. (2002). *Ofitser y russkoi armii – uchastniki Borodinskogo srazheniya: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Officers of the Russian Army, Participants of the Battle of Borodino: A Historical and Sociological Study]. Moscow, Kalita. 367 p.

TsGIA [Central State Historical Archive of St Petersburg]. Stock 355. List 1. Dos. 2411.

Zaionchkovskii, P. A. (1978). *Pravitel'stvennyi apparat samodержavnoi Rossii v XIX v.* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl'. 288 p.

The article was submitted on 29.09.2021

Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля*

Владимир Калиновский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Екатерина Самыловская

¹Санкт-Петербургский горный университет,
²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime**

Vladimir Kalinovsky

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Ekaterina Samylovskaya

¹St Petersburg Mining University,
²St Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

This paper examines the main directions of P. N. Wrangel's national and confessional policy in Crimea in 1920. The study aims to determine the specifics of national and confessional policy implementation during P. N. Wrangel's political regime regarding various population groups. The research methodology relies on the principles of critical analysis of periodicals and private sources, many of which have never been studied previously. More particularly, the authors talk about data from Crimean newspapers published in 1920 (such as *Yuzhnye Vedomosti*, *Tavricheskiy Golos*, *Krymskiy Vestnik*, etc.), which are practically

---

* Исследование выполнено в рамках гранта № 20–78–10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783–1920 гг.)» Российского научного фонда.

** Citation: Kalinovsky, V., Samylovskaya, E. (2022). The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime // *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719.

Цитирование: Kalinovsky V., Samylovskaya E. The National and Confessional Policy of P. N. Wrangel's Regime // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719 / Калиновский В., Самыловская Е. Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1121–1137. DOI 10.15826/qr.2022.3.719.

unknown to researchers, as well as the memoirs of the participants of the events, i. e. officers and residents. Due to the peculiarities of the era, these materials are the foundation for the qualitative development and understanding of the state policy implementation in the ethno-confessional sphere. The fundamental innovation of this work is a comprehensive approach to the issue. The authors try to analyse the actions of the national and ethnic communities of Crimea at the final stage of the Civil War. They emphasise the importance of the national question in the activities of the government in the South of Russia, as well as identify the historical features of the region, which traditionally influenced the ethnic and religious lifestyle, which the new administration could not disregard. The main results of the study are related to the demonstration of the following provisions: in contrast to A. I. Denikin's regime, P. N. Wrangel's regime made fundamental concessions regarding national and confessional groups, paying attention to the Crimean Tatars. At the same time, at the official level, the regime positioned itself primarily as Orthodox, which was emphasised in its leaders' rhetoric and propaganda. Attention is paid to such a little-known story as the emigration of certain ethnic groups from Crimea during P. N. Wrangel's regime.

Keywords: Russian in the 1920s, Crimea, P. N. Wrangel, national policy, confessional policy, Crimean Tatars, Orthodoxy, Islam

Рассмотрены основные направления национальной и конфессиональной политики П. Н. Врангеля в Крыму в 1920 г. Цель исследования – определение специфики реализации национальной и конфессиональной политики в период существования политического режима П. Н. Врангеля по отношению к различным группам населения. Методология исследования базируется на принципах критического анализа публикаций периодической печати и источников личного происхождения, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В частности, речь идет о практически не известных исследователям материалах крымских газет, выходивших в 1920 г. (таких как «Южные ведомости», «Таврический голос», «Крымский вестник» и др.) и мемуарах непосредственных участников событий из числа офицеров и местных обывателей. Названные материалы в силу специфики эпохи являются фундаментом для качественного изучения и понимания реализации государственной политики в этноконфессиональной сфере. Принципиальным новаторством представленной работы является комплексный подход к проблеме. Данная работа представляет попытку анализа действий национальных и этнических общин Крыма на завершающем этапе Гражданской войны. Авторами отмечено значение национального вопроса в деятельности правительства Юга России, а также определены исторически сложившиеся особенности региона, которые традиционно влияли на уклад жизни этнических и религиозных общин и с которыми приходилось считаться новой администрации. Основные результаты исследования связаны с демонстрацией следующих положений: режим П. Н. Врангеля, в отличие от режима А. И. Деникина, шел на принципиальные уступки в отношении к национальным и конфессиональным группам,

уделяя особое внимание крымским татарам. В то же время на официальном уровне режим позиционировал себя в первую очередь как православный, что подчеркивалось в риторике его лидеров и пропаганде. Уделено внимание такому малоизвестному сюжету, как эмиграция отдельных этнических групп из Крыма в период существования режима П. Н. Врангеля.

Ключевые слова: Россия в 1920-е гг., Крым, П. Н. Врангель, национальная политика, конфессиональная политика, крымские татары, православие, ислам

Изучение вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в России является одним из ведущих направлений в современных отечественных гуманитарных исследованиях. Особое внимание ученых, занимающихся данной проблематикой, обращено на переломные моменты российской истории, когда все противоречия общественной жизни становятся гораздо более выразительными. Именно по этой причине большое количество исследований посвящено межнациональным и межконфессиональным отношениям в период Гражданской войны. Среди них стоит выделить работы, анализирующие события «Русской смуты» на территории Крымского полуострова. Именно этому региону с его богатой этнической и религиозной палитрой было суждено сыграть особую роль в годы братоубийственного противостояния [Калиновский, Пученков; Пученков]. Однако даже на этом насыщенном фоне выделяется деятельность П. Н. Врангеля. Несмотря на кажущуюся изученность темы, за столетие, минувшее после окончания врангелевской эпопеи, так и не появилось комплексного исследования, в котором были бы проанализированы основные направления политики барона в национальной сфере. Существующие работы преимущественно посвящены отношению режима П. Н. Врангеля к крымским татарам [Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.; Исхаков, с. 185–214], а отдельные из них отличаются идеологической ангажированностью [Бунегин] и этнической предвзятостью [Возгрин]. Предлагаемое исследование – это попытка очертить круг проблем и вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений, которые возникали и решались в Крыму в период господства режима П. Н. Врангеля. Важно отметить, что взаимодействие барона с православным духовенством подробно освещено в соответствующей главе первого комплексного научного издания, посвященного региональной конфессиональной истории в «эпоху великих потрясений» [Пученков, Калиновский]. По этой причине в настоящем исследовании деятельность православных священнослужителей и иерархов анализируется исключительно в контексте ее влияния на межнациональную обстановку в регионе.

Значение национального вопроса, безусловно, осознавалось лидером белого движения. В беседе с корреспондентом газеты «Вечернее время», которая тиражировалась в крымских изданиях в качестве по-

литической программы барона, декларировалось: «Местные и национальные нужды населения, в частности – татарского, принимаются во внимание самым тщательным образом». В том же материале в качестве причин неудач антибольшевистских сил называлось следующее обстоятельство:

Вместо того чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммунизмом и проводить одну политику «русскую» – вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая» – какая-то странная политика, руководители которой видели во всем том, что не носило на себе печати «добровольцев», врагов России [Программа ген. Врангеля].

Однако на деле П. Н. Врангель, решая накопившиеся вопросы в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, не мог полностью отказаться от «добровольческой» политики. В частности, продолжило действовать организованное при А. И. Деникине «Магометанское духовное управление», которое наследовало существовавшей в имперский период структуре. В тяжелейших военно-политических и экономических условиях П. Н. Врангель не мог пойти на радикальные реформы в решении национальных вопросов, а идти на поводу у отдельных групп было не в характере правителя Юга России. Вместе с тем он прекрасно понимал, что грамотная реализация национальной и конфессиональной политики позволит обеспечить лояльность местного населения и укрепить положение режима. При этом стоит отметить, что первые действия ближайшего окружения барона вовсе не способствовали этому.

Приход к власти П. Н. Врангеля для Симферополя ознаменовался рядом громких арестов и политических процессов, которые имели явный национальный оттенок. Уже в начале апреля 1920 г. в Симферополе прошла волна арестов среди крымскотатарского населения города. Поскольку было очевидно, что эти события могут бросить тень на весь крымскотатарский народ и привести к репрессиям против него, к курировавшему процесс генерал-лейтенанту А. П. Кутепову отправилась делегация во главе с председателем уездной земской управы М. Кипчакским и одним из лидеров Курултая и ликвидированной к тому моменту национальной директории С.-Д. Хаттатовым. Люди разных политических взглядов, но одного этнического происхождения попытались довести до представителя нового режима мысль, что крымскотатарское общество настроено против большевиков и не может быть ответственным за действия нескольких представителей молодежи. В ответ на это А. П. Кутепов заверил делегатов, что власть «будет карать лишь преступников, не перенося вины на целую национальность» [Аресты среди татар].

В конце апреля 1920 г. начались процессы над двумя большевистскими организациями – «Союзом коммунистической молодежи»

и «Мусульманским бюро при Крымском областном комитете Российской коммунистической партии (большевиков)» (фигурировало также под названием «Мусульманское коммунистическое бюро»). Крымские газеты того времени публиковали списки обвиняемых, что неизбежно провоцировало среди читателей как антитаратарские, так и антисемитские настроения.

Для решения крымскотатарских национальных проблем на май 1920 г. было запланировано проведение в Симферополе Всекрымского мусульманского съезда (также фигурировал в источниках как «Всекрымский съезд крымских татар», «съезд представителей татарского населения Крыма» и «татарский съезд»). Уже в анонсировавших съезд публикациях указывалось, что на нем будут обсуждаться вопросы хозяйственных, культурно-просветительских и духовных нужд крымскотатарского народа. Обсуждение политических вопросов не предусматривалось, что шло вразрез с интересами многих представителей общины [Татарский съезд, 29 апр.; Мусульманский съезд]. Это подтверждает выявленное нами интервью одного из наиболее влиятельных и авторитетных деятелей крымскотатарского национального движения, участника Курултая С.-Д. Хаттатова (в тексте публикации назван Хасатовым). Национальный лидер отмечал, что о созыве мусульманского съезда общественные круги крымских татар узнали из газет, а официальных сообщений по этому поводу они не получали. Признавая, что съезд станет «крупным шагом вперед в деле сближения власти с татарской общественностью» и «поворотом в татарской национальной жизни», С.-Д. Хаттатов подчеркивал, что проведение мероприятия запоздало. Недостатками съезда он считал то, что его председателем будет начальник Гражданского управления, а не избранное лицо, а также ограниченность программы съезда и невозможность ее расширения [К татарскому съезду].

Съезд начал свою работу 16 мая 1920 г. в Симферополе в губернаторском доме в закрытом режиме. Из 44 избранных делегатов на съезд приехали всего 20. Многие из них не явились по уважительным причинам. Так, феодосийская делегация не приехала из-за банды грабителей, действовавшей на дороге из Феодосии в Симферополь. В качестве гостей съезда присутствовали крымский муфтий С. Кипчакский и председатель Вакуфной комиссии М. Таганайский. Понимая значение мероприятия для проведения внутренней политики, съезд открыл лично П. Н. Врангель. В приветственном слове он отметил, что крымскотатарское население «неизменно и в настоящую тяжелую годину боролось за честь и славу матери-России». Барон не сомневался, что в борьбе «за освобождение России от ига красной нечисти» крымские татары «окажутся на высоте положения». Было решено посвятить 17 мая частным совещаниям делегатов, а 18 мая вернуться к программе съезда [Ген. Врангель на татарском съезде; Татарский съезд, 17 (30) мая].

Во время проведения частных совещаний часть делегатов начала выдвигать резкие радикальные требования, но они не нашли поддержки у большинства. Поскольку к заседанию 18 мая не было подготовлено докладов по повестке дня, вместо этого были организованы три комиссии в составе пяти человек: духовно-религиозная комиссия под председательством мударриса (мусульманского учителя) С. М. Веджи Эфенди, культурно-просветительная комиссия под председательством М. Кипчакского, комиссия по самообложению и управлению вакуфными капиталами под председательством С. Карашайского [Татарский съезд, 20 мая (2 июня)].

22 мая 1920 г. состоялось заключительное заседание съезда, которое провел начальник Гражданского управления Д. П. Перлик. Он сразу же заявил делегатам:

Тех указаний, которые желало и надеялось получить от вас правительство, вами не было дано. Вы представили записку, которая была составлена мусульманскими юристами в 1917 году и по своему содержанию выходит за пределы компетенции съезда [К.].

Видимо, имела место попытка сторонников Курултая провести решения, принятые на пике борьбы за самоопределение крымских татар (то есть, как минимум, возобновить деятельность национальных органов власти в Крыму), но в изменившихся условиях 1920 г. Д. П. Перлик отметил, что П. Н. Врангель «ничего не имеет против того, чтобы национальные чаяния татар были проведены в жизнь» [Там же]. В связи с этим главнокомандующий предложил делегатам избрать 5–6 человек, «хотя бы не из состава нынешнего съезда», которые совместно с представителями администрации барона решили бы насущные вопросы жизни крымских татар. По мнению Д. П. Перлика, «таким образом будет соблюдена та искренность между правительством и мусульманским населением, которая послужит залогом прочности их взаимных отношений» [Там же]. После этого чиновник покинул съезд, передав управление К. И. Карпову.

После возобновления заседания председателю был представлен список лиц, избранных в состав комиссии при начальнике Гражданского управления. В ее состав вошли М. Кипчакский, А. С. Айвазов, О. Акчокраклы, С.-Д. Хаттатов и имам севастопольской мечети Ю. Рахимов (уроженец Симбирской губернии). В качестве кандидатов в члены комиссии предлагались И. Леманов, М. Полторжницкий (литовский татарин) и С. М. Веджи Эфенди. Такое голосование можно назвать триумфом сторонников Курултая – минимум четверо из названных лиц принимали участие в его работе. Очевидно, что такой исход съезда оказался неприятной неожиданностью для администрации П. Н. Врангеля, поскольку делал неизбежными появление политической повестки в решении крымскотатарского вопроса [К.; Татарский съезд, 24 мая].

Очевидно, что итогами съезда не были довольны ни крымские татары, ни администрация П. Н. Врангеля. Врангелевская контрразведка начала преследования ряда делегатов, на некоторое время задерживала вошедшего в состав комиссии при начальнике Гражданского управления С.-Д. Хаттатова [Последняя рукопись Сабри Айвазова, с. 184]. Вскоре после съезда по распоряжению правительства была создана специальная комиссия для ревизии дел Мусульманского исполнительного комитета и крымскотатарской национальной директории. Как сообщали крымские газеты, в ходе проверок были обнаружены факты отношений директории с Турцией и отсутствие документов по некоторым расходам [Ревизия татарской директории, 5 (18) июля; Ревизия татарской директории, 5 июля].

Серьезных изменений удалось добиться в сфере национального образования крымских татар. В конце июня 1920 г. по инициативе земства открылись курсы для учителей татарских школ Симферопольского уезда, которые проводились на крымскотатарском языке [Татарские учительские курсы]. Отдел народного просвещения выработал ряд законопроектов, направленных на развитие сети обучения на национальном языке. Было предложено в местностях, где преобладало крымскотатарское население, вести обучение на родном для детей языке. При этом делался ряд оговорок: обучение русскому языку начиналось со второго года, а для лучшего его усвоения четырехлетний курс начальной школы увеличивался на год [Татарский язык в начальных школах; Преподавание на татарском языке]. В сравнении с предшествующей эпохой такое решение было огромным шагом вперед.

Другим важным проектом стало решение о легализации ряда крымскотатарских учебных заведений, которые возникли явочным порядком в 1917 г. В эти учебные заведения, где преподавание велось на крымскотатарском языке, было разрешено допустить лиц, не имевших установленного образовательного ценза, при условии наличия у них российского подданства и знания русского языка. При этом преподавание русского языка, истории и географии в этих образовательных центрах должно было вестись на русском языке и только лицами, имевшими соответствующий образовательный ценз [Реформа татарской школы].

Вновь к обсуждению вопросов о возможной автономии крымских татар вернулись только в конце августа 1920 г. По распоряжению начальника Гражданского управления для разработки законопроекта была создана специальная комиссия под председательством чиновника для особых поручений Палладина. В состав комиссии вошли пять участников майского Всекрымского мусульманского съезда, представители ведомств юстиции и народного образования и некоторые другие лица. По итогам обсуждения был подготовлен документ, который предоставлял крымским татарам права самоуправления в отдельных сферах деятельности. Группа участников работы комиссии (по всей

видимости, близкие к Курултаю лица) выступила с заявлением, что «законопроект не удовлетворяет всех стремлений татарского народа, но все же они принимают его, ибо он все-таки дает некоторые права татарскому народу» [Татарская автономия, 1 (14) сент.]. Они протестовали против системы выборов в распорядительные органы, требуя их всеобщего и равного для всех характера. По настоянию инициативной группы в законопроект был внесен пункт, ограничивающий действие избирательного закона сроком в один год, после чего распорядительный крымскотатарский орган сам бы разработал новый избирательный закон [Там же; Татарская автономия, 3 (16) сент.]. По всей видимости, со стороны бывшего муфтия С. Кипчакского и группы представителей старой элиты была осуществлена попытка внести в законопроект пункт о том, что муфтий должен быть главой национального самоуправления *ex officio*, то есть в силу занимаемой должности, что вызвало протесты со стороны участников майского съезда [О татарской автономии]. В итоге в известной нам версии законопроекта именно высшему духовному лицу передавалось руководство национальными органами власти (при этом должность муфтия становилась выборной).

Ставший результатом названных дискуссий проект временного положения о самоуправлении крымских татар в области духовно-религиозной, культурно-просветительной и по заведыванию вакуфами датирован 8 октября 1920 г. В нем формулировались основные принципы существования крымскотатарской автономии. В этом документе, в частности, отмечалось, что для осуществления права национального самоуправления в Симферополе учреждался Совет по делам крымских татар, при котором в качестве исполнительного органа основывалось Управление делами крымских татар. Среди основных задач, стоящих перед советом, было избрание таврического муфтия, членов Управления делами крымских татар и ревизионной комиссии, уездных кадиев и членов попечительского совета при медресе. Таврический муфтий одновременно провозглашался и духовным главой мусульман, проживавших в Таврической губернии, и председателем Управления делами крымских татар.

Во временном положении отдельно прописывались полномочия таврического губернатора по отношению к органам национального самоуправления [Исхаков, с. 203–213]. Таким образом, предложенный проект во многом воспроизводил модель деятельности Курултая и директории (только с изъятием важнейшей политической составляющей и не как полностью автономных и главенствующих структур, а как части другой политической системы). Но введение в действие даже такого во многом половинчатого временного положения постоянно переносилось, и виной тому стала не столько бюрократическая волокита, сколько резкое ухудшение ситуации на фронтах, которое в конечном итоге и привело к краху правительства Юга России. Некоторая двойственность политики П. Н. Врангеля приводила

к тому, что отдельные представители крымских татар начинали симпатизировать большевикам.

Еще одним важным национальным вопросом, который в военнополитических условиях того времени имел для Крыма и внешнее, и внутреннее значение, был украинский. Безусловно, во взглядах на него П. Н. Врангель был гораздо менее радикален, нежели А. И. Деникин, что объяснялось тем, что барон не считал догмой лозунг о «единой и неделимой», а шел на компромиссы, считая их необходимым инструментом политической борьбы с большевизмом. В его понимании готовность идти на определенные послабления подразумевала появление новых сторонников и союзников из числа национальных групп (такая стратегия в конечном итоге не вполне оправдала себя). Поэтому во время его пребывания у власти на полуострове функционировали различные национальные организации, включая так называемые «рады» (то есть украинские советы) и кооперативы, а в Севастополе на средства общины содержалась украинская гимназия имени Т. Г. Шевченко [Украинский кооператив; Среди украинцев]. Однако очевидная активизация украинского вопроса в политической повестке Крыма приходится на осень 1920 г., что, по всей вероятности, следует связывать с положением на фронтах и готовностью идти на компромиссы с антибольшевистскими национальными силами.

При этом для П. Н. Врангеля была неприемлемой идея украинской «самостийности», полной государственной независимости. Правитель Юга России был готов видеть Украину частью будущего федеративного российского государства. Поэтому в сентябре 1920 г. в Севастополе барон и его окружение провели переговоры с так называемыми «федералистами» – членами существовавшего в Париже Украинского национального комитета во главе с С. К. Моркотуном, которые так и не имели практических последствий [Делегация украинцев-федералистов; Генерал Врангель и украинская делегация].

Особое место в национальной политике П. Н. Врангеля занимал еврейский вопрос. В одном из программных интервью, которое было растиражировано рядом крымских газет, П. Н. Врангель так высказался по этому поводу:

В народных массах замечается обострение ненависти к евреям. Противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это только часть еврейского населения. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться. Еврейский вопрос – вопрос тысячелетний, больной, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления [Беседа с главнокомандующим].

Слова П. Н. Врангеля в данном случае не расходились с делом. Показательно, что, по мнению авторитетного исследователя Гражданской войны в Крыму В. Г. Зарубина, за время функционирования на полуострове антибольшевистского режима во главе с бароном здесь не было зарегистрировано ни одного еврейского погрома [Зарубин, с. 77]. За статьи погромного характера была закрыта газета «Русская правда» [[О закрытии газеты «Русская правда»]; Приказ Главнокомандующего В. С. Ю. Р.].

С момента зарождения сионистского движения в России Крым был одним из главных центров борьбы за переселение евреев в Палестину и создание там национального государства. В период нестабильности и лишений Гражданской войны это движение получило на полуострове дополнительный импульс к развитию. При этом режим П. Н. Врангеля не препятствовал деятельности сионистских организаций. При местном палестинском бюро издавалась газета «Вестник еврейской жизни» [«Вестник еврейской жизни»]. В апреле 1920 г. при Таврической сионистской организации был создан переселенческий фонд имени И. В. Трумпельдора. Название этого фонда было избрано не случайно – погибший незадолго до этого в Палестине лидер и идеолог сионистского движения в 1919 г. проживал в Симферополе. Фонд планировал готовить еврейскую молодежь к эмиграции и создать материальные возможности для обеспечения 100–150 «молодых, идейных и трудоспособных пионеров». Летом 1920 г. несколько групп евреев из Севастополя через Константинополь отправились в Палестину [Отъезд в Палестину].

Вне сферы интересов исследователей остается вопрос об отношении режима П. Н. Врангеля к представителям тех национальных общин Крыма, чьим народам удалось на руинах Российской империи создать свои независимые государства. Очевидно, что политика барона в этой сфере напрямую зависела от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь стоит назвать дипломатические и военные реалии 1920 г., антибольшевистскую направленность молодых государственных образований и отношение к ним со стороны Антанты. Значительная часть представителей указанных национальных общин не связывали свою будущую жизнь с Крымом, а стремились покинуть полуостров и добраться до исторической родины. Правительство Юга России не препятствовало им в этом намерении. Более того, согласно распоряжению главнокомандующего, именно немедленный выезд на родину становился условием освобождения от мобилизации для военнообязанных и увольнения из армии для военнослужащих [К сведению литовцев].

В период существования в Крыму политического режима П. Н. Врангеля на полуострове действовала польская военная миссия, было открыто консульство в Севастополе, в Симферополе для общины были созданы Польский дом и римско-католическое благотворительное общество [Польское благотв. о-во]. Основными за-

дачами, которые стояли перед польскими организациями, были регистрация поляков (что освобождало их от мобилизационных мероприятий) и организация их выезда на историческую родину [Регистрация поляков]. Так, летом 1920 г. из Севастополя в румынский порт Галац было эвакуировано около 600 поляков, которые, как планировалось, из порта прибытия на специально присланном польском поезде должны были проследовать в Варшаву [Эвакуация поляков]. Регистрация польских граждан велась в нескольких городах Крыма (Симферополе, Севастополе, Ялте, Феодосии и Керчи), а также в материковых уездах Таврической губернии (в Мелитополе) [Регистрация польских граждан].

Делегация Симферопольского литовского комитета в конце мая 1920 г. в Севастополе проводила встречи с помощником П. Н. Врангеля генералом П. Н. Шатиловым и представителями британской военной миссии. Тематами обсуждения были вопросы возвращения литовцев из Крыма на родину и организации на полуострове официального представительства Литвы. Оба вопроса нашли поддержку у власти. Для отъезда в Литву было обещано предоставить транспорт, а создание дипломатической миссии откладывалось до проведения общекрымского съезда литовских граждан [Делегация литовцев]. Последний был запланирован на 31 мая 1920 г. [О съезде литовских граждан]. Уже через месяц, 2 июля 1920 г., группа литовцев примерно в 200 чел. на пароходе отправилась в Варну, откуда должна была добраться до родины [Отъезд литовцев на родину]. Однако к сентябрю 1920 г. военное командование перестало признавать за литовскими гражданами право на освобождение от мобилизации, в связи с чем представителю Крымского литовского комитета пришлось покинуть полуостров для представления доклада на эту тему правительству Литвы [К положению литовских граждан].

В схожем ключе развивалась ситуация с выездом из Крыма граждан Латвии. Основным его организатором был уполномоченный военной миссии Латвии М. А. Стенгревиц, который также занимался выдачей национальных паспортов [К отъезду граждан Латвии]. Прием желающих уехать на родину был организован в Симферополе, Севастополе и Ялте. Латвийской миссии удалось добиться от П. Н. Врангеля продления сроков выезда из Крыма для своих соплеменников, а также ходатайствовать перед бароном об увольнении из рядов Русской армии тех латышей, которые желали вернуться на родину [К сведению латышей]. Темой отдельного обсуждения стала судьба перешедшего на сторону П. Н. Врангеля латышского полка, до этого сражавшегося в рядах Красной армии. Вопрос о выезде из Крыма бывших красноармейцев согласовывался и на уровне главнокомандующего Русской армией, и на уровне правительства Латвии [Латыши-красноармейцы].

В целом стоит отметить, что возвращение граждан Латвии из Крыма на родину стало результатом активной дипломатической работы. В частности, английский и французский консулы обещали хода-

тайствовать перед правительством Болгарии о беспрепятственном транзитном проезде возвращавшихся граждан Латвии через территорию этой страны. С аналогичными просьбами представительство Латвии в Крыму обращалось к правительствам Румынии, Болгарии, Германии, Польши, Югославии, Чехословакии и Турции [Вниманию граждан Латвии]. Видимо, имели место и обращения к властям других государств, которые поддерживали подобные ходатайства. Так, известно, что в июне 1920 г. эшелон беженцев (латышей, литовцев, эстонцев и поляков) морем был отправлен из Крыма, а после проследовал через несколько европейских стран, включая Австрию и Германию, где из Штеттина пароходом добрался до Латвии [Отправка в Латвию].

О том, насколько важной была поддержка белого движения для Республики Армения, свидетельствует пребывание в Крыму одного из самых известных армянских политиков начала XX в., депутата первой, второй и третьей Государственной думы Ованеса Акоповича (Ивана Яковлевича) Сагателяна [[Объявление], 4 (17) апр.]. Он еще с января 1919 г. выполнял дипломатические функции при главном командовании Добровольческой армии, защищая интересы своих соплеменников, в том числе беженцев и военнопленных [Петросян, с. 413]. В Крыму О. А. Сагателяну пришлось решать и другие проблемы, в частности гасить противоречия внутри местной армянской диаспоры. Так, в апреле 1920 г. на страницы прессы выплеснулся конфликт между Симферопольской армянской общинной управой и Симферопольским армянским обществом. Организации обвинялись в интригах, доносах, спекуляциях и оскорблении достоинства Армянской Республики [Открытое письмо Симферопольскому Армянскому Обществу; Письма в редакцию].

Критика со стороны соплеменников не останавливала деятельности общинной управы: как и прежде, она занималась вопросами национального образования, в частности, ею были организованы два класса крымской армянской гимназии [[Объявление], 6 (19) авг.]. Однако тяготы жизни вносили свои неизбежные коррективы: собираемые управой общинные налоги пришлось заменить добровольными ежемесячными взносами на общинно-национальные нужды [Армянская жизнь]. Среди других заметных событий в жизни армянской общины в Крыму в этот период стоит отметить создание Крымского армянского общества физического развития, организаторы которого планировали не только пропагандировать занятия спортом и устраивать соответствующие мероприятия, но и предполагали открытие вечерних курсов грамотности. Общество получило название «Гайл Ваан» в честь средневекового армянского князя, который был известен своей физической силой и ловкостью [Общество физического развития].

* * *

Как и другие антибольшевистские режимы периода Гражданской войны, режим П. Н. Врангеля методом проб и ошибок попытался сформировать основы собственной национальной и конфессиональной политики, которые в силу ряда причин не успели оформиться в некую целостную концепцию. Эти направления внутренней политики скорее стоит расценивать как совокупность ситуативных мер адаптации к объективным обстоятельствам, связанным с общими процессами в регионах России. Этим можно объяснить ряд послаблений в политике барона – в частности, в украинском вопросе и в отношениях с гражданами стран, возникших на руинах Российской империи. С другой стороны, правительство Юга России не могло не учитывать непосредственно крымской специфики и не выстраивать отношения с крымскотатарской общиной полуострова.

Таким образом, национальная и конфессиональная политика П. Н. Врангеля имела свою специфику, отличавшую ее и от имперского периода, и от всех действовавших в Крыму в годы Гражданской войны политических режимов. С каждой этнической общиной барон пытался выстроить отношения таким путем, который позволил бы обеспечить лояльность, столь необходимую в условиях продолжавшегося конфликта с советской Россией и попыток установить дипломатические отношения с соседними государствами. Наиболее важными в тот момент считались крымскотатарский, украинский и еврейский вопросы, каждый из которых решался по-своему. Однако многие необходимые начинания в сфере национальной и конфессиональной политики так и остались декларациями, другие мероприятия отличались несвоевременным или непоследовательным характером. Зачастую П. Н. Врангелю приходилось решать накопившиеся проблемы раздачей обещаний, которым так и не суждено было стать реальностью. Вместе с тем грамотная национальная и конфессиональная политика барона позволила обеспечить спокойствие в тылу и продлить существование последнего антибольшевистского режима в Европейской части России. Этот феномен требует осмысления и дополнительного изучения, которое возможно только за счет привлечения новых и до настоящего времени не изученных источников – мемуаров участников событий, документации правительства Юга России и газетной периодики 1920 г.

Список литературы

- Аресты среди татар // Крымский вестник. 1920. № 74 (9765). 7 (20) апр.
Армянская жизнь // Южные ведомости. 1920. № 132. 19 июня.
Беседа с главнокомандующим // Южные ведомости. 1920. Экстренный выпуск. 6 июля.
Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь : Крымгосиздат, 1927. 336 с.

- «Вестник еврейской жизни» // Южные ведомости. 1920. № 74. 9 апр.
 Вниманию граждан Латвии // Крымский вестник. 1920. № 167 (9858). 30 июля (12 авг.).
- Возгрин В. Е.* История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма : в 4 т. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь : Къартбаба продакшн, 2014. Т. 3. С. 90–102.
- Ген. Врангель на татарском съезде // Крымский вестник. 1920. № 105 (9796). 17 (30) мая.
- Генерал Врангель и украинская делегация // Южные ведомости. 1920. № 203. 17 (30) сент.
- Делегация литовцев // Южные ведомости. 1920. № 107. 21 мая.
- Делегация украинцев-федералистов // Таврический голос. 1920. № 316 (466). 3 (16) сент.
- Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей : Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь : АнтикВА, 2008. 727 с.
- Зарубин В. Г.* Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. – 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. 2003. № 1. С. 53–83.
- Исхаков С. М.* Мусульманская политика П. Н. Врангеля // Крым. Врангель. 1920 год. М. : Соц.-полит. мысль, 2006. С. 185–214.
- К отъезду граждан Латвии // Южные ведомости. 1920. № 125. 11 июня.
- К положению литовских граждан // Таврический голос. 1920. № 319 (469). 6 (19) сент.
- К сведению латышей // Южные ведомости. 1920. № 136. 24 июня.
- К сведению литовцев // Южные ведомости. 1920. № 94. 3 мая.
- К татарскому съезду : (По телефону от нашего симферопольского корреспондента) // Крымский вестник. 1920. № 96 (9787). 6 (19) мая.
- К Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 234 (384). 24 мая (6 июня).
- Калиновский В. В., Пученков А. С.* Этноконфессиональный фактор в деятельности Крымского краевого правительства М. А. Сулькевича (июнь – ноябрь 1918 г.) // Вопросы истории. 2020. № 11–1. С. 18–28. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi16.
- Латыши-красноармейцы // Южные ведомости. 1920. № 191. 1 (14) сент.
- Мусульманский съезд // Таврический голос. 1920. № 214 (364). 29 апр. (12 мая).
- [О закрытии газеты «Русская правда»] // Крымский вестник. 1920. № 143 (9834). 2 (15) июля.
- [О съезде литовских граждан] // Южные ведомости. 1920. № 115. 30 мая.
- О татарской автономии // Южные ведомости. 1920. № 192. 2 (15) сент.
- Общество физического развития // Южные ведомости. 1920. № 134. 21 июня.
- [Объявление] // Крымский вестник. 1920. № 72 (9763). 4 (17) апр.
- [Объявление] // Южные ведомости. 1920. № 172. 6 (19) авг.
- Открытое письмо Симферопольскому Армянскому Обществу // Таврический голос. 1920. № 208 (358). 22 апр. (5 мая).
- Отправка в Латвию // Таврический голос. 1920. № 316 (466). 3 (16) сент.
- Отъезд в Палестину // Южные ведомости. 1920. № 132. 19 июня.
- Отъезд литовцев на родину // Крымский вестник. 1920. № 145 (9838). 4 (17) июля.
- Петросян Г. А.* Отношения Республики Армения с Россией (1918–1920 гг.). Ереван : Изд-во ЕГУ, 2012. 424 с.
- Письма в редакцию // Таврический голос. 1920. № 219 (369). 5 (18) мая.
- Польское благотв. о-во // Крымский вестник. 1920. № 145 (9838). 4 (17) июля.
- Последняя рукопись Сабри Айвазова. Дело партии «Милли Фирка» : [Документы свидетельствуют] / под общ. ред. В. В. Пшеничного и др. ; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. Симферополь : Доля, 2009. Т. 1. 350 с.
- Преподвание на татарском языке // Южные ведомости. 1920. № 197. 8 (21) сент.
- Приказ Главнокомандующего В. С. Ю. Р. // Южные ведомости. 1920. № 144. 4 июля.

- Программа ген. Врангеля // Южные ведомости. 1920. № 77. 12 апр.
Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920). 2-е изд., испр. и доп. М. : НПК, 2016. 399 с.
Пученков А. С., Калиновский В. В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914–1920 годах / науч. ред. Н. Н. Смирнов. СПб. : Владимир Даль, 2020. 407 с.
Ревизия татарской директории // Южные ведомости. 1920. № 145. 5 июля.
Ревизия татарской директории // Крымский вестник. 1920. № 146 (9837). 5 (18) июля.
Регистрация польских граждан : (Официальное сообщение польской военной миссии и консульства) // Крымский вестник. 1920. № 204 (9895). 16 (29) сент.
Регистрация поляков // Таврический голос. 1920. № 324 (474). 13 (26) сент.
Реформа татарской школы // Крымский вестник. 1920. № 231 (9922). 18 (31) окт.
Среди украинцев // Крымский вестник. 1920. № 228 (9919). 15 (28) окт.
Татарская автономия // Крымский вестник. 1920. № 194 (9885). 3 (16) сент.
Татарская автономия // Таврический голос. 1920. № 314 (464). 1 (14) сент.
Татарские учительские курсы // Южные ведомости. 1920. № 138. 26 июня.
Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 229 (379). 17 (30) мая.
Татарский съезд // Таврический голос. 1920. № 230 (380). 20 мая (2 июня).
Татарский съезд // Южные ведомости. 1920. № 90. 29 апр.
Татарский съезд // Южные ведомости. 1920. № 110. 24 мая.
Татарский язык в начальн. школах // Таврический голос. 1920. № 320 (470). 8 (21) сент.
Украинский кооператив // Крымский вестник. 1920. № 72 (9763). 4 (17) апр.
Эвакуация поляков // Крымский вестник. 1920. № 88 (9779). 26 апр. (9 мая).

References

- Aresty sredi tatar [Arrests among the Tatars]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 74 (9765). Apr. 7 (20).
Armyanskaya zhizn' [Armenian Life]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 132. June 19.
Beseda s glavnokomanduyushchim [Conversation with the Commander-in-Chief]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. Special Iss. July 6.
Bunegin, M. F. (1927). *Revolutsiya i grazhdanskaya voyna v Krymu (1917–1920 gg.)* [Revolution and Civil War in Crimea (1917–1920)]. Simferopol, Krymgosizdat. 336 p.
Delegatsiya litovtsev [Lithuanian Delegation]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 107. May 21.
Delegatsiya ukrainsev-federalistov [Delegation of Ukrainian Federalists]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 316 (466). Sept. 3 (16).
Evakuatsiya polyakov [Evacuation of Poles]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 88 (9779). Apr. 26 (May 9).
Gen. Vrangel' na tatarskom s"ezde [General Wrangel at the Tatar Congress]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 105 (9796). May 17 (30).
General Vrangel' i ukrainskaya delegatsiya [General Wrangel and the Ukrainian Delegation]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 203. Sept. 17 (30).
Iskhakov, S. M. (2006) *Musul'manskaya politika P. N. Vrangelya* [The Muslim Policy of P. N. Wrangel]. In *Krym. Vrangel'. 1920 god*. Moscow, Sotsial'no-politicheskaya Mysl', pp. 185–214.
K ot"ezdu grazhdan Latvii [On the Departure of Latvian Citizens]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 125. June 11.
K polozheniyu litovskikh grazhdan [On the Situation of Lithuanian Citizens]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 319 (469). Sept. 6 (19).
K svedeniyu latshei [For the Information of Latvians]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 136. June 24.
K svedeniyu litovtsev [For the Information of Lithuanians]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 94. May 3.

K tatarskomu s"ezdu. (Po telefonu ot nashego simferopol'skogo korrespondenta) [On the Tatar Congress. (Our Simferopol Correspondent on the Phone)]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 96 (9787). May 6 (19).

K. (1920). Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. In *Tavrisheskii golos*. No. 234 (384). May 24 (June 6).

Kalinovskii, V. V., Puchenkov, A. S. (2020). Etnokonfessional'nyi faktor v deyatel'nosti Krymskogo kraevogo pravitel'stva M. A. Sul'kevicha (iyun' – noyabr' 1918 g.) [Ethno-Confessional Factor in the Activities of the M. A. Sulkevich Crimean Regional Government (June – November 1918)]. In *Voprosy istorii*. No. 11–1, pp. 18–28. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi16.

Latyshy-krasnoarmeitsy [Latvians as Red Army Soldiers]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 191. Sept. 1 (14).

Musul'manskii s"ezd [Muslim Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 214 (364). Apr. 29 (May 12).

O s"ezde litovskikh grazhdan [On the Congress of Lithuanian Citizens]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 115. May 30.

O tatarskoi avtonomii [On Tatar Autonomy]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 192. Sept. 2 (15).

O zakrytii gazety "Russkaya Pravda" [On the Closure of the *Russkaya Pravda* Newspaper]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 143 (9834). July 2 (15).

Ob'yavlenie [Announcement]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 72 (9763). Apr. 4 (17).

Ob'yavlenie [Announcement]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 172. Aug. 6 (19).

Obshchestvo fizicheskogo razvitiya [Society for Physical Development]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 134. June 21.

Ot'ezd litovtsev na rodinu [Departure of Lithuanians to Their Homeland]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 145 (9838), July 4 (17).

Ot'ezd v Palestinu [Departure to Palestine]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 132. June 19.

Otkrytoe pis'mo Simferopol'skomu Armyanskomu Obshchestvu [An Open Letter to the Simferopol Armenian Society]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 208 (358). Apr. 22 (May 5).

Opravka v Latviyu [Departure to Latvia]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 316 (466), Sept. 3 (16).

Petrosyan, G. A. (2012). *Otnosheniya Respubliki Armeniya s Rossiei (1918–1920 gg.)* [Relations of the Republic of Armenia with Russia (1918–1920)]. Erevan, Izdatel'stvo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta. 424 p.

Pis'ma v redaktsiyu [Letters to the Editor]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 219 (369). May 5 (18).

Pol'skoe blagotv. o-vo [Polish Charitable Society]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 145 (9838). July 4 (17).

Prepodavanie na tatarskom yazyke [Teaching in the Tatar Language]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 197. Sept. 8 (21).

Prikaz Glavnokomanduyushchego V. S. Yu. R. [Order of the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 144. July 4.

Programma gen. Vrangelya [General Wrangel's Programme]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 77. April 12.

Pshenichnyi, V.V., Valyakin, A. V., Khayali, R. I. et al. (Eds.). (2009) *Poslednyaya rukopis' Sabri Aivazova. Delo partii "Milli Firka". Dokumenty svidetel'stvuyut* [The Last Manuscript of Sabri Aivazov. The Milli Firqa Case: Documents Testifying]. Simferopol, Dolya. Vol. 1. 350 p.

Puchenkov, A. S. (2016) *Natsional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920)* [General Denikin's National Policy (Spring 1918 – Spring 1920)]. 2nd Ed., rev. and add. Moscow, NPK. 399 p.

Puchenkov, A. S., Kalinovskii, V. V. (2020). *Dukhovnyi forpost Rossii: pravoslavnoe dukhovenstvo Kryma v 1914–1920 godakh* [Spiritual Outpost of Russia: The Orthodox Clergy of Crimea in 1914–1920] / ed. by N. N. Smirnov. St Petersburg, Vladimir Dal'. 407 p.

Reforma tatarskoi shkoly [Reform of the Tatar School]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 231 (9922). Oct. 18 (31).

Registratsiya pol'skikh grazhdan. (Ofitsial'noe soobshchenie pol'skoi voennoi missii i konsul'stva) [Registration of Polish Citizens (Official Communication of the Polish Military Mission and Consulate)]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 204 (9895). Sept. 16 (29).

Registratsiya polyakov [Registration of Poles]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 324 (474). Sept. 13 (26).

Reviziya tatarskoi direktorii [Revision of the Tatar Directory]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 146 (9837). July 5 (18).

Reviziya tatarskoi direktorii [Revision of the Tatar Directory]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 145. July 5.

Sredi ukraintsev [Among Ukrainians]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 228 (9919). Oct. 15 (28).

Tatarskaya avtonomiya [Tatar Autonomy]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 194 (9885). Sept. 3 (16).

Tatarskaya avtonomiya [Tatar Autonomy]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 314 (464). Sept. 1 (14).

Tatarskie uchitel'skie kursy [Tatar Teaching Courses]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 138. June 26.

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 229 (379). May 17 (30).

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 230 (380). May 20 (June 2).

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 110. May 24.

Tatarskii s"ezd [Tatar Congress]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 90. Apr. 29.

Tatarskii yazyk v nachal'n. shkolakh [The Tatar Language at Primary Schools]. (1920). In *Tavrisheskii golos*. No. 320 (470). Sept. 8 (21).

Ukrainskii kooperativ [Ukrainian Cooperative]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 72 (9763). Apr. 4 (17).

“Vestnik evreiskoi zhizni” [“Bulletin of Jewish Life”]. (1920). In *Yuzhnye vedomosti*. No. 74. Apr. 9.

Vnimaniyu grazhdan Latvii [For the Attention of Latvian Citizens]. (1920). In *Krymskii vestnik*. No. 167 (9858). July 30 (Aug. 12).

Vozgrin, V. E. (2014). *Istoriya krymskikh tatar: ocherki etnicheskoi istorii korenного naroda Kryma v 4 t.* [History of the Crimean Tatars: Essays on the Ethnic History of the Indigenous People of Crimea. 4 Vols.]. 3rd Ed., new and update. Simferopol, K"artbaba production. Vol. 3, pp. 90–102.

Zarubin, A. G., Zarubin, V. G. (2008). *Bez pobeditelei. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v Krymu* [Without Winners. From the History of the Civil War in Crimea]. 2nd Ed., new and update. Simferopol, AntiquA. 727 p.

Zarubin, V. G. (2003). Mezhnatsional'nye otnosheniya, natsional'nye partii i organizatsii v Krymu (nachalo XX v. – 1921 g.) [Interethnic Relations, National Parties and Organisations in Crimea (Early 20th Century – 1921)]. In *Istoricheskoe nasledie Kryma*. No. 1, pp. 53–83.

The article was submitted on 19.04.2021

«Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!»: письма жителей блокадного Ленинграда к городской власти*

Владимир Пянкевич

¹Санкт-Петербургский государственный университет,

²Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

***Don't We Have Enough in Russia, a Handful,
to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities
of Besieged Leningrad***

Vladimir Piankevich

¹St Petersburg State University

²St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article examines written petitions of residents of besieged Leningrad to the city leaders. The author refers to approximately four hundred letters kept in the archival fund of the Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front, as well as evidence of citizens' appeals to the leaders of Leningrad from official documents, diaries, letters of the siege, memoirs, and later interviews. The study makes it possible to identify the needs, interests, aspirations, dissatisfaction, and hopes of many Leningraders. Also, it helps make conclusions about the reasons and purposes of writing petitions, their structure, content, and how the appellants perceived themselves, the situation in the city, and the authorities in the conditions of the siege. The article examines the form, language, and style of letters to the authorities, the types of paper used, and the peculiarities of writing letters. Petitions to the city leaders were not common practice. However, the very appearance of appeals and the content is significant evidence of the situation in

---

* Citation: Piankevich, V. (2022). *Don't We Have Enough in Russia, a Handful, to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities of Besieged Leningrad*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720.

Цитирование: Piankevich V. *Don't We Have Enough in Russia, a Handful, to Feed Our Own?! Letters of Citizens to the Authorities of Besieged Leningrad* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720 / Пянкевич В. «Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?!»: письма жителей блокадного Ленинграда к городской власти // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1138–1153. DOI 10.15826/qr.2022.3.720.

Leningrad, the moral and psychological state, and the survival strategies of the besieged. Many Leningraders referred to their merits and tried to convince the addressee of their need, understanding the pragmatic attitude of the authorities to the city's population. Often the appeal was a cry for help from a desperate person. Letters from individuals facing the siege alone and dependent's rations received were especially dismal. The inequality that transpired in the conditions of the siege and the difference in nutritional norms caused discontent. The article analyses letters that were particularly critical of workers in the supply and trade spheres, which reflected the sentiments prevalent in the besieged city. Also, the author examines petitions containing proposals, criticism, and accusations against those in power. The article provides the results of the analysis of written appeals from the siege and the dominance and reasons for the authorities' refusal to help. In accordance with their attitudes, ordinary siege survivors were supposed to be victorious heroes but in no way pathetic "moral weaklings" and victims. The author concludes that the letters to the authorities paradoxically combined a commitment to paternalism, a desire to take advantage of the possibilities of the state distribution system, its privileges and benefits on the one hand, and initiative and self-reliance, on the other.

Keywords: Great Patriotic War (1941–1945), Siege of Leningrad, letters to the government, hunger

Анализируются письменные обращения жителей блокадного Ленинграда к руководителям города. Источниковую базу статьи составили около 400 писем блокадников, сохранившиеся в архивном фонде Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта, а также свидетельства об апелляциях горожан к руководителям Ленинграда из официальных документов, дневников, писем периода блокады, воспоминаний и интервью более позднего времени. Исследование позволяет выявить нужды, интересы, стремления, недовольство, надежды многих ленинградцев, судить о причинах, поводах и целях написания обращений, их структуре, содержании и представлениях апеллянтов о себе, ситуации в городе, власти в условиях вражеской осады. Рассматриваются форма, язык, стиль писем во власть, виды бумаги, на которой писали ленинградцы. Апелляции к руководителям города не были распространенной практикой. Однако само их появление и содержание выступают важным свидетельством положения в Ленинграде, морально-психологического состояния и стратегий выживания блокадников. Понимая прагматичное отношение власти к населению города, многие авторы писем сообщали о своих заслугах, стремились убедить адресата в своей нужности. Нередко обращение представляло собой вопль о помощи человека, находившегося в отчаянном положении. Особенно безотрадными были письма блокадников-одиночек, получавших иждивенческие карточки. Отчетливо обнажившееся в условиях блокады неравенство, разница в нормах питания вызывали недовольство. Анализируются особенно критичные по отношению к работникам снабжения и торговли письма, которые отражали распространенные в осажденном городе настроения. Изучены обращения, содержащие пред-

ложения, критику и обвинения в адрес власть имущих. В статье приводятся сведения о результатах рассмотрения письменных обращений блокадников, анализируются превазирование и причины властных отказов в помощи. В соответствии с властными установками обычные блокадники должны были быть героями-победителями, но никак не жалкими, слабыми «моральными дистрофиками» и жертвами. Делается заключение, что письма к властям парадоксальным образом сочетали в себе приверженность патернализму, стремление воспользоваться возможностями государственной системы распределения, ее привилегиями, льготами, с одной стороны, и инициативу, упование на собственные силы – с другой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., блокада Ленинграда, письма во власть, голод

В течение почти всей блокады находившиеся в бедственном положении ленинградцы направляли руководителям города письма. Настоящая статья посвящена анализу таких неофициальных индивидуальных и коллективных обращений блокадников. Основной корпус источников составили около 400 писем, датированных октябрём 1941 – декабрём 1943 гг., сохранившихся в архивном фонде продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта. Кроме того, использовались свидетельства об апелляциях горожан к руководителям Ленинграда из официальных документов, дневников, писем периода блокады, воспоминаний и интервью более позднего времени.

Значительную часть обращений блокадников в продовольственную комиссию опубликовал и прокомментировал Н. А. Ломагин [Ломагин]. К исследованию деятельности этой комиссии обращались Г. Л. Соболев и М. В. Ходяков [Соболев, Ходяков]. Реакцию власти на письма блокадников изучал С. В. Яров [Яров]. Позиции руководства блокадного города, в том числе по отношению к обычным ленинградцам, исследует К. А. Болдовский [Болдовский, 2016; Болдовский, 2020].

Анализ заявлений, просьб, ходатайств блокадников во власть позволяет выявить нужды, стремления, недовольство, надежды многих ленинградцев, судить о причинах, поводах и целях написания обращений, их структуре, содержании, лексике, социальном, возрастном составе адресантов, характере взаимоотношений власти и городского сообщества в катастрофических обстоятельствах осады.

Количество сохранившихся и доступных для изучения писем во власть относительно численности находившихся в осаде ленинградцев невелико. В дневниках, воспоминаниях, интервью сами блокадники редко упоминают о своих обращениях за помощью. Не только потому, что это не было распространенной практикой или из-за отсутствия опыта письменной коммуникации с властями. Многие полагали, что это не имеет смысла. Достучаться до власти решались те, кто полагал, что в силу своих заслуг имеет основания рассчитывать на поддержку. Кроме того, очевидно, обращавшийся за помощью

должен был быть уверен, что не будет наказан за свое ходатайство из-за «сомнительного» социального происхождения, иных «погрешностей» в биографии. В таком случае апелляция к власти была бесполезна или даже опасна. Большинству это просто не приходило в голову. Кроме того, отсутствие или несохранение свидетельств о поддержке, оказанной руководителем блокадного города, могло объясняться последующими событиями. Так, учитель Н. М. Телешова, по свидетельству дочери, из-за «ленинградского дела» никогда не рассказывала о том, что, когда ей грозила смерть от дистрофии, спас ее, отправив в стационар, репрессированный впоследствии председатель Ленгорисполкома П. С. Попков [Телешова, с. 147].

Письма во власть ленинградцы писали ручкой, реже – карандашом, еще реже – на пишущей машинке, на самой разной бумаге. Это могли быть лист белой или желтоватой, иногда оберточной бумаги, часто линованная страница из школьной тетради или часть тетрадного листа, оборотная сторона хозяйственной ведомости, именная бумага для писем и т. д. Среди авторов писем были люди разного достатка, социального положения и образованности. Одни умоляли робко и безуспешно, другие писали настойчиво, неоднократно напоминали о себе, порой добиваясь желаемого. Иногда апеллиант писал не вполне грамотно, просторечным языком или имитируя его. Анонимное послание могло быть написано печатными буквами. Направленные ключевым чиновникам городской власти, письма были весьма эмоциональны, нередко исповедальны. Уже в приветствии могла присутствовать не терпящая отлагательств просьба. Некоторые письма, направленные руководителям города, перепечатывались, очевидно, для удобства чтения.

В начале писем обычно выражалось отношение к адресату. Обращаясь к первому секретарю горкома и обкома ВКП(б) А. А. Жданову, одни писали стандартно: «Глубокоуважаемый Андрей Александрович!» Или лапидарно и незамысловато: «Товарищ Жданов, прошу Вас...», «Тов. Жданову от...». Другие не скупилась на лесть и похвалу, наделяя адресата качествами, которые, как представлялось апеллианту, давали надежду на исполнение просьбы: «добрейший», «чуткий, отзывчивый человек», «вождь, руководитель и защитник нас – ленинградцев», «добрый сердечный человек, умеющий чутко отнестись к горю и несчастью гражданина и непременно найти пути к спасению человеческой жизни», «друг и защитник всех трудящихся ленинградцев», «уважаемый и любимый вождь нашего города Ленина», «депутат трудящихся, избранник народа и слуга его», который «действительно находится в самой толще народа», «отец всех ленинградцев» [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 94; Д. 60. Л. 6, 6 об, 10, 118, 118 об.]. Обращались к человеку, который «повседневно заботится о благополучии кадров научных работников», «сочувственно относится к работникам науки и искусства», «заботится о процветании культуры» [Там же. Д. 18. Л. 31; Д. 22. Л. 94; Д. 34. Л. 34.]. Иногда просители использовали клише властного дискурса, ссылались на мнение верхов-

ного вождя или директивные партийные документы о необходимости проявления заботы о людях [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 22; Д. 25. Л. 77.]. Рефреном в письмах блокадников звучит мысль о безусловной способности власть имущего решить проблему. В конце текста письма нередко указывался домашний адрес автора, иногда с подробным описанием пути к нему.

Главная причина письменных обращений к власти имущим была одна – острая нехватка еды и угроза голодной смерти, но поводы были разными. Апеллировать побуждали смерть близких, одиночество, нездоровье, обида, отсутствие поддержки со стороны своего предприятия, учреждения, коллег, стремление восстановить справедливость и получить положенное по карточкам, исчерпание всех ресурсов, например, вещей для обмена и продажи на рынке, или же их полное отсутствие.

Квартиру мою разбомбило. Мы с женой так и остались жить у дочери как не имеющие своей жилплощади и вообще нищие. Ходил в консерваторию 14 км, упал от истощения на улице. Пока я был в стационаре, умер мой зять 34 лет, оставив трех детей 3, 6 и 8 лет и безработную жену – нашу дочь, у среднего внука началась цинга. Заболела моя дочь. У жены грудная жаба и бронхиальная астма.

У меня развилась цинга, и открылась язва на ступне ноги, и я слег в постель...

Я... заболел кровавым поносом... после чего привязалась цинга, и теперь... не могу ходить.

Пролежал от истощения в жесточайшей дистрофии три месяца без дров, света, воды, голодая с семьей в 5 человек.

Я так проголодался, что тело все время судорожно сводит... Я тень того человека, который был до осады.

Я считаю себя глубоко и незаслуженно обиженной и обращаюсь... за помощью и справедливостью...

Я прошу Вас внушить моим товарищам, которые, быть может, захотят мне [помочь], не медлить...

[ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 94, 101; Д. 25. Л. 98, 99; Д. 26. Л. 21; Д. 34. Л. 13, 14; Д. 65. Л. 3; Блокадные записи И. А. Гриневской, с. 359].

Иногда обращение представляло собой не просто просьбу, но вопль о помощи:

Прошу Вас спасти моих детей от голодной смерти, т. к. один из них погиб, трое же в пути к этому. <...> Спасите детей, дайте хлеба.

Мы с женою накануне смерти, спасите нас!

Погибаю от голода... Живу одной надеждой на Вашу помощь...

Не дайте погибнуть и мне.

[ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 149. Л. 19, 19 об ЦГАИПД СПб.; Ф. 4000. Оп. 20. Д. 28. Л. 49, 50; Д. 60. Л. 33, 118, 118 об.].

Апелляции ленинградцев были вызваны безвыходностью ситуации, хотя уровень притязаний был разным. Иногда обращение содержало очевидно трудновыполнимые требования. В письмах-ходатайствах некоторых представителей партийной и советской номенклатуры содержались просьбы о выделении продуктов, о которых обычные горожане могли только мечтать [Ломагин, с. 19, 20].

Поводами к написанию писем становились успешный опыт обращения за помощью коллеги, сослуживца, совет знакомого, соседа. Более того, в условиях острейшего голода и огромной смертности информация о возможности получения поддержки быстро становилась известна многим. Когда по специальному распоряжению Продовольственной комиссии к «спецмагазину» были прикреплены 20 ведущих ученых Ленинградского университета, весть о получении «академического пайка» быстро распространилась в научной среде, и в Смольный усилился поток писем с просьбами об оказании продовольственной помощи [Соболев, с. 74]. Авторами неформальных письменных апелляций выступали как отдельные блокадники, так и группы горожан. Чаще других с ходатайствами обращались актеры, художники, литераторы, ученые, учителя, преподаватели вузов.

Убедить власть имущего в благонадежности, а главное, полезности просителя, помочь завоевать благосклонное отношение адресата была призвана автобиографическая часть письма-просьбы. Как правило, такая автопрезентация следовала сразу за обращением к адресату. Описывая свои заслуги перед партией, государством, искусством, наукой, литературой, адресанты стремились предстать в наиболее благоприятном, по их мнению, свете.

Мною выполнены крупные труды для советского искусства, а именно: классические гравюры товарищей Ленина, Сталина и других вождей размерами больше натуральной величины [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 31].

Я являюсь живым памятником бывшего Александринского театра, ныне им. Пушкина [Там же. Д. 60. Л. 41, 41 об.].

Я имею более 50 научных работ... из них 5 монографий, некоторые из которых переведены на иностранные языки [ЦГАИПД. Д. 34. Л. 13, 14].

Я являюсь признанным главой противораковой борьбы в Союзе, широко известным и в остальной Европе... и в Америке [Ломагин, с. 301].

Я был назначен главным художником советских павильонов на международных выставках в Париже, Нью-Йорке в 1939 г. [ЦГАИПД. Д. 60. Л. 115].

Значительную группу авторов писем составляли участники революции, Гражданской войны, бывшие сотрудники партийно-государственного аппарата. Основываясь на своем опыте понимания значения безупречной биографии, пожилые члены ВКП(б) приводили сведения, призванные убедить оказать помощь (большой партийный стаж, «участие в революции»,

«занятие ответственных должностей», «проведение большой политической, государственной и общественной работы», «борьба с эпидемией» и т. д.) [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13. Л. 20, 21; Д. 25. Л. 74; Д. 60. Л. 10, 48; Д. 65. Л. 37, 37 об.].

Я являлась хозяйкой конспиративной квартиры, в которой происходило историческое предоктябрьское совещание Ленина – Сталина [Там же. Д. 25. Л. 76].

Я жена Героя СССР, вместе с мужем была в Чапаевской дивизии, и, будучи значительно старше его, воспитала его таким... Была преследуема деникинцами, бита, насилowana и брошена в тюрьму в Полтаве, где и подорвала свое здоровье [Там же. Л. 83].

Среди ходатаев было немало находившихся на пенсии учителей и преподавателей вузов, которые писали о своих педагогических заслугах. Обращения были также одной из немногих форм изложенной на бумаге рефлексии людей, не принадлежавших к книжно-письменной культуре.

Действенным, по мнению некоторых ходатаев, способом получения помощи было обращение за поддержкой и покровительством к обладавшему властью давнему знакомому, земляку, коллеге, ученику. Общее прошлое, некогда оказанная услуга должны были обеспечить коммуникации необходимую приватность и эмоциональность. «Мне приходилось услуживать и хлопотать, чтобы было хорошо посмотреть спектакль и также Вам и Вашим семьям» [Там же. Д. 60. Л. 69, 69 об.]. В критической ситуации после кражи карточек, по воспоминаниям дочери Е. Н. Николаевой, «старой знакомой» начальника отдела торговли Ленгорисполкома И. А. Андреевко, последний «помог... то ли дал талоны в столовую, то ли пачку галет, которую вынул из своего стола... спас от голодной смерти» [Николаев, с. 315].

Блокадников потрясала реальность и неотвратимость смерти от голода. Жители города, ставшего впоследствии символом массовой гибели от недостатка пищи, не могли, не хотели даже представить для себя такой судьбы. Шокировал трагический контраст между образом огромного прекрасного революционного, героически сражающегося Ленинграда и невообразимостью такой собственной смерти.

Да, – голод ужасная вещь! И это не в какой-нибудь глуши – где, может быть, некому помочь, но здесь, в центре, в лучшем культурном социалистическом городе, среди родных и знакомых! [«Мы сделались дружнее, мудрее, очищенные этим страданием», с. 420].

Какой-то бред – умереть от голода [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 28. Л. 49].

Пораженные скорой, практически неизбежной гибелью, многие ленинградцы задавали руководителям города вопросы, которые начинались с одного и того же слова.

Неужели я должна голодать на 2-й категории [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 93. Л. 45 об.].

Неужели я, работая в городе Ленина, не заслужил себе кусок хлеба, который от меня отняли? [Там же. Д. 60. Л. 10].

Неужели не хватит в России, горсточку, подкормить своих?! [Там же. Д. 93. Л. 51].

Многие ходатаи осознавали прагматичность и утилитарное отношение власти к горожанам и поэтому стремились убедить адресата в своей нужности и ценности. После перечисления заслуг блокадники нередко писали о необходимости или угрозе невозможности продолжения своей работы, желании и готовности трудиться на благо государства, отказе от эвакуации из блокированного города, стремлении дожить до победоносного окончания войны. Об этом писали хирург Н. Н. Павлов, художники Н. М. Суетин и А. А. Лепорская, преподаватель математики Г. Д. Рыбалко, инженер Н. Т. Прокофьев, ветеран партии И. И. Вихляев, профессор зоологии Б. Н. Шванвич, певец В. И. Касторский, доктор исторических наук И. И. Любименко, режиссер, актер А. П. Пантелеев, сотрудник Горного института Н. А. Елисеев, художник Г. Д. Зимин, скульптор Я. А. Троупянский, литераторы И. Г. Звездич и И. А. Гриневская и другие [Там же. Д. 13. Л. 70, 86, 123, 163; Д. 18. Л. 112; Д. 25. Л. 4, 37; Д. 35. Л. 4 об; Д. 40. 35; Д. 60. Л. 25, 26, 32, 32 об; 35, 35 об, 115, 119; Д. 65. Л. 37, 37 об; Изабелла Аркадьевна Гриневская: блокадная повседневность, с. 271]. Голодные люди уверяли, что «еще могут пригодиться», в состоянии продолжать приносить пользу государству, обязывались отработать оказанную поддержку.

Мне 39 лет, и я еще смогу дать много пользы советской власти» [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 18. Л. 40].

Мои годы не так стары – 46 лет, я еще могла быть полезной государству [Там же. Л. 35].

Поддержите меня, я еще могу быть полезной в искусстве [Там же. Д. 60. Л. 41 об.].

Я скажу про себя: дайте мне изжить дистрофию, и я, как говорят, сворочу горы [Там же. Д. 25. Л. 100].

Понесенные государством расходы по восстановлению моего физического состояния я надеюсь и обязуюсь своей дальнейшей работой оправдать [Там же. Д. 38. Л. 80, 80 об.].

Автор неподписанного письма убеждал: «Ведь если не будет нас, то и восстанавливать после разгрома врага город, государство будет некому» [Там же. Д. 98. Л. 54].

Иногда, полагая, что собственных заслуг для получения властной поддержки недостаточно, ходатаи представлялись в качестве жен, матерей, отцов фронтовиков.

Я сумела вырастить 8 сыновей и 4-х дочерей, мужа которых на войне. Я имею 22 внука, из которых 4 на войне, и 6 правнуков. <...> Не откажите мне помочь в питании за моих сыновей, что дала я советской власти, и тем самым дожить до победы [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 27. Л. 71].

Еще одну группу обращающихся к властям за помощью составляли жены и дети известных людей. Среди авторов писем были вдовы полярного исследователя Г. Я. Седова и академика И. П. Павлова, дочери писателя К. М. Станюкевича, академиков А. П. Карпинского и В. М. Бехтерева, русского генерала М. Г. Черняева [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 33. Л. 14; Д. 69. Л. 28, 28 об.; Ломагин, с. 298, 303, 304, 322, 336, 355]. Просили оказать поддержку родственники высокопоставленных чиновников.

Оказываясь в городе, ленинградцы-фронтовики нередко находили свои семьи в бедственном состоянии. Специально откомандированный с фронта старший лейтенант П. Д. Григорьев писал в Продовольственную комиссию:

Жена больна на протяжении трех месяцев. Цинга, ноги скрючены, все зубы выпали, крайне истощена, ее подобрали на улице, и она проживала... без всякой помощи до моего приезда. Голая. Обкрадена – все вещи утащены. Сына (1 год и 3 месяца) определили в Педиатрический институт на излечение – состояние ребенка крайне тяжелое, дочь в интернате, мать похоронил [ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 150. Л. 6].

Чаще всего за помощью к властям обращались горожане, получавшие продовольственные карточки иждивенцев и служащих. Обладатели, как говорили сами блокадники, «изможденческих» карточек (с осени 1941 г. до весны 1942 г. – почти половина населения города [Черепенина, с. 44]) обычно просили выдать рабочую карточку. Последняя, как считали очень многие ходатаи, была верным средством избежать голодной смерти, хотя в действительности это не гарантировало выживания. Педагоги-пенсииерки Е. Рудакова и Прокошева жаловались А. А. Жданову:

Мы, «иждивенцы», третья категория жителей Ленинграда, мучительно голодаем. Жить нам недолго, но эта смерть от голодного истощения слишком тяжела, а ведь и мы в свое время отдали все силы и здоровье государству и честно трудились. <...> Мы умираем пачками, а перед смертью еще долго и мучительно страдаем [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 177, 177 об.].

Иждивенцы завидовали получателям рабочих карточек. Однако недовольство могло возникать и среди горожан, находившихся в одном статусе. Например, обладатели иждивенческих карточек, одинокие пенсионеры, положение которых было особенно отчаянным и безотрадным, могли завидовать, противопоставлять себя иждивен-

цам, окруженным близкими людьми [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 25. Л. 77; Д. 60. Л. 173 об.]. Человек, остававшийся без родственной или дружеской поддержки и дополнительных источников питания, не имел шансов выжить и, как правило, погибал.

Семьи у меня нет. А отсюда и ждать [помощи] не от кого [Там же. Д. 93. Л. 47].

Мы, одиночки, обречены на голод... Чем мы заслужили такое отношение к себе? <...> Мы, старики, хотя не приносим пользы отечеству, но ведь в том, что мы существуем, не виноваты [Там же. Д. 26. Л. 83, 84].

Шансов на выживание у людей семейных действительно было больше, чем у одиноких, что, впрочем, в значительной мере зависело от характера внутрисемейных отношений, нередко не выдерживавших испытаний осады. В посланиях ленинградцев шла речь о еще одной уязвимой категории горожан – детях. Упрекая власть за чуть более высокие нормы снабжения детей до 12 лет, отчаявшаяся мать умиравшего от голода подростка писала: «Кто дороже для государства? Вновь рожденный, годовалый, пятилетний или 12 лет и выше?» [Там же. Д. 18. Л. 22]. Сами подростки обращались за помощью, используя клише властного дискурса. 12 учеников-выпускников подписали просьбу разрешить выдать учащимся десятых классов продовольственные карточки первой категории: «Наши знания, полученные в десятилетке, дадут возможность плодотворно трудиться для блага нашей страны во имя победы» [Там же. Д. 37. Л. 66].

Голод, холод, нездоровье, преклонный возраст, одиночество и нестерпимое желание выговориться становились причинами появления в обращениях блокадников просьб о личной встрече с руководителем города, хотя для обычного блокадника это было практически нереально. В конце января 1942 г., когда из-за отсутствия электроэнергии остановились хлебозаводы, в городе появился слух о том, что «тысячные делегации голодающих ходили в Смольный» [Островская, с. 224]. Возникновение такой молвы так же, как и содержание некоторых писем во власть, свидетельствует о том, что многие ленинградцы полагали, что руководители плохо осведомлены о реальной ситуации в городе. 23 февраля 1942 г. 19 ленинградцев, получавших иждивенческие карточки, попытались лично встретиться с И. А. Андреенко. Однако в бюро пропусков Смольного ходатаям «посоветовали изложить все на бумаге». В письме на красноватой оберточной бумаге говорилось:

Нам, ленинградцам, очень трудно переживать то, что мы уже пережили. Мы сильно истощены, а поэтому просим прибавить хлеба и отметить этот день – выдайте нам сахару, рыбы, что возможно, чтобы нам подкрепиться [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 77, 77 об.].

Особую группу составляли письма, авторы которых не просили ничего лично для себя, но ради общественного блага предъявляли претензии к согражданам, призывая, а порой и требуя от власти принять меры. Так, красноармеец Аликиев призывал прекратить выдачу в домохозяйствах, учреждениях и на промышленных предприятиях продовольственных карточек на командированных военных, а уехавшая из Ленинграда А. П. Шадрина предлагала реквизировать запасы продуктов питания у эвакуирующихся [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13. Л. 5; Д. 60. Л. 50].

Авторы писем во власть были особенно критичны по отношению к работникам снабжения и торговли, многие из которых разительно отличались от большинства истощенных и неважно одетых горожан. Блокадники просили «обратить внимание на воровство в столовых», «усилить общественный контроль за завмагами и зав. столовыми», призывали наказать виновных [Там же. Д. 13. Л. 5–5 об.]. Социальное соперничество, неприязнь, враждебность проявились в чрезвычайно эмоциональных письмах «артистки эстрады» Е. А. Старк-Гаусской, направленных начальнику отдела торговли Ленгорисполкома:

Ваших работников торговой сети рожки красные и сытые, как клеймо Каина! И справки не надо, где служит – либо в столовой, либо в булочной, либо в магазине или очаге! Почему мне нет такого счастья! Эти бабы-воровки без стыда и чести спасутся, а мы, интеллигентки и ученые, погибнем. А ведь мы-то честные. <...> Вешайте, бейте этих воровок. Они уже озолотели [Там же. Д. 60. Л. 92, 92 об.].

Крайне тяжелое положение, в котором оказалось большинство горожан, порождало и недовольство властью. Критические, как правило, анонимные послания появились в ноябре 1941 г. и продолжали поступать до июля 1943 г. Горожане писали о заступничестве родственников-фронтовиков, которые, возвратившись в родной город, ужаснутся положению своих близких, и грозили обратиться к Сталину. На листке зеленой оберточной бумаги написано:

Что же это такое? Нас матерей и жен оказывается кормить не надо. <...> И не стыдно это властям! <...> Или у тебя т. Жданов ни жана, ни мать твои не голодуют, так ты про нас то несчастных иждивенок и знать не хочишь. Ну что же, придуть сыновья и мужья наши с фронту все увидуть как мучаются их женщины иждивенки (орфография и стиль оригинала сохранены. – В. П.) [Там же. Д. 60. Л. 183, 183 об.].

Кто-то грозил чиновнику «судом истории» [Там же. Д. 13. Л. 21, 60, 93]. Некоторые горожане упрекали власть в несоответствии официальных радиосообщений о том, что в город «идут эшелоны с продовольствием, рыба, масло, сахар, кондитерские изделия и прочее»,

и реального положения, в котором находились обычные блокадники-иждивенцы:

...Мы, ленинградцы, видим только сыр, лежащий и сохнувший в кладовых магазинах, и он не выдается только потому, что не объявлена норма. Ленинград кругом в воде, а никакой рыбы никто не видит [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 60. Л. 119, 111].

А. Иванова информировала А. А. Жданова о том, что продукты, которые, согласно и официальным сообщениям, и по слухам, в большом количестве направляются в город, детям не выдают, но одновременно по фантастическим ценам продают на рынках [Там же. Д. 60. Л. 141, 142].

Блокадникам явно недоставало и информации о состоянии дел с продовольствием в городе. Слухи давали надежду на улучшение положения, однако горожанам хотелось знать об этом именно из официальных источников, от руководителей города.

Выступите с речью по радио о продовольственном положении и нормах снабжения... Этот вопрос интересует всех жителей города, он является основным [Там же. Д. 60. Л. 174, 175].

Прося, даже требуя ответить на мучительный и важнейший вопрос, автор анонимного письма, как и многие блокадники, по сути, ждал только одного отклика: скоро положение улучшится!

Результатом рассмотрения обращений могло быть оказание продовольственной поддержки, но чаще ответ был отрицательным. Отказ определялся не только реальным отсутствием ресурсов, но и тем, что адресат не считал просьбу состоятельной, а положение просителя критическим. Кроме того, власть, видимо, исходила из того, что большое количество положительных решений спровоцирует непредсказуемый рост числа обращений других ходатаев. Когда же принималось положительное решение, власть обычно могла помочь немногим: 200–250 г крупы, сахара, по банке сгущенного молока и мясных консервов и т. д. Принятие решения об оказании помощи определялось, помимо полезности, настойчивости ходатая, его известностью, а также личными предпочтениями или опасениями власть имущего. По решению продовольственной комиссии в список лиц, получающих академический паек, была включена вдова полярного исследователя В. В. Седова, но одновременно в этом было отказано женам академиков Белопольской, Ивановой, Вебер, Щербатской [Там же. Д. 25. Л. 3, 6]. Лишь упорство и находчивость в письменном общении с городскими чиновниками позволили получить продовольственную поддержку академику И. Ю. Крачковскому [Яров, с. 419, 420]. Впрочем, оказание помощи не обязательно вело к спасению, а некоторые деятели культуры и искусства Ленинграда выжили, несмотря на то, что не были поддержаны.

Ресурсов для оказания поддержки просителям у власти было немного. Кроме того, продолжали действовать вполне определенные нормы и порядок их предоставления. В помощи отказывали на том основании, что должность ходатая не входила в номенклатуру должностей руководящих работников или автор письма «ошибочно понимал вопрос дифференцированного снабжения трудящихся» [ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 169. Л. 80]. Власть проводила очень консервативную линию, отказывая в удовлетворении подавляющего большинства просьб о дополнительном питании, по-видимому, руководствуясь принципом «лучше кому-то не дать, чем дать по ошибке» [Ломагин, с. 21]. Продовольственная диктатура Смольного была ориентирована в первую очередь на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба осажденного города [Соболев, Ходяков, с. 17].

За январь – ноябрь 1943 г. продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта приняла 104 разрешительных решения, в 252 случаях заявители получили отказы [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 63. Л. 1–7; Д. 65. Л. 47, 57; Д. 66. Л. 1–5а, 69, 84; Д. 67. Л. 1–5; Д. 68. Л. 1–3; Д. 69. Л. 160–167]. Таким образом, после прорыва блокады, в период, когда численность населения резко уменьшилась, а положение в городе было значительно лучше, чем в 1941–1942 гг., более 70 % решений продовольственной комиссии содержали отказ в помощи. Отношение руководителей города к просителям, голодающим согражданам, определялось нетерпимостью к «слабовольным» и голодным. «Слабость» раздражала. Второй секретарь Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецов предлагал «выкинуть это слово из нашего лексикона, чтобы его не было» [Болдовский, 2016, с. 70]. В соответствии с властными установками советский человек, ленинградец, должен был быть героем-победителем, но никак не жалким, слабым «моральным дистрофиком» и жертвой. Руководители блокадного Ленинграда были озабочены прежде всего задачами обороны города, промышленного производства в интересах фронта. Власть удручала не глубина трагедии блокады, а невозможность быстро исправить последствия. Хорошее, вплоть до мелких деталей, знание фактического состояния «неживого» хозяйства города сочеталось с сознательным нежеланием понимать истинное состояние живых ленинградцев, «рабсилы», как часто звучало в выступлениях руководства [Сапронов, Черепенина, с. 17]. Население рассматривалось как значительный материальный ресурс в системе промышленного производства и городского хозяйства. От истощенных людей стремились добиться максимальной трудовой отдачи, несмотря на сложность блокадной ситуации [Болдовский, 2020, с. 203].

У обычных блокадников волокита, незнание и неготовность решать их проблемы вызывали раздражение и протест. Певец П. Я. Курзнер писал А. А. Жданову:

Уже давно надо было разбить нас на категории «достойных» и «недостойных», и одних осчастливить, а другим прямо и честно отказать, а не заставляя ждать, надеяться, тянуть и тянуть [ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 20. Д. 22. Л. 101, 102].

Блокадник, по сути, возлагал ответственность за свою возможную будущую смерть на власть.

Доказывая свою нужность государству, автор письма стремился не оказаться лишним в прямом и переносном смысле. Деятели культуры, искусства, науки, бывшие руководители чаще писали о себе, своей работе, иногда – о семье. Простые, порой малообразованные горожане обычно выступали как представители определенных социальных, возрастных, профессиональных групп. Среди обращавшихся за помощью были люди разного возраста, в том числе едва научившиеся писать дети, старшеклассники, но превалировали пожилые.

Ленинградцы предпочитали обращаться не в безличные властные инстанции, а к конкретным руководителям города, чьи имена были на слуху. Знакомый по официальной информации, иным источникам руководитель мог, должен был помочь. Надежда и апеллирование к доброму и отзывчивому вождю, администратору отражали представления об эффективной форме ходатайства. Более того, ленинградцы, часто интуитивно, понимали приоритетность персоны над институтами и нормами. Это было тем более важно, что, обращаясь за помощью, ходатай нередко просил обойти формальные правила распределения.

Динамика и численность обращений соответствовали периодам и масштабам тягот осады. Если объем помощи был для просителей важен, то срок ее предоставления был судьбоносен. Промедление означало голодную смерть. Часть в абсолютном большинстве анонимных писем содержала не просьбы, но требования, обвинения и даже угрозы ленинградским руководителям и одновременно была пронизана безусловной надеждой на верховную власть. Письма к властям парадоксальным образом сочетали в себе приверженность патернализму, стремление воспользоваться возможностями государственной системы распределения, ее привилегиями, льготами, с одной стороны, и инициативу, упование на собственные силы – с другой. Обращаясь к власти, человек просил защитить право на жизнь, веря в сочувствие и участие в своей судьбе, хотя блокадники все чаще понимали, что надеяться надо прежде всего и только на себя.

Список литературы

Блокадные записи И. А. Гриневской / публ. Е. В. Виноградовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год : Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015. С. 349–371.

Болдовский К. А. Горком ВКП(б) и система управления Ленинградом в начале Великой Отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2016. Вып. 2. С. 61–73.

Болдовский К. А. Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201–215. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00063.

Изабелла Аркадьевна Гриневская: блокадная повседневность / предисл., публ. и прим. Е. В. Леоненко // Запечатленная Победа: ключевые образы, концепты, идеологемы: (Литературные события и феномены XX века): материалы междунар. конф., посв. 70-летию окончания Второй мировой войны, Санкт-Петербург, 29–30 апреля 2015 г. СПб.; Воронеж: ИП Алейникова О. Ю., 2016. С. 262–301.

Ломажин Н. А. В тисках голода: Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. СПб.: Аврора-Дизайн, 2014. 360 с.

«Мы сделали дружнее, мудрее, очищенные этим страданием»: Дневник художника С. В. Ганкевича (январь–март 1942 г.) / публ. Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2014 год: Блокадные дневники / [отв. ред. Т. С. Царькова, Н. А. Прозорова]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. С. 397–455.

Николаев А. Б. Блокада Ленинграда по материалам семейного архива // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. науч. тр. / под ред. В. П. Соломина, В. А. Рабоша, А. В. Воронцова; сост. А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. С. 311–315.

Островская С. К. Блокадные дневники // Русское прошлое: ист.-док. альм. Кн. 10 / гл. ред. А. В. Терещук. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2006. С. 191–322.

Сапронов И. М., Черепенина Н. Ю. Введение // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского совета: записи обсуждений, замечаний к проектам, решения, ноябрь 1941 – декабрь 1942 г.: сб. док. ЦГА СПб. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. С. 6–20.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 кн. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2017. Кн. 3. Январь 1943 – январь 1944. 747 с.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Продовольственная комиссия Военного Совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8–21.

Телешова К. Н. Первая седая прядь // Блокада глазами очевидцев: Дневники и воспоминания. Кн. 5 / сост. С. Е. Глезеров. СПб.: Остров, 2017. С. 144–151.

ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 149, 150.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 15. Д. 169; Ф. 4000. Оп. 20. Д. 13, 18, 22, 25–28, 33–35, 37, 38, 40, 60, 63, 65–69, 93.

Черепенина Н. Ю. Голод и смерть в блокированном городе // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде: историко-медицинский аспект / под ред. Дж. Д. Барбера и А. Р. Дзенискевича. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 35–80.

Яров С. В. Блокадная этика: Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.; СПб.: Центрполиграф: Рус. тройка, 2012. 602 с.

References

Boldovskii, K. A. (2016). Gorkom VKP(b) i sistema upravleniya Leningradom v nachale Velikoi Otechestvennoi voiny [City Committee of the CPSU (b) and the Leningrad Command and Control System at the Beginning of World War II]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Istoriya*. Iss. 2, pp. 61–73.

Boldovskii, K. A. (2020). Partiinyi apparat Leningrada kak element upravlencheskoi struktury goroda perioda blokady [Leningrad Party Apparatus during the Blockade: The Key Element of the City Management System]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. No. 3 (27), pp. 201–215. DOI 10.24411/2311-603X-2020-00063.

Cherepenina, N. Yu. (2001). Golod i smert' v blokirovannom gorode [Hunger and Death in a Sieged City]. In Barber, J. D., Dzenishevich, A. R. (Eds.). *Zhizn' i smert' v blokirovannom Leningrade: istoriko-meditsinskii aspekt*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 35–80.

Egorov, B. F., Dmitriev, A. P. (Publ.). (2015). “My sdelali’ družnee, mudree, ochishchennye etim stradaniem”. *Dnevnik khudozhnika S. V. Gankevicha (yanvar’-mart*

1942 г.) ["We Have Become Friendlier, Wiser, Cleansed by This Suffering". Diary of the Artist S. V. Gankevich (January – March 1942)]. In Tsar'kova, T. S., Prozorova, N. A. (Eds.). *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god. Blokadnye dnevniki*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 397–455.

Leonenko, E. V. (Publ.). (2016). Izabella Arkad'evna Grinevskaya: blokadnaya povsednevnost' [Isabella Arkadievna Grinevskaya: Blockade Everyday Life]. In *Zapechatlennaya Pobeda: klyuchevye obrazy, kontsepty, ideologemy. (Literaturnye sobytiya i fenomeny XX veka). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu okonchaniya Vtoroi mirovoi voyny, Sankt-Peterburg, 29–30 aprelya 2015 g.* St Petersburg, Voronezh, IP Aleinikova O. Yu., pp. 262–301.

Lomagin, N. A. (2014). *V tiskakh goloda. Blokada Leningrada v dokumentakh germanskikh spetssluzhzb, NKVD i pis'makh leningradtsev* [In the Grip of Hunger. The Siege of Leningrad in the Documents of the German Special Services, the NKVD, and Letters of Leningraders]. St Petersburg, Avrora-Dizain. 360 p.

Nikolaev, A. B. (2015). Blokada Leningrada po materialam semeinogo arkhiva [The Siege of Leningrad Based on the Materials of the Family Archive]. In Solomin, V. P., Rabosh, V. A., Vorontsov, A. V., Nikolaev, A. B. (Eds.). *Velikaya Otechestvennaya voina v pamyati pokolenii. Sbornik nauchnykh trudov*. St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena, pp. 311–315.

Ostrovskaya, S. K. (2006). Blokadnye dnevniki [Siege Diaries]. In *Russkoe proshloe. Istoriko-dokumental'nyi al'manakh*. St Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, filologicheskii fakul'tet. Book 10, pp. 191–322.

Sapronov, I. M., Cherepenina, N. Yu. (2017). Vvedenie [Introduction]. In *Stenogrammy zasedanii ispolkoma Leningradskogo gorodskogo soveta. Zapisi obsuzhdenii, zamechanii k proektam, resheniya, noyabr' 1941 – dekabr' 1942 g. Sbornik dokumentov*. TsGA SPb. St Petersburg, Art-Ekspress, pp. 6–20.

Sobolev, G. L. (2017). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade v 3 kn.* [Leningrad in the Struggle for Survival in the Siege. 3 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Book 3. Yanvar' 1943 – yanvar' 1944. 747 p.

Sobolev, G. L., Hodjakov, M. V. (2016). Prodovol'stvennaya komissiya Voennogo Soveta Leningradskogo fronta v 1942 g. [Food Commission of the Military Council of the Leningrad Front in 1942]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 8–21.

Teleshova, K. N. (2017). Pervaya sedaya pryad' [The First Strand of Grey Hair]. In Glezerov, S. E. (Ed.). *Blokada glazami ochevidtsev. Dnevniki i vospominaniya*. Book 5. St Petersburg, Ostrov, pp. 144–151.

TsGA SPb [Central State Archive of St Petersburg]. Stock 7082. List 2. Dos. 149, 150.

TsGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St Petersburg]. Stock 25. List 15. Dos. 169; Stock 4000. List 20 Dos. 13, 18, 22, 25–28, 33–35, 37, 38, 40, 60, 63, 65–69, 93.

Vinogradova, E. V. (Publ.). (2015). Blokadnye zapisi I. A. Grinevskoi [Blockade Records of I. A. Grinevskaya]. In Tsar'kova, T. S., Prozorova, N. A. (Eds.). *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2014 god. Blokadnye dnevniki*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 349–371.

Yarov, S. V. (2012). *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade Ethics. Representations of Morality in Leningrad in 1941–1942.] Moscow, St Petersburg, Tsentrpoligraf, Russkaya troika. 602 p.

The article was submitted on 18.07.2020

**Заводские площади: градостроительная специфика
и культурно-историческая семантика
в эпоху индустриализации***

Константин Бугров

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**Factory Forecourts: Peculiarities in Construction
and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation****

Konstantin Bugrov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article analyses the architectural complexes of industrial forecourts that emerged in the USSR between the late 1920s and early 1940s and their cultural and symbolic role. The author evaluates the phenomenon of the pre-factory entrance area in a global context, showing that the organisation of the contact zone between the factory and the city had been used in the Russian tradition of the eighteenth – early nineteenth centuries and, more recently, in the US and Western Europe in the early twentieth century. The author analyses 45 cases of Soviet urban planning during industrialisation and distinguishes three main types of contact zones, i. e. arterial, junction, and isolated. The rarest variety of the junction type is a well-developed factory forecourt, which comprises different facilities of administrative, social, and cultural infrastructure, and, in addition, possesses special symbolic and memorial significance. Only six out of 45 meet this definition, namely, in Makeevka, Saratov, Volgograd, Magnitogorsk, Yekaterinburg, and Novokuznetsk. Considering these cases, the author demonstrates that it was the landscape of these squares that stimulated the formation of cultural mythology, with the emergence of cultural artifacts, like the tank monument in the square of the Volgograd

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

** Citation: Bugrov, K. (2022). Factory Forecourts: Peculiarities in Construction and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721.

Цитирование: Bugrov K. Factory Forecourts: Peculiarities in Construction and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721 / Бугров К. Заводские площади: градостроительная специфика и культурно-историческая семантика в эпоху индустриализации // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1154–1172. DOI 10.15826/qr.2022.3.721.

Tractor Plant or A. P. Bannikov's mausoleum in the square of the Ural Heavy Machine-Building Plant. In four cases (Volgograd, Magnitogorsk, Yekaterinburg, Novokuznetsk), these factory forecourts were turned into places for rallies and meetings and became elements of the visual standard of representation for these locations, and acquired the status of places of historical memory. These town-planning ensembles, which manifest threefold architectural, social, and symbolic uniqueness, ought to be considered extremely valuable, therefore requiring a cautious policy of cultural heritage preservation, which is especially important in the context of partial deindustrialisation of Russian cities.

Keywords: constructivism, factory square, industrialisation, industrial heritage, industrial archaeology of the USSR between the 1920s and 1940s, urban planning system

Статья посвящена анализу градостроительных комплексов заводских площадей, сформировавшихся в СССР конца 1920-х – 1940-х гг., а также их культурно-репрезентативной роли. Автор рассматривает феномен заводской площади в глобальном контексте, демонстрирует, что в качестве формы организации контактно-стыковой зоны между заводом и городом заводская площадь использовалась и в отечественной традиции XVIII–XIX вв., и в США и Западной Европе начала XX в. В советской практике градостроения времен индустриализации на основании анализа 45 кейсов выделено три основных типа размещения элементов контактно-стыковой промышленной зоны, использовавшихся в советском градостроении, – магистральный, узловой и изолированный. Наиболее редкая разновидность узлового типа – полно-весная заводская площадь, выходящая к заводским проходным, концентрирующая вокруг себя разнообразную социальную инфраструктуру поселения, а также обладающая особой символической и мемориальной значимостью. На практике подобные проекты были осуществлены лишь в шести случаях – в Макеевке, Саратове, Волгограде, Магнитогорске, Саратове, Екатеринбурге, Новокузнецке. Анализируя эти кейсы, автор показывает, каким образом своеобразие ландшафта застройки площадей стимулировало формирование вокруг них своеобразной культурной мифологии, возникновение культурных артефактов – таких, как монумент-танк на площади у Волгоградского тракторного завода или мавзолей первостроителя А. П. Банникова у проходных Уральского завода тяжелого машиностроения. В четырех случаях (Волгоград, Магнитогорск, Екатеринбург, Новокузнецк) заводские площади превращались в места митингов и собраний, становились элементами визуального канона, используемого для рассказа о городах СССР, локусами местной идентичности и исторической памяти. Данные градостроительные ансамбли, обладающие архитектурной, социальной и символической уникальностью, следует считать исключительно ценными, требующими особой политики сохранения элементами историко-культурного наследия, что особенно актуально в условиях частичной деиндустриализации крупных российских городов.

Ключевые слова: конструктивизм, заводская площадь, индустриализация, индустриальное наследие, промышленная археология СССР в 1920–1940-е гг., планировочная система городов

Одной из главных особенностей урбанизации, развернувшейся в СССР в 1930-е гг., являлась доминирующая роль вновь создававшихся и реконструированных промышленных гигантов. Эти предприятия не только служили локомотивами экономического роста, но и определяли новую городскую географию, а также наполняли ее смыслами. Ведь важной частью этой географии является застройка *предзаводских пространств* – то есть тех частей контактно-стыковой зоны промышленного предприятия, которые интегрируют проходные предприятия, комплексы социальной инфраструктуры и жилой массив. Данная тема разрабатывается в отечественной и мировой науке лишь фрагментарно, примеров обращения к ней относительно немного [Токарев; Явкина]. Поэтому в настоящей статье мы сфокусируем внимание на анализе градостроительного феномена *заводской площади* в советском городе эпохи индустриализации, постараемся выявить черты его специфики, дать классификацию и охарактеризовать заводские площади СССР не только как сугубо географические понятия, но и как локусы местной идентичности.

Заводские площади в историческом контексте

Исторически первые заводские площади появились в эру ранней индустриализации XVIII – начала XIX в. В Западной Европе подобные решения применялись редко: высокая плотность населения и дефицит земли, как правило, предполагали размещение промышленности в уже сложившихся поселениях и затрудняли (хотя и не исключали) градостроительный акцент на подходах к заводу. Тем не менее, даже спланированное К. Леду «идеальное производство» в Арк-э-Сенане с его эффектной входной аркой было лишено собственно заводской площади.

В России ситуация была иной благодаря формированию многочисленных городов-заводов в условиях обширных свободных пространств. Предзаводские площади XVIII – начала XIX в. выступали планировочным ядром города-завода: здесь размещались здания контор и служб, церкви, дома заводладельцев. Примеры такой планировки сохранились до нашего времени в Ижевске, Сысерти, Реже, Нижнем Тагиле, Златоусте, Каменске-Уральском, Сатке, Усть-Катаве и десятках других городов [Лотарева, с. 97–112].

Однако с течением времени структура связей между производственной и жилой зонами усложнялась (важную роль в этом играло появление железных дорог), а предзаводская площадь испытывала возрастающую конкуренцию со стороны других внутригородских торговых и социальных центров [Яковлев, с. 12–13]. Новые индустриальные поселения, возникавшие во второй половине XIX в., уже имели жесткую социальную структуру, делились на престижную часть, расположенную ближе к заводу, и удаленные от предприятия места обитания неквалифицированной рабочей силы. Социально-

административный центр таких поселков по-прежнему тяготел к заводу, однако полноценных заводских площадей, как правило, не формировал. Так, без подобных площадей сложилась территория поселков Чусовского завода (Чусовой, 1879), Александровского Южно-Российского завода (Екатеринослав, 1887), Косогорского металлургического завода (Тула, 1897), завода Уральско-Волжского общества (Царицын, 1897) и других.

В странах Европы и Северной Америки заводская площадь вновь становится важным элементом проектирования в XIX в. по мере развития патерналистских и филантропических концепций. Наиболее ярким примером использования предзаводской зоны в промышленных городах Европы эпохи Интербеллума может считаться чехословацкий Злин, выстроенный при обувном заводе компании «Батя». В начале 1930-х гг. здесь была сооружена обширная площадь Труда, выступавшая одновременно социально-культурным центром города и магистралью для перемещения массы рабочих на завод и с завода. Ансамбль площади включал торговый центр, гостиницу, кинотеатр, выставочный центр и огромное административное здание компании. К площади примыкал массив общежитий, за которым начиналась малоэтажная застройка [Старостенко, с. 275–279]. Градостроительный акцент на заводских площадях встречается в проектах новых поселений, создававшихся в Италии в эпоху автаркии конца 1930-х гг., примером служит город Торвискоза, возведенный при целлюлозной фабрике компании *SNIA Viscosa* в 1937–1939 гг. Здесь главная улица вела прямо к заводской проходной, продолжаясь за ней как центральная заводская аллея и открывая путь к впечатляющим фабричным корпусам с 54-метровыми башнями для получения бисульфита кальция. Расположение проходной, украшенной статуями «Непрерывность рода в труде» и «Синтез силы, разума и веры», было акцентировано круглой заводской площадью Автаркии (ныне – площадь Ф. Маринотти), западную часть которой занимали здания театра и столовой (*ristoro*). Одна из бисульфитных башен была выстроена так, чтобы формой напоминать связку фасций [Politini].

Сходным образом формировались промышленные поселения (*company towns*) в США конца XIX – начала XX в. Зачастую корпоративные города имели крупные зоны общественного назначения вблизи проходных – так были спланированы знаменитый Пуллман (пригород Чикаго, основанный в 1886 г. вагоностроительной компанией *Pullmans*) и Херши (основан в 1903 г. при кондитерской фабрике фирмы *The Hershey Company*) [Buder, p. 4–5; Milton Hershey and the Derry Township Public Schools]. Впрочем, даже там, где предприниматели не стремились создать эффектный входной комплекс, действовала экономическая логика, заставлявшая концентрировать крупные общественные и коммерческие здания вблизи от заводских проходных, чтобы обслуживать

массу работников, перемещающихся на завод и с завода. К примеру, в поселениях Гэри (основано в 1906 г. при металлургическом заводе *US Steel*), Реблинг (основано при заводе металлоконструкций одноименной компании в 1908 г.) и Лоуренс-Парк (основано при заводе *General Electric* в 1911 г.) здания социальной инфраструктуры были распределены вдоль центральной улицы, ведущей к проходной [Lawrence Park Trail].

Таким образом, можно говорить о двух компонентах оформления предзаводской зоны: идеологическом и экономическом. Впрочем, полновесные площади типа площади Труда в Злине оставались редкостью. Формирование площадей сдерживалось стоимостью земли, а с 1920-х гг. его постепенно подрывала и автомобилизация, подталкивавшая к полной сепарации производственного и жилого комплексов.

Организация предзаводского пространства в СССР времен индустриализации: типология и классификация

Развернувшаяся в СССР с конца 1920-х гг. индустриализация предполагала возведение новых крупных промышленных предприятий, вокруг которых должны были возводиться новые города. Советские политические руководители декларировали принципиально новый урбанистический курс, ориентированный на создание рационально устроенных поселений без центра и периферии, в богатых и бедных кварталах, с точно выверенной численностью населения для обслуживания промышленных мощностей. Поселения этих предприятий мыслились как своеобразные «города в городе» [Иливицкая, с. 155], представляя собой материальное воплощение географии индустриализации [Журавлева, Мельникова, с. 69]. Победа урбанистской точки зрения в дискуссии о социалистическом расселении означала, что новые города будут строиться по принципу концентрации; по этой причине вопрос об оформлении контактно-стыковой зоны приобретал особое значение.

В 1936 г. архитектор А. Э. Зильберт писал:

Композиционный центр промышленной территории должен быть ориентирован на главные подходы к заводу. Особо важное значение приобретает композиция входной площади, особенно для заводов с преобладанием горизонтально-протяженных объемов... В большинстве крупных заводов зданиями, архитектурно образующими входную площадь, служат здание заводоуправления, проходная контора, здание завкома, иногда лаборатория, ФЗУ, пожарное депо, медпункт [Зильберт, с. 19].

Зильберт особо подчеркивал: производственного значения такая площадь не имеет, и потому в США такие градостроительные элементы отсутствуют. Но для социалистических заводов пло-

щадь, по его мнению, необходима: «Социалистическое предприятие должно получить яркое выражение в первом встречающемся человеке архитектурном ансамбле, каким является входная площадь» [Зильберт, с 20]. К тому же площадь нужна для проведения демонстраций. Советские архитекторы тщательно прорабатывали оформление заводских площадей. Важным фактором выступало отсутствие в СССР частной собственности на землю, что позволяло не экономить пространство – по крайней мере, на бумаге.

Впрочем, строительство новых индустриальных комплексов (завода и его поселения) в эпоху индустриализации не воплощало единую организационно-пространственную модель. Ключевыми чертами градостроения 1930-х гг. были цейтнот и дефицит, которые, в свою очередь, приводили к тому, что всеобъемлющий в теории контроль центра над процессом строительства обрачивался импровизацией, творческим поиском и выработкой оригинальных культурных моделей, приобретавших значимость для локальных сообществ [Ильченко, с. 68]. Проанализировав 45 кейсов¹, мы выделили три возможных варианта организации контактно-стыковой зоны промышленного предприятия в СССР эпохи индустриализации, фактически воплощавшихся в градостроительной практике.

Тип 1 – *магистральный*. Контактно-стыковая зона в данном типе развернута вдоль транспортной магистрали, идущей параллельно заводу, образуя буфер между производством и жилой зоной. Часто элементы контактно-стыковой зоны выходят в зеленую зону или парк; в контактно-стыковую зону обычно не входят культурные учреждения (клубы, кинотеатры), размещаемые в глубине жилого массива. К подобному типу относятся 10 из 45 проанализированных кейсов².

Тип 2 – *узловой*. Этот тип предполагает наличие на вытянутой вдоль завода магистрали крупного узла в виде свободной площади, вокруг которой более или менее равномерно размещены административно-технические сооружения завода и здания социальной инфраструктуры. К площади подходят одна или несколько улиц, напрямую связывающих ее с сельтеркой, вдоль этих улиц раз-

---

¹ Общее число выстроенных и реконструированных заводских поселков, конечно, не поддается окончательному исчислению. Мы выделили 45 кейсов – промышленные новостройки или кардинально реконструированные заводы 1930-х гг., относящиеся к различным отраслям тяжелой промышленности: черной металлургии, трубной промышленности, цветной металлургии, тяжелому машиностроению, транспортному машиностроению, тракторостроению, сельхозмашиностроению, авиастроению, судостроению, химической промышленности. В анализ не были включены центры угольной и добывающей промышленности, предприятия пищевой, текстильной, лесной промышленности.

² Горьковский автомобильный завод, Харьковский тракторный завод, Севмаш, Сибирский и Ростовский заводы сельскохозяйственного машиностроения, Новокраматорский машиностроительный завод, «Запорожсталь», «Азовсталь», Южнотрубный завод (Никополь), Рыбинский моторный завод.

вертываются другие элементы социальной инфраструктуры. К данному типу относятся 20 из 45 кейсов³.

Тип 3 – *изолированный*. Этот тип предполагает размещение входной группы завода на такой дальности от поселка, что сосредоточение у проходного узла какой бы то ни было социальной инфраструктуры, кроме непосредственно нужной для производственного процесса (медсанчасть, пожарная станция), заведомо теряет смысл. К данному типу относятся 15 из 45 предприятий⁴.

Наиболее популярным в 1930-х гг. являлся узловый тип организации контактно-стыковой зоны. Однако внутри этого типа наблюдалась высокая вариативность, зависевшая от насыщенности социально-хозяйственной инфраструктурой. Поэтому уместно ввести для выявленных случаев дополнительную градацию, выделяя сильные и слабые узлы. Сильным мы считаем такой узел, который располагает всеми видами социальной инфраструктуры: административной, социокультурной, торгово-экономической, жилой. К данному типу можно отнести 12 из 20 выделенных случаев. Далее, поскольку мы говорим о культурно-исторической значимости, уместно ввести еще один критерий – архитектурное единство.

Социальная инфраструктура предзаводских узлов формировалась не одновременно, иногда – в течение десятилетий. Поэтому большинство заводских площадей крайне эклектичны с архитектурно-планировочной точки зрения. Мы выделим те, у которых большая часть зданий заводской площади была выстроена в предвоенное десятилетие (1930-е гг.). Из 12 сильных узлов только шесть обладают подобными архитектурно-градостроительными ансамблями. Это площадь Кирова (Макеевка), площадь Дзержинского (Волгоград), площадь Орджоникидзе (Саратов), Комсомольская площадь (ранее – Заводская площадь, Магнитогорск), площадь 1-й Пятилетки (Свердловск) и площадь Побед (Новокузнецк). Ниже мы кратко охарактеризуем планировку и архитектуру каждой из этих площадей, а также их культурную и символическую роль.

---

³ Московский автомобильный завод, Сталинградский тракторный завод, Саратовский завод комбайнов (Саратовский авиационный завод), Уральский и Иркутский заводы тяжелого машиностроения, Макеевский, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Луганский паровозостроительный завод, Уральский вагоностроительный завод, Чернореченский химический завод (Дзержинск), завод № 101 (Каменск-Шахтинский), Соликамский магниевый завод, Запорожский алюминиевый комбинат, Первоуральский новотрубный завод, Красноуральский медеплавильный завод, Пермский моторостроительный завод, Воронежский и Горьковский авиационные заводы.

⁴ Челябинский тракторный завод, Улан-Удэнский паровозоремонтный завод, Каширский электровозный завод (Ступинский металлургический завод), Ново-Тагильский металлургический комбинат, «Криворожсталь», Березниковский и Сталиногорский химические комбинаты, Горловский азотно-туковый комбинат, Ереванский завод искусственного каучука, Балхашский медеплавильный завод, Волховский и Уральский алюминиевые заводы, Синарский трубный завод, Харьковский и Новосибирский авиационные заводы.

Важнейшие заводские площади 1930-х гг.: градостроительная и символическая роль

Макеевский металлургический завод возник в 1898 г., однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. производство было кардинально расширено. По мере расширения производства в начале 1930-х гг. начал расти и город; к северу от Старой колонии возникла новая Советская колония, также называемая Современной колонией или Кировской стороной [Шолух, Губанов, с. 16–17]. На границе двух поселений, старого и нового, разместилась заводская площадь Металлургического завода имени Кирова. Она представляла собой обширное трапециевидное пространство, на которое выходил ряд зданий, сооруженных между 1929 и 1937 гг. в конструктивистском стиле: это заводоуправление, гостиница, дом специалистов («дом металлургов»), заводская проходная [Черныш, с. 22]; рядом с площадью находились поликлиника и Дом техники. Доминирующими элементами площади были два колоссальных газгольдера, расположенные прямо за проходной на территории завода. На площади имелись также более старые здания, выстроенные еще до революции, – конный двор завода и католический костел, теперь замыкавший площадь с востока. После войны костел был снесен, площадь благоустроена и озеленена, в 1959 г. в ее западной части был выстроен крупный дворец культуры.

Площадь Орджоникидзе, расположенная у проходных Саратовского завода комбайнов (пущен в 1931 г.), также являлась крупным социально-хозяйственным узлом. Ее ансамбль включал здания заводоуправления, школы ФЗУ, фабрики-кухни, кинотеатра, универсама, узла связи и клуба. Сразу за площадью начиналась жилая застройка поселка, охватывавшего ее полукольцом. Интенсивное озеленение и свободный характер застройки привели к тому, что уже в послевоенные годы панорама площади утратила визуальное единство. Возможно, по этой причине ее облик и не играл роли в формировании образа индустриального Саратова, не привлек внимания историков архитектуры, а сама площадь не сделалась культурно значимым местом, хотя оставалась центром социальной жизни района. Это тем более удивительно, что завод обладал богатой трагической историей, связанной с Великой Отечественной войной⁵.

Обе рассмотренные выше заводские площади не смогли закрепить роль места памяти в своих городах. Площадь Орджоникидзе к тому же понесла невосполнимые архитектурные утраты: по состоянию на 2022 г. завод больше не существует, заводские цеха, школа ФЗУ и заводоуправление снесены, на месте промышленной площадки

---

⁵ С 1937 г. предприятие выпускало самолеты под именем Саратовского авиационного завода, став ведущим производителем истребителей «Як-1» и ключевым звеном авиационного комплекса СССР на самом трудном этапе войны. В ночь с 23 на 24 июня 1943 г. завод подвергся налетам люфтваффе и чудовищно пострадал, однако сумел уже через два месяца восстановить объемы производства [Данилов, с. 105, 108–109].

ведется жилищное строительство. В Макеевке ансамбль площади сохраняется, но фактически большинство зданий заброшено, поскольку с 2009 г. на комбинате не действуют доменное и мартеновское производства, соответствующие сооружения демонтированы. Иным образом сложилась судьба четырех заводских площадей в Волгограде, Магнитогорске, Екатеринбурге и Новокузнецке.

Вход на Сталинградский тракторный завод (пущен в 1930 г.) также формировала крупная площадь Дзержинского [Токарев, с. 89]. Строго говоря, входов на завод было два, так как его цеха рассекали массив жилой застройки надвое – Верхний поселок, лежащий к западу от промышленной площадки, и Нижний поселок, расположенный восточнее нее на берегу Волги. Однако парадное оформление имел лишь западный вход, через который завод был соединен с наиболее крупным Верхним поселком. Архитектурный ансамбль площади Дзержинского включал в себя здания заводууправления, заводской лаборатории, пожарной станции, клуба, тракторного института, кинотеатра «Ударник», школы ФЗУ, средней школы, фабрики-кухни, гостиницы [Там же, с. 94–95], а также памятник Ф. Д. Дзержинскому, чье имя носил завод (ил. 1 на цв. вклейке).

Площадь была в середине 1930-х гг. реконструирована под руководством архитектора И. С. Николаева. Бригада Николаева предложила считать ее местом для демонстраций и праздников (поэтому трамвайное кольцо перенесли на ее южную сторону) и разместило на площади четыре архитектурных элемента: ворота проходной, памятник Дзержинскому, фонтаны и доску почета и истории [Николаев]. Николаев проектировал и вторую заводскую площадь в Нижнем поселке [Бойтлер], но данный проект не был реализован. Площадь Дзержинского играла важную роль в визуализации сталинского СССР эры индустриализации – к примеру, панорамная фотография площади с видом на Верхний поселок вошла в путеводитель «Страна Советов» 1937 г. [Фрейдин, с. 152–153]. В годы Великой Отечественной войны район тракторного завода оказался в эпицентре боев и серьезно пострадал, были утрачены здания кинотеатра, клуба и пожарной станции. Отныне заводская площадь СТЗ приобретает особое значение, сделавшись местом памяти о героической обороне Сталинграда. В 1949 г. здесь был установлен монумент-танк, а в 1953–1955 гг. сооружены массивные заводские ворота. В 1973–1980 гг. площадь обогатилась огромными мозаичными панно «Завод-труженик» и «Завод-солдат» авторства П. Ф. Шардакова, представляющими богатую историю завода.

Площадь стала частью визуального стандарта для рассказа о городе. Так, путеводитель по Волгограду 1967 г. уделил ей особое внимание:

Подчеркнуто богатый вход и памятник придают площади художественную выразительность. Противоположная длинная сторона ее остается открытой для выхода с примыкающих к ней улиц и бульваров. С торцевых сторон она окружена бульварами-скверами. Размер и фор-

ма площади создают возможность быстрого рассредоточения больших групп рабочих после окончания смены, в этом случае она приобретает значение связывающего пространства между заводской территорией и жилыми районами города. В начале реконструкции площади ее предполагали сделать транспортной развязкой... Но потом, учитывая ее историческую роль, решено было придать ей иное функциональное и идейное назначение... Так возник новый тип городской площади – не для автомашин, а для пешеходов [Савченко, Липявкин, Калининченко, с. 107].

Площадь Дзержинского оставалась доминантой района – так, в 1980 г. известный журналист А. К. Чемонин, рассуждая о юбилее завода, восклицал: «Если бы всех тракторозаводцев, удостоенных высоких наград Родины, собрать у этих ворот, они заполнили бы всю огромную площадь» [Чемонин, с. 2]. Большие фотографии площади были напечатаны в альбомах «Волгоград и волгоградцы» (1971), «Волгоград: герод-герой» (1972), «Волгоград» (1974), «Волжская твердыня» (1982) и «Волгоград» (1985), входили в комплекты открыток 1970, 1979, 1986 гг. Кроме того, в 1956 и 1967 г. отдельными открытками издавались виды танка-памятника и площади, а в 1973 г. печаталась открытка сразу с двумя фотографиями авторства Б. Круцко (площадь с танком – вверху, тракторы на территории завода – внизу; на обороте помещалась черно-белая фотография разрушенной площади Дзержинского февраля 1943 г. авторства А. А. Воротынского).

В Магнитогорске ансамбль огромной Комсомольской площади у входа на Магнитогорский металлургический комбинат (пущен в 1932 г.) включал здания проходной, заводоуправления, гостиницы, центральной лаборатории, государственного банка, ресторана, кинотеатра, Дома общественных организаций [Нестерова, с. 24–30]. Все эти здания были выстроены в 1930–1940-х гг.; в 1938 г. у проходных была установлена статуя Сталина, чье имя носил комбинат; в 1961 г. она была заменена на статую Ленина. Площадь проектировалась как социальный центр для демонстраций, ее облик являлся важной частью образа Магнитогорска, тиражировавшегося в публичной сфере. Так, площади был посвящен известный фотографический цикл, выполненный во второй половине 1930-х гг. фотографом В. В. Микошей [Брызгалина]. Панорамные фотографии западной части заводской площади Магнитогорского комбината, сделанные в 1960–1970-х гг. фотографами Б. М. Клипиницером, Ф. С. Коноплевым, А. А. Князевым, издавались в различных комплектах открыток с видами города. Значительная часть нарратива была посвящена Комсомольской площади и ее ансамблю в изданиях о Магнитогорске 1950-х – начала 1960-х гг., характеризовавших площадь как общественный центр города (ил. 2 на цв. вклейке).

Однако во второй половине XX в. значение Комсомольской площади в визуальной репрезентации города и завода падает. С 1961 г.

здесь перестали проводить массовые мероприятия. В альбомах «Магнитка: сталь и люди» 1979 г. и «Магнитка: полвека в строю» 1981 г., в юбилейном выпуске журнала «Архитектура СССР» за июль 1979 г. изображения Комсомольской площади отсутствуют. Сменилась манера визуальной репрезентации Магнитки: фотографии комбината, помещенные в этих альбомах, выполнены не с площади, а с правого берега реки, давая панораму цехов над водной гладью; вместо исторических зданий Космосольской площади ключевым образом ранней истории города стал памятник «Первая палатка», также воздвигнутый на правом берегу в 1966 г.

На правом берегу велось и создание мемориальных комплексов в честь боевых и трудовых подвигов Великой Отечественной войны: в 1979 г. в парке на берегу реки был открыт монумент «Тыл – фронту», в 1982 г. на площади Победы был установлен танк-памятник. Возможно, подобная утрата пиетета перед старым Магнитогорском позволяет объяснить и существенные искажения внешнего вида зданий Комсомольской площади в 1990-е гг. Новый подъем интереса к довоенному Магнитогорску, произошедший в 2007–2012 гг., был связан с изысканиями в области наследия германских архитекторов группы Э. Мая на Урале [Расторгуев, Токменинова, Фольперт], однако интерес этот ограничивался жилыми районами города и не затрагивал Комсомольскую площадь, поскольку к ней немецкие архитекторы отношения не имели.

Площадь 1-й Пятилетки в Свердловске располагается близ проходной Уральского завода тяжелого машиностроения (Уралмаша, пущен в 1933 г.), являясь центром заводского поселка. В состав ее ансамбля входят здания заводоуправления, Дома техучебы (строился как дом-коммуна), гостиницы (известной в городе как «Мадрид», хотя официально здание не носило такого имени), заводской проходной, центральной заводской лаборатории, школы ФЗУ, пожарной станции. Архитектурный облик площади сложился к концу 1930-х гг. и в последующие годы не претерпевал изменений – единственным новым штрихом стало строительство в непосредственной близости к заводоуправлению здания НИИтяжмаш (начало 1960-х гг.), выдержанного в сдержанной функционалистской манере. Непосредственно к площади прилегают массивы жилых домов с детским садом и яслями, больничный квартал, фабрика-кухня, баня.

Уже в 1930-е гг. начал создаваться *миф об Уралмаше* – «счастливым городе» машиностроителей, созданном с чистого листа [Ефремова]. В этой мифологии важную роль играла площадь 1-й Пятилетки, где в 1932 г. была выстроена усыпальница с прахом первостроителей – директора стройки А. П. Банникова и главного инженера В. Ф. Фидлера (в 1934 г. Фидлер был посмертно обвинен во вредительстве, и его прах был изъят из усыпальницы). В 1950-е гг. усыпальница была демонтирована и заменена на обелиск, посвященный Банникову и перемещенный к краю площади; центральное место занял памятник Г. К. Орджоникидзе, чье имя носил завод.

Фотография площади 1-й Пятилетки и жилой застройки по улице Ильича входила в число визуальных констант советского градостроения; именно это фото было воспроизведено в парадном издании «Советская архитектура за XXX лет». Площадь попала в объектив фотоаппарата В. Л. Тарасевича, посетившего Свердловск в 1958 г., по-видимому, в честь торжеств 25-летия Уралмашзавода (ил. 3 на цв. вклейке). Фотографии площади были помещены практически во всех парадных альбомах советского Свердловска 1950–1970-х гг. – «Свердловск в настоящем и будущем» (1958), «Свердловск в фотографиях» (1965), «Очерки истории Свердловска» (1973), «Признание: лирический репортаж о Свердловске» (1973) и др. Площадь занимала важное место в публицистических описаниях Уралмаша [Мелентьев, с. 2], а также играла большую социально-политическую роль, поскольку Уралмашзавод был обязательным пунктом в маршрутах посещавших город иностранных делегаций [Бекленищева, с. 530]. Ряд зданий ансамбля площади был увековечен на барельефах «Уралмаш: история и современность» (1990) на станции екатеринбургского метро «Уралмаш». Кроме того, площадь выступала местом проведения районных праздников Орджоникидзевского района города, в частности, новогодних. В XXI в. здесь регулярно проходят фестивали и устанавливаются арт-объекты – от инсталляции «Сердце Уралмаша» до «Супрематического креста» художника-каллиграфиста Покраса Лампаса [Ваньке, Полухина]. В целом площадь вошла в число «визуальных брендов» Среднего Урала [Архипова, с. 87].

Площадь Побед у входа на Кузнецкий металлургический комбинат (пущен в 1932 г.) в Новокузнецке также является цельным комплексом застройки 1930-х гг. Заводская площадь была задумана как социальный центр поселка [Чередниченко, с. 602], и, хотя капитальный жилой массив был сооружен в существенном отдалении от нее, она сохраняла свою общественную функцию: на территории площади размещались здания заводоуправления, Театра металлургов, техникума, детского дворца культуры, медсанчасти. В 1936 г. здесь была установлена статуя Сталина, чье имя до 1961 г. носил комбинат и сам город. Впрочем, главную роль в ансамбле площади играл сам «первенец сибирской металлургии» со своими огромными доменными печами, коксовыми батареями и величественным корпусом электростанции⁶. С юга к площади подходила жилая барачная застройка Нижней колонии, а с севера на нее выходит туннель, соединивший в 1933 г. площадь Побед с Верхней колонией – поселком первостроителей, располагавшимся на холме к западу от промышленной площадки. Таким образом, через площадь осуществлялось сообщение между Верхней и Нижней колонией, пока к 1960-м гг. Верхняя колония не опустела, а Нижняя колония не была снесена.

---

⁶ В отличие от домен Кузнецкого комбината, доменные цеха Макеевки и Магнитогорска находились в удалении от проходных, а в перспективе заводской площади были видны приземистые мартеновские цеха.

Площадь Побед играла важную культурную и символическую роль с первых лет строительства города. Она была местом символической консолидации эпохи строительства и освоения мощностей комбината. В туннеле, соединяющем площадь с Верхней колонией, находится памятная доска на месте захоронения А. М. Заева, одного из строителей этого инженерного сооружения, умершего в 1933 г. и торжественно похороненного прямо в центре стройки. На самой площади Побед находилась сигнальная мачта, на которой бригады первостроителей после окончания смены зажигали звезду [Десять лет города угля и металла, с. 54]. Именно на этой площади провожали призывников в годы Великой Отечественной войны и здесь же отмечали Победу. В 1973 г. на площади в память о Великой Отечественной войне были установлены скульптурный мемориал и танк-памятник Т-34 [Журавков, с. 65]; мемориал замкнул пространство площади с юга. В 2000-х гг. в Новокузнецке даже изготавливались сувениры «Площадь Побед». Вместе с тем изображение площади Побед отсутствовало в комплектах открыток о Новокузнецке, несколько раз выходивших в 1970-х гг. (ил. 4 на цв. вклейке). Сегодня площадь Побед сохраняет культурное значение главным образом в контексте памяти о трудовом подвиге Великой Отечественной войны, хотя ее облик обеднел из-за демонтажа величественных доменных печей комбината.

* * *

Избыточно обширные производственные пространства, унаследованные современными городами от советской плановой экономики, сегодня сжимаются, выдвигая в центр общественного внимания вопрос об интеграции индустриального наследия в городскую ткань. Решение этого вопроса связано не только с экономико-градостроительными мерами (реновацией, зонированием, рекультивацией), но и с символической политикой – Е. Г. Трубина метко называет обширные индустриальные пространства постсоветского города «бросовым приданым» [Трубина]. Сегодня их часто воспринимают как «изолированные, стагнирующие территории с невыразительной архитектурой», «источники вредных выбросов и отходов» [Благиных, Дрожжин, с. 61]. Этот вопрос напрямую касается и заводских площадей с их пограничным положением между промплощадкой и селитьбой.

Чаще всего ценность ансамблей заводских площадей эры индустриализации актуализируется исследователями и активистами в контексте наследия архитектуры авангарда. Так, в Екатеринбурге и некоторых других городах советская конструктивистская архитектура 1920–1930-х гг. утвердилась в качестве бренда города [Степанов, Степанова, с. 17; Беляева, с. 122]. Однако ряд исследователей предлагают идти дальше, обращаться при выстраивании культурной политики сохранения и ревитализации не толь-

ко к архитектурно-стилистической, но и к социальной истории градостроения [Пискунова, Старостова, Янков, с. 92]. По нашему мнению, не меньшее значение имеет и детализированное изучение символической роли и культурной мифологии, связанной с комплексами заводских площадей, а также тех культурных эффектов, которые были обусловлены примененными при создании этих объектов градостроительными решениями. Так, огромные пространства в сочетании с наличием удобной точки обзора (высотного здания) позволили фотографам превратить панорамы таких площадей в часть визуального канона для рассказа о городе.

«Митинговая» роль заводских площадей делала их местами памяти о Великой Отечественной войне: здесь находятся танки-монументы (Волгоград, Новокузнецк) или мемориалы заводчанам-фронтовикам (Макеевка, Екатеринбург, Новокузнецк). Вместе с тем в условиях советского социализма крупные предприятия обзаводилось своеобразной нарративной идентичностью, которая была неразрывно связана с их территорией и находила воплощение в том числе и в ансамблях этих площадей – барельефах, памятниках, стелах с орденами и наградами. Представляется, что именно наличие подобного нарратива является одним из ключевых факторов в разработке политики сохранения и ревитализации заводских площадей.

Таким образом, уникальность заводских площадей эпохи индустриализации определяется тремя аспектами: архитектурно-градостроительным, социальным и культурно-символическим. Полновесных заводских площадей, обладающих всеми упомянутыми аспектами уникальности, существует всего четыре – площадь Дзержинского в Волгограде, Комсомольская площадь в Магнитогорске, площадь 1-й Пятилетки в Екатеринбурге и площадь Побед в Новокузнецке. В силу своей исключительности эти комплексы памятников требуют к себе особого внимания, особо бережной политики сохранения и восстановления, учитывающей не только архитектурно-эстетическую, но и культурно-символическую значимость данных памятников исторического наследия.

Список литературы

Архипова Ю. В. Визуальные образы Урала и их роль в конструировании брендов // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1 (12). С. 83–92.

Бекленищева М. В. Свердловская область в дипломатической истории СССР: визиты первых лиц иностранных государств в регион (1955–1965) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 2. С. 529–570. DOI 10.23859/2587-8344-2021-5-2-6.

Беляева М. А. Образ Екатеринбурга: от истории к современности // Территория новых возможностей : Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 119–127.

Благиных Е. А., Дрожжин Р. А. Механизмы и принципы реновации стагнирующих территорий промышленных предприятий // Градостроительство и архитектура. 2018. № 4. С. 61–68. DOI 10.17673/Vestnik.2018.04.11.

Бойтлер В. С. Архитектурная реконструкция Сталинградского тракторного завода // Проблемы архитектуры. М. : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936. Т. 1, кн. 2. С. 137–143.

Брызгалина Е. Остановивший время // Магнитогорский металл. 2019. 15 авг. № 91 (13596). С. 12.

Ваньке А., Полухина Е. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // Laboratorium. 2018. № 3. С. 4–34. DOI 10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34.

Данилов В. Н. Оборонно-промышленный комплекс Саратова в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и деятельности // Известия Саратовского университета. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 102–111.

Десять лет города угля и металла. Сталинск : Юбилейн. комиссия, 1939. 288 с.

Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Журавков Ю. М. Как строился Новый Кузнецк : История районов города: архитектура и благоустройство // Новокузнецк, 380. Город и судьбы. 1618–1998. Новокузнецк : ПризмаДо, 1998. С. 30–78.

Журавлева Н. И., Мельникова С. В. Екатеринбург – Свердловск: трансформация образа города // Человек в мире культуры : Региональные культурологические исследования. 2017. № 2/3 (21). С. 66–70.

Зильберт А. Э. Планировка промышленной территории // Проблемы архитектуры. М. : Изд-во Всесоюз. Акад. архитектуры, 1936. Т. 1, кн. 2. С. 7–38.

Иливицкая Л. Г. Центр и периферии города: хронотопические конфликты // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 2. С. 153–157. DOI 10.24411/1813-145X-2019-10364.

Ильченко М. С. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // Quaestio Rossica. 2016. № 3. С. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та : Урал. арх.-худож ин-т, 1993. 216 с.

Мелентьев А. Дисциплина труда // Правда. 1981. 6 февр. № 37 (22833). С. 2.

Нестерова З. Н. Магнитогорск. М. : Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1951. 64 с.

Николаев И. С. Об архитектурном лице советского завода // Академия архитектуры. 1935. № 1–2. С. 85–91.

Пискунова Л. П., Старостова Л. Э., Янков И. В. Реконтекстуализация архитектурного наследия советского авангарда: выставочный проект «Городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» // Вестник Пермского университета. 2017. № 2. С. 85–98. DOI 10.17072/2219-3111-2017-2-85-98.

Расторгуев А., Токменинова Л., Фольперт А. Наследие эксперимента. Из истории архитектурного авангарда на Урале // Урал : [сайт]. 2011. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/6/nasledie-eksperimenta.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Савченко И. П., Липявкин А. Ф., Калинин П. П. Царицын – Сталинград – Волгоград. Волгоград : Ниж.-Волж. книж. изд-во, 1967. 191 с.

Старостенко Ю. Д. Zlin – идеальный город межвоенного чешского модернизма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2019. № 1 (12). С. 261–282. DOI 10.25995/NIPIAG.2019.12.1.013.

Степанов А. В., Степанова Т. М. Конструктивизм в структуре архитектурно-стилевой айдентики Екатеринбурга // Академический вестник УралНИИпроект РАСН. 2014. № 2. С. 15–19.

Токарев А. Г. Сталинградский тракторный завод – пространство индустриализации и конструктивизма // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21, № 1. С. 85–100. DOI 10.31675/1607-1859-2019-21-1-85-100.

Трубина Е. Г. Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2013. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/14t-pr.html> (дата обращения: 07.07.2022).

Фрейдин И. Страна Советов : Краткий экономико-географический очерк СССР. М. : Молодая гвардия, 1937. 354 с.

Чемонин А. Первенец первой пятилетки // Известия Советов народных депутатов СССР. 1980. 16 июня. № 140 (10510). С. 2.

Чередниченко Ж. М. Новокузнецк в 1920–1930-е годы в памятниках модернизма // Баландинские чтения. 2018. № 1. С. 601–605.

Черныш М. А. Отражения стиля конструктивизм в исторической застройке г. Макеевки (на примере поселка Современная колония) // Апробация. 2015. № 10 (37). С. 20–23.

Шолух Н. В., Губанов А. В. Идеино-гуманистические и композиционно-планировочные аспекты формирования промышленных поселков 1920–1930-х гг. в г. Макеевке // Вісник Донбаської національної академії будівництва і архітектури. 2012. № 4. С. 12–21.

Явкина Ю. А. Архитектурно-планировочное формирование предзаводской территории промышленных предприятий г. Новосибирска // Ноэма : (Архитектура. Урбанистика. Искусство). 2019. № 2. С. 20–33.

Яковлев В. Б. Развитие архитектурно-планировочных структур малых металлургических городов Урала : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Екатеринбург : [Б. и.], 2006. 28 с.

Buder S. The Model Town of Pullman: Town Planning and Social Control in the Gilded Age // Journal of the American Institute of Planners. 1967. № 1. P. 2–10.

Lawrence Park Trail // Let's Move Outside! Erie County Recreational Passport. URL: <http://letsmoveoutside.org/trails.php/Lawrence-Park-Trail/51/2218/655/5017> (accessed: 02.01.2022).

Milton Hershey and the Derry Township Public Schools // Hershey Community Archives. URL: <https://hersheyarchives.org/encyclopedia/milton-hershey-and-the-derry-township-public-schools/> (accessed: 02.01.2022).

Politini S. Torviscosa, la città della cellulosa in Friuli Venezia Giulia // Archeologiaindustriale.net : [website]. URL: https://archeologiaindustriale.net/2100_torviscosa-la-citta-della-cellulosa-in-friuli-venezia-giulia/ (accessed: 02.01.2022).

References

Arkhipova, Yu. V. (2016). Vizual'nye obrazy Urala i ikh rol' v konstruirovanii brendov [Visual Images of the Urals and Their Role in Constructing Brands]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*. No. 1, pp. 83–92.

Beklenishcheva, M. V. (2021). Sverdlovskaya oblast' v diplomaticheskoi istorii SSSR: vizity pervykh lits inostrannykh gosudarstv v region (1955–1965) [Sverdlovsk Region in the Diplomatic History of the USSR: Visits of Foreign Leaders to the Region (1955–1965)]. In *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*. Vol. 5. No. 2, pp. 529–570. DOI 10.23859/2587-8344-2021-5-2-6.

Belyaeva, M. A. (2016). Obraz Ekaterinburga: ot istorii k sovremennosti [The Image of Yekaterinburg: From History to Modernity]. In *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. No. 1, pp. 119–127.

Blaginykh, E. A., Drozhzhin, R. A. (2018). Mekhanizmy i printsipy renovatsii stagniruyushchikh territorii promyshlennykh predpriyatii [The Mechanisms and Principles of Stagnating Territories Renovation of Industrial Enterprises]. In *Gradostroitel'stvo i arkhitektura*. No. 4, pp. 61–68. DOI 10.17673/Vestnik.2018.04.11.

Boitler, V. S. (1936). Arkhitekturnaya rekonstruktsiya Stalingradskogo traktornogo zavoda [Architectural Reconstruction of the Stalingrad Tractor Plant]. In *Problemy arkhitektury*. Moscow, Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury. Vol. 1. Book 2, pp. 137–143.

Bryzgalina, E. (2019). Ostanovivshii vremya [The One Who Stopped Time]. In *Magnitogorskii metall*. August 15. No. 91 (13596), p. 12.

Buder S. (1967). The Model Town of Pullman: Town Planning and Social Control in the Gilded Age. In *Journal of the American Institute of Planners*. No. 1, pp. 2–10.

Chemonin, A. (1980). Pervenets pervoi pyatiletki [The First-Born of First Five Year Plan]. In *Izvestiya*. June 16. No. 140 (10510), p. 2.

Cherednichenko, Zh. M. (2018). Novokuznetsk v 1920–1930-e gody v pamyatnikakh modernizma [Novokuznetsk in the 1920s – 1930s in the Monuments of Modernism]. In *Balandinskii chteniya*. No. 1, pp. 601–605.

Chernysh, M. A. (2015). Otrazheniya stilya konstruktivizm v istoricheskoi zastroyke g. Makeevki (na primere poselka Sovremennaya koloniya) [Constructivist Reflections in Historical Urban Landscape of Makeevka (with Reference to Sovremennaya Koloniya Settlement)]. In *Aprobatsiya*. No. 10 (37), pp. 20–23.

Danilov, V. N. (2013). Oboronno-promyshlennyi kompleks Saratova v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: problemy formirovaniya i deyatelnosti [The Defensive and Industrial Complex of Saratov during the Great Patriotic War: Issues of Formation and Activity]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 13. Iss. 2, pp. 102–111.

Desyat' let goroda uglya i metalla [Ten Years of the City of Coal and Metal]. (1934). Stalinsk, Yubileinaya komissiya. 288 p.

Efremova, E. N. (2015). “Zdes' budet gorod-sad”: utopicheskii obraz goroda v zavodskoi gazete Uralmasha [“Here will be a garden-city”: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Freidin, I. (1937). *Strana Sovetov. Kratkii ekonomiko-geograficheskii ocherk SSSR* [The Country of Soviets. An Essay on the Economy and Geography of the USSR]. Moscow, Molodaya gvardiya. 354 p.

Il'chenko, M. S. (2016). Opyt Uralmasha v arkhitekture sovetskogo avangarda: gradostroitel'nyi eksperiment 1920–1930-kh gg. [Uralmash in the Architecture of Soviet Avant-Garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s]. In *Quaestio Rossica*. No. 3, pp. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Ilivitskaya, L. G. (2019). Tsentri i periferii goroda: khronotopicheskie konfliktki [The Centre and Periphery of a City: Chronotopic Conflicts]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. No. 2, pp. 153–157. DOI 10.24411/1813-145X-2019-10364.

Lawrence Park Trail. (N. d.). In *Let's Move Outside! Erie County Recreational Passport*. URL: <http://letsmoveoutside.org/trails.php/Lawrence-Park-Trail/51/2218/655/5017> (accessed: 02.01.2022).

Lotareva, R. M. (1993). *Goroda-zavody Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory Towns of Russia. 18th – First Half of 19th Centuries]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ural'skii arkhitekturno-khudozhestvennyi institut. 216 p.

Melent'ev, A. (1981). Distsiplina truda [Labour Discipline]. In *Pravda*. Febr. 6. No. 37 (22833), p. 2.

Milton Hershey and the Derry Township Public Schools. (N. d.). In *Hershey Community Archives*. URL: <https://hersheyarchives.org/encyclopedia/milton-hershey-and-the-derry-township-public-schools/> (accessed: 02.01.2022).

Nesterova, Z. N. (1951). *Magnitogorsk* [Magnitogorsk]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture. 64 p.

Nikolaev, I. S. (1935). Ob arkhitekturnom litse sovetskogo zavoda [On the Architectural Face of the Soviet Factory]. In *Akademiya arkhitektury*. No. 1–2, pp. 85–91.

Piskunova, L. P., Starostova, L. E., Yankov, I. V. (2017). Rekontekstualizatsiya arkhitekturnogo naslediya sovetskogo avangarda: vystavochnyi proekt „Gorodki Sverdlovsk: ot arkhitekturnogo proekta k sotsial'nomu opyту” [A Recontextualisation of the Architectural Heritage of Soviet Avant-Garde: Exhibition Project *The Townships of Sverdlovsk: From an Architectural Project towards a Social Experiment*]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 2, pp. 85–98. DOI 10.17072/2219-3111-2017-2-85-98.

Politini, S. (2014). Torviscosa, la città della cellulosa in Friuli Venezia Giulia. In *Archeologiaindustriale.net* [website]. URL: https://archeologiaindustriale.net/2100_torviscosa-la-citta-della-cellulosa-in-friuli-venezia-giulia/ (accessed: 02.01.2022).

Rastorguev, A., Tokmeninova, L., Fol'pert, A. (2011). Nasledie eksperimenta. Iz istorii arkhitekturnogo avangarda na Urale [The Legacy of an Experiment. From the History of Architectural Avant-Garde in the Urals]. In *Ural* [website]. No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/6/nasledie-eksperimenta.html> (accessed: 07.07.2022).

Savchenko, I. P., Lipyavkin, A. F., Kalinichenko, P. P. (1967). *Tsaritsyn – Stalingrad – Volgograd* [Tsarytsyn – Stalingrad – Volgograd]. Volgograd, Nizhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 191 p.

Sholukh, N. V., Gubanov, A. V. (2012). Ideino-gumanisticheskie i kompozitsionno-planirovochnye aspekty formirovaniya promyshlennykh poselkov 1920–1930-kh gg. v g. Makeevke [The Humanist and Urbanist Aspects of the Formation of Industrial Settlements in Makeevka between the 1920s and 1930s]. In *Visnik Donbas 'koi natsional'noi akademii budivnitstva i arkhitekturi*. No. 4, pp. 12–21.

Starostenko, Yu. D. (2019). Zlin – ideal'nyi gorod mezhvoennogo cheshskogo modernizma [Zlin, an Ideal City of Interbellum Czech Modernism]. In *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*. No. 1, pp. 261–282. DOI 10.25995/NIITIAG.2019.12.1.013.

Stepanov, A. V., Stepanova, T. M. (2014). Konstruktivizm v strukture arkhitekturno-stilevoi aidentiki Ekaterinburga [Constructivism in the Structure of the Architectural and Stylistic Identity of Yekaterinburg]. In *Akademicheskii vestnik UralNIiproekt RASN*. No. 2, pp. 15–19.

Tokarev, A. G. (2019). Stalingradskii traktorny zavod – prostranstvo industrializatsii i konstruktivizma [The Stalingrad Tractor Plant – Space of Industrialisation and Constructivism]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. No. 1, pp. 85–100. DOI 10.31675/1607-1859-2019-21-1-85-100.

Trubina, E. G. (2013). Primiryayas' s upadkom: ruiny 2.0 [Accepting the Decline: Ruins 2.0]. In *Neprikosnovennyi zapas* [website]. No. 3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/3/14t-pr.html> (accessed: 07.07.2022).

Van'ke, A., Polukhina, E. (2018). Territorial'naya identichnost' v industrial'nykh raionakh: kul'turnye praktiki zavodskikh rabochikh i deyateli sovremennogo iskusstva [Territorial Identities in Industrial Neighborhoods: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Art Communities]. In *Laboratorium*. No. 3, pp. 4–34. DOI 10.25285/2078-1938-2018-10-3-4-34.

Yakovlev, V. B. (2006). *Razvitie arkhitekturno-planirovochnykh struktur malykh metallurgicheskikh gorodov Urala* [The Development of Architectural Planning Structures of Small Metallurgical Towns of the Urals]. Avtoref. dis. ... kand. arkhitektury. Yekaterinburg, S. n. 28 p.

Yavkina, Yu. A. (2019). Arkhitekturno-planirovochnoe formirovanie predzavodskoi territorii promyshlennykh predpriyatii g. Novosibirsk [The Architectural Formation of Factory Entrance Territory of Industrial Enterprises in Novosibirsk]. In *Noema. (Arkhitektura. Urbanistika. Iskusstvo)*. No. 2, pp. 20–33.

Zhuravkov, Yu. M. (1998). Kak stroilsya Novyi Kuznetsk: Istoriya raionov goroda: arkhitektura i blagoustroistvo [How Novyi Kuznetsk Was Built: The History of the City Districts: Architecture and Urban Improvement]. In *Novokuznetsk, 380. Gorod i sud'by. 1618–1998*. Novokuznetsk, PrizmaDo, pp. 30–78.

Zhuravleva, N. I., Mel'nikova, S. V. (2017). Ekaterinburg – Sverdlovsk: transformatsiya obraza goroda [Yekaterinburg – Sverdlovsk: The Transformation of the City Image]. In *Chelovek v mire kul'tury. Regional'nye kul'turologicheskie issledovaniya*. No. 2/3 (21), pp. 66–70.

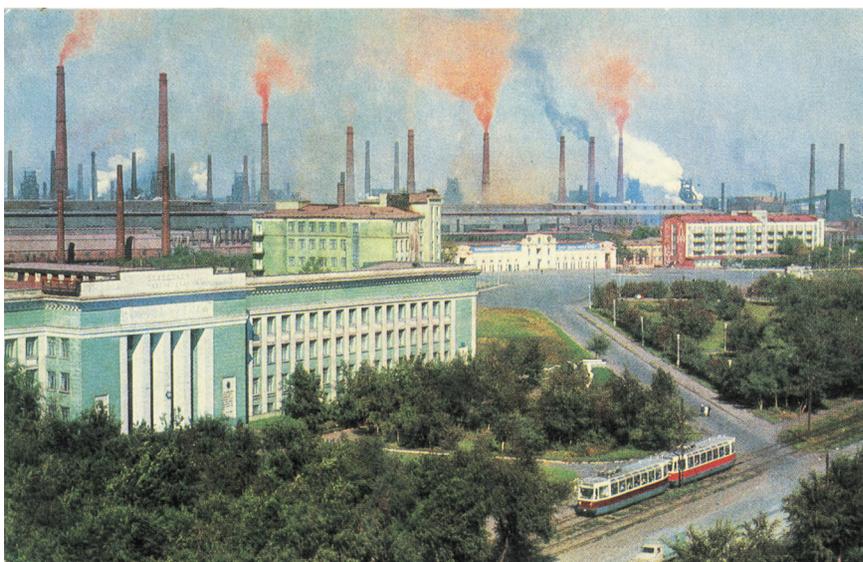
Zil'bert, A. E. (1936). Planirovka promyshlennoj territorii [Industrial Territory Planning]. In *Problemy arkhitektury*. Moscow, Vsesoyuznaya Akademiya arkhitektury. Vol. 1. Book 2, pp. 7–38.

The article was submitted on 10.03.2022

Иллюстрации к статье:
Константин Бугров. Заводские площади: градостроительная специфика
и культурно-историческая семантика в эпоху индустриализации
Illustration for the article:
Konstantin Bugrov. Factory Forecourts: Peculiarities in Construction
and Cultural and Historical Semantics during Industrialisation

1. Площадь Дзержинского. Волгоград. Из комплекта открыток
«Город-герой Волгоград». 1979
Dzerzhinsky Square. Volgograd. From *The Hero City Volgograd*
postcard collection. 1979

2. Комсомольская площадь. Магнитогорск. Из комплекта открыток «Магнитогорск».
Фото Б. Клипиницера. 1972
Komsomolskaya Square. Magnitogorsk. From the *Magnitogorsk* postcard collection.
Photograph by B. Klipitser. 1972

3. Площадь 1-й Пятилетки. Свердловск. Ил. из кн. «Советская архитектура за XXX лет. РСФСР». М., 1950
First Five-Year Plan Square. Sverdlovsk. An illustration from *The Architecture of the USSR over 30 Years*. RSFSR. Moscow, 1950

4. Площадь Побед. Сталинск. Открытка. Фото Г. Белянина. 1937
Square of Victories. Stalinsk. Postcard. Photograph by G. Belyanin. 1937

Conceptus
et conceptio

Conceptus
et conceptio

**«Идея истории» в позднем научном творчестве
Ю. М. Лотмана***

Вадим Парсамов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

***The Idea of History in Yu. M. Lotman's
Later Research*****

Vadim Parsamov

HSE University,
Moscow, Russia

This article has a twofold goal, i. e. to identify the origins of late Yu. M. Lotman's later ideas about history and to determine their peculiarities. The author focuses on two of Lotman's fundamental ideas: the unpredictability of history and the juxtaposition of explosive and evolutionary processes. He understands the unpredictability of the historical process both in terms of the impossibility of predictions and in terms of turning to the past, which always depends on the present. To a large extent, Lotman developed the idea polemizing with the Annales School, which regarded the historical process as a slow time-reversible development. While appreciating the works of this school, Lotman contrasted the idea of *longue durée* with the idea of an explosion and the position of the researcher who is above the historical process and takes a position within it. On the one hand, the unpredictability of history is a source of the constant growth of new information, which makes history related to the artistic text. On the other hand, it increases the responsibility of any person who is able not only to study history but also to influence its course. It gives the historical process a moral character.

---

* Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

** Citation: Parsamov, V. (2022). *The Idea of History in Yu. M. Lotman's Later Research*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1175–1188. DOI 10.15826/qr.2022.3.722.

Цитирование: Parsamov V. *The Idea of History in Yu. M. Lotman's Later Research* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1175–1188. DOI 10.15826/qr.2022.3.722 / Парсамов В. «Идея истории» в позднем научном творчестве Ю. М. Лотмана // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1175–1188. DOI 10.15826/qr.2022.3.722.

The opposition of explosive and evolutionary processes corresponds to the opposition of binary and ternary models in historical evolution. In this regard, Lotman develops the ideas of C. Lévi-Strauss and J. Le Goff. However, unlike them, who deemed the separate existence of ternary and binary structures possible, Lotman shows their inseparable unity, which exists not only in the historical process but also in national literature and the work of individual writers. Lotman not only likens history to art but contrasts it to art as a look into the past is opposed to a look into the future. In Lotman's appeal to the historical past, one can notice the synthesis of scholarly thinking and artistic imagination, which gives his later works a freer style and depth.

Keywords: Lotman, theories of the historical process, culture, text, Annales School

Статья преследует двоякую цель: выявить истоки представлений позднего Ю. М. Лотмана об истории и определить их своеобразие. В центре внимания две основополагающие идеи Лотмана: непредсказуемость истории и противопоставление взрывных и эволюционных процессов. Непредсказуемость исторического процесса понимается им не только в плане невозможности предсказаний, но и в плане обращения к прошлому, которое всегда зависит от настоящего. Эта идея развивалась Лотманом во многом в полемике со школой «Анналов», для которой исторический процесс представлял собой медленное развитие, обратимое во времени. Высоко оценивая труды этой школы, Лотман вместе с тем противопоставлял идее *longue durée* идею взрыва и позицию исследователя, находящегося как бы над историческим процессом, позицию внутри него. Непредсказуемость истории, с одной стороны, является источником постоянного возрастания новой информации, что роднит историю с художественным текстом. С другой стороны, это повышает ответственность любого человека, способного не только изучать историю, но и влиять на ее ход. Это придает историческому процессу нравственный характер. Противопоставлению взрывных и эволюционных процессов соответствует противопоставление бинарных и тернарных моделей в исторической эволюции. В этом плане Лотман развивает идеи К. Леви-Стросса и Ж. Ле Гоффа. Однако, в отличие от них, допуская отдельное существование тернарных и бинарных структур, Лотман показывает их неразрывное единство, существующее не только в историческом процессе в целом, но в национальных литературах, творчестве отдельных писателей и их произведениях. История не только уподобляется Лотманом искусству, но и противопоставляется ему как взгляд в прошлое взгляду в будущее. В обращении самого Лотмана к историческому прошлому может заметить синтез научного мышления и художественного воображения, придающий его поздним работам своеобразный стиль.

Ключевые слова: Ю. М. Лотман, теория исторического процесса, культура, текст, школа «Анналов»

Восприятие истории Ю. М. Лотманом неоднократно становилось предметом обсуждения его коллег и учеников. Из двух фундаментальных идей – противопоставления взрывных и эволюционных процессов и непредсказуемости истории – первая, как правило, не вызывает ни у кого возражений, а вторая, наоборот, провоцирует дискуссии. Так, после взрыва, по мнению Лотмана, на поверхность истории выбрасывается пучок равновероятных возможностей, из которых реализуется лишь одна. Эта мысль вызвала сомнения у Вяч. Вс. Иванова («Я не до конца уверен в том, что возможности даже при наиболее радикальном взрыве всегда вероятны» [Иванов, с. XIII]) и более категорическое несогласие Б. Ф. Егорова: «равновероятность почти всегда маловероятна! Чаще всего среди возможностей возникает более сильная» [Егоров, с. 213]. Критика в данном случае не попадает в цель, так как Лотман и его оппоненты говорят о разных вещах. Б. Ф. Егоров для подтверждения своей мысли приводит пример: «большевики победили благодаря жестокой агрессивности и нравственному цинизму, а при честной социально-политической борьбе (нормальные всеобщие выборы) им бы никогда не видать победы» [Там же]. Само по себе высказывание вполне справедливо, но оно лишь подтверждает мысль Лотмана. Исторический выбор между «жестокой агрессивностью» и «честной социально-политической борьбой» вплоть до 25 октября был равновероятен. В итоге здесь сработал принцип «орел – решка».

Но у Лотмана речь идет не только о непредсказуемости будущего, но и о вариативности прошлого. Эта мысль вызывает, пожалуй, наибольшее количество недоразумений. Полемизируя с этой мыслью, Б. Ф. Егоров пишет: «Никакие тексты и структуризации не поколеблют точного сведения, что большевистская революция в Петрограде совершилась 25 октября 1917 г. по старому стилю, а Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г.». И это высказывание Б. Ф. Егорова, не вызывающее никаких сомнений само по себе, не совсем имеет отношение к тому, что имел в виду Лотман. Строго говоря, у Егорова речь идет о хронологии, а не об истории как пространстве, а именно так, и сам Егоров это не отрицает, Лотман понимал историю. Если даты действительно неизменны, то *события* революции и войны и сейчас во многом являются для нас неожиданными и непредсказуемыми.

Наиболее обстоятельное освещение лотмановская идея непредсказуемости истории получила в работе С. Т. Золяна [Золян, 2013]. Исследователь рассматривает взгляды Лотмана на историю в философском контексте, показывая точки типологического сходства и различия с концепциями Карла Поппера, Яна Лукасевича, Георга Хенрика фон Вригга и др. У всех этих авторов идея непредсказуемости прошлого так или иначе связана с идеей обусловленности прошлого настоящим. Своеобразие лотмановского подхода Золян видит в том, что «Лотман намечает дополнительный метод описания истории – “эстетический”, основанный не только на воссоздании имевших место событий, но и на реконструировании возможных» [Там же, с. 73]. Такой вывод

сам по себе не вызывает сомнений, так как подтверждается большим количеством примеров. Однако идея непредсказуемости прошлого у Лотмана имеет и другой, не только эстетический смысл. В своей статье Золян большое внимание уделил полемике Лотмана с Марком Блоком по поводу симметрии и асимметрии исторического процесса.

Коротко напомним суть этой полемики. Блок уподобил историю фильму, в котором «целым остался только последний кадр». Историк для того, «чтобы восстановить стершиеся черты остальных кадров, следует сперва раскручивать пленку в направлении, обратном тому, в котором шла съемка» [Блок, с. 29]. Возражая Блоку¹, Лотман пишет: «Можно было сразу заметить, что в этом фильме все кадры, кроме первого, окажутся полностью предсказуемыми и, следовательно, совершенно излишними. Но дело даже не в этом. Важнее отметить, что искажается сама сущность исторического процесса. История – асимметричный, необратимый процесс. Если пользоваться образом Марка Блока, то такой странный кинофильм, который, будучи запущен в обратном направлении, *не приведет* нас к исходному кадру» [Лотман, 1996, с. 319–320]. Это место вызвало у С. Т. Золяна недоумение: «Лотман никак не поясняет, каким образом запущенная в обратном направлении кинолента приведет нас не к “исходному”, а к некоторому иному, “ставшему исходным” кадру. И откуда взялся этот “новый исходный” кадр?» [Золян, 2013, с. 44]. Этот вопрос Золян, судя по всему, задает Лотману и сам же, пытаясь на него ответить, высказывает два предположения. Во-первых, это «возможность политического манипулирования историей вплоть до той радикальной формы, которая представлена в романе Джорджа Оруэлла “1984”», во-вторых, это зависимость прошлого от «логико-семантических высказываний» о нем, которые, в свою очередь, зависят от политических установок интерпретатора. В качестве примера Золян приводит Карла Поппера, который считал, что в истории нет ни смысла, ни цели, и что и то, и другое в нее привносит историк [Там же, с. 47].

Однако дальше обе эти версии Золян отвергает как не имеющие отношения к позиции Лотмана. Более близкой Лотману он считает точку зрения финского философа Георга Хенрика фон Вригта, полагавшего, что «приписывание нового значения прошлым событиям является не вопросом субъективной “переоценки”, а вопросом *объяснения*, справедливость которого в принципе допускает объективную проверку» [Там же, с. 49]. «Нам представляется, – продолжает он, – что для Лотмана была бы ближе именно такая версия изменчивости истории, которая исходила бы не из политических

---

¹ Необходимо отметить, что Лотман считал М. Блока не только выдающимся историком, но и великим человеком. Сама героическая судьба историка – героя Сопротивления, борца антифашистского подполья, прошедшего через пытки гестапо и в итоге расстрелянного, – по мнению Лотмана, опровергает его же собственные исторические концепции, в которых не нашлось места вопросу «о личной активности и ответственности как исторических категориях».

целей, а из внутреннего смыслового потенциала соотнесенных между собой исторического прошлого и настоящего, многовекторности и многозначности устанавливаемых при подобном соотнесении причинно-следственных отношений и объясняющих моделей. Как следствие уже отмеченной неизбежной при описании исторического процесса ретроспекции, осмысление прошлого исходит из настоящего – вновь используя метафору М. Блока, можно сказать, что кинолента прокручивается в обратном направлении. Но, как и предполагал Ю. М. Лотман, такой показ не приведет нас к начальному кадру. Остается лишь выдвинуть гипотезу, что сама лента изменилась к моменту показа» [Золян, 2013, с. 38].

Между тем изменилась, конечно, не лента, а запечатленная на ней жизнь. Если каким-то волшебным образом нам бы удалось отмотать жизнь обратно (а допустив это, мы просто обязаны исключить представление о прошлом как о единственно возможной последовательности событий), то представшая перед нашим взором картина не совпала бы с обратным движением киноленты. Утраченные возможные пути получили бы воплощение, и прошлое, проигранное заново, разошлось бы со своей «киноверсией». Реальное и потенциальное менялись бы местами. Движение в прошлое оказалось бы для гипотетического наблюдателя столь же непредсказуемым, как и для нас движение в будущее. Невозможность даже теоретически снова попасть в прошлое подчеркивал и сам Лотман: «взрыв перебрасывает процесс в другую систему закономерностей, поэтому прокручивание его в обратном направлении невозможно» [Лотман, 2010, с. 38].

Итак, вопрос, по существу, сводится к следующему: что меняется – наши представления о прошлом или само прошлое? Представление о том, что прошлое само по себе неизменно, а наши взгляды на него несовершенны и в силу этого они постоянно уточняются, меняются и т. д., ввиду своей тривиальности вряд ли нуждается в обсуждении, если, конечно, не видеть в этом некоторого противоречия. Если наши представления о прошлом несовершенны, то откуда мы можем быть уверенными в его неизменности? Разумеется, Лотман никогда не отрицал, а, наоборот, всегда подчеркивал, что они зависят от современности: «Даже без установки на сознательную фальсификацию мы неизбежно моделируем прошлое, потому что прошлое определенным образом отражает установку современности». Но для него этим проблема не исчерпывалась. Он был убежден в том, что меняются не только наши представления о прошлом, но и само прошлое: «И глубоко убежден – может быть, это прозвучит странно, – что прошлое меняется, что прошлое не остается неизменным. Точно так же, как один и тот же роман, одно и то же произведение искусства. Да и сама наша память» [Профессор Лотман, с. 110].

Сам характер изменения прошлого для Лотмана определяется представлением об истории как интеллектуальном устройстве. Для того, чтобы это интеллектуальное устройство работало, необходимо,

чтобы оно было подключено к другому интеллектуальному устройству. Чтобы роман стал произведением искусства, он должен читаться. Для того, чтобы история стала живым процессом, ее необходимо наблюдать. Наблюдатель исторического процесса, как и читатель книги, становится активным участником производства новых смыслов. Для Лотмана важно то, что не интерпретатор исторического процесса вносит в него собственный смысл и ставит перед ним собственные цели, как об этом писал Поппер, а наоборот, смысл истории раскрывается перед ним в зависимости от той точки зрения, с которой он смотрит на историю, и от степени его способности воспринять этот смысл.

Практическую сторону этого вопроса сам Лотман пояснил на примере соотношения художественного и нехудожественного текстов. Нехудожественный текст обладает высокой степенью избыточности: «приблизительно к середине фразы мы уже можем с достаточной вероятностью предсказать ее окончание». Художественный текст этой закономерности не подчиняется. «Наряду с тем, что по мере развертывания текста растет предсказуемость, одновременно растет и неожиданность текста. И, как правило, хорошее произведение (этим оно отличается от плохого) до конца держит нас в напряжении. До конца мы не можем предсказать последнюю часть. И вот, когда я смотрю на исторический процесс, у меня возникают параллели не с обычным текстом, а скорее с художественным» [Профессор Лотман, с. 102].

Таким образом, непредсказуемость художественного текста и непредсказуемость истории объединяются общим для них признаком принадлежности к искусству. Однако если художественный текст является одним из проявлений искусства, то соотношение истории и искусства более сложно. История, по парадоксальному суждению Лотмана, явление более новое, чем искусство. Появление искусства он относит к палеолиту, а об истории, по его мнению, можно говорить «начиная с неолита». Если искусство является неотъемлемой частью человеческого мышления, то начало истории Лотман связывает с равной вероятностью и с успехом, и с генетической катастрофой: «Неизвестно, что произошло с “предчеловеками”. Был ли это успех или была генетическая катастрофа, но произошла очень важная перемена, которая нарушила предсказуемость поведения» [Лотман, 2003, с. 521].

Непредсказуемость истории, как и непредсказуемость искусства, является источником порождения новых смыслов. Однако есть существенное различие, которое Лотман хоть и не акцентирует, тем не менее, оно вполне отчетливо просматривается в его работах и связано с категорией взрыва. Сама эта категория появляется у Лотмана почти одновременно с интересом к школе «Анналов» и может быть интерпретирована как антоним к такому понятию этой школы, как *la longue durée*².

---

² Устойчивого перевода этого понятия на русский язык не существует. Лотман переводил вольно – и как «большая длительность», и как «долгое дыхание». Последний перевод менее точен, но зато он более четко противопоставляется лотмановскому понятию взрыва.

Оба эти понятия относятся как к изучаемому объекту, так и к языку описания, то есть одни и те же явления могут быть описаны и в категориях взрыва, и в категориях *la longue durée*. Но главное не в этом. Школа «Анналов» принципиально исключает взрывы из своих исторических концепций, ее апологеты ставят своей задачей описание медленных процессов, представляющих собой сплошной поток исторического времени. Время и пространство для них недискретны. У Лотмана время дискретно. Взрыв для него «как бы вырван из времени» [Лотман, 2010, с. 521]. Именно дискретность времени превращает историю в информативный процесс. Школа «Анналов» потому и важна была для Лотмана, что его теория взрыва не только не исключала, но, напротив того, предполагала *la longue durée*.

Особый интерес Лотман проявлял к работам Жана Делюмо, в которых Ренессанс рассматривался как постепенно вырастающая из Средневековья действительность: «Возрождение прокрадывалось внутрь средневековых структур, которые постепенно преображало» [Делюмо, с. 439]. Главная задача Делюмо – доказать, что «между Средними веками и Ренессансом не существовало общего и резкого разрыва». Для него Средние века – это спящий Ренессанс, а Ренессанс – пробужденные Средние века, то есть два состояния одного и того же явления. Рисуя широкую картину различных сфер повседневной жизни Европы, Делюмо почти полностью растворяет в ней великих деятелей гуманизма, мотивируя это тем, что «было бы слишком легко и просто отделять знаменитых людей Возрождения от их естественной среды» [Делюмо, с. 389]. Сам феномен славы (*fama*) Леонардо, Микеланджело, Рафаэля Делюмо связывает не с достоинствами их произведений, которые даже не рассматривает, а трактует как часть ментальности человека той эпохи, в сознание которого проникает понятие славы [Там же, с. 397–398]. Его интересует только типичное и не интересует исключительное, иными словами, то, что относится к сфере закономерного, а не случайного.

При этом, стремясь достигнуть максимально возможного синтеза, Делюмо вынужден переводить уникальные явления Ренессанса на язык типического описания. Так, например, он много внимания уделяет Леонардо как механику, и то только потому, что, по его мнению, «Леонардо не был гением изобретательства, и его идеи не были универсальными» [Там же, с. 180]. Микеланджело интересует Делюмо как «один из предшественников искусства барокко» [Там же, с. 131]. Точно так же, как отсутствует граница между Ренессансом и Средними веками, она отсутствует и между Ренессансом и эпохой барокко. Делюмо хорошо показал, как секуляризация культуры в эпоху Возрождения привела, с одной стороны, к развитию «огромного нейтрального сектора» [Там же, с. 506], а, с другой стороны, к формированию острых противоречий, образующихся столкновением «разумных» и «неразумных» начал: «То было время улыбок и ненависти, изящества и грубости, бахвальства и суровости, невиданной храбрости и страха»

[Делюмо, с. 514–515]. Эта сторона исследований Делюмо, показывающих, как бурное развитие рационального начала приводит не к подавлению, а, наоборот, к активизации противоположных иррациональных сил, была важна для Лотмана, так как подтверждала скорее его концепцию взрыва, чем идею медленного развития школы «Анналов».

Полемика Лотмана со школой «Анналов» затрагивала не только характер исторического процесса, но и вопрос о позиции исследователя. Теоретическая позиция французских историков была довольно проста и заключалась в стремлении создать синтетическую модель исторического процесса с опорой на социологию и этнологию. Феноменальный успех школы объясняется, разумеется, не этими установками, представляющими собой вывернутую наизнанку историю гениев и героев, а качеством исследовательских работ, сочетающих в себе обширность знаний с мастерством литературного изложения. Лотман выражал почти общее мнение, когда писал, что «чтение трудов Ф. Броделя, Ж. Ле Гофа, Ж. Делюмо, М. Вовеля etc. доставляет специалисту не только профессиональное, но и эстетическое наслаждение, ибо красота четкой мысли – это тоже красота» [Лотман, 1996, с. 317]. Отрицая роль искусства в истории и сводя его фактически к набору технических средств, «новые историки» при этом сами создают свои тексты как произведения искусства, где сам автор выступает как всезнающий демиург, внеположный создаваемому им миру.

Лотман же скрещивает историю не с социологией, а с семиотикой, и позиция наблюдателя, то есть того, кто воспринимает информацию, здесь становится определяющей, так как именно он осуществляет семиотический перевод с языка изучаемой эпохи на язык современной ему культуры. Но и сам язык изучаемой эпохи может быть освоен только через речевые особенности его носителей, и здесь Лотман сближается со школой «Анналов», с ее интересом к массовой психологии. Однако позиция наблюдателя исторического процесса у Лотмана получает не только языковое, но и пространственное выражение. В своем последнем интервью, записанном Л. Ф. Глушковской 6 июля 1993 г., Лотман провел аналогию между исследователем культуры и собственным артиллерийским опытом: «...предположим, что у вас есть пушка, стреляющая по цели, которую вы не видите. Цель находится за горой. Перед вами гора, и ни черта не видно. Что делать? И вы делаете простые вещи. Вы выносите один наблюдательный пункт далеко влево, другой – далеко вправо и соединяете их рацией. Один смотрит под одним углом, другой – под другим, а вы видите то, что находится за горой. То есть вы меняете и таким образом расширяете свою точку зрения. Разница позиций обеспечивает некоторый прорыв к истине» [Лотман, 2003, с. 302].

Приведу пример того, как в работах самого Лотмана меняется представление о прошлом в зависимости от точки зрения наблюдателя. В статье «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)», написанной в соавторстве с Б. А. Успенским, протививо-

поставляются два подхода к культуре: внешний, фиксирующий предписания и запреты, и внутренний, аксиологический, объясняющий их логику. Семиотический подход к истории имеет дело со вторым. С этой точки зрения русская культура характеризуется полярным распределением нравственных ценностей, выражающимся «в дуальной природе ее структуры» [Лотман, 2002, с. 89]. Это выделяет ее на фоне европейской культуры, где пространство между крайними полюсами оказывается заполненным нейтральными общественными институтами. Авторов интересует культура как особым образом организованная пространственная структура. Типология выстраивается по принципу наличия/отсутствия середины между крайними полюсами этого пространства. При этом авторы не ставят вопроса о возможности дуальной структуры, вопроса, который задолго до появления этой статьи был поставлен, правда, на другом материале, К. Леви-Строссом.

В статье «Существуют ли дуальные организации» Леви-Стросс на примере пространственных представлений североамериканских индейцев выделил два типа дуальной организации: диаметральную и концентрическую. Первая представляет собой классическую дуальную модель, геометрическим выражением которой будут два отрезка прямой, «размещенных на одной продолжающейся линии и смыкающихся в одной общей точке» [Леви-Стросс, с. 136]. Вторая строится по принципу противопоставления центра и периферии. При этом периферия соотносится не только с центром, но и с лежащей за ее пределами реальностью. Например, «противопоставление между расчищенной площадкой (центр) и невозделанным участком (периферийное кольцо) требует участия третьего члена оппозиции – кустарника или леса, т. е. целины, образующей окружность вокруг двоичного комплекса и в то же время как бы продолжающей его. Поскольку расчищенная площадка так относится к невозделанному участку, как этот последний – к целине» [Там же, с. 137]. Вторая модель, отличаясь от первой динамичностью и асимметрией, «несет в себе неявно выраженную троичность» [Там же, с. 136]. Противопоставление диаметальной и концентрической дуальностей у Леви-Стросса отчасти соответствует противопоставлению симметричных и асимметричных структур в динамике культуры у Лотмана.

Уже после публикации статьи Лотмана и Б. А. Успенского «О роли дуальных моделей» появилась монография Ж. Ле Гоффа «Рождение чистилища», написанная с учетом идей Леви-Стросса [Ле Гофф, с. 15]. Ле Гофф показывает, как на протяжении первого тысячелетия в европейской истории совершался переход от бинарной системы раннего христианства к тернарной системе, получившей свое завершение в воображении третьего элемента загробного мира – чистилища. Первый шаг был сделан Блаженным Августином, выделявшим четыре категории людей: «нечестивцы (неверующие или преступники), которые без какой-либо возможности обжалования или смягчения участи отправляются прямо в ад; другая крайность – мученики, святые и праведники, которые,

невзирая даже на совершенные “легкие грехи”, немедленно или очень скоро пойдут в рай. Между этими двумя крайностями находятся еще две категории: те, кто не является совершенно добродетельным, и те, кто не является совершенно дурным. Этим последним, в сущности, тоже уготован ад; самое большее, на что им можно надеяться и чего для них можно добиться заступничеством, – это “более щадящий” ад.

Остается категория тех, кто не является совершенно добродетельным. Эти могут (вероятно) спастись через очистительный огонь. В конечном счете это не очень многочисленная категория. Но поскольку такой огонь и такая категория существуют, то у Августина имеются более определенные идеи относительно условий их существования. Пусть этот огонь мучителен, но он не является вечным, в отличие от огня геенны, ему подвергаются не в момент последнего судилища, но в период между смертью и воскресением» [Ле Гофф, с. 167]. Завершается оформление чистилища поэмой Данте, которая в книге Ле Гоффа дается как закономерный итог развития этой линии, начатой Августином, и в этом смысле в духе школы «Анналов» Данте предстает как вполне предсказуемое явление. Переход от бинарной системы к тернарной сопровождался глубокими изменениями в социальной и ментальной сфере и осуществлялся в тесном взаимодействии теологов и юристов. И хотя Ле Гофф фиксирует случаи активного сопротивления «рождению» чистилища в основном со стороны ересей манихейского толка, тем не менее, для него именно тернарная организация общества и массового сознания является нормой.

Позиция Лотмана в этом вопросе перекликалась и в то же время существенно отличалась и от позиции Леви-Стросса, и от позиции Ле Гоффа. В статье 1989 г. «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении» русская история рассматривается с иной, чем в статье «О роли дуальных моделей», точки зрения. Уже первое положение этой статьи вносит существенные коррективы в статью 1977 г.: «Строго имманентное, ограниченное исключительно национальными рамками истолкование той или иной культуры возможно лишь при рассмотрении исторически кратких отрезков ее развития» [Лотман, 2002, с. 47]. Основная мысль заключается в том, что нормальное развитие любой национальной культуры осуществляется только в постоянном диалоге с другими культурами. А это значит, что любая культура не только включает в себя образы других культур, но и сама эволюционирует под их воздействием. Поэтому описание дуальных моделей русской культуры представляет собой лишь одну из возможных точек зрения на нее.

В еще более поздней статье 1992 г. «Механизмы смуты (к типологии русской истории культуры)» Лотман возвращается к проблематике статьи «О роли дуальных моделей», но уже в ином ракурсе. Термин «дуальные модели» заменен на «бинарные структуры». Это не просто синоним. «Дуальные модели» хоть и были соотнесены в начале статьи 1977 г. с противоположными европейскими моделями, вклю-

чающими в себя нейтральную сферу, все же они рассматривались изолированно как специфическая черта именно русской культуры, начиная с Киевской Руси и до середины петербургского периода. Бинарные структуры автоматически предполагают тернарные и только относительно их могут быть осмыслены: «В рамках различных национальных культурных систем мы можем отметить интеграции, смешения и противоборства их в синхронии различных культур» [Лотман, 2002, с. 35]. Изменились хронологические рамки работы. Исключена Киевская Русь как имеющая скорее тернарное строение. Ее раннее рассмотрение в рамках дуальной модели стало возможным только в результате исключения «Слова о полку Игореве». Теперь на этом основании Киевская Русь была отнесена к тернарным системам. Напомним, что именно этой эпохой – рубежом XII–XII вв. – Ле Гофф датирует завершение перехода западного мира от бинарных структур к тернарным. Киевская Русь таким образом вписывается в европейскую традицию и противопоставляется Московской Руси. С другой стороны, добавляются XIX и XX вв. Этим снимается грань, разделяющая два века петербургской культуры, проведенная в ранней работе, и добавляется второй московский (советский) период, завершающий большой цикл в развитии русской истории.

Смута рассматривается Лотманом не как конкретный исторический период, а как типологическая характеристика русской культуры: «Смута – закономерное и периодически повторяющееся явление русской культуры. Фактически за время существования империи имели место “смуты” конца XVI – начала XVII в., конца XVII – начала XVIII в., конца XVIII – начала XIX в., конца XIX – начала XX и настоящего, переживаемого нами сейчас, времени. Несмотря на различную окраску этих исторических событий и существенную разницу участвовавших в них сил (установок, программ), все они типологически имели общие признаки: представление о том, что после него должно последовать установление идеального порядка и что будущий путь должен в принципе противостоять общеевропейским историческим дорогам» [Там же, с. 40].

Но дело не только в этом. Работая над статьей о смуте, Лотман внимательно изучал книгу С. Ф. Платонова «Смутное время. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.». В этой книге Платонов показал, как под давлением опричного террора в 1560-е гг. значительная часть населения бежала из центральных районов на периферию, а затем во время ослабления центральной власти в ходе династического кризиса хлынула обратно в центр и произвела смуту. Аналогичные процессы мы видим на всех отмеченных Лотманом этапах. Параллелизм событий начала XVII и начала XX в. очевиден и не нуждается в комментариях. Но примерно то же самое имело место и в остальных случаях. В конце XVII в. Петр I был удален Софьей на периферию политической жизни, как и Павел I Екатериной II сто лет спустя. Затем, получив власть в центре, оба монарха производят «смуту».

Если вернуться к различию, проведенному Леви-Строссом между концентрическими и диаметрными дуальными организациями, то окажется, что когда бинарные структуры русской истории принимают концентрический характер, происходит смута, а когда они становятся диаметрными, начинается застой. Но именно смута в силу своей нестабильности открывает возможность перехода к тернарным структурам. Однако, в отличие от Леви-Стросса и Ле Гоффа, полагавших, что тернарные структуры могут существовать безотносительно к бинарным, Лотман показал их неразрывную связь. Они, как правило, располагаются на различных этапах культуры (тернарные модели преобладают в хозяйственной сфере, а бинарные – в идеологической), но при этом находятся в постоянном взаимодействии. Более того – только их постоянный диалог обеспечивает устойчивое развитие культуры. Теперь уже не идет речи об однозначно бинарном характере русской культуры, как и об однозначно тернарном характере европейской. Различие между ними заключается лишь в соотношении того и другого. Любое культурное единство, например, русская литература XIX в., описывается Лотманом как диалог бинарных и тернарных структур, и даже творчество отдельно взятого писателя может быть описано аналогичным образом. С этой точки зрения писатели различаются лишь преобладанием той или иной модели в их творчестве. Исходя из этого Лотман то сближает Толстого и Достоевского, то разделяет их.

Когда в конце книги «Культура и взрыв» Лотман призывает перейти на общеевропейскую тернарную систему, речь идет не о том, чтобы отказаться от высоких идеалов бинарных построений Достоевского или Толстого, а о том, чтобы не стремиться автоматически воплотить эти идеалы в жизнь: «Жизнь без Толстого и Достоевского была бы нравственно и духовно бедной, жизнь по Толстому и Достоевскому был бы нереализуема и чудовищна» [Лотман, 2002, с. 45].

На протяжении творческой жизни Лотман много занимался случаями взаимного перехода жизни и искусства и всегда подчеркивал нестираемую границу между ними, нарушение которой губительно и для искусства, и для жизни.

Важно отметить различие в значениях слова «история» в поздних работах Лотмана: это история как процесс и история как наука. Когда он говорит о том, что история вызывает у него ассоциации с художественным текстом, он имеет в виду исторический процесс, а когда пишет: «Если история – это окно в прошлое, то искусство – окно в будущее» [Лотман, 2010, с. 137], то под историей понимается историческая наука. Развивая эту мысль, ученый продолжает: «Если в первом случае прошлое осознается как прямой путь к настоящему (настоящее в такой перспективе выглядит как единственно возможное следствие прошлого), то переход к будущему мыслится как взрыв. Между настоящим и будущим пролегает непредсказуемость. Эта принципиальная асимметрия между прошедшим и будущим делает первое из них областью науки, то есть подразумевает стремление постигнуть

реальность. Будущее же – сфера искусства – создание второго, самодостаточного мира» [Лотман, 2010, с. 137–138].

Образ прошлого, меняющего свой облик, Лотман не считает антинаучным, хотя и подчеркивает, что он ненаучен [Лотман, 1996, с. 385]. Научный и ненаучный подходы к изучению истории объединены не только в их противопоставлении антинаучному походу, представляющему собой фальсификацию, но и неразрывно связаны, так как предполагают друг друга. Примером их органичного соединения может служить книга Лотмана о Карамзине, жанр которой он сам определил как «роман-реконструкцию»: «Итак, роман-реконструкция – особый жанр. Сюжет его создается жизнью и только жизнью. Домысел в нем не может иметь места, а вымысел должен быть строго обоснован научно истолкованным документом. Документальные, имеющие характер разысканий и исследований, главы в нем неизбежны и закономерно чередуются с такими, где анализ должен уступить место воображению. Может быть, лучше всего было бы написать произведения этого жанра в форме диалога между ученым и романистом, попеременно представляя слово то одному, то другому» [Лотман, 1987, с. 13; см. также: Золян, 2016]. Первый выстраивает ретроспективную картину исторических закономерностей. Второй реконструирует ситуацию выбора, в которой находился наблюдатель, оставивший свое описание событий и не знавший еще возможных последствий.

Итак, взгляды на историю романиста и исследователя дополняют друг друга, но при этом они глубоко различны. И это различие сохраняется даже в тех случаях, когда исследователь и романист соединены в одном лице. Более того, оно неизбежно присутствует даже в пределах одного текста. Хорошая научная монография не лишена элементов художественности, а хороший исторический роман всегда несет на себе отпечаток исследования.

Я глубоко убежден, что Лотман мог бы писать исторические романы, не уступая в этом Ю. Н. Тынянову или Умберто Эко. Но этот путь он сознательно закрыл перед собой. И, тем не менее, его поздние работы по истории культуры подверглись сильному воздействию художественного языка, благодаря чему его научная проза получила ту свободу и непредсказуемость, которые свойственны художественному тексту, истории и семиосфере в целом.

Список литературы

Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с фр. Е. М. Лысенко. М. : Наука, 1973. 232 с.

Делюмо Ж. Цивилизация возрождения / пер. с фр. И. Эльфонд. М. : АСТ ; Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 718 с.

Егоров Б. Ф. Три последние книги Ю. М. Лотмана как трилогия-завещание // Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн : TLU Press, 2010. С. 207–221.

Золян С. Т. О непредсказуемости прошлого: Ю. М. Лотман об истории и историках // Случайность и непредсказуемость в истории культуры : материалы Вторых Лотмановских дней в Таллин. ун-те. Таллинн : Изд-во ТЛУ, 2013. С. 31–77.

- Золян С. Т. Роман-реконструкция: сотворение жанра : (О книге Ю. М. Лотмана «Сотворение Карамзина») // Слово.ру: Балтийский акцент. 2016. Т. 7, № 3. С. 74–88.
- Иванов Вяч. Вс. Семиосфера и история // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. VII–XV.
- Ле Гофф Ж. Рождение чистилища / пер. с фр. В. Бабинцева, Т. Краевой. М. : АСТ ; Екатеринбург : У-Фактория, 2009. 542 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. под ред. Вяч. Вс. Иванова. М. : Наука, 1983. 536 с.
- Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987. 336 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки рус. культуры, 1996. 448 с.
- Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство – СПб., 2002. 768 с.
- Лотман Ю. М. Воспитание души : Воспоминания. Интервью. Беседы о русской культуре (телевизионные лекции). СПб. : Искусство – СПб., 2003. 622 с.
- Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн : TLU Press, 2010. 232 с.
- Профессор Лотман задает вопросы // Киноведческие записки. 1991. № 2. С. 99–114.

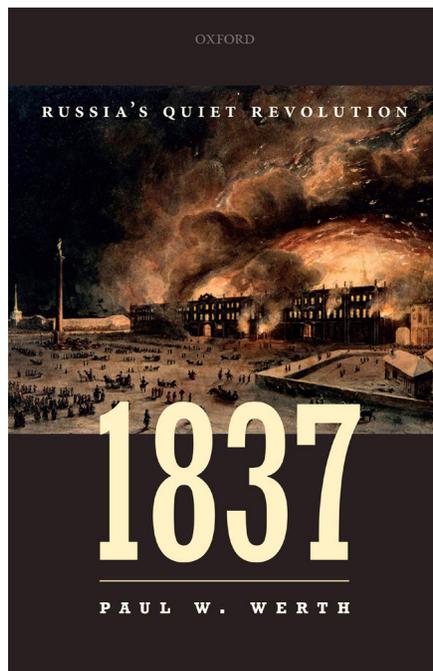
References

- Bloch, M. (1973). *Apologia istorii ili remeslo istorika* [The Apologia of History] / transl. by E. M. Lysenko. Moscow, Nauka. 232 p.
- Delumeau, J. (2008). *Tsivilizatsiya vozrozhdeniya* [Renaissance Civilization] / transl. by I. Elfond. Moscow, AST, Yekaterinburg, U-Faktoriya. 718 p.
- Egorov, B. F. (2010). Tri poslednie knigi Yu. M. Lotmana kak trilogiya-zaveshchanie [The Last Three Books of Y. M. Lotman as a Testament Trilogy]. In Lotman, Yu. M. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury*. Tallinn, TLU Press, pp. 207–221.
- Ivanov, Vyach. Vs. (1996). Semiosfera i istoriya [Semiosphere and History]. In Lotman, Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. VII–XV.
- Le Goff, J. (2009). *Rozhdenie chistilishcha* [The Birth of Purgatory] / transl. by V. Babintsev, T. Kraeva. Moscow, AST, Yekaterinburg, U-Faktoriya. 542 p.
- Lévi-Strauss, C. (1983). *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology] / ed. of transl. by Vyach. Vs. Ivanov. Moscow, Nauka. 536 p.
- Lotman, Yu. M. (1987). *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, Kniga. 336 p.
- Lotman, Yu. M. (1996). *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 448 p.
- Lotman, Yu. M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [The History and Typology of Russian Culture]. St Petersburg, Iskusstvo – SPb. 768 p.
- Lotman, Yu. M. (2003). *Vospitanie dushi. Vospominaniya. Interv'yu. Besedy o russkoi kul'ture (televizionnye leksii)* [Education of the Soul. Memories. Interview. Conversations about Russian Culture (TV Lectures)]. St Petersburg, Iskusstvo – SPb. 622 p.
- Lotman, Yu. M. (2010). *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable Mechanisms of Culture]. Tallinn, TLU Press. 232 p.
- Professor Lotman zadat voпросы [Professor Lotman Asks Questions]. (1991). In *Kinovedcheskie zapiski*. No. 2, pp. 99–114.
- Zolyan, S. T. (2013). O nepredskazuemosti proshlogo: Yu. M. Lotman ob istorii i istorikakh [On the Unpredictability of the Past: Yu. M. Lotman on History and Historians]. In *Sluchainost' i nepredskazuemost' v istorii kul'tury. Materialy Vtorykh Lotmanovskikh dnei v Tallinnskom universitete*. Tallinn, Izdatel'stvo TLU, pp. 31–77.
- Zolyan, S. T. (2016). Roman-rekonstruktsiya: sotvorenie zhanra. (O knige Yu. M. Lotmana “Sotvorenie Karamzina”) [A Reconstruction Novel: The Creation of the Genre. (On Yu. M. Lotman's *The Creation of Karamzin*). In *Slovo.ru. Baltiiskii aktsent*. Vol. 7. No. 3, pp. 74–88.

The article was submitted on 22.01.2021

Controversiae
et recensiones

Controversiae
et recensiones

Фундаментальный образец библиографического перфекционизма*

Рец. на кн.: *Раздорский А. И.* Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916 : сводный каталог. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. – 938, [38] с.

Михаил Курмаев

Самарский государственный институт культуры,
Самара, Россия

A Fundamental Example of Bibliographic Perfectionism

Rev. of: Razdorsky, A. I. (2020). *Pechatnye vsepoddanneishie otchety namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossiiskoi imperii, 1845–1916: svodnyi katalog* [Printed All-Subject Reports of Governors, Governors-General and City Managers of the Russian Empire, 1845–1916: Consolidated Catalogue]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 938, [38] p.

Mikhail Kurmaev

Samara State Institute of Culture,
Samara, Russia

This review summarises the contents of the consolidated catalogue by A. I. Razdorsky which contains printed all-subject reports of governors-general, governors, and city managers of the Russian Empire between 1845 and 1916 (St Petersburg, 2020). The author-compiler of this handbook published by the St Petersburg publisher Dmitry Bulanin describes 2,309 reports, which have had limited circulation and are preserved mainly in the Russian State Historical Archive. The book characterises their content and substantiates their scholarly value as sources of information on the state of various subjects of the Russian Empire. The reports (handwritten, typed, and printed) were official documents that reflected the views of the higher Russian bureaucracy on the processes taking place in the political, economic, and cultural life of the country in the nineteenth

---

* *Citation:* Kurmaev, M. (2022). A Fundamental Example of Bibliographic Perfectionism. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1191–1197. DOI 10.15826/qr.2022.3.723.

Цитирование: Курмаев М. A Fundamental Example of Bibliographic Perfectionism // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1191–1197. DOI 10.15826/qr.2022.3.723 / Курмаев М. Фундаментальный образец библиографического перфекционизма // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1191–1197. DOI 10.15826/qr.2022.3.723.

and early twentieth centuries. The consolidated catalogue is intended as a guide amongst a vast, poorly studied, and highly informative conglomerate of printed reports. The information from these publications needs to be thoroughly analysed and researched at the current stage.

Keywords: consolidated catalogue, historical bibliography, governors' reports, regional history, secret record-keeping in pre-revolutionary Russia

В рецензии представлен обзор содержания сводного каталога А. И. Раздорского, отражающего печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи за период с 1845 по 1916 г. (СПб., 2020). Автор-составитель данного справочника, опубликованного в петербургском издательстве «Дмитрий Буланин», описал 2309 отчетов, имевших ограниченный тираж и сохранившихся преимущественно в фондах РГИА. В книге приводится характеристика их содержания, обоснована их научная ценность как источников информации о состоянии различных субъектов Российской империи. Всеподданнейшие отчеты (рукописные, машинописные и печатные) являлись официальными документами, отражавшими взгляд высшей российской бюрократии на процессы, происходившие в политической, экономической и культурной жизни страны XIX – начала XX в. Сводный каталог призван стать путеводителем среди обширного, малоисследованного и весьма содержательного конгломерата печатных отчетов. Сведения из этих изданий на современном этапе требуют глубокого осмысления и введения в научный оборот.

Ключевые слова: сводный каталог, историческая библиография, отчеты губернаторов, история регионов, секретное делопроизводство в дореволюционной России

В 2020 г. национальный библиографический репертуар пополнился новым фундаментальным справочником, подготовленным ведущим научным сотрудником Российской национальной библиотеки кандидатом исторических наук Алексеем Игоревичем Раздорским. Специалистам хорошо известны предыдущие исследования ученого, выполненные в соавторстве с Н. М. Балацкой [Балацкая, Раздорский, 1994; Балацкая, Раздорский, 2008] и самостоятельно [Раздорский, 1999; Раздорский, 2002; Раздорский, 2007; Раздорский, 2011а; Раздорский, 2011б]. Вне всякого сомнения, сводный каталог «Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916», опубликованный издательством «Дмитрий Буланин», откроет для историков этот содержательный, ранее секретный и очень редкий источник информации, сохранившийся преимущественно в РГИА.

Книга А. И. Раздорского развивает лучшие источниковедческие традиции советской исторической библиографии, заложенные библиографическими указателями, подготовленными группой состави-

телей под редакцией П. А. Зайончковского [История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях; Справочники по истории дореволюционной России]. Многолетний труд ученого был дважды поддержан грантами Российского фонда фундаментальных исследований – сначала на подготовку научной работы, затем на ее публикацию. А. И. Раздорский в полной мере учитывает вклад других библиографов, занимавшихся данной тематикой, прежде всего А. С. Минакова, корректно критикует несовершенство региональных каталогов печатной книги, составители которых не смогли выявить всеподданнейшие отчеты по своим территориям в полном объеме либо ошибочно их атрибутировали как продукцию местных типографий [Раздорский, 2020, с. 9]. В частности, справедливой критике подверглись сводный каталог книжных изданий Самарской губернии [Курмаев, Машенцева] и «Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, 1790–1917 гг.» [Сводный каталог].

Каталог не случайно является сводным – за каждой из 2309 библиографических записей, кроме описания, сделанного *de visu*, и сигл хранения, скрывается скрупулезный сравнительный анализ 5969 отдельных экземпляров, сохранившихся в различных регионах РФ, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья (Финляндия, Литва, Белоруссия, Украина, Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан и Узбекистан). Автор лично обследовал фонды 50 архивов, музеев и библиотек 28 городов. Библиографический задел для исследования был создан еще раньше, в 2002–2011 гг. в результате переписки с 478 учреждениями. Необходимо особо отметить тот факт, что А. И. Раздорский 20 лет параллельно работал над двумя масштабными проектами, пытаясь обобщить информацию о всеподданнейших отчетах и одновременно выявить приложения к ним (обзоры). Сводный каталог, отражающий обзоры губерний, был опубликован в 2011 г., опередив основной на девять лет [Раздорский, 2011b]. Приложения к всеподданнейшим отчетам печатались, как правило, на местах, не содержали секретной информации и благодаря высоким тиражам достаточно хорошо сохранились в фондах научных библиотек.

Внимательный просмотр библиографических записей обнаруживает, что автор-составитель оперирует преимущественно отчетами из трех коллекций научно-справочной библиотеки РГИА: 2342 экземпляра I отделения Собственной его императорского величества канцелярии обозначены сиглой СИК (они находятся в основном читальном зале архива), 1583 экземпляра из коллекции председателя Государственного совета Российской империи Э. В. Фриша – КПЗ, и 1098 экземпляров из собрания II отделения канцелярии Комитета министров фигурируют под аббревиатурой ККМ. Кроме НСБ РГИА, небольшие собрания всеподданнейших отчетов представлены в фондах РНБ, Научной библиотеки ГАРФ, Государственной публичной исторической библиотеки России, Научной библиотеки Института восточных рукописей РАН, Фундаментальной библиотеки Инсти-

тута научной информации по общественным наукам РАН, а также в Национальном архиве Финляндии. Внутри архивных дел издания данного вида встречаются редко.

Всеподданнейшие отчеты были однотипно оформлены, имели номер (номер типографского заказа), индивидуальный номер и одинаковый формат, печатались с использованием особой гарнитуры шрифтов. В примечаниях к библиографическим описаниям А. И. Раздорский указывает инскрипты, обнаруженные в каждом экземпляре. В большинстве случаев на первой странице отчета приводился рукописный «адрес» – титул, инициалы и фамилия чиновника, который должен был его получить для ознакомления, например, «Его пре[восходительству] В. К. Плеве». Начиная с 1890-х гг. эту информацию стали проставлять специальным штампом аналогичного содержания. На страницы некоторых всеподданнейших отчетов с рукописных оригиналов были перенесены маргиналии, оставленные императорами Александром III и Николаем II: резолюции, «высочайшие отметки» и «высочайшие отчерки». Они рассматривались Комитетом министров, о чем свидетельствовали штампы, имевшие типовое содержание: «Объяснения, обратившие на себя высочайшее внимание, заложены; резолюции же его императорского величества будут доложены в заседании комитета». Некоторые экземпляры, судя по штампам, выявленным на их страницах, хранились до 1917 г. в некоторых библиотеках – личных (Н. А. Тройницкого) и специальных (Вольного экономического общества).

Описания всеподданнейших отчетов сгруппированы в сводном каталоге по разделам и подразделам в соответствии с административно-территориальным делением Российской империи (наместничества и генерал-губернаторства, губернии, области и градоначальства). Внутри подразделов материал расположен в хронологической последовательности. Следует отметить, что в трех приложениях к основной части сводного каталога отражены родственные региональные издания: отчеты петербургских и московских обер-полицмейстеров, наказных атаманов казачьих областей и даже отчеты финляндских губернаторов на шведском языке.

Автор не только обозначил особенности всеподданнейших отчетов (формальные и содержательные), обосновал их источниковедческую ценность, но и выяснил происхождение данного вида документов. По сведениям А. И. Раздорского, инициатором подготовки регулярных отчетов по отдельным губерниям стал в 1802 г. министр внутренних дел В. П. Кочубей. Впоследствии необходимость их составления была закреплена законодательно императорами Александром I и Николаем I. В 1870 г. особым положением были регламентированы особые требования к содержанию всеподданнейших отчетов и порядку изложения в них информации в связи с приложениями (обзорами губерний).

В структурном отношении все отчеты составлялись достаточно произвольно. Определенный формуляр (клише), которого бы при-

держивались в большей или меньшей степени все губернаторы, отсутствовал. Специальные разделы, как правило, были посвящены состоянию сельского хозяйства, торговли, промышленности, здравоохранения, народного образования, а также составу, конфессиональной принадлежности и численности населения, деятельности административных учреждений, политических партий и т. д. Особенно важными представляются сведения, поступавшие к губернаторам приграничных регионов от резидентуры, работавшей за рубежом, а также сводки тайной полиции, наблюдавшей за общественными умонастроениями и революционным движением. Именно поэтому всеподданнейшие отчеты распространялись строго внутри ведомства и были доступны только представителям высшей российской бюрократии. Они рассматривались лично императором, а затем становились предметом обсуждения на заседаниях Комитета министров.

До середины 1880-х гг. всеподданнейшие отчеты публиковались крайне редко – А. И. Раздорскому удалось выявить всего 24 отчета, напечатанных на территории Российской империи в обозначенный период. Самый первый из них, вышедший в 1854 г., представлял собой отчет кавказского наместника М. С. Воронцова за 1845 г. Масовая публикация отчетов губернаторов началась после того, как на должность управляющего делами Комитета министров был назначен А. Н. Куломзин. Как правило, они не имели титульного листа, обложки, выходных данных и цензурного разрешения. А. И. Раздорский убедительно доказывает, что абсолютное большинство печатных всеподданнейших отчетов с 1885 г. тиражировали в Санкт-Петербурге на базе Государственной типографии.

Комплекс официальных изданий данного типа, очевидно, требует дальнейших поисков и уточнений. Автор-составитель справедливо признает, что выполненный им труд является лишь первым шагом на пути к созданию исчерпывающего ресурса, отражающего эти редкие и чрезвычайно важные исторические источники [Раздорский, 2020, с. 57]. Не совсем ясно, например, почему не удалось обнаружить отчеты по целому ряду губерний за период Первой русской революции (в частности, за 1905–1906 гг. по Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниям, за 1905 г. – по Казанской губернии). При чем это касается не только печатных изданий, но и рукописей. Возможно, их изъяли в советское время в пользу Музея революции или использовали при подготовке политических процессов 20-х и 30-х гг. XX в., развернутых большевиками против политических оппонентов. На наш взгляд, фонды ГАРФ в процессе составления сводного каталога были изучены недостаточно. По крайней мере, обращение к информационно-поисковой системе фиксирует «Всеподданнейший отчет С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции за 1894 год», в подзаголовке которого присутствует важное уточнение: «брошюра» [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 257]. Ученый приводит описание похожего издания, но без сиглы ГАРФ [Раздорский, 2020, с. 646].

В целом сводный каталог А. И. Раздорского представляется образцовым по глубине, скрупулезности составления, полноте и масштабу проведенного учета. Результат, полученный библиографом, впечатляет – 976 страниц текста, из которого 67 приходится на обстоятельный справочно-поисковый аппарат, включающий три вспомогательных указателя и два реестра. Данное издание не только актуализирует проблему массовой публикации всеподданнейших отчетов и приложений к ним, но и заставляет подумать о возможности создания межархивного справочника, отражающего рукописные и машинописные документы данного типа, сохранившиеся на местах.

Список литературы

Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1836–1917) : предварительный список. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1994. 500 с.

Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи (1833–1917) : свод. каталог-репертуар. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 645 с.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. книг и публикаций в журналах : в 5 т. / науч. рук., ред. и введ. П. А. Зайончковского. М. : Книга, 1976–1989.

Курмаев М. В., Маиенцева Л. П. Самарская книга второй половины XIX – начала XX вв. : свод. каталог-репертуар. Самара : Ас Гард, 2013. 681 с.

Раздорский А. И. Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841–1908) : библиогр. указ. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 92 с.

Раздорский А. И. Справочные издания епархий Русской православной церкви. 1861–1915 : свод. каталог и указ. содержания. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. 567 с.

Раздорский А. И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916) : свод. каталог и указ. содержания. СПб. : РНБ, 2007. 960 с.

Раздорский А. И. Справочные издания епархий Русской православной церкви (1861–1915) : свод. каталог и указ. содержания. 2-е изд., доп. и испр. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011а. 679 с.

Раздорский А. И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов, начальников областей и градоначальников) : 1870–1916 : свод. каталог. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011б. 913, ССХХ с.

Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916 : свод. каталог. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 938, [38] с.

Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги, 1790–1917 гг. : в 3 т. / [отв. сост. Р. Е. Павлова]. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004–2005.

Справочники по истории дореволюционной России : библиогр. указ. 2-е изд., пересмотр. и доп. / [сост. Г. А. Главатских, И. И. Филимонова, К. С. Куйбышева и др.] ; науч. рук., ред. и вступ. ст. П. А. Зайончковского. М. : Книга, 1978. 639 с.

References

Balatskaya, N. M., Razdorskii, A. I. (1994). *Pamyatnye knizhki gubernii i oblastei Rossiiskoi imperii (1836–1917): predvaritel'nyi spisok* [Memorial Books of Provinces and Regions of the Russian Empire (1836–1917): Preliminary List]. St Petersburg, Izdatel'stvo Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. 500 p.

Balatskaya, N. M., Razdorskii, A. I. (2008). *Pamyatnye knizhki gubernii i oblastei Rossiiskoi imperii (1833–1917): svodnyu katalog-repertuar* [Memorial Books of Provinces

and Regions of the Russian Empire (1833–1917): Consolidated Catalogue Repertoire]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 645 p.

Glavatskikh, G. A., Filimonova, I. I., Kuibysheva, K. S., Zaionchkovskii, P. A. et al. (Eds.). (1978). *Spravochniki po istorii dorevolutsionnoi Rossii: bibliograficheskii ukazatel'* [Reference Books on the History of Pre-Revolutionary Russia: Bibliographic Index]. 2nd Ed. Moscow, Kniga. 639 p.

Kurmaev, M. V., Mashentseva, L. P. (2013). *Samarskaya kniga vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.: svodnyi katalog-repertuar* [Samara Book of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Consolidated Catalogue Repertoire]. Samara, As Gard. 681 p.

Pavlova, R. E. (Ed.). (2004–2005). *Svodnyi katalog sibirskoi i dal'nevostochnoi knigi, 1790–1917 gg. v 3 t.* [Consolidated Catalogue of Siberian and Far Eastern Books, 1790–1917. 3 Vols.]. Novosibirsk, Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Sibirskogo otdeleniya RAN.

Razdorskii, A. I. (1999). *Obshchie pechatnye spiski dolzhnostnykh lits gubernii i oblastei Rossiiskoi imperii (1841–1908): bibliograficheskii ukazatel'* [General Printed Lists of Officials of Provinces and Regions of the Russian Empire (1841–1908): Bibliographic Index]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 92 p.

Razdorskii, A. I. (2007). *Istoriko-statisticheskie opisanija eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1848–1916): svodnyi katalog i ukazatel' soderzhaniya* [Historical and Statistical Descriptions of the Dioceses of the Russian Orthodox Church (1848–1916): Consolidated Catalogue and Content Index]. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. 960 p.

Razdorskii, A. I. (2007). *Istoriko-statisticheskie opisanija eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1848–1916): svodnyi katalog i ukazatel' soderzhaniya* [Historical and Statistical Descriptions of the Dioceses of the Russian Orthodox Church (1848–1916). Summary Catalogue and Content Index]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 960 p.

Razdorskii, A. I. (2011a). *Spravochnye izdaniya eparkhii Russkoi pravoslavnoi tserkvi (1861–1915): svodnyi katalog i ukazatel' soderzhaniya* [Reference Publications of the Dioceses of the Russian Orthodox Church (1861–1915). Summary Catalogue and Content Index]. 2nd Ed. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 679 p.

Razdorskii, A. I. (2011b). *Obzory gubernii, oblastei i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii (prilozheniya k vsepoddanneishim otchetam gubernatorov, nachal'nikov oblastei i gradonachal'nikov). 1870–1916. Svodnyi katalog* [Reviews of Provinces, Regions, and City Governments of the Russian Empire (Appendices to the Most Recent Reports of Governors, Regional Heads, and City Managers). 1870–1916. Consolidated Catalog]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 913, CCXIX p.

Razdorskii, A. I. (2020). *Pechatnye vsepoddanneishie otchety namestnikov, general-gubernatorov, gubernatorov i gradonachal'nikov Rossiiskoi imperii, 1845–1916: svodnyi katalog* [Printed All-Public Reports of Governors, Governors-General and City Managers of the Russian Empire, 1845–1916: Consolidated Catalogue]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 938, [38] p.

Zaionchkovskii, P. A. (Ed.). (1976–1989). *Istoriya dorevolutsionnoi Rossii v dnevnikakh i vospominaniyakh: annotirovannyi ukazatel' knig i publikatsii v zhurnalakh v 5 t.* [History of Pre-Revolutionary Russia in Diaries and Memoirs: Annotated Index of Books and Publications in Magazines. 5 Vols.]. Moscow, Kniga.

The article was submitted on 17.09.2021

**“Think More about Camels”,
или Обычный год истории России в необычном ракурсе***

Рец. на: Werth P. W. 1837: Russia’s Quiet Revolution. Oxford :
Oxford Univ. Press, 2021. 213 p.

**Владислав Ившин
Алисе Плате**

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**“Think More about Camels”,
or A Usual Year in the History of Russia Seen from
an Unusual Angle****

Rev. of: Werth, P. W. (2021). *1837: Russia’s Quiet Revolution*.
Oxford, Oxford Univ. Press. 213 p.

**Vladislav Ivshin
Alice Plate**

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The authors review *1837. Russia’s Quiet Revolution*, a monograph by P. Werth published by Oxford University Press in 2021. The book is an attempt to conceptualise the reign of tsar Nicholas I until 1837, the year of a “Quiet Revolution” in the Russian Empire – manifesting itself in a series of sweeping changes leading to the creation of new institutions, concepts, and experiences that finally showed its results in the following periods of Russian history. The author examines ten thematic episodes (historical events) that took place in the Russian Empire during the year 1837 in its broader historical contexts (within the country and beyond its borders), which he united around the common issue

---

* Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020–0056.

** Citation: Ivshin, V., Plate, A. (2022). “Think More about Camels”, or A Usual Year in the History of Russia Seen from an Unusual Angle. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724.

Цитирование: Ivshin V., Plate A. “Think More about Camels”, or A Usual Year in the History of Russia Seen from an Unusual Angle // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724 / Ившин В., Плате А. “Think More about Camels”, или Обычный год истории России в необычном ракурсе // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1198–1212. DOI 10.15826/qr.2022.3.724.

of the formation of the Russian national identity. The book is interesting, on the one hand, as a genuinely scholarly study, which, on the other hand, includes all characteristics typical of popular science in terms of structure and linguistic style. Apart from this, the author's conceptual observations make it possible to take a new look at the well-known events of Russian history during the period of Nicholas I's "minor reforms".

Keywords: Nicholas I, national politics, Russian Empire, reforms, narodnost', revolution

Представлена рецензия на монографию П. Верта *1837. Russian's Quiet Revolution* («1837. Тихая революция в России»), опубликованную в издательстве Оксфордского университета в 2021 г. Книга является попыткой концептуального осмысления николаевского царствования через проходившую в Российской империи в 1837 г. «тихую революцию» – серию широкомасштабных изменений, приведших к появлению новых институтов, концепций и опыта в последующие периоды истории страны. Автор рассматривает десять тематических эпизодов (исторических событий), произошедших в 1837 г. в Российской империи в широких исторических контекстах (внутрироссийских и глобальных), объединенных автором вокруг общей проблематики формирования русской национальной идентичности. Книга интересна тем, что представляет собой научное исследование, выстроенное в структурной и языковой стилистике научно-популярной литературы, а концептуальные наблюдения автора позволяют по-новому взглянуть на известные события российской истории периода «малых реформ» Николая I.

Ключевые слова: Николай I, революция, национальная политика, Российская империя, реформы, народность

Недавно вышедшая монография американского историка Пола Верта «1837. Тихая революция в России» [Werth] является необычной работой – необычайно легкой, но не легкомысленной, заигрывающей с читателем, но не заигравшейся. Необычным оказался выбор темы и для самого П. Верта, уже продолжительно и весьма успешно занимающегося историей религии в Российской империи.

Так называемые *yearbooks* – книги, посвященные исследованию одного отдельно взятого года, отличающегося эпохальностью своих событий, – переживают определенный читательский бум. И таких дат история России знает немало. Главная гипотеза П. Верта заключается в том, что 1837 г. не только был полным знаменательных событий годом, но и оказался «поворотным моментом для перехода империи к модерну» (р. 2)¹. Доказать, насколько правдив данный тезис, является целью рецензируемой книги – преобладающей, но далеко не единственной.

---

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в крулых скобках с указанием страниц. Перевод авторов статьи.

Отправной точкой для П. Верта служит пересмотр правления Николая I, обстоятельно начатый в современной российской историографии И. В. Ружицкой еще в 2005 г. [Ружицкая]. На сегодняшний момент тезис о том, что царствование Николая являлось «периодом консервативного застоя, когда “жандарм Европы” следил за соблюдением порядка, в том числе и за пределами России при одновременном укреплении самодержавной системы внутри страны» (р. 2), сложно назвать новшеством. Современные российские исследователи уже достаточно давно рассматривают период 1825–1855 гг. как время «малых реформ», подготовительный этап для последующей эпохи реформ Александра II. Эта идея находит продолжение в книге П. Верта. Однако в его монографии 1837 г. значим еще больше, выходя далеко за временные рамки самих реформ. Несмотря на то, что выбранный им год не знаменателен громкими историческими событиями, основной тезис, выдвинутый в рецензируемой книге, – 1837 г. был переломным: поразительно многое из того, что происходило, было учреждено, создано, достигнуто или внедрено за этот короткий период, определило судьбу страны после 1917 г., расставив основные вехи для идейного формирования советской эпохи, а также современной России. Ядром, если не первоисточником всех этих кардинальных изменений выступает «исключительный, хотя и малозаметный» 1837 г. Именно этим объясняется заголовок книги. Для П. Верта 1837 г. является годом «тихой революции», определенной как «драматические и широкомасштабные изменения», приведшие к «появлению новых институтов, новых концепций и беспрецедентного опыта». Отталкиваясь от этого постулата (как покажет дальнейший анализ содержания книги), он делит историю России на периоды «до» и «после» указанного рубежа (р. 201–202).

Этот тезис достаточно смелый, и доказывать его справедливость П. Верт стремится не менее смело. Он, как можно было бы ожидать в таких случаях, не вводит в бой тяжелую артиллерию, характерную для фундаментальных научных трудов, например, внушительный научно-справочный аппарат, подтверждающий всю эрудицию автора. Напротив, он подходит к этому вопросу совсем по-другому. Его монография по своему объему, за исключением введения и заключения, состоит из десяти эпизодов (выражаясь авторским языком – «скетчей» (*sketches*), или же в более близком нам варианте – этюдов, зарисовок, очерков), каждый занимает не более 20 страниц; в центре каждого эпизода лежит событие, охватывающее сферы культуры, религии, политики, промышленности, а также имперской и национальной идеи, имевших место если не в 1837 г., то в пределах трех или пяти лет, окружавших эту дату.

Выбранная исследовательская стратегия на первый взгляд поражает. И П. Верт целенаправленно следует ей, стараясь поразить своего читателя. Он призывает читателя не только потребить прочитанную информацию, но занять собственную позицию – быть активным

и, «вежливо наклонив голову набок» или «демонстративно, вызывающе скрестив руки на груди», задать автору интересующие его вопросы, требуя объяснений, «что объединяет эти разрозненные события и процессы, кроме единых хронологических рамок» (р. 1). Его читатели – это не просто слегка размытые фигуры интересующихся историей России XIX в., его целевая аудитория специфична – это его студенты-историки отделения зарубежной русистики (*undergraduate*), студенты-бакалавры самого автора. Именно им П. Верт любезно желает привить интерес к истории России XIX в., именно их он пытается магическим образом очаровать.

Одним из способов «магического очарования» П. Верт выбирает рассказ интересных историй. Поэтому основным критерием отбора представленных в книге сюжетов служил их потенциал для создания хорошей (читай – интересной) истории, которая, «несмотря на все свойственные данной дисциплине концептуальные и методологические инновации, осталась сердцем исторической науки» (р. 4). Все эпизоды объединены вокруг доказательства тезиса о том, что 1837 г. в Российской империи «явился исключительно насыщенным и значимым для русской истории годом и что – несколько преувеличивая – нельзя постичь Россию, не поняв этот год» (Preface). Именно об этих десяти эпизодах и идет речь в основной части книги; эти десять эпизодов оформлены в десять тематических глав, каждая из которых посвящена одному историческому событию, произошедшему в 1837 г. Каждый эпизод структурно состоит из трех вполне традиционных частей: небольшое введение, основная часть, краткое заключение и список использованных источников и литературы.

Тематически первые пять эпизодов связаны, на наш взгляд, общей проблематикой формирования русской национальной идентичности в различных ее вариациях на государственном и общественном уровне. В первом эпизоде («Он пал, оклеветанный слухами») автор рассматривает трагическую гибель А. С. Пушкина на дуэли с Ж. Ш. Дантесом. П. Верт мастерски сплетает исторический контекст гибели поэта в феврале 1837 г. с последующим формированием его культа в России – как признается автор: «Ни одна история России 1837 г. невозможна без рассказа об этом эпизоде» (р. 9). Особый интерес представляет реконструкция автором попыток ближайшего окружения Пушкина вскоре после его смерти политически реабилитировать его в глазах государственной власти, которая воспринимала погибшего поэта не то либералом, не то действительно великим поэтом (р. 18–20). Зарождение его культа автор видит уже в ранние годы после его смерти (р. 17–18, 21–22). Подтверждая тезис, автор погружает смерть поэта, «окутанную романтической интригой» и «ставшую, поэтической темой» (р. 23, 24), в макроисторический контекст позднего романтизма, считая, что уже в траурной процессии были заложены «растущие стремления к национальному самовыражению», а формирование культа отражало «становление русской нации» (р. 23).

Второй эпизод («Жизнь за царя, опера для нации»), продолжает заданную тематику. Эпизод посвящен опере «Жизнь за царя» и ее автору М. И. Глинке, «нашему музыкальному Пушкину» (р. 24). П. Верт отмечает значение для российской культуры оперы, которая стала «основным элементом в разработке патриотического мифа, объединяющего монарха и массы» (р. 28). Лейтмотивом эпизода является исторический фон 1830-х гг. в Российской империи, который автор считает «моментом, когда идеал народности... полностью укоренился в России» (р. 34). Он проецирует сюжет оперы на государственную «идеологическую кампанию по мобилизации национальной идеи как нового источника легитимности династии», организованную в начале 1830-х гг. С. С. Уваровым (р. 35). Тем самым, опера «органично вписывалась в эту кампанию» на фоне относительно недавнего подавления Польского восстания 1830–1831 гг. (р. 36) демонстрацией сюжета «близкой связи между крестьянином и царем» (р. 35). Все это приводит автора к выводу об идеологическом совпадении содержания оперы с запросом общества на «народность», рост российского национального самосознания и поиск новых форм легитимности российской власти в эпоху революций, что сделало оперу «одним из способов формирования русской нации» (р. 38).

В третьем эпизоде – «Философское безумие» – автор обращается к первому «Философическому письму» П. Я. Чаадаева, сыгравшего «центральную роль в развязывании грандиозной дискуссии между западниками и славянофилами о месте России в мире... утверждения идеи “отсталости” России... заложившего риторические и концептуальные основы для всех последующих философий истории в России» (р. 43). Интересна попытка автора проследить эволюцию взглядов Чаадаева от конца 1820-х (написания первого «Философического письма») до начала 1837 г. (публикации письма и написания «Апологии сумасшедшего»), реконструировав «интеллектуальный ландшафт» «зарождающегося славянофильства» (р. 43–50, 53–54). Автор видит основную историческую роль Чаадаева в катализации раскола в российской общественно-политической мысли об «исторической миссии России» (р. 55) и отмечает влияние его идей на А. де Кюстина. Эти сюжеты и выводы сильно перекликаются с монографией польского исследователя российского славянофильства А. Валицкого [Валицкий, с. 140, 142–143, 148–150, 154–156]. На наш взгляд, в первых трех эпизодах П. Верт хронологически продолжает монументальный труд А. Л. Зорина, посвященный анализу идеологических моделей Российской империи и роли в них «поэтических рефлексий» [Зорин]. Однако если монография А. Л. Зорина закачивалась «плотным описанием» «уваровской триады» в первой половине 1830-х гг., то П. Верт успешно проецирует «поэтическую рефлексию» вышеупомянутых героев на материал второй половины 1830-х гг.

В четвертом эпизоде («Во плоти») П. Верт обращается к путешествию цесаревича Александра Николаевича по Российской империи

в 1837 г. Одной из сильных сторон эпизода является включение архивных документов РГИА. Автор на основе путевых заметок свиты цесаревича и его писем воссоздает восприятие Александром населения губерний Российской империи (р. 64–74). К примеру, обращаясь к посещению Александром Казани, П. Верт отмечает «растущее осознание основной российской национальной территории, которая может включать татар» (р. 71). Через губернскую печать автор демонстрирует восприятие цесаревича и его свиты подданными. На основе этого он прослеживает, как формируется «нечто вроде культа» цесаревича (р. 78), отразившегося в том числе в материальной памяти через переименование улиц уездных и губернских городов и памятные предметы (р. 79). Все перечисленное укрепило «династический сценарий» Николая через прямой контакт с подданными, что содействовало «сценарию любви» – всеобщей поддержке власти монарха без проведения конституционных реформ. Похоже, в этом автор придерживается взгляда Ричарда Уортмана о том, что «[Александр Николаевич] был первым русским наследником, воспитанным в убеждении, что одобрение народа является важной моральной основой самодержавного правления» [Wortman, 1995], а сама поездка цесаревича консолидировала подданных во всеобщей поддержке будущего монарха, что способствовало становлению нации (р. 81).

В пятом эпизоде – «Губернии оживленные» – П. Верт более подробно останавливается на развитии российской губернской прессы после 1837 г., и хотя, как признается автор, эти газеты не были чем-то совершенно новым к 1837 г. (р. 87), все же их относительно массовое появление в январе 1838 г. «стало поворотным моментом в истории», давшим населению губерний возможность «участвовать в интеллектуальной жизни, тем самым заложив основы гражданского общества на местном уровне» (р. 85). Под понятием гражданского общества автор подразумевает сотрудничество и сосуществование государства и общества (р. 98). Автор подробно анализирует проблемы, динамику становления и разнонаправленный характер содержания губернских газет (р. 88–89, 89–95), отмечая, что они способствовали осознанию губернской (региональной) идентичности, приведшей к формированию гражданского общества на местном уровне. В то же время губернская печать «отражала и воплощала формирующуюся русскую нацию внутри империи»; ссылаясь на Б. Андерсона, автор подчеркивает, что именно она сыграла решающую роль в формировании национального самосознания, создав «воображаемое сообщество среди определенного круга читателей» (р. 99). Эти выводы автор, вероятно, почерпнул из монографии американской исследовательницы С. Смит-Петер, которая рассматривала формирование гражданского общества в российских губерниях в дореформенный период [Smith-Peter]; к слову, ее монография так и не была переведена на русский язык [см. рец.: Большакова]. Однако выводы П. Верта не столь радикальны, он указывает на ограниченный круг читателей губернской прессы (р. 99), а также

дополняет С. Смит-Петер, вписывая свои выводы в контекст национальной политики Российской империи 1830-х гг.

Оставшиеся пять эпизодов уже не связаны столь жесткой концептуальной рамкой формирования российского национального самосознания – они более разнонаправлены по своему содержанию. Так, шестой эпизод «Попечительство о нуждающихся» знакомит читателей с реформой государственных крестьян в декабре 1837 г. Автор удачно объясняет своей целевой аудитории положение и статус государственных крестьян в Российской империи до реформы (р. 105–106), а также проект и суть реформы (р. 109, 111), иллюстрируя ее последствия сюжетами «картофельных бунтов» конца 1830–1840-х гг. (р. 116–119). Свой вывод автор связывает с появившимся в рамках реформы Министерством государственных имуществ, которое «сформировало новое поколение чиновников», активно участвовавших в проектировании и реализации Великих реформ Александра II (р. 119). Реформа была одной из первых попыток государства решить «крестьянский вопрос» в Российской империи (р. 119–120). И, хотя данный тезис не является чем-то новым для отечественной историографии, в своем повествовании и выводах автор ссылается на крупнейшую работу И. А. Христофорова, посвященную государственной политике в решении «крестьянского вопроса» [Христофоров].

В седьмом эпизоде «Думайте больше о верблюдах» автор впервые за всю книгу обращается к внешнеполитической истории Российской империи, исследуя Хивинский поход 1839–1840 гг., связывая его с изменением «под чувством европейского превосходства» «модели и приоритетов» отношений Российской империи с Центральной Азией во второй половине 1830-х гг. П. Верт рассматривает Хивинский поход в контексте системы международных отношений XIX в., отмечая, что «1830-е гг. характеризовались эскалацией враждебности между Россией... и Великобританией» (р. 137). Этим он включает поход в события «Большой игры» и демонстрирует разрастание русофобии среди британцев (р. 133–137). Автор указывает на ошибки в подготовке к военной кампании и отмечает, что она так и не достигла поставленных целей (р. 137–139). Однако на волне внешней политики Российской империи в 1830-х гг. появившаяся русофобия могла быть активирована «по первому требованию», а «руссофобия поздней холодной войны (1947–1989 гг.) также была «частично сформирована установками девятнадцатого века»» (с. 140). Тезис нам кажется не совсем обоснованным, все же истоки этого явления (применительно к Британии, на основе которой П. Верт делает данный вывод) уходят далеко за XIX в., к XVI–XVII вв. [Лабутина], но никак не к периоду 1830-х гг. Таким же поспешным нам кажется вывод, что кампания 1839–1840 гг. «была первой попыткой», ознаменовавшей «полное участие России в европейском империализме» (с. 140). Верт, как минимум, опирается в тот факт, что Российская империя после Венского

конгресса 1815 г. была одной из великих европейских держав, оставаясь ею вплоть до Крымской войны 1853–1855 гг.

Одним из самых удачных с исследовательской точки зрения является восьмой эпизод «Православие идет на запад» – это в целом традиционная тематика для П. Верта. Эпизод знакомит читателей с деятельностью обер-прокурора Святейшего синода, в чьем ведении с января 1837 г. находилось управление делами греко-католической церкви. Особое внимание автор уделяет предпосылкам и сущности религиозной политики Российской империи 1820–1830-х гг. В центре повествования находятся меморандум епископа И. И. Семашко о воссоединении греко-католической церкви с православной (р. 150–154) и непосредственная реализация этого меморандума в 1837–1839 гг. (р. 154–157). Автор отмечает весьма длительные последствия этих событий, заявляя, что процесс воссоединения продолжался весь XIX в., а в середине XX в. претерпел «кульминацию», «когда сталинский СССР организовал самоуничтожение греко-католической церкви в недавно присоединенной Западной Украине (бывшей Галиции)», и «только распад СССР в 1991 г. позволил частично обратить эти союзы [греко-католической и православной церквей] вспять» (р. 160).

Девятый эпизод («Единорог, жестокий, но покорный») повествует о строительстве в Российской империи первой железной дороги в 1837 г., ставшей «квинтэссенцией XIX в. в России и в основном определивший современную Россию» (р. 163). Здесь интересны два сюжета: пассаж о критике строительства протяженной железной дороги со стороны министерств (р. 167) и реконструкция исследователем восприятия первой железной дороги российскими подданными (р. 169–173). В выводах автор отмечает долгоиграющие последствия «того, что началось в 1837 г.»: к концу XIX в. Российская империя по протяженности железных дорог уступала лишь США, Петербург стал «крупнейшим экспортером зерна», а железные дороги «окончательно создали всероссийский рынок зерновых» (р. 175–176).

Десятый эпизод – «Северный Феникс» – посвящен крупнейшему пожару 17 декабря 1837 г. в Зимнем дворце, в результате которого «главный символ самодержавия» в Российской империи выгорел практически дотла, что создавало легитимности режима «явные опасности», но в то же время «давало возможность прославить мобилизационные способности России» (р. 179). П. Верт пытается осмыслить пожар как культурологическое явление, имевшее символическое значение для российских подданных. Эта проблематика слабо представлена в российской историографии и продолжительно игнорируется российскими исследователями. Невольно здесь появляются параллели с пожаром в Москве 1812 г., который был рассмотрен в схожем культурологическом ключе В. С. Парсамовым [Парсамов, с. 255–264]. Однако П. Верт считает, что пожар в Зимнем дворце «остается уникальным, поскольку уничтожил резиденцию монарха, ключевой символ самодержавия и всей страны» (р. 180). На уровне

культурологической реконструкции восприятия пожара современниками (р. 181–186) автор приходит к выводу, что пожар как подрывал, так и укреплял режим (р. 191). Николай I, будучи весьма «чувствительным к любым потенциальным трещинам в его легитимности», старался ограничить обсуждение пожара и числа погибших в нем даже на уровне его религиозной интерпретации и реконструкции (р. 192–193). Восстановление дворца в том же виде было «утверждением общей символической и эмоциональной вовлеченности народа и императора в концепцию нации» (р. 194).

Одной из главных заслуг книги П. Верта является его внимание к Николаевскому царствованию. Если в российской историографии интерес к данному периоду по-прежнему продолжает быть вполне умеренным, то в зарубежной историографии последними крупными исследованиями (за исключением упомянутого труда С. Смит-Петерс 2018 г.) остаются монографии Б. Линкольна и Р. Уортмана, рассматривавших период «малых реформ» как подготовительный этап Великих реформ [Lincoln; Wortman, 1976]. Этим можно объяснить столь нетипичный выбор темы для самого П. Верта. И хотя автор предусмотрительно остерегся от традиционной критики («специалисты могут не согласиться с упрощениями, призванными сделать текст доступным и кратким», р. 2), все же недостатком монографии является частичное игнорирование автором новейшей российской историографии по ряду вопросов.

К примеру, реконструируя «интеллектуальный ландшафт» произведений Чаадаева, П. Верт не использовал последние исследования М. Велижева, направленные именно на анализ интеллектуальных исторических контекстов философа и поэта [Велижев, 2015; Велижев, 2019]. В четвертом эпизоде, делая вывод о появившемся «сценарии любви» между монархом и народом, П. Верт по каким-то причинам не обращается к истокам «самодержавия любви», которые рассмотрены в обстоятельной статье Д. А. Сдвижкова на примере правления Александра I [Сдвижков]. В этом же эпизоде, на наш взгляд, автор игнорирует крупный пласт российской политической культуры XVIII–XIX вв. – «крестьянский монархизм». Причем эта тема была подробно исследована в советской и современной российской историографии, в частности, К. В. Чистовым [Чистов].

Методологически в первых пяти эпизодах, посвященных формированию русской национальной идентичности, П. Верт следует за Ю. Остерхаммелем и А. И. Миллером, не противопоставляя империю и формирование нации-государства [Osterhammel; Миллер, 2006], а раскрывая их в уже устоявшемся, прежде всего для самого П. Верта, треугольнике «русские – нерусские (неправославные) – государство». Иными словами, П. Верт вплетает формирование русской нации в целенаправленную имперскую политику. И в таком ключе последние пять эпизодов затрагивают одну из сторон этого треугольника, касаясь тематики первых пяти эпизодов. К примеру, эпизоды о Хивинском походе 1839–1840 гг. и о воссоединении с православием

униатской церкви могут рассматриваться как целенаправленные действия государства (империи) по формированию русской национальной идентичности. Точно так же, как строительство первой железной дороги может быть частью интересов империи по строительству нации [Миллер, 2018, с. 21–22]. Учитывая нашу ремарку, надеемся, что перед читателем совсем по-иному заиграет ряд, на первый взгляд, поспешных выводов П. Верта.

Каждый эпизод выстроен по определенной схеме индуктивного подхода. Этому способствуют всегда яркие, остроумные и одновременно глубокие прологи, заголовки глав и вступления к каждой из них, например: «Обычно русские не выражали благодарности за то, что их отправили в Сибирь. Но 3 июня 1837 года наследник престола 19-летний Александр Николаевич написал своему отцу из Тобольска: “благодарность тебе, дорогой папа, за твою мысль послать меня в этот далекий и удивительный край”» (р. 59). «Настоящие Джейн Остен», как справедливо охарактеризовал такие прологи американский историк А. Вайнахт в своем интервью с П. Вертом, прямо затягивают читателя в тему. Завоевав внимание и сердце своего читателя, автор переходит от частного к более общему. В подразделах глав читатель знакомится с историческими контекстами и дополнительными иллюстративными и информационными материалами (рисунками, картами, таблицами), необходимыми не только для полноценного погружения в каждый отдельный сюжет, но и для оценки частных историй применительно к общему контексту книги. В конце каждой главы круг замыкается: в эпилогах П. Верт возвращается к той же истории (частному), с которой он начинал главу.

Каждый сюжет, как мы видели, представляет собой законченную картину – совершенство, которым читатель, в зависимости от своего научного интереса и собственной мотивации, может наслаждаться по отдельности, несколькими из них или же всей книгой. Но взаимосвязь между этими картинами раскроется лишь целеустремленным, добросовестно прочитавшим все десять эпизодов. И такой читатель, как выражается П. Верт, заслуживает большего, чем стандартное заключение или скромный эпилог.

В этом скрывается разрыв с устоявшимся каноном «серьезной» научной литературы: из каких элементов ей состоять и в какой структуре они должны быть представлены. Чуть ли не со школьной скамьи – да, здесь это клише нам кажется уместным – нам внушают, что научное исследование, после того как автор доказал актуальность своей тематики, поставил цели и задачи, должно начинаться с историографического и методологического разделов. П. Верт применяет противоположную стратегию и ставит их в конец книги. Благодаря такому ходу обычно несколько затянутая обязательная вводная часть превращается в настоящую «вишенку на торте», доставшуюся дошедшему до конца книги читателю и, соответственно, желающему узнать, что связывает этот подбор сюжетов с точки зрения исторической науки. В послесловии

автор сначала суммирует поднятые во введении темы, подчеркивает справедливость своей основополагающей идеи, «что 1830-е годы в России являлись поразительным периодом, отличавшимся динамизмом, новаторством и значимостью» (р. 200), повторно объясняет степень влияния рассматриваемого десятилетия на дальнейшее развитие России, чтобы затем, преодолевая рамки национальной истории, вплести этот период в общеевропейский контекст. П. Верт обращает внимание читателя на роль и место, выделенные XIX столетием в моделях периодизации Эрика Хобсбаума, Юргена Остерхаммеля и Холли Кейс – историков разных поколений, научных воззрений и национальностей, но объединенных убеждением, что в 1830-е гг. «Европа изменилась настолько быстро и радикально, что вполне законно говорить о переломном моменте в мировой истории» (р. 200). В заключении, сохраняя верность индуктивному методу, П. Верт опускается с макро- на микро-исторический уровень, сужая масштаб рассмотрения – он, теперь в последний раз, возвращается от общего к частному случаю. Книга заканчивается не иначе как анекдотом.

Как бы там ни было, рецензируемая монография, несомненно, научное исследование, но не в привычном смысле. Можно сказать, П. Верт написал исследование, чтобы обучать исследованию. Такой подход требует от автора упрощения и наглядности при изложении причинно-следственных связей. И все же это упрощение в монографии П. Верта подчас играло с автором злую шутку, одной из которых является пресловутая для книг такого рода телеологичность – слишком высок соблазн, исследуя один «ничем не примечательный» год, видеть в нем череду целенаправленных процессов, повлиявших на далекую историческую перспективу. С тем же успехом за основу можно было взять другие важные даты истории России: 988 г. или же 1223 г. и т. д. И, как иногда делает автор, увидеть в них целенаправленные процессы, повлиявшие на советскую и постсоветскую историю.

Однако подобную телеологичность в книге П. Верта можно объяснить его желанием призвать к диалогу свою целевую аудиторию и доказать ей, насколько события 1830-х гг. не были изолированы от мировой истории. И хотя, на первый взгляд, П. Верт пытается застраховать себя от потенциальных дискуссий, он делает это не потому, что такие замечания будут малопродуктивны для автора, а скорее потому, что они не будут способствовать коммуникации между читателем и автором. Диалог является одним из важнейших лейтмотивов монографии на всем ее протяжении – автор буквально стремится вступить в беседу с целевой аудиторией, побудить ее к самостоятельным исследованиям. Задавая суггестивные вопросы своему читателю, П. Верт, как хороший учитель, сопровождает его на каждой странице, отправляя к неизведанным (для него) землям, предлагая стать на какое-то время первооткрывателем истории Российской империи XIX в. Монография П. Верта создавалась, чтобы открыть перед будущим специалистом зарубежной русистики не череду оторванных друг

от друга исторических событий, а их тесную взаимосвязь, предложив таким образом не «изолированную историю 1837 года», а «1837 год в истории» (р. 2). Иными словами, П. Верт стремится научить исследовательскому мышлению.

Эта книга необычайно легка, но ничего случайного в ней нет. Она долго создавалась, и, работая над текстом, автор подстраховался, представив проекты и идеи отдельных эпизодов потенциальной аудитории – не только в США, но также в Германии, а затем и в России, чтобы прощупать настроения, проверить, как нестандартный исследовательский проект зарубежного русиста встретят специалисты по истории России – будущие и уже состоявшиеся. Однако, как мы предполагаем, у книги существует еще одна целевая аудитория, и ее оценка для П. Верта не менее важна. Конечно, это лишь наши домыслы, но не скрывается ли под покровом научного исследования вопрос совершенно иного, дидактического порядка: как на самом деле следует преподавать историю? Индуктивно или дедуктивно? Традиционно, со всей серьезностью научности и академичности? Или же можно исследовать достаточно серьезные явления и процессы, технические достижения, административные реформы и победоносные сражения – в целом историю государства – с легкостью, заигрывая, а зачастую иронизируя? Допустимо ли опускаться до уровня молодого поколения, завоевывать его внимание несколько фривольными высказываниями вроде такого: «Большинство людей сочло бы удивительным, даже невозможным, чтобы свинья рожала щенков. Однако именно это и произошло в 1839 году» (р. 85)? П. Верт, на наш взгляд, ждет от коллег по цеху ответа на вопрос: «можно ли научить научпопом?»

Оговоримся, что монография П. Верта не является ни учебным, ни методическим пособием к написанию исследований. Она не содержит ни списка литературы, рекомендуемой для дополнительного чтения, ни глоссария, ни определений каких-то понятий и других атрибутов, характерных для учебной литературы. Но, вопреки всему этому, книга вполне может быть признана «кратким курсом», предложением читателю сознательно заниматься самообразованием. Этим ходом П. Верт стремится заинтриговать свою целевую аудиторию – студентов-бакалавров, интересующихся историей России и стремящихся расширить свой кругозор. Книга, однако, обращается еще к одной, не менее важной для автора целевой аудитории состоявшихся историков-ученых, несущих ответственность за образовательный процесс. Автор хочет спровоцировать и порой, как мы предполагаем, слегка шокировать, дабы установить контакт и оживить научный дискурс. От коллег П. Верт желает узнать, имеет ли его концепция право на существование или же она является лишь несколько самодовольным проектом американского ученого-эксцентрика. И, чтобы услышать их мнение, он готов рисковать своей репутацией: нарочно доводя до абсурда обоснование актуальности, важный момент любого научного труда, он завершает его предложением: «когда я осознал,

что и мой родной город Чикаго, и моя альма-матер (Нокс-колледж) были основаны в 1837 году, я понял, что судьба пинком подтолкнула меня к продолжению проекта» (Preface).

Вернемся к вопросу о преподавании через научно-популярный подход. На наш взгляд, вызов *Think more about camels* вполне функционирует, но сработает ли «Думай больше о верблюдах» в российской исторической науке, покажет только перевод книги на русский язык. У истории России XVIII в. консолидированное исследовательское сообщество. Однако интерес к этому периоду – не в последнюю очередь заслуга видных исследователей-популяризаторов, к примеру, Е. В. Анисимова и А. Б. Каменского. Что касается в целом XIX в. – эта ниша сегодня свободна. И это еще одна причина того, почему рецензенты с нетерпением ждут перевода новой монографии Пола Верта на русский язык.

Список литературы

Большакова О. В. Рец. на кн.: Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia*. Leiden ; Boston : Brill, 2018. XIV, 328 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. 2021. № 2. С. 61–67. DOI 10.31249/rhist/2021.02.02.

Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 704 с.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: первое «Философическое письмо» Чаадаева // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 101–118.

Велижев М. Мишель Фуко, Петр Чаадаев и история безумия в России // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. С. 153–168.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.

Лабутина Т. В. Русофобия англичан в XVI – первой трети XVIII вв.: источники, причины, исследования // История : [электрон. науч.-образоват. журн.]. 2019. Т. 10, вып. 12 (86). DOI 10.18254/S207987840008204-3. URL: <https://history.jes.su/s207987840008204-3-1/> (дата обращения: 18.04.2022).

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 248 с.

Миллер А. И. Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Российская история. 2018. № 3. С. 19–25.

Парсамов В. С. На путях к Священному союзу: идея войны и мира в России начала XIX века. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. 407 с.

Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М. : ИРИ РАН, 2005. 315 с.

Сдвижков Д. Самодержавие любви: 1812 год как роман // Отечественные записки : [сайт]. 2014. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html> (дата обращения: 10.04.2022).

Христоворов И. А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.) : дис. ... докт. ист. наук. М. : [Б. и.], 2013. 641 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия: (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 538 с.

Lincoln B. In the Vanguard of Reforms: Russian “Enlightened Bureaucrats”, 1825–1861. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1982. 319 p.

Osterhammel J. *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts.* München : C. H. Beck, 2009. 1568 S.

Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia.* Leiden ; Boston : Brill, 2018. 328 p.

Werth P. W. *1837: Russia's Quiet Revolution.* Oxford : Oxford Univ. Press, 2021. 213 p.

Wortman R. *The Development of Russian Legal Consciousness.* Chicago : Univ. of Chicago Press, 1976. 360 p.

Wortman R. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy : 2 vols.* Princeton : Princeton Univ. Press, 1995. Vol. 1. 469 p.

References

Bolshakova, O. V. (2021). Rev. of: Smith-Peter S. *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia.* Leiden ; Boston : Brill, 2018. XIV, 328 p. In *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature. Seriya 5: Istoriya.* No. 2, pp. 61–67. DOI 10.31249/rhist/2021.02.02.

Chistov, K. V. (2003). *Russkaya narodnaya utopiya: (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)* [Russian Popular Utopia: (The Genesis and Functions of Socio-Utopian Legends)]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 538 p.

Khristoforov, I. A. (2007). *Pravitel'stvennaya politika i "krest'yanskii vopros" do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – nachalo 1890-kh gg.)* [Government Policy and the "Peasant Question" before and after the Abolition of Serfdom (1830s – Early 1890s)]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Moscow, S. n. 641 p.

Labutina, T. V. (2019). *Rusofobiya anglichan v XVI – pervoi treti XVIII vv.: istochniki, prichiny, issledovaniya* [English Russophobia between the 16th and the First Third of the 18th Centuries: Sources, Reasons, Research]. In *Istoriya* [Electronic Scholarly and Educational Journal]. Vol. 10. Iss. 12 (86). DOI 10.18254/S207987840008204-3. URL: <https://history.jes.su/s207987840008204-3-1/> (accessed: 10.04.2022).

Lincoln, B. (1982). *In the Vanguard of Reforms: Russian "Enlightened Bureaucrats", 1825–1861.* DeKalb, Northern Illinois Univ. Press. 319 p.

Miller, A. I. (2006). *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism. Essays in the Methodology of Historical Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 248 p.

Miller, A. I. (2018). *Gde i kakuyu modernizatsiyu stoit iskat' v istorii Rossii?* [What Kind of Modernisation Should We Look for in Russian History?]. In *Rossiiskaya istoriya.* No. 3, pp. 19–25.

Osterhammel, J. (2009). *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts.* München, C. H. Beck. 1568 S.

Parsamov, V. S. (2020). *Na putyakh k Svyashchennomu soyuzu: ideya voyny i mira v Rossii nachala XIX veka* [On the Way to the Holy Alliance: The Idea of War and Peace in Russia in the Early 19th Century]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 407 p.

Ruzhitskaya, I. V. (2005). *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative Activity in the Reign of Emperor Nicholas I]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN. 315 p.

Sdvizhkov, D. A. (2014). *Samoderzhavie lyubvi: 1812 god kak roman* [The Autocracy of Love: 1812 as a Novel]. In *Otechestvennye zapiski.* No. 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/6/samoderzhavie-lyubvi-1812-god-kak-roman.html> (accessed: 10.04.2022).

Smith-Peter, S. (2018). *Imagining Russian Regions: Subnational Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia.* Leiden, Boston, Brill. 328 p.

Valitsky, A. (2019). *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the Circle of Conservative Utopia. The Structure and Metamorphosis of Russian Slavophilism] / transl. by K. Dushenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 704 p.

Velizhev, M. (2015). Yazyk i kontekst v russkoi intellektual'noi istorii: pervoe "Filosoficheskoe pis'mo" Chaadaeva [Language and Context in Russian Intellectual History: Chaadayev's First Philosophical Letter]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5, pp. 101–118.

Velizhev, M. (2019). Mishel' Fuko, Petr Chaadaev i istoriya bezumiya v Rossii [Michel Foucault, Peter Chaadayev and the History of Madness in Russia]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1, pp. 153–168.

Werth, P. W. (2021). *1837: Russia's Quiet Revolution*. Oxford, Oxford Univ. Press. 213 p.

Wortman, R. (1995). *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 Vols.* Princeton, Princeton Univ. Press. Vol. 1. 469 p.

Wortman, R. (1976). *The Development of Russian Legal Consciousness*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 360 p.

Zorin, A. L. (2001). *Kormya dvuglavogo orla... Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v poslednei treti XVIII – pervoi treti XIX veka* [Feeding the Two-Headed Eagle... Literature and State Ideology of Russia in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Centuries]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 416 p.

The article was submitted on 03.06.2022

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Андреев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

ORCID 0000-0001-7075-6637

andreev-goetting@yandex.ru

Андреева Татьяна Васильевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0002-6941-1639

ta.a.andreeva2014@ya.ru

Бахарев Дмитрий Сергеевич, младший научный сотрудник, лаборатория «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-5654-0685

dmitry.s.bakharev@gmail.com

Белан Михаил Александрович, кандидат исторических наук, докторант, Оксфордский университет.

OX1 2JD, Великобритания, Оксфорд.

ORCID 0000-0002-9899-1089

mikhailbelan@mail.ru

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-4596-8854

k.d.bugrov@gmail.com

Волхонский Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0001-6189-734X

vollhonskyma@yandex.ru

Главатцкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-7013-5013

elena.glavatskaya@urfu.ru

Дмитриев Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доцент, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1.
ORCID 0000-0001-9211-0407
a.dmitriev6@g.nsu.ru

Захаров Андрей Викторович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых гуманитарных исследований, Челябинский государственный университет. 454001, Россия, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
ORCID 0000-0002-7827-8585
elural@yandex.ru

Ившин Владислав Сергеевич, ассистент-исследователь, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-4693-1922
v.s.ivshin96@gmail.com

Калиновский Владимир Витальевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0002-8521-167X
v.kalinovskiy@yandex.ru

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, заведующий отделом специальных исторических дисциплин, Институт всеобщей истории РАН. 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
ORCID 0000-0002-7093-6045
irina_konovalova@mail.ru

Кравчук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова. 295000, Россия, Республика Крым, Симферополь, пер. Учебный, 8.
ORCID 0000-0001-8272-590X
alexkravchuk7@gmail.com

Курмаев Михаил Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Самарский государственный институт культуры. 443010, Россия, Самара, ул. Фрунзе, 167.
ORCID 0000-0002-8035-8576
mkurmaev@yandex.ru

Парсамов Вадим Суменович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-2976-2194
parsamovvs@gmail.com

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

ORCID 0000-0002-0789-6781

beionyt@mail.ru

Петрухинцев Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Липецкий филиал).

398050, Россия, Липецк, ул. Интернациональная, 3.

nicpetrukhintsev@yandex.ru

Плате Алисе, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-0055-2385

aliceplate@mail.ru

Пянкевич Владимир Леонидович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7.

ORCID 0000-0001-8977-099X

v.pyankevich@spbu.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3431-1662

landrat14@mail.ru

Самыловская Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, ассистент, Санкт-Петербургский горный университет; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет.

199106, Россия, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

ORCID 0000-0001-7115-0493

katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Сафронова Алевтина Михайловна, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-4692-3025

alevtina.safronova@gmail.com

Тимофеев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, заведующий центром социальной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-6578-8762

dmitrtim@yandex.ru

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

ORCID 0000-0003-0708-0018

khoruzhenko1@yandex.ru

Шилов Денис Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Российская национальная библиотека.

191069, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18.

ORCID 0000-0002-4766-8206

shildn@mail.ru

Янссон Майя, PhD, почетный директор Йельского центра парламентской истории, Йельский университет.

СТ 06520, США, Нью-Хейвен.

maiya.jansson@yale.edu

Andreev Andrey, Dr. Hab. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University.

1, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-7075-6637

andreev-goetting@yandex.ru

Andreeva Tatiana, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6941-1639

ta.a.andreeva2014@ya.ru

Bakharev Dmitry, Junior Researcher, International Demographic Unit, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-5654-0685

dmitry.s.bakharev@gmail.com

Belan Mikhail, PhD (History), Dr Student, Oxford University.

Oxford, OX1 2JD, UK.

ORCID 0000-0002-9899-1089

mikhailbelan@mail.ru

Bugrov Konstantin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4596-8854

k.d.bugrov@gmail.com

Dmitriev Andrey, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Novosibirsk National Research State University.

1, Pirogov Str., 630090, Novosibirsk, Russia.

ORCID 0000-0001-9211-0407

a.dmitriev6@g.nsu.ru

Glavatskaya Elena, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7013-5013

elena.glavatskaya@urfu.ru

Ivshin Vladislav, Assistant Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4693-1922

v.s.ivshin96@gmail.com

Jansson Maija, PhD, Director Emerita of the Yale Center for Parliamentary History, Yale University.

New Haven, CT 06520, USA.

maija.jansson@yale.edu

Kalinovsky Vladimir, PhD (History), Associate Professor, St Petersburg State University.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-8521-167X

v.kalinovskyi@yandex.ru

Khoruzhenko Oleg, PhD (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

19, Dmitry Ulyanov Str., 117292, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0003-0708-0018

khoruzhenko1@yandex.ru

Konovalova Irina, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Auxiliary Historical Disciplines, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-7093-6045

irina_konovalova@mail.ru

Kravchuk Alexandr, PhD (History), Associate Professor, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University,
8, Uchebny Lane, 295000, Simferopol, Republic of Crimea, Russia.
ORCID 0000-0001-8272-590X
alexkravchuk7@gmail.com

Kurmaev Mikhail, Dr. Hab. (History), Professor, Samara State Institute of Culture.
167, Frunze Str., 443010, Samara, Russia.
ORCID 0000-0002-8035-8576
mkurmaev@yandex.ru

Parsamov Vadim, Dr. Hab. (History), Chief Researcher, Professor, HSE University.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-2976-2194
parsamovvs@gmail.com

Petrova Maya, Dr. Hab. (History), Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0002-0789-6781
beionyt@mail.ru

Petrukhintsev Nikolay, Dr. Hab. (History), Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Lipetsk Branch).
3, Internatsionalnaya Str., 398050, Lipetsk, Russia.
nicpetrukhintsev@yandex.ru

Piankevich Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University; Leading Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-8977-099X
v.piankevich@spbu.ru

Plate Alice, PhD (History), Research Fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0003-0055-2385
aliceplate@mail.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Deputy Chief Editor of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-3431-1662
landrat14@mail.ru

Safronova Alevtina, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4692-3025

alevtina.safronova@gmail.com

Samylovskaya Ekaterina, PhD (History), Assistant, St Petersburg Mining University; Senior Researcher, St Petersburg State University.

2, 21 Line, Vasilevskiy Island, 199106, St Petersburg, Russia.

7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-7115-0493

katerina-samylovskaya88@yandex.ru

Shilov Denis, PhD (History), Senior Researcher, National Library of Russia.

18, Sadovaya Str., 191069, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0002-4766-8206

shildn@mail.ru

Timofeev Dmitry, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Social History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

16, S. Kovalevskaya Str., 620990, Yekaterinburg, Russia.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-6578-8762

dmitrtim@yandex.ru

Volkhonsky Mikhail, PhD (History), Senior Researcher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-6189-734X

volhonskyma@yandex.ru

Zakharov Andrey, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Digital Humanities Laboratory, Chelyabinsk State University.

129, Bratyev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0002-7827-8585

elural@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН
Arkhirv SPbII RAN – Arkhirv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN

ГАРК – Государственный архив Республики Крым
GARС – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti

ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории
LOII – Leningradskoe otdelenie Instituta istorii

МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
MGAMID – Moskovskii glavnyi arkhiv Ministerstva inostrannykh del

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skii otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
OPI GIM – Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya

ОР ГИМ – Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея
OR GIM – Otdel rukopisei i staropechatnykh knig Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

Abbreviations

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией

RIB – Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei

СГТИД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел

SGGiD – Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del

СИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества

SIRIO – Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva

ЦГА г. Москвы – Центральный государственный архив города Москвы

TsGA g. Moskvу – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvу

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

TsGIA SPb – Tsentral’nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии

TsIAG – Tsentral’nyi istoricheskii arkhiv Gruzii

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ChO IDR – Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete

EEBO – Early English Books Online

ESTC – English Short Title Catalogue

LVVA – Latvijas Valsts vēstures arhīvs

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 10, 2022, № 3

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 21.08.2022. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 36,9. Усл. печ. л. 34,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 148.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru